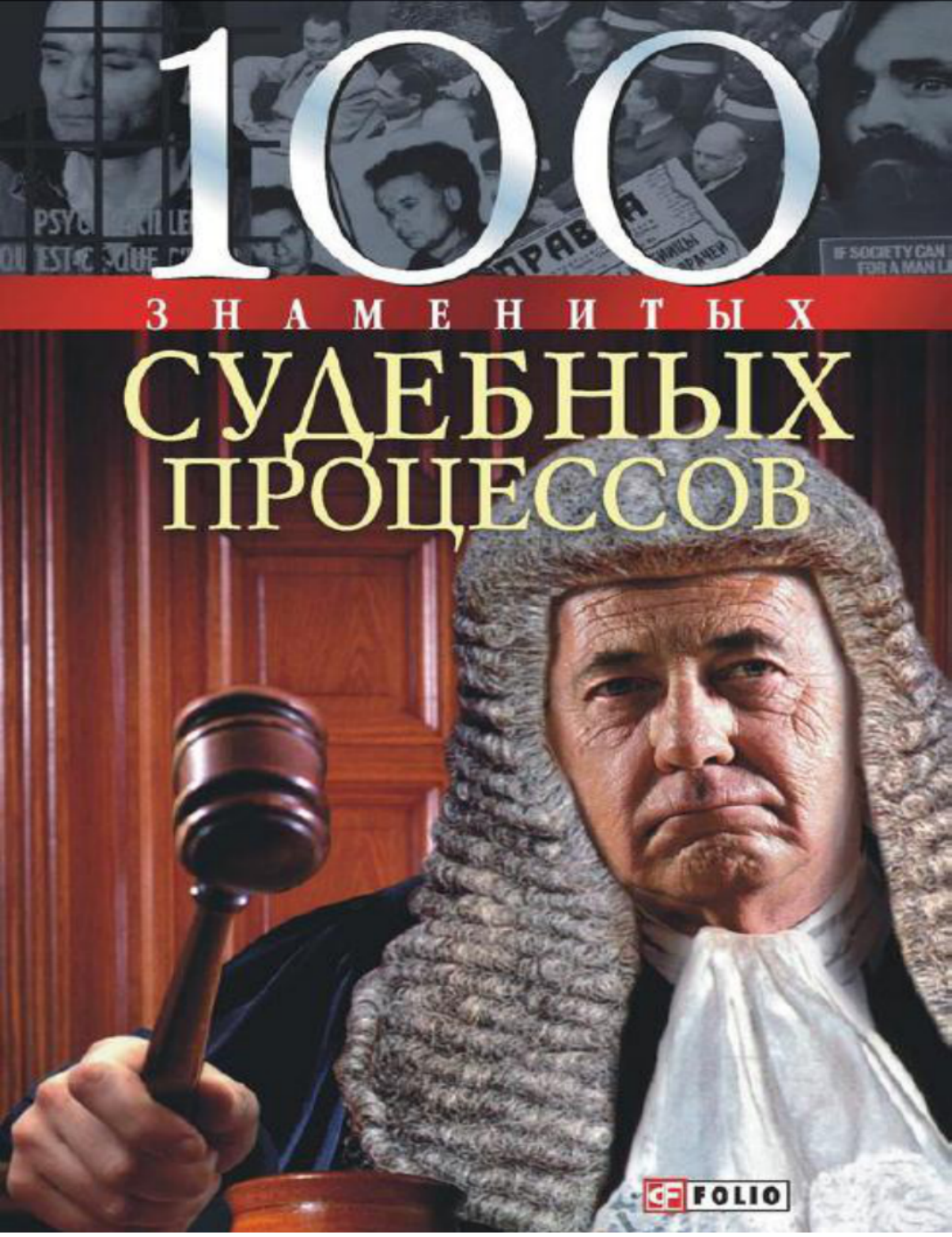
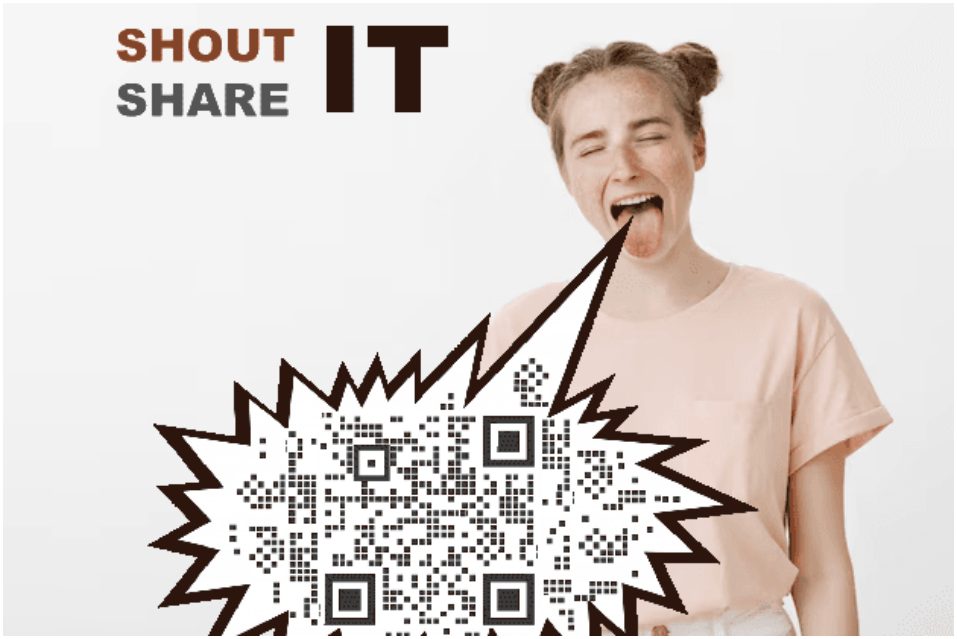
100 ЗНАМЕНИТЫХ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ



FOLIO


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В этой книге вы узнаете о самых знаменитых судебных процессах. От тамплиеров и до Садама Хусейна от террористов до секты «АУМ Синрекё». Эти процессы до сих пор у всех на слуху.

- Валентина Валентиновна Мирошникова, Мария Александровна Панкова, Яна Александровна Батий, Валентина Марковна Скляренко
  - Правосудие во имя политики
    - Процесс тамплиеров: мифы и факты
    - Королевская кровь на плахе: первый опыт суда и следствия
    - Дело о «Пороховом заговоре»
    - Николя Фуке — жертва «Короля-солнце»
    - Первый в истории нации суд над короной
    - Жизнь и смерть на благо Отечества…
    - «заговор идей», или «Суд над намерениями»
    - «Дело 193-х», или «Большой процесс»
  - Убийство Авраама Линкольна
  - Дело Дрейфуса
  - Процесс над Николло Сакко и Бартоломео Ванцетти
  - Лейпцигский Процесс, или Дело о поджоге рейхстага
  - «Процесс 16-ти»
  - Шахтинское дело
  - «Дело врачей»
  - Дело Зорге
  - Суд истории
  - Процесс по делу Розенбергов
  - «Процесс 12-ти», или Охота на ведьм
  - Враг Великобритании «лорд Гав-Гав»
  - Суд над Эйхманом
  - Процесс над Рудольфом Абелем
  - Олег Пеньковский: «супершпион» трех разведок или «Пешка» в игре советских спецслужб?
  - Убийство Махатмы Ганди
  - Преступление века
  - Убийство Мартина Лютера Кинга
  - Процесс над Синявским и Даниэлем: расплата за инакомыслие
  - Суд над Иосифом Бродским
  - Василь Стус. Плата за слово
  - Игорь Александров. Расправа над журналистом

- За сроком давности…
- На скамье подсудимых — ученые-изменники
- Убийство депутата
- Всеукраинский детектив, или Дело об убийстве Георгия Гонгадзе
- Процесс над Саддамом Хусейном
- На скамье подсудимых — террористы
- Суд, которого не было
- Дело Мехмеда Али Агджи
- Убийство Ицхака Рабина
- Процесс Красного Шакала Санчеса Ильича Рамиреса
- Один за всех…
- В лабиринтах финансовых махинаций
  - Предприятие «Аттила», или Сказка о человеческой глупости
  - Дело короля фальшивомонетчиков Чеслава Боярского
  - «Елисеевское дело» — борьба с коррупцией или Политический заказ?
  - От «узбекского» дела к «московскому»
  - Семейная «пирамида» Мавроди, или «МММ»
  - Узаконенные аферы господина Флика
  - Процесс по делу Валерия Малышева
  - «Золотые Андрей, Давид и Ашот», или Как украсть 180 миллионов долларов
  - Государство против олигарха
  - Дело Павла Лазаренко
- Возмездие за злодеяния
  - Елизавета (Эржбета) Батори: дьявол в юбке
  - Дело Жана Каласа
  - Запутанное дело с ожерельем Марии Антуанетты
  - Дело Марии Лафарг, или Триумф токсикологии
  - Дело супругов де Бокармэ
  - Процесс над убийцами из Дептфорда: торжество дактилоскопии
  - Дело женоубийцы Харви Криппена
  - Дело Жанны Вебер, или Роковая ошибка судебных медиков
  - Дело «об убиении французской подданной Луизы Симон-Дюманш»
  - Три процесса «черной вдовы из Лудена»
  - Дело библиофила-убийцы
  - Дело анархиста-оборотня Равашоля
  - Государственный преступник США № 1

- Дело о похищении Линдберга-младшего
- Япончик — легендарный «король» преступного мира
- Нераскрытое убийство Белокурой Розмари
- Кровавая тайна дома на Риллингтон-Плейс, 10

- Герой тюремного романа
- Безвинно осужденные, или Долгий путь к возмездию
- Российские «фантомасы», или Дело братьев Толстопятовых
- Процесс над Анатолием Оноприенко
- Кровавые злодеяния Чикатило
- Охота на иркутского монстра
- Сочинская трагедия, или Красавица и чудовище
- Дело Анатолия Анютина
- Скниловская трагедия
- Дело Лукаса Генри Ли
- Педро Алонсо Лопес (Монстр Анд)
- Доктор смерть
- Русский каннибал
- Процесс врачей из Макеевки: торговля младенцами или акт милосердия?
- Процесс над бандой братьев Мурашовых
- Зловещий убийца с Грин-Ривер
- Рожден, чтоб адом сделать жизнь
- «Юношеский максимализм» ли?
- Поправшие законы морали и нравственности
  - «Его душа — Заплеванный Грааль»
  - Самый гнусный ублюдок в истории рока
- Судебные процессы Майкла Джексона
- Осужденные за веру и… безверие
  - «Мы должны Асклепию петуха.»
  - Суд, породивший цивилизацию
  - Святая или колдунья? (Процесс над Жанной д’Арк)
  - Жиль де Рэ — чудовище с маршальским жезлом?
  - Три процесса по делу о мултанском жертвоприношении
  - Дело секты «Дети Бога»
  - Чарлз Мэнсон — «Иисус-сатана»
  - Дело «людей в черном»
  - Уэльский вампир-убийца
  - Супруги-вампиры из Германии
  - Птенцы Сёко Асахары, или Конец секты «Аум Синрикё»

- notes
  - 1

Валентина Валентиновна Мирошникова, Мария Александровна Панкова, Яна Александровна Батий, Валентина Марковна Скляренко
100 знаменитых судебных процессов

Правосудие во имя политики

Процесс тамплиеров: мифы и факты

Едва ли не самым громким процессом средневековья было дело тамплиеров — духовно-рыцарского ордена Храма Соломона. Со временем события, связанные с ним, обросли множеством легенд. Эти легенды стали широко использовать в произведениях так называемой массовой культуры. Наиболее полное отражение они нашли в знаменитых романах Дэна Брауна «Ангелы и демоны» и «Код да Винчи». Однако реальные факты, связанные с процессом, да и с самими тамплиерами, очень далеки от того, какими их пытаются изобразить не только писатели, кинематографисты и поклонники тайных знаний, но и некоторые ученые.

Казнь Жака де Моле

С процессом тамплиеров связано прежде всего знаменитое «проклятие тамплиеров». Вот суть этого мифа. Во время казни приговоренный к сожжению великий магистр ордена Жак де Моле будто бы проклял короля Франции Филиппа IV Красивого и папу Климента V, виновных в его осуждении. Проклятие не замедлило сбыться. Уже через несколько месяцев и папа, и король скончались.

Если верить второму мифу, то инквизиция имела полное основание осудить тамплиеров. Ведь они оказались чернокнижниками, поклонялись дьяволу, владели секретом философского камня и другими тайными искусствами.

Миф третий, напротив, утверждает, что тамплиеры не были еретиками и обрели огромное могущество благодаря тому, что завладели таинственным Граалем — чашей с кровью распятого Иисуса Христа (Граалем называли чашу для причащения, которая служила Христу и апостолам во время Тайной вечери).

Наконец, четвертый миф утверждает, что тамплиеры не были уничтожены, что они до сих пор играют важную роль в современных политических событиях, как правило, негативную.

Тем не менее сохранившиеся документы позволяют судить об истории тамплиеров и их процессе более прозаически. В то же время они дают яркую картину судопроизводства того времени, куда более интересную, чем романтические фантазии Нового времени.

Орден тамплиеров (храмовников) был основан в 1118 году рыцарем из Шампани Гуго де Пайеном. Знаменательно, что с французского его имя переводится как «язычник». Вначале вокруг него объединились всего девять рыцарей, которые дали обет бедности, целомудрия и послушания. Девять лет они охраняли паломников на пути к святым местам, питаясь подаянием.

Слава о рыцарях быстро дошла до завоевателя Иерусалима, короля Иерусалимского Болдуина II и аббата из Клерво, более известного как святой Бернар. Король пожаловал рыцарям кое-какую собственность, а аббат призвал Папу Римского собрать собор для официального признания ордена.

14 января 1128 года в Труа прибыли два архиепископа, десять епископов, семь аббатов и множество других духовных лиц. Одобряли создание ордена папа Гонорий и патриарх Иерусалимский Стефан. Их стараниями Гуго де Пайен и его последователи обрели устав, написанный Бернаром Клервосским, и получили право на ношение белой одежды с красным крестом — символов невинности и мученичества.

Король Болдуин подарил рыцарям дом, построенный, по преданию, на месте Иерусалимского храма, возведенного царем Соломоном. На этом месте они со временем построили здание ордена — тампль (храм). Отсюда и название — тамплиеры, то есть храмовники. Орден был не только монашеской, но и военной организацией. Его основу составляли рыцари-монахи. Но в орден принимали и светских лиц. Как правило, они служили конюшими и сержантами.

Со временем орден разросся. Крестовые походы,

многочисленные пожертвования и привилегии сделали его одним из самых богатых духовных учреждений того времени. Тамплиеры первыми освоили банковские услуги, изобрели систему банковских чеков, что сделало их еще богаче и усилило их политическое влияние.

Богатства ордена вызывало зависть как у власть имущих, так и у простого народа. Неприязнь к храмовникам усиливала и их подчеркнутая отчужденность от всех, кто не принадлежал к ордену. Даже во время встречи караванов паломников они старались не общаться с теми, кого были призваны охранять. Кроме того, ходили слухи о связях тамплиеров с сарацинами, их тайном участии в мусульманских ритуалах. Недоверие вызывала и таинственность, которой храмовники окружали свои церемонии. Все это сказалось на судьбе ордена самым трагическим образом.

В 1291 году мусульмане взяли последний оплот крестоносцев в Палестине — Акру. Орден переместился сначала на остров Родос, а потом во многие страны Европы и быстро создал там некое подобие международного государства, которое не знало границ. Скрупулезная честность в делах и прекрасно организованные банковские услуги превратили орден в мощную и надежную финансовую державу. Его командорства выросли во многих европейских городах, а великие магистры позволяли себе разговаривать на равных с королями. Такое положение не могло продолжаться до бесконечности. В начале XIV столетия над головой тамплиеров сгустились тучи.

В марте 1306 года в Париже вспыхнуло восстание. Французский король Филипп IV Красивый вынужден был искать убежище в крепости тамплиеров Тампле. Тамплиеры были его банкирами и хранителями казны Франции. Крепость занимала целый квартал в Париже. Ее обитатели были неподвластны королевскому суду и зависели только от ордена. Король воочию убедился в огромных богатствах и мощи ордена. Возможно, именно в этот момент у него родилась идея захватить эти богатства.

В деньгах Филипп очень нуждался. Помимо гигантских трат на содержание двора, ему нужны были средства и для более важной цели. Он задумал занять освободившийся в 1309 году трон императора «Священной Римской империи германского народа». Императора избирали семь электоров: архиепископы Майнцкий, Трирский и Кельнский, король Богемии, пфальцграф Рейнский, герцог Саксонский и маркграф Бранденбургский. Чтобы обеспечить их голоса, требовались огромные суммы.

Кроме того, Филипп находился в конфликте с папским

престолом. Незадолго до описываемых событий король с помощью Гийома Ногаре, своего советника и хранителя королевской печати, пытался добиться отречения папы Бонифация VIII, который угрожал ему отлучением от церкви. Король без каких-либо доказательств обвинил верховного понтифика в ереси и симонии — продаже церковных должностей. Только смерть спасла папу от позорного церковного собора. Однако его преемник Климент V, слабовольный, упрямый и болезненный человек, оказался в зависимости от Филиппа IV, который угрожал возобновить дело против Бонифация и тем самым опозорить Римский престол.

Имея такой рычаг воздействия на папу, король Франции и Ногаре решили добиться роспуска ордена тамплиеров, чтобы завладеть его богатствами. Необходимые факты для обоснования публичной диффамации — распространения порочащих сведений — у них были.

Около 1300 года некто Эспиус из Флуорана, осведомитель при арагонском и французском дворах, заявил, что он узнал секреты тамплиеров. Они якобы во время вступления в орден отрекались от Бога и начинали поклоняться идолу — говорящей голове, Бафомету. Об этом Эспиус сообщил Ногаре. Тот велел найти свидетелей. По его приказу в темницу Корбей было брошено несколько тамплиеров. Их содержали в большой секретности. Очевидно, кое-какие из нужных королю свидетельств от них удалось добиться.

Весной 1307 года Филипп впервые высказал Клименту V свои подозрения по поводу храмовников. Тот сначала не поверил обвинению, но со временем вынужден был согласиться на проведение суда и следствия.

14 сентября того же года Ногаре от имени короля направил секретное послание, адресованное сенешалям, бальи и прево[1]. Оно было заключено в двойные конверты и должно было быть распечатано только в назначенный день и час. Неделей позже такое же письмо советник направил верховному инквизитору Гийому Парижскому. В нем содержались инструкции духовенству. Инквизиторам предлагалось допрашивать подозреваемых, которых должны были доставлять им люди короля. А 13 октября по всей стране одновременно начались аресты тамплиеров и захват имущества ордена. Папу об этом Филипп в известность не поставил.

Первым делом люди Парижского судейского округа овладели резиденцией (командорство) ордена Храма в Тампле. Великого магистра ордена Жака де Моле захватили в постели. В тот же день Филипп перебрался в Тампль и завладел имуществом

ордена. А средства эти были огромными. Тамплиеры свезли сюда со всей Франции пожертвования на новый крестовый поход. Деньги поступали из всех командорств ордена. Они исчезли бесследно. Никто не знает даже их приблизительной оценки, ведь Филипп ни перед кем не отчитывался.

В тот период во Франции существовали 3 или даже 5 командорств ордена Храма. Они объединяли 4 тысячи тамплиеров. Однако по документам число обвиняемых не превышало тысячи. Что сталось с другими, неизвестно. Возможно, они погибли от пыток в заключении, кому-то, возможно, удалось спастись.

Храмовников обвинили в надругательстве над крестом, идолопоклонстве и содомии. Узников помещали каждого отдельно, под надежной охраной. Предполагалось двойное расследование: королевским судом и инквизицией. Однако до королевского суда дело не дошло. Инквизиция прекрасно справилась со своими обязанностями. Тамплиерам предложили признать обоснованными все обвинения, а в случае отказа угрожали пыткой. За чистосердечное же признание им обещали полное прощение. При этом их называли не обвиняемыми, а «свидетелями, поклявшимися говорить правду о себе и о других».

19 октября 1307 года Гийом Парижский начал следствие. Известно, что он и два его помощника использовали пытки, угрозы и обещания. Только в одном Париже в течение месяца было замучено 36 тамплиеров. Очень скоро инквизиторы убедили подследственных, что те никогда не выйдут из застенков живыми, если не подчинятся обвинителям. Тамплиеры пали духом и начали давать нужные инквизиторам показания. Их «свидетельства» записывали нотариусы и подписывали специально приглашенные свидетели.

Уже после 11 дней заключения Жак де Моле признался в отречении от Христа и фактах оплевывания креста, но отверг другие обвинения. Пыток к нему не применяли. Повидимому, он надеялся на защиту папы. Однако Климент V, узнав о признаниях де Моле, поверил в виновность храмовников и издал приказ об арестах тамплиеров во всех странах Европы и конфискации их имущества.

Обвинения тамплиеров в ереси, отрицании божественной сущности Христа, видимо, были справедливы. Известно, что с 1136 года в соответствии с Уставом храмовники могли принимать в свои ряды рыцарей, отлученных от церкви за святотатство, ересь, богохульство и убийство. Поэтому к ним примкнула значительная часть гонимых церковью последователей ереси катаров, которые отрицали божественность Христа, одобряли

самоубийство и т. п. Очевидно, многое из своих тайных доктрин тамплиеры почерпнули на Востоке. В то же время поражает разница в показаниях подследственных. С 11 апреля 1309 года по 26 мая 1311 года было допрошено 225 тамплиеров: рыцарей, приоров, священников и слуг. Из них без всяких пыток 107 тамплиеров признали, что во время вступления в орден отреклись от Христа, однако они плевали не на крест, а в сторону; 16 человек утверждали, что во время их посвящения они ни с чем подобным не сталкивались; 153 отрицали, что им разрешалось мужеложство, чтобы не грешить с женщинами. Однако 72 признали, что получали такие рекомендации, но ими не воспользовались; 219 свидетельствовали, что никогда никаким идолам не поклонялись. Эти и многие другие факты, изложенные в документах процесса, толкуют по-разному. С одной стороны, утверждают, что тамплиеры были просто запуганы и клеветали на себя, чтобы получить обещанную свободу или избежать страшной казни на костре. С другой стороны, предполагают, что не все братья ордена имели одинаковую степень посвящения. Большинству были не известны многие его тайны, поэтому и говорить им было не о чем. Именно эти противоречия и стали главной почвой для мифологизации истории тамплиеров. В то же время среди подследственных оказались и такие, которые выдержали страшные пытки и настаивали на том, что все обвинения являются клеветой.

Скорее всего, решающую роль в результатах следствия сыграли заранее сформулированные судьями признания, которые они предлагали допрашиваемым подтвердить. Все обвинения, предъявленные тамплиерам, остаются спорными по сей день. Но как бы то ни было, сам факт признания вины, при существовавшей в практике судов инквизиции презумпции виновности, однозначно обрекал тамплиеров на гибель, а орден на полную ликвидацию. Это только усиливало позиции короля и ослабляло положение Климента V.

Вскоре ключевые фигуры процесса — Жак де Моле и генеральный смотритель Храма Гуго де Пейро — отказались от своих признаний. Великий магистр ордена сумел передать некоторым заключенным вощеные дощечки с призывом последовать его примеру. Он все еще надеялся на помощь папы. Но надежда была напрасной и теперь он оказался в еще худшем положении. В судебной практике инквизиторов существовал определенный порядок: считалось, что всякий еретик, отказавшийся от своих признаний, вновь впадет в ересь, а значит, подлежит сожжению на костре.

В 1311 года орден был ликвидирован. Еще до оглашения

приговора по приказу епископа Сансского 54 тамплиера, вызвавшиеся защищать свой орден против несправедливых обвинений, были сожжены как упорствующие еретики. По словам свидетелей, несчастные во время казни не переставали кричать, что их «тела принадлежат королю, а души Богу». Всего же было сожжено 68 тамплиеров, в том числе Жак де Таверни, духовник короля.

19 марта 1314 года, спустя семь лет после ареста, Жак де Моле и главный командор Нормандии Жоффруа де Шарнэ были сожжены заживо на острове Ситэ. Перед казнью великий магистр после молитвы обратился к присутствующим. Он заявил, что орден оклеветали, что сам он испугался пыток, а также был обманут льстивыми словами папы и короля, что Бог отомстит за смерть его и братьев-тамплиеров. Последними словами де Моле стала просьба привязать его лицом к собору Богоматери.

Папа умер через несколько недель после гибели великого магистра. Это и неудивительно, ведь врачи пытались лечить его многочисленные немощи толчеными изумрудами. Такого лекарства не смог бы выдержать и более здоровый организм. А 29 ноября в Фонтенбло умер Филипп IV. По одной версии причиной стал инсульт, по другой — отравление, которое приписывали тамплиерам.

В других странах Европы комиссии, заседавшие по делу тамплиеров, не смогли собрать убедительных доказательств их вины. В Испании собор отверг все обвинения храмовников в ереси. А на Кипре вся знать, горожане и священники засвидетельствовали добропорядочность тамплиеров.

Часть храмовников влилась в основанный в 1319 году португальским королем Дионисием орден Христа. В том же году по просьбе арагонского короля в Арагоне, Валенсии, Каталонии, на Сицилии и Корсике, чтобы собрать уцелевших тамплиеров, был создан орден Святой Марии Монтесской, который был позже передан в ведение рыцарей ордена Калатравы. Однако уже через тридцать лет об ордене забыли. Воспоминания о нем сохранилось только в народных легендах. В XIX столетии тамплиеры возникли из небытия, разбуженные первыми романтиками. Именно писатели и поэты того времени проложили путь мифологизации ордена. И только сравнительно недавно архивисты и археологи начали работать над документами, которые дают возможность восстановить истинную историю ордена Храма Соломона.

Королевская кровь на плахе: первый опыт суда и следствия

Судебный процесс по делу королевы Шотландии Марии Стюарт стал первым в европейской практике опытом, который закончился казнью особы королевской крови. Именно благодаря ему стали возможны суды над английским королем Карлом I Стюартом, французскими монархами Людовиком XVI, его женой Марией Антуанеттой и их казнь. Они ознаменовали переход от монархической власти к власти большинства.

Мария Стюарт

В средние века монархам приписывали необыкновенные свойства. Молва твердила, что одним своим прикосновением они могли приносить исцеление страждущим. Их считали помазанниками Божиими — власть им, как утверждала Библия, была дана от Бога. Поэтому особа монарха считалась священной и неприкосновенной. Его нельзя было судить и тем более казнить. Правда, в счет не шли всякого рода преступления, связанные с насильственным устранением монархов, которые организовывали

претенденты на трон. Это было внутренним делом правящей верхушки. Но судебная власть на монархов не распространялась. Как сказал Стефан Цвейг, «у ступеней трона правосудие умолкает».

Мария Стюарт была дочерью шотландского короля Якова V и Марии де Гиз, женой рано умершего французского короля Франциска II Валуа. При этом она заявила о своих правах и на английский престол.

В Англии же того времени сложилась сложная династическая и политическая ситуация. После смерти короля Генриха VIII, который ввел в Англии протестантизм в виде англиканства, английский трон унаследовала его дочь от брака с испанской принцессой Марией Арагонской, известная в истории как Мария Кровавая. Она царствовала 16 лет. За это время в стране было реставрировано католичество, а приверженцы Реформации подверглись жестоким преследованиям.

Политика Марии вызвала протест со стороны нового дворянства, нарождающейся буржуазии и простого народа. Поэтому когда престол заняла дочь Генриха VIII и Анны Болейн Елизавета, английские протестанты ликовали, а католики с первых же дней ее правления начали организовывать заговоры с целью свержения молодой королевы.

Елизавете было чего опасаться. Развод ее отца Генриха VIII с Марией Арагонской не был признан Римом. Но это было еще не все: ее любвиобильный отец, стремясь расторгнуть свой брак с Анной Болейн, матерью Елизаветы, обвинил Анну в супружеской измене и казнил, а Елизавету парламентским актом объявил незаконнорожденной. Если бы не поддержка протестантов в королевстве, Елизавета вряд ли стала бы королевой. И ее беспокоило поведение родственницы — Марии Стюарт, которая на момент ее, Елизаветы, восшествия на престол была женой наследника французского престола и заявила о своем праве называться еще и королевой Англии, кроме того, что уже была королевой Шотландии, а через год после этих событий стала и королевой Франции. (На рыцарском турнире был смертельно ранен Генрих II, и вскоре королем Франции стал шестнадцатилетний Франциск II, муж Марии Стюарт.)

Свои претензии на трон Англии Мария Стюарт обосновывала тем, что была правнучкой Генриха VII Тюдора (ее бабка по отцу была старшей сестрой Генриха VIII), и, таким образом, Мария приходилась внучатой племянницей Генриху VIII и племянницей нынешней королеве Англии Елизавете, но, в отличие от последней, никто не мог назвать ее незаконнорожденной. Королева Англии была оскорблена. Она отказалась признать

право Марии Стюарт на английский трон.

Ситуация в Шотландии тоже не была стабильной. Первенство на политической арене здесь в то время приобрела шотландская знать, которая исповедовала кальвинизм — одно из самых распространенных религиозных протестантских направлений. Шотландских кальвинистов поддерживала протестантская Англия. И в такую страну в начале 1651 года вернулась с малых лет воспитанная в католической Франции Мария Стюарт (она попала туда в пятилетием возрасте).

Молодая, привыкшая к роскоши и развлечениям королева оказалась в бедной суровой стране, где все для нее было чужим. Она была вынуждена подчиниться обстоятельствам и назначила первым министром своего сводного брата, незаконнорожденного сына Якова V, протестанта графа Меррея.

Последующие три года в стране фактически правил Меррей. Королева лишь председательствовала. Как будто бы наладились и отношения с Елизаветой. Королевы стали обмениваться письмами и подарками. К сожалению, Мария, в отличие от Елизаветы, не была дальновидным политиком. Она была капризна и честолюбива. Шотландской короны королеве было мало. Она с удовольствием сменила бы ее на корону другого, богатого и сильного, королевства. Поэтому очень скоро перешла на сторону католической партии, вступив в союз со своими родственниками во Франции де Гизами.

Союз католических стран в то время фактически возглавляла Испания и Папа Римский. Некоторое время между шотландским и испанским дворами шли переговоры о возможном браке между Марией и наследником испанского престола доном Карлосом. Однако Карлос медлил с ответом, а Елизавета между тем всячески стремилась помешать этому браку. Она отлично понимала, что такое замужество усилит позиции католицизма в Шотландии. Она допускала и возобновление притязаний Марии Стюарт на английский престол в этом случае. Поэтому королева Англии сама решила подыскать жениха «любимой сестре», как в письмах она называла Марию.

Первой кандидатурой стал Роберт Дадли. Трудно сказать, почему Елизавета решилась предложить этот скандальный вариант. Дадли не принадлежал к королевскому роду. Он был обыкновенным дворянином, которого срочно возвели в ранг графа Лестерского, к тому же Дадли слыл любовником Елизаветы. Стюарт с возмущением отказалась.

В это время в Шотландии находился один из английских принцев крови — Генри Дарили, который по материнской линии был правнуком Генриха VII, то есть кузеном Марии, и к тому же

католиком. Дарили был молод, красив, прекрасно держался в седле и танцевал. Жених, правда, не отличался умом, но шотландская королева страстно влюбилась. Против этого брака выступил Меррей. Он понимал, что этот союз означал реставрацию католицизма в Шотландии. Сильно встревожилась и Елизавета. Она приказала Дарили вернуться в Англию, пригрозив конфисковать все земли его отца. Но тот не послушался. Тогда Елизавета предложила Марии сделку. Она выразила готовность признать права Марии Стюарт на английский престол в случае своей смерти, если та откажется от брака. Но для влюбленной женщины трон Англии уже не имел цены. Ранним утром 29 июля 1565 года венчание состоялось.

Тогда Елизавета решила организовать в Шотландии мятеж. Она не жалела денег для подкупов. Однако мятежные бароны в конце концов покорились своей государыне, а Меррей был вынужден бежать в Англию.

Но брак Марии оказался очень неудачным. Когда очарование первых месяцев замужества прошло, королева увидела рядом с собой тщеславного юнца, глупого и заносчивого, который сорил деньгами и упивался обретенной властью. Тогда Мария лишила мужа всех привилегий и перестала приглашать на заседания государственного совета. Супружеские отношения тоже были прерваны. Как только Мария узнала, что беременна, она отказала Дарили в супружеской близости, якобы для того, чтобы не навредить ребенку.

Дарили был в ярости. Его только поманили властью и теперь отбросили, как ненужную вещь. Он везде и всюду жаловался вельможам на королеву и в конце концов произошло невозможное — он согласился возглавить заговор против своей жены, королевы шотландской.

Особенную ненависть у вельмож-протестантов вызывал личный секретарь королевы пьемонтец Риччо. Бывший певчий, он за свою верную службу удостоился покровительства и дружбы королевы. А протестанты считали его папским агентом и хотели уничтожить. Муж королевы согласился возглавить заговор с целью устранения Риччо, заранее даровав убийцам свое прощение, о чем они и заключили письменное соглашение, так называемый бонд.

9 марта 1566 года вечером во время ужина в королевских покоях, куда ворвались заговорщики, они убили Риччо, а королеву фактически посадили под домашний арест — заперли в спальне и даже не допускали к ней ее слуг. Мария Стюарт решила действовать хитростью: она прикинулась испуганной и умоляла супруга помочь ей. Слабохарактерный и недалекий Дарили

согласился обмануть своих недавних сообщников и вместе с королевой бежал из замка Холируд. Оказавшись на воле, Мария поклялась отомстить.

Первым делом она объявила народу, что Дарили не причастен к заговору и внешне изменила свое отношение к мужу. Супруги вернулись в Холируд в полном согласии. 19 июня 1566 года у них родился сын, будущий король Англии Иаков I. Елизавета поздравила родителей и на крестины подарила новорожденному золотую купель, украшенную драгоценными камнями.

Королева Мария очень изменилась. Несмотря на счастливое разрешение от бремени, она была мрачна и часто плакала. Она снова влюбилась. Ее избранником на сей раз стал верховный адмирал и главнокомандующий вооруженными силами Шотландии Джеймс Хепберн, граф Босвел. Это был сильный и смелый воин авантюрного склада. Хотя Босвел был женат, а Мария Стюарт замужем, все равно они стали любовниками. Однако Босвел вскоре охладел к королеве. Она понимала: единственное, чем она может привязать его к себе, это корона Шотландии. Она могла сделать его королем. Конечно, королева могла развестись с мужем, но это плохо отразилось бы на ее сыне, его стали бы считать незаконнорожденным. И, по-видимому, Мария решилась на преступление. В стремлении избавиться от никчемного короля ее поддерживали многие лорды.

В это время Дарили, который как будто бы что-то предчувствовал, уехал в свой родовой замок, где перенес оспу. Мария поехала за ним и уговорила вернуться в Холируд — она сама заманила его в ловушку. Но Дарили отвезли не в королевский замок, а поместили в небольшом одиноко стоящем доме за городской стеной Эдинбурга, так как якобы опасались распространения оспы. Мария часто навещала мужа. 9 февраля она как обычно появилась в домике, но вскоре ушла, так как спешила в замок на свадьбу слуг. А в два часа ночи страшный взрыв разнес в щепки дом, где находился король и его слуги. Их трупы нашли в саду; поговаривали, что их задушили.

Поведение королевы после смерти мужа многим казалось странным. Она не соблюдала траура и ничего не сделала, чтобы разыскать и наказать виновных. Правда, тем, кто назовет имена убийц, была обещана награда в две тысячи шотландских фунтов. Однако желающие так и не объявились, а на рыночной площади появились афишки, где убийцей называли Босвела и его слуг. Тем не менее Мария приняла его в замке лорда Сентона, куда вместо приличного для нее уединения отправилась погостить.

Теперь даже Папа Римский, ее всегдашний покровитель,

гневно обличал королеву. Елизавета настойчиво советовала ей не бояться задеть тех, кто ей близок, но виновен, то есть Босвела. Однако Мария потеряла всякую осторожность. Тогда отец Дарили, граф Ленокс, потребовал ареста Босвела. Королеве пришлось дать согласие на суд над дорогим ей человеком. Однако Босвел не растерялся. В его руках была армия. Он явился в зал заседаний с мечом на боку и в окружении вооруженного отряда. Граф Ленокс, опасаясь за свою жизнь, на суд не явился, а судьи по той же причине вынесли обвиняемому оправдательный приговор.

Елизавета направила Марии второе письмо. Она писала: «Даже если бы Вы не ведали за собой вины, однако такого попустительства было бы достаточно, чтобы Вас лишили королевского сана и отдали на поругание черни. Но чем быть подвергнутой такому бесчестию, я бы пожелала Вам честно умереть».

Однако вопреки здравому смыслу Мария решила обвенчаться с Босвелом. К тому времени его брак был расторгнут. Предлогом послужило близкое родство супругов. Мария понимала, что такой мезальянс вызовет страшное возмущение в королевских домах Европы. Она рисковала стать изгоем. Тогда Босвел придумал план. Он должен был инсценировать похищение королевы. В таком случае ее честь могла быть восстановлена только заключением брака с похитителем. 21 апреля 1567 года план был приведен в исполнение. И уже 15 мая королева тайком обвенчалась с любовником по протестантскому обряду.

Однако расчеты Марии и Босвела не оправдались. Ни в Европе, ни в Шотландии никто не верил в похищение. Все были уверены в том, что оно было совершено с согласия королевы. Елизавета перестала отвечать на письма Марии. Не было известий и из Франции. Чувствовалось осуждение и со стороны придворных.

Результатом опрометчивого поведения шотландской королевы стал мятеж шотландских лордов. Их войско захватило Эдинбург и двинулась на крепость Бортуик, где в это время Мария и Босвел пытались переждать бурю. Силы были слишком не равными. Королеве поставили условие: она должна отказаться от брака с Босвелом и вместе с войском лордов вернуться в Эдинбург. Ей пришлось согласиться, а Босвел вынужден был спасаться бегством.

Королеву везли в столицу в окружении солдат, что само по себе было для нее унижением. Потом ее заключили в замок Лохливен, который находился посреди озера и был отрезан от суши. Под угрозой обвинения в убийстве Дарили Марию

заставили отречься от престола в пользу Иакова. Регентом при малолетнем короле стал Меррей.

В Европе по-разному отнеслись к заключению королевы. А в Шотландии ее стали считать особой, которая недостойна королевского венца. Однако неожиданно на ее сторону встала Елизавета. Английская королева понимала, что, защищая Марию, она защищает собственную королевскую власть. Королевскому совету Шотландии Елизавета написала несколько писем. В одном из них она увещевала мятежников: «Вашего обращения с королевой Шотландии мы не можем ни одобрить, ни стерпеть. Велением Божьим вы — подданные, а она ваша госпожа, и вы не вправе приневолить ее к ответу на ваши обвинения». Однако лорды не вняли письмам королевы соседнего государства, и Елизавете пришлось отступить.

Босвел был далеко. Он бежал в Данию, но прислал в Эдинбург слугу, который должен был выкрасть из его дворца ларец с важными бумагами. Посланца схватили и подвергли пыткам. Не выдержав их, слуга выдал тайник. Ларец был найден и открыт в присутствии шотландских лордов. В нем находились бумаги Босвела, письма и сонеты королевы и другие важные документы. Они свидетельствовали о причастности королевы к убийству Дарили. В шотландском парламенте «письма из ларца» были зачитаны вслух. Их содержание стало широко известно и в Европе. Однако уже тогда многие считали эти письма подделкой. В наши дни ученые тоже разделились на два лагеря: одни считают их фальсификацией, другие убеждены в их подлинности.

Казалось, Марии не на что надеяться. Но она продолжила борьбу. 2 мая 1568 года ей с помощью Джорджа Дугласа, одного из лордов-католиков, удалось бежать из Лохливена. Мятежный лорд сумел собрать под ее знамена 6 тысяч воинов. Однако 13 мая Меррей разбил это войско. Марии пришлось бежать в Англию и обратится за помощью к Елизавете. С этого момента фактически и начинается история суда, а точнее, судов над шотландской королевой.

Елизавета отказалась от свидания с Марией и выдвинула условие: та должна очиститься от обвинения в соучастии в убийстве Генри Дарили. Мария Стюарт после некоторого колебания согласилась. Для расследования дела была создана комиссия из английских пэров. Славным обвинителем был Меррей, а защищал Марию епископ Лесли. Первый суд не нашел достаточного количества улик против королевы. Однако и подозрения с шотландской королевы сняты не были. Елизавета по-прежнему не допускала ее ко двору, но и выпускать из Англии не хотела, опасаясь за свою власть и судьбу протестантизма в

стратегически важной для Англии Шотландии.

Практически Мария находилась в заточении, хотя ей и не вынесли обвинительного приговора. Ее переводили из замка в замок, хотя содержали с комфортом. Бывшая королева ела на серебре. Ее покои освещались дорогими свечами. У нее было около пятидесяти слуг. Елизавета ежегодно выдавала на содержание узницы 52 фунта. Ежегодный пенсион в 1200 фунтов присылали из Франции.

Но Мария Стюарт не смирилась. С первых же дней заточения она сумела установить контакты со своими сторонниками в Париже, Мадриде и Шотландии и вела с ними оживленную переписку. Письма прятали в белье, книгах, под подошвами обуви, в крышках футляров с драгоценностями. Однако очень скоро все каналы общения королевы с внешним миром становились известны английскому министру полиции Уолсингему. Друзья Марии все чаще попадали в тюрьму или на плаху.

Пиком интриг Марии стали события 1572 года. Неожиданно судьба дала королеве шанс вырваться из неволи. Ей обещал помочь герцог Норфолк, который возглавлял первый суд над Марией и был одним из крупнейших феодалов в Европе. Очевидно герцог рассчитывал на брак с Марией, что давало ему шанс занять английский трон. Мария ответила согласием. Тогда Норфолк поднял мятеж, его поддержало католическое население. Однако он был разбит и казнен. Эти события в который раз напомнили Елизавете, что Мария Стюарт все так же опасна. Выяснилось, что герцог и Мария вели тайную переписку с Филиппом Испанским.

Последней надеждой Марии оставался ее сын Иаков. Она попыталась наладить с ним связь. Однако молодой король был воспитан врагами своей матери. К тому же Елизавета, испугавшись, что они договорятся, пообещала Иакову английский престол после своей смерти.

Между ними был подписан тайный договор, и Иаков окончательно отвернулся от матери. Мария прокляла сына.

Между тем положение Елизаветы на международной арене усугубилось. Против нее выступали все католические государи. Папа Римский отлучил ее от церкви, а в 1580 году объявил, что всякий «убивший Елизавету с благочестивыми намерениями совершит Божье дело». Было раскрыто несколько заговоров, имевших целью устранение Елизаветы. В этой ситуации Мария стала представлять нешуточную угрозу для английской королевы. Католики в Англии пытались сделать ее своим знаменем в борьбе против протестантства и власти Елизаветы.

Режим содержания пленницы был ужесточен. За ее слугами постоянно следили, чтобы лишить их возможности покидать замок и передавать письма на свободу. Любые посылки королевы тщательно досматривались. Марию лишили лошадей. Теперь она не могла совершать прогулки. Но Елизавете и ее министрам и это казалось недостаточным. Было решено устроить ловушку, чтобы обвинить узницу в организации заговора с целью убийства английской королевы.

Главным организатором провокации стал Уолсингем. Узнав об очередном заговоре, он не стал арестовывать его участников, а, наоборот, стал провоцировать их. Марию перевезли в замок Чартли, который находился рядом с поместьем дворян-католиков. Контроль над ней был как будто бы ослаблен. К королеве допустили молодого мелкопоместного дворянина Бабингтона, который хотел освободить королеву Шотландии. Он наладил передачу тайных писем, которые прятали во флягу и опускали в бочку с пивом для слуг. Однако эти письма не были тайной для полиции. Их предварительно расшифровывали, прочитывали и копировали и только потом отправляли в замок.

Наконец, в одном из писем, Мария, подстрекаемая своими сторонниками, дала согласие на убийство Елизаветы. Капкан захлопнулся. Письмо тотчас изъяли. Все заговорщики, в том числе и шотландская королева, были арестованы.

Елизавета торжествовала. Однако она четко осознавала, что все же оказалась в сложном положении. Казнь королевы ставила под сомнение божественную природу власти монархов, то есть ее собственную. Вот если бы Мария во всем созналась, покаялась и отдалась на личную волю Елизаветы, суда можно было бы избежать. Тогда ее можно было бы безбоязненно держать где-нибудь в уединенном замке до самой смерти. А весь мир восхищался бы милосердием английской монархини.

Однако Мария наотрез отказалась признать себя виновной, но согласилась дать объяснения посланцам королевы, то есть фактически предпочла судебное разбирательство. Суд на Марией Стюарт проходил в парадном зале замка Фотерингей — месте ее последнего заключения. В глубине зала на возвышении стояло кресло под королевским балдахином. Оно символизировало власть английской королевы. Кресло для Марии стояло несколько ниже. Не желая ни в чем поступаться своим королевским величием, Мария отказалась сесть на предназначенное ей место. «Я королева, — заявила она, — я была супругой французского короля, и мне надлежит сидеть выше».

Славных свидетелей — Бабингтона и его товарищей — незадолго до этого поспешно казнили. Судьи зачитывали их

письменные показания, полученные под пыткой. Славные документы, в том числе и основные улики, были представлены не в оригиналах, а в списках. Мария имела полное право заявить: «Как могу я быть уверена, что мои письма не подделаны для того, чтобы было основание меня казнить?»

Впрочем, это заявление судьи не приняли во внимание. Адвоката у подсудимой не было, а она не была знакома с английскими законами, поэтому заранее была обречена на проигрыш.

Вместо того чтобы сосредоточиться на сомнительных пунктах обвинения, Мария начала лгать, поставив под сомнение все свои заявления. Несмотря на то что было легко доказать ее знакомство с Бабингтоном, она его вначале отрицала.

28 октября суд в последний раз собрался в Вестминстерской Звездной палате и огласил приговор. Не считал доказанной вину королевы только лорд Зуч, которого не убедили доводы обвинения. Суд провозгласил: «…названная Мария Стюарт, притязающая на корону сего, английского, государства, неоднократно измышляла сама и одобрила измышленные другими планы, ставящие себе целью извести или убить священную особу нашей владычицы, королевы Английской». Такое преступление заслуживало только смертной казни. Елизавета должна была признать или отклонить решение суда.

Многие придворные убеждали ее: спокойствие в стране наступит только после смерти Марии Стюарт. Живая, она всегда будет создавать угрозу для власти английской королевы. Было известно, что Филипп Испанский собирается организовать десант на остров, чтобы освободить Марию. Было ясно, что в его руках она станет серьезным козырем в политической игре с целью уничтожения протестантизма в Англии. Однако французский посол предостерег Елизавету, что она погрешит против Господа, подняв руку на королеву.

Елизавета долго колебалась. Наконец она нашла выход из положения. 1 февраля 1587 года второй государственный секретарь Девисон принес на подпись к королеве смертный приговор шотландской королеве. Елизавета сделала вид, что по рассеянности в числе других подписала и этот документ. 8 февраля приговор был приведен в исполнение.

Узнав об этом, Елизавета разыграла целый спектакль. «Кто осмелился без моего приказа казнить королеву Шотландии!» — кричала она. Всю вину за происшедшее она возложила на «нерадивых» придворных, в первую очередь на Девисона. Против него было возбуждено уголовное дело. Жертву политической интриги приговорили к штрафу в 10 тысяч фунтов и тюремному

заключению. Якову Шотландскому английская королева направила письмо, в котором призывала Бога в свидетели того, что она не виновна в казни его матери. Впрочем, этому в Европе не поверил никто. Тем не менее каких-либо действий со стороны венценосных особ эта казнь не вызвала. Заблудшая овца упокоилась с миром.

С тех пор трагическая, полная страстей история Марии Стюарт интересовала только литераторов и историков. Ей посвящено множество романов, где красавица-королева, как правило, представлена несчастной жертвой подлых интриг злодейки Елизаветы. Авторы подобных произведений забывают, что Мария Стюарт все-таки была причастна к смерти своего мужа Генри Дарили. Поддержала она и заговор (не важно, что его сфальсифицировали) против Елизаветы, чтобы лишить соперницу жизни. Просто в этом споре «кто — кого» победила не она.

Обе королевы покоятся в Вестминстерском аббатстве. Именно сюда, в усыпальницу английских королей, по приказу сына Марии Стюарт Якова был перевезен ее прах. Это случилось уже после смерти Елизаветы, когда сын ее соперницы занял трон Англии. Так, в конечном счете, на английском троне утвердились Стюарты.

Дело о «Пороховом заговоре»

В ноябре 2006 года Великобритания праздновала 400-летие «порохового заговора». Этот национальный праздник, известный также под названием «заговора Гая Фокса» или «праздника фейерверков», отмечается в Соединенном королевстве ежегодно (5 ноября). В основе этой традиции лежат реальные исторические события, связанные с попыткой католиков ликвидировать в Англии протестантизм. Заговор был раскрыт, а его главари предстали перед судом и понесли жестокое наказание.

Гай Фокс

После смерти Елизаветы I, исповедовавшей англиканство, на английский трон в 1603 году взошел сын ее непримиримой противницы, католички Марии Стюарт, которую она отправила на плаху, Яков I. Однако он не предпринял даже попытки изменить господствующую религию. В 1604 году по его приказу в стране было даже проведено несколько показательных казней католиков. Это не понравилось противникам англиканства, и они решили убить нового монарха, а заодно уничтожить и парламент. После смерти короля предполагалось возвести на престол его

малолетнюю дочь принцессу Елизавету, которая должна была стать католической королевой Англии, Шотландии и Ирландии. Регентами при ней должны были быть католики.

День для осуществления этого акта был определен очень удачно: 5 ноября 1605 года король должен был выступить с тронной речью во время открытия сессии парламента перед обеими его палатами и представителями судебной власти.

Известно, что о готовящемся покушении знал глава английских иезуитов, отец Генри Гарнет. Но главными его вдохновителями и организаторами были Роберт Кэйтсби, Томас Уинтер, Томас Перси, Джон Райт и Тай Фокс. Позже к ним присоединились еще восемь человек, в том числе Роберт Кейс и Фрэнсис Трэшем. Последний, как предполагают некоторые исследователи, мог быть провокатором.

В доме рядом с палатой лордов, где предполагалось выступление короля, заговорщики арендовали помещение, чтобы прорыть подземный ход в подвал под залом заседаний. Однако позже план был изменен. Томасу Перси удалось заключить аренду на пользование помещением, которое находилось непосредственно под залом.

Бросается в глаза, что английские власти в то время были удивительно беспечны и как будто совсем не заботились о своей безопасности. Внимание охраны Якова не привлекло даже то, что с противоположного берега Темзы в здание парламента было переправлено 36 бочонков с порохом. Общий его вес составлял примерно 2,5 тонны. Такого количества взрывчатки хватило бы для уничтожения не только парламента, но и окружающих строений, в том числе могло сильно пострадать Вестминстерское аббатство — усыпальница английских королей. Тем не менее, бочки беспрепятственно разместили в арендованном помещении и прикрыли дровами и углем. Однако некоторые современные исследователи высказывают предположение, что заговорщикам просто позволили проделать все это.

Гай Фокс никогда не возглавлял заговор, но он был среди заговорщиков единственным, кто умел обращаться со взрывчатыми веществами, поэтому именно ему было поручено зажечь фитиль. После этого он должен был незаметно скрыться из Лондона, а потом вообще покинуть страну. В это время его соратники, заблаговременно покинувшие Лондон, должны были поднять восстание в тех графствах, где позиции католиков были особенно сильны.

Однако, как уже было отмечено, некоторые историки предполагают, что сам заговор являлся провокацией, которая была организована либо королем, либо кем-то из его окружения.

А главной его целью была дискредитация иезуитов и укрепление протестантизма в стране. Однако и сами заговорщики не слишком заботились о сохранении тайны. Поэтому вскоре о готовящемся покушении стало известно многим.

26 октября католик лорд Монтигль получил анонимное письмо. Неизвестный доброжелатель (скорее всего это был Трэшем, который доводился лорду свояком) советовал ему для сохранения жизни не ходить на церемонию открытия парламента. Монтигль как законопослушный подданный направился с письмом к государственному секретарю Роберту Сесилу. Тот, в свою очередь, рассказал обо всем королю. Заговорщикам стало об этом известно, но они не стали менять своих планов. Ведь Гай Фокс лично осмотрел склад и убедился, что к пороху никто не прикасался. (Наивности этих людей приходится только удивляться.)

В ночь с 4 на 5 ноября в здании парламента был произведен обыск. Охрана обнаружила не только порох, но и Фокса, который представлялся слугой лорда Перси и сказал, что это уголь предназначен для отопления соседнего здания. Однако утром он с часами, бикфордовым шнуром и фонарем зачем-то вышел из здания и был схвачен людьми, посланными для повторного осмотра подвала.

Утром Фокса доставили к Якову. Там он прямо заявил, что собирался уничтожить короля и парламент. После такого заявления надеяться заговорщику было не на что. Его незамедлительно доставили в Тауэр. После санкционированных королем пыток Гай Фокс выдал всех заговорщиков. К 12 ноября все участники заговора были арестованы или убиты в момент задержания.

27 января 1606 года состоялся показательный судебный процесс. Все заговорщики были признаны виновными в государственной измене и приговорены к мучительной казни, 30 и 31 января их повесили, а затем четвертовали. Головы и отдельные части тел были выставлены на всеобщее обозрение в столице, дабы показать всем, что всякий покусившийся на власть преступник закончит жизнь так же мучительно и позорно. Впрочем, сожалели о заговорщиках только католики. Протестанты уже на следующий день после ареста Фокса жгли костры и радовались провалу заговора.

Позже парламент принял специальный закон: в день 5 ноября всем жителям Великобритании надлежало радоваться и благодарить Бога за спасение короля и государства. Этот закон был отменен только в 1859 году. Однако англичане, известные своим пристрастием к традициям, продолжают и в наши дни

праздновать «день Гая Фокса» («праздник фейерверков»). Вечером 5 ноября во всех городах Великобритании жгут костры и организовывают фейерверки. Иногда по старой традиции на кострах сжигают соломенные чучела в старой одежде. Это символизирует казнь Гая Фокса — истового католика, который хотел, чтобы власть Папы Римского в его стране была восстановлена. Увы, его смерть и смерть его товарищей только усугубила положение гонимых приверженцев католицизма в Англии. Католикам было запрещено исповедовать их веру. Они не могли служить офицерами в армии и на флоте, участвовать в выборах. Только через 200 лет католики были уравнены в правах с протестантами.

Со времен «порохового заговора» прошло 400 лет. Но каждый год перед церемонией торжественного открытия парламента переодетые в старинные одежды стражники обыскивают все закоулки дворца. Этим, конечно, охранные мероприятия не ограничиваются. Но этот костюмированный обыск является данью одной из многочисленных и незыблемых английских традиций.

Николя Фуке — жертва «Короля-солнце»

Суд над суперинтендантом финансов Людовика XIV Николя Фуке считается одним из самых крупных процессов XVII столетия. Недаром события, ему предшествовавшие, привлекли внимание Александра Дюма. Он описал их в романе «Виконт де Бражелон». Однако действительная история блестящего вельможи, авантюриста и казнокрада Николя Фуке значительно отличается отразвития событий, описанных великим французским романистом.

Николя Фуке

Николя Фуке был сыном советника французского парламента. Таким образом, ему изначально была уготована судьба занять какой-нибудь значительный пост если

не при дворе, то в провинции. Фуке начал интендантом в Дофине, потом занял такую же должность в армиях Каталонии и Фландрии. Со временем его перевели в Париж, где во время волнений, связанных с Фрондой, молодой человек сблизился с кардиналом Мазарини. Первый министр Франции ввел Фуке в состав Государственного совета, сделал министром, главным

директором Компании островов Америки и, наконец, суперинтендантом. Сам же герой очерка в 1650 году купил себе должность главного прокурора при Парижском парламенте, что и позволяло ему долгое время оставаться безнаказанным.

В скором времени финансы Франции благодаря усилиям Фуке пришли в расстройство, зато сказочно обогатился сам суперинтендант. С 1654 года, всего через год после вступления в должность, Фуке перестал вести учет получаемых доходов, тратил огромные суммы на празднества, любовниц и шпионов, путая государственную казну с собственным карманом.

Образ жизни суперинтенданта своей пышностью во много раз превосходил образ жизни Людовика XIV. Это не могло не вызывать раздражения и зависти у короля. Однако пока был жив Мазарини, руки у Людовика были связаны. Но Фуке умудрился вызвать недоверие и у Мазарини. В результате министр порекомендовал королю в качестве своего преемника генерального контролера финансов Жана Батиста Кольбера.

Чтобы обезопасить себя, Фуке создал при дворе собственную партию приверженцев, купил в Бретани остров БелльИль и превратил его в неприступную крепость. Был также составлен план сопротивления королю, если суперинтенданту будет угрожать арест.

Однако тучи над головой суперинтенданта быстро сгущались. Король вместе с Кольбером тщательно проверял все ведомости, которые представлял ему Фуке. Поэтому о масштабах его хищений Людовик был прекрасно осведомлен. Но предать Фуке суду французский монарх не мог. Как генерального прокурора Парижского парламента его мог судить только парламент. Поэтому скорее всего суд закончился бы оправданием. Тогда хитрый Кольбер посоветовал Фуке продать должность прокурора парламента, а полученные деньги преподнести королю, чтобы укрепить свое положение. Фуке согласился и тем самым определил свою дальнейшую судьбу.

Чтобы ублажить короля, Фуке решил организовать в своем только что построенном роскошном замке Во-Ле-Виконт грандиозное празднество. По мнению Дюма и многих современников, именно оно стало последней каплей, переполнившей чашу терпения Людовика, который не мог больше переносить того, что его вельможа живет куда богаче его самого и пользуется огромным влиянием, да еще осмеливается ухаживать за его фавориткой Луизой де Лавальер. И Людовик решил арестовать Фуке во время празднества, но королева-мать, Анна Австрийская, упросила его повременить с этим. И король, взбешенный роскошью приема в Во, прощаясь с

суперинтендантом, ограничился знаменитой фразой: «Господин Фуке, ждите от меня известий…»

Вскоре Людовик вместе со своим двором отправился в Нант. Доброжелатели предупредили Фуке о готовящемся аресте и советовали бежать из города. Но тот был слишком уверен в своей неуязвимости. «Король никогда не осмелится арестовать такого человека, как я. Я всегда верил в свою звезду — и всегда преуспевал», — заявил Фуке.

Но его расчеты не оправдались. 5 сентября 1661 года по приказу короля лейтенант мушкетеров д'Артаньян (персонаж не литературный, а исторический) после заседания королевского совета арестовал Фуке. Королевский указ гласил: «Именем короля. Его Величество, решив по веским соображениям обезопасить себя от г-на суперинтенданта финансов Фуке, постановил и повелевает младшему лейтенанту конной роты мушкетеров г-ну д'Артаньяну арестовать вышеупомянутого г-на Фуке и препроводить его под доброй и надежной охраной в место, указанное в меморандуме, который Его Величество вручил ему в качестве инструкции. Следует следить по пути за тем, чтобы вышеупомянутый г-н Фуке не имел ни с кем общения, ни устного, ни письменного. Дано в Нанте 4 сентября сего 1661 года. Людовик».

В зарешеченной карете Фуке отвезли в Венсеннский замок. По пути следования жители окрестных деревень сбегались, чтобы посмотреть на унижение ненавистного вельможи. Они осыпали его бранью.

Первые дни заключения прошли для Фуке очень тяжело. По свидетельству секретаря суда, он казался беспокойным и подавленным, «использовал любую возможность, чтобы вызвать у охраны сочувствие к себе и разузнать новости. Однако все эти попытки оказывались безуспешными благодаря заботам и необычайной старательности г-на д'Артаньяна, который, впрочем, обращался со своим узником самым наилучшим образом, какого только можно было

желать».

Надежды Фуке на помощь своих приверженцев не оправдались. Белль-Иль сдался без боя. Многие из людей, близкие к узнику, тоже оказались в заключении, а его друзья и родственники были удалены от двора. На имущество Фуке наложили арест. Была найдена шкатулка с планом сопротивления и другими документами, которые неопровержимо свидетельствовали о множестве придворных интриг, которые инициировал Фуке. Всего же в разных домах бывшего суперинтенданта было изъято около шести тысяч документов,

которые суду предстояло изучить.

Суд над Фуке длился три года. Его нельзя назвать справедливым, хотя за Фуке действительно числилось немало злоупотреблений. Судей назначил король. Пункты обвинения составлял Кольбер и его дядя Пюссор, секретарь суда Жозеф Фуко, государственные советники Лозен и Лафосс, советник Парижского парламента Понсе. Все они были настроены по отношению к узнику крайне враждебно.

Следствие над Фуке началось только в марте 1662 года. В Венсенн для допроса приехали комиссары Понсе и Ренар, а также Жозеф Фуко. Во время дознания и суда многие документы, которые могли свидетельствовать в пользу обвиняемого, были изъяты, либо на них намеренно не обратили внимания. По приказу канцлера Сегье секретари допускали в протоколах неточности, записывали не все ответы обвиняемого.

Первоезаседание суда состоялось 14 ноября 1664 года. На этом и последующих судебных заседаниях присутствовала госпожа де Севинье, которая ненавидела Кольбера и сочувствовала Фуке. Она оставила письма, в которых описала поведение подсудимого. Первое время бывший суперинтендант держался уверенно. Он отказался давать присягу суду, так как не признавал законность Уголовной палаты, сформированной по настоянию Кольбера специально для суда над ним. На заявление судьи о законности Палаты, основанной королевским указом и утвержденной парламентом, Фуке, по свидетельству госпожи де Севинье, ответил, что «властями нередко делаются вещи, которые, спустя какое-то время, оказываются несправедливыми». Далее свидетельница процесса писала: «Господин председатель прервал его [Фуке]: «Как?! Вы хотите сказать, что Его Величество злоупотребил своей властью?» Господин Фуке ответил: «Это говорите вы, сударь, а не я. Я вовсе не это имел в виду, и странно, что, используя мое нынешнее положение, вы хотите столкнуть меня с королем; но, сударь, вам прекрасно известно, что случаются ошибки. Когда вы подписываете ордер на арест, вы находите это справедливым, на следующий день вы его отменяете: вы видите, что можно изменить точку зрения и мнение».

В середине июня Уголовная палата, рассмотрев протоколы первых допросов, постановила, что Фуке должен быть «препоручен», то есть из «узника по постановлению короля» становился «узником по постановлению Палаты». Поэтому режим его содержания под стражей несколько смягчился: ему позволили исповедоваться замковому канонику и разрешили передать через тюремщика несколько писем семье.

Примерно в это время общественное мнение в отношении Фуке стало меняться. Этому способствовало мужественное поведение подсудимого. Большую роль сыграли также «Оправдания» Фуке, которые были тайно напечатаны и распространены в Париже. Бывший суперинтендант сумел в тюрьме написать и передать своим сторонникам материалы для 15 их выпусков. В них в язвительных и метких выражениях Фуке показывал истинную подоплеку суда над ним.

Кольбер встревожился. Он пустил слух, что заключенный может легко общаться с внешним миром, что охрана недостаточна, неэффективна и состоит с ним в сговоре. Однако к охране, которую по-прежнему несли мушкетеры д'Артаньяна, придраться было невозможно.

Их командир был безукоризненно вежлив и доброжелателен по отношению к узнику, но чрезвычайно строго выполнял все предписания. Однажды д'Артаньян приказал арестовать незнакомца, который пытался подкупить одного из мушкетеров: попросил охранника передать заключенному записку. Капитан мушкетеров срочно известил об этом короля. Виновного бросили в тюрьму, а Людовик успокоился, убедившись, что узник находится в надежных руках.

Фуке было разрешено пользоваться услугами адвокатов. Его семья привлекла к защите двух знаменитых парижских защитников, мессиров Лоста и Озане. 25 июня оба явились к воротам тюрьмы. Несмотря на предварительную договоренность, их не пустили, так как король разрешил встречу с адвокатами не раньше 1 июля.

Через два дня д'Артаньян получил еще один королевский приказ. Людовик требовал, чтобы адвокатов пускали в тюрьму только два раза в неделю, по вторникам и пятницам. Узник мог беседовать с ними только в присутствии наблюдателя. И 1 июля, когда адвокаты Фуке появились у ворот, их ознакомили с этим приказом. Однако они отказались от встречи на таких условиях. Протестовал и Фуке. «До какой крайности, — воскликнул он, — хотят довести человека, и так растоптанного страшными врагами, которым бесконечно доверяют в делах! Как может он серьезно заниматься своей защитой, если во время визита адвокатов он должен быть окружен "подозрительными личностями"»

Две недели длилось противостояние Фуке, его адвокатов и власти. Проблема обсуждалась даже в Уголовной палате. В конце концов, был предложен компромиссный вариант: заключенному будет разрешена дополнительная встреча с адвокатами на следующий день после каждого нового посещения (то есть количество свиданий увеличивалось), но все встречи будут

проходить только в присутствии д'Артаньяна.

4 декабря 1664 года допросы и слушания были завершены. Теперь следовало ожидать приговора. Утром следующего дня д'Артаньян зашел к узнику и увидел его с Библией в руках. Он удивился, так как предполагал, что Фуке будет занят подготовкой к последнему заседанию. Но заключенный ответил: «Моя карта бита. Мне остается лишь молиться Богу и ждать приговора. Каким бы он ни был, я приму его с тем же спокойствием духа, в котором вы видите меня сейчас. Я готов ко всему». Отказ от борьбы свидетельствовал либо о том, что узник был окончательно сломлен, либо о его необыкновенном мужестве. Ведь король требовал для него позорной казни через повешение.

13 декабря в 3 часа утра в парижском небе появилась комета. Сторонники бывшего суперинтенданта увидели в этом благоприятный знак. Действительно, 20 декабря Уголовная палата вынесла приговор, который оказался на удивление мягким. Большинством голосов — 13 против 9, подавших голос за смертную казнь, — Фуке по обвинению в заговоре и хищении государственных средств присудили к вечному изгнанию и конфискации имущества. Король был взбешен. Он заявил: «Если бы его приговорили к смерти, я позволил бы ему умереть».

Однако утвержденный Уголовной палатой приговор в любом случае было невозможно привести в исполнение. Фуке слишком много знал. Отправлять его в изгнание было слишком опасно. Поэтому король заменил предписание суда пожизненным заключением.

Узника перевели в замок Пиньоль. Здесь без права общения с близкими он прожил 15 лет. Только в мае 1672 года Людовик разрешил ему увидеться с женой и детьми. Здоровье Фуке быстро ухудшалось, и 23 марта 1680 года он скончался.

Через некоторое время у отдельных исследователей возникла неожиданная версия. Они стали отождествлять Фуке с Железной Маской — таинственным узником одного из французских замков. Однако эта версия не выдерживает критики, потому что о последних годах жизни Фуке известно абсолютно все.

Первый в истории нации суд над короной

Судебный процесс, в результате которого английский король Карл I Стюарт был приговорен к смертной казни, стал первым в истории судом, утвердившим право подданных не только подчиняться монаршей милости, но и требовать от государя защиты собственных интересов.

Казнь Карла I

В начале XVII столетия Англия раньше всех европейских держав вышла на передовые рубежи развития новых промышленных отношений. Нарождающаяся английская буржуазия впервые в истории ощутила свою значимость, а значит, и свое право требовать от короля защиты собственных интересов. Выразителем этих интересов был парламент, образованный в Англии еще в XIII веке как орган представительства всех сословий, в том числе английской буржуазии.

Однако правившая в то время династия Стюартов не признавала ограничений абсолютной монархической власти. Борьба между короной и парламентом обострилась уже при первом ее представителе — сыне Марии Стюарт Якове I. В таком же духе был воспитан и его наследник, Карл I, вступивший на трон в 1625 году.

В 1628 году молодой король, который сильно нуждался в средствах для поддержания привычного образа жизни, был вынужден созвать парламент. На первом же его заседании парламентарии подали королю «Петицию о праве», в соответствии с которой любые подати и налоги можно было взыскивать только с согласия парламента. Все остальные

приношения королю были объявлены незаконными. Однако Карл систематически нарушал принятый закон, а вскоре и вовсе распустил парламент.

Последующие 11 лет Карл правил единолично. Но в 1637 году началась война между Англией и Шотландией, и королю понадобились немалые средства. В апреле 1640 года Карл вынужден был вновь созвать парламент, чтобы утвердить дополнительные налоги. Однако парламент, защищая интересы буржуазии, не поддержал новый законопроект. К тому же парламентарии потребовали упразднить чрезвычайные королевские суды, введенные королем во время своего единоличного правления, а также наказать наиболее ненавистных чиновников. В ответ на это уже 5 мая Карл распустил и этот парламент, который вошел в историю под названием Короткого.

В сложившейся ситуации король явно переоценил свои силы. К осени стало ясно, что королевская власть в Англии находится в критическом состоянии — народ не подчинялся монарху. Поэтому в ноябре 1640 года Стюарт созвал новый парламент, получивший название Долгого (поскольку он просуществовал до 1653 года). Король был вынужден утвердить закон, по которому парламент можно было распустить только в соответствии с решением самого же парламента. Все институции королевской власти, в частности Звездная палата и Высокая комиссия, призванные вершить суд в государстве, были распущены. Таким образом абсолютная королевская власть была ограничена и монархия стала конституционной.

Карл I с этим смириться не мог. Он издал декларацию о защите короны от парламента и о формировании королевской армии. После неудачной попытки 4 января 1642 года арестовать пять наиболее влиятельных парламентариев по обвинению в государственной измене Карл вынужден был покинуть столицу. Он рассчитывал на поддержку провинций.

В стране установилось двоевластие. В июле 1642 года палата общин приняла постановление о создании собственной армии, а Карл I в августе того же года объявил парламенту войну. Это стало началом гражданской войны 1642–1646 годах. На стороне короля были отсталые в экономическом отношении северные и западные графства, а также англиканская церковь. За парламент ратовали экономически развитые юго-западные, а также отдельные промышленные и торговые районы центра и севера Англии.

Сначала преимущество было на стороне хорошо обученной королевской армии. Однако в 1645 году оппозиционеры создали постоянную армию с единым командованием и суровой

дисциплиной. Во главе армии парламента встал талантливый политик и полководец Оливер Кромвель. Ему удалось создать военные формирования, которые заслужили славу лучших в Европе.

14 июня 1645 года в битве при Несби новая армия парламента разгромила королевские войска. Королю удалось бежать в Шотландию, но противник захватил не только артиллерию, боеприпасы и королевские знамена, но также и секретную переписку королевского кабинета, которая сыграла большую роль в ходе последовавшего вскоре судебного процесса.

Шотландцы оказались ненадежными союзниками. За 400 тыс. фунтов стерлингов они выдали Карла парламенту. С этого момента король стал узником. Сначала местом его пребывания был избран Херсткасл. Сторонники короля готовили побег. Его племянник, принц Руперт, должен был освободить дядю из замка. Однако к тому времени Карла успели перевезти и заточить поближе к Лондону (в Виндзорском замке). По дороге к Виндзору во время остановки в Бэгшоте, поместье лорда Ньюберга, гостеприимный хозяин хотел предоставить своему королю одного из лучших скакунов, которыми славились его конюшни. В этом случае никакая погоня не смогла бы догнать Карла, если бы тот решился на побег. Но начальник стражи Гаррисон предусмотрительно велел отдать рысака одному из солдат конвоя. А в Виндзоре узник был переведен на более строгий режим содержания: число его слуг было сокращено; оставшиеся должны были доносить обо всем, что могло способствовать побегу. Дверь в помещение, где находился Карл, постоянно охранялась. Запрещались все свидания, а прогулки ограничивались террасой замка.

К этому времени решение о суде над королем было уже принято. Политическая ситуация в стране складывалась следующим образом. К власти пришла радикальная политическая группировка индепенденты во главе с Оливером Кромвелем. Эта политическая партия выражала интересы радикального крыла буржуазии и нового дворянства (джентри). Она насильственным путем добилась большинства в палате общин. 23 декабря этой палатой было принято постановление — оно назвало короля главным виновником всех несчастий в стране, которая действительно испытывала огромные трудности, связанные с гражданской войной и ее последствиями. Был назначен специальный комитет, который должен был разработать процедуру суда над Карлом I.

Не только в практике английского судопроизводства того времени, но и вообще европейского, подобных прецедентов не

было. Поэтому комитет учредил особую судебную коллегию, а палата общин 28 декабря 1648 года вынесла постановление о суде над королем.

Это решение далось парламенту нелегко. Из Лондона бежали многие его члены, в том числе и те, от которых зависела разработка юридических основ будущего процесса. Даже будучи убежденными противниками короля, не все парламентарии нашли в себе сил выступить против законного монарха.

1 января 1649 года палата общин рассмотрела и приняла проект ордонанса, представленный подготовительным комитетом. Он гласил: «Поскольку известно, что Карл Стюарт, теперешний король Англии, не довольствуясь многими посягательствами на права и свободы народа, допущенными его предшественниками, задался целью полностью уничтожить древние и основополагающие законы и права этой нации и ввести вместо них произвольное и тираническое правление, ради чего он развязал ужасную войну против парламента и народа, которая опустошила страну, истощила казну, приостановила полезные занятия и торговлю и стоила жизни многим тысячам людей… изменнически и злоумышленно стремился поработить английскую нацию. На страх всем будущим правителям, которые могут пытаться предпринять нечто подобное, король должен быть привлечен к ответу перед специальной судебной палатой, состоящей из 150 членов, назначенных настоящим парламентом, под председательством двух верховных судей». Было принято решение создать для суда над королем специальный Верховный суд правосудия.

Уже на следующий день палата лордов, состоявшая на тот момент всего из 16 человек, получила это постановление и единогласно отвергла его. Парламентарии-аристократы считали, что король обладает большими правами, чем парламент, и имеет право его распустить. А граф Нортумберленд, убежденный сторонник парламента, заявил: «Вряд ли даже один человек из 20 согласится с утверждением, что король, а не парламент развязал войну. Без предварительного выяснения этого обстоятельства невозможно короля обвинить в государственной измене».

Таким образом, представленный палатой общин законопроект, не получил юридической силы. Тогда 4 января 1649 года палата общин объявила себя носителем верховной власти в Англии. Права короля и палаты лордов были ограничены. Источником всякой законной власти был объявлен народ, а высшей властью — его избранники в лице членов палаты общин.

Несмотря на значительное недовольство политикой короля у

большинства населения, собрать Верховный суд правосудия оказалось делом не простым. Часть назначенных палатой общин судей отказалась принимать участие в судебном процессе. А один из них, Сидней, прямо заявил председателю суда Дж. Бредшоу, что «никакой суд вообще не имеет права судить короля, а такому, как этот суд, никого судить нельзя». Он фактически признал Верховный суд правосудия нелегитимным органом. В ответ палата общин приняла постановление, которое давало право вынести приговор даже в том случае, если решение принимали даже 20 его членов (окончательное количество судей должно было составить 135 человек). Причем, вопреки существующей в Англии системе судопроизводства, судьи Верховного суда правосудия являлись одновременно и присяжными заседателями. (Это сводило к нулю сам принцип института присяжных заседателей.)

19 января 1649 года Карл I был перевезен из Виндзора в Лондон. А на следующий день начался суд, который заседал всего 5 дней. Сначала зачитали парламентский акт, утвердивший полномочия суда. Потом ввели обвиняемого. Карл вошел и, не снимая шляпы, направился к предназначенному ему креслу, подчеркивая этим, что не признает правомочий суда.

Королю зачитали обвинительный акт. Его обвиняли в государственной измене, стремлении присвоить себе неограниченную и тираническую власть, уничтожить права и привилегии народа, развязать гражданскую войну, подготовить иноземное вторжение в Англию. Короля объявили ответственным «за все измены, убийства, насилия, пожары, грабежи, убытки. причиненные нации» во время войны. Его объявили «тираном, изменником, публичным и беспощадным врагом английского народа».

Карл несколько раз безуспешно пытался прервать чтение. Председатель суда Бредшоу предложил королю прокомментировать предъявленные обвинения. Однако тот, по-прежнему не признавая законности суда, потребовал от судей объяснений. Его интересовало, какая законная власть призвала его в этот зал. Ведь в его глазах единственной законной властью был он сам.

Суд ответа не дал. Пылкая речь короля, которую он заготовил, была прервана в самом начале. Под крики солдат «Правосудие, правосудие!» Карл был удален из зала. Бредшоу явно не хотел, чтобы присутствующие услышали из уст подсудимого, что он не может быть судим ни одним из судов Англии, тем более таким, который создан без участия палаты лордов.

Судьи попали в крайне затруднительное положение. Отказ короля отвечать на предъявленные обвинения не давал возможности провести судебный процесс и, в первую очередь, заслушать свидетелей и речь обвинителя. Без этого невозможно было вынесение смертного приговора, а это и было основной целью парламентариев. Процедуру суда следовало продолжать любой ценой.

Карла предупредили: его молчание суд будет расценивать как признание вины. Однако король продолжал занимать прежнюю позицию: он не признавал законности суда над ним. Тогда обвинитель предложил заслушать свидетелей без объяснений подсудимого. По его мнению, вина короля была слишком очевидна, чтобы соблюдать принятые нормы.

В течение двух дней были допрошены 33 свидетеля. Их показания были заслушаны на публичном заседании суда при огромном стечении народа. Допросы свидетелей длились два дня. 25 января показания свидетелей были зачитаны на публичном заседании суда. Однако, учитывая масштабы процесса, их все же нельзя было признать основанием для вынесения смертного приговора.

Большинство свидетелей говорило об участии Карла в сражениях против собственных подданных. Лондонский ткач Ричард Бломфилд засвидетельствовал, что солдаты короля грабили захваченных в плен в присутствии Карла. Другой свидетель, крестьянин из Рэтленда, рассказал о резне защитников города Лейстера. По его свидетельству, король в ответ на протест одного из офицеров своей армии сказал: «Меня мало беспокоит, если их будет вырезано в три раза больше — они мои враги». Этого, посчитал суд, было достаточно, чтобы обвинить монарха в тирании и убийстве собственных подданных (хотя в равной степени в развязывании гражданской войны был виновен и парламент).

Но в стране по-прежнему было немало роялистов и противников суда над королем. Среди них было много священников, которые агитировали за короля не только во время проповедей, но и на улицах и площадях городов. Европейские державы тоже пытались оказать давление на парламент. У берегов Англии курсировал флот племянника Карла, принца Руперта. Французский король издал манифест, осуждавший процесс. А Генеральные штаты Голландии направили в Лондон двух послов. Они должны были склонить парламент к отказу от суда.

Все это, однако, не повлияло на ситуацию. 27 января состоялось последнее заседание суда. Королю предоставили

последнее слово. Карл просил выслушать его в присутствии парламентариев обеих палат. Многие члены суда склонялись к тому, чтобы удовлетворить желание подсудимого. Но инициативу перехватил Кромвель, который тоже находился в зале суда. Он заявил, что ни одному слову короля нельзя верить, что нельзя ожидать ничего хорошего от человека, которого отверг Бог. Просьба короля была отклонена.

Затем выступил Бредшоу. Он заявил: «Существует договор, заключенный между королем и его народом, и обязательства, из него вытекающие, обоюдосторонние. Обязанность суверена защищать свой народ, обязанность народа — верность суверену. Если король однажды нарушил свою клятву и свои обязательства, он уничтожил свой суверенитет». Итак, по его твердому убеждению, судьи творили великое дело справедливости.

В заключение был зачитан приговор. Он гласил: «Упомянутый Карл Стюарт, как тиран, изменник, убийца и публичный враг, присуждается к смертной казни через отсечение головы от туловища». Под документом стояли только 59 подписей.

Казнь была назначена на 30 января 1649 года. В два часа пополудни одетый во все черное Карл I появился на площади, где был построен эшафот. Его окружали несколько шеренг кавалерии, которые отделяли толпу от места казни. Зрители заполняли не только площадь. Многие наблюдали за происходящим с балконов, крыш домов и уличных фонарей.

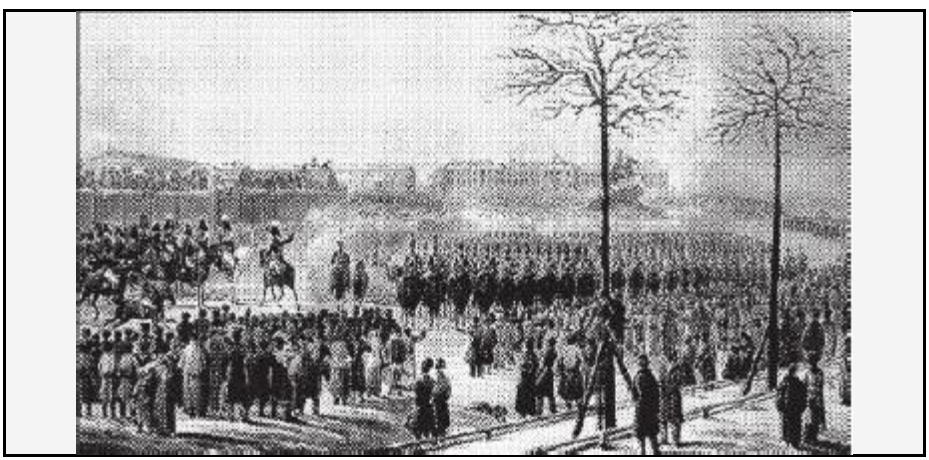
На помосте в одежде моряков, с наклеенными бородами и усами, в масках находились палач и его помощник. Карл взошел на эшафот, достал из кармана сложенный листок бумаги и зачитал прощальное слово. Никто кроме охраны его не услышал. А через минуту помощник палача, исполняя свои обязанности, поднял за волосы отрубленную голову казненного и показал ее толпе.

Казнь короля не принесла народу Англии облегчения. Через 10 лет королевская власть была реставрирована. В страну вернулся наследник престола, сын Карла I, которого короновали как Карла II. Он приказал судить всех, кто принимал участие в суде над отцом. На допросах многие из них говорили, что протестовали против приговора. Тело главного вдохновителя суда и казни короля Оливера Кромвеля в годовщину смерти Карла I было извлечено из могилы. Труп повесили, а потом отрубили ему голову. Туловище зарыли в яме, выкопанной под виселицей. А насаженная на копье голова еще долго пугала пустыми глазницами прохожих возле Вестминстера.

Жизнь и смерть на благо Отечества…

Декабрьское восстание 1825 года принадлежит к тем страницам русской истории, которые, на первый взгляд, хорошо известны любому школьнику. На самом же деле и сам переворот, и судебный процесс над декабристами до сих пор таят в себе немало загадок и являются объектами пристального внимания исследователей. Был ли мятеж вершиной деятельности тайного общества? Что послужило его причиной? Почему приговор декабристам был столь суров? За пределами устоявшейся концепции декабристского движения, сложившейся в 1930-1950-е годы, на этот счет существует множество различных мнений, которые не вписываются в канон и далеки от традиционных.

«14 декабря нельзя ни чествовать, ни праздновать, в этот день надо плакать и молиться», — так говорили о памятной дате сами декабристы.



К. Кольман. На Сенатской площади 14 декабря 1825 года

Однако в большинстве своем декабристы людьми несчастными себя не считали и вовсе не думали, что жизнь их прошла зря. Многие из них были счастливы тем, что долгие годы ссылки провели среди близких им по духу и устремлениям людей, что дожили до осуществления своей мечты об освобождении крестьян и своей деятельностью хоть в какой-то мере способствовали успеху великих реформ, хотя к старости почти каждый из декабристов расценивал свое участие в попытке государственного переворота как ошибку и заблуждение. «Я и

теперь сознаю в душе, — писал в своих «Воспоминаниях» декабрист А. Беляев, — что если б можно было одной своею жертвою совершить дело обновления Отечества, то такая жертва была бы высока и свята, но та беда, что революционеры вместе с собой приносят преимущественно в жертву людей, вероятно, большею частью довольных своей судьбой и вовсе не желающих и даже не понимающих тех благодеяний, которые им хотят навязать против их убеждений, верований и желаний. Я вполне убежден, что только с каменным сердцем и духом зла, ослепленным умом, можно делать революции и смотреть хладнокровно на падающие невинные жертвы». Надо признать, что чрезвычайно высоко развитое нравственное чувство отличало декабристов от революционеров последующих поколений. Даже затевая мятеж, «друзья 14 декабря» следовали лишь романтической установке «пожертвовать собой на благо Отечества». Далекая от романтики действительность и пролившаяся чужая кровь мгновенно их отрезвили и стали причиной того полного и нелицемерного раскаяния, через которое прошли практически все декабристы. «Каменным сердцем и духом зла» никто из мятежников 1825 года не обладал. Это утверждение может показаться противоречивым, ведь одной из основных целей заговорщиков было убийство царя и даже уничтожение всей императорской семьи. Собственно, именно как цареубийц декабристов и судили. Осведомленность в цареубийственных планах была серьезнейшим из всех предъявленных им обвинений, а на груди у пятерых повешенных была надпись «Злодей-цареубийца». Не будь подобных планов, большинство из осужденных просто не за что было бы наказывать, так как причастность к мятежу смогли вменить в вину лишь примерно 20 из 126 приговоренных.

Естественно, что в подобных условиях приверженность к идее цареубийства была значительно преувеличена следствием. Были собраны все, даже малозначительные эпизоды — и «сугубо теоретические дискуссии» декабристов, и высказывания, сделанные ими в запальчивости или в приступе ярости. Самым серьезным из установленных эпизодов была подготовка покушения на Александра I в кружке Рылеева. Осуществить задуманное должны были декабристы А. Якубович и П. Каховский. Но судьба избавила заговорщиков от необходимости претворять свой план в действие: в ноябре 1825 года царь умер.

Идея объединения в тайные организации широко распространилась в России еще в 1810-1820-х годах. В рядах тайных обществ тех лет группировались люди самых разных взглядов: от классических либералов и умеренных просветителей до приверженцев жесткой централизации и даже тоталитаризма.

Можно сказать, это было модным, особенно в провинции и армейских полках. В 1814 году герой войны М. Ф. Орлов создал «Орден русских рыцарей», который боролся за отмену крепостного права и ограничение власти царя. В том же 1814 году возникла «Священная артель», в которую входили офицеры (Бурцев, А. и Н. Муравьевы) и лицеисты (Пущин, Кюхельбекер, Вольховский). Само движение декабристов началось в среде образованных дворян, в числе которых также было немало офицеров. На мировоззрение декабристов, называвших себя «детьми 1812 года», повлияла Отечественная война. Победа над Наполеоном вызвала к жизни патриотическую гордость за свою страну. Но к ней примешивалась горечь: русский народ, освободивший Европу, оставался в рабстве. Даже ополченцы, вернувшиеся с войны, должны были вновь выходить на барщину. В 1816 году молодые офицеры С. Трубецкой, И. Якушкин, С. и М. Муравьевы-Апостолы основали тайное политическое общество — «Союз спасения», или «Общество истинных и верных сынов Отечества». Позже в него вступили П. Пестель, Е. Оболенский и др. — всего около 30 человек. В уставе Союза говорилось об установлении в России конституционной монархии. Обсуждалось и цареубийство, однако большинство членов тайного общества его отвергло. В 1818 году «Союз спасения» был преобразован в более широкую организацию «Союз благоденствия», насчитывавшую уже около 200 человек. Целями Союза провозглашались «совершенствование нравов, распространение гуманных взглядов и просвещения». Новое общество считало основной целью формирование в стране «общественного мнения», которое представлялось декабристам главной движущей силой общественной жизни. В 1820 году совещание руководящего органа «Союза благоденствия» — Коренной управы — единогласно высказалось за республику. Основной силой переворота решено было сделать армию, которой руководили бы члены тайного общества. Происшедшее на глазах декабристов выступление в Семеновском полку (1820 г.) в Петербурге убедило их, что армия готова к выступлениям (солдаты одной из рот заявили протест против муштры и палочной дисциплины жестокого командира полка Ф. Е. Шварца). Расправа с бунтовщиками была короткой. Зачинщиков прогнали сквозь строй и отправили на каторгу, полк расформировали. Спустя год были арестованы и отданы под суд еще четыре бывших семеновских офицера, которых подозревали в заговоре. В поисках членов тайных обществ власти заключали под стражу людей, единственная вина которых состояла в неуклонном следовании дворянской чести и желании поступать в согласии со своей

совестью. Процесс над ними был не только своего рода репетицией процесса декабристов, но и продемонстрировал создавшуюся после семеновской истории ситуацию, полную страха и непонимания, чреватую многими гибельными последствиями, одним из которых в конечном итоге и стало восстание на Сенатской площади.

Александр I, которого потрясло восстание в Семеновском полку, расценил бунт как следствие неумеренного либерализма. Это стало для него свидетельством несвоевременности реформ. Окончательный переход царя к консервативной политике заставил декабристов отказаться от надежд на проведение реформ властью. Тем временем в 1821 году съезд Коренной управы в Москве объявил «Союз благоденствия» распущенным. Умеренные члены организации с облегчением отошли от его деятельности. Но наиболее решительно настроенные участники создали новые тайные общества: Северное и Южное. Северное общество находилось в Петербурге, Южное — на Украине. Руководителем Южного общества стал один из выдающихся декабристов — П. Пестель. Члены Южного общества были противниками идеи

Учредительного собрания и сторонниками диктатуры Временного верховного революционного правления. Именно последнее должно было, по их мнению, взять в свои руки власть после успешного революционного переворота и ввести заранее подготовленное конституционное устройство, принципы которого были изложены в документе, позже названном «Русской правдой». Россия объявлялась республикой, крепостное право ликвидировалось, сословный строй полностью упразднялся. Северное общество декабристов возглавил Н. Муравьев; в руководящее ядро входили Н. Тургенев, С. Трубецкой, Е. Оболенский. Программным документом Северного общества была «Конституция» Н. Муравьева, в которой отстаивалась идея превращения России в конституционную монархию.

У членов Северного и Южного общества были разногласия по многим вопросам, но и те и другие пришли к выводу, что преобразования в стране необходимо осуществить путем революции. Однако декабристы не хотели бунта и кровопролития. Кровавый опыт Французской революции страшил их. По их мнению, революция должна была совершиться для народа, но без его участия. Поэтому они стремились опереться только на армию. Образцом для декабристов стала революция в Испании, осуществленная военными.

На 1826 год был намечен съезд Северного и Южного обществ, на котором предполагалось выработать общие конституционные

основы будущего государственного устройства. Однако сложившаяся в стране ситуация вынудила декабристов выступить раньше намеченного срока.

В ноябре 1825 года внезапно умер царь Александр I, после смерти которого не осталось прямых наследников. Его старший брат Константин задолго до этого отказался от престола, но отказ царская фамилия хранила в тайне. Наследовать Александру I должен был его брат Николай, которого в армии ненавидели и считали солдафоном. Между тем армия принесла присягу Константину. Однако вскоре распространились слухи о том, что последует новая присяга — императору Николаю. Армия волновалась, недовольство в стране росло. В то же время декабристам стало известно, что об их деятельности уже знает правительству. Медлить было нельзя. Поскольку решающие события междуцарствия разыгрывались в столице, она, естественно, становилась центром предстоящего переворота. Северное общество приняло решение об открытом вооруженном выступлении в Петербурге и назначило его на 14 декабря 1825 года — день, когда должна была происходить присяга новому императору Николаю I.

План революционного переворота предполагал воспрепятствовать присяге, поднять сочувствующие декабристам войска, привести их на Сенатскую площадь и силой оружия (если не помогут переговоры) не допустить Сенат и Государственный совет присягнуть новому императору. Депутация от декабристов должна была заставить сенаторов принять Манифест к русскому народу. В Манифесте объявлялось свержение правительства, отменялось крепостное право, уничтожалась рекрутчина, объявлялись гражданские свободы и созывалось Учредительное собрание. «Диктатором» предстоящего восстания был избран князь С. Трубецкой, опытный военачальник, участник войны 1812 года, хорошо известный гвардии.

Первый восставший полк под предводительством А. Бестужева пришел на Сенатскую площадь утром 14 декабря и построился в каре около памятника Петру I. Позднее к нему присоединились еще два полка. Всего на площади под знаменами восстания собралось около 3 тысяч человек. Однако цели, поставленные декабристами, не были достигнуты. Николай I успел привести Сенат и Государственный совет к присяге ещё затемно, когда Сенатская площадь была пуста. «Диктатор» Трубецкой на площадь не явился. Каре восставших несколько раз отражало беглым огнем натиск оставшихся верными Николаю гвардейцев. Попытка генерал-губернатора Милорадовича уговорить мятежников не принесла успеха. Милорадович был

смертельно ранен декабристом П. Каховским. К вечеру восставшие выбрали нового руководителя — князя Оболенского, но было поздно. Николай, успевший стянуть на площадь верные ему войска и окружить восставших, боялся, чтобы «волнение не передалось черни», и скомандовал стрелять. После второго залпа каре, простоявшее на холодном ветру несколько часов, рассыпалось и побежало. По официальным данным было убито более 1200 человек. К ночи восстание было подавлено. В конце декабря, когда на юге уже было известно о поражении восстания в Петербурге, Южное общество подняло мятеж. Восстание Черниговского полка 29 декабря 1825 года возглавили С. Муравьев-Апостол и М. Бестужев-Рюмин. Однако ни один полк не поддержал инициативы черниговцев. 3 января 1826 года мятеж на юге был разгромлен правительственными войсками.

17 декабря 1825 года высочайшим указом был основан «тайный комитет для изыскания соучастников злоумышленного общества, открывшегося 14 декабря», который возглавил военный министр А. И. Татищев. 1 июня 1826 года был создан Верховный уголовный суд, который работал по 12 июля 1826 года. В состав суда вошли члены Государственного совета, сенаторы, члены Святейшего синода, а также лица, специально назначенные императором (всего 68 человек). В самом начале деятельности суда в его составе сформировались две группировки: «патриотов», выступавших за максимально суровые наказания, и «филантропов», отстаивавших относительно мягкие меры.

К следствию и суду по делу декабристов было привлечено 579 человек. Следственные и судебные процедуры велись в глубокой тайне. Пятеро руководителей — Пестель, С. Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Рылеев и Каховский — были казнены 13 июля 1826 года. Первоначально суд приговорил их к четвертованию (жестокая средневековая казнь), но Николай заменил его позорным для дворян повешением. 121 человек был приговорен к заключению в крепость, каторжным работам или ссылке на различные сроки. Свыше 1000 солдат были прогнаны сквозь строй, некоторые сосланы в Сибирь на каторгу или поселение, более 2000 солдат переведены на Кавказ, где в то время велись военные действия.

Процесс декабристов продемонстрировал собой всю глубину непонимания, возникшего между двумя поколениями вокруг слов «честь», «польза», «долг перед Отечеством». У декабристов и их судей оказались разные мнения на этот счет. И многие из арестованных совершенно не понимали, что на их рыцарских понятиях успешно играли следователи и сам император, вытягивая под «слово дворянина» те или иные показания, которые

затем становились основой для будущих обвинений. Именно обличение недобросовестности следствия явилось основной темой почти всех последующих воспоминаний и записок декабристов. Декабристы дружно сообщают, что на допросах в Следственном комитете им предъявлялись вымышленные показания товарищей. «Все средства казались для них хороши. Они предъявляли ложные показания, прибегали к угрозам очных ставок, которых затем не производили. Чаще всего они уверяли пленника, что его преданный друг во всем им признался. Обвиняемый, затравленный, терзаемый без пощады и милосердия, в смятении давал свою подпись», — писал А. Муравьев.

Восстание декабристов внушило власти непреодолимый страх перед любыми серьезными преобразованиями. Стремясь не допустить впредь ничего подобного, новый царь крайне усилил репрессивный аппарат. В обществе воцарились подозрительность и раболепие.

Однако значение восстания декабристов было понято уже их современниками: «Не пропадет ваш скорбный труд», — писал А. С. Пушкин в своем «Послании в Сибирь». Уроки восстания 1825 года были учтены их преемниками по революционной борьбе: Герценом, Огаревым, последующими поколениями русских революционеров. А.И. Герцен писал: «Казнь декабристов разбудила ребяческий сон моей души». Профили пяти казненных декабристов на обложке его «Полярной звезды» стали символом борьбы против царизма. Замечательной страницей в русской истории был подвиг жен осужденных на каторгу декабристов, которые добровольно последовали за мужьями в Сибирь. Преодолев многочисленные препятствия, на рудники Забайкалья приехали М. Н. Волконская, А. Г. Муравьева (с ней А. С. Пушкин передал послание декабристам «Во глубине сибирских руд») и Е. И. Трубецкая, позднее в Читу отправились А. И. Давыдова, Е. П. Нарышкина и др. Уезжая в Сибирь, эти женщины лишались дворянских привилегий и переходили на положение жен ссыльнокаторжных, ограниченных в правах передвижения, переписки, распоряжения своим имуществом и т. д. Они не имели права брать с собой детей, а возвращение в Европейскую Россию не всегда разрешалось даже после смерти мужей. Об их подвиге рассказал Н. А. Некрасов в поэме «Русские женщины», которую первоначально назвал «Декабристки».

«заговор идей», или «Суд над намерениями»

Казнь петрашевцев

Судебный процесс, получивший название «дело петрашевцев», является одним из самых масштабных и драматичных в истории России. Во время следствия по этому делу привлекались более 120 человек. Около 40 из них были арестованы. Обвиненные в «заговоре идей» 15 человек были приговорены к смертной казни. Лишь после произнесения приговора и инсценировки расстрела на Семеновском плацу осужденным объявили о замене казни бессрочной каторгой. Многие из «заговорщиков», получивших столь суровое наказание, были виноваты лишь в том, что не донесли на своих товарищей.

Так называемое «дело петрашевцев» известно в нашей истории прежде всего благодаря участию в кружке Петрашевского большого числа ученых и литераторов — А. и В. Майковых,

А. Н. Плещеева, М. Е. Салтыков-Щедрина и, конечно, Ф. М. Достоевского, восходящей звезды на небосклоне русской литературы. А между тем значение этого политического процесса гораздо глубже. Как точно заметил И. Волгин в предисловии к своему труду «Пропавший заговор. Достоевский и политический процесс 1849 года», «здесь, по сути, начинается история русской интеллигенции. Здесь — одна из завязок нашей национальной судьбы».

Свое название петрашевцы получили от фамилии их идейного лидера, организатора кружка единомышленников Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевского. Будучи чиновником Министерства иностранных дел, Петрашевский имел многочисленных знакомых во всех слоях общества. В 1844 году в его доме на Покровской площади начали проходить собрания, которые с осени 1845-го стали еженедельными. Их посещали литераторы, чиновники, художники, офицеры, студенты (Д. Д. Ахшарумов, И. М. и К. М. Дебу, М. М. и Ф. М. Достоевские, С. Ф. Дуров, Н. С. Кашкин, В. Н. Майков, А. И. Пальм, А. Н. Плещеев, М. Е. Салтыков, Н. А. Спешнев и многие другие). Петрашевцы не имели ни оформленной организации, ни четко разработанной программы. Первоначально задачи собраний ограничивались самообразованием, общением на политические и философские темы. Разговоры об «Икарии» Кабе и «фаланстерах» Фурье были преобладающей темой их задушевных бесед. В поисках путей изменения социального уклада Петрашевский и его соратники обращались к социально-утопическим теориям Ш. Фурье и А. СенСимона, а также к материалистической философии Л. Фейербаха. Петрашевцы увлекались идеями французских социальных реформаторов, но в этом увлечении не было ничего политически опасного, и притом оно было характерно для многих образованных людей того времени.

Петрашевский пытался пропагандировать идеи утопического социализма и в обществе. Первым шагом на этом пути стало издание Петрашевским «Карманного словаря иностранных слов» под псевдонимом Н. Кириллов. Основное назначение словаря — показать, что «обновление обветшалых форм жизни есть необходимое условие всякого истинно человеческого существования». Как и во всем, что исходило от петрашевцев, в нем не было ничего опасного для общественного спокойствия. Однако позднее «Словарь», беспрепятственно пропущенный цензурою и даже посвященный великому князю Михаилу Павловичу, станет одним из главных пунктов обвинения против Петрашевского.

Кружок петрашевцев состоял в тесной связи со множеством других, где рассуждали совершенно в том же духе о притеснениях цензуры, о безобразии крепостного права, о продажности чиновничества, где со страстным интересом читали и комментировали теории Прудона, Луи Блана и, наконец, с восторгом слушалось знаменитое письмо Белинского к Гоголю. Один из таких кружков собирался у Иринарха Введенского; его участниками были молодые литераторы и студенты Г. Е. Благосветлов, А. П. Милюков и Н. Г. Чернышевский. Под

влиянием Французской революции 1848 года в среде петрашевцев зрели революционные настроения. Петрашевский разрабатывал программы освобождения крестьян, много размышлял об образовании, мечтал о юридических новшествах. Идеал политического устройства петрашевцы видели в республике и намечали программу широких демократических преобразований. В 1848 году М. В. Петрашевский написал «Проект об освобождении крестьян», предлагая прямое, безвозмездное и безусловное освобождение их с тем наделом земли, который они обрабатывали. Проблемы крестьянской революции в России рассматривались на собраниях в кружках братьев Дебу, Дурова, Кашкина. Самый влиятельный и наиболее радикальный из петрашевцев, Спешнев, высказывал мнение о необходимости преобразовать кружок в тайное общество для подготовки к возможной социальной революции. Он строил планы создания нелегальной типографии. Следует признать, петрашевцы не успели сделать ничего конкретного: они не издавали революционных газет и журналов, не призывали к революции и к террору. Даже на суде впоследствии говорилось: Петрашевский в конце 1848 года совещался со Спешневым, Черносвитовым, Момбелли и Дебу «об учреждении тайного общества, под названием, как сами они выражались, товарищества или братства взаимной помощи из прогрессистов и людей передовых мнений, которые бы могли двинуть гражданский быт вперед, на новых началах, посредством возвышения друг друга; однако же это общество, по разномыслию членов, не состоялось».

Итак, петрашевцы ни разу не пошли дальше отвлеченных рассуждений, даже в теории не смогли договориться относительно создания настоящей организации. Их действия ограничивались одними намерениями. Не случайно впоследствии Петрашевский назовет судебный процесс 1849 года «proces de tendances» — «судом над намерениями».

Свою деятельность Петрашевский и его единомышленники считали абсолютно легальной. Тем не менее в ночь с 22 на 23 апреля 1849 года по доносу провокатора наиболее активные петрашевцы были арестованы. «Честь» раскрытия этого общества принадлежала чиновнику, специализировавшемуся по части политического сыска, действительному статскому советнику И. П. Липранди. К следствию по делу петрашевцев привлекли более 120 человек. Комиссия квалифицировала их деятельность как «заговор идей». Несмотря на это участники кружка были жестоко наказаны. Из 23 человек, преданных суду, 15 были приговорены к смертной казни через расстрел, 6 — к более мягким исправительным мерам, один (Черносвитов) оставлен «в сильном

подозрении» и один приговор (над 19-летним Катеневым) отложен ввиду того, что обвиняемый подвергся «расстройству ума» и был отправлен в больницу Всех Скорбящих.

Лишь в последнюю минуту смертную казнь 15 петрашевцам отменили, заменив каторгой. Несмотря на это, им пришлось выдержать, как с содроганием вспоминал позднее Достоевский, «десять ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти». 22 декабря 1849 года приговоренные были привезены из Петропавловской крепости (где провели 8 месяцев в одиночном заключении) на Семеновский плац. Им прочли конфирмацию смертного приговора; подошел с крестом в руке священник в черной ризе, переломили шпагу над головою дворян; на всех, кроме Пальма, надели предсмертные рубахи. Петрашевскому, Момбелли и Григорьеву завязали глаза и привязали к столбу. Офицер скомандовал солдатам целиться… Фарс на Семеновском плацу был разыгран до конца (инсценировка расстрела очень выразительно описана Ф. М. Достоевским в романе «Идиот»). Один из приговоренных к расстрелу, Кашкин, вспоминал: «Когда привязанным к столбам и облаченным в саваны жертвам надвинули на глаза капюшоны, ни у кого уже не осталось сомнений, что казнь действительно совершится».

Петрашевцев судили на основании Свода военных постановлений, иначе говоря — сугубо военным судом, хотя осенью 1849 года Россия ни с кем не воевала и на ее территории действовали гражданские законы.

«Оказывается, нас судили!» — воскликнул в свое время один из декабристов, которых ни разу не вызывали в суд, но любезно пригласили для вынесения вердикта. Петрашевцы были лишены даже этой малости. О приговоре они услышали впервые на эшафоте — в виде неразборчивой скороговорки, стоя на 20-градусном морозе в ожидании смерти. В самом приговоре судьи тщательно перечислили статьи, на основании которых они вынесли свой вердикт и которые на эшафоте огласил аудитор. Никто из осужденных не получил на руки копию приговора. Затем всех осужденных отправили обратно в крепость, за исключением Петрашевского, которого тут же на плацу усадили в сани и с фельдъегерем отправили прямо в Сибирь.

В числе приговоренных к расстрелу был иФ. М. Достоевский. Непостижимо, но к столь суровой мере писателя приговорили за чтение вслух письма Белинского к Гоголю — и только. Возможно, им было сказано и несколько радикальных фраз, но не более. Говоря протокольным языком, приговор Достоевскому был юридически слабо обоснован — писатель был осужден несоразмерно его вине. Оглядываясь на свою «петрашевскую»

молодость, Достоевский много позже миролюбиво заметил: «Государство только защищалось, осудив нас». «Положим, что так, — пробует согласиться в своей книге «Пропавший заговор» И. Волгин, замечая при этом, — мера необходимой обороны была, однако, сильно превышена». 22 декабря 1849 года по возвращении с Семеновского плаца в Петропавловскую крепость Ф. Достоевский напишет, что он не утратил надежды когда-нибудь, после Сибири, увидеть и обнять близких ему людей. «Ведь был же я сегодня у смерти три четверти часа, прожил с этой мыслию, был у последнего мгновения и теперь еще раз живу!»

Позднее Достоевский скажет, что они стояли на эшафоте, не раскаиваясь в содеянном, и что людей, близких им по духу, но оказавшихся «необеспокоенными», на воле оставалось значительно больше. Действительно, от преследования удалось ускользнуть многим из бывших петрашевцев — Энгельсону, впоследствии деятельному участнику герценовской «Полярной Звезды», М. Е. Салтыкову-Щедрину и долгое время усердно посещавшему пятницы Петрашевского Аполлону Майкову.

Еще два писателя, которых смело можно причислить к петрашевцам, лишь потому не попали в число подсудимых, что умерли раньше начала следствия: это Валериан Майков и Виссарион Белинский. Майков был очень дружен с Петрашевским и принимал активное участие в составлении «Карманного словаря иностранных слов». Белинский за свое письмо к Гоголю, вероятно, был бы причислен к «преступнейшей категории сообщества», так как многие из петрашевцев были повинны только в распространении этого письма.

«Дело Петрашевского» долго было государственной тайной. Само имя Белинского было изъято из обращения и даже в первые годы царствования Александра II не произносилось в печати прямо, а заменялось выражением «критик гоголевского периода». Эта таинственность, в связи с суровым наказанием, понесенным участниками «общества пропаганды», создала представление о «деле Петрашевского» как о серьезном политическом заговоре, который часто ставился в один ряд с заговором декабристов. «Члены общества, — говорил в своем докладе Липранди, — предполагали идти путем пропаганды, действующей на массы. С этой целью в собраниях происходили рассуждения о том, как возбуждать во всех классах народа негодование против правительства, как вооружать крестьян против помещиков, чиновников против начальников, как пользоваться фанатизмом раскольников, а в прочих сословиях подрывать и разрушать всякие религиозные чувства. Из всего этого я извлек убеждение, что тут был не столько мелкий и отдельный заговор, сколько

всеобъемлющий план общего движения, переворота и разрушения».

Приговор, вынесенный петрашевцам, был действительно жесток и, по-видимому, служил профилактическим целям. Его карающая мощь была направлена не столько против поступков отдельных людей, сколько против идей, которые казались тем подозрительнее, что прямо не подпадали под статьи Уложения о наказаниях. Правительство пыталось разрушить не тайное общество, а тайную общность людей, думающих не так, как положено. Конечно, Николай прекрасно понимал разницу между повстанцами 1825 года и «клубистами» года 1849-го. Но вторые в известном смысле были даже опаснее первых. Ибо само их существование доказывало, что посеянные декабристами зерна дали «ядовитые» всходы. И если повстанцы 1825 года действовали «почти на голом месте», то за петрашевцами уже просматривалась традиция. Их движение было разрозненно, не оформлено и потому практически неуловимо, что делало его еще опаснее. Оппозиция власти из явления временного и случайного становилась постоянной чертой русской общественной жизни.

Декабрьского погрома хватило почти на четверть века. Второй политический процесс должен был дать острастку на неменьший исторический срок. При всем при том государю Николаю Павловичу не нужны были мученики. Русский царь не желал ужасать Европу публичным убиением на площади двух десятков интеллигентных молодых людей, чья вина в глазах той же Европы, еще не остывшей от настоящих мятежей, выглядела бы не слишком серьезно. Император хотел казнить не казня.

Сам переживший несколько ужасных часов на площади у Зимнего дворца, он знал цену смертному страху. Он понимал, что страх этот порою страшнее самой смерти. Проявив себя в деле декабристов как талантливый лицедей, теперь, на закате своей карьеры, Николай предпочел оставаться за кулисами.

Жертвы Семеновского плаца оказались последними идеалистами: наступала эпоха практических дел. «Целый заговор пропал», — скажет Достоевский и будет прав. Заговор 1849 года пропал как «душевная драма целого поколения; как случайный и обременительный опыт, который не был востребован никогда и никем». Однако именно деятельность кружка М. В. Петрашевского положила начало распространению в России социалистических идей.

«Дело 193-х», или «Большой процесс»

Это был самый крупный политический процесс за всю историю царской России, «процесс-монстр», как называли его современники; на нем власть судила фактически не конкретных лиц, а само историческое явление «хождения в народ», которое имело место в 1874 году.

Весной 1874 года в России развернулось интересное явление: массовое «хождение в народ», то есть в крестьянство, российских революционеров-народников. Они, вооружившись пропагандистской литературой, решили заняться проповедью идей всеобщего равенства, а заодно объяснить жителям села, «кто виноват» и «что делать». Эта акция быстро приняла беспрецедентный размах: «хождение в народ» было зафиксированы в 51 губернии империи, а общее число участников — «просветителей крестьянства» — перевалило за 10 000 человек! При этом одновременно к акции подключились абсолютно все народники, на время оставив споры по поводу тактики движения.

Жандармские документы свидетельствовали, что этот невероятный «крестовый поход социализма» не имел аналогов в мире; такой «энергии и самоотвержения не знала ни одна история тайных обществ в Европе».

Однако «хождение» народников при этом продолжало оставаться вполне мирным, пропагандистско-просветительским движением, а сами крестьяне реагировали на беседы неопасным для самодержавия образом. На борьбу жители села подниматься не собирались, а особо активных «учителей» просто сдавали местным властям. По сути, в этом случае правительству следовало бы ограничиться судом над самыми необузданными бунтарями (их даже народники называли «вспышко-пускателями»); однако царизм мелочиться не стал. Видимо, кто-то наверху решил, что «лучше перебдеть, чем недобдеть», и на головы всех без исключения «ходебщиков» обрушились жесточайшие репрессии.

Устроить нечто похожее на общегосударственную облаву на народников помог случай. 31 мая 1874 года в Саратове жандармы «накрыли» всероссийскую явку, законспирированную под башмачную мастерскую. В руках властей оказались десятки адресов и шифров, что позволило «вычислить» огромное число кружков в разных губерниях империи. 4 июля того же года повсеместно начатое дело «О пропаганде» было централизовано; теперь за результаты расследования отвечали начальник

Московского губернского жандармского управления генерал-лейтенант И. Л. Слезкин и прокурор Саратовской судебной палаты С. С. Жихарев. Последний, кстати, являлся юридически ответственным распорядителем дознания.

Стараниями этой «сладкой парочки» Россию захлестнул такой «следственный потоп», какого история русского революционного движения еще не знала. За несколько месяцев число арестованных превысило 8000 человек! Затем правительство решило устроить грандиозный показательный процесс против «крамолы»; его целью должно было стать представление революционеров в виде закоренелых преступников. Предполагалось, что после столь масштабного разбирательства на народников ополчится как российская, так и мировая общественность.

Власти рассчитывали на успех недаром. Россиян можно было легко припугнуть размахом «преступных группировок»; к тому же против 8000 арестованных жандармы успели собрать массу документальных улик, что позволяло разоблачить опасность «крамолы» и щегольнуть профессионализмом карателей. Вопрос о подготовке процесса обсуждался на заседаниях Комитета министров 18 и 26 марта 1875 года. Однако вскоре стало ясно: жандармы в горячке посадили за решетку массу совершенно непричастных к «хождению» людей. Наспех проведя отсев жертв следственной ошибки, лица, ответственные за подготовку процесса, привлекли к дознанию. всего 770 человек! А после нового отбора число обвиняемых «просветителей крестьянства» сократилось до 265 человек.

Следователи старались сформулировать обвинения как можно более жестко, и с этой целью старательно подтасовывали факты. К тому же на подследственных весьма изобретательно «давили», на них науськивали свидетелей. В итоге следствие растянулось на три с половиной года. За это время число народников, привлеченных по делу о «крамоле», существенно сократилось: не выдержав жуткого существования в тюремных казематах и «задушевных» бесед с жандармами, 43 человека скончалось, 12 предпочли сами наложить на себя руки, а 38 сошли с ума.

Осенью 1877 года 197 наиболее опасных народников получили на руки обвинительный акт. Но вскоре скончались еще четверо подследственных, так что перед судом предстали в итоге 193 человека. Обвинительный акт, составленный по указанию сверху, говорил о «едином преступном сообществе», которое ставило своей целью «исполнение всероссийского злодейского заговора». В частности, подсудимым вменялась в вину подготовка

«ниспровержения порядка государственного устройства», «готовность к совершению всяких преступлений» и намерение «перерезать всех чиновников и зажиточных людей». Об учении народников говорилось отдельно; «крамольники» якобы проповедовали житье за чужой счет. Естественно, власти были уверены, что такие обвинения ужаснут не только среднестатистического обывателя, но и представителей «мозговой элиты». А значит, общество с ужасом отвернется от народников.

«Процесс 193-х» начался 18 октября 1877 года. Председателем суда выступал умудренный карательным опытом сенатор К. К. Петерс, а прокурором был назначен карьерист В. А. Желеховский, которого даже собственные коллеги за глаза именовали «воплощенной желчью». Подсудимые в большинстве своем успели договориться между собой, как вести себя во время заседаний. В том случае, если власти пойдут на проведение закрытого процесса, обвиняемые решили бойкотировать его, а если суд все же будет гласным, то использовать его как трибуну для пропаганды своих идей. Из-за этого 62 человека вообще отказались от услуг адвокатов, самостоятельно подготовив защитительные речи.

Процесс тем временем власти объявили публичным. Однако для заседаний было выделено такое помещение, что в зале едва уместились судьи, подсудимые и охрана. При этом на обычные для подсудимых места усадили якобы организаторов «преступного сообщества» — Мышкина, Ковалика, Войнаральского и Рогачева. Что же касается остальных обвиняемых, то им пришлось занять. места для публики! В итоге, свободными остались только 15–20 мест в углу зала. На них усадили «проверенную публику», пришедшую по именным билетам, и нескольких агентов III отделения. Кроме того, сановная публика занимала проходы между судейскими креслами. Двери здания, наводненного невероятным числом жандармов, во время процесса оставались закрытыми. Складывалось впечатление, что здание находится в осаде.

Таким образом, суду удалось оградить себя как от излишней огласки, так и от возможных эксцессов. Сами же обвиняемые на процессе были разделены на 17 групп; их дела рассматривались раздельно ввиду «недостаточности помещения». Из-за этого 120 народников заявили о том, что власти прибегают к юридическому шулерству, и бойкотировали суд (отказались являться на заседания). Этих участников процесса пресса окрестила «протестантами». Свое решение они мотивировали желанием остаться чистыми в глазах России; поскольку «протестантов» фактически лишили возможности превратить скамью подсудимых

в трибуну, они «прямо и открыто плюнули на этот суд». Каждый из 120 «отказников» не только говорил о том, что не признает суд, но и сопровождал это обличительными репликами. Особо отличился в этом плане Феофан Лермонтов; молодой человек язвительно предложил сенаторам «вместо всего другого лучше прочитать сегодня же окончательный приговор, который, вероятно, уже давно заготовлен у суда». «Протестанты» поставили суд в весьма затруднительное положение, выбив из рук устроителей процесса инициативу обвинения. Эти 120 человек держались принципа «один за всех, все за одного» и столь эмоционально выступили против организаторов процесса, что судья вынужден был закрыть заседание и удалить народников из зала. Сцены протеста продолжались до тех пор, пока эту часть подсудимых вообще не перестали приводить в суд. Ничего подобного в истории царского суда не было ни до, ни после этого процесса! А впереди его устроителей ждали еще более интересные сюрпризы. Сенаторы роптали на необходимость ежедневно выслушивать от подсудимых оскорбления в свой адрес, судьи пребывали в растерянности, каждое заседание оборачивалось скандалом. Не выдержав этого, К. К. Петерс 30 ноября серьезно заболел, и доводить процесс до конца пришлось сенатору К. К. Ренненкампфу.

Когда суд над «протестантами» скандально провалился, обвинение взялось за так называемых «католиков», которые согласились на участие в процессе. Но и их не удалось выставить выродками. Улик в преступной деятельности обвиняемых не хватало; в лучшем случае судьи обнаруживали, что кто-то из них вел «предосудительные беседы» или распространял «запрещенные книжки». А тут еще свидетели массово стали отказываться очернять народников. Они заявляли, что прежние показания давали под давлением прокурора, лгали из корысти. В большинстве же своем свидетели говорили: следствие шло слишком долго и они успели «все забыть».

Никогда в России — ни раньше, ни позже — состав защиты на политическом процессе не был таким блестящим, как по делу «193-х». Здесь был представлен почти весь цвет российской адвокатуры. Эти люди так или иначе оказались связанными с революционерами — идейно, лично или родственными узами. Так, «король адвокатуры» В. Д. Спасович, например, был ближайшим другом Сигизмунда Сераковского. «Совесть адвокатского сословия» Д. В. Стасов долгое время поддерживал приятельские отношения с А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским. Е. И. Утин был братом основателя и руководителя Русской секции I Интернационала Н. И. Утина, В. О. Люстиг — братом

народовольца Ф. О. Люстига (осужденного на 20 лет каторги), Г. В. Бардовский — братом социалиста П. В. Бардовского (повешенного жандармами ранее). Что же касается знаменитого оратора П. А. Александрова, то он сам лично числился в списках III отделения как лицо весьма неблагонадежное. А молодой Н. П. Карабчевский, впоследствии ставший лучшим адвокатом России, был женат на сестре народовольца С. А. Никонова. Подобным образом с революционерами оказались связаны 35 участвовавших в процессе защитников!

Естественно, адвокаты не давали обвинению ни единой спокойной минуты; за два дня до окончания процесса представитель III отделения жаловался императору на то, что «защитники, вместо того чтобы сдерживать подсудимых, подстрекают их».

15 ноября 1877 года произошло кульминационное событие суда над народниками. В этот день на заседании выступил Ипполит Мышкин, чья речь, предварительно согласованная с остальными подсудимыми и выражавшая их общую точку зрения, стала одной из наиболее знаменитых в истории политических процессов. Мышкина, успевшего поведать присутствующим об основных идеях народнического социализма, разоблачить антинародную политику царизма после «мнимого освобождения крестьян» и предупредить, что нынешнее положение народа чревато революционным взрывом, председатель суда прерывал 60 (!) раз. В конце обвиняемый сказал: он имеет полное право назвать этот суд отвратительной и позорной комедией.

Председатель суда хотел удалить речистого народника из зала, но другие подсудимые ему помешали это сделать. В помещении завязалась самая настоящая драка; Мышкина жандармам все же удалось выволочь за дверь, а его товарищи по несчастью тем временем бросали в лицо судьям обвинения. Дмитрий Рогачев, который мог легко завязать узлом кочергу, до полусмерти перепугал сенаторов, пару раз основательно тряхнув решетку, за которой сидели народники.

Такого в истории криминалистики не случалось ни разу. Достаточно сказать, что председатель суда просто сбежал, даже не объявив о закрытии заседания. В зале стоял невообразимый шум. Желеховский причитал: «Это настоящая революция!» Наконец вооруженной охране удалось выпроводить присутствующих и отправить подсудимых обратно в камеры.

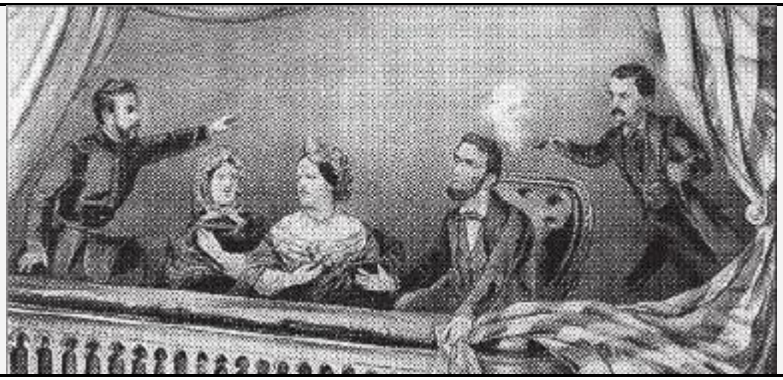
Речь Мышкина обошла мировую прессу, сильно подорвав авторитет российского суда и дома Романовых. Обвинение решило передать слушание «дела 193-х» в военный суд, однако адвокатура настояла на продолжении публичного процесса,

который закончился только 23 января. Итог его для властей оказался печальным: вместо обличения «крамолы» правительство предстало в совершенно неприглядном свете.

Чтобы сгладить общее негативное впечатление от процесса, Особое присутствие приняло решение смягчить приговор и даже рискнуло оправдать 90 человек обвиняемых. К тому моменту они уже успели отбыть по три-четыре года предварительного тюремного заключения. Но Александр II с этим постановлением не согласился, отправив 80 из 90 оправданных в административную ссылку; 39 народников были приговорены судом к ссылке, 32 — к тюремному заключению, а 28 — к каторжным работам на срок от трех с половиной до 10 лет. Самый большой каторжный срок получили пятеро подсудимых: Мышкин, Войноральский, Ковалик, Рогачев и Муравский. Ипполит Мышкин 19 апреля 1882 года бежал с Нерчинских каторжных рудников, добрался до Владивостока, но там был схвачен и доставлен в Шлиссельбургскую крепость, где заточен навечно в одиночную камеру. Но он и в Шлиссельбурге не опустил рук, боролся, протестовал, запустил тарелку в физиономию смотрителю-изуверу и за это 26 января 1885 года был расстрелян.

Кстати, никто из 193 осужденных прошение о помиловании так и не подал. Вместо этого 24 народника перед самой отправкой на каторгу обратились к «товарищам по убеждению» с политическим завещанием. «Процесс 193х» произвел огромное впечатление на современников; он всколыхнул как Россию, так и Европу, а также способствовал активизации оппозиционных царизму сил. А ведь все могло быть иначе, если бы власть не превратила обычное расследование в цирк едва ли не мирового масштаба. Вот уж действительно: «Какой мерой меряете.»

Убийство Авраама Линкольна



Убийство Авраама Линкольна

Трагедия произошла в вашингтонском театре Форда в 1865 году. Преступник, популярный в то времени актер и самый красивый мужчина в городе (по мнению подавляющего большинства женщин) Джон Уилкс Бут, беспрепятственно прошел в президентскую ложу и выстрелил высокому гостю в затылок. Линкольн скончался на следующее утро. Сам Бут, которому удалось бежать из театра, был убит спустя несколько дней во время организованной за ним погони.

Складывается впечатление, что самой опасной должностью в мире является пост президента Соединенных Штатов Америки. Ведь никакая служба безопасности не может дать гарантию, что очередной глава Белого дома не пополнит скорбный перечень своих предшественников, отправившихся к праотцам досрочно стараниями какого-нибудь потомка Герострата. Первым в списке покушений на жизнь американских президентов значится убийство Честного Эйба — Авраама Линкольна.

Утро 14 апреля 1865 года началось для хозяина Белого дома как обычно. Ничего не указывало на то, что этот день станет для Линкольна последним. Всего лишь три года назад Честный Эйб пережил очередное покушение: пуля наемного убийцы пробила его шляпу, не причинив, однако, никакого вреда здоровью. Вообще, в Америке многие не любили этого человека: отменив рабство, Линкольн тем самым нажил себе немало врагов среди белых плантаторов, которые по его милости лишились бесплатной рабочей силы. К тому же после нескольких покушений сам президент, похоже, смирился с мыслью о том, что

кто-нибудь из его «доброжелателей» все же достигнет поставленной цели и отправит его на тот свет. На рассуждения по поводу способов усиления охраны первый человек Америки мрачно отшучивался: мол, единственный надежный способ уберечь президента — это посадить его в железный ящик; в этом случае безопасность главе государства, конечно, будет обеспечена, зато и выполнять свои непосредственные обязанности он не сможет. Тем не менее, впервые постоянные телохранители появились именно у Линкольна. Кроме того, некоторое время президента оберегали сыщики чикагского сыскного бюро Алана Пинкертона, которые сумели предотвратить несколько покушений на главу правительства. Пинкертон, доживший до 1884 года (его агентство просуществовало до 1999 г.), любил повторять: если бы его люди постоянно охраняли жизнь 16-го президента США, он бы скончался разве что от глубокой старости. Но поскольку Линкольн являлся, по сути, «военным» президентом, о его безопасности заботилась в основном армия.

Просмотрев, как обычно, почту, Линкольн в 11 часов утра отправился на заседание кабинета. Там же присутствовал герой Гражданской войны генерал У. С. Грант. После совещания президент попросил его задержаться и поинтересовался: не сможет ли генерал с супругой сопровождать его и миссис Линкольн в театр Форда. Там как раз шла комедия Тома Тэйлора «Наша американская кузина», и весь Вашингтон восторгался игрой знаменитой актрисы Лауры Кин. Грант посетовал: он бы с удовольствием составил компанию высокопоставленной чете, но вечером в Нью-Джерси его будут ждать сыновья. Бравый генерал понятия не имел, что этот отказ от посещения храма искусства спасет ему жизнь. Тем временем личный секретарь Линкольна Кеннеди предупреждал своего босса об опасности этой поездки и настаивал на отмене запланированного посещения театра, о котором знал весь город. К сожалению, Честный Эйб отмахнулся от навязчивого советчика.

Актеры театра Форда знали, что 14 апреля на спектакль собирается заехать сам президент. Особенно возбудило это известие одного из ведущих артистов, Джона Бута. Красавчик, принадлежавший к числу ярых экстремистов-южан, люто ненавидел Линкольна. Он считал, что политика президента, собственно, и привела страну к Гражданской войне. Так что актер с удовольствием присоединился к группе заговорщиков, поставивших своей целью устранение неугодного главы государства. Вариантов предлагалось множество. Рассматривалась даже возможность похищения Линкольна и использование его в качестве заложника для обмена на

арестованных конфедератов-южан. Однако конечный вердикт организаторов покушения был таков: Линкольна предстояло публично убить (этот вариант расправы казался наиболее эффектным и драматичным), а вслед за этим последовательно устранить вице-президента Эндрю Джонсона и госсекретаря Уильяма Сьюарда.

Итак, 14 апреля 1865 года по мнению убийц сложились идеальные условия для реализации первой части плана «корректировки» государственной политики. В вашингтонском пансионе Мэри Саррот Бут спешно встретился с другими заговорщиками — Джорджем Ацеротом, Сэмом Арнольдом, Дэвидом Хэролдом и Льюисом Пейном. Детали плана группа обсуждала за бутылкой виски. Странно, но алкогольные пары, оказывается, способны не только толкать на различного рода «подвиги», но и будить впавший в кому здравый смысл. Во всяком случае, крепко выпив и набравшись храбрости, один из заговорщиков — Сэм Арнольд — заявил, что выходит из дела и не собирается принимать участия в покушении.

Четверо приятелей, высказав в адрес «отступника» все, что они по этому поводу думали, взялись распределять между собой роли. В итоге Пейну и Хэролду предстояло расправиться с госсекретарем, Ацероту следовало взять на себя убийство вице-президента (вместо решительных действий в указанное время заговорщик до полусмерти напился в ближайшем кабаке), а «честь» уничтожения президента досталась Буту.

Линкольн все же нашел себе и супруге компанию для посещения театра. Около девяти вечера он появился в своей ложе в сопровождении майора Генри Рэтбоуна и его невесты мисс Клары Харри. Комедия уже шла полным ходом, но около 2000 присутствовавших в зале зрителей поспешили подняться, приветствуя главу государства, а оркестр заиграл марш. Артисты выждали, пока все снова усядутся на свои места, и возобновили спектакль.

В 21.30 к зданию театра подъехал одетый во все черное и тщательно загримированный Бут, вооруженный двумя кольтами, пистолетом и двумя ножами. Часовому у двери он показал какой-то пропуск, который тот в полутьме даже не смог прочесть. Артист сказал, что должен передать президенту важное сообщение, и был пропущен наверх. Некоторое время он прятался у входа в ложу, выжидая подходящего момента. И тот вскоре представился. Один из охранников Честного Эйба, Джон Паркер, решил, что ничего страшного не случиться за то время, которое понадобится ему, чтобы заглянуть в ближайший бар. Едва он скрылся из виду, как Бут ворвался в ложу и спустил курок

пистолета, выкрикнув лозунг южных штатов в Гражданской войне: «Смерть тиранам!» Пуля пробила голову президента и застряла в области правого глаза. Убийцу пытался задержать майор Рэтбоун, однако артист, ранив офицера ножом, сумел спрыгнуть из ложи на сцену. И тут Буту не повезло: он запутался в занавесе, упал на подмостки, сломав ногу чуть выше колена. Тем не менее преступник сумел воспользоваться всеобщей суматохой, выбраться из театра и уехать верхом в неизвестном направлении. В то же самое время Пейн нанес удар ножом (по счастью, не смертельный) госсекретарю.

Авраама Линкольна тем временем с максимальной осторожностью усадили в кресло-качалку и перенесли в один из ближайших домов, куда срочно привезли врача. Но эскулап только бессильно развел руками. Помочь президенту могло разве что чудо, но его так и не случилось. Утром 15 апреля печальный список президентов США, погибших на своем посту, был открыт.

В оговоренном месте Бут встретился с Хэролдом, после чего сообщники отправились в штат Мэриленд, где рассчитывали получить убежище у единомышленников-южан. Поскольку сломанная нога все сильнее беспокоила актера, ему пришлось обратиться к знакомому врачу. Тот наложил на поврежденную конечность шину, и беглецы снова тронулись в путь. Но спустя 11 дней после трагедии в театре убийцу и его сообщника выследили и окружили на табачной ферме в штате Вирджиния. Переговоры с преступниками затянулись, поскольку добровольно сдаться в руки военных, осадивших здание, Бут желанием не горел. Наконец, терпение «загонщиков» лопнуло — ферму подожгли, после чего Хэролд решил, что лучше быть малодушным, но живым, чем героем, но свежеподжаренным. Бут же, прекрасно представлявший себе, что его ждет в случае ареста, предпочел застрелиться. Правда, существует предположение, что убийцу застрелил кто-то из преследователей, нарушив тем самым предписание военного министра Стентона: «Взять убийцу президента живым!» Такую возможность имел, например, подполковник Конджер — один из офицеров тайной полиции, руководивших операцией по захвату Бута. О том, что артист не был полоумным фанатиком-одиночкой, как принято считать, говорит не только обнаруженный в кармане убитого чек на весьма крупную сумму, подписанный главой Конфедерации. О том, что за спиной Бута скрывались весьма влиятельные персоны, заставляют задуматься еще несколько фактов. Так, убийца президента, получивший пулю, прожил еще три с половиной часа, причем все это время он находился в полном сознании. Врач, осматривавший смертельно раненого, предупредил военных, что

часы его пациента сочтены, поэтому для получения информации о покушении стоит поспешить произвести допрос. Однако, несмотря на это, актера так и не допросили. Что же касается дневника Бута, то его военный министр почему-то счел необходимым скрыть от суда. Когда же власти официально затребовали у Стентона данный документ, в нем отсутствовали 18 страниц. Что хотел скрыть военный от следствия? И что означала странная фраза, выведенная рукой Бута: «Я почти склонен вернуться в Вашингтон и. оправдаться, что, как мне кажется, я смогу сделать». Похоже, оправдаться убийца мог только в одном случае — раскрыв имена своих высокопоставленных сообщников, так и оставшихся в тени. А их было, судя по всему, немало. В записках есть упоминание об 11 членах конгресса, 12 армейских офицерах, трех офицерах флота и 24 гражданских лицах: губернаторе, журналистах, крупных банкирах, богатых промышленниках. Кроме того, в Америке долго ходили слухи о том, что Бут не был убит, что правительство разыграло этот спектакль с единственной целью: закрыть дело об убийстве президента. Сам же исполнитель «заказа» якобы прожил еще 38 лет, правда, под конец жизни он спился и наложил на себя руки. Тем не менее ответа на вопрос, был ли на самом деле Бут убит, как ни странно, нет и поныне.

Участников заговора достаточно быстро нашли и упекли за решетку. Решением их дальнейшей судьбы предстояло заниматься военному трибуналу. Почему не гражданскому суду, спросит любознательный читатель. Да потому, что, как сказал Джеймс Спид, который был Генеральным прокурором в то время, «во время войны законы и обычаи военного времени становятся частью общих законов страны». Итак, на громком судебном процессе заговорщиков признали виновными в подготовке убийства президента США и покушении на госсекретаря. Троих наиболее активных лиц приговорили к смертной казни. Сэма Арнольда, не принимавшего участия в покушении, но не предупредившего об их подготовке охрану Линкольна, ждали пожизненные каторжные работы. Та же участь постигла хирурга Сэмюэла Мадда, «собравшего» ногу убийцы. Что же касается рабочего сцены Эдварда Спенглера, по чьей вине Бут сумел выбраться из здания театра, то он получил шесть лет тюремного заключения.

Но финал истории убийства Честного Эйба не дописан и по сей день. Интересно, будет ли это дело пересмотрено в будущем? Всплывут ли новые факты и имена, некогда ускользнувшие от следствия или старательно не замеченные официальными лицами?

Дело Дрейфуса

С процессом по делу капитана французской армии Альфреда Дрейфуса, обвиненного в измене родине и приговоренного к ссылке на остров Дьявола (Французская Гвиана), связан самый большой скандал во Франции в конце XIX века. В итоге страна оказалась расколотой на две части, а правительство и армия были парализованы последующие 12 лет. Лучшие умы государства того времени считали капитана невиновным в инкриминируемом ему преступлении. Этот процесс сыграл огромную роль в общественной жизни Франции и Европы конца XIX века.

Публичное разжалование Альфреда Дрейфуса

А началась вся эта детективная история с трагическим концом с. обычной корзины для бумаг. Собственно, такая завязка сюжета для литературных произведений подобного жанра — вещь достаточно типичная. Вот только в данном случае речь шла не о романе, а о реальной жизни.

Итак, однажды французские контрразведчики обнаружили в мусоре, накопившемся в корзине в кабинете полковника Шварцкоппена, военного атташе немецкого посольства в

Париже, рукопись, в которой подробно излагались планы

французских фортификационных сооружений. Некоторые детали изложения указывали на то, что над данной бумагой поработал не простой шпион, а работник Генерального штаба.

Естественно, контрразведка проявила вполне объяснимый интерес к автору найденного опуса. Установление личности шпиона спецслужбы начали с того, что сопоставили почерк сотрудников Генштаба с почерком автора рукописи. В итоге кому-то из участников розыскных мероприятий показалось, что почерк одного из сотрудников проверяемой организации -35летнего Альфреда Дрейфуса — чем-то напоминает (!) манеру письма неизвестного шпиона.

Столь ничтожной зацепки для ареста капитана, понятно, было недостаточно. Тогда французские контрразведчики взялись «копать» прошлое подозреваемого. Выяснилось, что никаких причин изменять своей стране у военного не было. Однако при сборе информации всплыл интересный факт: этот богатый, холодный, сдержанный и малообщительный человек, отличавшийся склонностью к снобизму, на самом деле не француз по национальности, а еврей. Да к тому же родившийся в самой восточной провинции государства, густо населенной немцами, — Эльзасе. Да, Франция была первой европейской страной, предоставившей евреям равные права, но, тем не менее, давние традиции ненависти к ним так и остались неизжитыми. Это особенно наглядно проявилось в ситуации, когда подвернулась возможность свалить на представителя гонимой расы чужие грехи. Кстати, даже более прогрессивные в этом вопросе «левые», хотя и выступавшие в деле Дрейфуса против правительства, церкви и военных, на сторону несчастного капитана стать отказались. Лидеры «левых» настояли, чтобы социалисты в защите псевдошпиона не участвовали, чтобы не дать «еврейским капиталистам» шанс «использовать реабилитацию одного еврея и смыть тем самым все грехи Израиля». Лишь годы спустя некоторые французские социалисты признали правоту защитников Дрейфуса.

Понятно, что упустить такую возможность быстро и победоносно завершить дело о шпионаже не упустила бы ни одна спецслужба мира. Раз уж обстоятельства милостиво подсовывают контрразведчикам едва ли не идеального кандидата в шпионы, кто из боссов этой организации, находясь в здравом уме, откажется от такого подарка судьбы?! А тратить время, чтобы искать подлинного автора рукописи, — совершенно лишняя блажь.

В общем, спустя весьма непродолжительное время, 22 декабря 1894 года Дрейфус был обвинен в измене родине и

загремел за решетку до суда, а газеты вовсю кричали о скандальном расследовании. Антисемитские издания радостно сообщали о поимке очередного «шпиона-еврея», но большинство газет и журналов выражали сильное сомнение в том, что спецслужбы вышли именно на того человека, который писал о секретах французских фортификаторов. «Это мы еще посмотрим, кто арестован», — скептически хмыкали авторы изданий и высказывали требование проведения открытого процесса над обвиняемым.

Тем не менее ни о каком открытом процессе речь не шла — Дрейфуса ждал трибунал. Единственной уликой, которой располагало обвинение, по-прежнему оставалась злосчастная рукопись. А с ней, кстати, и правда было не все чисто. Во всяком случае, трое из пяти графологов, работавших с данным документом, решительно утверждали, что Дрейфус никакого отношения к нему не имел. Однако на трибунале фигурировали показания двух других экспертов. Возможно, почерк анонимного автора и напоминал им почерк подсудимого, но, скорее всего, графологам было не с руки связываться с военной разведкой, открывшей сезон «охоты на ведьм» и решительно настроенной повесить всех собак на столь подходящего кандидата в предатели родины.

Когда суд вызвал для дачи показаний представителя контрразведки, тот заявил, что в Генштабе уже давно завелся шпион, и военное ведомство долго билось над установлением его личности. Наконец, мол, справедливость восторжествовала, и. «Этот изменник сидит здесь!» — патетически воскликнул свидетель обвинения, в тот момент больше всего напоминавший плохого актеришку, играющего на сцене захудалого провинциального театра. Судьи, и сами, видимо, сомневавшиеся в виновности капитана, попросили контрразведчика обосновать свои обвинения в адрес Дрейфуса. Но вояка не стал вдаваться в подробности (возможно, ему просто нечем было подтвердить свои слова), а заявил: существуют секреты, которыми порядочный офицер не станет делиться даже с собственной шляпой. Оказалось также, что документальные материалы, на которых якобы и строилось обвинение, вообще не были представлены в суд! Контрразведка объяснила, что дело тут в особой секретности бумаг.

В итоге Альфред Дрейфус, вина которого, по сути, так и не была доказана, оказался приговоренным к разжалованию и ссылке в Южную Америку. В январе 1895 года его препроводили к месту пожизненной ссылки, на остров Дьявола. Перед отправкой в Гвиану с экс-капитана публично сорвали эполеты и провели

перед негодующим строем военных. Затем, уже в порту, «шпиона» жестоко избили местные жители.

Правда, счастье жертве судебной ошибки все же улыбнулось: через некоторое время сменился начальник французской контрразведки. Новый глава этой организации не являлся таким махровым антисемитом, как его предшественник. Не будучи уверенным в том, что в случае с Дрейфусом суд не допустил ошибки, он отдал приказ о продолжении тайной слежки за немецким атташе. Вскоре выяснилось, что Шварцкоппен благополучно продолжает получать из Генштаба секретные сведения. Значит, «шпион», осужденный трибуналом и пребывающий на острове Дьявола, ничего общего со шпионажем в пользу немцев не имел?! Наконец спецсужбы выяснили: все ниточки следствия ведут к одному лицу, имевшему доступ к бумагам, хранившимся в Генштабе, — майору Эстергази, сыну французского генерала. Этот офицер любил сорить деньгами и по уши увяз в долгах. Чтобы решить свои финансовые проблемы, майор, похоже, мог продать по сходной цене даже родную мать, а не то что отечество.

Сложно сказать, каким образом информация о выходе контрразведки на настоящего предателя попала в газеты, но печатные издания радостно ухватились за «жареные» сведения и подняли нешуточный шум. Во Франции сразу же начало набирать обороты движение за оправдание Дрейфуса, которое вскоре приняло угрожающий размах. А тут еще один из служащих контрразведки, первым заговоривший о виновности капитана, признался, что в данном случае им был совершен. подлог. Французская военщина, прекрасно осведомленная о том, что все улики указывают на другого сотрудника Генштаба, при содействии лидеров правого крыла в правительстве тайно ликвидировала доказательства невиновности Дрейфуса. Клеветника арестовали и до выяснения обстоятельств отправили в тюремную камеру. Там вояка при невыясненных обстоятельствах погиб, перерезав себе горло. Эстергази же, виновный в шпионаже и краже секретных документов, 11 января 1898 года был оправдан военным судом, причем участники заседания сделали для этого все возможное. У подсудимого даже обыска не провели! А как могло быть иначе, если Генеральный штаб и военное министерство хором давили на суд, заставляя его двигаться в желательном для военных властей направлении. Ведь признание ошибки, допущенной на предыдущем процессе, могло серьезно повредить престижу армии! Вот и были сфабрикованы новые «доказательства» вины Дрейфуса, а настоящий предатель отделался легким испугом. Сразу после снятия обвинения

Эстергази бежал из Франции. Спустя некоторое время он «всплыл» в Лондоне, где и провел остаток жизни, скрываясь от правосудия. Кстати, попав за границу, майор заявил, что автором скандального документа и в самом деле был он.

Получив столь ошеломляющие сведения, французская Фемида решение суда по делу Дрейфуса отменила. Без вины виноватый капитан, который успел пять лет провести на положении узника на острове Дьявола, был доставлен в Париж для нового судебного заседания.

Сильно постаревший, изможденный и больной, офицер вызывал у большинства своих соотечественников искреннюю жалость и сочувствие. При рассмотрении дела в кассационном суде выяснилось, что в деле Дрейфуса имеется не один, а множество подложных документов, и что первый обвинительный приговор был вынесен на основании данных, сообщенных судьям в совещательной комнате и не предъявленных ни обвиняемому, ни его защитнику. Резолюция кассационного суда почти предрешала оправдание. Вторичный разбор дела военным судом происходил осенью 1899 года в Ренне. Общественное возбуждение и напряжение достигли крайних пределов: во время процесса было даже совершено покушение на жизнь защитника Дрейфуса, Лабори, который, впрочем, отделался легким ранением. Свидетелями обвинения выступили, между прочим, пять бывших военных министров (Мерсье, Бильо, Кавеньяк, Цурлинден и Шануан), Буадеффр, Гонз. Они, не приводя доказательств, настаивали на виновности капитана. Защита, в свою очередь, требовала вызова Шварцкоппена, но в этом ей было отказано. Однако немецкий атташе все же сделал заявление через печать, что документы им получены от Эстергази лично, а германское правительство напечатало в «Reichsanzeiger» официальное заявление, что с Дрейфусом оно никогда дела не имело. Процесс тянулся с 7 августа по 9 сентября 1899 года. Затем судьи. снова признали обвиняемого виновным в государственной измене! Теперь многострадального капитана приговорили к 10 годам тюремного заключения.

Соотечественники Дрейфуса буквально задохнулись, узнав о столь отъявленном свинстве со стороны судебных властей. Жертва амбиций прежнего руководства контрразведки, капитан мог рассчитывать на «компенсацию морального ущерба», а вместо этого снова загремел за решетку. Ну и где справедливость?! Некоторые писатели и другие общественные деятели Франции решили вместе выступить против вопиющего беспредела. В стране назревал нешуточный бунт, подогретый высказываниями представителей «мозговой элиты». Особенно отличился в то

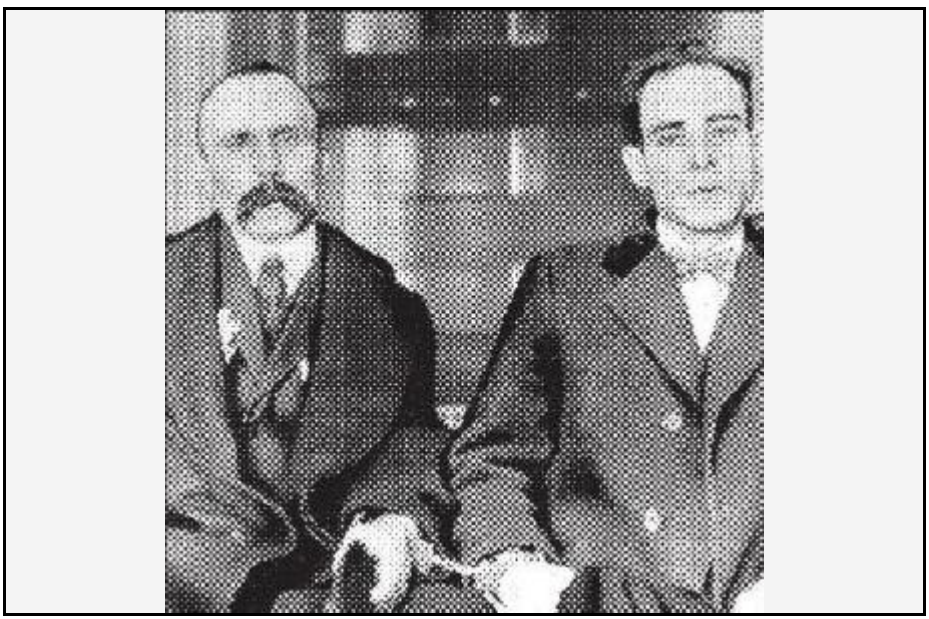
время знаменитый романист Эмиль Золя. Франция была по-настоящему шокирована, ознакомившись с газетной статьей мэтра литературы под названием «Я обвиняю». «Пусть погибнут все мои книги, — писал Золя, — если Дрейфус не является невиновным. Я не хочу, чтобы моя страна осталась во лжи и несправедливости. Когда-нибудь Франция поблагодарит меня за помощь в сохранении ее чести». Это страстное заявление Золя настолько потрясло общественное мнение, что правительству оставалось либо освободить Дрейфуса, либо арестовать Золя. К несчастью, оно выбрало второе. Золя был обвинен в клевете, приговорен к четырем годам тюремного заключения и 3000 франков штрафа. По счастью, писатель успел уехать в Англию и потому избежал сидения за решеткой. Вся Франция тем временем поделилась на дрейфусаров и антидрейфусаров, между которыми разгорелась ожесточенная борьба. Политические партии под влиянием этого дела в 1898–1899 годах были, фактически, перетасованы заново. На стороне обвинения выступило все военное сословие Франции, в том числе военные министры, весь Генеральный штаб, клерикалы, националисты и антисемиты. Радикалы же и социалисты в подавляющем большинстве стали на сторону несчастного капитана.

Наконец, система дрогнула: Альфред Дрейфус, который уже начал обживать тюремную камеру, в 1900 году был помилован. Спустя два года его соотечественники начали настаивать на необходимости полной реабилитации жертвы судебной ошибки. К тому времени пало французское правительство, сильный антисемитизм католической церкви Франции был обуздан, армия пережила массу серьезных потрясений. В ноябре 1903 Дрейфус подал очередную кассационную жалобу, и дело перешло на новое рассмотрение кассационного суда. В марте 1904 вышло постановление о проведении дополнительного следствия. Новый процесс по делу Дрейфуса, состоявшийся два года спустя, закончился признанием полной невиновности капитана.

Изрядно потрепавшего себе здоровье военного восстановили в армии, после чего присвоили ему звание майора и произвели в кавалеры ордена Почетного легиона. Без сомнения, эта высокая награда была предметом мечтаний многих французов, не за страх, а за совесть служивших своему отечеству. Но не слишком ли высокую цену заплатил за нее Дрейфус? Впрочем, его мнения на этот счет ни люди, ни судьба не спрашивали.

Процесс над Николло Сакко и Бартоломео Ванцетти

Этот громкий судебный процесс, длившийся около семи лет, большинство специалистов и самих граждан США считают главным позором американской судебной системы. Дело Сако и Ванцетти, по сути, стало следствием поразившей Штаты паранойи в отношении пресловутой «красной опасности». Ведь по закону этих двух итальянцев не имели права даже задерживать, поскольку полиция не располагала поводом для этого. Но суд специально подобранных присяжных, опираясь на показания лжесвидетелей и подтасованные данные экспертиз, вынес вердикт о виновности Сако и Ванцетти, а судья штата и федеральные судебные органы отклонили, вопреки существовавшим в США процессуальным порядкам и убедительным доводам защиты, все ходатайства о пересмотре дела. Так что эмигранты все же отправились на электрический стул, потому что являлись иностранцами и анархистами…



Николло Сакко и Бартоломео Ванцетти

15 апреля 1920 года в американском местечке Байнтри под

Бостоном (штат Массачусетс) двумя неизвестными лицами были ограблены и убиты инкассатор Фрэд Парментер и его охранник Алессандро Берарделли. Жертвы разбойного нападения везли зарплату на местную обувную фабрику. Перед зданием предприятия Парментер и Берарделли (тот был вооружен пистолетом 38-го калибра) вышли из автомобиля; под мышками мужчины держали несгораемые коробки, в которых находилось 160 000 долларов. У самой ограды фабрики инкассатора и охранника атаковали двое бандитов. Но оба работника предприятия оказали активное сопротивление грабителям, и один из неизвестных открыл стрельбу. Три пули прошили Берарделли, он упал на колени и начал кашлять кровью. Парментер же, получивший одно ранение, упал, уронив коробки, а затем приподнялся и пополз в сторону расположенной неподалеку канавы, которую копали рабочие-итальянцы. Тогда тот же нападавший догнал инкассатора и добил его выстрелом в упор. Затем бандит вернулся к охраннику и на глазах десятков свидетелей дважды выстрелил в него. Окружающие не успели отойти от шока, когда к зданию подъехал «бьюик». Спустя несколько мгновений грабителей и след простыл. Свидетели дали показания, что убийцами были два итальянца, после чего к следствию оказались привлечены десятки американцев итальянского происхождения.

Прошло всего несколько дней, и полиция штата раструбила: преступление раскрыто, виновные задержаны. Арестованными оказались 29-летний рабочий обувной фабрики Никколо Сакко и 32-летний торговец рыбой Бартоломео Ванцетти. Мужчин просто остановили на улице и надели на них наручники. Оба итальянца являлись анархистами-эмигрантами, активистами рабочего движения, руководившими забастовочной борьбой. Сотрудники правоохранительных органов объявили: при задержании подозреваемых у них в карманах было найдено заряженное огнестрельное оружие. Естественно, полиция решила, что виновные в убийстве и ограблении уже обнаружены, и перестала «копать» дальше. К тому же предполагаемые бандиты практически не владели английским и на вопросы следователя отвечали через переводчика. В итоге их показания вообще не были учтены! Не имевших судимостей и обладавших практически стопроцентным алиби мужчин упекли за решетку. А то, что на их стороне выступили другие американские итальянцы, сыграло обвиняемым плохую службу. Следователи просто заявили: «свои» покрывают реальных убийц.

Начало 20-х годов прошлого века в Америке было очень неспокойным периодом. В США росла антикоммунистическая и

антиэмигрантская истерия, власти устраивали рейды против любых радикальных политических сборищ (в том числе собраний социалистов и членов профсоюзов). Полиция начала повсеместные погромы левых организаций, тысячи рабочих-эмигрантов в спешном порядке выдворялись из страны. Собственно, поэтому следствие и суд по делу мнимых убийц-итальянцев представляли собой жестокий и отвратительный фарс. Протоколы допросов и очные ставки, проводимые служителями Фемиды, поражали невероятным количеством лжесвидетельств, циничностью и ненавистью — как классовой, так и расовой. Просто на фоне развернувшейся истерии эмигранты, принадлежавшие к радикальному политическому направлению, идеально вписывались в образ врага, поэтому на них и поспешили взвалить двойное убийство и ограбление. Сделать это оказалось слишком уж тяжело, поскольку оба итальянца принадлежали к воинственной группе Галиани — «динамитчикам» террористам, которые обвинялись во взрывах домов судей и прокуроров, произведенных одновременно в семи американских городах 2 июня 1919 года. Кстати, по иронии судьбы, единственным пострадавшим в этих актах стал. один из анархистов! И еще один интересный факт: если Сакко, возможно, и приложил руку к тем терактам, то Ванцетти никогда лично ни в каких акциях не участвовал. И уж тем более эта «взрывоопасная» парочка не была причастна к инкриминируемым им грабежу и убийствам. Сакко во время процесса сказал: «Я — политический борец, преданный своему делу, но нелепо обвинять меня в бандитизме и грабеже». И еще — многие специалисты по-прежнему считали итальянцев — жертв Фемиды — убежденными пацифистами. Несмотря на связь с группой Галиани, эти теоретики, говорили они, оказались способными разве что на громкие разглагольствования. Но следствие было неумолимо: украденные деньги требовались для проведения политической кампании группе анархистов, к которой принадлежали двое обвиняемых. И точка!

Дело Сакко и Ванцетти, сразу же объявленное левой интеллигенцией политическим, приобрело громкую известность. Тому, что на положение обвиняемых и на предвзятость следователей обратила внимание широкая общественность, мнимые убийцы были обязаны своим товарищам-итальянцам и представителям американской интеллигенции. Они добились создания специального комитета, который сделал подробности этого вопиющего процесса достоянием гласности как в самих Штатах, так и далеко за их пределами. Комитет также организовал сбор средств, необходимых на оплату гонораров

защитников. Тогда в пользу Сакко и Ванцетти здравомыслящие граждане разных национальностей перечислили гигантскую по тем временам сумму — около 400 000 долларов!

Скандальный процесс начался в июне 1920 года в городе Плимут. Сначала обоих итальянцев обвинили в незаконном ношении оружия (хотя такой статьи на тот момент просто не существовало!). Затем на Ванцетти попытались «повесить» соучастие в попытке вооруженного ограбления в Бриджуотере. Правда, у шофера бандитов, на которого несколько походил задержанный, были едва приметные усики, а Ванцетти с того момента, как у него появилась растительность на лице, постоянно носил роскошные длинные усы, не заметить которые мог только слепой. Но эта досадная «мелочь», как и неумение подозреваемого водить машину (!), в расчет не принималась. Так что Ванцетти дали 14 лет тюремного заключения, после чего к нему привязали также дело Сакко, с которым на тот момент власти вообще не знали, что делать. Ну не было в жизни обувщика криминального компонента, хоть плачь! Зато на «дуэт» анархистов удалось «повесить» дело об убийстве и ограблении.

На протяжении более чем шести лет это явно и грубо сфабрикованное дело практически не сходило со страниц европейской и американской прессы. И не удивительно — защите удалось раскопать такое невероятное количество фактов подкупа свидетелей, лживости обвинительных документов, результатов экспертиз и явной пристрастности суда, что казнь, к которой приговорили несчастных итальянцев, пришлось отложить. Картина вырисовывалась для полиции крайне неприятная: более 100 свидетелей подтверждали алиби итальянцев, доказывали, что обвиняемые не имеют никакого отношения к ограблению и убийству. В тот день Сакко встречался с приятелями и ходил в итальянское консульство, а Ванцетти мирно торговал рыбой на глазах десятков людей. Обвинение же смогло противопоставить этим свидетельствам утверждения всего 53 человек. Как оказалось, сторону обвинения поддержали. «липовые» свидетели! Их прокуратура, ничтоже сумняшеся, набрала из провокаторов и агентов охранки. Однако даже после того, как столь вопиющий факт стал известен, судья Вебстер Тэйер и прокурор Фердинанд Кацман продолжали делать из подсудимых козлов отпущения. Должностных лиц, похоже, нимало не смущал тот факт, что они всеми силами стараются подвести под смертный приговор заведомо невиновных лиц. В книге А. И. Виндберга «Черное досье экспертов-фальсификаторов» приводится множество документальных доказательств того, что осуждение итальянцев-анархистов отнюдь не являлось результатом судебной ошибки. О

том, что этот суд был весьма далек от эталона справедливости, говорят не только явные подтасовки фактов, но и резкие высказывания судьи, прокурора и прочих должностных лиц. А староста жюри присяжных на процессе, некий Рипли, вообще заявил о подсудимых: «Их в любом случае следует повесить, есть ли доказательства их виновности или нет». Так что служители Фемиды просто не желали принимать в расчет даже самые очевидные факты. Интересно, что защита тогда предоставила суду материалы о местной гангстерской банде Морелли, один из членов которой внешне напоминал Ванцетти. Но брать на себя новую головную боль блюстители закона не пожелали и проверять эту версию отказались.

Что же касается наличия пистолетов, то оно не могло служить уликой, поскольку в те годы многие граждане США были вооружены, и эта американская традиция вовсе не являлась противозаконной. Правда, судэксперты пытались доказать, будто именно из пистолета, найденного в кармане Никколо Сакко, вылетела последняя пуля, добившая охранника Берарделли. А в кармане у Ванцетти оказался пистолет, принадлежавший охраннику. Поэтому защита позволила себе высказать вполне обоснованные сомнения в результатах судебной экспертизы. Кстати, нынешние специалисты также не считают выводы, представленные на процессе, правильными. Криминолог из Новой Англии, в недавнем прошлом шеф лаборатории судебной экспертизы штата Коннектикут Генри Ли не так давно провел дополнительное сравнение оружия Сакко и Ванцетти, а также пуль, отправивших на тот свет инкассатора и охранника. Несмотря на то что за прошедшие годы пистолеты разъела коррозия, вывод был сделан интересный: пуля, найденная в теле Берарделли, действительно могла вылететь из ствола оружия, обнаруженного у Сакко. Однако обоймы, которая в тот момент была вставлена в пистолет, так и не нашли. А пистолет, обнаруженный у Ванцетти, просто оказался идентичным оружию охранника, поскольку данные мастерской, в которой Берарделли накануне чинил оружие, и данные полиции не совпадают.

Обратите внимание: защита признавала относительную весомость улик против Сакко, а дело Ванцетти адвокаты пытались выделить в отдельное производство. Это был шанс спасти хотя бы одного обвиняемого. Однако сам торговец рыбой категорически отказался от этого, поскольку искренне верил в невиновность друга.

В итоге, дело дошло до откровенного маразма. В то время, когда проходил суд над итальянцами, полиция в очередной раз задержала португальского иммигранта Челестино Мадероса.

Бандит, выпущенный из тюрьмы за несколько дней до убийства служащих обувной фабрики, спустя неделю открыл счет на 2800 долларов. Откуда он взял эти деньги? Мадерос вскоре признал, что они являются частью суммы, захваченной при. ограблении обувной фабрики! Да и на суде бандит спокойно заявил: убийца — он, Сакко и Ванцетти к данному нападению не причастны. Затем Мадерос назвал имена своих соучастников (известных рецидивистов, кстати). И тут судья Тэйер выдал «гениальный» вердикт. Мол, Мадерос просто выгораживает настоящих душегубов, у которых играл роль подручного, и поэтому суд отказывается рассматривать эти показания. 14 июля 1921 года служитель закона огласил обвинительный приговор, согласно которому итальянцев ждала смертная казнь, назначенная на 3 августа того же года. А до этого момента, как и полагается по закону, Сакко и Ванцетти должны были содержаться в камере смертников.

Позицию судьи и прокурора в полной мере разделял и поддерживал также губернатор штата Фуллер. Он отказался подписать прошение о помиловании, составленное жертвами правосудия, и отклонил предложение о пересмотре дела. Причиной стал вердикт специального комитета под руководством президента Гарварда Лоуренса Лоуела. В нем указывалось: несмотря на явное нарушение судьей Тэйером юридической этики (!), его предвзятость никак не отразилась на справедливом и компетентном ведении суда. Апелляции к главе Соединенных Штатов Америки тоже остались без ответа, поскольку президент Кулидж, явно придерживавшийся принципа «моя хата с краю», категорически отказался каким-либо образом вмешиваться в столь скандальное дело. Еще бы, с одной стороны, на него «давили» влиятельные представители государственной «верхушки», а с другой — общественное мнение. Так что хозяин Белого дома решил умыть руки и остаться в стороне от скандала.

Несмотря на все усилия адвокатов и абсурдность обвинений, 23 августа 1927 года в Бостоне в Чарлзтаунской тюрьме несчастные были казнены на электрическом стуле. По странному стечению обстоятельств в ту же ночь на тот же стул сел и Мадейрос, признавшийся в убийстве, за которое были осуждены Сакко и Ванцетти. Но на тот свет Мадейроса отправили совсем за другое преступление. В смерти обувщика и торговца (а фактически убийстве) здравомыслящие американцы и европейцы обвинили государственную машину США. В день вынесения смертного приговора демонстрации протеста спонтанно прошли во всех столицах мира. В Лондоне на улицы вышло 250 000 человек, а в Париже толпа чуть было не взяла штурмом

американское посольство. Знаменитости из мира науки, литературы, искусства требовали пересмотреть решение суда. Папа Римский настаивал на помиловании осужденных. Что там говорить, если за итальянцев нашел нужным вступиться даже Муссолини! На похороны Сакко и Ванцетти 25 августа 1927 года собралось огромное количество народа. В течение многих дней перед американскими консульствами, посольствами и торговыми фирмами в разных странах шли демонстрации протеста, а престиж «дяди Сэма» был серьезно подорван в глазах всего мира. Надолго изменилось также отношение общественности к Гарварду, который получил прозвище «Дом повешения». А спустя десятилетия в США официально признали, что итальянцы были невиновны и стали жертвами судебной ошибки.

Лейпцигский Процесс, или Дело о поджоге рейхстага

Довольно грубо инсценированное судебное разбирательство против коммунистов, которых германские фашисты ложно обвинили в поджоге рейхстага. Этот процесс проходил в Лейпциге 21 сентября — 23 декабря 1933 года и закончился оправданием четверых из пяти подсудимых ввиду недостаточности улик.

Георгий Димитров

Когда в январе 1933 года к власти в Германии пришли нацисты, перед новыми хозяевами страны встал вопрос упрочения своего положения. Одной из сил, представлявших непосредственную угрозу для фашистского режима, была коммунистическая партия, которая оказывала довольно сильное влияние на массы. Близились выборы, назначенные на 5 марта, но уверенности в том, что представителей фашистской партии на них ждет победа, не было.

Сначала Гитлер и его команда держались в рамках законности, но проигрывать выборы они не собирались,

намереваясь добиться победы любыми путями, в том числе и методичным устранением конкурентов. 2 февраля комиссар по внутренним делам Геринг объявил, что сам возглавит полицию. Вслед за этим он провел в рядах своих сотрудников жесткую чистку, отстранив от дел либо вообще ликвидировав всех лиц, которые не выражали сочувствия нацизму. Все освободившиеся места сразу же были заняты людьми из СС и СА. Именно этот нацистский «костяк» впоследствии стал основой для возникновения гестапо.

Пятого февраля в Берлине состоялся весьма примечательный парад, ставший фактически актом легализации штурмовых отрядов и призывом к объединению сил всех националистических партий «Гарцбургского фронта». Пройдя по площади со знаменами в руках, активисты «Стального шлема», «коричневые рубашки» и шупо поспешили «продолжить банкет», организовав разгром помещений, домов и кафе, где обычно собирались коммунисты. В Лейпциге, Бреслау, Данциге, Дюссельдорфе, Бохуме произошли крупные столкновения, в ходе которых было много жертв. На следующий день в Германии вступил в действие закон о введении чрезвычайного положения «для защиты немецкого народа». А 9 февраля в стране начались обыски помещений, которые использовались коммунистическими организациями, и квартир лидеров партии. Сначала в печати появились сообщения об обнаружении складов оружия и боеприпасов, документов, «доказывающих» существование заговора, предусматривающего поджог общественных зданий. Затем Германию захлестнули массовые аресты и похищения людей. Штурмовики методично уничтожали неугодных по спискам, составленным заранее (о существовании подобных «черных списков» говорили уже давно).

Тем не менее, оппозиция продолжала оказывать нацистам упорное сопротивление. Так, коммунистические боевые группы и группы «Антифашистской лиги» объединились под единым командованием, которое 26 февраля 1933 года выступило с призывом к «широким массам встать на защиту коммунистической партии, прав и свобод рабочего класса» и начать «широкое наступление в титанической борьбе против фашистской диктатуры».

Тогда наци начали искать легальный способ подавить компартию. Для этого следовало убедить немцев в том, что коммунисты готовят путч. Такой демарш против оппозиции позволил бы гитлеровцам дискредитировать компартию накануне выборов и вывести из игры ее лидеров. В принципе, для проведения подобной акции нацистам требовалось разве что

воображение; окружение Гитлера уже успело набить руку на организации крупных политических махинаций. Так что вскоре подходящий сценарий был готов.

27 февраля 1933 года в 21.15 по Кёнигсплац, где располагалось здание рейхстага, проходил студент-богослов. Вдруг он услышал звон разбиваемых стекол и увидел град осколков, посыпавшихся на мостовую. Молодой человек немедленно бросился искать сторожей. Те отправились в обход рейхстага и заметили силуэт человека. Неизвестный метался по зданию, поджигая все, что подворачивалось под руку.

На место происшествия пожарные и полиция прибыли быстро. Они отправились осматривать помещение, надеясь схватить поджигателя. Оказалось, что в рейхстаге существовало 65 очагов пожара, разбросанных по всему зданию! Горело некое легковоспламеняющееся вещество, почти не выделявшее дыма. В зале заседаний столб пламени оказался наиболее впечатляющим: при ширине в метр он взвивался до самого потолка. Дальнейшие поиски неизвестного террориста полицейские и пожарники предпринимали уже с оружием в руках.

В южной части рейхстага, в зале Бисмарка, полиция обнаружила постороннего человека. Голый по пояс, в поту, с блуждавшим взглядом, мужчина производил впечатление психически ненормального. Террорист, кстати, не предпринял попытки бежать или оказать сопротивление. Напротив, он вяло поднял руки вверх и безропотно дал себя обыскать. У поджигателя в кармане обнаружился паспорт гражданина Нидерландов на имя Маринуса ван дер Люббе, 1909 года рождения.

Ван дер Люббе, который оказался безработным, спешно доставили в полицейскую префектуру на Александерплац. А в это время немецкое радио вовсю кричало о поджоге рейхстага, который совершили. коммунисты. Расследование преступления еще не началось, но нацисты заявляли, что на подобный шаг могли пойти только члены компартии. В ту же ночь начались репрессии. В Берлине, например, в «превентивном порядке» за решетку, а затем в созданные Герингом концентрационные лагеря были отправлены 4500 человек. С трех часов утра аэродромы, речные и морские порты попали под строгий контроль, а поезда обыскивались на пограничных контрольно-пропускных пунктах. Без специального разрешения выехать из Германии стало невозможно. А 28 февраля начали действовать так называемые «Декреты общественного спасения», которые отменяли большинство конституционных свобод: свободу прессы, собраний, неприкосновенность жилища, личности, переписки. Под запрет

попали не только издания компартии, но и газеты социал-демократов. Профсоюзы же, которых нацисты действительно боялись и которые могли преградить дорогу «коричневой чуме», еще на начальном этапе парализовав страну всеобщей забастовкой, решили не вмешиваться и ждать развития событий. В итоге, в Германии началось время нацистского полицейского произвола.

На следующий день после пожара в рейхстаге (огонь оказался настолько сильным, что даже рухнула часть купола здания) в полицию для изложения своей точки зрения на события явился Торглер — бывший руководитель группы коммунистов — депутатов рейхстага, один из наиболее известных ораторов германской компартии, уступавший по популярности лишь ее руководителю Эрнсту Тельману. Он тут же был отправлен в тюремную камеру, поскольку Фрей и Карван — двое депутатов, перешедших в ряды национал-социалистов, под присягой заявили: в день пожара Торглер входил в здание рейхстага вместе с полоумным террористом.

Вскоре к двоим обвиняемым по этому делу присоединились еще трое. Один из официантов фешенебельного ресторана «Байернгоф» узнал из газеты о 20 000 марок, назначенных за поимку сообщников ван дер Люббе. Официант тут же заявил, что террорист несколько раз бывал в ресторане в компании троих неизвестных, «которые выглядели как большевики» (интересное и, главное, емкое описание, не правда ли?) В полиции как-то небрежно отмахнулись от того факта, что в заведения класса «Байернгофа» таких безденежных бродяг, как поджигатель, не пускали даже на порог, и устроили в ресторане засаду. И 9 марта арестованными оказались трое завсегдатаев заведения. У двоих из них, правда, имелись не вызывавшие сомнений паспорта, но третий мужчина документов при себе не имел.

Спустя несколько минут полиция, установила, что оба предъявленных паспорта являются фальшивыми. Тогда трое задержанных признали: они — граждане Болгарии, Благой Попов, Васил Танев и Георгий Димитров. Услышав последнюю фамилию, в штаб-квартире гестапо устроили настоящий праздник. Ведь за решеткой оказался сам руководитель коминтерновского подполья в Западной Европе! Каждый из троих задержанных на родине был приговорен за политическую деятельность к 12 годам тюремного заключения, а Димитров, кроме того, имел в своем «активе» еще один приговор на 20 лет.

Болгары утверждали, что собирались нелегально пробраться на территорию родного государства, Торглера знали лишь по фамилии, а ван дер Люббе никогда не видели. Но гестапо быстро

организовало поиски свидетелей лживости этих показаний. Вскоре десятки лиц были готовы под присягой подтвердить, будто лично видели, как трое задержанных встречались с поджигателем на улице, сидели с ним в ресторане, что-то высматривали в холле рейхстага, перетаскивали в пострадавшее здание какие-то ящики. В общем, сведения имелись на любой вкус. Димитров, правда, выслушивал подобные заявления вполне спокойно, поскольку мог доказать, что в день пожара находился в Мюнхене.

Несмотря на очевидную абсурдность выдвинутых обвинений, нацисты не хотели лишиться возможности использовать болгар в качестве козлов отпущения. Попытки завербовать свидетелей и подготовить материалы расследования к передаче в суд заняли пять месяцев. Все это время Димитров провел в наручниках, лишенный всяческих контактов. Он даже не представлял себе, насколько широкий отклик в мире получили как факт поджога рейхстага, так и его арест.

Уже в ходе предварительного следствия наци осознали, что, скорее всего, потерпят поражение. Однако к тому моменту дело настолько разрослось, что тихо свернуть его уже не получилось бы. Как писала пресса, ожидаемый процесс заранее попал под пристальное внимание всего мира. Поскольку власти назначили обвиняемым адвоката, тактика которого не устраивала болгар, защиту собирался представлять сам Димитров.

21 сентября 1933 года слушания скандального дела начались в Верховном суде рейха, во дворце юстиции Лейпцига. Поскольку после пожара рейхстага в сказки о причастности к этому террористическому акту коммунистов в мире никто не поверил, гитлеровцы решили оправдать себя в глазах общественного мнения, организовав заведомо «липовый» процесс. Незавидная участь воплощать в жизнь этот спектакль выпала на долю престарелого судьи Бюгнера и четырех заседателей. Эти люди, надо сказать, приложили массу усилий, чтобы придать вид хотя бы минимальной пристойности судебным прениям. А они в ходе 54 судебных заседаний то и дело выходили из-под контроля суда.

120 журналистов из разных стран мира (отсутствовали только не допущенные на процесс советские «акулы пера») с интересом следили за разворачивавшимися действиями. Даже самому недалекому наблюдателю становилось ясно: пятерых обвиняемых свело вместе только случайное стечение обстоятельств, использованное стороной обвинения. Тем не менее, Гитлер надеялся, что суд вынесет «суровый приговор», который сыграет на руку антикоммунистической пропаганде.

Еще до начала слушаний в Лейпциге это дело разбиралось в Международной комиссии в Лондоне, в работе которой

принимали участие видные французские, английские, американские, бельгийские, швейцарские общественные деятели. Немецкие эмигранты, нашедшие себе убежище во Франции, в Голландии, Англии и США, подняли на ноги мировую общественность. Они сами провели расследование, собрали свидетельства, опубликовали фотографии и документы, доказав: рейхстаг был подожжен самими нацистами ради введения чрезвычайного положения и оправдания массовых репрессий. Ведь Гитлер назвал этот пожар «даром небес» не случайно. Он начался очень своевременно для нацистов — в самый разгар предвыборной кампании, за неделю до выборов. График выступлений фюрера был крайне напряженным, однако по непонятным причинам ни одно предвыборное собрание не было намечено на 25–27 февраля, а 27 у Гитлера значился свободный от публичных выступлений день!

Консервативный еженедельник «Ринг» во втором мартовском номере опубликовал статью, оканчивавшуюся такими вопросами: «Как же все это стало возможным? Или мы и в самом деле нация слепых баранов? Где искать поджигателей, столь уверенных в своей безнаказанности?.. Может быть, это люди из высших немецких или международных кругов?». Естественно, «Ринг» немедленно запретили, но подобные вопросы задавали все здравомыслящие люди.

Еще несколько фактов заставляли о многом задуматься. Так, некий доктор Белл рассказывал любопытные вещи про ван дер Люббе и сообщал, будто хорошо знает о том, что же на самом деле произошло в день пожара. Когда же информация об откровениях Белла дошла до гестапо, за болтуном установили слежку. Доктор запаниковал и поспешил перебраться в Австрию. Там 3 апреля его убили приехавшие из Мюнхена боевики.

Судьба доктора Оберфохрена, председателя группы немецких националистов в рейхстаге, тоже оказалась незавидной. Он рассказал о подготовке поджога в памятной записке, которую разослал нескольким друзьям, указав, что пожар был делом рук группы штурмовиков, доверенных людей Рема, действовавших при содействии Геринга и Геббельса. Один из экземпляров письма попал за границу и был опубликован английскими, французскими, швейцарскими газетами. А 3 мая Оберфохрена нашли мертвым в его квартире. Полиция поспешила закрыть дело, заявив, что в данном случае имело место самоубийство. Тем не менее, все личные бумаги и документы доктора исчезли.

Что касается руководителя штурмовиков Эрнста, то он в пьяном виде хвастался своими подвигами при проведении этой операции. А некий Ралль, уголовник-рецидивист, арестованный

через несколько недель после поджога рейхстага, попросил, чтобы следователь выслушал его как свидетеля «по другому делу». Оказалось, в феврале 1933 года он являлся членом личной охраны Карла Эрнста и участвовал в поджоге. Тогда 10 штурмовиков с коробками с зажигательной смесью просидели в подвале почти три часа, дожидаясь команды Эрнста. В это время должна была состояться какая-то параллельная операция (видимо, «запуск» прошедшего предварительную психологическую обработку ван дер Люббе). В течение 10 минут штурмовики подожгли коробки со смесью, разложенные по заранее условленным местам, и вернулись под крылышко к Герингу. Узнав о показаниях Ралля, гестаповцы вывезли его из тюрьмы Нойруппин и доставили в Берлин, в свою штаб-квартиру. Допрос уголовника длился 24 часа подряд, после чего в Лейпциге на почте было изъято письмо следователя в Верховный суд с приложением копии показаний Ралля. Секретарь суда, сообщивший в гестапо о необычно осведомленном правонарушителе, получил чин командира взвода за уничтожение оригинала показаний. А труп Ралля через несколько дней обнаружили при пахоте: его вывернуло на поверхность плугом, поскольку тело оказалось прикрытым лишь 20-сантиметровым слоем земли.

Следствие старательно обходило молчанием интересный вопрос: как могли 7-10 человек, тащивших громоздкое оборудование и приставную лестницу, проникнуть в рейхстаг, миновав усиленный контроль? Тут следует заметить, что из подвала сгоревшего здания по маленькой лестнице можно было попасть в подземный коридор, заканчивавшийся в здании Дворца председателя рейхстага, который находился через улицу от парламента, то есть домой к Герингу. Так что ему не составляло труда провести в здание незамеченными любое количество человек.

В то время два немецких писателя-коммуниста организовали публикацию «Коричневой книги» на многих языках, что, в свою очередь, помогло сделать достоянием гласности истинную подоплеку событий.

К моменту завершения работы комиссии стало ясно: ван дер Люббе действительно являлся поджигателем, однако служил лишь орудием в руках нацистов, и в частности Геринга. Так что суд в Лейпциге из шкуры вон лез, пытаясь скрыть очевидное и спасти лицо второго человека в государстве.

Четверо обвиняемых никаких хлопот судье и заседателям не доставляли, а вот Димитров настолько яростно нападал на обвинителей, что те вынуждены были уйти в глухую оборону.

Наконец, в суд для дачи показаний вызвали руководителя штурмовых отрядов Силезии Гейне, префекта полиции Бреслау графа Хеллендорфа, руководившего берлинскими штурмовиками в момент пожара, префекта полиции Потсдама, штурмовика Шульца и самого Геринга. Последний, понятно, в восторг от этого не пришел, однако на процесс явился. Вот только разыграть роль железной личности ему явно не удалось: спустя несколько минут красный и потный от ярости Геринг сорвался на визг, ошеломленный поворотом судебного разбирательства. А судья Бюгнер с тоской смотрел на него, понимая, что этот процесс ставит точку в его карьере юриста.

Собственно, обвинение связывало подсудимых в группу заговорщиков только на основе того факта, что ван дер Люббе являлся коммунистом. Однако уголовная полиция быстро обнаружила свидетельства ухода поджигателя из компартии еще в начале 1931 года. Попал же он в эту историю, скорее всего, из-за своих гомосексуальных наклонностей. Среди штурмовиков также вовсю процветала «мужская дружба», причем пример здесь подавал сам глава генерального штаба Рем. Окружение Эрнста, он сам, Гейне и многие другие входили в «голубое содружество» и набирали среди гомосексуалистов своих личных охранников, шоферов, доверенных лиц. Именно по этой причине голландец оказался в стане заговорщиков, решивших обработать этого полусумасшедшего, разжечь в нем враждебность в отношении существующей системы и использовать в качестве «официального» поджигателя. По всей вероятности, ван дер Люббе перед самой акцией к тому же напичкали наркотиками. Да и на самом процессе он находился в состоянии отупения, что можно было объяснить действием наркотиков.

Лейпцигский процесс закончился совсем не так, как планировали его устроители. Только один из обвиняемых, сам поджигатель, был приговорен к смертной казни, а четверо других участников процесса оказались оправданными. Судьи так и не рискнули вынести обвинительный приговор невиновным, несмотря на полученные «сверху» указания. Узнав о провале дела, Гитлер впал в истерику, а Геринг. отправил четверых оправданных в тюрьму. Только 27 февраля, под сильным давлением международного общественного мнения, их освободили. Правда, Торглера сразу же отправили в концлагерь. Выйти оттуда оратору удалось только после согласия перейти на службу к нацистам.

10 января 1934 года в прессе появилось сообщение о том, что приговор в отношении поджигателя рейхстага приведен в исполнение. Тем не менее, семье ван дер Люббе отказались

выдать останки казненного для захоронения в Нидерландах. Но говорить о том, что голландец оказался «подсадной уткой», избежал казни и прожил еще много лет под чужим именем, не стоит. Как известно, гестапо не любило оставлять свидетелей.

«Процесс 16-ти»

Процесс по делу мнимого «объединенного троцкистско-зиновьевского центра», состряпанный Сталиным и его подручными для ликвидации политических противников «вождя всех народов».

15 августа 1936 года советские газеты опубликовали сообщение прокуратуры СССР о том, что дело «объединенного троцкистско-зиновьевского центра» передается на рассмотрение в Верховную коллегию Верховного суда СССР. Следствие утверждало, что этот центр был организован в 1932 году по личному указанию Троцкого. Обвиняемым по данному делу вменялось в вину убийство С. М. Кирова, совершенное 1 декабря 1934 года; при этом особо отмечалось, что за подготовкой этой акции также непосредственно стоял Троцкий.

Естественно, благодаря стараниям СМИ страсти вокруг предстоящего процесса разгорелись нешуточные, причем задолго до объявления даты его начала. В газетах ежедневно мелькали статьи и резолюции «митингов трудящихся», резкие нападки на обвиняемых. В итоге о вине последних стали говорить как о неоспоримо доказанном (!) факте, а приговор по делу фактически оказался предрешенным. «Правда» старательно подливала масла в огонь, напыщенно вещая о «смраде бандитского подполья», «гадине, подползающей к тому, что для нас дороже всего», и тому подобных вещах. На страницах прессы повествовалось о связи зиновьевцев с контрреволюционной организацией Троцкого, существующей за рубежом, а также с фашистской охранкой — гестапо. Газетчики, старательно выполнявшие поступивший «сверху» заказ, кричали о том, что подсудимые — враги народа, которым нет пощады. Они, мол, посягнули на жизни «вождей народа» и посему слово принадлежит закону, который знает только одну меру для преступлений, совершенных троцкистско-зиновьевской бандой. В таком же ключе поспешили высказаться известные писатели, ученые, работники искусства. О какой же непредвзятости во время самого процесса вообще могла идти речь?! Заморочить головы пролетарским и крестьянским массам, уже давно привыкшим к тому, что они существуют среди огромной армии шпионов и врагов народа, оказалось довольно легко.

Так что общественное мнение к началу судебных разбирательств было подготовлено вполне надлежащим образом. Никому даже в голову не приходило, что большая часть сказанного — откровенная «липа».

Собственно, подсудимые «процесса 16-ти» оказались разделены на две группы, между собой практически не связанные. Пятеро молодых «врагов народа» являлись членами германской компартии, эмигрировавшими в СССР. Трое из них в начале 30-х годов примкнули к немецкой группе левой оппозиции, за что были с треском выдворены из КПГ. Правда, после принесения ритуальных покаяний эти молодые люди оказались восстановлены в компартии. В Советском Союзе эти граждане отличились тем, что увлеченно разоблачали «троцкизм», стряпая соответствующие статейки. Работали они в аппарате Коминтерна и в паре советских учреждений. Что же касается второй группы подсудимых, то в нее вошли 11 известных большевиков, которые в 1926–1927 годах принимали участие в так называемом «объединенном оппозиционном блоке». Наиболее известными лицами, угодившими на скамью подсудимых, были Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Смирнов и Мрачковский. Предварительное следствие подготовило документы, свидетельствующие о преступной деятельности арестованных. Эти материалы якобы со всей наглядностью «демонстрировали белогвардейскую сущность контрреволюционного троцкистско-зиновьевского блока». Речь шла о методе индивидуального политического террора, который должен был привести членов блока к захвату партийного руководства и власти в стране. Что же касается конспирации, то, по мнению следствия, обвиняемые пользовались «изощренным двурушничеством»: демонстрировали свою лояльность к политике партии, а также полнейшую преданность ЦК. Совершение же собственно терактов возлагалось на специальные группы и некоторых отдельных лиц. В деле фигурировали сведения о том, что секретарю Зиновьева Богдану, террористу-одиночке, поручили совершить убийство Сталина в секретариате ЦК осенью 1933 года. После того, как Богдан не смог выполнить возложенное на него поручение, руководители центра якобы довели его до самоубийства. В октябре 1934 года должно было состояться новое покушение на главу государства, подготовкой которого непосредственно руководили Каменев, Евдокимов и Бакаев. Ворошилова же поручалось устранить группе под руководством Дрейцера. К тому же, как доказывали материалы следствия, Зиновьев и Каменев одновременно разрабатывали операцию по уничтожению собственных агентов-террористов — для того, чтобы лишить ОГПУ возможности подобраться к ним лично. Все подсудимые с известными политическими именами твердо отказались признать себя виновными в данном случае. Зиновьев ядовито констатировал, что это все «из Жюль Верна, это арабские сказки».

На «процессе 16-ти» фактически не было приведено ни одного документа, ни одного вещественного доказательства. Все обвинения строились исключительно на оговорах и самооговорах подсудимых и свидетелей. Один из следователей, занимавшийся некогда «делом 16-ти», Г. С. Люшков, в 1938 году бежал за границу и там сделал ряд интересных заявлений. В частности, он утверждал, что на процессе, проходившем в августе 1936 года, обвинения троцкистов в связи с гестапо (через Ольберга), обвинения Зиновьева и Каменева в шпионаже, обвинения в том, что эти лица были связаны с так называемым «правым центром» через Томского, Рыкова и Бухарина, полностью сфабрикованы. Следователь заявлял: Зиновьев, Каменев, Томский, Рыков, Бухарин и многие другие были казнены как враги Сталина, поскольку пытались противодействовать его разрушительной политике. «Вождь всех народов» воспользовался убийством Кирова (вполне возможно, его застрелили просто из чувства личной мести, из-за женщины), чтобы избавиться от надоедливых оппонентов. Для этого были сфабрикованы громкие «шпионские» процессы, документы о существовании террористических организаций и обширных антисталинских заговоров. Следователи же занимались выжиманием из подсудимых «правильных» показаний, мотивируя это тем, что таких свидетельств «требует партия». Начальник секретно-политического отдела НКВД Рутковский перед началом процесса беседовал с Каменевым, просил его подтвердить заранее написанные показания, убеждая, что ему в этом случае будет сохранена жизнь. Мол, на процессе будут присутствовать зарубежные корреспонденты, и нельзя уронить престиж СССР, оставив неотмщенным убийство Кирова. Обвиняемые прекрасно понимали, что своими «саморазоблачениями» этот самый «престиж» опускают до крайне низкого уровня, но доказать этого не могли. Тем не менее, ни один из главных подсудимых так и не признал свою связь с гестапо. На слушании дела по поводу этого момента Каменев заявил, что этот процесс является не юридическим, а политическим, и откровенно возмутился: мол, если вы хотите опорочить Троцкого и представить его организатором террористических актов, мы можем в этом помочь. Общественность в это поверит. Но никто не поверит в связи с Гитлером Каменева, Зиновьева, Смирнова и прочих участников процесса. Это слишком напоминает клевету на Ленина и того же Троцкого в 1917 году. К тому же, твердил старый партиец, прибегнув к столь явной «липе», можно скомпрометировать не только Троцкого, но и. само обвинение в терроре, «которое тоже не воздвигнуто на гранитном фундаменте». Собственно, если

говорить откровенно, то все более-менее здраво мыслящие личности, не доведенные, по словам Троцкого, до состояния «тоталитарного идиотизма», понимали: разыгравшемуся страшному фарсу нельзя верить. Ведь после единственного выстрела Николаева, который оборвал жизнь Кирова, были расстреляны десятки людей, и при этом суду так и не было представлено ни одного достойного внимания документа. Все несуразности следствия и обвинения «замазывались» показаниями молодых подсудимых из числа политэмигрантов, которые охотно подтверждали все выводы обвинения. И не беда, что эти выступления ничего общего с достоверностью не имели, а подробностей «террористических приготовлений» так и не прозвучало. Ведь прокурор явно не скупился на обещания в случае «добровольной помощи». А там, где фантазия обвиняемых буксовала, подключались к делу услужливые журналисты.

Присутствовавших на судебных слушаниях зарубежных журналистов поразил внешний вид обвиняемых. Старики казались раздавленными, измученными, морально уничтоженными, многие плакали. Мрачковский постоянно харкал кровью и время от времени терял сознание. Молодые же подсудимые представляли собой резкий контраст с товарищами по несчастью. Они вели себя бравурно, охотно и подробно рассказывали о связях своего центра с гестапо и западными троцкистами, говорили о подготовке физического уничтожения ряда правительственных лиц. Что ж, совесть — это тоже товар, который при случае может продаваться по сходной цене. Особенно если в роли последней выступает жизнь.

На процессе, проходившем в Москве в августе 1936 года, помимо «объединенного троцкистско-зиновьевского центра» фигурировал также некий «московский центр», в ведении которого, по утверждению прокуратуры, находилась подготовка уничтожения Сталина и Ворошилова. Как указывали материалы дела, эти террористические акты должны были осуществляться на основании директивы Троцкого, якобы изложенной в письме последнего, привезенном в СССР в 1934 году сестрой Дрейцера. Мол, Дрейцер лично переслал указание Мрачковскому в Казахстан, а тот «из соображений конспирации» сжег листок. Прокуратура безапелляционно утверждала, будто директивы об уничтожении высокопоставленных лиц получил также Смирнов. То, что он к тому моменту уже полтора года сидел в следственном изоляторе, организаторов процесса, по-видимому, ничуть не смущало. Вышинский вообще не считал необходимым выискивать какие-либо доказательства в данном случае. Он просто заявил: «Я глубоко убежден, что вы знали о ней, хотя и

сидели в политизоляторе».

Несмотря на давление со стороны прокуратуры и следователей, не все подсудимые признали на суде свое участие в террористической деятельности. Смирнов и Гольцман — единственные из обвиняемых, кто в начале 30-х годов действительно связывался с Троцким, — категорически отвергли это обвинение. Они также отказались признать само существование подпольного центра. Именно по этой причине ответы Смирнова, например, в судебном отчете приводились не полностью, а в «сокращенном виде». Когда же ряд подсудимых «подтвердили», что именно Смирнов являлся «заместителем Троцкого в СССР», он бросил едкую реплику: «Вы хотите вождя? Ну, возьмите меня». В последнем слове этот обвиняемый продолжал отрицать свою причастность к преступлениям, совершенным «троцкистско-зиновьевским центром». Остальные подсудимые были сговорчивее только в той части обличений, которая касалась Троцкого. Особенно усердствовали в этом вопросе Зиновьев и Каменев. Они также признали, что убийство Кирова — дело их рук.

Отступая от темы, следует сказать, что сам Троцкий, характеризуя тот фарс, который выдавали за «справедливый процесс против врагов народа», писал, что заседания утомили общественное мнение своими сенсационными несообразностями задолго до вынесения приговора. А заключительную речь Вышинского, мол, мог заранее написать любой журналист, разве что с меньшим количеством площадных ругательств. Троцкий указывал, что прокурор, который в годы революции присоединился к белым, после победы оппонентов сумел найти себе тепленькое местечко, однако долгое время чувствовал себя униженным и подозреваемым. И тут Вышинский получил такую великолепную возможность от души вывалять в грязи имена тех, о ком он ранее вынужден был говорить с преувеличенной почтительностью: Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Каменева, Раковского и прочих.

Несмотря на предварительную подготовку общественного мнения к самому жесткому приговору шаткость «показаний» обвиняемых и отсутствие доказательств их вины вынудили суд признать, что «фактов, которые дали бы основание квалифицировать действия подсудимых как подстрекательство к гнусному преступлению, выявлено не было». Несмотря на это Зиновьева по приговору упекли за решетку на 10 лет, Евдокимова — на восемь, а Каменева и других проходивших по данному делу лиц на пять лет. Тем не менее, конечная формулировка приговора явно намекала, что в будущем могут появиться новые «факты»,

которые снова приведут участников «процесса 16-ти» на скамью подсудимых.

Шахтинское дело

Печально известный судебный процесс, состоявшийся в Москве в мае — июле 1928 года. В ходе разбирательства группа инженеров и техников была необоснованно обвинена в создании контрреволюционной вредительской организации, которая якобы долгое время действовала в Шахтинском и некоторых других районах.

Так называемое «Шахтинское дело», положившее начало массовым репрессиям против украинской технической элиты, было сфабриковано органами ОГПУ почти 80 лет назад.

Однако до сих пор этот «липовый» процесс вызывает большой интерес и поражает циничностью, с которой действовало обвинение.

Вторая половина 20-х годов XX века стала тяжелым временем для СССР. Именно тогда новая власть решила провести промышленную реконструкцию всех крупных предприятий, что, естественно, не могло не привести к временному спаду производства. Положение усугублялось еще и тем, что в стране в это же время свирепствовали продовольственный, финансовый и товарный кризисы. Тяжелее всего приходилось работникам тех сфер, где по-прежнему использовалось устаревшее оборудование и остро не хватало квалифицированных специалистов. В таких отраслях в ходе индустриализации постоянно возникали непредвиденные сложности, «прорывы», часто не выполнялись производственные планы, спущенные «сверху». В принципе, виновников найти было несложно: новоявленные спецы из Совнаркома далеко не всегда соответствовали занимаемым должностям. Но. значительно проще отыскать пресловутого козла отпущения, на которого можно с легкостью повесить все грехи, чем признаться в собственной некомпетентности. Вот советская власть и отыскала источник головной боли в промышленности — в лице тех инженеров, которые работали на предприятиях еще до революции.

А старые специалисты в своем большинстве, как назло, не скрывали недовольства. Еще бы! Они то прекрасно понимали, что штурмовщина, экономические просчеты партийных выдвиженцев, необдуманные указания членов Совнаркома просто толкают промышленность к полному развалу. Из-за некомпетентности и стремления к показухе представителей новой власти на предприятиях регулярно нарушались технологический процесс и правила техники безопасности, а устаревшее оборудование не выдерживало нагрузок. Это, в свою очередь, приводило к резкому

возрастанию количества аварий и несчастных случаев. Причем, заметьте: старые инженеры предупреждали об этом своих амбициозных коллег «выдвиженцев». Да только мнение «осколков старого режима» мало кого интересовало, и на предприятия сыпались требования в стиле: «Давать стране угля, не считаясь с потерями и аргументами вредителей с логарифмическими линейками». Да разве и могло быть иначе, если «вождь всех народов» заявил, что ЧП в промышленности — результат обострения «сопротивления классовых врагов»?!

Шахтинский округ, кстати, вызывал интерес ГПУ давно. Еще в начале 20-х годов там имели место волнения среди рабочих рудников, которые заявили о своих правах и выдвинули петицию из 12 пунктов (требования улучшения экономических условий труда, повышения зарплаты, соблюдения техники безопасности, развития самоуправления и т. п.). Тогда забастовка и манифестация были подавлены войсками. Затем, уже в мае 1927 года, произошел новый всплеск недовольства. В рабочей среде росли волнения по поводу введения новых, повышенных норм и пониженных расценок по новому коллективному договору (из-за этого реальные заработки упали вдвое). В общем, сложившаяся ситуация ставила горняков перед извечным вопросом «Кто виноват?». И, естественно, ответ на него тоже оказался банальным. Ведь, как ни крути, а в России во все века и во всех бедах были виноваты евреи и интеллигенты. Ну не могли же, в самом деле, шахтеры обвинить в развале промышленности и собственном обнищании партию и правительство! Во-первых, вряд ли это многим просто могло прийти в голову. А во-вторых, как говорится, себе дороже.

В общем, никто особенно не удивился, когда 12 марта 1928 года в «Известиях» появилась статья, посвященная раскрытию «антисоветской вредительской организации» в угольной промышленности Донбасса. В нее якобы входили инженеры «старой закалки». Прокурор Крыленко, поддержавший государственное обвинение, состряпал акт, согласно которому «вредители» оказались повинны в подрыве каменноугольного производства, нерациональном строительстве, лишних затратах капитала, снижении качества продукции, а также развале шахт и заводов. То есть государство, обрадовавшись наличию подходящих кандидатур на роль козлов отпущения, свалило на них все реальные проблемы советской власти в угольной отрасли. О том, что для развала производства требовалось всего лишь выполнять указания вышестоящих инстанций, никто, понятно, не упоминал.

Подготовка «Шахтинского дела» стала возможной благодаря

стараниям полномочного представителя ОГПУ по Северному Кавказу Е. Г. Евдокимова. Этот человек со своими подозрениями относительно участившихся аварий на шахтах обратился лично к Сталину. Тот отреагировал мгновенно — ОГПУ получило приказ: «.Приравнять небрежность как должностных, так и прочих лиц, в результате халатности которых имелись разрушения, взрывы, пожары и прочие вредительские акты. к государственным преступлениям.» Ошибка была объявлена преступлением, а по пролетарским понятиям в любой аварии виноват не рабочий, а классово чуждый инженер, разговор с которым должен быть коротким. И дело начало набирать обороты. Бригады «особо бдительных рабочих» арестовали небольшую группу специалистов-горняков. После первых допросов этих лиц прокатилась новая волна арестов. Далее основной оперативной работой занимались начальник экономического отдела Северо-Кавказского ОГПУ К. И. Зонов и оперативный работник Ю. Г. Брыксен. Они лично разрабатывали саму операцию, систему экспертиз, проводили все первые допросы арестованных и генеральные допросы главных подозреваемых, широко использовали так называемый «конвейер» — многочасовые беседы без сна. Что ж, этот случай мог бы служить наглядной иллюстрацией к тому, как «кухарка может управлять государством».

Большая часть обвиняемых по этому делу работали на Донбассе до революции и считались блестящими профессионалами в своей области. Вся их беда состояла в том, что они являлись «бывшими», а посему ничего хорошего Советы от них не ожидали, хотя и пользовались какое-то время знаниями этих специалистов. На «Шахтинском процессе», кстати, инженеры твердо и на редкость единодушно заявляли: все ранее перечисленные неполадки и аварии связаны с бюрократизацией управления. Просто техперсонал работать боялся, а рабочим до чертиков надоела уравниловка в оплате труда.

Всего на основании следственных документов ОГПУ суду Специального Присутствия Верховного суда СССР было предано 53 специалиста-горняка (среди них — немецкие инженеры М. К. Майер, Э. Э. Отто, В. И. Бадштибер). Следствию удалось притянуть за уши (в официальных документах этот процесс гордо именовался «тщательным анализом») многочисленные взрывы, пожары, порчу машин, завалы шахт и состряпать дело, в ходе которого специалисты старой закалки обвинялись во всех смертных грехах: актах вредительства, злостном саботаже, создании разветвленной организации заговорщиков и шпионаже. Работники правоохранительных органов «установили», что работа

этой контрреволюционной организации, действовавшей в течение ряда лет, выразилась в скрытой дезорганизации и подрыве каменноугольного хозяйства методами нерационального строительства, ненужных затрат капитала, понижения качества продукции, повышения его себестоимости, а также в прямом разрушении шахт, рудников, заводов и т. д. При этом указывалось: злоумышленники надеялись на интервенцию и потому подготавливали катастрофический срыв всей промышленности и резкое снижение обороноспособности страны к моменту военного столкновения. Дело порой доходило до откровенного маразма. Так, по мнению следствия, многие подсудимые ранее выступали с удачными рационализаторскими предложениями лишь для. конспирации и маскировки! А ремонты «совершенно ненужных» копров, равно как и оснащение шахт новым ценным оборудованием, делались только для того, чтобы «старым хозяевам» в будущем было меньше проблем. Конечно, даже не специалисты в горном деле понимали абсурдность многих обвинений.

Достаточно масштабная схема организации, по мнению ОГПУ, включала в себя низовые группы вредителей на шахтах и рудоуправлениях в Шахтинском районе; среднее звено — директорат треста «Донуголь» в Харькове; высшее звено — руководящих работников угольной промышленности в столице; политическое руководство — «Торгпром», имевшее контакты с Варшавой, Парижем и Берлином. Так что этот процесс стал заметным событием в истории всей страны, само понятие «шахтинцы» с того момента использовалось в прессе и различных политических документах как имя нарицательное, для обозначения так называемых «вредителей», а периферийный городок Шахты в глазах общественности превратился едва ли не в эпицентр борьбы с вредительством в СССР.

Судебный процесс по «Шахтинскому делу» был открытым; на него по приглашениям прибыли сотни журналистов и более 30 000 зрителей, которые оказывали на суд мощное эмоциональное воздействие. Помимо государственных обвинителей, в зале присутствовали также 42 общественных обвинителя и 15 адвокатов. Первое заседание по «Шахтинскому делу» состоялось в Колонном зале Дома Союзов 18 мая 1928 года; закончился же процесс, длившийся 41 день, только в конце июня. Интересно, что и в зале суда многие подсудимые (23 человека) продолжали упорно отрицать свою причастность к каким бы то ни было противоправным действиям и не желали признавать себя виновными по оглашенным пунктам.

Приговоры Верховного суда под председательством недоброй

памяти прокурора Вышинского никогда не отличались особой оригинальностью. Не стало исключением и «Шахтинское дело». Подручные Вышинского демонстрировали потрясающую необъективность, считая верными только те свидетельства, которые подтверждали обвинение. Да и вообще прокуроры стремились не допустить ненужных свидетелей на процесс, на проведение технических и других экспертиз. Собственно, обвинения были построены на признательских показаниях отдельных подсудимых и на оговорах друг друга.

Судебное присутствие выделило две группы «врагов», достойных расстрела. Так, Матов, Братановский, Будный, Юсевич, Кржижановский и Бояршинов обвинялись не только во вредительстве, но и в шпионаже. А Горлецкий, Березовский, Шадлун и Казаринов были объявлены лидерами и идейными вдохновителями подрывной организации. Эти 10 человек получили высшую меру наказания, 39 других — разные сроки лишения свободы (трое из них отделались условными сроками). Только четверо подсудимых были оправданы. Позднее шестерым смертникам Президиум ЦИК СССР изменил меру наказания на 10 лет лишения свободы. А Николай Кржижановский, Николай Бояринов, Семен Будный и Адриан Юсевич 9 июля 1928 года были расстреляны. Но по стране еще долго гулял миф о доброте «товарища Сталина», который в последний момент вмешался в ход процесса и помиловал всех осужденных.

«Шахтинское дело» тем временем превратилось в «передовое достижение советской юриспруденции»; наспех сколоченная правительственная комиссия в составе Томского, Молотова и Ярославского выехала на Донбасс для политработы. Высокопоставленные лица весьма старались отыскать что-либо похожее на «заговор» в Шахтинском округе в других местах, при этом очень удивляясь отсутствию диверсий и вредительств. На местах начальство поняли верно, начав «подставлять» неугодных или неудобных старых специалистов. А в прессе вовсю муссировали «генеральную линию» правительства, воплощенную в словах главы государства: «Вредительство имело и продолжает иметь место не только в угольных районах, но и в сфере производства металла, и в сфере военной промышленности, и в НКПС. Шахтинцы теперь сидят во всех отраслях промышленности. Многие из них выявлены, но выявлены не все». Так что в газетах самыми популярными стали рубрики «Вредители индустриализации», «Методология и практика вредительства». Рабочие, подключенные к обсуждению репрессий, требовали усилить ответственность технических работников за любые неполадки на производстве, а в сообщениях НКВД

указывалось, что, по мнению рабочих, «всех инженеров нужно расстреливать без суда».

Дело дошло до самосуда на местах, когда рабочие норовили расправляться с мнимыми вредителями при помощи собственных кулаков, атои топоров; интересно, что отделывались не в меру бдительные граждане только порицанием. В итоге повсеместная «охота на ведьм» с инженерными дипломами привела к тому, что на Донбассе резко упала дисциплина, участились прогулы, нередко рабочие отказывались выполнять распоряжения специалистов, начали игнорировать требования техперсонала, а десятников вообще стали называть эксплуататорами. Наиболее дальновидные спецы в спешном порядке меняли место работы, сотни их менее сообразительных коллег попали за решетку либо оказались уволенными. Дело закончилось тем, что в ноябре 1928 года хозяйственные организации обязали инженеров и техников дать подписку о невыезде с места службы, а с декабря 1929-го начали практиковаться «гражданские мобилизации инженеров на производство». Но проводить их становилось все труднее, поскольку старое поколение технической интеллигенции было практически уничтожено, а новое за столь короткие сроки воспитать оказалось невозможно. Наверное, на фоне вышесказанного не стоит уточнять, почему планы первых пятилеток в угольной промышленности так и остались невыполненными.

«Дело врачей»

«Липовый» процесс 1952–1953 годов, инициированный Сталиным, но так и не доведенный до конца. После смерти «вождя народов» мнимые «убийцы в белых халатах» были оправданы, поскольку абсурдность выдвинутых против них обвинений являлась очевидной даже для неспециалистов.

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

ПОДЛЫЕ ШПИОНЫ И УБИЙЦЫ
ПОД МАСКОЙ ПРОФЕССОРОВ-ВРАЧЕЙ

Газета «Правда» от 13 января 1953 года

В истории СССР есть много событий, суть которых очень хорошо выражается словами: «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно». Хотя скорее подобные явления у здравомыслящего человека должны вызывать вполне законное недоумение. Потому что, несмотря на явное тяготение к комедии абсурда, они окрашены в слишком уж мрачные тона и слишком многим искалечили жизнь, а то и вовсе ее забрали. Эти события заставляют нас содрогаться и искренне благодарить судьбу за то, что нам не довелось жить в те годы — годы, когда люди навсегда исчезали в неизвестном направлении. Когда невиновные попадали в лагеря фактически без суда и следствия. Когда любой гражданин Советского Союза с ужасом ожидал прихода ночи, поскольку каждая ночь могла оказаться последней из проведенных в родных стенах. Когда процветала маниакальная истерия по поводу притаившихся везде «врагов народа» и «шпионов мирового капитализма».. Когда можно было если не лечить больных, то хотя бы калечить самих врачей, причем, заметьте, в интересах государства! И таких «когда» было бесконечное множество. Обо всем этом много писали. И дай Бог,

чтобы история тех далеко не светлых дней впредь так и оставалась всего лишь историей.

13 января 1953 года в газете «Правда» появилась очередная разоблачительная статья. Сообщение ТАСС касалось раскрытия органами государственной безопасности антисоветской деятельности группы врачей — «агентов иностранных разведок, злобных националистов, заклятых врагов советской власти». Тогда в списке вредителей числилось чуть больше десятка человек. Зато каких! Практически все они возглавляли крупные кафедры и клиники либо были консультантами Лечсанупра Кремля. Затем, после незначительного перерыва, среди медработников прокатилась новая волна арестов. А в прессе появилось сообщение о том, что группу «врагов светлого будущего» разоблачила Л. Тимашук, сотрудница отделения функциональной диагностики Кремлевской больницы. Долгое время бытовало мнение, что спусковой пружиной в «деле врачей» послужили многочисленные доносы этой женщины. Тимашук постоянно писала «телеги» на имя Сталина: врач-кардиолог по профессии, она утверждала, будто признанные светила медицины игнорировали ее предупреждение о серьезных нарушениях сердечной деятельности высокопоставленных больных, вследствие чего те покидали наш грешный мир.

Среди «злобных нелюдей», о которых рассказали газеты, были выдающиеся терапевты — братья М. Б. и Б. Б. Коганы, оказавшиеся агентами иностранных разведок, причем один английской, а второй почему-то японской. Также на японцев работал начальник Лечсанупра Кремля профессор П. И.Егоров (видимо, соблазненный евреями). Академик В. Н. Виноградов также отправился за решетку вместе с коллегами, но уже по личному указанию Сталина. Кстати, если поначалу в «деле врачей» фигурировало немало русских фамилий, то следующая порция обвиняемых состояла уже практически из одних специалистов-евреев. Центральными фигурами заговора называли главного врача Боткинской больницы Шимелиовича и «буржуазного националиста» Михоэлса, убитого пятью годами ранее (преступников тогда так и не нашли). Всем «убийцам» инкриминировали выполнение директив шпионской организации «Джойнт». Довольно быстро многие узнали: «Джойнт» — организация благотворительная. Но благотворители могут быть легко превращены в шпионов. Как говорится, было бы вдохновение. Так что следствие «установило», что «участники террористической группы, используя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, преднамеренно злодейски подрывали здоровье последних, умышленно игнорировали

данные объективного исследования пациентов, ставили им неправильные диагнозы, не соответствовавшие действительному характеру их заболеваний, а затем неправильным лечением губили их». На «убийц в белых халатах» списали смерть Жданова, Щербакова, а также рассказали об их попытках сжить со свету маршалов Говорова, Василевского, Конева, генерала армии Штеменко, адмирала Левченко и других высокопоставленных лиц.

На самом деле история гонений на врачей началась гораздо раньше. «Первые ласточки» в деле медработников проявились в процессе 1938 года. Тогда ряд врачей расстреляли или приговорили к длительным срокам заключения (которые перенесли не все) за. «убийство» Максима Горького и его сына, а также чекиста Менжинского. Следует заметить, что в действительности писатель, всю жизнь лечившийся от хронического заболевания легких (предполагаемо туберкулезного происхождения) умер от прогрессирующего хронического неспецифического воспаления легких с резким рубцовым процессом в них и осложнениями со стороны сердца. А Менжинский скончался от прогрессирующей ишемической болезни сердца, вызванной склерозом коронарных сосудов. В смерти сына писателя также никакого криминала специалисты не обнаружили.

Государственная политика антисемитизма, вдохновляемая «вождем всех народов», достигла своего апогея в 1948–1953 годах, но начала проявляться еще во время Великой Отечественной войны. К этому периоду относится, например, разгром Еврейского антифашистского комитета (1948) с «судом» и расстрелами (1952). Поскольку, к досаде Сталина, дело ЕАК странным образом прошло мимо внимания изнуренного войной и голодом, нищего народа, для «окончательного решения еврейского вопроса» в СССР потребовалась более тщательно подготовленная провокация. Для начала была провозглашена борьба с космополитами. Последние, «по странному стечению обстоятельств», едва ли не поголовно оказались евреями! Евреям все труднее становилось поступить в вузы, появились специальности, на которые «детей Израилевых» не принимали. Те же, кто успел получить запретную специальность, не могли найти работу даже при условии наличия свободных мест. Короче, начинал срабатывать стандартный проект «спасения России» в виде морального избиения представителей «неуставной» нации. А там и до уничтожения физического было, как говорится, рукой подать. Следующим шагом на этом пути стало пресловутое «дело врачей-вредителей», по которому было арестовано 37

специалистов и членов их семей.

Чем же так не угодили высшему лицу государства представители самой гуманной профессии? В декабре 1952 года академик Виноградов лично обследовал «вождя всех народов» и пришел к неутешительному заключению: главе государства требуется специальное лечение, длительный отдых, а значит, продолжительное отстранение (!) от дел державы. В итоге, увидев рекомендации, оставленные медиком, Сталин пришел в дикую ярость и начал кричать: «В кандалы его, в кандалы!»

Ранее главе государства пришлось серьезно «надавить» на врачей в связи с обстоятельствами смерти жены, Надежды Аллилуевой. Как известно, в 1932 году женщина пустила себе пулю в висок, но «великий вождь», понятно, такое сообщение обнародовать не спешил. Его больше устраивала версия смерти от аппендицита, выглядевшая неубедительно даже для непосвященных. Тогда знавшие об истинной причине гибели Аллилуевой главный врач кремлевской больницы А. Ю. Канель, Л. Г. Левин и профессор Д. Д. Плетнев отказались подписать фальшивый бюллетень о смерти. Но «липу» подписали другие, менее щепетильные специалисты (а может, обладавшие здоровым инстинктом самосохранения), Сталин же отказа не простил, спустя несколько лет «повесив» на принципиальных медиков «убийство» Горького и Менжинского. Кстати, чтобы скрыть следы пулевого ранения, погибшей Аллилуевой на похоронах спешно сменили прическу, сделав зачес набок (ранее женщина всегда носила одну и ту же прическу), а повреждения на коже скрыли под слоем грима. Благодаря давлению на врачей удалось составить и «благовидный» бюллетень о смерти Орджоникидзе, якобы умершего от паралича сердечной мышцы. На самом деле он покончил жизнь самоубийством.

Что же собирался сделать Сталин, если бы он успел закончить дело «убийц в белых халатах»? Акция «возмездия», безусловно, коснулась бы в этом случае подавляющего большинства евреев. Им грозила депортация в Якутию, в район Верхоянска, где морозы доходят до 68 градусов, а также в другие районы Сибири и Дальнего Востока. Поблизости от Хабаровска уже строились бараки для приема ссыльных. Значительную часть еврейского населения СССР планировалось уничтожить в пути — руками толпы, пышущей «справедливым гневом» в адрес ненавистных «жидов-отравителей». Все партийные и советские учреждения, руководство всех железных дорог ждали только отмашки «сверху»! 6 марта должен был состояться суд над «врачами-убийцами», которых заставили признаться в не совершенных ими преступлениях. Методика «увещевания»

заблудших душ была хорошо отработана — из всех обвиняемых не дал необходимых следствию показаний только Шимелиович. Вождь был горазд на выдумки, о чем хорошо знают российские немцы, кавказцы, украинцы, татары и многие другие.

Но как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Сталин неожиданно быстро «оправдал» диагноз, поставленный ему академиком Виноградовым (гипертония, атеросклероз, периодические расстройства мозгового кровообращения). 5 марта 1953 года высокопоставленный пациент опального академика благополучно отбыл на тот свет. Патологоанатомическое вскрытие показало: Сталин умер от обширного кровоизлияния в мозг; налицо были также «множественные мелкие полости (кисты) в ткани мозга, особенно в лобных долях, образовавшиеся после мелких очагов размягчения ткани мозга в результате гипертонии и артеросклероза». Собственно, эти изменения, а также их локализация как раз и вызвали у вождя нарушения в психической сфере, следствия проявления которых на собственной шкуре прочувствовало население Союза. В «деле врачей» наступило некоторое (благоприятное для жертв параноидального психопата с вывернутой логикой) замешательство, после чего мнимых убийц начали в спешном порядке выпускать на свободу, восстанавливать в прежних должностях и даже. выплачивать зарплату за проведенное под следствием время! Одним из первых был освобожден академик Виноградов. Перед ним извинились за доставленные неудобства и пожелали доброго здоровья. Дома ждали жена, дети…Однако Врач (именно с большой буквы, поскольку в данном случае это не специальность, а дар от Бога!) сказал: «Ничего, подождут еще немного. Я еще успею сделать обход. Уж очень долго ждали больные». К сожалению, не все арестованные перенесли следствие. Но этому никто не удивлялся. Ведь в стране шла борьба за светлое будущее, а ни одна борьба без жертв не обходится. Так сказать, издержки производства!

Практически никто из государственных чиновников, занимавшихся «делом врачей», не пострадал. Только один из организаторов скандального процесса, начальник следственной части по особо важным делам Министерства государственной безопасности СССР М. Д. Рюмин, который успел сделать неплохую карьеру еще на разгроме Еврейского антифашистского комитета, был разжалован и расстрелян. Интересно, что по «делу врачей» даже доследований никаких не проводилось — настолько очевидно абсурдными и нелепыми выглядели все обвинения.

А теперь вернемся к личности Тимашук. И сама врач, и ее сын долгое время пытались доказать: ее просто. подставили,

выдав за «разоблачителя заговора». А на самом деле не было ни доносов на коллег, ни уверений в причастности их к антисоветской деятельности. Так что же произошло на самом деле?

Н. С. Хрущев, выступая на XX съезде партии, откровенно заявил: никакого «дела врачей» не было, все было построено на заявлении Тимашук, негласного сотрудника органов госбезопасности. Она — возможно, под чьим-то влиянием или по прямому указанию — написала Сталину письмо о том, что врачи якобы применяют неправильные методы лечения. Лидия Феодосьевна утверждала: писем она писала много, причем разным должностным лицам. Но в них не было ни антисемитских выпадов, ни обвинений коллег во вредительстве. Речь шла только о проблеме медицинской диагностики, и не более.

Сталин тогда особого значения письму не придал и распорядился сдать его в архив. А непосредственный шеф «бдительного» кардиолога, начальник Лечебно-санитарного управления Кремля Егоров вызвал Тимашук «на ковер», объяснил разницу между компетентностью и ослиным упрямством, после чего перевел женщину во 2ю поликлинику (там лечились государственные деятели рангом пониже). Но врач не успокоилась, продолжая писать «в инстанции» нервные, склочные послания.

О письмах кардиолога вспомнили в начале 50-х годов, когда «режиссеры» нового процесса стали сочинять его сценарий и подыскивать «исполнителей». В августе 1952 года Тимашук дважды вызывали на допросы в качестве свидетеля. А 21 января 1953-го в «Правде» красовался указ Председателя Президиума Верховного Совета: «За помощь, оказанную Правительству в деле разоблачения врачей-убийц, наградить врача Тимашук Лидию Феодосьевну орденом Ленина». За день до этого героиня статьи едва не схлопотала инфаркт: к дому женщины подъехала темная машина, из нее вышел военный и пригласил Тимашук «следовать за ним». Но доставили насмерть перепуганного врача не на Лубянку, а в Кремль, к Маленкову. Тот поблагодарил: мол, вашими стараниями разоблачена группа «убийц в белых халатах». Затем заверил, что женщину скоро переведут на прежнее место работы. «Разоблачительница» только глазами хлопала, силясь понять, что же такого «героического» она совершила.

Едва попав домой, Тимашук снова отправилась по тому же маршруту с теми же провожатыми. На этот раз Маленков сказал: «Только что я разговаривал с Иосифом Виссарионовичем, и он предложил наградить вас орденом Ленина». Возражать Сталину, будучи в здравом уме, никто не спешил, и Тимашук не стала

исключением. Положим, она бы отказалась от награды и написала в «Правду» соответствующее письмо-протест против той роли, которую ей навязывали в «деле врачей». И что дальше? Ее вопль души попал бы в корзину для бумаг, а она сама — в лагеря.

Конечно, если бы «советская Жанна д'Арк» публично отказалась от свалившихся на ее голову лавров «спасительницы отечества», замыслы Сталина были бы нарушены. Но. врачу-обличителю быстро бы нашли замену, а ее саму упекли бы туда, куда Макар телят не гонял. Поскольку лавры личности, не поступившейся своими принципами — возможно, посмертные, — Тимашук не прельщали, она отказалась от исповеди и всю оставшуюся жизнь расплачивалась за свое малодушие.

Честно говоря, утверждения женщины о том, что коллеги использовали неправильные методы, весьма сомнительны. Возможно, светила медицины и в самом деле иногда допускали ошибки в назначении лечения сановным пациентам; возможно, они слишком недоверчиво относились к молодой тогда кардиологии. Но столь же правомерным будет утверждение о том, что у самой Тимашук было недостаточно опыта и потому она старательно находила симптомы кардиологических болезней там, где их и в помине не было. Хорошим примером здесь может служить «злодейское убийство» А. Жданова. Ведь этого верного ленинца на протяжении многих лет лечили от множества различных заболеваний, а умер он, в итоге, вовсе не от инфаркта, как утверждала Тимашук, а от. банального цирроза печени, неизменного спутника хронического алкоголизма. Хотя официальноезаключение, сделанное после вскрытия, гласило: больного свел в могилу «паралич болезненно измененного сердца при явлениях острого отека легких». Еще бы! Разве могли тот же Виноградов или начальник Лечебно-санитарного управления Кремля профессор Егоров, не говоря уже о менее титулованных специалистах, открыто заявить, что один из приближенных Сталина был законченным алкоголиком?!

После того, как «дело врачей» бесславно лопнуло, Л. Тимашук лишили ордена Ленина. Потеряла женщина в глазах коллег и многих сограждан и свое доброе имя. Его восстановлению не способствовал даже полученный летом 1954 года орден Трудового Красного Знамени — за безупречную долгую службу. И что примечательно, врач в течение многих лет боролась за «восстановление справедливости», то есть за снятие с себя клейма доносчицы, и при этом. за возвращение первой награды (а как мы помним, орден Ленина ей вручили «за помощь, оказанную правительству в деле разоблачения врачей-убийц»!). Последнее письмо «наверх» женщина отправила в 1966-м. В

течение следующих 17 лет она больше не пыталась оправдаться и почти не вспоминала прошлое; видимо, «советская Жанна д'Арк» поняла: история — жестокая наука, признающая только факты и игнорирующая крики души.

Дело Зорге

Одно из самых загадочных политических дел в новейшей истории, вопросов по которому до сих пор значительно больше, чем ответов...

Рихард Зорге

Имя Рихарда Зорге, гениального разведчика и тонкого аналитика, в течение многих десятилетий обросло легендами. О нем, о его жизни и деятельности писали много. Но так уж получилось, что все статьи и исследования на эту тему базировались на обрывках сведений и предположениях. Ведь официально о процессе над Зорге в Японии упоминали всего несколько раз: в мае 1942 года, когда когда в газетах промелькнуло краткое правительственное сообщение о том, что раскрыта международная разведывательная организация, и в феврале 1946-го (тогда в США были опубликованы выдержки из доклада исследователей из военного министерства). С документами по данному делу тоже как-то нехорошо получилось: часть их сгорела в конце войны во время пожара в здании

Министерства юстиции (в него угодила бомба, сброшенная с американского самолета); часть бумаг в момент подписания капитуляции уничтожили сами японцы. Оставшиеся документы после оккупации Токио конфисковал начальник разведывательного отдела штаба американских войск генерал Уиллоуби. Эти бумаги позже были переправлены в США. В американской прессе в разное время проскакивали статьи о Зорге, однако ни один из авторов с подлинниками документов не работал.

Итак, кто же вы, доктор Зорге? Действительно ли вы отдали жизнь за Советский Союз и были преданы Москвой? А может, все обстояло совсем иначе? Что за факты были вскрыты на процессе и что осталось не известно вашим судьям? Сложно представить, что сбор сведений об одной из самых загадочных личностей в истории продолжается и по сей день, а вокруг истинных причин гибели Рихарда Зорге сохраняется заговор молчания.

Пожалуй, ни один процесс не породил столько мифов и недомолвок, как это дело. Здесь мы расскажем о новом исследовании, предпринятом японскими учеными, и официально существующей версии относительно деятельности удивительного журналиста-аналитика. Таким образом, мы попытаемся определить, где же заканчивается легенда и начинается проза жизни.

Итак, сначала напомним известные факты. Рихард Зорге родился в Баку 4 октября 1895 года в семье инженера-нефтяника. Двоюродным дедом мальчика был соратник Карла Маркса Фридрих Зорге, в свое время возглавивший I Интернационал. В 1910 году Рихард и его родители вернулись из России в Германию. Образование Зорге получил в Берлинском и Гамбургском университетах. Во время Первой мировой войны он попал на фронт, перенес тяжелое ранение. На передовой он сблизился с левыми и в скором времени превратился в убежденного коммуниста. В 1918 году молодой человек участвовал в восстании моряков в Киле, а затем, получив Железный крест II степени, демобилизовался и перешел в Кильский университет, который закончил со степенью доктора политических наук.

В 1919 году Зорге вступил в компартию Германии; что касается работы, то он некоторое время был редактором коммунистической газеты, затем получил место в частном институте. Однако за «неблагонадежность» Рихарда уволили, и он нашел место преподавателя истории в школе. И снова доктора выставили его за двери — за пропаганду марксизма. На шахте дело тоже не заладилось: за ведение коммунистической

пропаганды Зорге в очередной раз выдворили с работы.

В 1924 году не в меру активный доктор политических наук уехал в Москву и вскоре принял советское гражданство, после чего вплоть до 1929 года занимался научной работой в Институте марксизма-ленинизма. Затем. Дальше начинается область догадок, предположений и непроверенных данных. Предположительно, в том же 1929 этого неординарного во многих отношениях человека, тонкого аналитика и талантливого журналиста завербовал руководитель советской военной разведки Я. К. Берзин. По заданию своего шефа Зорге работал в Германии и Китае, став ценнейшим источником информации. В Германии он, кстати, наладил связи с военной разведкой, гестапо и вступил в НСДПА. Затем Зорге «перебросили» в Японию. Кремль поставил перед ним задачу — предотвратить возможность войны между Страной восходящего солнца и СССР. Официально этот человек находился в Токио в качестве журналиста немецкой газеты и одного из информационных агентств Германии. В гестапо и абвере его считали секретным агентом немецкого посольства; никто из нацистов и не предполагал, что Зорге — так называемый «двойной агент», занимающийся разведдеятельностью в пользу СССР. Кстати, в то время Рихард имел среди японцев и членов немецкой колонии устойчивую репутацию тихого алкоголика и бабника… Это, кстати, не помешало ему накануне Второй мировой занять пост пресс-атташе германского посольства в Токио.

С заданием разведчик, работавший под псевдонимом «Рамзай», справлялся блестяще. Так, осенью 1941 года он сообщил, что Япония не вступит в войну против СССР, а будет воевать на Тихом океане против США. Эта информация позволила Советскому Союзу перебросить войска на запад; в итоге сибирские дивизии стали той ударной силой, которая решила исход битвы за Москву.

Всесторонне образованный, свободно владеющий несколькими иностранными языками, с прекрасными манерами, доктор Зорге сумел завести широкие связи в высших кругах — как в японских, так и в немецких. Это помогло ему создать в Стране восходящего солнца разветвленную разведывательную организацию, в течение более чем восьми лет остававшуюся практически неуловимой. Переоценить информацию, полученную доктором от сознательных и невольных осведомителей, было трудно. Например, Зорге первым сообщил в Москву данные о составе нацистских сил вторжения, дате нападения на СССР, передал общую схему военного плана вермахта. Эта информация оказалась на редкость детальной. Но Сталин, который успел

убедить себя, что Гитлер на СССР никогда не нападет, подозрительно отнесся к сведениям, переданным Рамзаем, и даже заявил, что Зорге действительно «двойной агент» и играет не в пользу Союза. Дело осложнялось тем, что после ареста непосредственных руководителей, Берзина и Урицкого, а также гибели в лагерях своей жены, Е. Максимовой, разведчик как-то не горел желанием приезжать в СССР «в отпуск». Естественно, что такое игнорирование намеков главы державы Сталин, не отличавшийся доверчивостью, простить «простому смертному» не мог. Так что в трудный момент группа «Рамзай» была просто брошена на произвол судьбы.

18 октября 1941 года Зорге все же угодил в ловушку, расставленную японской разведкой: он «погорел» на знакомстве с танцовщицей кабаре, которая на поверку оказалась агентом контрразведки. Кстати, эта женщина уже после смерти разведчика была убита работниками НКВД. Правда, существовала версия, что доктора «сдала» его же собственная гражданская жена-японка, однако, как позже выяснилось, камень в огород Исии Ханако был брошен зря. Женщина узнала об аресте Рихарда на второй день, когда в ее дом заявились с обыском полицейские. А смысл деятельности мужа поняла только после ознакомления с официальным сообщением о раскрытии разведгруппы. Но и псевдотанцовщица вышла на «Рамзая» не случайно. Согласно версии американских исследователей, японская контрразведка обратила внимание на журналиста после ознакомления со списками японских членов компартии Америки. Однако большинство японских историков уверено: Зорге банально предали, вот только имя иуды пока остается неизвестным. Тем более, что руководитель сектора тайной полиции Японии и инспектор Хидэо Охаси, который «раскручивал» дело «Рамзая», после войны упоминали в интервью, что у японской контрразведки имелся важный информатор, который и «завалил» всю группу.

В течение почти трех лет Рихарда Зорге содержали в тюрьме, а после окончания закрытого судебного процесса, 29 сентября 1943 года, ему был вынесен смертный приговор. Более полувека в историографии господствует точка зрения, что Зорге сам отказался от германской защиты, когда его арестовали и допросили в секторе тайной полиции «Токко». Утверждали, что он признался в работе на ГРУ и просил Москву вытащить его из тюрьмы. Но документальные свидетельства этого отсутствуют. При этом следует упомянуть, что Кремль не предпринял никаких попыток обменять разведчика на японского резидента и несколько раз отверг варианты обмена Зорге на кого-то из

японцев, арестованных советской стороной. Сохранились непроверенные сведения о том, что журналиста повесили в тюрьме Сугамо 7 ноября 1944 года.

В СССР имя этого удивительного человека и его деятельность усиленно замалчивались. Почему? Ответ очевиден: при Сталине нельзя было признать, что Зорге представил достоверную информацию, а ее не учли и признали дезинформацией. В результате чего начало войны для СССР стало, мягко говоря, не слишком удачным, и столица едва не пала. Только при Н. С. Хрущеве имя Зорге в пропагандистских целях «раскрутили», провозгласив самым гениальным разведчиком времен войны. Так что многие подробности легенды об этом человеке не больше чем выдумка партийных журналистов.

Исии Ханако долгое время ничего не знала о судьбе мужа и его товарищей. После окончания войны, в октябре 1945 года, она обнаружила короткую информацию о разведчике в газете американских оккупационных войск «Старс энд страйпс». И снова несколько лет неизвестности.

В сентябре 1948 года женщина увидела первый подробный рассказ о Зорге в журнале «Секейджип»; там, в частности, говорилось, что советский разведчик был похоронен на кладбище Дзосигая в общей могиле. Когдато на месте захоронения находился деревянный столбик с фамилиями погребенных, но во время войны местные жители использовали такие «детали пейзажа» в качестве дров. В 1949 году Ханако обратилась к адвокату Асануме, который являлся официальным защитником Зорге на суде. Тот дал рекомендации, и женщина смогла получить разрешение на поиск и перезахоронение тела своего гражданского супруга. В тюрьме ей показали место «сёдо» — общей могилы на краю кладбища. 16 ноября это безымянное захоронение вскрыли, и среди останков Исии сразу же узнала прах Зорге, имевший характерные приметы: сросшиеся после перелома кости бедра (память о ранении на фронте), переломы челюсти (итог мотоциклетной катастрофы в Токио). Там же обнаружились очки разведчика, которые он начал носить незадолго перед арестом, приметная пряжка его любимого пояса.

Останки покойного доставили в крематорий «Симонтиайно Касоба». Затем прах поместили в урну, которая в течение года хранилась у Ханако дома. 8 ноября 1950 года женщина установила урну в самом красивом парке-кладбище Токио — Тама. Исии обложила могилу под № 17121 каменными плитами, на которых высечены имена товарищей Рихарда, японскими иероглифами вывела на столбике имя Зорге. Позже там же был установлен мраморный обелиск с высеченными на нем словами:

«Здесь покоится герой, отдавший свою жизнь в борьбе против войны, за мир во всем мире.».

А пока вокруг дела Зорге, похоже, сохраняется некий заговор молчания, как и в годы «холодной войны». Спецслужбы по меньшей мере трех стран — Японии, США и России — продолжают держать в секрете наиболее важные документы этой драматической истории, не давая ответа на десятки вопросов, которые возникли у исследователей. Почему? Не могут? А может, просто не хотят? Ведь манипуляции с первоисточниками процесса наводят на весьма нехорошие мысли. Невольно кажется: кто-то приложил руку к тому, чтобы подлинные обстоятельства провала разведчика остались тайной за семью печатями. Так, протоколы первых допросов удивительного журналиста вначале оказались. утерянными! Лишь много лет спустя они якобы обнаружились и были опубликованы в 1971 году, правда, почему-то на японском. Но где же сами подлинники?! И, кстати, что представляет собой архив германской разведки, касающийся «дела Зорге», попавший после войны к американцам и англичанам? Даже то, каким числом была помечена последняя телеграмма разведчика, отправленная им после 14 сентября 1941 года, неизвестно. На тайной войне журналист-аналитик рисковал собой каждый день под прицелами десятков спецслужб. С учетом данных обстоятельств работа Зорге в Японии до сих пор имеет политическое звучание и значение. Видимо, поэтому «дело Рамзая» не закрыто. Как говорится, вопросов — море. Вот только с ответами на них по-прежнему негусто.

А может, дело в том, что говорить, в общем-то, и не о чем?! В самом деле, а был ли Зорге шпионом? Странный вопрос? Не скажите! Ведь японские специалисты сегодня утверждают, что Рихард Зорге вовсе не был разведчиком, и его казнили на основании ошибочного приговора.

Более 10 лет 10 адвокатов из Иокогамы пытались установить истину в деле талантливого журналиста. Их выводы оказались неожиданными. Рихарда Зорге в 1943 году признали виновным в том, что он сообщил военную тайну иностранному государству и тем самым нанес ущерб безопасности Японии. Основой для приговора послужила статья 4я Закона о защите государственной тайны. Говоря более конкретно, журналиста обвинили в незаконном получении и распространении информации о секретном заседании Императорской конференции, на которой было принято решение выступить не против Советского Союза, а против Индокитая. Так вот, адвокаты считают, что ни одно из выдвинутых против Зорге обвинений не было обоснованным. Изучение доступных материалов по самому процессу и

протоколов допросов журналиста позволяет сделать вывод: Зорге лишь занимался анализом сведений, поступавших из разных источников. Но благодаря своей развитой интуиции и таланту аналитика он сумел сделать на редкость точные выводы, которые и довели его до петли.

Еще пребывая на свободе, Зорге получил информацию от министра иностранных дел Японии (через германского посла в Токио) о скором нападении Страны восходящего солнца на СССР. С другой стороны, от высокопоставленного японского офицера (через цепь информаторов) журналист получил сведения об иных планах командования императорской армии. Тщательно проанализировав все данные, Зорге сделал вывод и сообщил о нем в Москву. Так о каком шпионаже может идти речь, если в данном случае не было ни государственной тайны, ни ее незаконного распространения?! А ведь именно эти обвинения легли в основу смертного приговора Зорге! И еще один мрачный казус: спорный закон об охране государственной тайны, вступивший в силу незадолго до ареста Рихарда Зорге и его помощника Озахи, был отменен в 1945 году. Так что журналист и его приятель стали первыми и единственными людьми, осужденными и казненными по этому закону.

Несмотря на правдоподобие многих версий, тайна великого человека, вначале забытого, а в 1964 году награжденного званием Героя Советского Союза, так и остается нераскрытой. А вопрос: «Кто же вы, доктор Зорге?» — по-прежнему может с полным правом считаться риторическим.

Суд истории

Заседание Международного трибунала в Нюрнберге

Нюрнбергский процесс над главными нацистскими преступниками продолжался с 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946-го. Международный военный трибунал был сформирован на паритетных началах из представителей 4 великих держав в соответствии с Лондонским соглашением.

Члены трибунала: от СССР заместитель председателя Верховного суда Советского Союза генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко; от США бывший генеральный прокурор страны Ф. Биддл; от Великобритании главный судья лорд Дж. Лоренс; от Франции профессор уголовного права А. Доннедъе де Вабр. Было проведено 216 судебных слушаний, председателем суда был представитель Великобритании Дж. Лоуренс. Перед судом предстали 23 обвиняемых. Среди них — рейхсмаршал Герман Геринг, партийный заместитель фюрера Рудольф Гесс, гитлеровский гросс-адмирал Редер, начальник отдела прессы министерства пропаганды Фриче, министр иностранных дел Иоахим Риббентроп, гроссадмирал Карл Дёниц и другие видные деятели нацистской партии. Нюрнбергский трибунал положил начало международному праву.

Они вошли в село незаметно. Далекий бой затих, словно войны и не было, словно это грозовая туча прокатилась с грохотом где-то над соседними деревнями и понесла свои наэлектризованные телеса мимо, на восток. Через полчаса с западной окраины вдруг потянуло горелым. Через час незнакомая речь рассыпалась острой дробью уже по всему селу. Галке не было страшно. В полтора года дети еще не умеют бояться. У мамы дрожали губы, а бабка судорожно вспоминала молитвы, но все время сбивалась. В полтора года дети могут не заметить и этих предвестников беды. Особенно если вокруг столько незнакомых людей и блестящие мотоциклы. Поэтому Галка смеялась. Потом все пошли в чужую избу. Здесь Галка заплакала, потому что вдруг стало темно, тесно и жарко. Так закончилась история одного из тысяч безымянных сел. Так закончилась Галкина жизнь.

В этот момент в Освенциме сделал шаг в газовую камеру маленький Мошеле.

Через пару лет в столице Великобритании уставшие от кровавых игр взрослые решат собрать самый большой суд в истории — общечеловеческий.

Во время проходившей с 26 июля по 8 августа 1945 года конференции в Лондоне представители США, СССР, Франции и Великобритании подписали соглашение о создании Международного военного трибунала. А за два дня до окончания этой мирной конференции ненаигравшиеся дяди убили еще не родившегося хиросимского младенца вместе с матерью.

«Зал суда. Искусственный дневной свет. Стены облицованы резным дубом, во весь пол — зеленоватый, заглушающий звук шагов ковер. На возвышении, под флагами четырех союзных держав, судьи и их заместители, члены международного трибунала. Перед ними — секретари, стенографистки. Справа от возвышения — четыре длинных, параллельно друг к другу, стола — места обвинителей. Напротив в два ряда — адвокаты в черных и лиловых мантиях. Переводчики за стеклянной перегородкой. Заполнена ложа прессы и галерея для посетителей. Неподвижно стоят, заложив руки за спину, американские военные полицейские в белых касках. За барьером, на двух длинных скамьях, те, кто совершил чудовищные злодеяния, развязал Вторую мировую войну, пролил море крови. Геринг, Гесс, Розенберг, Риббентроп, Кальтенбруннер, Кейтель. Всего 21 преступник». Так, по словам одного из двухсот пятидесяти присутствовавших на заседании журналистов, начинался невиданный ранее судебный процесс: 30 миллионов страниц дела, 403 открытых судебных заседания, 116 свидетелей. Пострадавшей стороной можно было считать миллионы жителей

планеты. По сравнению с их числом подсудимых немного. Но по сути Нюрнбергский трибунал судил не только два десятка военных преступников, а государственный строй, фашизм, навязавший извращенную, нечеловеческую мораль своим последователям и погубивший столько жизней.

«.3 июня 1944 года в деревню Перчюпе Тракайского уезда ворвались гитлеровцы; окружив деревню, они произвели повальный грабеж, после чего, загнав всех мужчин в один дом, а женщин и детей в три других дома, зажгли эти дома. Пытавшихся вырваться и бежать фашистские изверги ловили и снова бросали в горевшие дома. Так было сожжено все население деревни — 119 человек, из них 21 мужчина, 29 женщин и 69 детей».

«.Комендант Яновского лагеря, оберштурмфюрер Вильгауз, ради спорта и удовольствия жены и дочери систематически стрелял из автомата с балкона канцелярии лагеря в заключенных, работавших в мастерских, потом передавал автомат своей жене, и она также стреляла. Иногда, чтобы доставить удовольствие своей девятилетней дочери, Вильгауз заставлял подбрасывать в воздух двух-четырехлетних детей и стрелял в них. Дочь аплодировала и кричала: “Папа, еще, папа, еще!”, - и он стрелял».

«После захвата города Харькова германские разбойники повесили несколько человек в окнах большого дома в центре города. Кроме того, в том же Харькове 16 ноября на балконах ряда домов фашистами было повешено 19 человек, в числе которых была одна женщина».

Это выдержки из речи помощника главного обвинителя от СССР Л. Н. Смирнова. Подобными леденящими душу свидетельствами пестрели выступления каждого из восьми членов международного трибунала. Было собрано более пяти тысяч свидетельств жертв фашизма. Особое внимание было уделено политике Холокоста. «Нацистское движение навсегда оставит о себе дурную память в истории из-за преследования евреев, самого яростного и самого широкого по масштабам расового преследования в истории народов. Хотя антисемитизм не является ни изобретением, ни монополией нацистской партии, ее руководители с самого начала приняли его, раздули и использовали в своих целях как “психологическую искру”, которая воспламенит толпу. После захвата власти антисемитизм стал официальной политикой», — утверждал главный обвинитель от США Р. Джексон.

В целом был сформулированы обвинения, которые можно разделить на четыре группы. Во-первых, преступными были признаны планы нацистской партии: использование нацистского контроля для агрессии против иностранных государств;

агрессивные действия против Австрии и Чехословакии; нападение на Польшу; агрессивная война против всего мира (1939–1941); вторжение Германии на территорию СССР в нарушение пакта о ненападении от 23 августа 1939 года; сотрудничество с Италией и Японией и агрессивная война против США (ноябрь 1936 года — декабрь 1941 года). Во-вторых, подсудимым были предъявлены обвинения в преступлениях против мира: «Все обвиняемые и различные другие лица в течение ряда лет до 8 мая 1945 года участвовали в планировании, подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн, которые также являлись войнами в нарушение международных договоров, соглашений и обязательств». В-третьих, военными преступлениями были признаны следующие действия фашистов: увод гражданского населения оккупированных территорий в рабство и для других целей; германизация оккупированных территорий; бесцельные разрушения больших и малых городов и деревень; опустошения, не оправданные военной необходимостью; убийства и жестокое обращение с военнопленными и военнослужащими стран, с которыми Германия находилась в состоянии войны, а также с лицами, находившимися в плавании в открытом море; убийства и жестокое обращение с гражданским населением на оккупированных территориях и в открытом море. И наконец, четвертая группа обвинений — преступления против человечества (убийства, пытки, геноцид).

1 октября 1946 года Нюрнбергский процесс закончился. К смертной казни через повешение были приговорены Геринг, Риббентроп, Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер, Заукель, Йодль (полностью оправдан при пересмотре дела в 1953 году), ЗейссИнкварт, Борман (заочно); к пожизненному заключению — Гесс, Функ, Редер; к двадцати годам заключения — Ширах, Шпеер. 15 лет тюремного заключения получил Нейрат, 10 — Дениц. Трое обвиняемых были оправданы: Фриче, Папен, Шахт. Дело признанного неизлечимо больным Круппа было закрыто. Обвиняемый Лей повесился в тюрьме 25 ноября 1945 года, незадолго до начала трибунала. СС, СД, С А, гестапо, а также нацистская партия были признаны преступными организациями.

16 октября 1946 года в здании Нюрнбергской тюрьмы преступники были повешены американским палачом Джоном К. Вудсом. Этой участи избежали Геринг, отравившийся накануне в своей камере, и скрывшийся от правосудия Мартин Борман. Суды над военными преступниками продолжались вплоть до 1950-х годов.

Трибунал получил неоднозначную оценку в мире.

Нюрнбергский процесс еще не успел завершиться, а в стенах Дворца юстиции разгорелся скандал, связанный с неправомочностью Трибунала. Один из участников процесса, американский судья Венерстурм, подал в отставку и покинул Германию. Чуть позже в газете «Чикаго Трибьюн» было напечатано его письмо, в котором он объяснял причины «громкого хлопанья дверью». «Члены прокуратуры, вместо того, чтобы сформулировать и попытаться применить юридические нормы ведения процесса, — писал он, — занимались в основном преследованием личных амбиций и мщением. Обвиняющая сторона сделала все возможное, чтобы не допустить выполнения единогласного решения Военного суда потребовать от Вашингтона предоставить дополнительные документы, находившиеся в распоряжении американского правительства. Девяносто процентов администрации Нюрнбергского трибунала состоит из людей с предвзятым мнением, которые по политическим или расовым причинам поддерживали обвиняющую сторону. Обвиняющая сторона, очевидно, знала, кого выбирать на административные посты военного трибунала, и потому там оказалось много «американцев», чьи иммиграционные документы были очень недавними и кто, либо своими действиями по службе, либо через их действия как переводчиков, создали атмосферу, враждебную обвиняемым. Настоящей целью Нюрнбергского процесса было показать немцам преступления их фюрера, и эта цель также явилась предлогом, под которым был создан Трибунал. Если бы я знал заранее, что будет происходить в Нюрнберге, я бы никогда туда не поехал».

Юридические споры вокруг «Суда истории» не умолкают до сих пор. Сегодняшние правоведы находят десятки нарушений законодательных норм: отсутствие права на отвод, отсутствие права на апелляцию и пересмотр приговоров в пользу обвиняемых по вновь открывшимся обстоятельствам (при возможности пересмотра приговора в другую сторону), упрощенные требования к доказательствам. И конечно, немало масла в огонь подливает и тот факт, что некоторые из стран судей по логике вещей сами должны были бы предстать в качестве обвиняемых. Чего только стоит американская бомбардировка Хиросимы и Нагасаки! Не говоря уже о многочисленных и не менее жестоких, чем фашистские, преступлениях Советского Союза против военнопленных и собственных граждан. Одна из русских переводчиц так вспоминает нюрнбергские события: «При Сталине Нюрнберг замалчивался по вполне понятным причинам — в ходе заседаний вдруг возникали темы, говорить на которые в СССР было строжайше запрещено. Немудрено, что мне, 20-летней

комсомолке, некоторые показания даже слушать было жутко, а уж переводить. Например, Гесс говорил о политических процессах 1936–1938 годов, состоявшихся в одной из не германских стран. Для этих процессов, по словам Гесса, было характерно, что подсудимые весьма странным образом изобличали себя сами, перечисляя свои якобы совершенные преступления. А когда им выносили смертные приговоры, им неистово аплодировали, к удивлению всего мира. Геринг однажды сказал на суде: «Если я сижу на этой скамье, то справа от меня должен сидеть Сталин, а слева — Черчилль».

Нюрнбергский трибунал, наверное, должен был быть другим. Но каким? Возможна ли справедливость, когда в судейском ложе находится такая нечистоплотная дама, как политика? Сквозь призму шестидесяти лет, прошедших с тех пор, одно можно сказать точно. Нюрнбергский процесс, как бы то ни было, был нужен человечеству. Даже если бы на совести обвиняемых была только жизнь одной маленькой девочки из белорусской деревни. А ведь Галочек, Машенек, Янеков, Мошеле — миллионы. Жаль только, что убийцы хиросимской крохи так и не предстали перед судом. Так было бы честнее. А то ведь некоторые власть имущие взрослые безнаказанно играют чужими жизнями до сих пор.

Процесс по делу Розенбергов

Супруги Розенберг

«Дело Розенбергов» стало одним из наиболее громких шпионских скандалов в истории и вызвало волну антикоммунистических и антисемитских настроений в США. О том, были ли супруги Розенберг виновны в шпионаже, спорят до сих пор.

Сегодня уже почти никто, кроме специалистов, не помнит о том, что еще в начале Второй мировой войны между СССР, Великобританией и США был подписан договор, согласно которому союзники должны были обмениваться секретной военной и технологической информацией. Но уже летом 1943 года в Квебеке Рузвельт и Черчилль заключили секретное соглашение о совместных работах в области ядерной энергетики. При этом стороны договорились в свои планы третьи страны не посвящать. Тем не менее, оставить СССР «за бортом» так и не удалось — научная, политическая и военная разведки Союза оказались на высоте.

Американские специалисты были уверены: первые испытания атомного оружия русские, сильно отставшие от союзников в его разработке, смогут провести не ранее начала 60-х годов XX века.

Однако в 1949 году в СССР состоялось успешное испытание атомной бомбы. Насколько сильно изменилось распределение сил в мире от того, что не одна, а сразу две супердержавы завладели столь мощным оружием, объяснять излишне. Вот только американскому правительству требовалось как-то оправдаться перед налогоплательщиками, которым разработки атомной бомбы обошлись в 400 миллионов долларов. А значит, необходим был громкий «атомный» скандал, который штатовская Фемида вкупе с военными вскоре и состряпала, в очередной раз грубо подменив правосудие политикой. «Козлов отпущения» нашли быстро. Благо на пороге стоял печально известный маккартизм, и на инакомыслящих заводились дела в ФБР, позднее использованные в период «охоты на ведьм».

Выходцы из семей русских евреев, Юлиус Розенберг и Этель Гринглас родились и выросли в Нью-Йорке. Вдумчивый и серьезный парень собирался стать раввином и в течение года получал религиозное образование. Однако родители отговорили его от этого, убедив выбрать техническую специальность. В итоге Юлиус закончил колледж, получив диплом инженера-электрика. Что же касается Этель, то у нее было только среднее образование — семья Гринглас едва сводила концы с концами, и выделить средства на обучение девочки музыке и вокалу (у нее был прекрасный оперный голос) родители так и не смогли. Некоторое время девушка, закончившая курсы секретарей, работала в нескольких организациях. Уже тогда она стала принимать участие в забастовках и митингах рабочих, доведенных во время печально известной великой депрессии до крайней нищеты.

На одной из вечеринок в поддержку бастующих девушка встретилась со старым знакомым, которого довольно долгое время не виделась, — с Розенбергом. Вскоре взаимная симпатия молодых людей переросла в любовь, и в 1939 году 24-летняя Этель и 21 летний Юлиус создали семью.

Найти работу в Штатах в начале 40-х годов было непросто. Наконец, пройдя годовую стажировку, 16 февраля 1943 года Розенберг получил должность гражданского инженера армейской связи в штате НьюДжерси. С началом Второй мировой он, будучи ярым антифашистом, пытался уйти добровольцем на фронт, однако из-за слабого здоровья так и не смог пройти медкомиссию. Тем не менее сочувствие к СССР в 1944 году привело молодого человека в ряды компартии. Сам он, правда, свои политические взгляды не особенно афишировал, однако в 1945-м ФБР получило информацию об «инакомыслии» Юлиуса, после чего образцового молодого специалиста уволили из армии за политические убеждения. Оставшийся не у дел Розенберг с

помощью братьев жены сумел все же завести небольшой личный бизнес и снова стать на ноги. До начала настоящей «коммунистической истерии» оставалось всего несколько лет.

Этель к тому времени уже не работала: в семье подрастали двое сыновей (один из детей доставлял родителям немало хлопот своим тяжелым характером), и женщина полностью переключилась на домашние заботы. Своих симпатий к советскому строю, из-за которых Юлиус потерял место, Розенберги по-прежнему не скрывали.

Младший брат Этель, Дэвид Гринглас работал в сверхсекретном исследовательском центре в ЛосАламосе, где Роберт Оппенгеймер и его коллеги занимались тем, что «делали за дьявола его работу» — разрабатывали атомное оружие. В 1944–1946 годах там же работал немецкий ученый Клаус Фукс, успевший получить английское гражданство. В то время никто не предполагал, что этот высочайшего класса специалист, чьи феноменальные аналитические способности поражали коллег, был советским «атомным агентом». Связным Фукса являлся американец Гарри Голд — в кризисной ситуации он без колебаний «сдал» ученого ФБР. Фукс, правда, к тому моменту успел покинуть Штаты и перебраться в Англию, где так же занимался разведывательной деятельностью в пользу СССР. После того, как Фукс дал признательные показания, его приговорили к 14-летнему тюремному заключению: судьи учли тот факт, что ученый передавал сведения не противнику, а союзнику. Кстати, Фукс вышел на свободу досрочно, спустя девять лет, после чего перебрался в Германию, где возглавлял крупный исследовательский центр.

Если верить документам Федерального бюро расследований, Голд упоминал также и о Дэвиде Гринглассе, который имел доступ к информации о детонаторах, освобождающих плутоний и уран для создания критической массы. Эти материалы Гринглас передавал в руки советских разведорганизаций за соответствующую плату. Когда же ФБР вышло на Дэвида и оказало на него соответствующее давление, мужчина решил ценой предательства отвести от себя и своей жены удар.

Первоначальные показания «любящего родственника», которому фэбээровцы настоятельно рекомендовали спихнуть вину на голову идеально подходившего для «атомного скандала» зятя, быстро обрастали подробностями. Дэвид начал утверждать, будто Юлиус и Этель добровольно присоединились к заговору, но такой поворот следствие не устраивал. Тогда Гринглас «вспомнил» о том, что Юлиус, оказывается, руководил группой, которая занималась передачей разработок в области атомного оружия

СССР. Оговорив родственников, мужчина не испытывал угрызений совести: он спасал свою жизнь и жизнь жены, посчитав, что для достижения этой цели хороши все средства… Спустя 48 лет этот человек, сменивший имя и перебравшийся с семьей в другой штат, спокойно признался: он оклеветал свою сестру и ее мужа из страха, под нажимом следствия. Иначе, мол, главными обвиняемыми «атомного процесса» стал бы он сам и его жена (Руфь Гринглас, кстати, также дала показания о том, что к шпионажу причастна Этель). Дэвид легко согласился на все условия следователей. Поскольку в деле фигурировали отпечатанные на машинке отчеты, он сказал, что их печатала Этель. Ведь Розенберги с их левыми убеждениями и членством в компартии идеально подходили для показательного процесса! Сегодня известно также, что фальсифицированные показания Грингласа, который сам по себе ФБР не слишком интересовал, лично готовил ближайший друг и сотрудник сенатора Маккарти, помощник прокурора Рэй Кон. Дэвид же, отделавшийся, можно сказать, легким испугом, потом заявил: он, конечно, «слегка сожалеет» о прошлом, но «спокойно спит по ночам». Ведь его сестра сама виновата, поскольку «повела себя неправильно» и отказалась валить всю вину на мужа. «Зато мы с женой живы. У нас все в порядке», — сообщает Гринглас. На могиле Этель, кстати, он не был ни разу.

Юлиус Розенберг был арестован 17 июля 1950 года по личному распоряжению шефа ФБР Гувера. При этом спецслужбы не располагали никакими прямыми доказательствами его вины, целиком полагаясь только на «правильные» показания Грингласа. 11 августа фэбээровцы арестовали и Этель. Позднее руководители и сотрудники советской разведки категорически отрицали какую бы то ни было причастность Розенбергов к передаче ядерных секретов, подчеркивая, что вся необходимая информация поступала (абсолютно бескорыстно!) в СССР от Фукса.

Обвинители опирались также на тот факт, что в годы войны Юлиус изредка встречался с представителями СССР, которые в рамках существовавших тогда соглашений о сотрудничестве получали у Розенберга консультации по вопросам радиоэлектроники. По другой версии, инженер действительно сотрудничал с советской разведкой, но отказывался при этом от платы за передаваемую информацию. Его группа не имела никакого отношения к атомному шпионажу, но ценность этих агентов и без того была исключительной. Розенберг переслал в Москву более 20 000 страниц секретной документации только по электронике: по новейшим видам радаров, санаров, прицельным системам, зенитному радиовзрывателю (на его разработку

американцы потратили миллиард долларов в ценах того времени!), компьютерам, по технологиям производства, образцы клитронов, магнитонов и других электровакуумных приборов. Кроме того, советская резидентура из того же источника получила 10 000 страниц документации по военной авиационной и ракетной технике. Туда, кстати, входил также комплект материалов по первому американскому реактивному истребителю «Падающая звезда» (П80) и бомбардировщикам. Эта уникальная информация дала возможность в кратчайшие сроки создать в СССР различные виды боевой техники и вооружений, самолетов подобного же класса, а также положила начало радиолокационной промышленности. К слову, на эту альтруистскую агентурную группу, состоявшую из убежденных антифашистов, советская разведка напрямую не потратила ни цента. Этель же, хотя и была осведомлена о деятельности мужа, в работе группы никакого участия не принимала.

«Атомный процесс» начался 6 марта 1951 года и длился месяц. Одной из основных улик по делу Розенбергов стали «чертежи» принципиальных схем взрывного ядерного устройства, якобы полученные Юлиусом от Грингласа. Целый ряд крупных физиков, приглашенных на слушания, откровенно высмеяли их, назвав «детскими рисунками», ничего общего с взрывателем не имеющими. Филипп Моррисон, один из разработчиков атомной бомбы, прямо сказал: Гринглас создал «грубую карикатуру, полную ошибок и лишенную необходимых для ее понимания и воспроизведения деталей». Обвинение проигнорировало эти замечания, указав, что Розенберг передавал в СССР также данные о персонале на одном из особо охраняемых комплексов, о взрывчатых веществах, используемых для введения в действие детонатора, технические материалы и схемы, в том числе, 12-страничную инструкцию о принципе действия механизма бомбы. Очевидная необоснованность, бездоказательность обвинений, построенных на натяжках и домыслах, откровенная предвзятость суда вызвали массовое возмущение, в том числе в самих Соединенных Штатах. Вот почему обвинение требовало от арестованных добровольного признания в шпионаже: супругам открыто заявили, что это для них это единственный способ спасти свои жизни от электрического стула. Но Розенберги стояли на своем: они невиновны и являются жертвами политической истерии. Не помог даже откровенный шантаж обвинения, которое давило на Розенбергов намеками на далеко не светлое будущее их маленьких сыновей. 28 марта суд признал чету Розенберг виновной в инкриминируемом преступлении. 5 апреля Юлиуса и Этель приговорили к смерти на электрическом стуле. Согласно

постановлению, супругам оставалось жить лишь до последней недели мая. Впервые с 1917 года в мирное время был вынесен смертный приговор за шпионаж, впервые такая мера применялась к гражданским лицам, впервые, приговоренной к смерти оказалась женщина. Обвиняемые встретили приговор спокойно и с достоинством. По свидетельству охранников, накануне они пели. Примечательно, что Розенбергов обвинили в одном преступлении, а приговорили. за другое! Ведь их обвиняли не в шпионаже или измене, а в заговоре с целью шпионажа. То есть, говоря юридическим языком, в намерении совершить акт шпионажа. А это значило одно: правительство так и не смогло доказать, что Розенберги сумели что-либо украсть и передать краденое какому-то лицу. На суде такие доказательства представлены не были, и все разговоры велись только о мнимых намерениях супругов.

Несмотря на старания устроителей процесса, Этель и Юлиус провели в тюрьме Синг-Синг еще более двух лет. Видеться они могли только через специальную металлическую сетку. А между свиданиями супруги писали друг другу трогательные письма. За это время их адвокаты подали 26 апелляций и дополнений к ним. Однако усилия защиты оказывались тщетными. Не помогли также сотни митингов и демонстраций протеста с участием многих тысяч людей, личные обращения выдающихся политиков, деятелей науки и культуры. За осужденных вступались даже главы европейских держав, физики-руководители атомного проекта, Папа Римский и 10 кардиналов! А письмами от простых людей с просьбой о помиловании Юлиуса и Этель можно было засыпать Белый дом — целиком, от подвала до крыши. Наконец, делом Розенбергов заинтересовался один из лучших адвокатов США, Файк Фармер, который обнаружил в документах по процессу несоответствия, до устранения которых речь о казни идти не могла. Исполнение приговора, в очередной раз назначенное на 18 июня 1953 года, вновь было приостановлено. Однако высокопоставленные «кукловоды» процесса добились созыва внеочередного специального заседания Верховного суда, на котором действующий закон спешно пересмотрели. Тогда адвокаты отправились прямиком в Белый дом, чтобы подать прошение о помиловании Розенбергов лично президенту. На такие процедуры обычно уходит уйма времени, но на этот раз Эйзенхауэр был на редкость оперативен. Он в течение часа рассмотрел прошение и поставил на нем свое решение: отказать.

Следует упомянуть, что Розенбергам предоставлялся шанс спасти свои жизни. Для этого им необходимо было согласиться на сотрудничество со спецслужбами, признаться в шпионаже в

пользу СССР и спешно «вспомнить» имена соучастников. В комнату для свиданий, где Этель и Юлиус должны были вместе провести последние минуты своей жизни, провели телефон, который напрямую соединялся с министерством юстиции. Но Розенберги лишь горько усмехались: «Человеческое достоинство не продается». За несколько минут до казни Этель написала записку сыновьям, где говорила о невиновности — своей и мужа. Юлиус просил адвоката позаботиться об их детях, которые волей ослепшей Фемиды оставались сиротами.

19 июля 1953 года в 20 часов 6 минут Юлиус Розенберг был убит разрядом тока в 1900 вольт. Его жена села на электрический стул шестью минутами позже. Однако смерть женщины врачи констатировали только в 20.16. Палачам потребовалось трижды пропускать ток через тело несчастной женщины, прежде чем ее сердце остановилось. Присутствовавшие при казни были поражены самообладанием приговоренных, которые приняли смерть с достоинством, не издав ни звука.

Сыновей четы Розенберг усыновили посторонние люди. Мальчишкам пришлось расти, скрывая, что они являются детьми казненных «атомных шпионов». Только спустя 20 лет они рискнули разорвать завесу лжи и попытались убедить сограждан в невиновности своих родителей. Но американцы и без них уже об этом знали.

«Процесс 12-ти», или Охота на ведьм

Крупнейший уголовно-политический процесс в истории США, документы которого свидетельствуют о посягательстве на либерально-демократические права американцев.

После Второй мировой войны к власти в США пришли представители крайне правых, реакционных кругов. В 1947 году президент Гарри Трумэн, обеспокоенный ростом влияния коммунистической идеологии, выработал доктрину «сдерживания коммунизма», которая предполагала использовать против политических противников репрессии, приукрашенные социальной демагогией. Этот период в истории Америки получил название «охоты на ведьм».

Репрессивная кампания началась с приказа президента от 21 марта 1947 года за № 9835, в котором шла речь о проверке лояльности госслужащих и об усилении деятельности ФБР и комиссии Палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности. Уже 20 июля 1948 года 12 членов Национального комитета компартии США предстали перед федеральным Большим жюри по обвинению в заговоре с целью свержения правительства. В число обвиняемых вошли председатель Национального комитета компартии США Уильям Фостер, Генеральный секретарь Национального комитета Юджин Деннис, секретарь Национального комитета по организационным вопросам Генри Уинстон, секретарь Национального комитета по вопросам профсоюзов Джон Уильямс, руководитель отдела Национального комитета по политиковоспитательной работе Джек Стечел, редактор газеты «Дейли уоркер» Джон Гейтс, председатель партийного комитета в штате Огайо Гэс Холл, председатель партийного комитета в штате Нью-Йорк Роберт Томпсон, председатель партийного комитета в штате Иллинойс Джилберт Грин, председатель партийного комитета в штате Мичиган Карл Уинтер, член муниципального совета Нью-Йорка Бенджамин Дэвис, заместитель председателя профсоюза рабочих меховой промышленности Ирвинг Поташ.

Заседания федерального большого жюри присяжных длились в течение 16 месяцев (!), а изложение самого дела заняло более 21 000 страниц. Примечательно, что среди заседателей не было ни одного рабочего, так что лидерам рабочего движения Америки не приходилось рассчитывать на классовое правосознание суда. Жюри составило обвинительный акт, в котором говорилось, что 12 подсудимых действительно собирались свергнуть правительство и для этого создали «политическую партию,

руководствующуюся принципами марксизма-ленинизма», публиковали и распространяли печатную продукцию, в которой проповедовались те же принципы, организовали школы, а также курсы и семинары, на которых отстаивалась «обязательность и необходимость свержения и уничтожения правительства США путем применения силы и насилия». Можно сказать, что «процесс 12-ти» преследовал одну цель — установление тотального контроля над мыслями американцев.

Зловещий фарс правосудия завершился 17 января 1949 года. Для судебного заседания власти выделили зал № 110, рассчитанный на сотню с небольшим человек. Но и в нем мест для зрителей оставалось немного, поскольку большая их часть оказалась занятой полицейскими агентами и специально отобранными людьми. Так что о гласности судопроизводства, которая считается в Америке одной из основных демократических гарантий правосудия, говорить не имело никакого смысла. Все подступы к зданию федерального суда еще с раннего утра оказались перекрытыми большим отрядом конной полиции. Несмотря на это, площадь перед зданием оказалась до отказа забита людьми.

Вел заседание судья Гарольд Медина, имевший «милую» репутацию оголтелого душителя свободы. Сторона защиты сразу же потребовала аннулировать обвинительный акт Большого жюри, поскольку уже при отборе кандидатур заседателей оказалась нарушенной Шестая поправка к Конституции США. Медина отклонил поданное ходатайство, после чего стороны в течение нескольких недель ломали копья в вопросе отбора 12 присяжных и четырех их заместителей в состав малого жюри. Стараниями судьи социальный и национальный состав обеих групп никак нельзя было назвать надлежащим и законным. Среди присяжных оказались лица, незадолго до «процесса 12-ти» публично призывавшие американцев к «смертельной войне с коммунизмом». Сторона обвинения представила суду 13 свидетелей, среди них были только полицейские агенты, профессиональные провокаторы и платные осведомители, которые на протяжении долгого времени старались поддерживать тесные связи с обвиняемыми, составляя о каждой встрече с ними подробнейшие отчеты. «Беспристрастные свидетели» получали щедрую плату за свой нелегкий «труд»; кроме того, их освобождали от уголовной ответственности, и предоставляли выгодную работу. Сторона обвинения высказалась категорично: подсудимые говорили о том, что революция в Америке произойдет при поддержке Советской Армии, удар при этом будет нанесен через Канаду и Аляску, что основной задачей

компартии США является свержение правительства насильственными методами. Другие «перлы», прозвучавшие в зале суда, также соответствовали вышеприведенным. И, кстати, были столь же голословными.

Защита явно продемонстрировала, что «свидетели» имели тесную связь с сотрудниками ФБР, свои личные номера в агентурных картотеках Бюро, получали плату от спецслужб, а также то, что их показания заранее согласовывались с представителями обвинения. К тому же, судья придавал доказательное значение не фактическим данным, а. частному мнению свидетелей! Заслушивание их показаний, кстати, заняло почти два месяца — с 23 марта по 19 мая. Когда же дело дошло до показаний свидетелей защиты, Медина словно с цепи сорвался. Действуя по сценарию ФБР, он грубо и бесцеремонно отвергал любое показание, которое опровергало слова свидетелей обвинения. На ряд существенных вопросов судья вообще наложил вето — от греха подальше. Касаться положения молодежи, дискриминации негров, условий жизни ветеранов войны и прочих скользких моментов он явно не хотел. Таким путем

Медина фактически лишил возможности дать показания известного чернокожего певца Поля Робсона: все заданные исполнителю вопросы судья отводил, вследствие чего адвокат заявил, что вынужден отпустить свидетеля, поскольку ему не дают возможности вести допрос.

Исследование вещественных доказательств (около 1500 печатных изданий по философии, истории, социологии, политэкономии) — особое представление. Сторона обвинения бульдожьей хваткой вцепилась в «Краткий курс истории ВКП(б)», пытаясь представить эту книгу как неопровержимое доказательство того, что «рука Москвы» все же дотянулась до Америки. Защита оборонялась: судить людей за то, что они рекомендовали прочитать ту или иную книгу, — полный абсурд. А предъявление в качестве обвинительного доказательства отдельного издания равносильно суду над историей. Следует также заметить, что судья не горел желанием детально ознакомить с «Кратким курсом.» присяжных и опрашивать специалистов, которые могли бы истолковать ее содержание. В итоге он решил ограничиться. интерпретацией марксизма-ленинизма, которую «озвучил» один из свидетелей обвинения. Когда же Грин потребовал приобщить к делу в качестве доказательства его статью по данным вопросам, Медина ответил подсудимому отказом, а затем и вовсе удалил его из зала на все время процесса. Затем еще четверо обвиняемых лишились права присутствовать на заседаниях за «неуважение к суду», то есть за

протесты против произвола, царившего на процессе. Эту четверку содержали в старой тюрьме Нью-Йорка на Вестстрит, где условия содержания заключенных остались на уровне вековой давности. Недопустимая даже по тюремным меркам теснота, отсутствие вентиляции в камерах, антисанитарное состояние превосходили все самые мрачные предположения. Участников процесса, ко всему, поместили в камеру, где уже содержались восемь заключенных. И это при том, что помещение было рассчитано всего на четыре койки! Осужденных за неуважение к суду ежедневно (!) подвергали обследованию с помощью рентгеновских лучей (чтобы не пропустить запрещенных предметов) и фактически лишили возможности общаться с адвокатами. Когда же у Генри Уинстона случились два серьезных сердечных приступа, Медина не допустил в тюрьму для оказания необходимой медицинской помощи лечащего врача больного.

Уникальный судебно-политический процесс длился девять месяцев, и приговор, вынесенный заседателями, не стал неожиданным для организаторов, тщательно подготовивших свидетелей и обработавших общественное мнение. 21 октября 1949 года подсудимые были признаны виновными. 10 из них оказались приговорены к пятилетнему тюремному заключению и штрафу в размере 10 000 долларов каждый. Только ветеран Второй мировой войны Роберт Томпсон отделался «всего лишь» тремя годами тюрьмы. (Следует сказать, что сурового приговора по этому делу из-за тяжелой болезни избежал только председатель Национального комитета компартии США Фостер.)

Медина и на этом не успокоился. Одновременно с приговором в адрес подсудимых он вынес приговор в адрес. пятерых адвокатов, выступавших на процессе! Защитникам предстояло отсидеть за решеткой «за неуважение к суду» от месяца до полугода.

Многотысячные митинги и манифестации протеста против произвола прошли по всей стране. Рабочая партия штата Нью-Йорк обратилась в юридическую комиссию палаты представителей Конгресса США с требованием привлечь судью Медину к ответственности за нарушение конституционных норм во время слушаний дела. Петиции протеста регулярно поступали также в Белый дом. Многие знаменитые юристы Америки прямо заявляли Г. Трумэну: им стыдно носить звание судей в стране, где правосудие доверяется таким людям, как Медина. Но судья и обвинители не беспокоились по поводу шумихи вокруг их персон, поскольку знали, что президент окажет им полную поддержку. Медина же был удостоен звания лауреата национального «Фонда свободы» и получил премию в 1500 долларов. А вот

демократическая пресса Америки присвоила Медине иное звание — «Судья Линч 1949 года». При передаче дела в апелляционную комиссию все тот же судья отказался освободить осужденных под залог, хотя такое право существует для всех категорий обвиняемых, кроме тех, кто «претендует» на высшую меру наказания. Медина настаивал, чтобы лидеры компартии продолжали оставаться за решеткой. В том же случае, если апелляционная комиссия все же решит удовлетворить их ходатайство, судья рекомендовал назначить залоговые суммы в размере 75 000–100 000 долларов. В итоге апелляционный суд 3 ноября 1949 года постановил отпустить обвиняемых под залог в миллион долларов. Как оказалось, участники процесса все же имели возможность внести требуемую сумму: ее перечислил на депозит суда со своих счетов Конгресс борьбы за гражданские права.

Не оправдался расчет Медины и на удаление из зала адвокатов лидеров компартии. Группа калифорнийских юристов представила апелляционному суду ходатайство об отмене решения Медины по этому вопросу. Другое ходатайство, подписанное 334 известными юристами, призывало отложить исполнение приговора в отношении адвокатской группы до окончания скандального процесса. Апелляционный суд был вынужден пойти на эту меру. Тем не менее, приговор, вынесенный Мединой, в 1950 году остался без изменения, и дело было передано в Верховный суд США. Несмотря на то что мнения его членов разделились, судьи стали перед непростым выбором. По сути, речь шла о создании нового судебного прецедента, который должен был определить отношение юстиции к конституционным правам и свободам американских граждан. Верховный суд после недолгого колебания подтвердил законность осуждения лидеров компартии шестью голосами против двух. После этого четверо осужденных решили перейти на нелегальное положение, а семеро 2 июля 1951 года явились в Федеральный суд, откуда их, закованных в наручники, доставили в тюрьму Льюисберга (штат Пенсильвания). Позднее их разделили, отправив в пять тюрем в разных штатах. 8 октября того же года ФБР арестовало одного из «нелегалов», Гэса Холла, а 19 декабря ему добавили к уже существовавшему приговору еще три года заключения.

Шестеро из семерых узников вышли на свободу 1 марта 1955 года. За решеткой оставался только Холл, к которому ненадолго (за «неуважение к суду», то есть отказ выступить в качестве свидетеля на процессе против руководителей питтсбургского отделения компартии) присоединился Бенджамин Дэвис. Холл

покинул стены тюрьмы в марте 1957 года; отсидевший шесть лет лидер был освобожден условнодосрочно, при условии регулярной личной регистрации в полицейском участке до истечения назначенного судом совокупного срока. К тому же под угрозой возврата за решетку ему запрещалось в течение двух лет заниматься политической деятельностью.

Так закончился печально знаменитый период в истории США, получивший название «охота на ведьм».

Враг Великобритании «лорд Гав-Гав»

Генеральная прокуратура Великобритании и антитеррористический отдел Королевской прокуратуры заняты решением вопроса о том, можно ли применять закон «О государственной измене» к лицам, обвиняемым в подстрекательстве к терроризму. Прецедентом в этом вопросе стало дело Уильяма Джойса, которого в 1945 году обвинили в устной и публичной поддержке противника. Во время Второй мировой войны он служил в рейхсминистерстве пропаганды Германии, ведя ежедневные радиопередачи на английском языке из Гамбурга. «Устная и публичная поддержка противника» — именно такую формулировку предлагает применить Генеральный прокурор Англии в качестве обвинения мусульманским проповедникам, всячески стремящимся в наши дни оправдать терроризм…

Уильям Джойс родился в 24 апреля 1906 года в Нью-Йорке, США. Его мать была англичанкой, а отец ирландцем. Когда Уильяму исполнилось три года, он вместе с родителями переехал в Ирландию. Начальную школу Джойс закончил при женском монастыре в Голуэе в Ирландии, а затем поступил в иезуитский колледж св. Игнатия Лойолы. Во время одного из кулачных боев с другими мальчишками Джойсу сломали нос. Уильям, несмотря на сильную боль, сохранил спокойствие и не пожаловался взрослым. Из-за неоказанной вовремя медицинской помощи мальчишка начал произносить слова в нос и нараспев.

Восстание партии Шинфейн в Ирландии не поддержали консервативные силы и профсоюз, и это перевернуло размеренную жизнь семьи Джойсов. После того как на фирму отца было совершено разбойное нападение, а спустя некоторое время в их дом ворвались вооруженные люди, они всей семьей решили выехать за границу.

В 1922 году супруги Джойс вместе со своим сыном эмигрировали в Англию. Мальчишке тогда исполнилось 15 лет. Уильям увлекался спортом: бегом, плаванием, к тому же ему не было равных в боксе. Занятия спортом позднее пригодились ему, когда он участвовал в уличных боях. В 1923 году подростку исполнилось семнадцать лет. С воодушевлением приняв идеи фашизма, Уильям присоединился к Британскому обществу фашистов (LTD).

В следующем году единомышленники Уильяма Джойса оказались вовлеченными в скандал с агитаторами от левых партий. Во время завязавшейся драки он был ранен ножом в лицо.

В результате этого ранения юноша получил шрам, который изуродовал всю правую часть его лица — от края уха к углу рта. Он был уверен, что преступники, обезобразившие его лицо, были еврейскими коммунистами. Это происшествие и предопределило всю дальнейшую жизнь Уильяма Джойса. Шрам напоминал ему о ненависти к врагу каждый раз, когда молодой человек смотрел на себя в зеркало.

В 1925 году Джойс вышел из состава Британского общества фашистов, потому что не видел путей реализации идей фашизма путем проводимой ими политики. Будучи всегда политически активным, он вступил в ряды консервативной партии, но находился в ее рядах недолго. В 1931 году Уильям Джойс покинул и консервативную партию. Свой уход он мотивировал тем, что его товарищи по партии были не только политически слабыми, но и «отдали страну на растерзание воротилам международного бизнеса».

1 октября 1932 года сэр Освальд Мослей создал Британский союз фашистов. Одним из первых его членов стал Уильям Джойс. Эта партия привлекла молодого человека своей программой, основанной на тезисах об экономическом возрождении страны.

В 1934 году лидер союза фашистов стал выразителем антисемитских представлений. Провокационные марши, проводимые Уильямом Джойсом в еврейских районах, приводили к смутам. В это время Джойс в своих выступлениях не уставал повторять: «Я не расцениваю евреев как класс. Я их расцениваю как привилегированных неудачников».

Мослей привлек в свои ряды и членов других правых группировок. К концу 1934 года Британский союз фашистов насчитывал 40 тысяч членов. Его финансовые возможности были настолько велики, что союз мог содержать не только собственные кафе и рестораны, но и футбольные команды. Руководимый Мослеем союз получил поддержку газеты «ДейлиМеил» и лорда Разэмера.

Освальд Мослей назначил Джойса начальником отдела пропаганды партии. Обладая врожденным ораторским даром, Джойс наряду с Мослеем и Ником Клэрком стали основными пропагандистами партийных идей во время политических собраний. На свои выступления Джойс с легкостью собирал огромные залы, и количество его слушателей за короткое время с десятков выросло до сотен и даже тысяч, что способствовало популяризации их движения. Очень часто члены партии приходили на политические дебаты и встречи вооруженными до зубов. У каждого из них в кармане был кастет, тяжелая металлическая палка или просто клубни картофеля,

нашпигованные лезвиями. Уильям Джойс среди своих однопартийцев заслужил репутацию пламенного борца за идею, отчаянного смельчака, готового броситься в бой с политическими противниками, даже если тех было намного больше.

7 июня 1934 года Британский союз фашистов проводил большое закрытое заседание в зале «Олимпия». Туда же смогли проникнуть около 500 антифашистов. На заседании выступал Джойс, который в очередной раз начал провозглашать идеи антисемитизма. Когда представители других партий начали протестовать против этого, то они были жестоко избиты чернорубашечниками. После громкого политического скандала лорд Разэмер отказал союзу фашистов в своем покровительстве, а количество его членов стало резко снижаться. А вот Джойс под влияние произошедших событий стал еще более фанатичным антисемитом.

С 1936 году согласно закону Англии «Об общественном порядке» деятельность Британского союза фашистов была ограничена. Преступлением считалось носить униформу этой организации, а также использовать угрозы и оскорбительные слова в адрес представителей других национальностей. В 1937 году Джойс переехал в старую часть Лондона, где антисемитская политика союза фашистов все еще была популярна.

Вскоре в партии наметился раскол. В апреле 1937 года Уильям Джойс и 20 его единомышленников вышли из состава первичной партийной организации в связи с недостаточным финансированием и трением между Джойсом и Мослеем, организовав собственную партию Национальная социалистическая лига, по аналогии с правящей партией гитлеровской Германии. В каждой из своих политических речей Уильям открыто пропагандировал идеи Гитлера. После вторжения Германии в Чехословакию Джойс понял, что мировая война неизбежна. Не желая бороться против Гитлера, Уильям начал задумываться над отъездом из страны. Один из его информаторов, Максвелл Найт, предупредил его о том, что английское правительство планирует интернировать британских фашистских активистов.

За неделю до начала Второй мировой войны, 26 августа 1939 года, Джойс выехал из страны в Германию вместе со своей второй женой Маргарет Кэрнс Вайт, имея при себе британский паспорт. Бегство Джойса его товарищи по партии сочли предательством. Но он сам утверждал, что поступил совершенно правильно, так как правительство предало своих граждан. Немецкие друзья помогли Джойсу, познакомив его с одним из секретарей министра иностранных дел Германии фон Риббентропом. Спустя

две недели Уильям Джойс был назначен главным редактором и диктором немецкого радио, вещающим для Европы, штаб-квартира которого находилась в Берлине. Джойсу тогда исполнилось 33 года.

Каждый вечер он выступал по радио, читая пропагандистские тексты на английском языке. Они всегда начинались со слов: «Германия, говорит Германия». Но из-за сломанного в детстве носа его голос звучал гнусаво. И Джойс произносил слово «Германия» как «Джармени». Пропагандистские тексты Джойса должны были напугать, вывести из равновесия простого британца и поселить в его душе недоверие к своему правительству, но при этом большая часть его выступлений была просто смешной и глупой болтовней. Однако Джойс всегда находил аудиторию.

В марте 1940 года правительство Англии провело опрос среди жителей страны, чтобы узнать, почему люди слушают Уильяма Джойса: большинство ответило, что его новости настолько нереальны, что кажутся забавными; многие сказали, что они его слушают потому, что слушают другие и что это имя у всех на слуху; некоторых слушателей удивлял его голос и манера вести диалог в эфире; кто-то слушал потому, что хотел услышать немецкую точку зрения. Но были и такие, которые находили, что его анекдоты смешат слушателей и поднимают им настроение; и наименьшее количество британцев (6 %) считали, что Джойс отличается необычайным умом.

К сожалению, опасность радиопередач, которые вел Джойс, и пропагандируемых им идей была недооценена британским правительством. Журналист Джонатан Барингтон газеты «Дейли-Эксперсс» в своей разоблачительной статье в шутку назвал Уильяма Джойса «лордом Гав-Гав».

Впервые война на территории врага велась не только оружием, но и словом. Ложь через репродукторы проникала в каждый дом, будоража умы обывателя, сея в них отчаяние и страх. Так, сообщение Джойса о том, что в Англии существует «пятая колонна», настолько испугало британцев, что они начали испытывать панический страх перед предательством и подозревать всех и вся. В 1940 году газета «Дейли-Миррор» организовала анти-Гав-Гавлигу из лояльных англичан.

В одной из самых знаменитых речей Джойса в 1940 году, которая называлась «Сумерки над Англией», говорилось: «Дорога к демократии стала дорогой к забвению». Его слова были обращены к простому британцу, старику или женщине, по горло сытому войной. Этот материал был настолько убедителен, а доводы были так убийственны, что даже министерство пропаганды Германии не решилось использовать эту речь вне

своей территории. Этот доклад фашистская пропаганда применяла для психологического воздействия на британских военнопленных в концлагерях.

Геббельс в своей докладной записке Адольфу Гитлеру писал: «Наши английские радиопередачи воспринимаются в Англии со всей серьезностью. Имя «лорда Гав-Гав» у всех на устах. Мы не реагируем на насмешки и продолжаем нашу работу». За заслуги перед Германией в 1940 году Уильяму Джойсу было предоставлено немецкое гражданство, а 1 сентября 1944 года он был награжден Железным крестом за отличную службу. Свидетельство о награждении было подписано лично Адольфом Гитлером.

30 апреля 1945 года в эфир вышла последняя радиопередача, которую из Берлина вел «лорд Гав-Гав». В своей речи он упрекнул англичан в том, что они внесли огромный вклад в победу над Германией, объясняя это тем, что теперь «их страна останется бедной и бесплодной». Находясь в состоянии алкогольного опьянения, Уильям Джойс закончил свою программу, с трудом произнеся всего несколько предложений: «Вы не услышите от меня известий в течение нескольких месяцев. Я говорю: пусть живет Германия. Хайль Гитлер! И прощайте».

28 мая 1945 года Уильям Джойс был арестован в немецком лесу на границе с Данией около Фленсбурга двумя британскими офицерами, занимавшимися заготовкой дров. Капитан Адриан Лайкориш из полка разведки и лейтенант Перри заметили неопрятно одетого мужчину с тростью. Бродяга обратился к офицерам по-французски, объясняя, что ему тяжело идти. А затем продолжил разговор на английском. Военные сразу же узнали голос знаменитого «лорда Гав-Гав». Лейтенант Перри несколько минут разговаривал с ним «о хвойных и лиственных деревьях», после чего, окончательно убедившись, что перед ним Уильям Джойс. Во время разговора «лорд Гав-Гав» не вынимал левую руку из кармана. Когда Джойс забирал обратно свои документы, Перри спросил его: «Не вы ли случайно будете Уильямом Джойсом?» В ответ Джойс попытался достать пистолет, но Перри успел первым выстрелить в ногу «лорду Гав-Гав». При обыске у Джойса были обнаружены два паспорта: один на его имя, а другой на имя Вильгельма Хансена.

На допросе Джойс полностью признался в том, что именно он в течение нескольких лет вел пропагандистские передачи под именем «лорд Гав-Гав». Но вынести приговор преступнику оказалось достаточно сложно. Начальник департамента обвинения поставил под сомнение вопрос о возможности осудить Уильяма Джойса за измену родине, ведь он родился в США. Но

Генеральный прокурор Великобритании Дэвид Маквелл-Файв все же решил выдвинуть против преступника обвинение в государственной измене.

Судебный процесс над Уильямом Джойсом начался в центральном уголовном суде Великобритании 17 сентября 1945 года. В суде было официально заявлено, что Уильям Джойс хотя и является гражданином США, но в течение нескольких лет был британским подданным (до середины 1940 года). Этот аргумент был не слишком состоятельным, и англичане были настолько полны решимости наказать «лорда Гав-Гав», что суд поддержал этот юридический фарс.

Уильям Джойс остался верен своим принципам до конца. Когда на суде сторона обвинения приводила доводы об ответственности фашистов за гибель сотен и тысяч неповинных людей в концлагерях, подсудимый продолжал утверждать, что всему виной — союзнические бомбежки, которые привели к гибели среди заключенных от голода и болезней.

Суд приговорил Уильяма Джойса к смерти через повешение. Он ожидал исполнения приговора в камере смертников в лондонской тюрьме Вондсуорт. На стене своей камеры он нацарапал свастику. До последних дней «лорд Гав-Гав» оставался убежденным фашистом. По сообщению Бибиси, его последними словами перед повешением были: «В смерти, как в жизни, я бросаю вызов евреям, которые вызвали эту последнюю войну, и я бросаю вызов полномочиям темноты, которую они представляют».

3 января 1946 года «лорд Гав-Гав» был повешен. Его похоронили в немаркированной могиле в тюрьме Вондсуорт.

Закон «О смертной казни за измену родине» был введен в Англии в 1945 году, за день до того, как Уильям Джойс был доставлен в Великобританию. Жизнь «лорда Гав-Гав» стала примером того, как слепое служение идее может привести к трагедии целой страны или отдельного человека, отдавшего себя служению ей.

Суд над Эйхманом

Процесс по делу Адольфа Эйхмана, одного из главных нацистских преступников, который, наряду с руководителями фашистской Германии, несет ответственность за уничтожение шести миллионов евреев в Европе, стал одним из самых громких судебных разбирательств за всю историю юриспруденции и одной из знаменитейших работ израильской спецслужбы МОССАД.

Адольф Эйхман в зале суда

…Со дня окончания Второй мировой минуло почти 13 лет, но «коричневые призраки» Третьего рейха продолжали всплывать в разных уголках мира. Сотрудники спецслужб многих государств снова и снова изучали досье «истинных арийцев», едва не утопивших мир в крови, выискивая те ниточки, которые могли привести их к бежавшим нацистским преступникам. Так, в один из осенних дней 1957 года начальник израильской разведки МОССАД Исер Харэль в очередной раз разбирал материалы, касавшиеся одного из «серых кардиналов» рейха — Адольфа Эйхмана. В 1934 году этот человек получил назначение в Главное имперское управление безопасности и сыграл ключевую роль в осуществлении печально известного плана «окончательного решения еврейского вопроса». Неудивительно, что досье на

Эйхмана глава МОССАД начал собирать сразу же после окончания войны. Ведь тот нацист умудрился бежать и числился пропавшим без вести. Но Харэль знал: рано или поздно след Эйхмана появится.

Адольф Карл Эйхман родился в немецком городе Золинген в 1906 году, а молодость провел в Австрии, в Линце (там же в юности жил Гитлер), работал разъездным агентом нефтяной компании. За темный цвет волос и глаз ровесники прозвали Эйхмана Жиденком.

1 апреля 1932 года Жиденок вступил в австрийскую нацистскую партию. Вскоре его перебросили в учебный лагерь СС под Дахау. После короткого курса обучения Эйхман добровольно поступил в СД (службу безопасности СС), а в 1935-м по распоряжению своего шефа, Генриха Гиммлера, создал отдел, который собирал сведения о еврейском бизнесе и недвижимости в Австрии и Германии. Тогда же новоявленный «эксперт» досконально изучил еврейские традиции, образ жизни, ознакомился с религиозной доктриной. Спустя три года Австрия оказалась присоединенной к Германии, а Эйхман стал главой Управления еврейской эмиграции в Вене. Местные иудеи приходили в ужас от одного упоминания имени этого нациста. Грабежи, снос синагог, издевательства — все это санкционировалось Эйхманом. Обобранным до нитки евреям выдавали паспорта с отметкой «U» («годе» — еврей), после чего несчастным предлагалось в течение двух недель найти страну, которая предоставит им право въезда. В противном случае, неудачников с распростертыми объятиями принимал концлагерь.

В 1939 году Гейдрих, на которого фюрер возложил задачу «чистки Европы» от нежелательных элементов, рекомендовал Гиммлеру поставить во главе «еврейского направления» Эйхмана, поскольку тому удалось в кратчайшие сроки превратить Вену из «города, свободного для евреев» в «город, свободный от евреев». Тем более что у бравого капитана к тому моменту уже сложился проект «окончательного решения» еврейского вопроса.

В ведении Жиденка оказалось управление «ИД — IV». В первую очередь, его сотрудники занялись созданием гетто в Варшаве и Лодзи. Затем добросовестный служака решил, что стоит экономить столь дорогие для рейха боеприпасы, и начал серию экспериментов с передвижными «душегубками». Поскольку закрытые грузовики, внутрь которых пускались выхлопные газы, все же не давали необходимой «производительности», в голову Эйхмана пришла еще одна «грандиозная» идея: создать в Освенциме-Биркенау крупный лагерь смерти.

В 1941-м, с момента вторжения немецких войск на

территорию СССР, глава «ИД — IV» понял: «душегубки» окончательно устарели, а массовые расстрелы плохо влияют на психику исполнителей, да к тому же требуют больших материальных затрат. А Эйхман (уже подполковник) был человеком весьма экономным.

Чтобы выйти из создавшегося положения, он изобрел новые, более эффективные способы убийства. Теперь волосы, золотые коронки, жировые отложения узников концлагерей можно было использовать после их смерти. А банальные выхлопные газы Эйхман решил заменить «циклономБ», с помощью которого «производительность» Освенцима возросла до 10 000 трупов в день. Газ закачивали в специальные камеры, оборудованные под бани. Следует сказать, что автор идеи скрупулезно вел особую «бухгалтерию»: он подсчитывал количество убитых, фиксировал цифры полученной выгоды, учитывал количество коронок, кусков мыла, произведенного из тел жертв.

План «окончательного решения еврейского вопроса» высшие чины рейха подписали в 1942 м. Вот тутто для Эйхмана настало счастливое время. Он мотался по всей Европе, отправляя миллионы жертв в газовые камеры и печи. Шеф «ИД — IV» умудрялся даже реквизировать эшелоны, выделенные для военных нужд, доказывая, что уничтожение евреев является первоочередной задачей. Он сгонял людей в гетто, формировал эшелоны, уходившие в лагеря уничтожения, поручал разрабатывать графики перевозок и расписание поездов. В Освенциме и Майданеке Эйхман позаботился о полном использовании мощности газовых камер.

В 1944 году Жиденок был оскорблен до глубины души, узнав, что в Венгрии, которая имела статус союзницы Германии, 800 000 евреев до сих пор жили в относительной безопасности. Эйхман посчитал своим долгом исправить ситуацию, лично явился в Будапешт и с мая до июня 1944 года успел отправить на тот свет 437 000 иудеев. По словам нациста, этот период оказался для него «самым радостным в жизни».

В октябре того же года обстоятельства вынудили шефа «ИДГУ» вернуться в Берлин. Тогда же он подал отчет Гиммлеру, в котором указал, что около четырех миллионов евреев уничтожены в концлагерях, а два миллиона убиты карательными отрядами. При этом Эйхман сетовал, что большая часть работы до сих пор не выполнена.

После окончания войны нацистский преступник сумел избежать ареста и суда. В апреле 1945 года вместе с группой своих бывших сотрудников он, переодевшись в солдатскую форму, ушел в горные районы австрийского Тироля. Однако

временные попутчики Эйхмана прекрасно понимали, что, передвигаясь вместе со столь «популярной» личностью, они могут попасться. Так что шефу «ИД — IV» пришлось собирать вещички и топать в другом направлении в гордом одиночестве. Некоторое время он скрывался в австрийском монастыре, называя себя Клементом, затем сумел пройти через всю Баварию. Дважды он оказывался в руках американцев, даже не подозревавших, что за птица им попалась. В январе 1946-го Эйхман бежал из силезского лагеря Обердахштеттен. До весны 1950 года он жил в Германии под именем Отто Хенингена, выдавая себя за беженца из Бреслау (польского Вроцлава) и проверить это тогда не представлялось возможным. Эйхман осел около города Целле, арендовал участок земли, открыл ферму и занялся продажей битой птицы и яиц. Весной 1950-го он собрал достаточную сумму денег, чтобы уехать в Италию. Там нацист вспомнил о выручившей его фамилии и раздобыл соответствующий фальшивый паспорт, превратившись в Риккардо Клемента. 14 июля 1950 года, имея визу аргентинского консула, он отплыл в Буэнос-Айрес. Спустя два года к нему присоединились жена Вера и оба сына, также прибывшие по фальшивым документам.

До осени 1957 года никто ничего об Эйхмане не слышал. И вдруг. На стол Харэля легло письмо прокурора земли Гессен (Германия) Фрица Бауэра. Служитель Фемиды был евреем по национальности, только чудо спасло его во время Холокоста, и потому он тоже особенно интересовался Эйхманом. Бауэр сообщал, что след бывшего начальника «ИВ — IV» обнаружился в Аргентине, в Буэнос-Айресе. Проживавший там слепой еврей Лотар Херман едва оправился от шока, узнав, что настоящее имя ухажера его дочери — Николас Эйхман.

С помощью дочери Хермана МОССАД установил адрес попавшей под подозрение личности: Буэнос-Айрес, район Оливос, улица Чакабуко, 4261. Затем Харэль занялся разработкой акции по захвату Эйхмана и доставке его в Израиль. Прьемьер-министр страны, Давид Бен-Гурион, сразу же дал «добро» на операцию. Правда, в начале 1958 года два агента спецслужб установили, что по указанному адресу наци не проживает. Вот тут-то Бауэр и раскопал информацию о том, что ранее преступник скрывался в монастыре под именем Клемент.

В марте того же года в Аргентину прибыл один из наиболее опытных сотрудников МОССАД, Эфраим Элром с группой агентов. В декабре 1959 года израильтяне установили: разорившийся владелец прачечной Риккардо Клемент проживал вместе с женой и четырьмя сыновьями в квартале Сан-Франциско, на улице Гарибальди. Спустя месяц одному из агентов удалось

сфотографировать Клемента скрытой камерой. Анализ фотографии показал, что изображенный на ней человек действительно является Эйхманом. Когда же 21 марта 1960 года Риккардо пришел домой с роскошным букетом цветов (в его доме явно отмечали какой-то праздник), МОССАД окончательно поверил в свою удачу: именно в этот день, согласно досье бывшего гестаповца, супруги Эйхман должны были праздновать свою серебряную свадьбу.

Теперь перед израильской спецслужбой стояла задача похищения нациста и его вывоза в Израиль. В Аргентину для подготовки и проведения этой операции прибыл сам Харэль, который лично отобрал более 30 оперативников (12 человек составляли непосредственно группу захвата, остальные поддерживали и страховали коллег).

Для начала МОССАД создал в одной из европейских стран туристическое бюро (чтобы не было проблем при въезде и выезде из Аргентины), снял более десятка конспиративных квартир в Буэнос-Айресе, арендовал несколько автомобилей для бригады наблюдения. Затем один из лучших специалистов спецслужбы по подделке документов изготовил фальшивые паспорта для всех оперативников. Последние прибыли в Аргентину в апреле 1960 года по одному, из разных стран, в разное время. Сама операция должна была проходить во время официального визита в Буэнос-Айрес израильской делегации: она прибывала в Аргентину 19 мая на самолете израильской авиакомпании «Эль-Аль», а обратно в Тель-Авив возвращалась на следующий день. В том случае, если бы Эйхмана не удалось вывезти на этом самолете, его доставили бы в Израиль на специальном корабле.

11 мая в 19.34 на улице Гарибальди припарковались две машины. Двое мужчин подняли капот одной из них и начали увлеченно копаться в моторе. На заднем сиденье автомобиля продолжал дремать пассажир. Вторую машину водитель безуспешно пытался завести. Спустя шесть минут к остановке подкатил автобус. Обычно именно в это время Эйхман возвращался домой, однако в тот день нацист не прибыл ни в 19.40, ни следующим автобусом. Оперативники уже начали нервничать, когда на улице все-таки появился лже-Клемент. Работники израильской спецслужбы скрутили преступника, затолкали на заднее сиденье «поломанной» машины, сунули ему в рот кляп, а на голову водрузили мешок. Один из членов группы захвата предупредил бывшего наци понемецки: стоит ему сделать хоть одно движение, и он станет трупом.

К пленнику несколько раз обращались по-немецки и по-испански, однако он старательно разыгрывал непонимание.

Только когда машина отъехала от места похищения на несколько десятков километров и остановилась (ей поменяли номерной знак), нацист тихо сказал по-немецки: «Вы израильтяне? Я уже давно покорился судьбе.»

Спустя час Эйхмана доставили на конспиративную квартиру на окраине аргентинской столицы, раздели и осмотрели. Врач сверил шрамы на теле захваченного с теми, которые фигурировали в медицинской карте нациста, проверил зубы. Сходилось все. Вот только номер, который вытатуировывался у всех членов высшего эшелона СС, исчез. Вместо него под мышкой мужчины обнаружился багровый рубец. Но Эйхман не стал играть в молчанку: он сам назвал цифры, некогда «украшавшие» его тело и сведенные при первом же удобном случае (в американском пересылочном лагере).

В течение недели пленника допрашивали, сверяя ответы с досье нациста. Все свободное время он спал, потому что ему давали лошадиные дозы снотворного. К удивлению работников МОССАД, Эйхман безо всякого принуждения отвечал на вопросы, причем подробно. Там же, еще в Буэнос-Айресе, главный организатор «машины смерти» добровольно подписал согласие предстать перед израильским судом. «Я хочу обрести внутренний покой», — сказал лже-Клемент. Странно, но он надеялся, что судьи сохранят ему жизнь.

На четвертый день допросов израильтяне стали готовить операцию по вывозу нациста из Аргентины. Чтобы избежать проблем с паспортным и таможенным контролем, сотрудник опергруппы Рафаэль Арнон, якобы попавший в автомобильную аварию, был помещен в больницу. Он начал «выздоравливать» утром 20 мая и сообщил врачам, что хотел бы вернуться на родину. Медики выдали «пострадавшему» выписку из больничной карточки, а также документы, разрешающие ему лететь на самолете. На конспиративной квартире фотографию Арнона заменили на фото Эйхмана, накачали нациста транквилизаторами (он практически не понимал, что происходит), одели в форму служащего авиакомпании «Эль-Аль» и доставили к самолету. Члены опергруппы, получившие фальшивые документы на выезд, старательно изображали подвыпивших гуляк. Охранников аэропорта быстро убедили, что это — запасной экипаж лайнера, который мечтает завалиться поспать. (По другой версии, Эйхмана подвезли к самолету в инвалидном кресле, выдав его за тяжелобольного богача, который пожелал закончить свои дни в Земле обетованной). Через несколько минут самолет поднялся в воздух, а 22 мая в 7.00 он приземлился уже в Израиле. Несколькими минутами ранее Бен-

Гурион объявил в кнессете, что Эйхман арестован и будет в Израиле предан суду за военные преступления.

На время следствия для содержания этого обвиняемого выделили целый тюремный комплекс в окрестностях Хайфы, откуда спешно перевели всех заключенных. Степень безопасности, которую обеспечил МОССАД, превосходила все ожидания. Арестованного охраняли более 30 сотрудников специального «бюро 06», подразделение пограничной милиции, большое число охранников и надзирателей. При этом ни у кого из них не должно было быть родственников, погибших в результате Холокоста (этим исключался мотив личной мести). Пленник ни на мгновение не оставался в одиночестве, в его камере никогда не гасили свет, а в ночное время, когда нацист накрывался одеялом с головой, каждые полчаса охранник проверял, не решил ли Эйхман свести счеты с жизнью. Дважды в день полицейский врач обыскивал его с головы до ног. Работники спецслужб признавались, что пережили едва ли не самое тяжелое для себя время: если бы нацист умер, никто в мире не поверил бы в его самоубийство! Тем временем, следственная группа перерывала горы документов Нюрнбергского процесса, получала огромное количество сведений из-за рубежа. Объем обвинений рос пропорционально объему доказательных материалов. Допросы наци заняли 275 часов; протоколы, составившие 3564 страницы, дали возможность следователям узнать об арестованном гораздо больше, чем он хотел.

Суд над автором «окончательного решения еврейского вопроса» длился с 11 апреля по 14 августа 1961 года. В зале, где слушалось дело, подсудимого держали в камере с пуленепробиваемыми стеклами. Защиту преступника, кстати, оплатило само государство Израиль. СМИ констатировали: процесс над Эйхманом был «поучительно корректен». Странно, но факт: нацист не проявлял ни скорби, ни раскаяния, ни вражды. Во время судебного процесса Адольф Эйхман пытался доказать, что являлся всего лишь маленьким винтиком в огромной машине, банальным рядовым исполнителем приказов, который не может нести ответственности за преступления гитлеровцев. Подсудимый не понимал, почему еврейский народ ненавидит его. По мнению Эйхмана, ответственность за уничтожение шести миллионов жизней должен нести кто-то другой. Ведь он не был юдофобом или антисемитом, лично не убил ни одного человека, и область его ответственности «заканчивалась перед воротами лагеря»! Отбор на принудительные работы, убийство и сжигание трупов не относились к компетенции шефа Четвертого отдела. Однако Эйхман понимал, что не избежит ответственности, хоть и не

уставал твердить: на его руках нет крови. Наци признавал себя виновным лишь в «пособничестве убийствам», говорил, что внутренне свободен, пощады не просил (ему это не подобало). Он объявил даже о своей готовности, если это будет означать еще большую меру покаяния, «показать устрашающий пример всем антисемитам этого мира — публично повеситься». И все же гестаповский демагог слишком любил жизнь. Эйхман просил дать ему возможность перед самоубийством. написать книгу — предупреждение на страх «нынешней и будущей молодежи». Однако, учитывая количество совершенных шефом Четвертого отдела и его соратниками преступлений, в случае разрешения заняться «литературной деятельностью» подсудимый рисковал дожить до возраста Мафусаила.

Слушание дела закончилось вынесением обвинительного приговора: Эйхмана признали виновным в совершении преступлений против человечества. 1 декабря 1961 года его приговорили к смертной казни. 31 мая 1962 года нацист отверг обращенный к нему призыв протестантского священника покаяться и был препровожден в камеру смертников. Ровно в полночь его повесили в тюрьме Рамле. Тело казненного предали огню; Эйхман просил, чтобы часть его праха захоронили в БуэносАйресе, на улице Гарибальди, однако его прах развеяли над морем, за границей территориальных вод Израиля, чтобы от одного из самых жестоких наци не осталось и следа на земле. В память о нем не была прочитана ни одна молитва.

Процесс над Рудольфом Абелем

Советский разведчик, вину которого так и не смогли доказать американцы, а принадлежность которого к КГБ так и не подтвердили русские. Полковник Рудольф Абель, работавший под оперативным псевдонимом «Марк», в течение 10 лет возглавлял агентурную сеть на Северо-Американском континенте. В современной литературе его называют гением разведки. По оценке ФБР, Абель относится к крупнейшим мастерам шпионажа XX столетия.

Аллен Даллес, основатель и бессменный руководитель ЦРУ в течение многих лет, в своей книге «Искусство разведки» писал: «Я бы хотел, чтобы мы имели трех-четырех человек, таких как Абель в Москве».

Рудольф Абель

В жизни этого необычного человека так много тайн, что многие вехи достоверно не определены до сих пор. Даже с датой рождения разведчика не все ясно: согласно одним данным, Вильям Фишер (это его настоящее имя) появился на свет 23 сентября 1900 года, а по другим — это произошло 11 июля

1903го. По поводу его родителей историки тоже не пришли к согласию. Одни утверждают, что отцом разведчика являлся немец-коминтерновец, один из друзей Ленина, обосновавшийся в Лондоне. Другие уверены: Вильям родился в Ньюкасл-на-Тайне, в семье русских политэмигрантов. Но существует также версия, согласно которой один из самых загадочных людей XX века родился в Риге в семье трубочиста и домохозяйки.

Относительно точно можно утверждать, что в 16-летнем возрасте молодой человек, которому окружающие прочили карьеру математика, стал студентом Лондонского университета. Однако его родители, верные своим революционным убеждениям, рвались в СССР. В 1921 году Фишеры уехали в Россию. Спустя год молодой человек, имевший недюжинные технические и художественные способности, вступил в комсомол, занялся в Хамовниках агитационной деятельностью и был зачислен на первый курс Института Востоковедения. Известно также, что Вильям некоторое время работал радиоинженером, а затем проходил военную службу в одном из разведывательных подразделений Красной армии.

Вскоре после демобилизации Фишер устроился на работу в НИИ Военно-воздушных сил РККА. В то время он познакомился со своей будущей женой, студенткой Московской консерватории Еленой Лебедевой. Спустя два года молодые супруги уже воспитывали дочь Эвелину. А в 1927-м Вильям, прекрасно владевший несколькими иностранными языками, получил предложение работать в Иностранном отделе ОГПУ. После разговора с отцом Фишер решил согласиться и перейти служить в органы госбезопасности.

После первых заданий по линии нелегальной разведки в Польше в 30-х годах Центр послал Вильяма в качестве радиста-шифровальщика в нелегальную резидентуру в Лондон, откуда он передавал данные, полученные знаменитой «кембриджской пятеркой», в составе которой работал резидент НКВД А. Орлов. Однако после ухода Орлова из Испании в США в 1938 году Фишера спешно отозвали в Москву. Вильяму грозило обвинение в связи с «врагом народа», и 31 декабря 1938 года его уволили из органов. Следующей «ласточкой» должен был стать суд, но тут судьба решила пощадить Фишера: Орлов, посвященный в дела внешней разведки, хранил молчание, а значит, «убирать» связанных с ним лиц необходимости не было. Так что Вильяму оставалось лишь тихо радоваться и благодарить судьбу за столь незначительный «щелчок»: в то время масса людей попадала под расстрел — сплошь и рядом безвинно, поэтому потеря места работы могла расцениваться только как мелкое неудобство.

О Фишере родное ведомство вспомнило снова лишь в сентябре 1941 года. Его восстановили в должности и направили в знаменитое 4е управление НКВД, занимавшееся организацией разведывательно-диверсионных операций в тылу немецких войск, где Вильяму предстояло работать под началом П. Судоплатова. Безукоризненно изъяснявшийся понемецки и воспитанный в европейских традициях, Фишер идеально «вписался» в роль немецкого офицера; в качестве радиста участвовал в оперативных играх НКВД с гитлеровскими спецслужбами, занимался организацией боевых разведовательно-диверсионных групп в тылу врага. Кстати, именно этот человек послужил одним из прототипов всенародно любимого Штирлица. В тот же период Вильям познакомился с Рудольфом Ивановичем Абелем, коллегой по работе, чье имя использовал в дальнейшем как псевдоним. Так что в истории, по сути, было два Абеля.

В 1947 году Вильям Генрихович подал рапорт о зачислении в нелегальную разведку. Учитывая заслуги сотрудника и его нешуточный опыт, руководство решило направить Фишера на самый ответственный участок — в США. Работать разведчику предстояло под псевдонимом «Марк».

В 1948 году офицер КГБ В. Фишер получил задание перевоплотиться. В его распоряжении были безупречно выполненные поддельные документы на два имени — Мартина Коллинза и Эмиля Роберта Гольдфуса, граждан Соединенных Штатов Америки. Теперь ему принадлежала также фотолаборатория в Бруклине.

В 1948 году Вильям Генрихович отправился в Квебек под видом литовского беженца Эндрю Кайотиса. А в мае 1949го обосновавшийся в Америке под именем Роберта Голдфуса, сына немца-маляра, якобы приехавшего в Америку искать работу, «Марк» сообщил в Центр о готовности к выполнению задания. Он сумел наладить поставку сведений об американских сверхсекретных ядерных исследованиях в ЛосАламосе. Стараниями Фишера Центр получил уникальную информацию о конструкции атомной бомбы, об оружейном плутонии, об американских поставках военной техники режиму Чан Кайши в Китае и многом другом (в числе информаторов «Марка» были знаменитые супруги Коэн). Советский резидент создал две крупнейшие агентурные сети на американском континенте: одна объединяла разведчиков в Калифорнии, Бразилии, Мексике и Аргентине, а другая — на Восточном побережье США. Уровень секретности до сих пор не позволяют раскрыть содержание многих операций, в которых участвовал Фишер. Удачно выбранное место для студии позволяло ему пользоваться

коротковолновым передатчиком, что значительно уменьшало риск «засветиться». Даже тогда, когда в Штатах «погорели» советские агенты Клаус Фукс, Гарри Голд и прошел процесс над супругами Розенберг, разведгруппа Фишера не прекратила своей деятельности. Добываемая информация была настолько ценной, что уже в августе 1949 года «Марк» был награжден орденом Красной Звезды.

В течение почти 10 лет на редкость аккуратный агент, строго следовавший принципам полной конспирации, водил за нос своих оппонентов из ФБР. Вполне возможно, что он так и остался бы этаким «неуловимым мстителем», если бы не банальное предательство. Похоже, что институт иуд в человеческом обществе — явление самое живучее и практически неискоренимое. Во всяком случае, покуда спецслужбы не жаловались на недостаток лиц, готовых — далеко не безвозмездно! — «сдать» своего же сотрудника, друга, а то и родственника. Как говорится, лишь бы цена была подходящей.

Напарником псевдо-Абеля являлся в то время подполковник КГБ Николай Константинович Иванов (псевдоним «Вик»), карел по национальности, работавший в НКВД еще с Зимней войны на Карельском перешейке. Центр направил его для помощи резиденту в 1952 году, уже самим этим действием предопределив провал одного из наиболее ценных своих агентов. В США «Вик» въехал как финн Рейно Хайханен, а в Нью-Йорке жил под фамилией Маки. Воспользовавшись значительной удаленностью от начальства, он тихо и с упоением предавался своей главной в жизни страсти — алкоголю. Периодически «Вик» колотил свою жену-финку, тоже жертву зеленого змия; при этом следует заметить, что Хайханен самозабвенно любил супругу. Просто семейные побоища были для него неотъемлемым атрибутом налаженного быта. Интересно, что этот недалекий человек (он так и не смог освоить английский) имел в СССР еще одну (законную) жену и ребенка. Как и положено в нелегальной разведке, «Вик» не знал ни настоящего имени «Марка», ни его легендированного имени. Хайханену было известно только, что «Марк» — это советский нелегал, выдающий себя за свободного художника и фотографа.

Фишер в восторг от псевдофинна не приходил и неоднократно пытался довести до сведения помощника, что его увлечение алкоголем принесет крупные неприятности. Так, в 1954 году подполковник по пьяни умудрился потерять «монету» контейнер с микропленкой. Ее обнаружил на улице какой-то мальчишка и отнес странную находку в ФБР. По счастью для разведчиков, тамошние специалисты текст микропленки так и не

смогли расшифровать. «Вик» забывал местонахождение тайников, пропускал важные встречи с агентами, безбожно перевирал информацию, которую ему поручалось передать. С течением времени разведчик все больше пил, мрачнел, начинал раздумывать над своей дальнейшей жизнью. Ему светило прощание с чужбиной, где подполковник весьма неплохо устроился, и ждало возвращение в суровое отечество, а значит, разлука с любимой собутыльницей. В конце концов Фишер добился от Центра, чтобы спившегося «джентльмена удачи» отозвали на родину. Не в силах проститься с «заокеанским счастьем», Хайханен решил пойти на предательство. Для начала он присвоил 5000 долларов, предназначенных для агентов резидентуры «Марка». Затем, следуя рейсом на Москву, во время остановки в Париже предатель явился в американское посольство и попросил политического убежища. На военном самолете подполковник КГБ, согласившийся сотрудничать с ФБР, был переправлен в Штаты. Именно «Вик», по воспоминаниям директора Федерального бюро расследований Э. Гувера, «дал ключ к тайне Абеля». Но фортуна, похоже, иуд не любит. Псевдофинн, сдавший своего напарника, за нескольких последующих лет окончательно спился. В очередной раз набравшись до зеленых слонов, он, в конце концов, погиб в автокатастрофе.

11 мая 1957 года на «фотографа», мирно спавшего в номере ньюй-оркского отеля «Latam», трое работников ФБР надели наручники. После короткой беседы «гости», обнаружив удивительное знание вопроса, предложили Фишеру, в то время уже дослужившемуся до звания полковника, тесное сотрудничество. «Фотограф» подобной перспективой не вдохновился, поэтому фэбээровцы спешно вызвали на место для проведения обыска работников иммиграционной службы. Западные коллеги советского агента свое дело знали отлично, так что вскоре в их руках были мощный коротковолновой приемник с наружной антенной, специальная пленка, секретные коды, несколько фотокамер, 6500 долларов, ключ от личного банковского сейфа (где лежало еще $15 000) и документы на два вышеупомянутых имени. Ряд вещей, принадлежавших Вильяму Генриховичу, агенты забрали для лабораторных исследований. «Марк» понимал: ему срочно необходимо передать в Центр сообщение о своем провале. Однако для этого следовало обратиться в генконсульство СССР в Нью-Йорке и, таким образом, признать перед всем миром свое советское гражданство. Но ведь совсем незадолго до этого Хрущев заявил во всеуслышанье, что «СССР шпионажем не занимается»! Так как же поступить в этом

случае? И «Марк» нашел гениальный выход: он назвался именем своего друга времен войны Рудольфа Абеля, предотвращая опасность, что американцы начнут гнать в СССР от его имени дезинформацию. В Москве мгновенно догадались, кто же был задержан ФБР, а имя Абеля с этого момента прочно вошло в историю российской разведки. Дело в том, что настоящий Рудольф Иванович Абель (по состоянию здоровья уволившийся из органов госбезопасности в 46 лет в звании подполковника) умер еще в 1955 году.

Вильяма Генриховича под усиленной охраной переправили в Техас, где фэбээровцы повели тщательно спланированную обработку разведчика. Длительные допросы чередовались с душещипательными историями, а те, в свою очередь, разбавлялись «отеческими» увещеваниями о сотрудничестве. Тогдато Фишер, вынужденный импровизировать, и соорудил этакое признание-легенду.

Следует напомнить: в те годы в Америке особенно сильны были антикоммунистические настроения; незадолго до ареста Фишера за шпионаж в пользу России казнили чету Розенберг — без явных на то оснований. Что же касается псевдо-Абеля, то у него вообще нашли микропленку с компроматом (график радиосеансов с Центром, коды, письма от жены (на русском и дочери на английском)! Этот вещдок «Марк» в последний момент пытался спрятать в карандашах, но фэбээровцы доказали, что они тоже не даром свой хлеб едят.

Итак, убедившись, что полковник — крепкий орешек и в отношении сотрудничества с ним радужных перспектив не наблюдается, его самого, а также обнаруженные вещественные доказательства переправили в Нью-Йорк, где должны были проходить судебные заседания.

14 октября 1957 года в здании федерального суда Восточного округа Нью-Йорка начался громкий судебный процесс по делу о шпионаже № 45094 с громким названием «Соединенные Штаты Америки против Рудольфа Ивановича Абеля». Данный процесс был уникальным и не имел прецедентов в американской юриспруденции. Одним из главных действующих лиц в нем стал бывший сотрудник ЦРУ, адвокат Джеймс Доновэн. Рудольфа Ивановича Абеля, гражданина России, обвиняли в шпионаже против США, передаче информации о национальной обороне Штатов и незаконном пребывании в стране. В сумме это тянуло на электрический стул.

Обрушиться дамокловому мечу на голову разведчика не дал адвокат. Доновэну удалось сыграть на эмоциях присяжных заседателей, акцентировав их внимание на том, что подсудимый

вовсе не является продавшимся американцем. Если он — честный гражданин враждебной державы, такой, какие, возможно, работают на США в Москве, то подход к обсуждению его деятельности должен быть несколько иным. К тому же адвокат намекнул, что Абель — прекрасный кандидат для обмена; если какой-нибудь шпион-американец в свою очередь «загремит» в застенки КГБ, его можно будет спасти, предложив вернуть в СССР русского агента. Ко всему прочему, юрист доказывал: справедливое решение к Рудольфу Абелю как нельзя лучше укрепит реноме американской юстиции перед всем человечеством. Доновэн умело сыграл на чувствах членов суда, тонко сопоставив моральные качества подсудимого, являвшегося добрым семьянином, любящим мужем и нежным, заботливым отцом, с обликом главного свидетеля обвинения. Беспробудные запои Хайханена, избиения им жены, ее еженощные рыдания с криками о помощи, регулярные визиты полицейских и, самое главное, наличие в России законной жены с ребенком настроили присяжных против предателя. Ко всем бедам обвинения, оно так и не смогло доказать причинение Абелем ущерба национальной безопасности. Сам Рудольф Иванович свое настоящее имя никогда не называл и не признался, что его деятельность управлялась из России. Он заявил буквально следующее: «Я, Рудольф Иванович Абель, гражданин СССР, случайно после войны нашел в старом сарае крупную сумму американских долларов и перебрался в Данию. Там купил фальшивый американский паспорт и через Канаду в 1948 году въехал в США». И все. О принадлежности к советской разведке Абель не сказал ни слова, а любые попытки следователей добиться каких-либо сведений о его деятельности по сбору секретной информации он тонко высмеивал как несусветную чушь, навеянную царившей в Соединенных Штатах атмосферой шпиономании и «охоты на ведьм». Уличить его во лжи возможности не было: еще при аресте разведчику удалось незаметно уничтожить самые важные улики — шифровальный блокнот и ключ к радиокоду.

Несмотря на это, Абеля признали виновным и приговорили к смертной казни. Но все-таки процесс над разведчиком закончился убедительной победой подсудимого и его защитника. Нет, Рудольфа Абеля никто не оправдал. Но суд второй инстанции приговор изменил: разведчика ждали 30-летний срок лишения свободы и $3000 штрафа. Конечно, 54-летний резидент практически не имел шансов выйти из тюрьмы живым. Но по сравнению с электрическим стулом это было шагом вперед.

Отбывать наказание полковника отправили в Атланту. Заключенные достаточно уважительно относились к русскому

агенту. Тот много читал, изучал труды Эйнштейна, рисовал карикатуры для тюремной газеты, участвовал в изучении плана казематов, помогая затеянной начальством реконструкции строений.

Теоретически, Абель являлся ценным «предметом обмена» для шефа ЦРУ Алена Даллеса. Но для этого было необходимо признание советской разведки в том, что это ее шпион. Россия же всячески старалась откреститься от полковника. Весь мир был в курсе нашумевшей шпионской истории (пожалуй, в неведении оставались только жители Страны советов), а Союз продолжал ломать комедию. ТАСС с началом судебного процесса поспешил выступить с официальным заявлением: среди советских чекистов нет сотрудника с такой фамилией. Дважды письма Абеля жене, доставленные в посольство СССР, с негодованием отвергались. Правда, на третий раз их все-таки взяли. Мол, если у нас действительно живет супруга «какого-то Абеля», она сможет эти послания получить.

Семья разведчика сразу же нашлась. Довольно быстро, без излишней шумихи, мнимый Рудольф Иванович смог наладить контакт с родными.

Сложно сказать, чем бы закончилась эта история, если бы над СССР не «погорел» во время совершения шпионского рейда на самолете У2 небезызвестный Фрэнсис Гарри Пауэрс. Правда, американской стороне пришлось изрядно попотеть, доказывая коммунистическому руководству СССР целесообразность обмена захваченными разведчиками. В итоге, КГБ решило не светиться и действовать через немецкого адвоката в ГДР, используя спешно легендированного «родственника» Абеля, Ю. Дривса. Там же, на мосту, который разделял два Берлина, 10 февраля 1962 года состоялся обмен пленниками. «Рудольф Иванович» наконец смог отправиться домой.

Отечество не высказало особой благодарности полковнику. Ни триумфальное возвращение, ни почетные должности, ни высокие награды, в отличие от того же Пауэрса, его не ждали. Спасибо, что хоть в места не столь отдаленные «на всякий случай» не упекли. Правда, несколько позже Родина все же скрепя сердце расщедрилась, предоставив Абелю награду, полагавшуюся ему по стажу работы в органах. Бывшего резидента задействовали для консультаций нового поколения сотрудников.

Через несколько лет после своего возвращения, 15 ноября 1971 года Вильгельм Фишер, более известный как Рудольф Иванович Абель, скончался в онкологической клинике от рака легких. В наследство дочери он оставил скромную двухкомнатную квартиру и убогую дачку, больше похожую на

курятник. Прощаясь с жизнью, старый разведчик шепнул Эвелине: «Помни, что мы все-таки немцы.»

Олег Пеньковский: «супершпион» трех разведок или «Пешка» в игре советских спецслужб?

Шум, поднятый вокруг дела Пеньковского в 1962 году, затмил многие из самых громких преступлении на ниве шпионажа в XX веке. Полковник Главного разведывательного управления Генштаба Вооруженных Сил СССР Олег Пеньковский, занимавший должность заместителя начальника иностранного отдела Управления внешних сношений Государственного комитета при Совете Министров СССР, был обвинен в измене Родине и расстрелян. С тех пор прошло почти полвека, но годы не внесли ясности в эту таинственную историю. Со временем легенд, мифов и слухов вокруг дела Пеньковского стало еще больше.

Олег Пеньковский

Одним из самых значительных разоблачений советской контрразведки в самый разгар «холодной войны» считается дело полковника ГРУ О. Пеньковского, арестованного за шпионаж в 1962 году. Авторы многочисленных книг и публикаций о Пеньковском по-разному описывают судьбу и личность этого

человека. По одним данным, это был беспринципный предатель, по заслугам получивший высшую меру. По другим — Олег Пеньковский — прекрасный разведчик, специально выполнявший роль дезинформатора спецслужб Англии и Америки и добившийся в этом колоссальных успехов. А суд над ним и его казнь — всего лишь спектакль, мастерски разыгранный КГБ. Так или иначе, этого человека Запад по сей день называет своим самым значительным источником информации о Советском Союзе, передавшим британским и американским спецслужбам горы секретной информации, касающейся советского ядерного потенциала, и тем самым предотвратившим третью мировую войну во время Карибского кризиса.

Что же заставило полковника советской военной разведки, участника двух войн, пойти на сотрудничество с западными спецслужбами? Этим вопросом не раз задавались те, у кого не было сомнений в том, что Пеньковский — предатель. Военный разведчик, сделавший успешную карьеру, он не был замечен в нелояльности к коммунистическому режиму, не было и никаких мотивов, толкавших его на Запад. Да и в материальном отношении Пеньковский никогда не бедствовал. Родился он во Владикавказе в интеллигентной и обеспеченной семье. Его отец закончил Варшавский политехнический институт и работал инженером; служил в белой армии. А родной дядя, брат его отца, наоборот, всю жизнь отдал советской власти: В. А. Пеньковский в звании генерала армии в начале 60-х годов XX века командовал войсками Белорусского военного округа.

У самого Олега Пеньковского судьба складывалась благополучно: школа, комсомол, артиллерийское училище в Киеве. Участник финской и Великой Отечественной войн, он был награжден пятью орденами и восемью медалями. После войны Пеньковский закончил Военную академию имени М. В. Фрунзе (1948 г.) и Военно-дипломатическую академию Советской Армии — кузницу кадров советской военной разведки (1953 г.). Успешной военной карьере Пеньковского способствовала его удачная женитьба на дочери генерал-майора Д. Гапановича, а также близкое знакомство с маршалом артиллерии С. С. Варенцовым, в семью которого он был вхож. Уже в 31 год Пеньковский получил звание полковника. Окончив двухлетний курс в Военной академии, где овладел английским языком, Пеньковский начал работать в Центральном аппарате ГРУ. С 1953 по 1955 год он был старшим офицером 4-го управления ГРУ (страны Ближнего и Дальнего Востока), в 1955–1956 годах — помощником военного атташе при посольстве СССР в Турции.

После возникшего конфликта с резидентом ГРУ в Анкаре,

генерал-майором Н. Рубенко, Пеньковский был отозван в Москву. В 1956–1958 годах он снова продолжил службу в ГРУ, прошел программу подготовки для назначения на должность военного атташе в Индии. Однако накануне его отъезда в Дели было установлено, что Пеньковский исказил свои биографические данные, скрыв, в частности, тот факт, что его отец был белогвардейским офицером и участвовал в боях с частями Красной армии, в ходе которых был убит. Как известно, в то время таких «ошибок» не прощали. После последовавшего разбирательства Пеньковского отстранили от престижной командировки, а затем и вовсе уволили из ГРУ. Какое-то время работа Пеньковского не была связана с разведывательной деятельностью. Но в 1959 году, благодаря поддержке своего могущественного покровителя С. Варенцова, Пеньковский добился возвращения в систему военной разведки, и год спустя в качестве старшего офицера 3-го управления ГРУ (страны Северной и Южной Америки, Великобритания) был назначен членом мандатной комиссии Военно-дипломатической академии.

Отвод от спецкомандировки в Индию Пеньковский воспринял весьма болезненно. Существует мнение, что именно после этого инцидента он и решил предложить свои услуги одной из западных спецслужб. Установить контакт с секретными службами США и Великобритании Пеньковский пытался несколько раз. Еще в августе 1960 года через американского туриста он передал в ЦРУ письмо, в котором предлагал свои услуги. Но ЦРУ, посчитав, что это всего лишь обычная операция советских спецслужб, тогда наотрез отказалось с ним сотрудничать. После перехода на работу в Госкомитет при Совмине СССР по координации научно-исследовательских работ Пеньковский получил возможность легального общения с иностранцами, а также выезда за границу. Так и не дождавшись ответа из ЦРУ, в апреле 1961 года он через британского бизнесмена Г. Винна предложил свои услуги «Сикрет интеллидженс сервис» (СИС). Он, в свою очередь, известил об этом британскую спецслужбу МИ6. Учитывая, что Пеньковский одновременно предложил свои услуги как Вашингтону, так и Лондону, было принято решение о совместной работе с новым агентом. С этой целью была сформирована англо-американская группа, куда от ЦРУ вошли Д. Бьюлик и Д. Кайзвальтер, а от СИС — Г. Шерголд и М. Стоукс. 20 апреля 1961 года во главе делегации советских технических специалистов Пеньковский прибыл в Лондон, где в отеле «Маунт-Роял» провел несколько конспиративных встреч с представителями английской и американской разведок. Убедившись в ценности агента как важнейшего источника информации о деятельности ГРУ,

настроениях в кругах высшего советского военного руководства и ракетных программах СССР, сотрудники объединенной группы ЦРУ и МИ6 обговорили с ним условия сотрудничества и способы поддержания связи. Британская и американская разведки очень ценили Пеньковского. Ему было гарантировано не только предоставление по его выбору гражданства США или Великобритании, но и присвоение воинского звания «полковник» английской или американской армии. Во время одной из таких встреч, желая подыграть самолюбию своего агента, западные «коллеги» сфотографировали Пеньковского в форме офицера американской и британской армии с полковничьими знаками различия. ЦРУ присвоило Пеньковскому кличку «Герой», а МИ6 — «Йог». Сам Пеньковский взял себе псевдоним «Алекс».

Роль посредника между Пеньковским и МИ6 выполнял Г. Винн. Прикрываясь деятельностью коммерсанта, он якобы по торговым делам стал все чаще и чаще наведываться в Москву. Встречи Пеньковского с Винном проходили в крупных гостиницах столицы. Там под шум воды из крана в ванной комнате иностранцу передавались микропленки с отснятыми материалами, сообщениями о советских стратегических ракетах, военно-технических документами. Пеньковский, в свою очередь, получал средства тайнописи, деньги, фотои радиоаппаратуру, инструкции по способам связи. Для экстренной связи использовался тайник в подъезде дома на Пушкинской улице (ныне Б. Дмитровка), где между батареей парового отопления и стеной подвешивался на проволочном крючке спичечный коробок, в котором находились сведения государственной важности. Но самыми безопасными местами для обмена шпионскими материалами считались дипломатические приемы в английском и американском посольствах, где Пеньковский бывал по роду своей деятельности.

В поддержании конспиративных контактов с Пеньковским в Москве, помимо агента-связника Винна, в общей сложности было задействовано 12 кадровых разведчиков США и Великобритании. Семь из них представляли посольство Великобритании, пять — США.

Хотя шпионская деятельность Пеньковского продолжалась относительно недолго — около полутора лет, — вред, нанесенный им СССР и спецслужбам, в первую очередь ГРУ, был огромен. За время сотрудничества с ЦРУ и МИ6 Пеньковский передал на Запад свыше ста микрофильмов с переснятыми им документами из секретной библиотеки ГРУ, а также значительный объем сведений по ракетной промышленности СССР. В общей сложности Пеньковский наговорил 140 часов

информации. Распечатка бесед составила порядка 1200 страниц текста. В отчете ЦРУ говорится, что это была «самая продуктивная и классическая тайная операция из всех, что когда-либо предпринимались ЦРУ или МИ6 против СССР». Пеньковский поставлял так много материалов, что в ЦРУ по ним работала специальная команда из 20 переводчиков и аналитиков. Некоторые материалы, касавшиеся планов советского военно-политического руководства, ЦРУ напрямую направляло президенту Кеннеди. Кроме того, шпион опознал по фотокартотеке ЦРУ около 150 известных ему офицеров ГРУ, работавших за рубежом под дипломатическим прикрытием, чем серьезно осложнил работу советских спецслужб.

Согласно официальной версии, Пеньковского разоблачили сотрудники КГБ. Как известно, за каждым прибывающим в СССР иностранцем в те годы тщательно следили. Во время планового наружного наблюдения за женой английского дипломата был зафиксирован ее контакт с неизвестным мужчиной. Впоследствии выяснилось, что «неизвестный мужчина» — это не кто иной, как полковник ГРУ О. Пеньковский.

Оперативная разработка по делу Пеньковского осуществлялась под личным руководством председателя КГБ В. Семичастного силами английского отдела Второго главного управления КГБ СССР. По мере расследования было принято решение ограничить выезды Пеньковского за рубеж, но сделать это так, чтобы шпион ничего не заподозрил. В одном случае он получил «срочную работу», в другом «внезапно» заболел (личные вещи Пеньковского обработали специальным составом, в результате чего у него появилась сыпь, и он был вынужден лечь в госпиталь). В это время сотрудники КГБ оборудовали квартиру Пеньковского спецтехникой: встроили «жучки» и «прослушку» в телефон. К работе было привлечено и Управление оперативной техники, работники которого творили настоящие чудеса. При помощи новых технологий сфотографировали лежавшие на окне квартиры Пеньковского украденные документы, причем сделали это с противоположного берега Москвыреки (Пеньковский жил в доме на Котельнической набережной): чтобы зафиксировать его шпионскую деятельность, по дну Москвыреки специально был проложен кабель, по которому осуществлялось управление цветочным ящиком на балконе этажом выше. Как только Пеньковский раскладывал на своем подоконнике секретные документы для пересъемки, с соседского балкона выдвигался цветочный ящик, и вмонтированная в него камера фотографировала все действия шпиона.

Тайком, когда Пеньковского не было дома, в его квартире

провели обыск и обнаружили шифровальные блокноты, фотоаппараты, фальшивый паспорт, фотопленки с заснятыми на них секретными материалами, средства тайнописи, инструкции по приему радиопередач и пользованию шифрблокнотами. Результаты были настолько ошеломляющими, что предателя решили брать немедленно. 22 октября 1962 года О. Пеньковского арестовали. А 2 ноября был схвачен в Будапеште и переправлен в Москву Г. Винн.

11 мая 1963 года над Пеньковским и Винном состоялся суд, который проходил в клубе им. Дзержинского, рядом с главным зданием КГБ. В зале, куда пропускали только по пригласительным билетам, собралось более двух тысяч человек. В основном это были сотрудники ГРУ, КГБ и военные. Показательный процесс преследовал, кроме всего, и воспитательные цели. Военная коллегия Верховного суда СССР признала О. Пеньковского и Г. Винна виновными в шпионаже. Пеньковский был приговорен к смертной казни, Винн — к восьми годам заключения.

Советские власти позже объявили, что Пеньковский был расстрелян 17 мая 1963 года — через пять дней после вынесения приговора. Винн отсидел всего лишь один год из восьми. 22 апреля 1964 года его обменяли на советского агента Конона Молодого, арестованного под именем Гордона Лонсдейла в Англии в январе 1961 года. На этом вроде бы все и закончилось, однако у этой истории есть мощное продолжение. Начальник ГРУ И. Серов был разжалован в генерал-майоры и уволен (по некоторым данным, он покончил с собой). Из ГРУ и КГБ уволили в общей сложности около 300 сотрудников. Поскольку Пеньковский знал многих советских разведчиков, те были срочно отозваны из-за границы.

Официальная пропаганда характеризовала Пеньковского как личность крайне негативную: тщеславный, мстительный карьерист, страдавший чуть ли не манией величия. В своей книге «Шпион, который спас мир», Д. Шехтер писал, что Пеньковский неоднократно заявлял, что он хотел войти в историю шпионажа как «величайший шпион всех времен». Сам Пеньковский в разговорах со своими британскими «коллегами» называл себя «русским патриотом и идейным борцом с коммунизмом». Н. Уэст полагает, что «это был редко встречающийся тип идеалиста». До сих пор на Западе Пеньковского считают человеком, предотвратившим ядерную катастрофу, полагая, что именно ему удалось убедить западных лидеров в том, что заявления Хрущева о мощи арсенала советских межконтинентальных баллистических ракет — чистой воды блеф. «Пеньковскому удалось получить на

этот счет достоверную информацию и доказать, что СССР обладал неизмеримо меньшим количеством баллистических ракет, чем это представлялось западным экспертам. Благодаря именно этой информации удалось благополучно разрешить кубинский ракетный кризис 1962 года. Я без колебаний могу назвать Пеньковского самым важным информатором Запада внутри Советского Союза за весь период “холодной войны”», — сказал Н. Уэст. Бывший шеф ЦРУ Р. Хелмс, выступая в 1971 году перед журналистами, сказал, что предотвратить третью мировую войну помогли несколько высокопоставленных лиц из СССР, но назвал он всего лишь одного из них - О. Пеньковского.

Но высказывались и другие, менее восторженные мнения. Так, шеф управления контрразведки ЦРУ Д. Энгелтон называл Пеньковского «ненормальным анархистом, который по какой-то одной ему известной причине делал все, чтобы втянуть нас в войну с Россией». Некоторые источники свидетельствуют, что во время первой встречи с группой сотрудников ЦРУ и МИ6 Пеньковский предложил разместить в определенных местах в Москве тактические атомные заряды, которые он мог бы привести в действие в случае начала войны, чтобы разом ликвидировать видных советских руководителей.

Суд приговорил Пеньковского к высшей мере наказания. Но это лишь окутало его имя ореолом таинственности, стало поводом для самых неожиданных версий. Одна из них состоит в том, что Пеньковский вовсе не был изменником Родины, а действовал с подачи КГБ. Возможно даже, предполагают сторонники этой версии, что Пеньковский не был расстрелян. А смертный приговор — лишь прикрытие хитроумной игры, которую вели ГРУ и Генштаб СССР с английскими и американскими спецслужбами. Известный английский знаток «шпионской» темы Ф. Найтли по этому поводу замечает: если контакт Пеньковского с разведкой Америки и Англии рассматривать как операцию советской спецслужбы, то, возможно, Пеньковский и по сей день жив-здоров. В жизни разведчиков такие повороты судьбы вполне возможны. В защиту своей версии ее приверженцы приводят несколько доводов. Так, им представляется загадочным то обстоятельство, что Пеньковский и его связной Винн встречались не где-нибудь на тихой московской улочке, а в крупных столичных отелях, где каждый номер был буквально нашпигован прослушивающей аппаратурой. По логике вещей, комитетчики просто не могли не заметить действий Пеньковского. Вызывает недоумение и тот факт, что расследованием дела Пеньковского занимался КГБ (при том, что ГРУ имело свою собственную службу безопасности и

расследованием дел своих сотрудников обычно занималось самостоятельно). И наконец, совсем абсурдный факт: суду был предъявлен снимок Пеньковского в форме полковника британской армии. Полковник советской военной разведки снимается в мундире английского офицера! Причем этот снимок везет домой в Москву. Какими аргументами можно объяснить столь нелепый шаг? Все выше сказанное представляется трудно объяснимым, если не считать, что действия Пеньковского целенаправленно санкционировались свыше. Передать такой объем секретнейшей информации без влиятельной помощи один он не мог. Сценарий этой игры был, вне всяких сомнений, не раз проигран в узком кругу стратегов ГРУ.

Был ли Пеньковский «пешкой» в игре советских спецслужб или супершпионом, спасшим мир от третьей мировой войны? Ответ на этот вопрос продолжает храниться в секретных архивах ГРУ и ФСБ. Ясно одно, дело Пеньковского, окутанное легендами, навсегда войдет во всемирную историю тайной войны. Сегодня «дело Алекса» изучается в Академии ФСБ как операция, ставшая классикой контрразведывательного искусства.

Убийство Махатмы Ганди

Имя этого человека и по сей день окружено в Индии таким же почитанием, как и имена святых. Ганди, будучи духовным лидером нации, боролся за независимость своей страны, против религиозных распрей, отрицал насилие в любой форме. И по горькой иронии судьбы на склоне лет стал его жертвой…

Махатма Ганди

Мохандас Карамчанд Ганди родился 2 октября 1869 года в гуджаратском городе Порбандар, в семье министра ряда княжеств полуострова Катхиявар. Род Ганди принадлежал к касте торговцев и был очень состоятельным. Родители мальчика строго соблюдали обычаи индуистской религии, что оказало существенное влияние на формирование мировоззрения будущего политика. В семилетием возрасте Мохандас был помолвлен; для него это был уже третий подобный обряд, так как две предыдущие невесты скончались в раннем детстве. В 13 лет Ганди привел в дом молодую супругу, свою сверстницу. Следует сказать, что согласия подростков никто, по традиции, не спрашивал, однако их брак оказался очень прочным. Супруги прожили вместе 64 года, успев вырастить четверых сыновей и приемную дочь.

Отец Мохандаса очень хотел, чтобы его сын стал юристом.

Однако для этого Ганди следовало ехать в Англию, а этого каста торговцев своим членам не позволяла. Только в 1888 году молодой человек все же настоял на своем и отправился получать образование. При этом за свою чрезмерную настойчивость оказался фактически отлучен от касты и не мог рассчитывать на помощь соплеменников за границей. К тому времени Ганди успел похоронить маленького сына и порадоваться рождению второго. В Лондоне Ганди открыл для себя вегетарианство. Чтобы успокоить мать, он при отъезде дал обет не притрагиваться к мясу, спиртному и табаку. Оказалось, правда, что сделать это можно только ценой жесткого самоограничения и самодисциплины, ведь в Туманном Альбионе о таком обилии овощей и фруктов, к которым Ганди привык дома, даже не слыхали. Так что приходилось ему экспериментировать, составляя оптимальный режим питания. Тогдато будущий политик открыл для себя прелесть эксперимента. К слову, экспериментировал он затем всю жизнь: в политике, религии, личной жизни. Собственно, даже автобиография этого удивительного человека называется «История моих экспериментов с Истиной». Домой он вернулся только в 1891 году, имея при себе заветный диплом. Интересно, что за все три года своего отсутствия он не отправил жене и сыну (они находились под опекой старших братьев Мохандаса) ни единого письма.

До 1893 года Мохандас занимался адвокатской практикой в Бомбее, однако его дела шли не очень хорошо. Поэтому молодой юрист ухватился за поступившее от гуджаратской торговой фирмы предложение в течение года поработать юрисконсультом в Южной Африке. Но обстоятельства сложились таким образом, что он задержался на Черном континенте на долгие 20 лет. Здесь Ганди возглавил борьбу против расовой дискриминации и притеснения индийцев. При этом юрист пользовался только исключительно мирными формами выражения протеста, организуя демонстрации, забастовки и составляя петиции на имя правительства. Выработанная тогда им тактика ненасильственного сопротивления получила название сатьяграха. Как ни странно, но она достаточно быстро начала приносить весомые результаты: под руководством Ганди южноафриканским индийцам удалось добиться отмены ряда дискриминационных законов. Юрист также пользовался случаем убедить англичан в лояльности индийцев к Британской империи, надеясь, что его стране все же будет предоставлено самоуправление. С этой целью вступивший на путь большой политики Ганди создавал санитарные отряды из своих соплеменников в помощь англичанам во время англо-бурской (1899–1902) и англо-

зулусской (1906) войн. Интересно, что при этом он искренне верил, что буры и зулусы воюют за правое дело! Видимо, даже для лучших представителей рода человеческого своя рубашка оказывается все же ближе к телу. В тот же период Ганди впервые занялся серьезным систематическим изучением священных текстов разных религиозных традиций и провел сравнительный анализ трех величайших книг древности — Библии, Корана и Бхагават-Гиты. Молодой юрист, все же отдававший некоторое предпочтение религиозным воззрениям своих предков, пришел в конечном счете к своеобразному выводу: ни одна доктрина не обладает искомой полнотой; путь же к высшей Истине может открыть только их синтез. Другими духовными источниками будущего вождя нации стали труды индийского поэта Райчандбхая, русского писателя Льва Толстого и английского философа, теоретика культуры и искусства Джона Раскина.

В итоге Ганди вывел для себя некую догму. Он убедил себя, что служение Истине, приближение к ней возможны лишь при неуклонном следовании принципа ахимсы. Этот санскритский термин удивительно емок по своему значению. Фактически это — и непричинение зла всем живым существам, и деятельная помощь им, и усмотрение единства в самых разнообразных, внешне не связанных между собой явлениях, и чувство благоговения перед жизнью во всех ее проявлениях, и стремление к внутренней чистоте, и многое другое. В 1906 году Ганди окончательно выбирает для себя этот особый стиль жизни и целостное отношение к миру. А поскольку главным врагом «ненасилия» являются страсти, их укрощение стало для политика первоочередной задачей. Для начала он сделался очень строгим вегетарианцем, раз и навсегда отказавшись не только от мяса, но и от молока, затем в возрасте 37 лет принял обет «брахмачарьи» (полного полового воздержания). Затем Ганди перешел на самообслуживание (стирал, гладил, убирал свою комнату и даже готовил еду), что для лиц его происхождения и положения было едва ли не прямым вызовом обществу. Ганди даже брился всухую и не употреблял мыла при омовениях! Ведь мыло изготавливалось из жира убитых животных. Кроме того, юрист принял обет не брать никаких материальных подношений, раздаривая полученное или жертвуя его на общественные нужды. К слову, Ганди всегда неукоснительно держал слово и ни разу в жизни от принятых обетов не отступил.

Религия для этой неординарной личности оказалась самым тесным образом сопряжена с политикой. Ведь невозможно облегчить страдания других, не меняя политических институтов. А значит, вне политики религия не действенна. И Ганди посвятил

свою жизнь политике. Его судьба стала, по сути, историей сатьяграхи. Внутренние идейные поиски вылились в борьбу за свободную от насилия и ненависти Индию. В 1915 году Ганди вернулся на родину. Ему пришлось многое переосмыслить и заново привыкать к той жизни и традициям, от которых он был оторван на протяжении столь долгого времени.

Спустя более 30 лет после прибытия «великой души» на родину, в 1947 году, британцы спустили свои государственные флаги, в течение многих лет развевавшиеся над Индией, и покинули эту страну. Едва ли не решающая роль в освобождении страны от колониального господства принадлежала именно Ганди. При этом следует напомнить: Индия не была единственной страной, сумевшей избавиться от статуса колонии в XX веке. Однако ее жители первыми в мире добились права самостоятельно решать свою судьбу без применения организованного насилия. Впервые ненасильственное противостояние совершенной государственной машине с сильной армией принесло столь значительный результат, надолго повергнув Европу, привыкшую решать все конфликты силовым методом, в состояние шока.

Тем не менее 1947 год стал для Махатмы годом великого разочарования. Он по-прежнему доказывал бессмысленность насилия, но его уже никто не слушал. В стране вспыхнула жестокая борьба между религиозными группировками за право диктовать правительству свою волю. К тому же и Индийский национальный конгресс, и Мусульманскую лигу вполне устраивал факт раздела бывшей английской колонии на два государства — мусульманский Пакистан и светскую Индию. Разногласия возникали, собственно, лишь в вопросе территориальных границ. Единственным, кто выступал против такого деления, оказался Махатма Ганди, который считал, что Индия должна оставаться единым светским государством, в котором гармонично, в мире сосуществуют все религии.

В январе 1948 года он предпринял попытку остановить межнациональные распри, объявив голодовку. «Смерть станет для меня чудесным избавлением. Уж лучше умереть, чем быть беспомощным свидетелем самоуничтожения Индии», — горько заметил он. По счастью, лидеры религиозных групп все же прислушались к мнению «отца нации» и решили пойти на компромисс. На некоторое время ситуация в стране стабилизировалась. Но, к сожалению, ненадолго. Вскоре воинствующие индуисты обвинили Ганди в ущемлении их религиозных прав и стали призывать к вооруженной интервенции Пакистана. Оппозиция, правда, знала, что государственный лидер

не позволит применять насилие, пока жив. А значит, назрела необходимость «переубедить» его при помощи оружия.

20 января 1948 года, через два дня после прекращения «великой душой» голодовки, на него было совершено первое покушение. Лидер страны обращался к верующим с веранды своего дома в Дели, когда беженец из Пенджаба по имени Маданлал швырнул в него самодельную бомбу. Устройство разорвалось в нескольких шагах от предполагаемой жертвы, но никто не пострадал. Индийское правительство стало настаивать на усилении личной охраны Махатмы. Но Ганди только качал головой: «Если мне суждено погибнуть от пули безумца, я сделаю это с улыбкой. Бог должен быть в моем сердце и на устах. Обещайте мне: когда это случится, вы не прольете по мне ни слезинки».

30 января Махатма с рассветом засел за работу над проектом конституции, который следовало представить конгрессу. Только перед вечерней молитвой он простился с коллегами и в сопровождении племянницы и приемной дочери вышел на лужайку перед домом, где появления лидера неизменно ожидала толпа народа. Приверженцы его учения традиционно старались дотронуться до ног Махатмы. Один из мужчин, воспользовавшись моментом, выхватил пистолет и трижды выстрелил в старика. Ганди пыталась закрыть собой его приемная дочь, но лидер успел оттолкнуть девушку; две пули прошили изможденное тело насквозь, а третья застряла в левом легком. Упал Махатма только после второго выстрела. Прошептав: «Слава Богу», 78-летний мудрец отошел в мир иной улыбаясь. Эти же слова ныне начертаны в том месте, где догорел погребальный костер самого искреннего в своих помыслах и действиях политика XX века. К слову, «отец нации», происходивший из зажиточной семьи (дом, где он появился на свет, сегодня превращен в музей и выглядит внушительно даже по современным меркам), оставил после себя лишь очки, пару потертых сандалий, посох и книги.

Убийца Махатмы Ганди не смог скрыться от разъяренной толпы и охранников. Мужчину схватили, и только чудо спасло его от самосуда, поскольку собравшиеся у дома «отца нации» всерьез собирались наплевать на заветы покойного и разорвать изверга на части голыми руками. Возможно, если бы не вмешательство охраны, сей замысел был бы немедленно приведен в исполнение. Однако убийцу ждало следствие и суд. Оказалось, что на «великую душу» нации поднял руку некий Натхурам Годсе, издатель и редактор одной из провинциальных газет. Он являлся членом крупной экстремистской индуистской группировки «Раштрия севак сангх» («Союз служителей родины»). Вскоре

властям стало известно, что Годсе не был фанатиком-одиночкой: в Индии зрел мощный антиправительственный заговор, который удалось предотвратить буквально в последний момент. Что же касается собственно Махатмы Ганди, то на процессе по делу о его убийстве на скамье подсудимых оказались восемь человек. Всех их судьи признали виновными в совершении данного преступления, приговорив двух участников заговора против главы государства к смертной казни, а их подручных — к длительным срокам лишения свободы. 15 ноября 1949 года приговор вступил в силу, «сценарист» убийства и непосредственный исполнитель были повешены, а остальные заговорщики отправились обживать тюремные камеры. Последний из тех, кто организовал физическое устранение «неудобного» лидера, Гопал Винаяк Годсе (непосредственный убийца приходился ему братом) скончался только 26 ноября 2005 года в возрасте 86 лет. Старик, успевший отсидеть за решеткой 16 лет, в убийстве Махатмы Ганди так и не раскаялся. Он жил в собственном доме в городе Пине. Примечательно, что Годсе обеспечил себе весьма неплохое состояние, зарабатывая деньги на публикациях и продаже книг об убийстве Ганди.

Казалось, все участники кровавой драмы, разыгравшейся 30 января 1948 года, ушли со сцены, и дело об убийстве человека, ставшего душой индийского народа, давно стало достоянием прошлого. Однако ставить точку в данной истории, оказывается, все же рано. Недавно в Верховном суде штата Махараштра было принято к рассмотрению и производству необычное дело. Известный драматург и историк Прадип Чандракант Дальви подал иск о пересмотре обстоятельств происшедшего почти шесть десятилетий назад убийства. В заявлении указывается, что на основе имеющейся информации существует достаточно оснований утверждать: тщательного расследования данного преступления не проводилось, благодаря чему многие лица, заинтересованные в устранении Махатмы Ганди, остались в тени, избежав наказания. Дальви убежден, что истину следует искать в «недрах судебной канцелярии», он собирается опубликовать отчеты по делу и, наконец, выявить истинные мотивы убийства, а также имена тех, кто действительно стоял за ним. Ведь к моменту своей гибели Махатма Ганди уже не был нужен политиканам; он сделал свое дело и начал мешать, заставляя народ усомниться в действиях правящей верхушки.

Преступление века

Джон Кеннеди

Ли Харви Освальд

Убийство Джона Фицджеральда Кеннеди без преувеличения можно назвать самым известным и самым загадочным убийством XX века. Трагедия произошла на глазах сотен очевидцев и миллионов телезрителей, однако споры о том, кто и почему убил Кеннеди, не прекращаются и сегодня. Официально «преступление века» считается раскрытым, однако его истинные причины и организаторы до сих пор не известны.

Более 40 лет минуло с тех пор, как произошло событие, потрясшее не только Америку, но и весь мир; событие, которое, вероятно, в определенной мере изменило ход истории последних десятилетий XX века. 22 ноября 1963 года был убит президент США Джон Фитцджеральд Кеннеди. В тот роковой день президент и его супруга Жаклин прилетели в Даллас (штат Техас), где была запланирована их очередная встреча с избирателями. Высокопоставленных гостей приветствовал губернатор штата Джон Коннолли, который вместе со своей супругой должен был сопровождать президентскую чету в поездке по городу. Около полудня супруги Кеннеди и губернатор с женой сели в президентский лимузин. Перед этим по настоянию главы государства с автомобиля сняли пуленепробиваемую крышу. К возражениям агентов службы безопасности, опасавшихся за жизнь Кеннеди в недовольном его политикой Далласе, президент не прислушался. Кортеж в окружении агентов службы безопасности очень медленно двинулся по запруженной людьми улице. Едва вереница автомобилей свернула с главной городской магистрали на одну из боковых улиц, внезапно раздался резкий хлопок, оборвавший приветственные крики толпы. Затем второй, третий. По признанию многих очевидцев, они не сразу поняли, что произошло. Стоявшие у края тротуара увидели, как президент судорожно схватился за горло, из которого хлынула кровь, и тяжело рухнул на руки жены. Президентский лимузин оторвался от следовавших за ним автомобилей и на бешеной скорости понесся к ближайшей больнице. Дорога заняла всего четыре минуты, но все усилия врачей были тщетны. Раны оказались смертельными. Через 25 минут после выстрелов Джон Фицджеральд Кеннеди скончался не приходя в сознание.

Вице-президент Линдон Джонсон, который был приведен к присяге через несколько часов после смерти Кеннеди, сразу же заявил, что создает специальную комиссию для расследования обстоятельств убийства. Он буквально уговаривал председателя Верховного суда США Эрла Уоррена возглавить комиссию по расследованию убийства Кеннеди и дать заключение, которое бы успокоило нацию в условиях, «когда стране грозит раскол и утрата доверия, когда сотрясены ее основы». В 1964 году

комиссия Уоррена пришла к заключению, что убийцей Кеннеди был Ли Харви Освальд, бывший морской пехотинец США. Известно, что, решив в свое время эмигрировать из Америки, Освальд три года прожил в СССР, работая на одном из минских заводов. Затем, вернувшись в США вместе со своей русской женой Мариной Прусаковой, он устроился на склад школьных учебников. По версии следствия, именно из окна этого здания были произведены смертельные выстрелы в Джона Кеннеди 22 ноября 1963 года. По материалам следствия, три выстрела, выпущенные по открытому лимузину президента, были произведены в течение шести, по другой версии — девяти секунд. Смертельной оказалась одна из пуль, попавшая в голову Джона Кеннеди. Сейчас, более 40 лет спустя, события этих нескольких мгновений, отхронометрированные с точностью до доли секунды, все еще остаются открытыми для интерпретаций, предположений и домыслов.

Предполагаемый преступник был арестован в день убийства, однако до суда не дожил. 24 ноября 1963 года при переводе из полицейского управления Далласа в окружную тюрьму Освальда застрелил некий Джек Рубинштейн, известный как Джек Руби, профессиональный гангстер, владелец ночного клуба в Далласе. Суд, учитывая «отсутствие» других обвиняемых, было проводить не над кем.

Думается, именно это второе убийство, произошедшее всего лишь два дня спустя после трагической гибели Кеннеди, и породило столь многочисленные подозрения о существовании заговора против президента. С этого момента и американцы, и люди во всем мире, которые до сих пор обращаются к этой трагической истории, придерживаются двух полярных мнений. Одни верят, что Освальд был убийцей-одиночкой, другие — что Джон Кеннеди стал жертвой масштабного заговора.

Согласно же официальным выводам комиссии старшего судьи Верховного суда Эрла Уоррена Ли Харви Освальд действовал в одиночку. Доклад специальной комиссии был опубликован в печати в сентябре 1964 года, явившись своеобразным «резюме» 26 томов свидетельских показаний, засекреченных до 2029 года «в связи с государственной безопасностью». Члены комиссии заслушали 552 свидетеля, получили более трех тысяч отчетов судебных и правоохранительных органов, которые в свою очередь провели около 26 тысяч бесед. Однако доклад, который должен был пролить свет на таинственные обстоятельства «преступления века», вызвал всеобщее разочарование. Свидетели преступления с удивлением обнаружили замалчивание, искажение или прямую фальсификацию собственных показаний, заверенных по всей

форме. Интересно, что многие из этих свидетелей скончались по «тем или иным причинам» в течение нескольких последующих лет.

Официальный отчет комиссии Уоррена резко критиковал ЦРУ, ФБР и полицию Далласа за то, что они не смогли предотвратить гибель президента. В докладе, в котором было множество неточностей, противоречий и ошибок, комиссия, тем не менее, дала однозначное заключение, что заговора против президента не было. Однако даже сегодня по поводу убийства Кеннеди существует множество теорий заговора, в которых обвиняются кубинцы, русские и американцы, действовавшие, согласно одним теориям, сообща, согласно другим — в одиночку. Одна из существующих версий такова: американец Ли Харви Освальд был использован кубинской спецслужбой с подачи КГБ. Согласно этой теории президент США был убит в отместку за попытки его администрации организовать покушение на Фиделя Кастро. Якобы убийство инспирировал и оплатил сам Кастро, для которого это был отчаянный шаг самозащиты. Сторонники этой версии считают, что роль «кубинцев» в самом сенсационном убийстве XX века была известна преемнику Кеннеди Линдону Джонсону, но он предпочел замять кубинский «след», опасаясь, что в противном случае общественное мнение США заставит его вторгнуться на Остров свободы, а это будет чревато угрозой ядерного конфликта с СССР. Джонсон, возможно, также опасался, что кубинская версия приведет к «правому бунту» в Америке, который на два поколения закроет демократической партии путь к власти. Секретарь Линдона Джонсона Джозеф Калифано опубликовал в своих мемуарах слова Джонсона, который якобы сказал ему: «Кеннеди пытался прикончить Кастро, но Кастро его опередил». Именно поэтому следователя ФБР Лоуренса Кинана, посланного в Мехико сразу же после убийства Кеннеди, чтобы исследовать версию о возможном кубинском «следе», отозвали через три дня обратно, а расследование прекратили. Есть предположения, что Освальд был использован заговорщиками как «козел отпущения», т. е. он принял участие в покушении, полагая, что покушение готовится на губернатора Техаса Конн ели (тот получил тяжелые ранения, но выжил). Освальду якобы было поручено стрелять в губернатора Коннели, что он и сделал, а Кеннеди получил смертельную пулю от другого снайпера. Эксперты уверяли, что так и не смогли с достоверностью определить — был ли убит президент пулями, выпущеными из винтовки Освальда. Но о том, что выстрелы были слышны не только со стороны склада — сзади по движению кортежа, а также спереди и сбоку, свидетельствовали многие очевидцы трагедии.

В таинственной картине убийства американского президента маячил еще один след — советский. По одной из версий, Освальд прошел обучение в КГБ, которое и заказало ему убийство Кеннеди. Известно, что в период своего проживания в Белоруссии Ли Харви Освальд действительно находился под плотным «присмотром» КГБ. Однако серьезных подозрений в том, что он был профессионально связан с КГБ, нет. После внимательного изучения образа жизни и поведения американца в КГБ пришли к выводу, что использовать его в качестве агента, который бы работал на советскую разведку в США, нецелесообразно. Известно, что документы, касающиеся Освальда, которым занималась внутренняя служба Комитета безопасности СССР, вскоре после убийства Кеннеди были переданы Соединенным Штатам. КГБ прежде всего хотел исключить подозрения в том, что Освальд был связан с органами безопасности СССР. Поэтому версия об Освальде как некой фигуре, использовавшейся КГБ, имеет место (как и множество других), но не выглядит правдоподобной. Советское руководство тех лет при всех его недостатках вряд ли могло принять такое «самоубийственное» решение. Все понимали, что убийство президента США — это объявление войны. Поэтому СССР последовательно проводил линию на привлечение внимания мировой общественности в убийстве Джона Кеннеди консерваторов, а также к возможному участию в этом вице-президента Л. Джонсона, спецслужб США, в частности, ЦРУ и ФБР, кубинских эмигрантов, которые были на прямой связи с ЦРУ, и воротил военно-промышленного комплекса. Эти версии активно прорабатывались и внедрялись в массовое сознание органами КГБ СССР. В ГБ умело пользовались всякого рода слухами, домыслами, придавая им некий характер версий, которые требовали рассмотрения и будоражили общественное мнение.

Но мировая общественность и без того была взволнована историей трагической гибели 40-го президента США. Джона Фитцджеральда Кеннеди, как и многих ярких людей, одни ненавидили, а другие — боготворили. Он и вошел в историю как харизматичный лидер, рыцарь без страха и упрека. На 1037 дней его президентства выпали два самых тяжелых кризиса в мировой истории XX века — Берлинский и Кубинский, когда СССР и США стояли на пороге ядерной войны. Во многом благодаря блестящему политическому дару Кеннеди тогда удалось сохранить мир. Естественно, что люди не остались равнодушны к гибели такого человека. Они хотели знать правду. Действительно ли президента убил Ли Харви Освальд? Если да, то каковы причины? Он действовал в одиночку или же это был заговор? Кто

такой Джек Руби? Что заставило его убить Освальда? Если существовал заговор, то кто стоял за ним — мафия, кубинцы, русские, ЦРУ?

Спустя 13 лет после далласской трагедии Конгресс США в результате недоверия к решению суда и к выводам комиссии Уоррена назначил новую следственную комиссию — Комитет Стокса. Этот комитет провел двухлетнее расследование и пришел к выводу, что президент Кеннеди «скорее всего» был убит в результате заговора, но его участников комитет якобы не смог обнаружить. Пересмотра решения суда, естественно, не последовало, и доклад Комитета Стокса остался практически неизвестным общественности. В 1997 году последний из оставшихся в живых член комиссии Уоррена — Джеральд Форд сделал признание, что комиссией умышленно были внесены неверные данные в протоколы вскрытия тела: траектория полета пули подверглась искажению. Однако это признание ничего не изменило в деле об убийстве американского лидера.

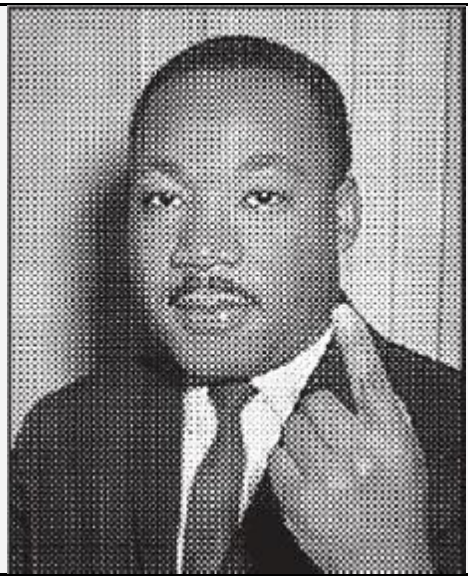
По сей день неоспоримыми остаются лишь основные факты преступления: президент Кеннеди был убит в своем автомобиле 22 ноября 1963 года, а спустя два дня был убит человек, которого подозревали в убийстве президента — Ли Харви Освальд, убит Джеком Руби. А за всем этим — неразгаданные тайны, подозрения, многочисленные версии, фальшивые свидетельства и подтасовки.

И сегодня, более чем через сорок лет после выстрелов в Далласе, никто, кажется, неспособен закрыть дело об убийстве века, хотя многие пытались поставить в нем последнюю точку. За прошедшие со времени убийства десятилетия о нем было написано более сотни книг, вышло на экраны множество документальных и художественных фильмов, опубликовано бесчисленное количество документов и статей. Ни одно преступление в истории не подвергалось такому глубокому и всестороннему изучению. До сих пор миру предлагаются различные версии того, что произошло в тот роковой ноябрьский день. Но истина, как и прежде, покрыта мраком. Похоже, что мир так никогда и не узнает, кто и почему убил Джона Кеннеди.

Убийство Мартина Лютера Кинга

Священник, лауреат Нобелевской премии мира (1964), доктор теологии Мартин Лютер Кинг являлся организатором кампании за гражданские права чернокожего населения США и был застрелен фанатиком. Однако и семья убийцы, и родственники жертвы до сих пор сомневаются в том, что Джеймс Эрл Рей действительно стал исполнителем этого кровавого злодеяния, несмотря на его признание в совершении преступления.

Убийство этой неординарного человека стало одним из самых драматических событий минувшего XX века. Без малого четыре десятилетия американцы безуспешно пытаются получить ответ на вопрос: существовал ли заговор с целью уничтожения Мартина Лютера Кинга и кто стоял за ним? А может, и вправду жизнь католического священника действительно прервал фанатик-одиночка?



Мартин Лютер Кинг

Джеймс Эрл Рей

Честно говоря, официальная версия, согласно которой афроамериканского лидера отправил на тот свет человек, действовавший сам по себе, американскими правозащитниками никогда всерьез не воспринималась. Однако теорий в этом деле, равно как и «кандидатов» на роль убийцы Кинга, с каждым годом становится все больше. По-настоящему же разобраться во всем этом сплетении достоверной (и не очень) информации уже, пожалуй, не представляется возможным. Тем не менее, давно стало ясно, что Джеймс Эрл Рей — не единственный, кто приложил руку к убийству пастора.

Мартин Лютер Кинг принял сан еще в 18-летнем возрасте, в 1947 году. Впервые молодой пастор баптистской церкви в Атланте привлек к себе широкое внимание в связи с движением за гражданские права в 1956 году, когда возглавил массовые марши протеста против действий расистов в штате Алабама. В дальнейшем этот высокообразованный человек, считавший расовое неравенство самой острой социальной и нравственной проблемой Соединенных Штатов, сам несколько раз попадал за решетку: священник методично нарушал те законы, которые считал дискриминационными, организовывал сидячие забастовки.

20 сентября 1958 года на одной из массовых манифестаций в Нью-Йорке на Кинга бросилась с ножом какая-то женщина. Пастор оказался серьезно ранен, но его жизнь удалось спасти.

Едва встав на ноги, он тут же организовал и провел многолюдный марш на Вашингтон в поддержку нового законопроекта о гражданских правах.

Наконец, в 1964 году Конгресс США рассмотрел и одобрил документ, за принятие которого Кинг боролся на протяжении всей своей сознательной жизни. В том же году роль чернокожего священника в ненасильственной борьбе за уничтожение расовой дискриминации была признана исключительной, и 35-летний пастор стал самым молодым за всю историю лауреатом престижнейшей Нобелевской премии мира. Тем не менее, сложить оружие ему не пришлось. Да, законопроект вступил в действие, но расовые предрассудки настолько въелись в сознание большинства американцев, что сломать устоявшиеся стереотипы было сложнее, чем заставить политиков пересмотреть свое мнение по данному вопросу. К пастору значительная часть белого населения Америки относилась, мягко говоря, настороженно. Одновременно многим чернокожим гражданам, уставшим от своей «второсортности», проповедь ненасильственных действий Кинга казалась недостаточно радикальным средством борьбы. Порой доктор оказывался буквально между молотом и наковальней: с одной стороны, ему приходилось терпеть оскорбления, неприглядную ложь, распространявшуюся средствами массовой информации, угрозы физической расправы, а с другой — от него настоятельно требовали более решительных действий.

4 апреля 1968 года Мартин Лютер Кинг занялся организацией очередного марша, на этот раз в поддержку бастовавших рабочих Мемфиса. Во время своей утренней проповеди священник внезапно сказал, что прекрасно осознает, какой опасности подвергает свою жизнь. Пастор признался: он, как и все другие люди, время от времени задумывается о собственных похоронах и о том, что мог бы оставить в память о себе. «Денег у меня нет, роскошных вещей тоже. Единственное, что я могу сделать, это оставить вам свою жизнь», — задумчиво подытожил этот необычный человек. Может, доктор и правда прощался с единомышленниками?

Кинг и его жена Коретта остановились в комфортабельном отеле «Лоррейн». Напротив него располагался дешевый мотель, в котором утром 4 апреля появился новый постоялец, Джон Уиллард. Правда, у этой темной личности имелось еще несколько имен, так сказать, про запас. На самом деле человеком, снявшим номер в мотеле, был довольно известный рецидивист, Джеймс Эрл Рей. С подросткового возраста он либо сидел в тюрьме, либо находился в бегах. Достаточно сказать, что до указанной даты 36-

летний мужчина успел «отмотать» суммарный срок заключения в 18 лет, в очередной раз сбежал, и теперь на нем «висели» еще 15 лет тюрьмы за вооруженное разбойное нападение.

Новый постоялец приехал на белом «фордемустанге», имея при себе минимум багажа. В номер он отнес только средних размеров голубую брезентовую сумку. Закрыв двери, преступник вытащил из сумки винтовку с оптическим прицелом, зарядил ее разрывными пулями и отправился в ванную. Прицел Рей навел на окно номера, в котором отдыхал Кинг. Вскоре за стеклом мелькнула чьято фигура, однако преступник не спешил спускать курок: он не был уверен, что видит именно пастора, да к тому же вести прицельную стрельбу в таких условиях трудно. Тут раздвижная дверь открылась, и на небольшой балкончик вышел сам доктор. Он остановился у перил. А Рей тем временем получил прекрасную возможность прицелиться.

Коретта Кинг, услышав подозрительный звук, выскочила на балкон и, увидев окровавленного супруга, подняла тревогу. И полиция и «скорая помощь» прибыли почти мгновенно, однако для жертвы преступления все уже было кончено. Разрывная пуля попала Кингу в голову, и спустя пару минут он скончался. А убийца, едва успев удостовериться в гибели проповедника, поспешил скрыться, почему-то бросив свою винтовку в ванной.

Негритянские гетто по всей стране отреагировали на гибель Кинга взрывом гнева и скорби. Проводить его в последний путь пришли 150000 человек. На похоронах присутствовали также первые лица государства. Единственным, кто в тот день отсутствовал, был шеф ФБР Гувер.

Несмотря на то что в мотеле рецидивист зарегистрировался как Уиллард, оружие и боеприпасы приобрел на имя Лоумайера, а автомобиль числился собственностью Голта, полиция довольно быстро вычислила, кто же сделал роковой выстрел. Агенты ФБР обнаружили в комнате отеля, откуда велась стрельба, всего лишь один отпечаток пальца. Он принадлежал беглому каторжнику Джеймсу Эрлу Рею. Идя по следу преступника, полиция установила, что тот успел отбыть в Лондон. Вскоре полиция Скотленд-Ярда сообщила своим американским коллегам об отлете Рея в Португалию. А вот тамошние специалисты сыска убийцу Кинга не нашли. Только 7 июня лондонский детектив в аэропорту Хитроу задержал подозрительную личность, весьма похожую на описание беглого каторжника. В ближайшем полицейском участке у мужчины сняли отпечатки пальцев и направили их в ФБР. Американские дактилоскописты сразу же подтвердили, что они принадлежат Рею. Арестованный был тут же выдан полиции Соединенных Штатов. Процесс по делу убийцы

знаменитого доктора теологии оказался коротким и прошел как-то незаметно. Убийца признал свою вину и был приговорен к 99-летнему тюремному заключению с обязательным условием отбывания половины этого срока за решеткой. То есть выйти на свободу ему уже не светило, если учесть возраст обвиняемого. Правда, тюремная камера была все же неплохой альтернативой электрическому стулу, который, собственно, и грозил Рею за его преступление.

Казалось, дело завершено, но не тутто было. Спустя неделю убийца Кинга отказался от услуг своего адвоката, отрекся от прежних показаний и стал требовать нового суда. Рецидивист заявил: защитник вынудил его взять вину на себя. На самом же деле он, мол, никого не убивал, а стал жертвой провокации, «подсадной уткой», козлом отпущения. А курок винтовки на самом деле спустил некто Рауль…

Оказывается, именно по совету адвоката Рей дал согласие на упрощенное судопроизводство: суд без участия присяжных, без сложных и долгих процедур. В принципе, с одной стороны, это обещало спасти ему жизнь, а с другой — играло на руку обвинению. Ведь в этом случае не нужно было стараться убедить судью и присяжных в виновности подсудимого. Конечно, за облегчение работы правосудию Рей спасся от смерти на электрическом стуле. Но согласитесь: перспектива провести остаток жизни за решеткой тоже как-то не слишком его привлекала. К тому же, судья, занимавшийся делом об убийстве Кинга, и следователь, готовивший материалы для передачи в суд, высказывали серьезные сомнения в том, что в данном случае действовал преступник-одиночка. А 10 лет спустя к тому же выводу пришли члены Комитета Конгресса по убийствам.

В течение 30 с лишним лет Рей пытался доказать свою невиновность и настаивал на новом судебном процессе. Особенно активно рецидивист вел себя последние два года своей жизни. Узнав, что у него обнаружили цирроз печени, 70-летний заключенный посылал просьбы и апелляции во все инстанции, обещая раскрыть тайну убийства чернокожего пастора. Для этого он лишь просил соблюсти некоторые условия. Рей хотел давать показания под присягой, только перед судом присяжных, и иметь гарантию, что сказанное не будет использовано против него самого. Старик просил власти поспешить с решением данного вопроса, так как в противном случае тайна гибели Кинга умрет вместе с ним.

Далее случилась совершенно невероятная вещь: Рей сумел убедить в своей невиновности. семью убитого доктора! Вдова и четверо детей священника официально выступили с ходатайством

о повторном суде. А в печати появился ошеломляющий снимок, на котором сын покойного, Декстер Кинг, и Рей пожимают друг другу руки. Но американская Фемида не спешила, считая чересчур назойливого заключенного обыкновенным ловкачом, пытающимся отвертеться от наказания.

О чем собирался рассказать старик, теперь вряд ли станет известно. Однако писателю Уильяму Бредфорду Хьюи он как-то сообщил, что на выставке в Монреале познакомился со светловолосым кубинцем Раулем, который и снабжал его деньгами. Новый приятель готовил Рея к «большому делу», причем американцу в нем отводилась периферийная роль. К сожалению, ни до, ни после этого заключенный ничего больше о загадочном кубинце (по его словам, тот мог быть также латиноамериканцем, франко-канадцем либо человеком с примесью индейской крови) не рассказывал. Тем более что и эти откровения едва не свели рецидивиста в могилу: однажды в то время, когда Рей находился в тюремной библиотеке (этот человек много читал и серьезно занимался изучением юриспруденции), на него напали четверо заключенных.

В течение нескольких минут они нанесли мужчине 22 ножевых ранения. Жертву нападения врачи спасли чудом. В течение часовой операции Рею наложили 77 швов, после чего он еще долго находился между жизнью и смертью. Правда, нападавших заключенный так и не выдал, но их «вычислило» само тюремное начальство, добавив ретивым «мстителям», которые явно пытались заставить Рея держать язык за зубами, от 20 до 60 лет заключения.

А ведь вопросов в деле об убийстве пастора и правда осталось больше, чем ответов. На какие средства беглый каторжник жил во время поездок по Новому и Старому Свету? Кто снабдил его документами и оружием? Почему старик так усиленно доказывал свою невиновность и требовал нового расследования? Ведь если вначале он боролся за то, чтобы выйти на волю, то под конец жизни мог надеяться разве что на то, чтобы снять со своего имени пятно убийцы Кинга. Почему он неоднократно обращался к врачам с просьбой направить его на сеанс гипноза? Почему психиатр утверждал, будто этой процедуре преступник ранее, по всей видимости, подвергался неоднократно, испытывая своего рода «ломку»? Почему сам Рей очень интересовался проблемой гипнотического воздействия и его последствиями для мозга (при аресте у него обнаружили ряд книг, посвященных данной проблеме)? Некоторые специалисты выдвигали предположение, что рецидивиста и впрямь использовали только в качестве «подсадной утки», при этом его предварительно обработали при

помощи гипноза и наркотиков-галлюциногенов.

Итак, наиболее распространенными версиями убийства Мартина Лютера Кинга сегодня считаются заговоры врагов пастора из ЦРУ и ФБР, куклуксклановцев и неизвестной группировки, руководимой таинственным Раулем. Следует сказать, что против Рея свидетельствовали всего несколько фактов: его криминальное прошлое, отпечаток одного пальца и его собственное признание, от которого беглый каторжник отказался, едва пропала перспектива отправиться на электрический стул. К тому же несколько следственных экспериментов и баллистических экспертиз, проведенных в разные годы с винтовкой Рея (в том числе и пару лет назад), дали интересный результат: специалисты не берутся утверждать, что роковой выстрел в голову проповедника был произведен именно из этого оружия.

Следует сказать, что Кинг действительно имел весьма могущественных недругов в том же Федеральном бюро расследований. В частности, шеф этой организации, Гувер, всеми силами старался испортить чересчур политически активному пастору жизнь. В ход шли запугивания, липовый компромат (в том числе и обвинение в гомосексуальных связях), слежка, прослушивание телефонных разговоров. Преследования Гувера и его помощника довели Кинга до глубокой депрессии. Чернокожего лидера начали мучить бессонница, чувство подавленности, банальный страх. Однако он так и не отказался от получения Нобелевской премии, как на то рассчитывали его высокопоставленные недруги. Пастор сумел воспрянуть духом и по-прежнему активно боролся за права афроамериканцев. А после гибели доктора с одобрения шефа ФБР в одной из газет появилась «утка» о том, что ближайший друг убитого и его супруга пытаются поддержать внимание общественности к смерти Кинга при помощи выдумки о причастности к данному делу группы неустановленных лиц.

В пользу этой версии говорит многое. В том числе и слова Рея, прозвучавшие в 1988 году в телевизионном интервью. Тогда заключенный заявил: первоначальное признание было сделано им под давлением, поскольку люди Гувера угрожали ему арестом близких людей — отца и одного из братьев. Рецидивист говорил, что его подставили для прикрытия заговора ФБР против неугомонного пастора. Комитет по убийствам в эту версию не верит, однако объяснить, почему бюро разослало ориентировку на Рея только через две недели после обнаружения знаменитого отпечатка пальца, не смогло. Как и то, каким образом в номер мотеля попал радиоприемник с. тюремным номером преступника!

Соратник погибшего, Эндрю Янг, уверен: если ФБР непосредственно и не приложило руку к данному заговору, на нем все равно лежит часть вины. Ведь этой организации приходится иметь дело с полулегальными группами. «Вполне возможно, что одна из них решила взять на себя подготовку убийства Кинга и его осуществление, зная, что ФБР будет этому радо и станет искать их лишь для вида. Они создали климат, в котором убийство Мартина было приемлемым», — считает Янг.

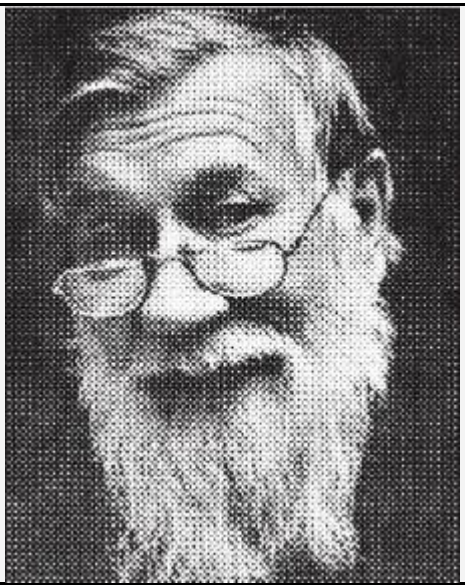
В 1975 году по распоряжению президента США Форда сотрудники ФБР, проводившие операцию по дискредитации Кинга, должны были быть привлечены к судебной ответственности. Новый шеф бюро с таким постановлением согласился. Однако на тот момент ни самого Гувера, ни его помощника Толсона уже не было в живых. Да и остальные чиновники, замешанные в этом грязном деле, перед судом так и не предстали.

Согласно другой версии, официально признанный убийцы Рей являлся. одним из высокопоставленных чинов куклуксклана. Сам заключенный отвергал это и говорил о своей непричастности к «белым колпакам» даже в 1998 году, за пару часов перед агонией. А перед лицом смерти обычно не лгут. Смысла нет.

В 2002 году начался новый виток споров на тему убийства Мартина Лютера Кинга. Католический священник из Джексонвилла (штат Флорида) заявил: его отец, Генри Клэй Уилсон, вместе с двумя единомышленниками (все они являлись членами куклуксклана) спланировали и осуществили данное преступление. Уилсон-старший рассказал об этом сыну, поскольку считал свои действия правильными только сначала, а под конец жизни сильно сомневался в этом. Священник утверждал, что роль умершего в тюремной камере Рея сводилась только к покупке оружия. Генри Клэй Уилсон решился рассказать о преступлении лишь потому, что и его отец, и оба других соучастника убийства уже мертвы. Ему же самому, как лицу духовному, больше не под силу нести «такую ношу». Может, это и есть след загадочного Рауля?

Процесс над Синявским и Даниэлем: расплата за инакомыслие

Андрей Синявский



В 1965 году произошло событие, которое считают отправной точкой советского диссидентства: были арестованы писатели Андрей Синявский и Юлий Даниэль. Московские литераторы не планировали свергнуть существующее правительство, они не устраивали митингов и террористических актов. В вину им поставили совершенно другое: их собственное творчество. Процесс вызвал огромный резонанс не только в СССР, но и в Европе. Но, несмотря на протесты общественного мнения, Синявский получил семь лет тюрьмы, а Даниэль — пять.

Современному читателю трудно представить, какой была жизнь советских писателей. Представители этого весьма закрытого общества пользовались дополнительными благами: культурные мероприятия, творческие командировки, многочисленные встречи с читателями. Но в то же время каждый из них находился под неусыпным наблюдением цензоров, в задачи которых входило, помимо всего прочего, направлять поэтов и писателей в русло социалистического реализма, не допускать политических и идеологических отклонений. Так что неудивительно, что многие — лучшие! — произведения писались «в стол». Они не имели шанса быть изданными, поскольку резко выделялись на фоне сотен и тысяч производственных романов и повестей о быте советского села.

Синявский и Даниэль, главные действующие лица процесса, начавшегося 10 февраля 1966 года, были виновны в том, что попытались пробить стену молчания. Они осмелились напечатать свои произведения на том самом «загнивающем Западе», который поливали грязью во всех радио- и телепрограммах Советского Союза. Более того — эти произведения, по слухам (а самих текстов российские читатели в глаза не видели!), были насквозь антисоветскими и порочили светлый образ социализма в целом и родной страны — в частности. Изменники! Предатели! Такие возгласы, изредка — искренние, а чаще — наигранные, буквально преследовали Синявского и Даниэля во время процесса. Но были люди, которые знали истинное положение вещей. Они были знакомы с авторами, читали те самые тексты, из-за которых писатели попали за решетку, и не верили своим глазам: ну какие же из них преступники?

Действительно, ни Андрей Донатович Синявский, потомок дворянского рода, ни Юлий Маркович Даниэль, родившийся в литературной семье, на ярых антисоветчиков не походили. Оба они появились на свет в 1925 году, прошли через ужасы Великой Отечественной. Даниэль, воевавший на 2-м Украинском и 3-м

Белорусском фронтах, после ранения стал инвалидом. Синявский ранений избежал, он служил радиомехаником на военном аэродроме. После войны оба стали филологами. Даниэль закончил Московский областной педагогический институт, Синявский — филологический факультет МГУ.

После окончания института Даниэль переводил на русский язык литературу народов СССР и одновременно готовил к печати историческую повесть, а Синявский работал в Институте мировой литературы им. А. М. Горького, преподавал в школе-студии МХАТ и печатался в «Новом мире». К сентябрю 1965 года оба литератора были не просто профессионалами, они были довольно широко известны. Тем большим шоком — и для них самих, и для их друзей и близких — стал неожиданный арест без объяснения причин. Впрочем, довольно скоро поползли слухи, намного опережавшие официальные заявления. Стало известно, что Андрей Синявский известен на Западе под псевдонимом Абрам Терц, а Юлий Даниэль — это «подпольный» писатель Николай Аржак.

Следует оговориться: история знает немало примеров, когда писатели публиковали свои произведения под псевдонимом, да и публикации за рубежом, в том числе и для официально признанных писателей, не были чем-то из ряда вон выходящим. Кроме того, СССР еще в 1948 году подписал «Всеобщую декларацию прав человека» ООН, в которой говорилось, что каждый человек имеет право не только на свободу убеждений, но и на свободное выражение их, причем «это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами, независимо от государственных границ». Таким образом, оснований для преследования Синявского и Даниэля со стороны закона не существовало: они воспользовались своим правом, закрепленным, кстати, и в Конституции СССР. Но в непогрешимость закона давно уже никто не верил: слишком еще свеж в памяти был процесс над Иосифом Бродским, на пять лет высланным из Ленинграда за тунеядство. Правда, попытки отстоять Синявского и Даниэля были: в декабре 1965 года на Пушкинскую площадь с лозунгом «Уважайте Конституцию!» вышло около 200 человек. Но демонстрацию разогнали и постарались «забыть о ней».

Тем временем следствие активно «отрабатывало» всех родственников и знакомых опальных писателей. Результатом стала докладная записка под номером 2843-с от 23.12.65. В этом документе, позже представленном в Политбюро ЦК КПСС, говорилось о принятии решения провести открытый процесс по

делу Синявского А. Д. и Даниэля Ю. М.

Предварительное следствие было закончено к началу 1966 года. Оно заняло немало времени: в КГБ долго не могли установить, кто же из советских писателей скрывается под псевдонимами Николай Аржак и Абрам Терц. Была даже создана специальная комиссия из филологов и литературоведов, призванная проанализировать язык этих «пасквилей» и сравнить его с языком русских писателей, живущих и печатающихся в СССР или за рубежом. Но окончательно прояснить ситуацию им удалось только с помощью агента. Этот человек, некто С. Х., бывший одноклассник Синявского, оказался предателем. «Смазливый, акмеистического типа мальчик, немного чопорный, конечно, из достаточной еврейской семьи, он был бы, возможно, моим кумиром, если б я осмелился когда-либо полностью ему доверять. Подонок-вундеркинд, он бредил совершенством. Погодок, он был старше меня на три тысячелетия. Талантлив был, гениален, вражина, — писал Синявский. — Блаженный Павлик Морозов ходил среди нас живцом, подобно бесплотному отроку с юродской картины Нестерова.» Кстати, именно С. Х. подал Юлию Даниэлю идею повести «Говорит Москва». Этот подарок стал роковым. Слушая радио «Свобода», С. Х. услышал повесть Николая Аржака и громко закричал: «Теперь я знаю, кто Аржак! Это Юлька Даниэль!!! Я сам подарил ему этот сюжет!» Вскоре Синявский и Даниэль были арестованы.

Расследование полностью подтвердило, что в период с 1956-го по 1963 год Даниэль и Синявский (Николай Аржак и Абрам Терц) написали и передали за границу целый ряд произведений, которые обвинители признали антисоветскими и порочащими советский государственный и общественный строй. Это давало основания для обвинения по статье 70 Уголовного кодекса — за антисоветскую агитацию и пропаганду, распространение антисоветской литературы. Теперь необходимо было подготовить общественное мнение.

Первые публикации о «перевертышах^) и «отщепенцах» Синявском и Даниэле появились в газетах в январе 1966 года. Особенно показательными стали две статьи. Одну из них, «Перевертыши», написал секретарь Московского отделения Союза писателей Д. И. Еремин. Другую — бывшая сотрудница Синявского, литературовед З. С. Кедрина. Оба автора воспользовались тем, что читатели не имели никакой возможности прочесть произведения Абрама Терца и Николая Аржака. Они «надергали» цитат, которые в отрыве от общего контекста произведения действительно могли показаться кощунственными и неуместными. Более того: отдельные фразы

позволили тому же Еремину увидеть в книгах Синявского и Даниэля призыв к террору! Статья Кедриной и вовсе нарушала элементарные правовые и этические нормы. Так, например, в самом начале статьи, еще не приводя никаких аргументов, Кедрина заявила: «Я прочитала эти книги внимательно, и для меня совершенно ясно, что это самая настоящая антисоветчина, вдохновленная ненавистью к социалистическому строю». Дальше — больше. Несмотря на «ясность» в отношении идеологии Синявского и Даниэля, Кедрина честно признала: ей было чрезвычайно трудно читать обоих авторов из-за «символов, аллегорий и перекрестных взаимоперевоплощений персонажей». Иными словами, критикуя книгу, автор статьи в то же время созналась в профессиональной непригодности. Зато какой пафос звучал в строках статьи, когда, кратко пересказав сюжет повести Николая Аржака «Говорит Москва» (он построен на том, что радио объявляет о проведении Дня открытых убийств), Зоя Кедрина обращается к читателю: «Обыкновенный фашизм, скажете вы? Да, обыкновенный фашизм». А теперь представьте, что должен почувствовать человек, не читавший повести, но ознакомившийся с надерганными как попало цитатами, подкрепленными обвинениями писателей в фашизме, предательстве интересов своей страны, двурушничестве? Всплеск негодования — как минимум. Многие после прочтения таких статей отправляли в редакции газет письма, чтобы лично поучаствовать в развенчивании «оборотней». Письма — разумеется, совершенно другие — писали и друзья Синявского и Даниэля, и их соратники по перу. Брежневу было направлено знаменитое «письмо 63-х», под которым подписались Павел Антокольский, Белла Ахмадулина, Зоя Богуславская, Юрий Борев, Владимир Войнович, Анатолий Жигулин, Вениамин Каверин, Юрий Левитанский, Юнна Мориц, Юрий Нагибин, Булат Окуджава, Константин Паустовский, Станислав Рассадин, Давид Самойлов, Арсений Тарковский, Михаил Шатров, Виктор Шкловский, Корней и Лидия Чуковские, Илья Эренбург. В «Таймс» от 31 января 1966 года было опубликовано открытое письмо писателей Франции, Германии, Италии, США и Великобритании советскому правительству, в котором писатели Европы и США выражали уверенность в том, что советское правительство прислушается к голосу мировой общественности и выпустит Синявского и Даниэля на свободу. Но советское правосудие уже запустило свою машину, и остановить ее — означало признать правоту Синявского и Даниэля, а главное — создать прецедент, дать интеллигенции повод думать, что путем гражданской активности можно повлиять на решения, исходящие «сверху».

Сам процесс по делу Синявского и Даниэля нельзя назвать долгим: он начался 10-го, а закончился 14 февраля 1966 года. Поначалу планировалось, что заседание суда будет открытым. Но волна протестов против ареста писателей сделала свое дело: попасть в здание суда на Баррикадной можно было лишь по пригласительным билетам, которые распространялись в учреждениях среди комсомольских и партийных активистов. Заняли свои места государственный обвинитель — О. П. Теремушкин и общественные обвинители — Аркадий Васильев и Зоя Кедрина. Напротив них расположились адвокат Синявского Э. М. Коган и защитник Даниэля М. М. Кисенишский. Вошли члены суда — председатель Л. Н. Смирнов и народные заседатели Н. А. Чечина и П. В. Соколов. Именно этим людям предстояло решить судьбу писателей, хотя всем было ясно, что участь их заранее решена и ни о каком справедливом решении не может быть и речи.

То, что происходило на этом процессе, больше напоминало литературную дискуссию. Ни один из обвиняемых не признал себя виновным в тех преступлениях, которые ему приписывались. Более того: писатели защищались! На вопрос прокурора к Даниэлю: «Какие идеи он хотел выразить в повести “Говорит Москва”?» — тот спокойно ответил, что его интересовал анализ психологии людей, попадающих в необыкновенные обстоятельства. Синявский держался не менее достойно. Он открыто говорил о свободе творчества и самовыражения, поправлял прокурора, когда тот приводил неточные или неполные цитаты. Выступления обвинителей порой доходили до откровенного абсурда. Например, государственный обвинитель заявил: «Даже зарубежная пресса говорит, что это антисоветские произведения». Получается — та самая пресса, которую считают клеветнической, является дополнительным свидетельством для советского прокурора? Еще более абсурдным было обращение к писателям: оцените свои произведения и признайте, что они порочные, что в них содержится клевета. Но ведь и Даниэль и Синявский, раз уж встали на такую позицию, не могли ее считать неверной! Недаром в своем последнем слове Даниэль с грустью говорит: «Я спрашивал себя все время, пока идет суд: зачем нам задают вопросы? Ответ очевидный и простой: чтобы услышать ответы, задать следующий вопрос; чтобы вести дело и в конце концов довести его до конца, добраться до истины. Этого не произошло».

В целом же процесс Синявского и Даниэля подчеркнул не только порочность судебной системы, сколько порочность идеологии, которая позволила судить литературу с точки зрения

Уголовного кодекса. Она показала, что любой инакомыслящий обречен на столкновение с системой. Кстати, Синявский сумел выразить это буквально несколькими фразами: «.я не отношу себя к врагам, я советский человек, и мои произведения — не вражеские произведения. В здешней наэлектризованной, фантастической атмосфере врагом может считаться любой «другой» человек. Но это не объективный способ нахождения истины».

Приговор Верховного суда был суров: семь лет — Синявскому и пять — Даниэлю. Эти годы дорого обошлись писателям. Оба они отсидели свой срок. Даниэль вернулся из лагеря первым. Вначале — в ссылку, в Калугу. Затем — в Москву. До конца дней его обязали пользоваться псевдонимом Ю. Петров — как бы в насмешку. Судьба Синявского сложилась иначе: вскоре после выхода из лагеря он уехал в Париж, стал профессором Сорбонны и смог без опаски издавать свои произведения. Юлий Маркович Даниэль скончался в 1988 году, Андрей Донатович Синявский пережил его на девять лет. Он успел написать еще несколько произведений — книгу мемуаров «Голос из хора», автобиографический роман «Спокойной ночи», эссе «Прогулки с Пушкиным» и «В тени Гоголя».

Суд над Иосифом Бродским

Процесс над поэтом Бродским, «не вписывавшимся» в официальные рамки представления о советском мастере слова, имел большой резонанс как в СССР, так и за рубежом. Это дело, свидетельствовавшее об окончании «хрущевской оттепели», достаточно быстро обросло невероятным количеством домыслов, из-за которых многие моменты остаются неясными до сих пор. Интересно, что судили поэта в административном порядке незаконно, так как то, что он не работал, не являлось уголовно-наказуемым преступлением и подсудности по Указу Верховного Совета Бродский не подлежал, поскольку писал стихотворения и распространял их в «самиздате». Вот только его творчество никак не соответствовало взглядам партии и правительства… Итак, кого судили в 60-х годах XXвека: поэта, неугодного системе, илилицо, не желавшее заниматься общественно-полезной деятельностью? Отбросив в сторону крайности, остается признать, что их обоих в одном лице. А чему удивляться? Ведь поэт — существо в известной мере стихийное, не от мира сего, так что подходить к оценке его действий нужно с особыми мерками. Но их-mo как раз в «великом, могучем» Союзе и не было…

Иосиф Бродский

Сегодня поэта, прозаика, переводчика Иосифа Александровича Бродского (1940–1996) знают во всем мире. Его часто называют «Шекспиром наших дней», классиком и «феноменом культуры». А ведь еще совсем недавно имя этого мастера слова, который родился и провел свою молодость в Ленинграде, частью его соотечественников предавалось анафеме! За что? Сложно сказать. Видимо, за то, что он не хотел быть таким, как все.

23 октября 1963 года над головой Иосифа Александровича стала собираться гроза. В этот день из Смольного от заведующего отделом охраны общественного порядка ЛТК комсомола Г. Иванова командиру оперотряда Добровольной народной дружины № 12 института «Гипрошахт» Дзержинского района Лерпера поступило письмо с просьбой рассмотреть вопрос о Бродском. Мол, этот человек долгое время нигде не работает, тунеядствует. А значит, вполне достоин серьезного пропесочивания, а то и общественного суда. Адресат был выбран не случайно: Лерпер, как и Бродский, был евреем по национальности. А значит, можно не бояться обвинения в антисемитизме! Яков Михайлович (или Моисеевич) к поэту относился сочувственно, но, как говорится, своя рубашка как-то ближе к телу. В общем, Бродского вызвали в ДНД. «Тунеядец» от столь «любезного» собеседования уклонился, а дабы к нему не возникло претензий, предоставил врачебную справку о том, что страдает «психопатией и функциональным расстройством нервной системы различных степеней».

Журналисты моментально узнали: назревает интересное «дело Бродского»; 29 ноября 1963 года в газете «Вечерний Ленинград» появился фельетон «Окололитературный трутень», в котором использовались материалы из милиции. 8 января 1964 года там же опубликовали подборку писем читателей «Тунеядцам не место в нашем городе». К травле быстренько подключился и Ленинградский Союз писателей во главе с А. Прокофьевым. Заступаться за молодого коллегу, успевшего обратить на себя нездоровое внимание «соответствующих органов», корифеям пера было явно невыгодно. Тем более что молодой автор отличался заносчивостью и высокомерием. А чтобы вообще умыть руки и не оказаться замешанными в разгоравшийся скандал, члены Союза писателей составили два официальных документа. Их негативное содержание существенно повлияло на ход «дела Бродского». В первом из документов, выписке из протокола заседания Секретариата и членов Партбюро Ленинградского Отделения СПРСФСР от 17 декабря 1963 года, коллеги поэта решили:

«1. В категорической форме согласиться с мнением прокурора о предании общественному суду И. Бродского. Имея в виду

антисоветские высказывания Бродского и некоторых его сообщников, просить прокурора возбудить против Бродского и его сообщников уголовное дело.

1. Просить горком ВЛКСМ вместе с ЛО ССП ознакомиться с деятельностью кафе поэтов.

2. Считать совершенно своевременным и правильным выступление «Вечернего Ленинграда» со статьей «Окололитературный трутень».

3. Поручить выступить на общественном суде тт. Н. Л. Брауну, В. В. Торопыгину, А. П. Эльяшевичу и О. Н. Шестинскому. Просить суд включить в состав президиума суда О. Н. Шестинскому».

А в справке от 18 февраля 1964 года указывалось, что местное отделение Союза писателей, в частности его Комиссия по работе с молодыми авторами, стихи Бродского оценивает в общемто объективно. Но о самом Иосифе Александровиче говорилось нелицеприятно: «И. Бродский неизвестен в Союзе писателей, т. к. не является профессионально пишущим и не имеет опубликованных работ. Также не является он и профессиональным литератором, для которого литературная, творческая работа не только потребность, но и средство существования. Таким образом, речь идет не о поэте в обычном и общепринятом смысле этого слова, а о человеке, предпринявшем попытку писать стихи». Бродский действительно Союзу писателей знаком особо не был, поскольку на протяжении многих лет старательно избегал встреч с другими авторами. К тому же Бродский знал: его творчество Союз писателей не одобрит. Вот и выискивал любую возможность прямо поиздеваться над его членами; в многочисленных пасквилях острый на язык молодой человек подчас опускался даже до откровенной площадной брани.

В своих стихах Иосиф Александрович писал об одиночестве, оторванности от жизни, о «родине чужой», к которой его тянет; звучал в его работах и мотив богоискательства, мистики. Стихи Бродского кого-то привлекали, кого-то злили, но равнодушным не оставался никто. Существовали группы почитателей поэта, а те, кто питал к нему неприязнь, шептались: мол, занимается антинародным делом, антисоветчиной, проповедует пессимизм и бездействие, сознательно отвлекает молодежь от «активного участия в строительстве коммунизма». И вообще, что можно сказать о человеке, негативно высказывавшемся о партии и Ленине! В таком же ракурсе характеризовала Иосифа Александровича вышеупомянутая записка Союза писателей.

17 декабря 1963 года с Бродским беседовали в отделе милиции Дзержинского райисполкома; опросный лист передали

инспектору паспортного стола. Тот 28 января 1964 года представил своему начальству «Заключение», где указывалось, что Иосиф Александрович «систематически не занимается общественно полезным трудом, ведет паразитический образ жизни; часто меняет места работы (их насчитывалось в его трудовой книжке уже 13!), нигде долго не задерживаясь, за что неоднократно предупреждался сотрудниками милиции по месту жительства». Инспектор Стаськов рекомендовал направить дело Бродского в народный суд для решения о высылке из Ленинграда. 13 февраля поэта арестовали. Ему самому, похоже, было все равно. 23-летний мастер слова мучился двойным предательством — ближайшего друга и любимой девушки, — которое заслонило для него все происходящее. И тут вмешался Лернер, добившийся, чтобы дело поэта попало не в народный, а в товарищеский суд, первое заседание которого состоялось 17 февраля 1964 года. Но слушание дела отложили до 13 марта, поскольку всплыла справка о том, что поэт страдает шизофренией. Наконец, выяснилось: здоровьем Бродского судьба не обидела и психических расстройств у него нет. На втором заседании было оглашено обвинение, сформулированное начальником Дзержинского отделения милиции и прокурором этого района: «тунеядство». Ряд поэтов и писателей, тем не менее, выступили в защиту Бродского, называя его самым талантливым мастером слова того времени, гением, стоящим «на уровне Пушкина». А то, что он не хочет гделибо работать, свидетели защиты считали личным делом подсудимого: мол, был бы материально обеспечен без криминала, а там пускай себе пишет на благо читателей. Сторонники Иосифа Александровича также подчеркивали: Бродского начали преследовать по банальной причине. Он еврей, и местным антисемитам его талант просто стоял поперек горла. Тунеядцем же поэт, по сути, не является, поскольку все время занят литературной работой; финансово его поддерживают родители и хорошие приятели, которые рады помочь гению. Однако защита старалась зря.

В стране как раз широко развернулась кампания по борьбе с тунеядством, а Бродского, по сути, никто не знал. Обвинение подчеркивало, что призывает осудить не поэта, а бездельника и лодыря, говорящего «с клеветой и презрением о советском народе», «подонка, обманывающего молодежь». В «Вечернем Ленинграде» 14 марта появилась заметка «Суд над тунеядцем Бродским». Вскоре за рубежом подняли вопрос о преследовании поэта системой, а французский писатель Жан-Поль Сартр вообще в 1965 году заявил правительству СССР официальный протест по данному поводу. Дело в том, что «процесс Бродского» оброс

таким невероятным количеством легенд и слухов, что разобраться в позиции сторон человеку, не присутствовавшему на заседании лично, не представлялось возможным. Так, например, только одних «подлинных стенограмм судебного разбирательства» насчитывалось едва ли не десяток, и все они противоречили друг другу. Масла в огонь подливали публикации «настоящих документов» и «свидетельств очевидцев» в журнале «Огонек». И порой складывалось впечатление, что очередная «стенограмма суда» — это не более чем попытка состряпать нечто вроде детектива.

В 1989–1990 годах ленинградский поэт и журналист Николай Якимчук собрал все документы по «делу Бродского»: сфальсифицированные редакцией журнала «Огонек» отчет и стенограмма Ф. Вигдоровой, письма и свидетельства З. Тороповой, Н. Грудининой, Г. Глушанок, И. Инова, сфабрикованные кем-то телеграммы якобы «от Шостаковича» и «от Чуковского» и т. п. По ним был создан сценарий «фильмаразоблачения», снятого на «Леннаучфильме» режиссером Сергеем Балакиревым. Кроме того, Якимчук выпустил брошюру «Как судили поэта» (1990). Что ж, философствовать на тему прошлого было легко, поскольку, во-первых, времена изменились, а во-вторых, настоящие документы следствия и процесса в государственных архивах к тому моменту оказались уничтоженными за сроком давности. Однако впоследствии выяснилось, что три объемистые папки с подлинными бумагами по «делу Бродского» хранились у Лернера. Он утверждал, что не писатели добивались досрочного освобождения собрата по перу, а его дружина ДНД. Мол, повозился с неприкаянным поэтом немало, и в гонители Бродского его записали зря. Хотя. На те деньги, которые Иосиф Александрович периодически зарабатывал, прожить и впрямь было невозможно. В принципе, Бродский мог устроиться в газету, на радио, на телевидение, в издательство, но не захотел. Что ж, каждый человек вправе сам выбирать свою судьбу. Равно как и обязан нести ответственность за свой выбор.

После суда Иосифа Александровича выслали в забытую Богом деревню Норинскую (Архангельский край) «с обязательным привлечением к труду». Туда же совершенно неожиданно для него приехала Марина Басманова — виновница душевных мучений Бродского. Спустя полтора года (вместо назначенных судом пяти) он был досрочно освобожден. Любители творчества Иосифа Александровича пафосно заявляли, что «настойчивые защитники помешали бюрократии доконать поэта». Однако в этом случае решающую роль как раз сыграло ходатайство

Лернера. 12 июня 1965 года он направил прокурору Дзержинского района письмо, в котором называл мастера пера «морально запутавшимся гражданином» и говорил, что в целях воспитательной работы «необходимо поставить вопрос о его досрочном возвращении из мест отбытия наказания», после чего определить Бродского на работу в какой-нибудь журнал. Лернер настаивал также на проверке материала, связанного с распространением лживой стенограммы суда, целью которой являлась «подмена истинной подоплеки наказания»: судили, мол, не тунеядца, а неугодного поэта. При этом глава ДНД подчеркивает, что сам Иосиф Александрович в этом никакого участия не принимал.

Спустя три месяца Бродский был освобожден, а вскоре у него родился сын. Но Марина Басманова снова ушла от него — уже навсегда. К тому же поэт продолжал сочинять «совершенно несоветские» стихи, и ему стали настойчиво намекать об отъезде из страны. Фактически Иосифа Александровича из СССР выдворили насильно. В июне 1972 года он перебрался на постоянное жительство за границу, в США. Перед отъездом поэт отправил письмо генсеку Брежневу, в котором были такие строки: «Я принадлежу русскому языку, а что касается государства, то, с моей точки зрения, мерой патриотизма писателя является то, как он пишет на языке народа, среди которого живет, а не клятвы с трибуны».

В январе 1990 года, на лекции в Сорбонне Бродский увидел среди студентов итальянку русского происхождения Марию Соззани. 1 сентября поэт и Мария сочетались браком, а спустя два года у них родилась дочь Анна Александра Мария. Друзья говорили, что последние пять лет жизни для Бродского были счастливее предыдущего полувека. Эпизод с судом, едва не искалечивший ему жизнь, поэт считал происками антисемитов и говорил: его судили потому, что он хотел жить «так, как мне это нравится, а не так, как это угодно коммунистам». Остаток жизни Иосиф Александрович провел в Нью-Йорке, являясь гражданином Америки; в 1987 году поэт стал лауреатом Нобелевской премии, которую ему вручил шведский король Карл XVI Густав. Поэт, признанный советским судом тунеядцем, достиг вершины, которая оказалась недостижимой для многих лояльных к советской власти литераторов.

Умер Бродский в ночь с 27 на 28 января 1996 года от инфаркта. Согласно последней воле поэта, его тело похоронили в Венеции, на острове СанМикеле, хотя когда-то в молодости он писал:

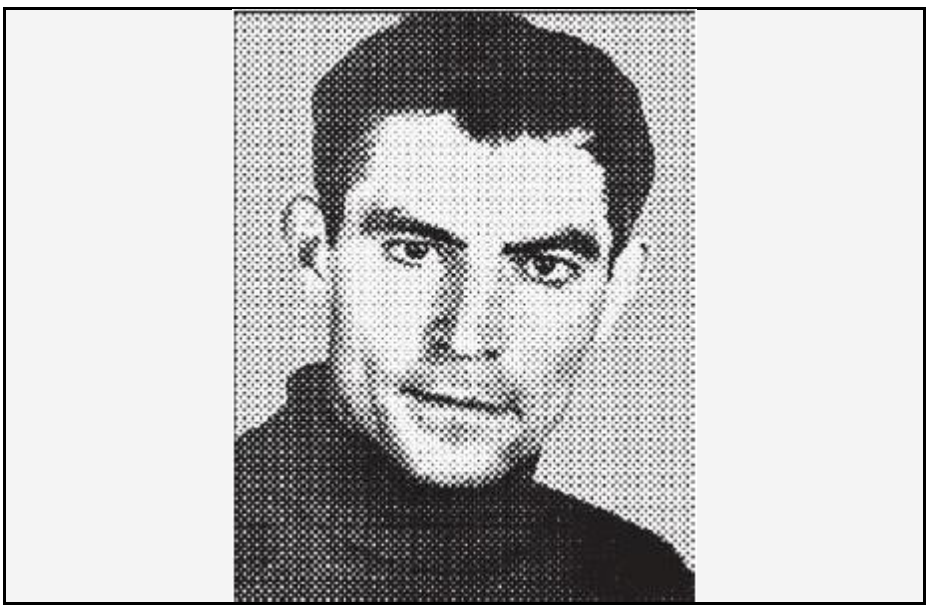
Ни страны, ни погоста

Не хочу выбирать —
На Васильевский остров
Я приду умирать.
(«Стансы»)

Но, уехав в США, поэт забыл об этих словах. Что ж, он имел право на это, поскольку считал себя обиженным «антисемитами и фашистами», не понимавшими, как можно писать об индивидуализме, презрев высокие патриотические чувства и пафос коллективизма. А о «деле Бродского» споры не утихают и по сей день. Но теперь это Иосифа Александровича уже не волнует.

Василь Стус. Плата за слово

«Поэтом себя не считаю. Рассматриваю себя как человека, который пишет стихи», — писал о себе В. Стус. Но был он именно Поэтом, мастером слова, чьи поэтические строки созвучны шевченковским. «Поэт, который был последователем и учеником Рильке, поэтмистик, который, возможно, был наиболее духовным поэтом среди всех поэтов Украины XX столетия», — сказал о нем известный писатель, правозащитник, общественный деятель и друг поэта Е. Сверстюк. Стус был только поэтом и никогда — политиком. Однако 15 лет из отпущенных ему 47 Василь Стус провел в лагерных застенках Мордовии и Урала как политзаключенный.



Василь Стус

Арест, следствие, суд, чтение приговора и, как итог, долгие мучительные годы заключения. Этот страшный путь Василю Стусу довелось пройти дважды, и это, возможно, самые драматические страницы его жизни. «Это последний акт драмы великого поэта и героя. И каждая роль, каждое слово важно в этой драме. Ведь потом уже почти ничего и не было: его добивали без свидетелей — за проявления обычной человеческой порядочности, за

последовательную, бескомпромиссную честность», — писал Е. Сверстюк.

Впервые публично о своей гражданской позиции Василь Стус заявил 4 сентября 1965 года — в кинотеатре «Украина» в Киеве во время премьерного просмотра фильма С. Параджанова «Тени забытых предков». Тогда он, молодой аспирант Института литературы, поддержал организованный И. Дзюбой и В. Черноволом протест против арестов украинских «шестидесятников». Ровно через двадцать лет — 4 сентября 1985 года его не стало. И в эти два десятилетия мучений и борьбы вместилось все, что выпало на долю поэта — исключение из аспирантуры, работа сторожем и кочегаром, женитьба 10 декабря 1965 года, снова работа, увольнение, арест, суд, отбывание наказания в мордовских лагерях, тяжелая операция, снова арест и лагеря. Одновременно это были годы интенсивной творческой работы — как поэта и как переводчика. Еще в 1965 году Стус пробовал издать свою книжку «Круговерть». Впрочем, как и следующий его сборник «Зимние деревья», она не увидела свет. Впервые книга стихотворений поэта вышла в Бельгии в 1970 году, после чего В. Стус стал изгоем «системы». Уже тогда против неугодного поэта в КГБ собирали компромат и для ареста нужен был только предлог. После обыска в его квартире, где среди бумаг были найдены тексты «антисоветского содержания», Стус был арестован по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде». Это случилось 12 января 1972 года. В обвинительном акте Коллегии по криминальным делам Киевского областного суда сказано, что «подсудимый Стус, начиная с 1963 года. и до дня ареста, систематически изготовлял, хранил и распространял антисоветские клеветнические документы, которые порочили государственный советский и общественный строй, а также занимался антисоветской агитацией в устной форме». «Судебные процессы 1972–1973 годов на Украине — это суды над человеческой мыслью, над самим процессом мышления, суды над гуманизмом, над проявлениями сыновней любви к своему народу», — писал позднее В Стус в своем публицистическом письме «Я обвиняю».

В сентябре 1972 года суд приговорил Василя Стуса к пяти годам заключения и трем годам ссылки. Наказание заключенный Стус отбывал в мордовских и магаданских спецлагерях. Бесправие и постоянный надзор угнетали поэта, но именно в неволе он испытал новый творческий взлет. В лагерях и в ссылке Стус создал около 1000 стихотворений и 400 переводов. Но в тюремных условиях было легче написать, чем сохранить написанное. Во время лагерных «шмонов» все записи забирали,

угрожая уничтожить. Это было для Стуса самым большим испытанием, поэтому он старался как можно больше стихотворений отослать в письмах домой. Поначалу это удавалось, позднее стало невозможным. Лишь голодовкой Стус добился 10-дневного отпуска, чтобы поехать в Донецк попрощаться с умирающим отцом.

Отбыв положенный срок, в августе 1979 года поэт вернулся в Киев. «В Киеве я узнал, что людей, близких к Хельсинкской группе, репрессируют самым наглым образом. Осудили Овсиенко, Горбаля, Литвина, потом расправились с Черноволом и Розумным. Такого Киева я не хотел. Понимая, что Группа фактически оставлена на произвол судьбы, я вступил в ее ряды, потому что просто не мог иначе. Психологически я понимал, что тюремные ворота уже открылись для меня, что вот-вот они закроются за мной снова — и закроются надолго. Но что я мог сделать? За границу украинцев не выпускают, да и не очень-то хочется заграницу, потому что кто же тут, на Великой Украине, станет голосом возмущения и протеста? Это уже судьба, а судьбу не выбирают.», — писал В. Стус. Поэт оказался прав, тюремные ворота действительно очень скоро вновь захлопнулись за ним.

14 мая 1980 года сотрудниками следственного отдела КГБ Киева Стус был арестован и обвинен в проведении антисоветской агитации и пропаганды. «Преступления» поэта заключались в написании стихотворений и писем известному правозащитнику, академику А. Сахарову, генералу П. Григоренко, а также заявления в прокуратуру по поводу репрессий против украинского писателя и правозащитника Н. Горбаля (который уже в 1994 году был избран народным депутатом Украины). Повлияло на арест и председательство В. Стуса в 1979–1980 годы в украинской группе содействия выполнению Хельсинкских соглашений по защите прав человека. Во время обыска в квартире поэта изъяли стихотворения, записные книжки, письма, материалы дела 1972 года; документы, свидетельствующие о положении политзаключенных и вызов на выезд в США. Протокол обыска Стус не подписал, заявив, что «с представителями кровавой организации никаких разговоров вести не желает».

Прощаясь с женой Валентиной, Стус сказал, что не будет принимать участия в предварительном следствии и суде, не будет обращаться в высшие кассационные инстанции, отказывается от адвоката и согласится свидетельствовать лишь при условии открытого судебного процесса и участия в нем представителей международных правозащитных организаций.

29 сентября 1980 года Киевский городской суд — за закрытыми дверями — начал рассмотрение дела В. Стуса.

Обвинителем назначили прокурора Аржанова. Был среди участников этого процесса и молодой адвокат Киевской коллегии адвокатов В. Медведчук, ставший впоследствии известным политиком. В советские времена следствие против творческой интеллигенции, обвинявшейся в подрывной антисоветской деятельности, вело исключительно КГБ. И вообще, под контролем этой структуры проходило и следствие, и судебные процессы, которые, как правило, были закрытыми. Самостоятельный выбор подсудимым защитника был, конечно, нормой, но допуск к политическим делам имели только адвокаты из числа «надежных и проверенных». Г. Сверстюк вспоминает: «Конечно, атмосфера, в которой мы тогда существовали, была неимоверно жестокая. Конечно, Василя Стуса нельзя было спасти, но на этом процессе все засветились, и каждый выбрал свою дорогу. Когда Стус встретился с назначенным ему адвокатом, то сразу почувствовал, что Медведчук — это человек комсомольского агрессивного типа, что он его не защищает, не хочет его понять и, собственно, не интересуется его делом. И Василь Стус отказался от этого адвоката». Но вопреки выраженному недоверию со стороны Стуса Медведчук выступил в качестве его защитника. Однако свою роль он видел отнюдь не в защите подсудимого. Речь на суде адвокат начал с того, что сказал: «Стус заслуживает наказания за содеянные преступления». И все же были тогда люди, которые нашли в себе смелость пойти «против течения». Три в общемто беззащитные женщины, у которых дома оставались дети, не побоялись выступить на суде в защиту поэта. Михайлина Коцюбинская, Светлана Кириченко и Валерия Андриевская проходили по делу как свидетели обвинения. Но ни единого слова против Стуса от них не услышали. Напротив, женщины говорили о Стусе как о человеке «глубоко гуманных, демократических взглядов», называя его «патриотом, далеким от проявления примитивного национализма». М. Коцюбинская сказала: «Такие люди встречаются редко, и я благодарна судьбе за встречу со Стусом». А С. Кириченко принадлежат такие слова: «Я буду давать показания на том суде, где Василь Стус будет обвинять, а не сидеть на скамье подсудимых».

И все же юридическая машина сработала по своим нечеловеческим законам и обрекла поэта на годы страданий. Суд назначил В. Стусу максимальное наказание — 10 лет лагерей особого режима и 5 лет ссылки.

Закончив читать приговор, судья без всякой паузы произнес: «Суд окончен». Таким образом Стус был лишен даже права на последнее слово. «Палачи! Вы мне и последнего слова не дали сказать!» — выкрикнул Стус и процитировал М. Лермонтова: «И

вы не смоете всей вашей черной кровью поэта праведную кровь!». Как вспоминали друзья, Стус выглядел тогда замученно, был очень бледен. На свидании после суда 42летний поэт сказал жене, что такого срока не выдержит. Признанный «особо опасным рецидивистом», Стус был отправлен в лагеря на Урал. Там в селе Кучино Чусовского района Пермской области политзаключенный Стус провел последние пять лет своей жизни.

После жестокого, по сути смертельного приговора на весь мир прозвучал одинокий, но сильный голос А. Сахарова: «Бесчеловечность приговора украинскому поэту Василю Стусу — позор советской репрессивной системы. Так жизнь человека ломается без остатка — это расплата за элементарную порядочность и нонкомформизм, за верность своим убеждениям, своему «Я». Я призываю коллег Василя Стуса — поэтов и писателей во всем мире, своих коллег-ученых, «Международную амнистию», всех, кому дороги человеческое достоинство и справедливость, выступить в защиту Стуса. Особо я обращаюсь к участникам Мадридского совещания. Приговор Стусу должен быть отменен, как и приговоры всем участникам ненасильственного правозащитного движения».

Условия содержания в лагере для политзаключенных были тяжелейшими: постоянные обыски, лишение свиданий с родными. На год Василь Стус был помещен в одиночку. Там он много писал, переводил. 250 стихотворений и 250 переводов должны были составить книгу, которую он назвал «Птица души». Однако все написанное конфисковали, и судьба этих текстов до сих пор неизвестна. Вопреки всему в 1983 году Стусу удалось передать на волю текст под названием «Из лагерной тетради». После его публикации на Западе, а особенно после того, как в 1985 году известный немецкий писатель Г. Бёлль выдвинул кандидатуру В. Стуса на получение Нобелевской премии, давление на поэта усилилось.

Сердце Василя Стуса перестало биться в ночь с 3 на 4 сентября 1985 года в тюремном карцере лагеря особого режима для политзаключенных ВС-389/36 села Кучино. Весть о смерти поэта в лагере разлетелась по всему свету — 5 сентября 1985 года об этом сообщили все радиостанции мира. В СССР официально об этом не сказали ни слова. Лишь несколько друзей Стуса собрались в его киевской квартире, чтобы почтить память поэта. Причина смерти Василя Стуса по сей день не известна. Согласно официальной версии, Стус умер от сердечного приступа. По мнению многих диссидентов, это было убийство.

Поэт ценил жизнь. Он любил семью — мать, отца, жену, сына — и мучился из-за того, что они не увидели от него «никаких

радостей, а только печаль, только грусть, только горе». Он умел радоваться каждому новому дню, каждому лучу солнца. Даже в лагерных условиях находил возможность читать и переводить, изучать языки, писать. Ни болезни, ни тюремный холод, ни тоска по родным и непосильный труд в шахте — ничто не смогло поставить его на колени.

Правдолюбец, смелый человек, талантливый поэт. Этих слов, вероятно, достаточно, чтобы охарактеризовать Василя Стуса. Однако следует добавить: человек достоинства и чести. Даже находясь в тяжелейших условиях, когда он начал слепнуть, потерял почти все зубы, перенес сложнейшую операцию, искалечил ноги, он не пошел на компромисс со своим убеждениями, с самим собой. В 1978 году В. Стус написал своему другу О. Орачу из тюрьмы: «Главное — уметь держать голову. Даже тогда, когда она не держится на плечах».

В 1989 году, спустя четыре года после смерти поэта, он был полностью реабилитирован. «За отсутствием состава преступления» с В. Стуса сняли все обвинения.

Игорь Александров. Расправа над журналистом

«Он давал в эфир очень серьезные вещи, в этом нет сомнений», — сказал о журналисте Игоре Александрове судья Донецкого апелляционного суда И. Корчинский. Действительно, авторская программа И. Александрова «Без ретуши» и так и не вышедшая в эфир передача «Донбасс криминальный», подготовкой которой он занимался, рассказывали о страшных, но в современной Украине уже никого не шокирующих вещах: о коррупции, о должностных преступлениях в правоохранительных органах, а также о слиянии последних с криминалитетом и крупным бизнесом. Общественный резонанс после прямых эфиров программы «Без ретуши» давал журналисту повод верить, что он взял верный след. Остановить Александрова, который в своем расследовании решил идти до конца, можно было только одним методом, радикальным… Те, кому было выгодно, чтобы журналист замолчал, действовали наверняка…

Игорь Александров

Уже семь лет прошло с тех пор, как оборвалась жизнь известного украинского журналиста Игоря Александрова. Но в

истории расследования его гибели до сих пор не поставлена точка. И хотя имена заказчиков и организаторов убийства названы, виновники по сей день не понесли наказания.

Наиболее громкими делами, сделавшими Игоря Александрова известным не только в Донбассе, но и во всей Украине, была его тяжба с народным депутатом Александром Лещинским, а также прямые эфиры с бывшими сотрудниками Краматорского ОБОПа Михаилом Сербиным и Олегом Солодуном. В программе «Без ретуши» офицеры публично, с экрана, обвинили свое начальство в связях с организованной преступной группировкой, а также в коррупции, превышении власти и служебных злоупотреблениях. Именно эти программы и послужили поводом для расправы с неугодным журналистом. Смерть такого авторитетного человека, как И. Александров, имевшего репутацию бескомпромиссного борца за справедливость и профессиональную честь, была на руку тем, кому эта борьба грозила большими неприятностями.

Трагедия случилась 3 июля 2001 года в здании региональной телерадиокомпании «ТОР» на улице Революции в городе Славянске Донецкой области. Утром, когда Александров, который являлся руководителем ИТРК «ТОР», вошел в здание, на него напали неизвестные. Жестоко избив 4 5-летнего журналиста тяжелыми бейсбольными битами, преступники скрылись. Вскоре Игоря Александрова доставили в больницу. Врачи семь часов оперировали пострадавшего, но спасти его жизнь не удалось. «Александрова не били, а убивали», — таков был вывод медиков. 7 июля Игорь Александров умер от тяжелой черепно-мозговой травмы, не приходя в сознание. Уже через день после зверского нападения на журналиста начальник областной милиции В. Малышев заявил, что основной версией преступления считает месть. Приехавший в Донецк две недели спустя Евгений Марчук высказался более конкретно: это была месть, связанная с профессиональной деятельностью погибшего. Впрочем, сказанное ни для кого не стало неожиданностью. Способ, место, время убийства с самого начала не допускали иных версий для тех, кто был знаком с тематикой авторских программ И.Александрова. Уже в день покушения весь Славянск только и говорил о том, за что убили журналиста, люди обсуждали и то, кому это было выгодно. «Убийство совпало с циклом передач, которые Александров вел с Сербиным и Солодуном, опальными ОБОПовцами. Игорь пообещал назвать фамилии тех людей, на которых готовится покушение и которые мешают власти. Когда начался этот цикл, тогда и произошло убийство», — сказал Валерий Прудской, директор телекомпании «САТ».

Следствие, не ограничиваясь одним направлением, разрабатывало около 30 версий. Однако такая «многоплановость» закончилась тем, что основной стала версия случайного убийства, якобы совершенного краматорским бродягой Юрием Вередюком.

Уже 27 августа 2001 года заместитель Генерального прокурора Украины С. Винокуров, курировавший «дело Александрова», заявил в СМИ, что человек, подозреваемый в убийстве журналиста, арестован и дает показания. А спустя две недели (14 сентября) следователи отчитались: убийство директора телекомпании «ТОР» раскрыто. По обнародованной тогда рабочей версии, преступление против журналиста не связано с его профессиональной деятельностью и было совершено по ошибке. Злоумышленники якобы не собирались убивать Александрова, а охотились за другим человеком.

В конце ноября 2001 года было заявлено, что расследование убийства И. Александрова завершено. Через месяц общественность узнала имя предполагаемого убийцы. По словам С. Винокурова, «следствием однозначно установлено, что убийство Александрова совершил Вередюк Юрий Григорьевич, ранее дважды судимый». Передавая дело в суд, С. Винокуров заявил, что «следствие проведено на высочайшем профессиональном уровне, максимально объективно». Но уже начало судебного процесса заставило усомниться в правдивости этого высказывания. В глазах общественности дело Вередюка лопнуло уже в процессе судебных слушаний. Государственный обвинитель убеждал суд, что Ю. Вередюк получил «заказ» избить адвоката Омельяненко, а журналист Александров стал жертвой по ошибке. Судья И. Корчистый, под председательством которого проходили судебные заседания, назвал эту версию надуманной и не получившей подтверждения в ходе судебного разбирательства. Прокуратура же отрицала не только то, что готовилось умышленное убийство именно журналиста, но и не считала профессиональную деятельность Александрова мотивом преступления. Однако версия обвинения рассыпалась в прах. По мнению суда, практически все эпизоды этого непростого дела не были доказаны. Адвокат Александровых, кстати, когда-то бывший заместителем генпрокурора, Б. Ференц заявил, что даже представить себе не мог такого непрофессионализма следствия. Органам досудебного следствия не удалось доказать, что «у Вередюка были мотивы и возможность совершить преступление». В третий раз представший перед судом Ю. Вередюк, обвиняемый в умышленном убийстве И. Александрова, был оправдан. 17 мая 2002 года Донецкий апелляционный суд постановил: за недоказанностью участия Ю. Вередюка в совершении

преступления против журналиста Александрова освободить обвиняемого из-под стражи в зале суда. Это был первый в Украине прецедент, когда обвиняемого в убийстве исполнителя, подтверждающего свою вину, оправдали.

Оправдательный приговор стал неожиданностью для всех присутствующих в зале суда, сам Вередюк плакал. Вдова И. Александрова Людмила сказала об этом: «Не ожидали, но удовлетворены, потому как с самого начала мы говорили, что он не убийца». Но Донецкая прокуратура, не удовлетворившись решением суда, подала апелляцию в Верховный суд Украины. Отсидевший девять месяцев в СИЗО Вередюк хотел подать судебный иск о возмещении ему материального и морального ущерба и начать новую жизнь. Но 19 июля 2002 года, за несколько дней до рассмотрения Верховным судом протеста областной прокуратуры, Вередюк неожиданно скончался. Согласно официальной версии, причиной смерти явилась острая сердечная недостаточность, осложнившаяся инфарктом миокарда. Правда, в такое объяснение мало кто верил. Опасения за жизнь краматорского бомжа возникли сразу после того, как было принято решение о вынесении ему оправдательного приговора. Об этом после судебного заседания говорили журналисты. К сожалению, установить, на чьей совести лежит смерть Ю. Вередюка, не удалось. Как не удалось выяснить и то, от кого краматорский бомж получил предложение признаться в убийстве журналиста — от мафии, сотрудников правоохранительных органов, прокуратуры или СБУ. Ясно одно — за все те блага, которые ему пообещали в случае признания вины: минимальный срок лишения свободы — восемь лет — и материальное вознаграждение — машина, однокомнатная квартира в г. Краматорске и соответствующее отношение в местах отбытия приговора, бездомный бродяга согласился взять на себя убийство Александрова.

Коллеги и друзья погибшего журналиста были возмущены тем, как вела себя на суде сторона обвинения. Они считают, что судебный процесс над Вередюком прокуратура превратила в посмертное судилище над самим Игорем Александровым. Так, прокурор Ю. Балев заявил, что «ряд программ критического содержания о тех или иных событиях», созданных журналистом И. Александровым, «носил поверхностный характер, а вся критика, звучавшая в них, сводилась к высказываниям и обвинениям, которые ничего общего с объективной действительностью не имели». Из его слов следовало, что критические передачи, подготовленные Игорем Александровым, были продиктованы «чувством неприязни или мести, то есть низменными

побуждениями». Прокурор обвинил покойного журналиста и бывших краматорских ОБОПовцев М. Сербина и О. Солодуна, сотрудничавших с ним, в распространении «через эфир ТРК «ТОР» надуманных обвинений работников правоохранительных органов в коррупции, превышении власти, служебных злоупотреблениях, в совершении ряда тяжких преступлений».

В июле 2002 года, через год после трагедии, Верховный суд Украины принял решение направить дело об убийстве Игоря Александрова на новое расследование. Оправдательный приговор в отношении Ю. Вередюка был отменен. А через несколько месяцев Генпрокуратура заявила о задержании заказчика, организатора и исполнителей убийства Игоря Александрова. Согласно итогам проведенного расследования, славянского журналиста убили охранники-водители руководителей промышленной корпорации «Укрлига» — Руслан Турсунов и Александр Онишко. Заказчиком преступления являлся руководитель «Укрлиги» Александр Рыбак, а организатором убийства — его брат Дмитрий Рыбак. Следствие установило, что за убийство директора ИТРК «ТОР» исполнители получили 4000 долларов. Известные в Донецкой области бизнесмены, братья Рыбаки отомстили журналисту за его сюжет в программе «Без ретуши», свидетельствующий об их связях с криминальной группировкой «17й участок». В августе 2004 года Верховный суд передал дело об убийстве Александрова на рассмотрение апелляционного суда Луганской области. 12 июля 2005 года на заседании суда один из главных свидетелей по «делу Александрова», О. Солодун, ныне начальник Краматорского ГО УМВД, заявил, что в устранении Александрова были и более заинтересованные лица, нежели братья Рыбаки. Он утверждал, что четвертый выпуск программы «Без ретуши», который так и не вышел в эфир и явился причиной гибели Александрова, «был не опасен для Рыбака». «Четвертая передача была для Рыбака не опасна. Она была опасна для прокурора, начальника милиции, губернатора области. Поскольку конфликт вышел за рамки местечкового и приобрел масштабы всеукраинского», — заявил Солодун. Главный обвиняемый по делу А. Рыбак в октябре 2005 года направил уполномоченному Верховного Совета по правам человека Н.Карпачевой письмо, в котором заявил, что украинские правоохранительные органы нарушают его конституционные права, вводят в заблуждение общественность и даже угрожают ему физической расправой. «Лишь 30 марта 2004 года, спустя 9 месяцев моего пребывания в СИЗО, спустя полгода, как СМИ объявили меня убийцей, мне наконец-то предъявили обвинение, как и обещали следователи, в ряде тяжких преступлений, в том

числе в убийстве И. Александрова. Ни к одному из предъявленных обвинений я не причастен и свою вину не признал.» — написал А. Рыбак. Вдова погибшего журналиста Людмила Александрова в беседе с представителями СМИ сказала, что, по ее впечатлениям, это судебное следствие можно назвать объективным и непредвзятым. По ее словам, в ходе судебного следствия обвинения в адрес исполнителей убийства ее мужа ужесточились. «Если раньше им вменялось непреднамеренное убийство, то теперь в обвинении фигурируют сговор и материальная корысть», — сообщила Л. Александрова.

7 июня 2006 года апелляционный суд Луганской области наконец-то вынес приговор: Александр Рыбак, проходивший по делу об убийстве Игоря Александрова как подстрекатель, был осужден к 15 годам лишения свободы с конфискацией имущества; Дмитрий Рыбак, как организатор нападения, получил 11 лет лишения свободы; исполнители преступления Александр Онышко и Руслан Турсунов — 12 и 6 лет соответственно, а их пособник Сергей Корицкий — 2 года и 6 месяцев лишения свободы. 23 января 2007 года Верховный Суд Украины оставил этот приговор в силе, изменив в нем только некоторые формулировки.

Казалось бы, справедливость восторжествовала, и ничего нового в этом деле ждать уже не приходится. Но в Донбассе, на родине журналиста, его друзья и соратники продолжают утверждать: «На скамье подсудимых оказались лишь рядовые исполнители. Заказчики не просто остались на свободе, но — даже на вершинах власти».

За сроком давности…

По делу гибели 27-летнего корреспондента «Московского комсомольца» Дмитрия Холодова следствие и суд могут сегодня быть прекращены за сроком давности. Дважды Московский окружной военный суд оправдывал всех шестерых человек, обвинявшихся в убийстве. Станет ли это дело предметом разбирательства в Европейском суде по правам человека, точно не известно. Иск возбужден родителями Холодова и принят к рассмотрению судом в Страсбурге, но даты начала процесса пока нет.

Дмитрий Холодов

Дмитрий Холодов погиб 17 октября 1994 года в редакции газеты. В этот день журналист получил от некоего человека ключи от одной из камер хранения на Казанском вокзале, в которой находился кейс с документами, подтверждающими различные нарушения, имевшие место в Министерстве обороны, в том числе якобы и информацию о коррупции в Западной группе войск. На самом деле в чемоданчик было вмонтировано взрывное устройство. С этим дипломатом Холодов приехал редакцию. Взрывное устройство сработало, когда Дмитрий пытался открыть кейс в своем кабинете, держа на коленях. Журналист получил

травмы, несовместимые с жизнью, осложнившиеся шоком и кровопотерей. «Скорая помощь», приехавшая спустя полчаса, довезла пострадавшего в институт им. Склифософского, где он, не приходя в сознание, умер. На следующий день, 18 октября 1994 года, было возбуждено уголовное дело по статье 102 УК РФ — умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. 11 ноября 1994 года был задержан первый подозреваемый по делу — взрывотехник полковник ГРУ Владимир Кузнецов, но его причастность к смерти журналиста не подтвердилась, и в июне 1995 года обвинение против него было снято. В ходе продолжающихся оперативно-розыскных мероприятий по «делу Холодова» неожиданно был найден важный свидетель — ефрейтор Александр Маркелов, бывший подчиненный майора Морозова, проходившего по делу. Точнее, Маркелова никто не находил — он объявился сам, когда в «Московском комсомольце» появились сообщения о том, что редакция готова заплатить крупную сумму за информацию о лицах, причастных к убийству Холодова. В начале 1995 года Маркелов несколько раз звонил в «МК» и обещал за несколько тысяч долларов назвать людей, готовивших взрыв, и описать, как планировалось преступление. На встрече с журналистами Маркелов представил себя «аналитиком» операции и указал на причастность к ней министра обороны Грачева. Также он рассказал, что наблюдал за изготовлением чемоданчика со взрывчаткой и описал первоначальный план убийства, по которому Холодова намеревались взорвать в подземном переходе. Все выглядело весьма правдоподобно. Холодов действительно в 1993 году крепко разозлил своими статьями о деятельности Минобороны Грачева, который отреагировал на них весьма своеобразно — тогда журналиста перестали пускать на пресс-конференции министерства — и лично приказал начальнику разведки ВДВ полковнику запаса Поповских прекратить эти публикации. Весомым было и заявление Павла Грачева, данное во время следствия: он сказал, что давал указание «разобраться с Холодовым», но не имел в виду убийство. «Кто-то из моих подчиненных меня неправильно понял», — заявил министр.

И хотя за минувшие годы в судебных заседаниях было допрошено около 300 свидетелей, в том числе сотрудники МВД и ФСБ, только один человек — Маркелов — дал показания о причастности конкретных шестерых человек к совершению убийства журналиста. 4 февраля 1998 года был задержан Павел Поповских, 20 февраля — бывший командир особого отряда 45 ОРП ВДВ майор Владимир Морозов, 24 апреля — бывший десантник, ныне предприниматель Константин Барковский, 19

июля — заместитель Морозова майор Александр Сорока и замгендиректора ЧОП «Росс» Александр Капунцов, в январе 1999 года — еще один заместитель Морозова, майор Константин Мирзаянц. Всем им было предъявлено обвинение по статье 102 УК РФ в связи с гибелью Дмитрия Холодова. Возникает закономерный вопрос: почему от показаний Маркелова и до ареста подозреваемых прошло три года?

Получается, что за исключением слов Маркелова ничто даже не намекало на причастность разведки ВДВ к взрыву в редакции. Одна из гипотез, высказанных позже, сводится к тому, что к 1998 году общественное мнение было соответствующим образом «подготовлено» средствами массовой информации, постоянно напоминавшими о нераскрытых убийствах Листьева и Холодова. Видимо, срочно потребовалось найти виновных. И поэтому вспомнили о десантниках.

Практически сразу же после ареста десантников тогдашние министр внутренних дел Анатолий Куликов и Генеральный прокурор Юрий Скуратов доложили общественности, что убийцы Холодова найдены и скоро предстанут перед судом. Подчиненным Куликова и Скуратова ничего не оставалось, как любыми способами подтвердить их правоту. Именно в это время следствие пришло к выводу, что полковник Поповских, превратно истолковав намерение Грачева, якобы решил выслужиться перед начальством и организовал убийство журналиста «из карьеристских побуждений». Другие офицеры, по версии следствия, участвовали в преступлении, помогая своему непосредственному начальнику Поповских. Для этого в октябре 1994 года в ходе занятий по минно-взрывному делу они похитили более 40 килограммов взрывчатки, 150 граммов из которых впоследствии заложили в дипломат, который Барковский оставил для Холодова в камере хранения.

После ареста Павел Поповских и другие обвиняемые сознались в преступлении, но потом изменили свои показания, заявив, что оговорили себя под давлением следователей. 8 июля 1999 года Генеральная прокуратура завершила расследование, и 4 февраля 2000 года дело было направлено в суд. 9 ноября 2000 года прошло первое заседание Московского окружного военного суда по делу об убийстве Дмитрия Холодова. В ходе процесса в качестве свидетелей были допрошены экс-министр обороны Павел Грачев, бывший командующий ВДВ Евгений Подколзин и главный редактор «МК» Павел Гусев. Следствие считало, что убийство организовал Поповских. Прокурор Ирина Алешина попросила суд признать его виновным в совершении убийства и превышении служебных полномочий, покушении на убийство,

незаконном хранении боеприпасов и организации изготовления взрывного устройства, а также в организации уничтожения имущества и хищении и приговорить к 15 годам лишения свободы. Остальных подсудимых прокурор попросила признать его сообщниками. По мнению обвинения, Морозова следовало приговорить к 14,5 годам лишения свободы, Сороку — к 10 годам, Капунцова, Барковского и Мирзаянца — к восьми годам лишения свободы. Отбывать наказание все обвиняемые должны были, по мнению прокурора, в колонии строгого режима. Кроме того, по мнению прокурора, всех военнослужащих-обвиняемых следовало лишить воинских званий и государственных наград.

29 мая 2002 года завершилось судебное следствие, 7 июня начались прения сторон, а 26 июня Московский окружной военный суд оправдал всех обвиняемых «за отсутствием доказательств», отменил арест их имущества и освободил их из-под стражи в зале суда. А как же показания Маркелова? Да дело в том, что он в ходе следствия неоднократно их менял, поэтому суд пришел к выводу, что эти показания были сделаны им «из материальной заинтересованности», с целью получить обещанное газетой «Московский комсомолец» вознаграждение за информацию об убийстве ее сотрудника. Позже Маркелов и сам признался, что оговорил своих начальников, польстившись на вознаграждение. Экспертиза подтвердила, что отказ от показаний был написан Маркеловым собственноручно.

1 декабря 2002 года Генпрокуратура внесла в Верховный суд протест против оправдательного приговора, потребовав направить дело на новое рассмотрение. 27 мая 2003 года Военная коллегия Верховного суда отменила оправдательный приговор на том основании, что судья генерал-майор Владимир Сердюков не дал оценку доказательствам, изобличающим подсудимых. 22 июля 2003 года Московский окружной военный суд повторно рассмотрел материалы уголовного дела, и 10 июня 2004 года новый судья, Евгений Зубов, обвиняемых снова оправдал. Государственный обвинитель Ирина Алешина подала в Верховный суд новую жалобу, но дальнейшее рассмотрение дела на этом застопорилось. По мнению Генпрокуратуры, судья Зубов не представил протокол судебных заседаний, где должны быть расписаны все подробности процесса и доводы, на основании которых был вынесен оправдательный вердикт.

Дело Холодова выглядит далеко не таким однозначным, как его пытаются порой представить. При внимательном изучении в нем обнаруживается множество нестыковок. Так, практически все доказательства, которые прокуратура считала незыблемыми свидетельствами виновности десантников, суд подверг сомнению.

Показания всех свидетелей тщательно анализировались. Но получалось так, что те из них, что подтверждали позицию обвинения, не выдерживали критики. К примеру, Александр Капунцов, по версии обвинения, в момент взрыва находился рядом со зданием издательства «Московская правда». Он должен был удостовериться в «выполнении задания». Согласно обвинительному заключению, на него после взрыва даже полетели стекла. Как выяснилось, окно кабинета, где произошел взрыв, выходит во внутренний двор, куда Капунцов попасть никак не мог. У Барковского, который по версии обвинения заложил дипломат со взрывчаткой в камеру хранения, на 17 октября 1994 года было алиби. Рано утром он уехал в Рязань, чтобы забрать свое личное дело. Он заходил там в училище ВДВ, где были строевые занятия, его видела и узнала сотрудница секретной части военкомата, передававшая ему дело. Показания, подтверждающие эти факты, суд счел убедительными. Также суд счел подтвержденным алиби Поповских и Мирзаянца, которые 17 и 18 октября находились в одной из школ города Королева, готовя ее к посещению министра обороны Грачева. Показания в пользу обвиняемых дал бывший директор школы № 2 города Королева Московской области Николай Марсов и другие свидетели.

В ходе судебных разбирательств также выяснилось, что, несмотря на доказанное алиби Барковского, с ним проводили «оперативную работу» в СИЗО, и через полтора месяца «в результате угроз, шантажа, психологического и морального давления со стороны оперативных работников уголовного розыска ГУВД Москвы» он написал заявление на имя генпрокурора, признав свою вину. Именно после этого заявления были арестованы Капунцов и Сорока — других данных об их виновности у следствия не было. К ним также ходили оперативники, допрашивали их без адвокатов и вынуждали дать показания на других десантников.

Да и по обвинению в хищении взрывчатки, которая, по версии следствия, была заложена в дипломат, все подсудимые были оправданы за отсутствием состава преступления. Показания свидетелей обвинения суд счел противоречивыми и ничего не доказывающими и установил, что взрывчатки того типа, которой взорвали Дмитрия Холодова, не было и не могло быть на том складе, с которого якобы произошло хищение. Куда же подевались остальные 25 килограммов тринитротолуола, 32 килограмма пластида, 275 различных детонаторов, 17 мин, 15 зажигательных трубок, 35 взрывателей и 30 запалов (указанные в деле), с помощью которых можно начисто стереть с лица земли

несколько жилых кварталов крупного города, на этот вопрос внятного ответа у следствия не было.

Не до конца понятно и следующее. Почему способом убийства был выбран именно взрыв, хотя Холодова могли «убрать» множеством способов, начиная от проломленной головы в подъезде и заканчивая выстрелом из снайперской винтовки. Почему из всех способов убийства был выбран тот, надежность которого подвергается сомнению — ведь взрывное устройство могло не сработать, и твердой гарантии того, что дипломат откроет именно Холодов, у злоумышленников тоже не было. Сразу после взрыва следователи Сухарев и Казаков начали осмотр места происшествия. Вместе с ним работал один из лучших взрывотехников страны — подполковник ФСК, сотрудник Института криминалистики Чеканов. Они собрали мельчайшие фрагменты взорвавшегося «дипломата», анализ которых позволил бы экспертам определить характер взрывного устройства. Однако ни Чеканов, ни следователи не обнаружили там ни стержня, ни шарика от взрывателя МУВ4, потом появившихся в деле. (Но как тогда указанные предметы попали в число вещественных доказательств и оказались на экспертизе? Ответа на этот вопрос до сих пор никто не дал. Загадкой осталось и то, почему в кабинете, где погиб Холодов, поспешно был проведен ремонт, а вся мебель, напольные и стеновые покрытия буквально через день после взрыва уничтожены.)

Есть еще один любопытный факт. Незадолго до случившегося Холодов завел новую записную книжку и перенес туда из прежней необходимые ему номера телефонов. Телефона Поповских, по версии следствия, всячески контролировавшего Холодова, в новом блокноте не оказалось.

Анализ компьютера Холодова также ничего не дал. Когда эксперты попытались прочитать данные, у них ничего не получилось — жесткий диск оказался физически поврежден, причем повреждение носило умышленный характер.

Версию о том, что молодой журналист «МК» нарыл крутой компромат о поставках Дудаеву оружия и военной техники, впоследствии опровергли его коллеги — непосредственный начальник Вадим Поэгли и главный редактор «МК» Павел Гусев. Также в ходе следствия из квартиры Дмитрия Холодова и его рабочего кабинета изъяли все документы, но каких-либо материалов о поставках оружия в Чечню так и не нашли. Возникает вопрос: почему именно Холодов был выбран жертвой? В 1994 году он был довольно известным журналистом, но далеко не единственным, кто писал об армии в критическом ключе. Ссылки на разоблачительные документы маловероятны. Эти

соображения невольно наводят на мысль, уже высказывавшуюся на протяжении последних десяти лет, что «дипломат» со взрывчаткой на самом деле был предназначен вовсе не Холодову и что молодой журналист стал лишь случайной жертвой преступников, метивших совсем в другого человека.

Десять лет прошло в поисках виновных, а ведь согласно статье 48 УК, «лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности, если со дня совершения им преступления истекло десять лет». Прокуратура оказалась в сложном положении: дело осталось нераскрытым и подсудимых надо отпустить. Но тут неожиданно на ее сторону встали сами подозреваемые. Все шестеро категорически не согласны с тем, чтобы дело закрыли «за давностью». В таком случае они будут автоматически признаны виновными в убийстве Холодова, которое не совершали. Впрочем, защитники утверждают, что в любом случае бывшим офицерам ничего не грозит — даже если суд признает их виновными, они должны быть освобождены от наказания.

Родители Холодова возбудили иск против Российской Федерации по делу Дмитрия в Европейском суде по правам человека. В основе иска лежит утверждение о том, что следствие и судебные власти оказались неспособными адекватно расследовать дело об убийстве журналиста «Московского комсомольца» и вынести справедливый приговор в отношении обвинявшихся. Но пока Европейский суд раскачивается и решает, на какое время назначить слушания по делу, оправданный полковник ВДВ Павел Поповских 10 июня 2004 года возбудил иск к Генпрокуратуре России, требуя компенсации за незаконный арест и уголовное преследование (он находился под стражей с февраля 1998го по июнь 2002 года). Поповских потребовал от Генпрокуратуры компенсировать ему заработную плату, не выплаченную во время следствия и суда, а также возместить расходы на оплату адвокатов в размере 1,44 миллиона рублей. Кроме того, полковник просит компенсацию в размере 241,7 тысячи рублей за исключение его из списка лауреатов Госпремии за 1997 год. (Поповских должен был получить Госпремию как один из разработчиков беспилотного самолета-разведчика «Пчела-1 Т».) Помимо материальных претензий к Генпрокуратуре, Павел Поповских настаивает на том, чтобы гособвинитель Ирина Алешина лично принесла ему извинения в эфире программы «Время». Кроме того, Павел Поповских заявил, что также намерен подать иски к Российской Федерации и газете «Московский комсомолец» о компенсации морального вреда. 27 февраля 2006 года Тверской суд удовлетворил иск полковника. Правда, вместо

запрошенных 52 миллионов рублей за 52 месяца отсидки в следственном изоляторе Поповских получит 150 тысяч рублей. Это довольно солидная сумма, если учитывать, что речь идет о возмещении морального вреда. Зато возмещение материального ущерба Павлу Поповских уже гарантировано. Не так давно окружной военный суд столицы назначил ему выплатить более чем 2 миллионов рублей в счет не полученных доходов и расходов, понесенных за время, пока длилось следствие. Гособвинителя по делу Холодова также обязали принести извинения бывшему подсудимому.

Правда, Поповских эта сумма не устроила и он пообещал продолжить судебное разбирательство. Все, кто проходил с ним по делу Холодова, ждут окончания суда, чтобы так же, как и Поповских, подать иски на выплату компенсации.

Хотя срок истек, «дело Холодова» было возвращено в Госпрокуратуру на доследование. Между тем родители погибшего журналиста по-прежнему считают, что следствие правильно установило людей, причастных к его гибели.

На скамье подсудимых — ученые-изменники

Минувшие несколько лет для представителей «мозговой элиты» России стали весьма непростыми. По не вполне понятным причинам ФСБ проявила повышенный интерес к деятельности ученого мира, что обернулось для ряда российских специалистов серьезными проблемами. Обвинительные приговоры суда прозвучали по делам аналитика И. Сутягина, профессора МФТУ им. Баумана А. Бабкина, физика В. Данилова, океанолога В. Щурова, академика И. Решетина, его заместителей С. Твердохлебова и А. Рожкина, директора Института проблем сверхпластичности металлов РАН О. Кайбышева. А уже в марте 2006 в Новосибирске разгорелся очередной скандал. На сей раз под следствие угодил заведующий лабораторией Института химической кинетики и горения (ИХКиГ) Сибирского отделения РАН Олег Коробейников. Против всех указанных лиц ФСБ возбудило уголовные дела, обвинив ученых в разглашении государственной тайны, шпионаже и передаче секретных сведений за рубеж. Вот только правозащитники и коллеги попавших под следствие специалистов твердят: ни о какой измене родине или продаже имеющей особую важность для страны информации речь идти не может. Так было ли предательство? А может, пора говорить об «охоте на ведьм»?

Обвинения в адрес ученых особой оригинальностью не отличались. В официальных документах встречались названия только трех стран, которым российские специалисты якобы передавали жизненно важную информацию, — Южная Корея, США и Китай. Правда, в шпионской деятельности в пользу Соединенных Штатов обвинили лишь заведующего сектором военно-технической и военно-экономической политики отдела внешнеполитических исследований Института США и Канады РАН Игоря Сутягина. Процесс по этому делу начался 3 ноября 2003 года. А 5 апреля 2004-го ученого приговорили к 15 годам лишения свободы в колонии строгого режима. При этом свои статьи он писал, пользуясь открытыми материалами российской прессы. Еще один специалист был признан виновным в передаче сведений Корее. Остальных подсудимых обвинили в продаже информации из области высоких технологий Китаю. Но во всех рассматриваемых делах указывалось, что с зарубежными организациями сотрудничали отнюдь не частные лица, а

российские государственные учреждения. Причем — получив предварительно «благословение» ФСБ. К тому же большая часть сведений, за которые, собственно, ученые и «сели», по утверждению защиты, была доступна в открытых источниках! Так о какой секретности идет речь?

Первые несколько лет своего срока И. Сутягин отбывал в колонии общего режима в Сарапуле (Мордовия), Но затем условия его содержания под стражей стали ужесточаться: его перевели в колонию строго режима в Архангельск, а 14 февраля 2007 года и вовсе посадили на год в лагерную тюрьму, где поместили вместе с уголовниками-рецидивистами. Мать ученого Светлана Сутягина считает, что «его перевод в лагерную тюрьму — целенаправленная акция в связи с попыткой получить помилование».

25 октября 2005 года следственное управление ФСБ России предъявило обвинение генеральному директору одного из ведущих предприятий российской ракетно-космической отрасли ЗАО «Компания ЦНИИМАШЭкспорт» Игорю Решетину в незаконной передаче Всекитайской экспортно-импортной технико-экспертной компании точного машиностроения «ТОЧМА» технологий двойного назначения, экспорт которых контролируется государством. Кроме того, академика Академии космонавтики обвинили в банальной краже, правда, особо крупного размера. Следственные органы утверждают, что Решетин в составе организованной группы похитил около 30 миллионов рублей, используя для этой цели фиктивные фирмы, которые регистрировались на утерянные паспорта граждан или несуществующих лиц. Соучастниками хищения ФСБ назвало первого заместителя генерального директора ЗАО «Компания ЦНИИМАШЭкспорт» по экономике Сергея Твердохлебова и заместителя по безопасности Александра Рожкина. Академику начатый процесс грозил лишением свободы на срок от трех до семи лет, лишением права заниматься определенным видом деятельности и занимать определенные должности на срок до пяти лет, а также штрафом в размере одного миллиона рублей.

Собственно, уголовное дело против Игоря Решетина было возбуждено еще в декабре 2003 года. Академика обвинили в «незаконном экспорте материалов и технологий», а также незаконном выполнении работ, которые могли быть использованы «при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники». Тогда, правда, ФСБ пребывало в уверенности, что ученый и его заместители растратили 19 миллионов, выделенных Китаем на ведение разработок в области аэродинамического моделирования. Через некоторое время

похищенная сумма выросла еще на 11 миллионов.

В основе уголовного дела, по всей видимости, лежит контракт, заключенный в 1996 году «ЦНИИМАШЭкспортом» и компанией «ТОЧМА». Российское предприятие взяло на себя обязанность составить отчет о «численном моделировании аэродинамического обтекания асимметрических моделей в условиях сверхзвукового потока». Китайская сторона собиралась использовать данный документ при создании собственных пилотируемых космических кораблей. С 1996 по 2003 год заказчику ушло 13 подобных отчетов. Но выполнить предусмотренные контрактом работы силами только одного «ЦНИИМАШЭкспорта» оказалось совершенно нереально. Поэтому академик Решетин решил привлечь к исследованиям еще 13 российских учреждений. Именно на оплату выполненных ими технических разработок и ушли те самые 19 миллионов рублей, в хищении которых обвиняют ученого. Но следствие категорично: для выполнения подписанного контракта Решетин не имел права привлекать другие научные коллективы. Тогда и платить бы, мол, никому не пришлось. А так гендиректор ЗАО и два его зама, видите ли, «растратили вверенное имущество».

Несколько независимых экспертиз, проведенных видными специалистами, подтвердили слова обвиняемых о том, что переданные ими за рубеж технические отчеты не попадают в так называемые ограничительные списки экспортного контроля, а проведенные предприятием научные разработки могут быть использованы только в мирных целях. 10 октября 2005 года арбитражный суд Московской области признал законным и обоснованным привлечение Решетиным соисполнителей и оплату их труда. Руководитель Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева заявила, что это «очередное шпионское дело в отношении ученых, не имеющее под собой никакой почвы», и нет никаких оснований обвинять руководство ЗАО в разглашении государственной тайны. Тем не менее Игоря Решетина и его замов оставили под стражей до 9 июля 2006 года, поскольку Лефортовский суд посчитал, что, оказавшись на свободе, указанные лица могут скрыться от правосудия. Защита обжаловала это абсолютно необоснованное с ее точки зрения решение и представила суду поручительства 10 академиков и член-корреспондентов РАН за И. Решетина. Правда, эти поручительства в официальных инстанциях «даже не рассматривались».

Обратите внимание: с 1991 года, когда была создана «Компания ЦНИИМАШЭкспорт», ЗАО заключило и выполнило более 120 контрактов с аэрокосмическими организациями и

фирмами США, Европы, Китая, других стран. Но ФСБ всегда позволяла ученым довести работу лишь до определенной стадии, а затем возбуждала дела по статьям УК РФ о шпионаже, разглашении гостайны или незаконном экспорте технологий. Если проводимые работы и в самом деле могли нанести ущерб России, то почему ФСБ давало разрешение на их проведение? И вообще, как заметил один из журналистов: «Обществу хорошо известно, что шпионы не бараны. Они стадами не ходят. Они не ходят также взводами, ротами, лабораториями и институтами. Но чекисты об этом не знают». И потому подобных «дел ученых» за период с 1998 года накопилось предостаточно.

31 августа 1999 года на российско-китайской границе при таможенном досмотре были задержаны акустические модули, созданные в лаборатории Тихоокеанского океанологического института Дальневосточного отделения РАН. В КНР для проведения совместных исследований их отправил владивостокский ученый, доктор технических наук Владимир Щуров. По оценке военных экспертов, данные модули не имеют аналогов в мире и способны улавливать малейшие шумовые колебания подводных лодок. А значит, дело пахнет шпионажем… Осенью 1999 года в лаборатории Щурова «соответствующие органы» провели обыск, в ходе которого были изъяты научные материалы. Против ученого возбудили уголовное дело по трем статьям. Однако прокуратура Приморского края не приняла к рассмотрению обвинения в контрабанде, а также в экспорте технологий и научно-технической информации, используемых при создании военной техники. В итоге Щурову было предъявлено обвинение только в разглашении сведений, которые являются государственной тайной. Но специальная комиссия Российской академии наук вынесла прямо противоположный вердикт: в данном деле шпионажем и не пахнет, поскольку все материалы ученый взял из открытых источников. Невзирая на это, в 2003 году В. Щуров был осужден на два года условно. Права на работу его, по счастью, не лишили. А вскоре срок исполнения приговора вообще прекратили по амнистии.

В начале 2001 года в Красноярске был арестован руководитель Теплофизического центра Валентин Данилов. Его обвинили в том, что он по заказу китайской стороны занимался изготовлением стенда для моделирования воздействия космического пространства на искусственные спутники Земли и разработкой программного обеспечения для него. Договор с компанией «ТОЧМА» был заключен от имени Красноярского государственного технического университета еще в 1999 году. Когда же над ученым сгустились тучи, университет решил помочь

добить лежачего и выдвинул против Данилова еще одно обвинение: в растрате 466 000 рублей. Поскольку следствие затягивалось, а вразумительных доказательств вины теплофизика не обнаруживалось, с сентября 2003-го его выпустили под подписку о невыезде, а 29 декабря того же года присяжные вынесли подсудимому оправдательный вердикт. Казалось, Данилов, который, по его же словам, не принимал всерьез выдвинутые против него обвинения, наконец может вздохнуть свободно.

Но не тут-то было. Прокуратура Красноярского края опротестовала постановление суда, а 9 июня того же года Верховный суд России отменил оправдательный приговор ученому и назначил повторное рассмотрение его дела в ином составе суда. Примечательный факт: адвокат физика до сих пор утверждает, что ей «абсолютно непонятно, в чем признали Данилова виновным», поскольку «вопросы гостайны и секретности вообще не обсуждались перед присяжными». После такого заявления суд и прокуратура рекомендовали стороне защиты ограничить свое общение с прессой.

В ноябре 2004 года начался новый круг ада для попавшего за решетку ученого. Его снова обвиняли в «государственной измене в форме шпионажа» — выдаче государственной тайны представителям иностранной организации, а также в хищении чужого имущества путем обмана, совершенного неоднократно, в крупном размере. Данилову грозило лишение свободы сроком до 20 лет. И это при том, что с технологии, над которой работал руководитель Теплофизического центра, гриф секретности снят. около 10 лет назад! Но Красноярский краевой суд 24 ноября 2004 года все же упек ученого в колонию строгого режима на 14 лет. Кассационная инстанция Верховного суда РФ 29 июня 2005 года снизила указанный срок наказания всего на один год.

После вынесения такого вердикта сторона защиты организовала проведение семинара с участием видных физиков и академиков России. В число приглашенных специалистов входили академик РАН, лауреат Нобелевской премии В. Гинзбург, доктор физико-математических наук профессор С. Капица, кандидат физико-математических наук А. Кудрявцев (ИЯФ СО РАН), доктор физико-математических наук В. Кузнецов (ИЗМИРАН), Е. Морозов (нач. отдела ЦНИИМАШ), доктор физико-математических наук, профессор Л. Новиков (ИЯФ, МГУ), доктор физико-математических наук Б. Осадин (МИРЭА), академик РАН Ю. Рыжов, доктор физико-математических наук, профессор В. Славин (зав. кафедрой теплофизики КТУ, Красноярск). Участники семинара в очередной раз заявили: Данилов передавал заказчику

только давно опубликованные сведения, хорошо известные специалистам всех стран, занимающихся космической деятельностью. Что же касается экспертов, на чьи заключения полагается ФСБ, то они не являются специалистами в области затронутых вопросов, и посему полагаться на их свидетельства нельзя. Так что сторона защиты подытожила: поскольку в суде не исследовался вопрос об источнике переданных Даниловым Китаю сведений, он был признан виновным «в несуществующем в России преступлении». Ведь статья, которая предусматривала бы ответственность за передачу несекретных материалов, в уголовном кодексе страны отсутствует.

17 января 2006 года адвокаты Данилова подали надзорную жалобу в президиум Верховного суда, требуя возбудить надзорное производство, отменить обвинительный приговор и прекратить уголовное преследование физика «в связи с отсутствием в его действиях состава преступления». Четырьмя днями ранее ученый, чье здоровье серьезно пошатнулось, был госпитализирован в тюремную больницу Октябрьского района города Красноярска.

В это же время Башкирская прокуратура вела расследование по делу еще одного представителя «мозговой элиты» страны — директора Института проблем сверхпластичности металлов РАН Оскара Кайбышева. В марте 2004 года физика также обвинили в незаконной передаче технологий двойного назначения одной из южнокорейских компаний. Изначально, правда, Кайбышеву вменяли в вину разглашение государственной тайны, однако за неимением доказательств прокуратура была вынуждена отказаться от такой формулировки. Российские правозащитники и сам подсудимый уверены: это дело полностью сфальсифицировано. Ведь Уфимский институт проблем сверхпластичности металлов РАН (ИПСМ РАН) с 2000 года успешно и совершенно легально сотрудничает с фирмой АСА Ко. Лтд (Южная Корея). При этом разработки, заинтересовавшие зарубежных покупателей, новыми не назовешь. И вообще, технология, о которой идет речь, была запатентована ранее в США, и ей посвящен целый ряд статей, которые публиковались в нескольких странах мира! Тем не менее, уголовное дело о «незаконной передаче информации» было возбуждено, когда корейская сторона получила заключительный отчет. Кстати, во время обыска в институте из сейфа руководителей были украдены и обналичены ценные бумаги на сумму 1,5 миллиона рублей. Хищение и подделку подписей осуществил мелкий сотрудник ФСБ. Примечательно, что указанную сумму руководство института назад так и не получило.

В середине марта 2006 года Новосибирск с удивлением

узнал, что в очередной раз стал эпицентром «шпионских страстей». Теперь уголовное дело было заведено на профессора, доктора физико-математических наук Олега Коробейникова, заведующего лабораторией Института химической кинетики и горения (ИХКиГ) Сибирского отделения РАН. Следственный отдел областного УФСБ также обвинил его в разглашении сведений, составляющих государственную тайну. На деле стоит гриф «секретно», поэтому никаких деталей расследования в правоохранительных органах не приводят. В Управлении ФСБ по Новосибирской области ситуацию тоже не комментируют. Тем временем 65-летний специалист в области горения, хорошо известный как в нашей стране, так и за рубежом, преподаватель Новосибирского университета, ассоциированный член Американского института астронавтики и аэронавтики, автор более 170 научных работ глотает таблетки.

Стороны защиты по всем перечисленным процессам и глава Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева, которая также входит в Комитет защиты ученых, собираются обратиться с обжалованием приговоров в Европейский суд по правам человека, предоставив ему сомнительное удовольствие разбираться с российскими спецслужбами, инициировавшими «охоту на ведьм» с учеными степенями. В Страсбургский суд уже переданы дела И. Сутягина и В. Данилова. Адвокаты, предоставившие в новую инстанцию доказательства того, что в обоих случаях процессы велись с многочисленными нарушениями, уверены: уже в ближайшем будущем невинно пострадавшие ученые выйдут на свободу. Но вот перестанут ли после этого российское общество сотрясать новые приступы шпиономании?

Убийство депутата

Это случилось за две недели до запланированных выборов депутатов Законодательного собрания в Санкт-Петербурге: 20 ноября 1998 года около 23.00 в своем доме между первым и вторым этажом неизвестными была расстреляна депутат Государственной Думы РФ, лидер партии «Демократическая Россия» Галина Старовойтова, а ее помощник, известный петербургский журналист Руслан Линьков, получил тяжелое ранение. Преступники произвели несколько выстрелов и, бросив оружие, скрылись. Старовойтова скончалась на месте, а журналист с двумя огнестрельными ранениями головы и шеи в тяжелом состоянии был доставлен в Военно-медицинскую академию.

Галина Старовойтова

На месте происшествия преступники оставили пистолет-пулемет «Арган-2000» и пистолет «беретта-гардоне» с прибором для бесшумной стрельбы. Номера на оружии были уничтожены. Документы, деньги (1700 долларов США, тысяча болгарских левов, несколько кредитных карточек, в том числе две золотых) и личные вещи погибшей не были похищены. Сотрудниками милиции в городе была объявлена операция «Перехват», а по

поручению президента России Бориса Ельцина в Санкт-Петербург прибыл министр внутренних дел РФ Сергей Степашин, чтобы лично заняться расследованием дела об убийстве депутата Госдумы. Дело велось совместно силами ФСБ, МВД и прокуратуры. Версию о том, что у Галины Васильевны могла быть при себе более значительная денежная сумма (миллион долларов), которая якобы предназначались для ведения предвыборной кампании, следователи отбросили сразу. Один из сподвижников депутата, Сергей Алексеев, заявил, что Старовойтова «была лидером партии, а не курьером».

По факту совершенного преступления было возбуждено уголовное дело по статье 277 Уголовного кодекса РФ — посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, — которое находилось в производстве следственной службы петербургского УФСБ. По данным на 18 мая 2002 года, по этому делу допрошено более тысячи свидетелей, проведено 40 обысков, 26 выемок документов, 62 осмотра и 104 экспертизы, в том числе «уникальных с научной точки зрения». В ходе расследования была арестована группа киллеров, причастных к совершению других преступлений. В течение двух лет по делу было опрошено около 800 свидетелей, проведено огромное количество экспертиз.

Следствие разрабатывало три основные версии преступления — политическую, экономическую и бытовую. Однако Руслан Линьков и сподвижники по партии настаивали именно на политической версии гибели депутата. А вот бывший тогда директором ФСБ РФ В. В. Путин заявил: «У меня нет никаких оснований полагать, что это политическое убийство — пока». При этом он заверил, что «и ФСБ, и другие правоохранительные органы, и государство в целом сделают все возможное для расследования этого преступления».

Но время шло, а результатов не было. Адвокат потерпевшей стороны Юрий Шмидт жаловался, что представители ФСБ отказывают родным депутата в предоставлении материалов о ходе расследования преступления, ссылаясь на то, что следствие еще не закончено. В свою очередь в УФСБ заявляли, что «действия следственной группы не противоречат закону и направлены на предотвращение возможных утечек информации, касающихся этого дела» и само дело «находится на особом контроле, и темпы по его расследованию не снижаются».

Бывший помощник Старовойтовой Линьков неоднократно говорил, что «следствию стоило хотя бы в качестве свидетеля допросить, в первую очередь, Геннадия Николаевича Селезнева». На вопрос, не означает ли это, что он считает Селезнева

причастным к смерти депутата, ее бывший помощник ответил: «Между Старовойтовой и спикером Госдумы было много конфликтов. В свое время Старовойтова занималась расследованием ряда дел, в том числе деятельностью Академии национальной безопасности, к которой имеет отношение Селезнев». И добавил, что академия «занималась аккумулированием средств, которые должны были использоваться в дальнейшем в качестве предвыборного фонда спикера Думы». Однако следствие не подтвердило возможной причастности к убийству Галины Старовойтовой спикера российского парламента Геннадия Селезнева, о чем ранее заявлял сопредседатель санкт-петербургского отделения партии «Демократическая Россия» Виктор Кривулин.

И все же виновники убийства Старовойтовой были найдены и взяты под стражу в ноябре 2002 года. Материалы дела в отношении шестерых обвиняемых были переданы в горпрокуратуру 24 ноября 2003 года и через несколько дней поступили в суд. Всего, по версии следствия, к убийству Старовойтовой причастны 11 человек. Однако на скамью подсудимых сели только шестеро, а в розыске остались еще пятеро подозреваемых. Всем арестованным предъявлены обвинения. В числе задержанных по «делу Старовойтовой» были уроженцы города Дятьково Брянской области: близкий к так называемому тамбовскому преступному сообществу тридцатичетырехлетний Юрий Колчин, бывший сотрудник Главного разведуправления Генштаба, затем работавший личным шофером одного из лидеров тамбовской преступной группировки в Петербурге (до этого дважды судимый за сопротивление сотрудникам милиции и незаконное хранение оружия), двадцатитрехлетний Игорь Лелявин, а также Алексей Воронин, Юрий Ионов, Виталий Акишин, Игорь Краснов. Петербуржцы Сергей Мусин и Павел Стехновский, Евгений Богданов и Олег Федосов находились в розыске. Их дело расследовалось параллельно и было выделено в отдельное производство. Заказчика убийства депутата так и не установили. В этой части дело также выделено в отдельное производство, и расследование продолжается по сей день.

17 декабря 2003 года в городском суде Санкт-Петербурга начался процесс, в основе которого лежало одно из самых громких преступлений прошлого века — убийство депутата Государственной думы РФ второго созыва Галины Старовойтовой. Причем и обвинение и защита настаивали, чтобы дело рассматривал суд присяжных, но еще до начала рассмотрения дела по существу — 19 декабря — горсуд отказал им в этом. В тот

же день бывший помощник Старовойтовой, лидер петербургского отделения партии «Демократическая Россия» Р. Линьков направил в средства массовой информации следующее заявление: «Судебный процесс по делу об убийстве Галины Васильевны Старовойтовой еще не успел толком начаться, а «заказчики» террористического акта против лидера демократических сил России, которые так и не оказались на скамье подсудимых, готовятся к новому преступлению, но теперь уже против российского правосудия. Как известно, на первых заседаниях суда адвокаты обвиняемых неоднократно заявляли «отвод судье» Валентине Кудряшовой. Не добившись желаемого результата легальным путем, находящиеся в тени авторы политического убийства, используя свое должностное положение и властные полномочия, планируют путем давления на суд и государственное обвинение добиться желаемого для себя результата процесса и замены судьи. Эти шаги «заказчиков» подпадают под действие Уголовного кодекса страны, нарушают конституционный принцип независимости суда и являются преступлением против государственного строя и демократии».

10 и 11 марта 2004 года в суде были заслушаны свидетели обвинения — помощники убитого депутата, рассказавшие о поступавших угрозах в адрес Галины Васильевны Старовойтовой в ходе ее политической деятельности. Руслан Линьков передал следствию ряд документов, которые, по его мнению, могут пролить свет на некоторые обстоятельства и мотивы этого преступления. Документы касаются депутатских расследований Старовойтовой финансовой деятельности Российской академии национальной безопасности, РАО «В СМ», заявочного Олимпийского комитета-2004, комиссии по проверке итогов приватизации в Санкт-Петербурге ГТРК «Петербург-5 канал», а также использования кредитов западных банков в северной столице. Как сообщил Линьков, эти документы содержат сведения о коррупции, многочисленных хищениях в особо крупных размерах и злоупотреблениях служебным положением в органах государственной власти России и Петербурга. Линькову также известно, что Старовойтова собиралась предать огласке собранные ею сведения и привлечь к их проверке правоохранительные органы, однако не успела. В ходе дачи показаний Руслан Линьков опознал в подсудимом Виталии Акишине человека, который стрелял в Старовойтову. По его словам, нападавших было двое, и лицо Акишина он хорошо рассмотрел в свете вспышки от выстрела.

На следующих заседаниях суда были рассмотрены различные ходатайства сторон и оглашено обвинительное заключение. В

ходе слушаний 24–27 февраля был проведен допрос части свидетелей (со стороны обвинения заявлено 60 свидетелей, со стороны защиты — 6 человек). Суду пришлось продлить срок содержания под стражей шести подсудимых, так как он истекал 31 августа. Также в ходе заседания один из адвокатов обвиняемого Юрия Колчина — Александр Сафронов — заявил очередное (четвертое) ходатайство об отводе судьи. Ходатайство было отклонено, поскольку не было представлено никаких новых аргументов по сравнению с предыдущими ходатайствами, оставшимися без удовлетворения.

В последнем слове пятеро подсудимых, за исключением Воронина, признавшего себя полностью виновным, попросили суд вынести оправдательный приговор. Единственный из подсудимых, признавший свою вину — Воронин, — в последнем слове попросил прощения у потерпевших и обратился к суду с просьбой проявить снисхождение и назначить ему условное наказание. «В начале процесса я признавал свою вину частично, — сказал на заседании суда Воронин. — Сейчас я признаю ее полностью». В начале слушания дела он признал только незаконную слежку за Старовойтовой, а теперь признался в пособничестве в уничтожении улик ее убийства. Именно на показаниях Воронина, который отказался от участия в прениях, и еще одного свидетеля, чье имя не раскрывалось, было построено обвинение по делу об убийстве депутата.

4 апреля 2005 года на суде по «делу Галины Старовойтовой» начались прения. В них выступил подсудимый Виталий Акишин, которого следствие признало одним из киллеров, и его адвокат Галина Каширина. Адвокат подробно остановилась на всех многочисленных, по ее мнению, несоответствиях и нестыковках обвинения своего подзащитного и не менее многочисленных процессуальных нарушениях, допущенных как при его задержании и содержании под стражей, так и при допросах. Считая на этом основании, что вина ее подзащитного в участии в убийстве Г. Старовойтовой не доказана, Каширина попросила суд оправдать Акишина за непричастностью к вменяемым ему преступлениям. «Я этого преступления не совершал, — заявил сам Акишин, — прошу меня оправдать, а в отношении должностных лиц вынести постановление о нарушении ими закона».

Затем с четырехчасовой речью выступил на прениях представитель гособвинения, заместитель прокурора города Александр Корсунов. В своей речи он заявил, что в ходе предварительного следствия и судебного процесса вина подсудимых в инкриминируемых им деяниях вполне доказана, и

просил приговорить Колчина и Акишина к пожизненному заключению, Краснова и Ионова — к 15 годам лишения свободы, Лелявина — к 12, а Воронина — к четырем с половиной годам.

30 июня городской суд СанктПетербурга огласил приговор. Виновным в организации убийства Старовойтовой и покушении на убийство ее помощника Руслана Линькова был признан бывший неформальный лидер охранного предприятия «Святой благоверный князь Александр Невский» Юрий Колчин. Он получил 20 лет заключения в колонии строгого режима. Виновным в непосредственном исполнении убийства суд назвал Виталия Акишина. Ему суд назначил 23,5 года лишения свободы в колонии строгого режима. Суд квалифицировал действия Колчина и Акишина как действия организованной группы, созданной с целью убийства Старовойтовой для прекращения ее политической и общественной деятельности.

В отношении остальных подсудимых — Юрия Ионова, Игоря Краснова, Игоря Лелявина и Алексея Воронина — уголовное преследование по части обвинений было прекращено, а по части — они были оправданы. Подсудимые Юрий Ионов и Игорь Краснов были оправданы судом по статье 277. Суд признал, что они не были осведомлены о готовящемся покушении на убийство Старовойтовой и не знали, к чему могут привести их действия. Кроме того, суд постановил освободить из-под стражи в зале суда подсудимых Алексея Воронина и Игоря Лелявина в связи с тем, что, по мнению суда, они совершили лишь заранее не обещанное сокрытие следов преступления. Они были освобождены от наказания и в связи с истечением срока давности преступления.

Суд признал, что мотивом убийства Старовойтовой была ее политическая деятельность. Однако имя заказчика установлено не было.

После оглашения приговора представитель гособвинения Игорь Соханенко не исключил возможности того, что после ознакомления с приговором прокуратура будет обжаловать решение суда.

В свою очередь, представитель потерпевших Леонид Сайкин выразил удовлетворение «тем, что суд признал факт того, что убийство было совершено по политическим мотивам, и приговорил организатора и непосредственного исполнителя к длительным срокам лишения свободы».

Алексей Воронин, единственный из подсудимых, который активно сотрудничал со следствием и полностью признал свою вину, после выхода на свободу заявил, что не чувствует себя в безопасности, учитывая показания, которые он давал в отношении других подсудимых и лиц, объявленных в розыск. «В

любом случае, как бы ни сложилась дальше моя жизнь, я не жалею ни о чем, ни об одном слове, сказанном на этом процессе», — сказал Воронин.

16 февраля 2006 года Кассационная коллегия Верховного суда РФ рассмотрела кассационную жалобу осужденных Юрия Колчина и Виталия Акишина и оставила приговор без изменения.

Между тем работа по установлению заказчика преступления продолжалась, как и поиск оставшихся на свободе подозреваемых. Материалы по Вячеславу Лелявину и Павлу Стехновскому были выделены в отдельное производство, поскольку оба скрывались от правосудия на момент первого процесса. Они обвиняются в организации подготовки убийства политика, незаконной слежке и установке прослушивающих устройств в ее доме, приобретении и передаче оружия, которое было использовано для совершения преступления, а также покушении на жизнь государственного или общественного деятеля (статья 277 УК РФ).

В июле 2004 года года Павел Стехновский был задержан в Бельгии и экстрадирован в Россию. Тогда же после показаний в суде Алексея Воронина о роли Вячеслава Лелявина (старшего брата Игоря Лелявина) в преступлении был арестован в Петербурге и Вячеслав Лелявин. Ему предъявлено обвинение в посягательстве на жизнь государственного деятеля и прослушивании телефонных переговоров. Беглые Богданов и Мусин считаются организаторами преступления (наряду с Колчиным), а Федосов — непосредственно одним из киллеров.

Предварительные слушания по уголовному делу Павла Стехновского и Вячеслава Лелявина начались в закрытом режиме в Санкт-Петербургском городском суде 8 марта 2006 года. Обвиняемые заявили о том, что хотят, чтобы суд проходил с привлечением присяжных заседателей. Но оказалось, что у адвокатов обвиняемых не было при себе документов, которые подтверждали бы их право на участие в процессе.

В результате судьей была назначена новая дата предварительных слушаний — 5 апреля 2006 года. К тому же государственный обвинитель должен высказать свое мнение по поводу ходатайства судьи о привлечении материалов баллистической экспертизы к процессу, а защитники — обзавестись необходимыми документами.

Стехновский, которого обвиняют в незаконном приобретении, передаче и хранении оружия и в посягательстве на жизнь государственного и общественного деятеля, рассказал, что он участвовал в качестве посредника при покупке подозреваемым Сергеем Мусиным «автоматического оружия иностранного производства» за три тысячи долларов. Стехновский, который, по

его словам, в 1998 году работал шофером у Мусина, заявил: «Осенью 1998 года я стал посредником в приобретении оружия между Сергеем Мусиным и неким Федоровым». Он рассказал, что этот человек не хотел лично встречаться с Мусиным, и попросил его помочь в совершении сделки. «Мусин вручил мне хозяйственную сумку, я пошел к Федорову, и он положил в нее некий сверток. Я вышел на улицу, по сигналу Мусина поставил ее на землю и отошел в сторону. В этот же день мне позвонил Мусин и сказал, что их все устраивает», — рассказал Стехновский. На суде Стехновский опознал Колчина, Ионова, Краснова и Акишина.

Суд уже прекратил уголовное преследование за истечением срока давности второго подсудимого, Вячеслава Лелявина, по одному из обвинений — в незаконном прослушивании телефонных разговоров Калины Старовойтовой осенью 1998 года перед ее убийством. Примечательно, что сам Лелявин в ходе предварительных судебных слушаний свою вину в этом преступлении признал. Теперь у него из обвинений, которые еще только предстоит доказать в ходе судебного процесса, осталась статья 277 УК РФ — посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля.

Как сообщила адвокат Талина Каширина, участвующая в процессе, в ходе слушаний суд удовлетворил ходатайство подсудимых о слушании дела — 5 апреля 2006 городской суд Санкт-Петербурга постановил, что дело убийц Старовойтовой будет слушаться коллегией присяжных заседателей. Отбор присяжных прошел 26 апреля. Исходя из имеющихся показаний и улик, и Вячеслав Лелявин, и Стехновский были признаны виновными, первого приговорили к 11 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строго режима, второго — к 2 годам. Однако имя заказчика ни в ходе предварительного следствия, ни в ходе суда установлено так и не было.

Всеукраинский детектив, или Дело об убийстве Георгия Гонгадзе

Смерть журналиста, чье имя и страшная судьба сегодня известны всем не только в Украине, но и во всем мире, стала той пресловутой последней каплей, которая переполнила чашу терпения украинского народа и вызвала к жизни общественные потрясения и политический кризис. Собственно, убийство Гонгадзе многие политологи считают одной из главных причин «оранжевой» революции; выходя на улицы, люди четко сознавали: они выступают против власти, убившей человека, чья вина состояла только в том, что он умел думать и открыто высказывал собственные мысли. В том, кто же выступал заказчиком этого преступления и каковы были его мотивы, ни у кого не возникало сомнений. Тем не менее суд все еще не закончен. Правда, наконец-то на скамье подсудимых оказались хотя бы непосредственные исполнители страшного «заказа».

Георгий Гонгадзе

В ночь с 16 на 17 сентября 2000 года в Киеве исчез руководитель интернет-издания «Украинская правда» журналист Георгий Гонгадзе. Ранее он писал в прокуратуру заявление о том,

что за ним ведут наблюдение неизвестные лица, и даже давал номера подозрительных машин! На что правоохранительные органы ответили: жизни и здоровью журналиста ничего не угрожает. В начале ноября того же года в Киевской области, у села Тараща, в лесу был обнаружен обезглавленный труп мужчины; по выводам экспертов, он мог принадлежать Гонгадзе. Голову трупа так и не удалось отыскать. «Таращанское тело» до сих пор не предано земле, несмотря на выводы пяти экспертиз, и лежит в одном из столичных моргов, а уголовное дело по факту убийства движется вперед с поистине черепашьей скоростью. Интересно, что за время следствия в стране сменилось несколько генеральных прокуроров, и каждый из них время от времени менял состав следственных групп — без явных на то причин. Сейчас мать журналиста, Леся Гонгадзе, собирается обратиться в Европейский суд, чтобы потребовать ответственности Генпрокуратуры Украины за игнорирование обращений Георгия: журналист незадолго до своего исчезновения просил у этого ведомства защиты и доказывал, что за ним ведется слежка. Тогда неизвестные открыто называли себя сотрудниками милиции, а на их машине имелись служебные номера службы криминального поиска МВД. Что же касается президента В. Ющенко, то он в августе 2005 года присвоил Гонгадзе звание Героя Украины (посмертно) и заявил, что раскрытие этого преступления является для него делом чести. В том же году глава государства обратился к мировой общественности с просьбой помочь в обнаружении настоящих убийц журналиста. А Фонд гражданских свобод, финансируемый скандально известным бизнесменом Борисом Березовским, вообще готов выплатить вознаграждение в размере 1 000 000 долларов (!) любому лицу, сообщившему следствию данные, которые приведут к аресту виновников трагедии.

В ноябре 2000 года бывший офицер государственной охраны майор Николай Мельниченко через лидера соцпартии Александра Мороза обнародовал аудиозаписи, которые он делал в кабинете президента Кучмы. Эти пленки, охватывающие период с 1999-го по 2001 год, вызвали громкий «кассетный скандал», поскольку они изобличают как самого президента, так и ряд других высоких должностных лиц во многих преступлениях, в том числе в давлении на журналистов, депутатов, судей, а также в причастности к гибели Георгия Гонгадзе. В апреле 2001 года Мельниченко получил политическое убежище в США, где дал американскому суду показания по делу об убийстве журналиста. На родине же, похоже, Мельниченко никто особенно не ждал. Эксмайор приезжал на Украину, где давал показания, даже баллотировался в члены Рады, однако вскоре предпочел уехать

обратно в Штаты, сославшись на нездоровье. Поговаривают, что Мельниченко всерьез озаботился сохранением собственной жизни: многие политики имеют основания беспокоиться, что у бывшего служащего государственной охраны найдется запись и сих голосами.

Сегодня уже доказано, что Гонгадзе убили сотрудники милиции (по некоторым данным — бойцы элитного штурмового отряда «Сокол»). Косвенным доказательством того, что приказ об устранении Гонгадзе был дан с «самого верха», является личное участие в слежке за журналистом тогдашнего начальника департамента внешней разведки МВД генерала милиции А. Пукача. На сегодняшний момент он находится в розыске, но гарантировать, что столь важный свидетель всего лишь ударился в бега, а не отправился на тот свет, никто не может. Еще один человек, который мог бы отдать этот приказ или, по крайней мере, знал истинную подоплеку событий, — покойный эксминистр Юрий Кравченко, чье весьма своевременное «самоубийство» дало возможность свалить на него все смертные грехи. В тот день, когда он должен был прийти в Генпрокуратуру на допрос по делу Гонгадзе, его нашли мертвым с двумя огнестрельными ранениями в голову. Специалисты дали заключение: самоубийство. Однако многие уверены: Кравченко просто убрали, так как человек неспособен сделать два выстрела себе в голову. После раны, нанесенной в область подбородка, должен был наступить острый болевой шок, и предположить, будто покойный смог контролировать себя настолько, что твердой рукой поднес пистолет к виску и снова спустил курок, — чистейшей воды абсурд.

Но вернемся к Гонгадзе. Хотя прокуратура долгое время заявляла о «чисто криминальном характере преступления», ни один разумный человек не поверит, будто какой-то бандит имел возможность незамеченным приблизиться к лицу, находящемуся под наблюдением МВД и СБУ. К тому же незаметно похитить и вывезти за пределы Киева известного журналиста, убить его, закопать, отделить голову, а затем перезахоронить труп, обработав его для ускорения процессов разложения особым химическим составом (согласно данным экспертизы), могли только профессионалы по приказу высших государственных чиновников.

Как бы то ни было, 1 марта 2005 года не генпрокурор, не шеф службы безопасности, не министр внутренних дел, а лично президент сообщил прессе о том, что убийцы Гонгадзе обнаружены и отданы под суд. В распоряжении следователей оказалась даже машина, на которой журналиста вывезли из

столицы. Как стало известно благодаря утечке информации, в салоне даже сохранились пятна крови погибшего. Через два часа после заявления Луценко в одном из киевских подъездов взорвалась граната РГД5. От взрыва пострадали сотрудник УБОПа и проходивший по делу банды «оборотней» Юрий Нестеров, которого милиция содержала под охраной на конспиративной квартире. Оба остались живы. Здесь стоит вспомнить, что главарь «оборотней» И. Гончаров, которого убили в СИЗО, в предсмертном письме утверждал, будто Нестеров лично пытал Гонгадзе «удушением», вследствие чего журналист и скончался. А на следующий день арестованными оказались два полковника и один генерал МВД — непосредственные свидетели либо исполнители убийства. Во время убийства журналиста они работали в департаменте, возглавляемом А. Пукачем. Видимо, напуганный до полусмерти Нестеров решил сдать подельщиков.

В конце января 2006 года Коллегия судей апелляционного суда Киева приняла решение: заседания, на которых будет оглашаться обвинительное заключение, допрашиваться подсудимые, исследоваться материалы дела, объявить закрытыми, поскольку в документах фигурирует государственная тайна. Правда, экс-генпрокурор Украины С. Пискун тут же заявил: в переданной в суд части дела об убийстве журналиста нет документов с грифом «секретно». Госэкспертиза МВД Украины, однако, настаивает, что все материалы этого дела относятся к документам с грифом «совершенно секретно». В начале февраля Генеральная прокуратура Украины предъявила подсудимым по делу об убийстве Георгия Гонгадзе обвинительное заключение. Двое — Николай Протасов и Валерий Костенко — признали свою вину в полном объеме, а один — Александр Попович — частично. Последний подсудимый утверждает, что непосредственного участия в убийстве не принимал. На данный момент процесс снова приостановлен на неопределенное время. Дело в том, что защита пострадавшей стороны (матери и жены убитого) не имеет необходимой первой категории доступа для ознакомления с секретными документами. Сроки же прохождения процедуры на допуск и получение разрешения весьма туманны. В то же время многие украинские политики и международные обозреватели считают, что это дело нельзя считать раскрытым до тех пор, пока не будут обнаружены и наказаны заказчики преступления.

Хотя суд не торопится назвать имена организаторов кровавой драмы и тех, кто своим молчанием их выгораживал, а также вынести окончательный вердикт, предположений и версий данного преступления существует множество.

Одной из самых распространенных версий считается,

например, следующая. Как известно, незадолго до своего исчезновения Георгий Гонгадзе завел роман со своим заместителем, некой Аленой Притулой. Ранее эта девушка сделала журналистскую карьеру, работала на администрацию президента страны и спокойно принимала ухаживания главы президентской администрации Владимира Литвина. Близкое окружение этого человека вовсю шушукалось, что Алена для шефа — гораздо больше, чем просто очередное увлечение. И вдруг Притула резко «сменила курс», закрутив роман с коллегой-журналистом, ушла из президентской администрации в интернет-проект «Украинская правда» и радикально сменила свое окружение. В то же время Гонгадзе со скандалом ушел с радиостанции «Континент». Причина была банальной: деньги. А если точнее, то журналист не захотел делиться полученными средствами с директором радиостанции Сергеем Шолохом, которому вечно не хватало денег. Поскольку гранты выдавались в США под проекты Гонгадзе, но непосредственно радиостанции, Георгию пришлось уйти ни с чем, оставшись буквально без средств к существованию. Тогдато и возникла у журналиста идея создания «Украинской правды». За несколько месяцев работы в проекте он написал более десятка острых и эпатажных материалов, направленных против ряда видных украинских политиков и лично президента. Вот только о Литвине Гонгазде не выдал ни строчки.

В ночь с 16 на 17 сентября 2000 года около 22.30 Гонгадзе исчез неподалеку от квартиры своего зама Притулы; о том, что между Георгием и Аленой существовали не только отношения «начальник — подчиненный», знали многие. Позднее следствие задокументировало любопытный факт: уже два часа спустя после исчезновения шефа «Украинской правды» Пригула точно знала, что с ним произошло несчастье. Девушка связалась со знакомыми, требовала, чтобы они начали обзванивать больницы и морги. В то же время жена Георгия, Мирослава, была вполне спокойна, поскольку тот часто возвращался поздно, а то и вовсе не ночевал дома. Знакомые вообще отмахивались: загулял, мол, мужик, вот и все. Тем не менее рано утром 17 сентября на сайте «Украинской правды» Алена разместила информацию об исчезновении Гонгадзе. У нее, видимо, не было причин сомневаться в том, что с журналистом случилось несчастье. Свою удивительную прозорливость Пригула позднее объясняла. обычным предчувствием. Однако многие ее коллеги убеждены: девушку кто-то предупредил о несчастье, постигшем Гонгадзе, а именно — заказчик. К тому же Алена спустя пару месяцев после исчезновения журналиста внезапно сорвалась с места и,

прихватив несколько знакомых, рванула. в Таращу, не поставив в известность жену Георгия. Пригула также уверенно утверждала, что обнаруженный накануне селянами обезглавленный, полуистлевший труп, — тело Гонгадзе. Почему? Ведь ни одна из проведенных с того времени экспертиз не дала 100 % подтверждения идентичности «таращанских останков» и пропавшего журналиста. Даже немецкие специалисты, завершившие свою работу в конце августа 2005 года, констатируют: вероятность того, что труп может принадлежать биологическому сыну Леси Гонгадзе, — 99,60 %. То есть матерью погибшего в этом случае могут являться четыре женщины из произвольно выбранной тысячи.

Алена Притула по сей день объясняет все свои шаги предчувствием. Возможно, она делает это лишь по одной причине: истинные мотивы произошедшего кардинальным образом могут сместить акценты, подведя под дело, уже давно объявленное политическим, совсем другую подоплеку. Ведь Литвин и в самом деле мог «напустить» подозрительного и помешанного на заговорах Кучму на соперника. Иначе почему в кулуарах Верховной Рады долго гуляла шутка из разряда «черного» юмора: «Гонгадзе потерял голову, но оставил Литвину рога.»?!

Теперь снова вернемся к «кассетному скандалу». Как хотите, но записывать беседы в кабинете президента с помощью спрятанного под диваном диктофона просто невозможно, о чем неоднократно говорили специалисты. Однако каким бы образом Мельниченко ни делал свои записи, результат их, как вы понимаете, оказался весьма интересным.

Когда Притула в отсутствие Гонгадзе разместила на сайте «Украинской правды» материал, дискредитирующий Марчука, проект одномоментно лишился спонсора. Предполагают, что компромат на человека, вложившего деньги в детище Гонгазде, дал Алене именно Литвин. В итоге несколько граждан внушительной комплекции в штатском явились в офис редакции и молча вынесли оттуда всю технику. Правда, этим обиженная сторона и ограничилась. Но и такого шага вполне хватило, чтобы «Украинская правда» оказалась без гроша и под угрозой закрытия. Гонгадзе перебивался, занимая у знакомых, когда по Киеву поползли слухи о том, что президента «слушают» и эти записи можно купить. Вероятно, Георгия и его приятеля-журналиста, редактора интернет-сайта «Украина криминальная» Олега Ельцова весной 2000 года кто-то подтолкнул к «выходам» на пленки. Интересно, что в тот момент сразу несколько лиц, близких к СМИ, получили такую же информацию. Скорее всего,

хозяин записей старался частично обнародовать компромат, создать вокруг него ажиотаж, а затем распродать по кусочкам. Тогда же слухи о торговле пленками дошли до администрации президента. Там прекрасно понимали, что технически осуществить такие записи было несложно, поскольку здание было буквально нашпиговано прослушками. Кроме того, существовала особая комната, начиненная аппаратурой, подключенной к ряду помещений. А кабинет президента прослушивался и записывался все время, пока там находился Кучма, — это являлось стандартной мерой безопасности по охране главы государства. Данную аппаратуру как раз и обслуживала команда офицеров под руководством майора Мельниченко. Предполагают, что Литвин, который как руководитель администрации нес непосредственную ответственность за то, что эти пленки грозят стать достоянием гласности, понял: записи свободно могли покинуть здание при непосредственном участии Алены Притулы (она, кстати, была знакома с Мельниченко). Если верить некоторым эпизодам «горячих» записей, он стал вкладывать в уши мнительному патрону информацию о Гонгадзе. А тот и так не был любимцем главы государства: еще в октябре 1999 года в ток-шоу «Эпицентр» Кучму взбесили вопросы журналиста о причинах коррупции в украинской власти. Работа на радио «Континент» и в «Украинской правде» тоже не добавила Георгию популярности в администрации. В итоге у президента, чье здоровье было подорвано заботами о государстве и бытовым алкоголизмом, выработалось четкое убеждение: в том, что из здания администрации пропали записи его бесед с подчиненными, виноват именно этот журналист. Пытаясь выяснить, к кому же попал похищенный аудиоархив, Кучма дал отмашку задействовать «наружку», проследить за Георгием и отследить его связи. Так он надеялся выйти на продавцов и заказчиков пленок. А Литвин не упускал случая лишний раз проехаться по нервам шефа. Тот, наконец, не выдержал, и в беседе с министром МВД Ю. Кравченко потребовал «наказать проходимца» за «государственную измену». 12 июня 2000 года незаконную оперативную разработку журналиста начало СБУ. 11 же сентября на раздраженный вопрос Кучмы о том, почему Гонгадзе до сих пор спокойно разгуливает по Киеву, Кравченко ответил: «Я его сделаю!» Спустя несколько месяцев в Таращанском лесу нашли обезглавленный труп. А пленки, на которых Кучма обсуждал методику затыкания рта «наглому грузину», стали катализатором мощнейшего за всю историю Украины политического скандала.

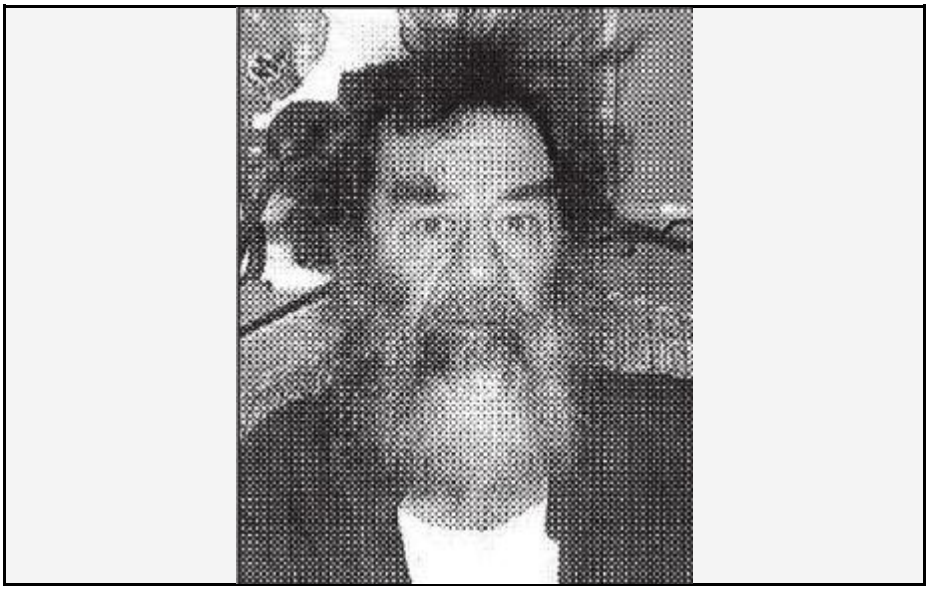
Дело об убийстве Георгия Гонгадзе, насчитывающее уже 60 томов, похоже, грозит не закончиться никогда. Так, недавно

появилась еще одна версия, согласно которой журналист был жив 17–19 сентября 2000 года и находился в Симферополе в связи с громким уголовным делом крупного местного предпринимателя. Есть люди, которые уверяют, будто к исчезновению Гонгадзе, собиравшегося провести независимое судебное расследование, приложили руку симферопольские правоохранительные органы и налоговая администрация.

Тем временем стало известно, что очередное судебное заседание по делу об убийстве журналиста, которое должно было состояться в конце 2007 года, перенесено на 13 февраля 2008 года.

Процесс над Саддамом Хусейном

Дело бывшего диктатора Ирака является, пожалуй, самым громким судебным разбирательством современности. Каждый из 12 пунктов обвинения, предъявленного Хусейну, квалифицируется как «преступление против человечности» и грозит подсудимому смертной казнью.



Саддам Хусейн

Саддам Хусейн (настоящая фамилия — АльТикрити) родился 27 апреля 1937 года в небольшом городке Тикрит, в семье крестьянина. В девятимесячном возрасте мальчик потерял отца, и по местному обычаю его мать стала супругой брата покойного. Однако официальные биографы, не удовлетворившись столь «приземленной» биографией Саддама, заявили: Аль-Тикрити — прямые наследники. зятя пророка Мухаммеда, имама Али!

На школьную скамью Хусейн сел только в девятилетием возрасте и в учебе не особенно преуспел. Попытка поступления в элитарную военную академию в Багдаде закончилась для него позорным провалом. Правда, преподавателям позже пришлось несколько пересмотреть свои взгляды на способности Хусейна, поскольку в 1969 году, уже будучи вице-президентом, он снова объявился в стенах академии — с пистолетом в руке и в

сопровождении четверых вооруженных до зубов охранников.

Дядя-отчим все же помог Саддаму поступить в багдадский колледж «АльХарк», а в 1954 году будущий диктатор стал членом ячейки партии БААС, идеи которой являются невероятной смесью арабского национализма и социализма. Спустя четыре года Хусейн принимал участие в покушении на жизнь премьер-министра Касема, был ранен в перестрелке и бежал в Сирию. На родину Саддам вернулся только в 1963 году, после переворота, совершенного партией БААС, и сразу же занял пост начальника службы порядка. Именно этот человек несет ответственность за кровавые репрессии против инакомыслящих, развернувшиеся в стране в тот период, в течение нескольких месяцев он практически круглосуточно находился в тюрьмах, помогая «заплечных дел мастерам» в их «работе».

Тем временем БААС не смогла удержать власть, и Хусейн на два года — до очередного переворота, произошедшего в 1968 году, — угодил за решетку. Выйдя на свободу, он в течение 11 лет являлся правой рукой президента Ирака. А если откровенно, то именно Саддам был фактическим руководителем страны; что же касается его родственника Аль-Бакра, то тому досталась лишь роль марионетки. Когда Хусейну такое положение вещей окончательно надоело, 16 июля 1979 года старик АльБакр «добровольно» оставил свой пост, уступив, наконец, место своему «серому кардиналу».

Саддам сразу же устроил крупномасштабную «чистку», арестовав и обвинив в «измене и заговоре против нации» 21 члена верхушки БААС.

К слову, эти люди числились друзьями диктатора. В свое время они помогли Хусейну подняться на вершину власти. Чтобы морально уничтожить «предателей» и вынудить их дать необходимые показания, новый президент подписал приказ о заключении вчерашних соратников в одиночные камеры, поместив в соседние камеры детей арестованных. Как установлено, их пытали и насиловали на глазах родителей. Допросы чередовались с пытками, в которых участвовал сам Хусейн. Наконец, «предателей» казнили. Президент лично руководил страшной церемонией.

Моральные ценности этого человека всегда менялись в зависимости от его личных интересов. Саддам всегда делал лишь то, что считал выгодным для себя самого. Союз с коммунистами, а затем разгром компартии, физическое устранение всех потенциальных конкурентов, восьмилетняя война с Ираном (самая кровопролитная на Ближнем Востоке за последние 50 лет), вторжение в Кувейт — подходящие примеры такой тактики. Дело

дошло до того, что тогдашний генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр назвал Саддама «человеком, не способным осознать всю тяжесть сложившейся ситуации». Правда, президент Египта и король Саудовской Аравии были не столь вежливы. Первый обозвал диктатора «психопатом», а второй — «психически неполноценным». Английские психиатры тоже пришли к неутешительному выводу, заявив, что Хусейн является «злокачественным нарциссом». Для таких личностей как раз характерны садистская жестокость, мания величия в крайней степени, болезненная подозрительность и отсутствие способности к раскаянию. Саддаму и правда были присущи все вышеназванные черты. Этот хладнокровный и жестокий прагматик воспринимал людей лишь как орудие для достижения своих целей, считая, что любое преступление оправдано, если оно ведет к цели. Он был глубоко убежден в собственной исключительности; в частности, диктатор отождествлял себя с вавилонским царем Навуходоносором, разрушившим Иерусалим и державшим его жителей в плену на протяжении многих лет, и пытался уверить иракцев, будто ведет родословную именно от этого правителя. Хусейн даже разработал план провозглашения Ирака исламским государством, Багдада — столицей халифата, а себя — эмиром всех правоверных. Кроме того, он назначил себя «высшим религиозным авторитетом в вопросах мусульманского права» и занялся созданием собственного толкования Корана.

9 апреля 2003 года режим Хусейна пал в результате вторжения в Ирак коалиционных войск. В тот день диктатор намеревался покончить с жизнью, выйдя с ручным противотанковым гранатометом на американский танк. Один из соратников Саддама отговорил его от этого, убедив, что в тяжелое для страны время лидер просто не имеет права бросить свой народ на произвол судьбы. Около полугода Саддаму Хусейну удавалось скрываться от американцев, однако в декабре 2003 года он был пойман.

Судебный процесс над бывшим президентом Ирака начался 19 октября 2005 года. Место, где содержали Хусейна в перерывах между слушаниями, тщательно скрывалось. Сам же Высший уголовный трибунал проходил в «зеленой зоне» иракской столицы, где расположен комплекс правительственных корпусов, в специально выстроенном для этой цели зале. Безопасность на процессе обеспечивали более 10 000 полицейских; периметр зоны патрулировался танками, в небе постоянно находились вертолеты. Подсудимые находились в специальной клетке за пуленепробиваемым стеклом. Для разбирательства были выбраны пятеро судей, причем имена их держались в тайне. На процессе

присутствовало небольшое число наблюдателей и журналистов, однако для публики зал был закрыт. Слушания периодически транслировались по телевидению, однако прямой трансляции из зала суда не велось: запись передавалась с небольшой задержкой. Вместе с Хусейном на скамье подсудимых оказались еще семь человек из высших эшелонов власти Ирака.

В самом начале первого заседания бывший диктатор заявил, что отказывается признать законность процесса над ним, выразив вместе с тем «уважение к судьям лично». Кроме того, Хусейн отказался назвать председателю суда свое имя и дату рождения, заявив, что тот, являясь иракцем, и без того знает, с кем имеет дело. Подсудимый продолжал считать себя президентом страны и настаивал на незаконности оккупации Ирака.

В принципе, уже по первому обвинению Хусейну грозила смертная казнь через повешение. Согласно иракским законам, такие приговоры приводятся в исполнение в течение 30 дней после рассмотрения апелляции. Но в случае оправдательного приговора (либо замены казни тюремным заключением) экс-диктатору должны были поочередно выдвигаться новые обвинения, квалифицированные как преступления против человечности: массовое уничтожение курдов из племени Барзани в 1983 году; этнические чистки курдов в 1988 году; применение химического оружия в курдском городе Хальбаджа в 1998 году (5000 погибших и 10 000 раненых); жестокое подавление восстаний шиитов и курдов в 1991 году; вторжение в Кувейт; развязывание войны с Ираном; ликвидация религиозных и политических партий и убийство их лидеров; уничтожение оппозиционных политиков; подготовка терактов при помощи оружия массового уничтожения и т. п. Кроме этого против Хусейна было выдвинуто также более 2 миллионов (!) частных обвинений, имелось более 7000 свидетелей его преступлений.

Дело бывшего диктатора состояло из 12 обвинений. Первым Хусейну было предъявлено обвинение в массовом убийстве жителей городка эд-Дуджейль, имевшее место в 1982 году. Тогда президент совершал поездку по югу страны и его кортеж был атакован боевиками шиитской нелегальной организации. В ответ на это нападение в городок спешно ввели спецназ и национальную гвардию. Под арестом оказались без малого 700 человек, 148 из них впоследствии казнили без суда и следствия. Под приказами стояла подпись самого Хусейна.

Но это, так сказать, официальная версия. Вероятнее же, что на самом деле никакого покушения на диктатора тогда никто не совершал. Просто Саддаму требовался повод для уничтожения группы местных шиитов, не согласных с режимом. К слову,

шиитский город эд-Дуджейль находится в центре самой взрывоопасной зоны Ирака — так называемого суннитского треугольника. Следствие считало, что саддамовские спецслужбы организовали провокацию и «под шумок» убрали всех недовольных. «Зачистка» производилась на редкость жестоко: людей избивали, уничтожали, запугивали, бульдозером сровняли с землей шиитскую мечеть и дома «врагов народа». Уничтоженными оказались и несколько гектаров пальмовых плантаций: гвардейцы Саддама под корень вырубили 300летние деревья, кормившие не одно поколение жителей городка. Последние, кстати, до сих пор не рискуют рассказывать о тех жутких событиях перед телекамерой.

Эксдиктатор отказался предоставить судебным экспертам образец своей подписи для сравнения с подписью, фигурирующей в документах по делу жителей эд-Дуджейля. Правда, он мотивировал свои действия тем, что согласился бы работать с независимыми международными экспертами, а не с сотрудниками отечественных структур. Адвокатской группе удалось тогда добиться отсрочки слушаний на месяц, а в Багдаде и его окрестностях тем временем прокатилась волна терактов.

После этого советник министерства по правам человека Курдистана Адалят Омар Салех сообщила, что, по всей вероятности, Саддаму Хусейну и его семерым сподвижникам придется предстать перед судом по делу «АльАнфаль»: диктатора обвиняют в геноциде курдов в 1987–1988 годах. В ходе проводимой тогда по распоряжению диктатора одноименной операции были убиты около 200 000 человек, включая стариков и детей, и уничтожены 4500 поселений.

Адвокаты экс-диктатора оспаривали правомерность суда, называя его неконституционным и некомпетентным. По мнению стороны защиты, процесс над «легитимным президентом Ирака» был не более чем фарсом, разыгрываемым стараниями США. Судьи же, мол, подтасовывали документы и стремились любой ценой приговорить Хусейна к смерти, «уже объявляя вердикт, но еще не завершив процесс». И обвиняемые, и их защитники неоднократно бойкотировали разбирательство, в результате чего 24 заседания не дали желаемого результата. Обвинение считало, что адвокаты намеренно затягивали процесс. А документов у суда накопилось немало — 36 тонн. На рассмотрение их могут потребоваться годы.

Тем временем Хусейн в свободное от слушаний время занимался литературной деятельностью и собирался подать иск в Международный суд в Гааге на правительства Соединенных Штатов Америки и Великобритании — за массовые убийства

иракцев в Багдаде, Рамади и Эль-Фаллудже, а также за издевательства над пленными в тюрьме «Абу-Грэйб». А его сограждане распространяли рукописи в «самиздате» и обсуждали их. Ведь многие иракцы считали, что Хусейн на самом деле боролся за улучшение их жизни. И по крайней мере несколько сотен человек готовы были дать показания в защиту бывшего президента. Но этого не потребовалось. 5 ноября 2006 года суд объявил бывшего президента Ирака виновным в преступлениях перед человечеством и приговорил к смертной казни. 30 декабря 2006 года в 06.00 по местному времени приговор был приведен в исполнение. Казнь состоялась в присутствии семи представителей власти Ирака. Вместе с Саддамом Хусейном были повешены бывший глава иракской разведки Баразан Ибрагим аль-Тикрити и экс-глава Революционного трибунала Аввад Хамид аль-Бандар.

На скамье подсудимых — террористы
Выстрелы, прогремевшие на весь мир

Франц Фердинанд

Гаврило Принцип

Убийство наследника престола Австро-Венгерской империи Франца Фердинанда произошло в Сараеве более чем 90 лет назад. Это трагическое событие стало отправной точкой Первой мировой войны, а по сути — и обеих мировых войн в XX веке. Поверить в то, что небольшая группа террористов, задумавшая и осуществившая убийство, предрешила начало мировой войны — весьма сложно. Неужели так уж велика роль случая в истории? Нет, начало войны в 1914 году было далеко не случайным. Но вполне вероятно, что без выстрелов в Сараеве всемирная история пошла бы по другому пути — без потрясающих общественных катаклизмов и невиданных жертв.

28 июня 1914 года в столице Герцеговины Сараеве двумя выстрелами из браунинга были убиты наследник австро-венгерского престола, пятидесятилетний эрцгерцог Франц Фердинанд д'Эсте и его жена герцогиня фон Гогенберг. Это уже само по себе драматическое событие имело роковые последствия для всего человечества. Послужив формальным поводом для начала войны между Австро-Венгрией и Сербией, оно положило конец благостному XIX веку и открыло эпоху невиданных военных конфликтов, кровавых революций, массовых репрессий и все ужесточающихся террористических актов.

25 июня 1914 года эрцгерцог, около года назад получивший наивысший в Австро-Венгрии военный пост, прибыл в Боснию и Герцеговину на военном корабле. Здесь проводились маневры, на

которых он должен был присутствовать в качестве генерал-инспектора австрийской армии. Маневры прошли отлично, и на воскресенье (28 июня) была назначена политическая часть визита: торжественный проезд наследника престола по Сараево и посещение органов самоуправления.

Воскресным утром процессия из четырех открытых автомобилей во главе с эрцгерцогом въехала в Сараево и двинулась вдоль набережной Аппель по направлению к зданию мэрии. Франц Фердинанд, соответствуя торжественности момента, в полной военной форме, при орденах, сидел в первом автомобиле. Рядом с ним находилась его жена Софи, герцогиня Гогенбергская — очаровательная женщина. Белое нарядное платье герцогини ослепительно сверкало в лучах июньского солнца. Августейшие супруги были в приподнятом настроении. В этот день исполнялось 14 лет со дня их свадьбы. И Фердинанд, сторонник независимости южных славян, решил отпраздновать семейное событие в Сараеве, которое некогда было столицей Боснии. Интересен тот факт, что 28 июня было не только днем свадебной годовщины эрцгерцога, но и днем святого Витуса, днем национальной скорби южнославянских патриотов, которые в 1914 году отмечали 525-ю годовщину битвы при Косове, когда боснийская армия была разгромлена турками. Именно из-за совпадения дат — дня святого Витуса и приезда в Сараево эрцгерцога — о заговоре впоследствии много говорили как о некоем мистическом событии.

На людных улицах Сараево в тот день было торжественно, празднично и шумно. Автомобильную процессию эрцгерцога встречали стоявшие вдоль улиц толпы горожан, приветствовавшие криками наследника австро-венгерского престола. Кортеж медленно двигался в сторону городской ратуши, как вдруг юноша из толпы бросил в направлении автомобиля эрцгерцога какой-то предмет. Увидев это, Франц Фердинанд одной рукой заслонил жену, другой — откинул предмет в сторону. Предмет, оказавшийся бомбой, отлетел под колеса машины сопровождения и там с оглушительным грохотом взорвался. При взрыве пострадали 22 человека, в числе которых были и два офицера из свиты эрцгерцога. Сам он не пострадал, у графини была легко оцарапана шея. Торжественность процессии, естественно, нарушилась. В толпе поднялась паника. Но террористу, метнувшему бомбу, скрыться в суматохе не удалось, его схватили.

Разгневанный Франц Фердинанд и его сопровождающие приняли решение, что процессия продолжит свой путь, изменив маршрут. Однако в неразберихе никто не предупредил об этом

шофера эрцгерцога, и тот поехал по пути, утвержденному заранее, то есть свернул с широкой набережной на узкую улочку Франца Иосифа. Заметив это, военный губернатор Боснии Оскар Потиорек закричал: «Это неверный путь! Назад!». Водитель резко затормозил и остановил автомобиль. По злополучной случайности как раз на этом месте, в двух метрах от машины, стоял еще один из вооруженных террористов — девятнадцатилетний Таврило Принцип. Франц Фердинанд оказался, что называется, лицом к лицу с человеком, державшим в протянутой руке револьвер. Раздались два выстрела. Первая пуля разорвала сонную артерию эрцгерцога, вторая перебила брюшную аорту его жены. Эрцгерцог успел только сказать: «Софи, Софи! Не умирай, ради детей!» Но уже через несколько минут они оба были мертвы. Тем временем на набережной схватили стрелявшего. Террорист отчаянно сопротивлялся, пытался покончить с собой, но ему не дали этого сделать. В схватке лишь по счастливой случайности не взорвалась находившаяся при нем бомба. Принципа сильно избили, он получил ранение (в тюрьме рана открылась, и ему пришлось ампутировать руку). Чудом оказавшийся рядом фотограф-любитель снял едва ли не самый момент покушения. Но тогда никто и предположить не мог, насколько значимым будет этот момент в мировой истории. Никто не думал, что трагедия в Сараеве послужит поводом для начала крупномасштабной, жестокой и бессмысленной войны.

В ходе следствия полиция арестовала не один десяток заговорщиков. Выяснилось, что в день убийства на улицах города находилось семь вооруженных террористов. Основными фигурантами в деле выступили исполнители покушения: Г. Принцип — убийца эрцгерцога и его жены и Н. Габринович — неудачливый бомбометатель. Оба юнца являлись членами националистической организации «Млада Босния», которая ставила своей целью борьбу за освобождение Боснии и Герцоговины из-под власти Австро-Венгерской монархии и объединение их с Сербией в единое государство южных славян — Югославию. Сегодня, когда девять десятилетий спустя в Боснии пролилось столько крови, чтобы страна отделилась от Сербии, упоминания об организации «Млада Босния» и связанных с ней событиях звучат со злой иронией. Без сомнения, история порой играет с нами в свои, не всегда доступные нашему пониманию игры.

«Млада Босния» находилась под контролем сербской террористической организации «Объединение или смерть», более известной как «Черная рука», во главе которой стоял полковник Д. Димитриевич, одновременно возглавлявший разведку

генерального штаба Сербии. Димитриевич утверждал, что убийства и террористические акции вполне законны и оправданны в качестве средств политической борьбы, а главное — они гораздо более эффективны, нежели «интеллектуальная пропаганда». Уже к концу 1913 года «Черная рука» сумела полностью подчинить своему влиянию «Младу Боснию» и превратить неясные, но пылкие стремления ее членов в конкретные хладнокровные террористические действия. Первым таким делом должно было стать убийство генерала О. Потиорека. К покушению активно готовились, как вдруг неожиданно пришло известие, что 28 июня 1914 года эрцгерцог Фердинанд намерен посетить Сараево. Планы террористов мгновенно изменились, и теперь все усилия боснийских «борцов» были направлены на убийство эрцгерцога, олицетворявшего, по их мнению, ненавистную монархию. Г. Принцип, Н. Габринович и Т. Грабец поселились в столице Сербии Белграде. Здесь они прошли самую настоящую боевую подготовку. Возвратившись в Боснию, эти студенты вместе со школьным учителем Д. Иличем, завербовавшим еще четырех парней, стали готовиться к убийству Фердинанда. Каждому из подготовленных террористов был выдан пистолет, граната, а чуть позже еще шесть бомб, четыре браунинга и доза цианистого калия для того, чтобы покончить с собой во избежание ареста. По утверждению историка Р. Эрганга, «несколько членов сербского кабинета, включая премьер-министра, знали о заговоре, и будь у них намерение помешать покушению, они легко бы с этим справились».

Суд над Г. Принципом и его сообщниками начался в Сараеве 12 октября 1914 года. Всего к суду было привлечено 25 человек. «Здесь судят малую группу участников безобразного, жестокого и глупого убийства. Настоящие преступники находятся в Белграде», — заявил прокурор. Судебное заседание, на которое были приглашены журналисты, длилось неделю, после чего был объявлен приговор. Д. Илич, признанный руководителем заговорщиков, и еще четверо членов «Младой Боснии» были приговорены к смертной казни; Г. Принцип, Н. Кабринович и Т. Грабец — к двадцати годам тюрьмы (поскольку Г. Принцип был несовершеннолетним, смертную казнь ему заменили тюремным заключением), Попович — к тридцатилетнему заключению. Для большинства осужденных это означало медленную смерть. Так и случилось. Кабринович и Грабец умерли от туберкулеза через два года. Принцип, который тоже страдал от чахотки, дожил до 1918 года. И только Поповичу удалось отсидел весь срок и выйти на свободу уже пожилым человеком. Всего в результате судебного расследования шестнадцать террористов были осуждены, девять

оправданы, трое приговорены к смертной казни.

Приговор, вынесенный Принципу, был странным и сложным: 20 лет тюремного заключения, с одним днем полного поста в месяц и с заключением в какой-то особый карцер в каждую годовщину сараевского дела. Свой срок Принцип отбывал в тюрьме чешского городка Терезин. Там преступник и умер. Его похоронили в ничем не обозначенном месте, могилу сровняли с землей. Один из солдат, участвовавших в этой процедуре, запомнил место погребения, и позже тело отыскали. В 1926 году останки убийцы с почестями были перезахоронены в Сараеве. На той самой улице, где когда-то было совершено преступление, находится музей Г. Принципа — музей в честь убийцы, давшего повод для развязания Первой мировой войны.

Выстрелы, прозвучавшие 28 июня 1914 года в Сараеве, как писали тогда газеты, «прогремели на весь мир». Политики Европы и Америки с тревогой, но без особых надежд на благоприятный исход, ждали продолжения кровавой трагедии, начавшейся в Сараеве. «Это действительно ирония судьбы, что будущий император, который постоянно выступал в защиту прав южных славян, пал жертвой преступной пропаганды и пансербской агитации», — заявил британский консул в Будапеште. Никто не сомневался, что действия убийц-заговорщиков направлялись из Белграда, тем более что «Черная рука» и не пыталась скрывать свои намерения (два года спустя глава «Черной руки» Д. Димитриевич был приговорен к смертной казни за попытку убийства регента будущего короля Сербии). Германия, Англия, Франция и страны, входившие в Австро-Венгерскую империю, выражая глубокие соболезнования двору Франца Иосифа, высказывали все же надежду, что «Австрия будет действовать так, чтобы не вовлечь всю Европу в расхлебывание последствий трагедии». Император Франц Иосиф I, всегда прохладно относившийся к своему августейшему племяннику, похоронил Франца Фердинанда и его супругу весьма сдержанно, если не сказать бесстрастно. Он положил на могилу герцогини Софи две белые перчатки. Это означало, что он считает ее лишь придворной дамой (Франц Иосиф так и не смог простить своему племяннику его морганатический брак с «простой графиней»). Однако австрийское правительство решило выжать из убийства максимум возможного.

23 июля 1914 года правительство Австро-Венгрии направило Сербии ультиматум с требованием распустить и запретить все националистические организации, призывающие к террору. Кроме того, Сербии предлагалось принять участие в расследовании убийства, арестовать официальных лиц,

поддерживающих заговор против Габсбургской монархии, допустить к расследованию специалистов из Вены, а также принести свои извинения империи и таким образом признать свою долю вины в случившемся. Сербия выразила готовность принять основные пункты ультиматума. Однако между строк прочитывалось, что сербы вовсе не собираются выполнять все требования Вены и не так уж опасаются каких-либо враждебных действий с ее стороны. Ровно через месяц после покушения — 28 июля 1914 года — Австро-Венгрия объявила Сербии войну. Николай II, пренебрегая мнением тех, кто надеялся удержать его от пагубного шага, объявил в Российской империи мобилизацию. В ответ на это Германия — союзница Австро-Венгрии — объявила войну России. Великобритания и Франция — союзники России — объявили войну Германии. И смертоносное колесо мировой войны закрутилось. «Какая-нибудь глупая мерзость на Балканах может привести к великой войне в Европе», — говорил Бисмарк. В начале XX века так и произошло. С той лишь поправкой, что война охватила не Европу, а весь мир. Так, с убийства в Сараеве началась Великая мировая война — первый конфликт мирового масштаба, в который было вовлечено 38 из существовавших в то время 59 независимых государств. Первая мировая война — одна из самых длительных, кровопролитных и значительных по последствиям в истории человечества — продолжалась более четырех лет. Все воевали со всеми, на уничтожение людей были брошены только что изобретенные аэропланы и танки, ядовитые газы и пулеметы. Население воюющих стран составляло свыше 1,5 млрд человек, то есть около 87 % всех жителей Земли. В общей сложности за годы войны было мобилизовано около 73,5 млн человек. Из них более 10 млн было убито, 20 млн ранено и 3,5 млн человек навсегда остались калеками. К тому же была перекроена карта Европы, начались великие революционные потрясения, изменившие ход мировой истории.

Суд, которого не было

30 августа 1918 года во время митинга на заводе Михелъсона в Замоскворецком районе Москвы тремя выстрелами был ранен глава Советского государства Владимир Ленин. По подозрению в совершении покушения была арестована Фанни Каплан, признавшая свою вину. Каплан утверждала, что это решение она приняла самостоятельно и сообщников не имеет. К расследованию преступления подключились нарком юстиции Д. Н. Курский, член коллегии этого же наркомата М. Ю. Козловский, секретарь ВЦИК В. А. Аванесов, заместитель председателя ВЧК Я. Х. Потере, заведующий отделом ВЧК Н. А. Скрыпник, следователь по особо важным делам Верховного Трибунала РСФСР и ВЧК В. Э. Кингиссепп. «Пуля, направленная в нашего вождя предательской рукой изменника, стремилась поразить сердце и мозг мировой социалистической революции, — гласила резолюция Московского совета рабочих и крестьянских депутатов. Ответом на покушение стал развязанный в стране так называемый «красный террор».

Фанни Каплан

3 сентября 1918 года. Четыре часа пополудни. Помещение кремлевского гаража. Худая, растрепанная женщина близоруко

щурится, поглядывая на автомобиль, который отвезет ее на очередной допрос. Сколько их было за последние пять дней? Все слилось и смешалось в сознании: лица следователей, яркий свет лампы, бесконечные вопросы. Болит голова и саднит исколотая прохудившейся обувью пятка. «К машине!» — приказ кремлевского коменданта Малькова пронзает ноющий висок как пуля. И точно: вслед за возгласом, будто с небольшим опозданием, раздается выстрел. Все. Занавес.

А что потом? Тело женщины обольют бензином и сожгут. Искавший на казни революционного вдохновения пролетарский поэт Демьян Бедный получит его сполна и потеряет сознание.

30 августа на исходе. Лубянка. Допрос продолжается не один час. Оба — и следователь, и подследственная — смертельно устали друг от друга. Вопросы Я. Петерса следуют один за другим.

— Кто вы?

— Кто ваши сообщники?

— С какой партией вы связаны?

— Кто руководил подготовкой покушения?

В ответ или молчание, или скупое «не скажу». Впрочем, чистосердечное признание давно получено. Но поверить, что Каплан — террористкаодиночка… Нет, невозможно. Разве что она сумасшедшая… В какой-то момент нервы задержанной действительно сдают.

— Убила я его или нет?! — истерически кричит Фанни. Ответ повергает женщину в еще большее отчаяние. Все зря. Неожиданно Яков Петерс задает вопрос, к делу не относящийся:

— Кем был ваш отец?

И Фанни вдруг раскрывается, словно пытаясь в воспоминаниях о дореволюционном прошлом спрятаться от кошмарного настоящего. Следователь спрашивает Каплан о детстве, о каторге, о проблемах со зрением.

«Я, Фаня Ефимовна Каплан. Под этой фамилией жила с 1906 года. В 1906 году была арестована в Киеве по делу о взрыве. Была приговорена к вечной каторге. Сидела в Мальцевской каторжной тюрьме, а потом в Акатуевской тюрьме.» В сухих строках протокола допроса — вся жизнь Фейги Ройдман (таково настоящее имя задержанной).

Она родилась в 1890 году в Волынской губернии в многодетной семье меламеда — учителя еврейской религиозной начальной школы. Хаим Ройдман дал ей очень поэтическое и мирное имя. Фейга значит «фиалка». С таким именем можно растить детей, фаршировать рыбу и вышивать гладью. Знал ли отец, что его цветочек захочет убивать? Водоворот революции

1905 года подхватил несовершеннолетнюю фиалку, вскружил голову и вынес на анархистский берег. Друзья-революционеры дали ей менее ботаническое имя — Дора.

22 декабря 1906 года в 1й купеческой гостинице на киевском Подоле прогремел взрыв. На месте была задержана молоденькая модистка Фейга Каплан. Именно это имя было написано в найденном при обыске фальшивом паспорте. Также в дамской сумочке обнаружили еще один далеко не дамский предмет, а именно заряженный браунинг. Девушка была легко ранена, на вопросы не отвечала, отказывалась даже назвать свое настоящее имя. Однако и без ее показаний полиции все было ясно. В номере взорвалась бомба, предназначавшаяся кому-то из высших чиновников, предположительно киевскому генерал-губернатору. С террористами в то время не церемонились. Будь Дора чуть постарше, не миновать бы ей смертной казни. Но ввиду несовершеннолетия Фейга Каплан была приговорена к пожизненной каторге. В 1913 году в связи с амнистией, объявленной к 300-летию дома Романовых, срок сократили до 20 лет.

Четыре года Каплан была узницей Мальцевской каторжной тюрьмы. Она страдала от сильнейших головных болей (видимо, сказалась не замеченнная врачами контузия при взрыве в гостинице). Летом 1909 года во время очередного приступа девушка совсем ослепла. Зрение вернулось через три дня, однако вскоре новый припадок погрузил ее в кромешную тьму, теперь уже надолго. Товарки жалели подругу, надзиратели считали симулянткой. Фанни пыталась наложить на себя руки. Однако жизнь взяла верх. Каплан смирилась, даже начала изучать шрифт Брайля.

В 1911 году ее перевели в Акатуйскую каторжную тюрьму в Нерчинском горном округе Забайкалья. Здесь судьба свела ее со знаменитой социал-революционеркой Марией Спиридоновой. Старшая подруга привила Фанни свои политические взгляды. На волю, дарованную Февральской революцией, Каплан вышла уже убежденным эсером.

Воодушевленная громадными переменами Фанни примчалась в Москву. Здесь она поселилась у своей подруги-политкаторжанки Анны Пигит в доходном доме на Большой Садовой (том самом, куда Булгаков лет через десять поселит Воланда). Летом ей, как жертве царизма, предоставилась возможность за государственный счет отдохнуть в Крыму. В Евпаторийском санатории для бывших политкаторжан Фанни познакомилась с Дмитрием Ульяновым и, по слухам, между ними даже завязался роман. Младший брат Ленина посоветовал Каплан обратиться в харьковскую

офтальмологическую клинику к знаменитому Гиршману и сам дал ей направление. Операция оказалась успешной. Но прозрение пришло не только в физическом смысле. Октябрьский переворот открыл ей глаза на большевизм. Учредительное собрание распущено. Объявлена диктатура пролетариата. О каком социализме теперь может идти речь? Потом был митинг на заводе Михельсона, выстрелы, ранение В. И. Ленина, арест на Серпуховской улице, признание. Но все ли так просто?

На самом деле в образовавшейся давке невозможно было понять, кто и из чего стрелял в Ленина. Каплан задержали вне территории завода на Серпуховской улице. Женщина стояла под деревом, в руках держала сумочку и зонтик. Вид у нее был странный, и именно это заставило помощника комиссара Батулина заподозрить в Каплан лицо, «покушавшееся на товарища Ленина». Никакого револьвера при ней найдено не было. «Это сделала я!» — сказала Фанни. И этого было достаточно, чтобы в машине революционного правосудия завертелись все колеса. Завертелись, впрочем, неслаженно: показания свидетелей противоречили друг другу, орудие покушения не нашли, подковерные партийные интриги мешали следствию.

В первосентябрьском номере «Известий» чекисты обратились за помощью к населению: «Чрезвычайной комиссией не обнаружен револьвер, из коего были произведены выстрелы в тов. Ленина. Комиссия просит лиц, коим известно что-либо о нахождении револьвера, немедленно сообщить о том комиссии.» 2 сентября оружие было найдено. Его принес некий Кузнецов, якобы подобравший браунинг «на память». И это в царившей после покушения суматохе, когда чекисты проверяли всех без разбора!

О том, как «дамочка в черном» применила этот револьвер, каждый из 17 опрошенных свидетелей твердил свое. То оказывалось, что полуслепая женщина стреляла в вождя как минимум с двадцати шагов. И как только попала! По другой версии, она подошла к Ильичу практически вплотную. Тогда удивительны промахи. А кто-то утверждал, что эсерка прикрывалась мальчиком, стоявшим рядом с Лениным, — ребенка, ведьма, не пожалела! Шофер Ленина как-то не сразу «вспомнил» о том, что Каплан сразу после выстрелов бросила револьвер ему под ноги. Чуть позже он добавил к показаниям, что «толкнул его ногой под автомобиль». Заметим, что сам Ленин, придя в себя после выстрела, вообще спросил: «Его поймали?»

Вначале в качестве возможной соучастницы была задержана кастелянша Попова. Во время выстрелов она ближе всех

находилась к главе государства и тоже получила ранение. По мнению чекистов, эта гражданка, будучи в сговоре с Каплан, должна была то ли отвлекать охрану, то ли подставить Ильича под выстрел. Однако Кингисепп вскоре понял, что это не так: «Допросив подробно обеих дочерей Марии Григорьевны Поповой, я вынес вполне определенное впечатление, что М. Г. Попова является заурядной обывательницей, которая если интересовалась какими-либо общественными вопросами, то исключительно вопросом о хлебе. Нет ни тени подозрений, чтобы она была причастна к правоэсеровской или иной партии или к самому заговору. Дочери являются достойными дочерьми своей матери, выросли в нужде и беде, и картофель для них выше всякой политики. Ольгу и Нину Попову освободить».

Время шло, а следствие не продвигалось вперед. 2 сентября Свердлов созвал президиум ВЦИК. Петерс заявил, что нужно еще время. Доказательств не хватает, еще не готова дактилоскопическая экспертиза. Мнение Свердлова однозначно: расследование продолжать без Каплан. Она ведь во всем уже призналась. Сложившаяся ситуация требует решительных действий — расстрела. Вот выдержка из протокола.

Свердлов: «В деле есть ее признание? Есть. Товарищи, вношу предложение: гражданку Каплан за совершенное ею преступление сегодня расстрелять».

Петерс: «Признание не может служить доказательством вины».

Позже он признается: «У меня была минута, когда я до смешного не знал, что мне делать, — самому застрелить эту женщину, которую я ненавидел не меньше, чем мои товарищи, или отстреливаться от моих товарищей, если они станут забирать ее силой, или. застрелиться самому».

Впрочем, отстреливаться Петерс не стал. Каплан забрали из Лубянки в Кремль. Попытка найти «заказчиков» покушения в странах Антанты (Фанни посадили в одну камеру со «шпионом» — британским посланником Брюсом Локартом) не увенчалась успехом. 3 сентября женщину повели в гараж.

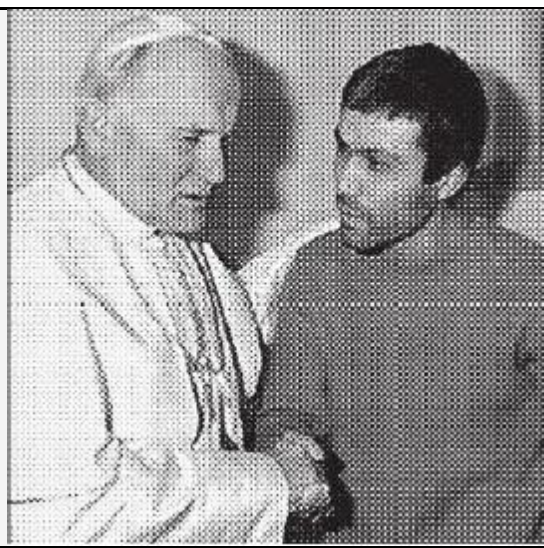
Через четыре года после расстрела сообщники Каплан все-таки «найдутся». В 1922 году состоится процесс над лидерами социал-революционеров. Г. Семенов и Л. Коноплева, руководители боевой группы эсеров, признаются, что это они готовили теракт и руководили действиями Фанни. Однако все это вызывает большие сомнения. Если террористы действительно хотели убить Ленина, почему доверили это дело больной слабовидящей женщине, которая одним своим «экзальтированным» видом вызывала подозрения? Почему хотя

бы не снабдили ее удобной обувью (в одной из туфель Фанни торчал гвоздик)? Скорее всего дело Каплан просто использовали, чтобы обезглавить эсеровское движение. Пострадали многие. Но в их числе не было. ни Семенова, ни Коноплевой. После суда эта парочка оказалась на свободе. Поразительный пример мягкости советского правосудия! Особенно если вспомнить, как оно обошлось с Каплан! Интересно, что никто из осужденных эсеров не подтвердил показания «соучастников покушения на Ленина».

Так кем же была Фейга Ройдман, Дора, Фанни Каплан? Полусумасшедшей террористкой-одиночкой, решившей, что ее слабая женская рука способна изменить историю огромной страны? Или, может, она — лишь безвольная пешка в чьей-то чужой игре? Та поспешность, с которой от нее избавились, многочисленные противоречия в свидетельских показаниях, нежелание некоторых соратников Ленина дождаться настоящих результатов следствия — все это говорит в пользу второй версии. Создается впечатление, что кому-то очень нужно было замести следы неудавшейся внутрипартийной интриги. Этот кто-то и смахнул небрежно фиалку в огонь.

Дело Мехмеда Али Агджи

Террорист, совершивший покушение на Папу Римского Иоанна Павла II. В разное время скрывался под псевдонимами Йогиндер Сингх, Фарук Озгюн, Император, Метин, Мурат, Хаджи. О том, кем же является этот человек — революционером, сумасшедшим или пешкой в масштабном заговоре, — спорят и по сей день…



Иоанн Павел II в тюремной камере у Агджи

Имя Мехмеда Али Агджи стало известным во всем мире в связи с покушением на жизнь Папы Римского Иоанна Павла II. Трудно желать зла человеку, которого простил сам понтифик, но и забыть преступление, совершенное этим боевиком, несмотря ни на что, не получается. Ведь, как ни крути, Кароль Войтыла сумел стать личностью, ценной как для собственной паствы, так и для приверженцев иных религиозных конфессий и даже для неверующих. Поэтому попытка устранения папы-славянина вызвала огромный резонанс в мире. По счастливой случайности, в тот раз трагедии не произошло, Иоанн Павел II выжил. Тем не менее, именно злополучная пуля, выпущенная Мехмедом Али Агджой, запустила тот зловещий механизм болезней, который, в конечном итоге, и свел понтифика в могилу.

Мехмед Али Агджа родился 9 января 1958 года в поселке

Хекимхан, в бедной семье крестьянина-издольщика. Уже в восьмилетнем возрасте мальчику пришлось устроиться работать водоносом, чтобы помогать родителям, а затем он перебрался в Малатью, где работал на стройке. Поскольку Агджа страдал эпилепсией, приятелей у него было мало; однако судьба дала парню шанс, наделив его великолепной фантазией и хорошим слогом. Это помогло Мехмеду получить стипендию в учительском лицее.

Правда, талантом своим молодой человек воспользовался несколько иначе, чем предполагали его педагоги. Во время учебы турок нашел себе кумиров в лице Карлоса и Гитлера, еще больше озлобился, вспышки агрессивности проявлялись все чаще. Окончив лицей, по специальности Агджа работать не стал. Вместо этого он довольно скоро обратил на себя внимание полиции, начав сочинять антиармянские стихи. Этому способствовала и сама атмосфера Малатьи, в которой действовали как право-националистические, так и лево-экстремистские организации. Прошло совсем немного времени, и Агджа окончательно определился с выбором жизненной стези, став одним из самых активных членов группировки боевиков «Серые волки».

Кровавый след потянулся за молодым турком с 7 мая 1977 года, когда Агджа и его приятель убили преподавателя философии местного лицея Ильдырына. Руководство «Серых волков» сей смелый демарш оценило и стало привлекать «перспективного» боевика к более серьезным делам. Его подключили к группе из семи или восьми человек, занятых выполнением особенно ответственных поручений. Одновременно парень числился студентом историко-географического факультета университета в Анкаре, а затем — высшей школы экономики и торговли Стамбульского университета. О его двойной жизни остальные студенты даже не догадывались. Для них Мехмед был не более чем заурядным, нервным и мрачновато-замкнутым парнем со слабым здоровьем. Тем временем.

1 февраля 1979 года в Стамбуле на улице Каракал без пяти минут экономист отправил на тот свет главу газеты «Миллиет» Абди Ипекчи, который чересчур активно выступал против террора. 25 июня боевика арестовали, а «Серые волки» стали считать его террористом № 1 и дали сотоварищу прозвище — «Одиночка». Тот не собирался долго баловать тюремные стены своим присутствием. 5 ноября 1979 года Агджа вместе с еще одним арестованным совершил захват заложников и попытался бежать. Однако эта попытка успехом не увенчалась, террористов схватили. Они, тем не менее, не угомонились: 22 числа того же месяца удача улыбнулась боевикам, и они сумели покинуть стены

военной тюрьмы Картал-Малтепе. А спустя четыре дня Агджа заявил, что намерен убить Папу Римского.

Власти Турции на побег террориста и его «программу-минимум» отреагировали быстро. Уже 28 апреля 1980 года не в меру ретивому боевику, на котором «висели» несколько убийств и ограблений банков, вынесли смертный приговор. Агджа же с момента побега скрывался сначала в Иране, затем несколько месяцев (с 23.05.1980 по 30.08.1980) под именем гражданина Индии Йогиндера Сингха отсиживался в Болгарии, после чего через Югославию выехал в Западную Европу.

Иоанн Павел II с самого начала пребывания на посту владыки Ватикана демонстрировал свою «нетипичность». Став понтификом, Кароль Войтыла улучшил репутацию католической церкви, прибегая для этого к настоящему «белому пиару». Он объездил всю планету, совершив около 100 путешествий. Считается, что именно Иоанн Павел II помог ускорить крах коммунизма в Восточной Европе, а с окончанием «холодной войны» старательно подготавливал церковь к ее следующей великой задаче: предложить религиозную альтернативу материалистической культуре современного капитализма. Папа Римский также проводил работу по объединению всех христианских церквей, постоянно ратовал за права человека, осуждал диктаторов, активно вмешивался в деятельность НАТО. Одновременно он технично пресек все внутренние брожения и сплетни в своем собственном аппарате, став главой самого закрытого государства в мире. Лишь при понтифике-поляке в каноническом праве появилась статья, по которой первосвященник может отречься от своих полномочий. Иоанн Павел II много времени уделял общению со своей паствой, обходясь без общепринятых мер предосторожности. Естественно, такая политика принесла «нестандартному» папе огромную популярность, однако она же подвергала его жизнь неоправданному риску.

Беда стряслась 13 мая 1981 года. В тот день число 13 полностью оправдало свою мрачную репутацию. Иоанн Павел II медленно ехал сквозь плотный живой коридор по площади Святого Петра в Риме. Машина, в которой сидел понтифик, была открыта. Эта поездка не представляла ничего исключительного: папа взял за правило еженедельно встречаться с верующими, благословлять всех желающих, так что на площадь стекалась огромная масса народа, ожидавшая выезда главы Ватикана. Внезапно стандартный шум голосов разорвали звуки выстрелов. Их было шесть. Иоанн Павел II вздрогнул, как от удара, и упал на руки своего секретаря. На белой шелковой одежде жертвы

покушения резко выделялась кровь. Лицо раненого исказилось от сильной боли, но гримаса вдруг исчезла, уступив место странному спокойствию.

Иоанна Павла II спешно отправили в больницу, а полиция тем временем взяла в кольцо преступника, который все еще сжимал в руке пистолет. Стрелявший и не думал скрываться.

Правда, это ему вряд ли удалось бы: вокруг собралось столько народу, что невозможно было пошевелиться. Окружавшие все равно бы не пропустили преступника.

В течение четырех часов хирурги оперировали понтифика; по счастью, сразу стало ясно, что его жизнь вне опасности, поскольку пули, выпущенные практически в упор, каким-то чудом не задели ни один из жизненно важных органов. Тем временем, полиция установила: террористом, покушавшимся на жизнь главы Ватикана, был 23летний Мехмед Али Агджа.

Он заявил, что поскольку принадлежит к правоверным мусульманам, его взбесило известие о том, что понтифик запланировал визит в Турцию. Агджа считал Иоанна Павла II лицом, ответственным за все нападки Запада на ислам, «вождем крестоносцев» и «посланцем западного империализма», который собирался начать новый крестовый поход против мусульманского мира. А раз так, то решение созрело быстро: папа не должен ступить на турецкую землю. Однако 62-летний понтифик не только остался в живых, но и на удивление быстро оправился от ран.

22 июля 1981 года в Риме начался судебный процесс над Мехмедом Али Агджой. На следствии обвиняемый говорил, что действовал по приказу Организации освобождения Палестины, но выяснилось, что это не так. Террорист был немногословен, путался в показаниях, и выяснить, зачем же он стрелял в понтифика, не представлялось возможным. Во время допросов Агджа даже уверял, будто является. перевоплощением Иисуса Христа; стреляя в понтифика, он якобы выполнял пророчество, о котором в 1917 году в португальском городе Фатима узнали три ребенка во время явления им Девы Марии. (Интересно, что примерно через 14 лет после покушения на Иоанна Павла II Ватикан признал: такое пророчество действительно имело место.) Судебная процедура заняла немного времени, и уже 24 июля турка признали виновным. Его приговорили к пожизненному тюремному заключению, хотя многие присутствовавшие в зале не отказались бы проголосовать и за смертную казнь.

По прошествии двух лет Иоанн Павел II лично явился в римскую тюрьму Ребиббия для того, чтобы. повидаться со своим несостоявшимся убийцей! Удивленные сотрудники тюрьмы

проводили высокого гостя в камеру к Агдже; турок, увидев понтифика, внезапно упал перед ним на колени. Террорист стал просить свою жертву о прощении, и папа даровал его заключенному. Затем мусульманин и глава католической церкви остались одни. Им было о чем поговорить. Только спустя час Иоанн Павел II вышел из камеры. Понтифик казался заметно взволнованным, но на все вопросы ответил лаконично: «Я беседовал с одним из наших братьев, которому полностью доверяю. О чем мы говорили, пусть останется между нами».

С самим Агджой тоже произошла разительная перемена. С момента личной беседы с понтификом он говорил об Иоанне Павле II с исключительным благоговением, отправлял в Ватикан поздравления с Рождеством, стал приглашать папу посетить Турцию. Когда же глава католической церкви окончил свой земной путь, его несостоявшийся убийца пришел в отчаяние и просил, чтобы его отпустили попрощаться с «духовным братом».. Что же произошло с убежденным террористом, для которого кровь значила не больше, чем обычная вода? Об этом известно лишь ему самому и Иоанну Павлу II. И Богу.

Спустя еще почти год после покушения Агджа стал давать показания, которые позволили правоохранительным органам начать новое расследование. На сей раз на скамью подсудимых сели трое болгар и еще четверо турок, которых обвиняли в заговоре с целью убийства понтифика. Судебное разбирательство проходило с 27.05.1985 года по 29.03.1986 года. В итоге только один турок получил три года тюрьмы, а остальных обвиняемых оправдали «за недостаточностью доказательств».

12 января 2006 года 48-летний Мехмед Али Агджа. вышел на свободу после 25 лет пребывания за решеткой. Из ворот стамбульской тюрьмы он появился под конвоем полиции, неся в руках портрет покойного папы. Снаружи экс-боевика ожидали родственники, любопытные и две сотни журналистов. Интересно, что террорист был помилован итальянским президентом еще в 2000 году по личной просьбе понтифика, но после освобождения отсидел за иные «художества», совершенные в молодости, еще несколько лет в турецкой тюрьме. В принципе, ему грозила высшая мера наказания, но ее в 1991 году заменили 10 годами лишения свободы. А в 2002 году боевик попал под частичную амнистию. Адвокат Агджи тут же огорошил акул пера заявлением о том, что теперь его подзащитный горит желанием. исполнить свой гражданский долг и посему собирается в ближайшее время пройти на родине военную службу. Однако вначале он был намерен посетить родные места и португальский храм Фатимы, «чтобы на 10 дней преклонить колени перед Богородицей». В

дальнейшем Агджа собирался исполнить «дело жизни» — написать. новую Библию!

Тем временем большинство турецких юристов выступало против освобождения экс-боевика, считая, что это бросает тень на турецкое правосудие. Они требуют от властей Турции пересмотра принятого решения и грозят в противном случае оспорить вынесенный вердикт в суде Страсбурга. «На свободу выпускают самого кровавого террориста Турции. Ему бы еще награду дали!..» — возмущаются служители Фемиды.

Но долго нервничать правозащитникам не пришлось: пробыв на свободе всего восемь дней, Агджа вновь загремел за решетку. Верховный суд Турции на основании решения кассационного суда страны постановил, что решение о досрочном освобождении террориста было ошибочным. Славный прокурор кассационного суда Турции Нури Ок заявил: на свободу Агджа выйдет не раньше 2014 года, это, мол, полностью соответствует процессуальным нормам.

А боевик с умом потратил время, проведенное на свободе. Он провел переговоры с издателями по поводу выпуска своей книги мемуаров, обратился к средствам массовой информации с предложением «сделать громкие разоблачения в обмен на пять миллионов долларов в качестве гонорара». Кроме того, один из самых знаменитых преступников XX века связался с представителями Голливуда; Агджа собирался принять участие в фильме, где за восемь миллионов долларов он должен был сыграть самого себя.

О чем же собирался рассказать несостоявшийся убийца Папы Римского? Оказывается, тайн он может хранить немало. Весной 2005 года итальянские газеты написали об обнаружении сенсационных секретных документов бывшей секретной службы ГДР «Штази», в которых содержались ясные указания на роль Москвы в нападении на Иоанна Павла II. Как следует из рассекреченных бумаг, покушение планировалось КГБ, а осуществлялось болгарскими спецслужбами, которые воспользовались для устранения «нестандартного» понтифика услугами фанатика-мусульманина. Если верить архивным записям, «Штази» в операции была отведена роль посредника и координатора. Заметьте: на роль КГБ в покушении на Папу Римского намекали и пресса, и представители Ватикана в неофициальных беседах; даже сам Иоанн Павел II указывал на возможную причастность к покушению иностранных разведок. В 1981 году понтифик написал в своей книге «Память и идентичность», что Агджа «действовал по принуждению, а не по своей инициативе». Интересно, что тогда же в интервью газете «La

Republica» киллер сделал совсем иное признание, не менее сенсационное. По его словам, ответственность за покушение на папу лежит на. кардиналах Ватикана. «Без помощи священников и кардиналов я никогда не смог бы совершить покушения. Дьявол находится в стенах Ватикана», — сказал Агджа, однако комментировать свои слова отказался. Киллер, правда, пообещал, что раскроет все карты в книге мемуаров; там он назовет и высокопоставленных ватиканских чиновников, помогавших ему.

Какова бы ни была реальная подоплека покушения на главу католической церкви, обеспечить относительную безопасность Агдже, похоже, и впрямь могут только тюремные стены. Ведь много знающие люди традиционно не отличаются долгожительством. А нераскрытая тайна одного их самых известных преступлений XX века продолжает будоражить умы.

Убийство Ицхака Рабина

Ицхак Рабин

Игаль Амир

Одно из самых «темных» дел в современной криминалистике, явно и основательно нарочито искаженное в ходе следствия и судебного процесса. Несмотря на едва ли не пошаговую документализацию, убийство лидера Рабочей партии Израиля полно явных противоречий, заставляющих усомниться в честности и непредвзятости израильской Фемиды.

4 ноября 1995 года на площади Царей Израилевых в ТельАвиве вечером, во время проведения многотысячной демонстрации в поддержку мирного процесса, на премьер-министра Ицхака Рабина было совершено покушение. Глава правительства едва успел допеть «Песню мира» и положить в карман листок с ее текстом, как за его спиной прогремели выстрелы. Кто-то громко заорал: «Холостые, холостые!» Затем один из телохранителей сбил премьера с ног и тоже был ранен. Террористом оказался член ультраправой националистической организации «Эйаль» («Львы Иудеи»), 26-летний студент Бар-Иланского университета Игаль Амир, который с близкого расстояния выпустил в Рабина несколько пуль. Преступник даже не пытался скрыться с места трагедии или бросить пистолет. Одному из задержавших его охранников Амир сказал: «Я сделал свое дело, теперь ты делай свое».

Террориста спешно доставили в столичную тюрьму, а раненого премьера уложили на заднее сиденье правительственного лимузина и отвезли в ближайшую клинику «Ихиллов». В 23.20 того же дня личный секретарь Рабина передал сообщение, что ранение оказалось смертельным и премьер скончался. К утру тело погибшего было перевезено в госпиталь «Тель-Гашомер».

Израильтяне как-то сразу забыли, что сами же подвергали политику стареющего лидера Рабочей партии жесточайшей критике, забылись и издевательские слова песенки популярного певца Авива Гефена, ежедневно доносившиеся из динамиков: «Кто там идет пьяный? Да это ж глава правительства!» Как говорится, о мертвом — или хорошо, или ничего. Так что покойного Рабина спешно канонизировали, стали называть его именем площади, общеобразовательные учреждения, улицы, общественные заведения. Об убитом премьере теперь говорили с патриотическим надрывом: мол, он пришел, чтобы дать мир своему несчастному народу, но пуля фанатика прервала жизнь этого более чем достойного человека. На зданиях, на автомобилях, на оградах появились наклейки «Товарищ, мы тебя помним», «Товарищ, тебя не хватает» и тому подобные. В общем, как это обычно происходит в мире, «безутешные сограждане» потихоньку стали приторговывать памятью погибшего.

Пост премьера и главы Рабочей партии занял соратник Рабина, Шимон Перес, которого острые языки называли также «заклятым другом» убитого. Правда, удержать позиции Пересу так и не удалось: в ходе предвыборной кампании он проиграл своему сопернику, Беньямину Натаниягу, 1 % голосов. Вдова премьера, Лея Рабин, узнав о результатах выборов, заклеймила соотечественников тем, что они «предали нацию позору» и покинула страну. А Игаля Амира спустя три месяца после гибели Ицхака Рабина тихо и без излишней помпы приговорили к пожизненному заключению. Расстрелять убийцу израильского лидера не смогли ввиду отсутствия в уголовном кодексе статьи, предусматривающей смертную казнь. Брат террориста, который модернизировал пули, предназначенные премьеру, загремел за решетку на семь лет. Игаль Амир признал себя виновным в убийстве, но намекнул на то, что «знает больше». Казалось, дело о покушении на премьера окончательно отошло в область истории. Однако, как показала жизнь, ставить в нем точку и провозглашать: «Финита ля комедия!» — слишком рано.

Разговоры о том, что с убийством Ицхака Рабина дело не чисто, начались сразу же после трагедии. Если бы покушение можно было списать на арабского террориста, вопрос оказался бы исчерпанным. Но убийца — еврей и сионист?! Простите, а зачем ему это понадобилось?! Точнее, кому это было выгодно? «Правые» и «левые» в данном вопросе кивают друг на друга, не забывая при случае поливать грязью Шимона Переса, который якобы сказал после получения печального известия: «Видит Бог, я этого не хотел.»

Интересно, что в мире не совершалось столь же подробно задокументированного преступления. Сразу после трагедии на площади появилась съемочная группа ТВ, а сама сцена убийства оказалась заснятой на видеопленку неким туристом Кемплером. Тот снимал выход премьера с балкона здания муниципалитета, сам момент покушения, протянутую руку убийцы, которая практически уперлась в спину Ицхака Рабина. В кадр попало пламя выстрела и то, что премьера окружали телохранители, — лишь тот, которому как раз и полагалось прикрывать спину лидера, сдвинулся влево и поотстал.

Обратите внимание: несмотря на огромное количество описаний обстоятельств убийства, в единую картину преступления они почему-то не складываются. Существует несколько «вариаций на тему», имеющих существенные отличия друг от друга. А вопросов, связанных непосредственно с событиями 4 ноября, после того, как следствие сделало свои выводы, стало еще больше. Как случилось, что вышколенная

охрана, набранная из отборных кадров израильской Службы безопасности (ШАБАК), пропустила вплотную убийцу к премьеру и позволила нажать на курок? Сколько раз стрелял террорист? Сколько пуль вошли в тело Ицхака Рабина и какое из этих ранений оказалось смертельным? Почему жертву покушения не отправили в госпиталь в машине «скорой помощи», а везли на правительственном лимузине; это ведь прямое нарушение всех правил оказания первой помощи!? К слову, «скорая» дежурила неподалеку от площади, но высокопоставленные лица почему-то обошли ее своим вниманием. И еще. Дорога от площади до «Ихиллова» прямая и занимает не более минуты. Однако «кадиллак» с Рабином находился в пути не менее восьми минут. Дамти, считавшийся самым опытным водителем в стране, по дороге в клинику. «запутался и потерялся»! Только через семь минут езды он подобрал полицейского, чтобы тот «помог найти дорогу» к больнице! В довершение всего, водитель не оповестил «Ихиллов» по радио о случившемся, так что персонал клиники оказался полностью неподготовленным к прибытию пациента. Почему пули не прошли навылет, как и должно было случиться при выстреле практически в упор, а застряли в теле? Кто кричал про «холостые» патроны? И вообще, был ли убийцей Игаль Амир?

Массу вопросов породила также «любительская» пленка, которую прокрутило израильское телевидение. Ведь «случайным туристом», запечатлевшим сцену убийства лидера, стал. сотрудник аппарата государственного контроля.

Так вот, на пленке имеется много несуразностей. Во-первых, «турист» заснял почему-то только один выстрел. Во-вторых, изучавшие пленку профи пришли к выводу, что это «липа»: результаты съемки старательно «отредактировали», то есть подделали. Втретьих, врачи клянутся, что такой реакции на разрывную девятимиллиметровую пулю в легком ни у одного живого существа просто не может быть! Ведь Ицхак Рабин на выстрел сзади только повернул голову, ускорив при этом шаг; упал же премьер только после того, как его сбил с ног телохранитель. Похоже, Рабин просто услышал выстрел или почувствовал взрывную волну от разорвавшегося холостого патрона и быстро повернулся в сторону шума.

Считается, что Амир стрелял в премьера четырежды. Две пули засели в спине жертвы покушения, одна досталась телохранителю, еще одна прошла мимо и позже была обнаружена на мостовой. Но убийца сообщил, что пистолет был заряжен девятью разрывными пулями, а в нем обнаружили. восемь патронов! Интересно, что один из полицейских показал: девятую пулю он лично извлек из патронника в пистолете террориста. И

вообще, свидетели путаются, сколько, собственно, выстрелов звучало на площади. Их число колеблется от одного до пяти.

На пленке видно, что задняя левая дверь пустой, согласно заключению государственной следственной комиссии, машины закрывается, прежде чем Рабин оказывается в автомобиле. А значит, не исключена возможность, что израильского лидера убило неизвестное лицо, прятавшееся внутри машины.

И еще одна странность: никто из полицейских и охранников не заметил никаких признаков ранения премьера — совершенно необъяснимое явление в ситуации, когда две девятимиллиметровые разрывные пули развороти ли человеку легкое и селезенку. Видеозапись Первого канала ТВ показывает, как менее чем через полчаса после стрельбы полицейские обыскивают место покушения. На дороге, где Рабин упал, следы крови полностью отсутствуют. Лея Рабин, кстати, тоже свидетельствовала: когда она последний раз видела мужа перед тем, как тот исчез под телохранителями, лидер выглядел вполне нормально.

Следственный эксперимент по воссозданию деталей покушения, заснятый через несколько дней после гибели Ицхака Рабина, только добавил тумана. В записи эксперимента террорист стреляет правой рукой — согласно показаниям многочисленных свидетелей, именно так он стрелял в ходе покушения. Но в кадре из видеофильма «туриста» Кемплера, опубликованном в газете «Едиот Ахронот», Амир стреляет левой рукой. Сделанное с помощью компьютера сравнение пленки эксперимента и этой фотографии показывает, что лицо стреляющего выглядит в двух случаях совершенно по-разному. В «творении» экспертов у террориста густые бакенбарды неопределенной формы, доходящие до середины его уха, а в кадре из фильма Кемплера у стреляющего подровненные виски, доходящие лишь до верхней части уха. Таким образом, можно утверждать, что в фильме лжетуриста вместо Амира снят другой человек. Кстати, даже рука убийцы кажется длиннее, чем рука у Амира, что позволяет уменьшить расстояние, с которого сделан выстрел.

В общем, история вырисовывается весьма темная. Не добавляет ей ясности и то, что один из телохранителей премьера, который, как оказалось, и кричал про холостые выстрелы, вдруг совершил загадочное самоубийство; покойному организовали почему-то закрытые похороны, а в его свидетельстве о смерти, датированном 11 ноября, отсутствует указание причины смерти. К тому же выяснилось, что руководитель организации «Эйаль» и подстрекатель убийцы Авишай Равив были агентами ШАБАКа и что органы государственной безопасности заранее получали

предупреждения о далеко не верноподданнических намерениях Амира. Так почему, собственно, руководство Службы безопасности не отдало приказ арестовать потенциального убийцу израильского премьера задолго до 4 ноября 1995 года?

Заставляет задуматься и листок с текстом «Песни мира», который Рабин перед самой смертью спрятал в нагрудный карман. Секретарь демонстрировал эту бумажку, продырявленную и залитую кровью. Но ведь лидер получил две пули в спину, застрявшие в теле! Так откуда же взялось ранение в грудь?! К тому же по всем законам физики кровь не могла расплыться таким образом, как это случилось со злополучным листком, да и отверстие в нем, мало похожее на след от пули, наводит специалистов на нехорошие размышления. Погибший сложил бумагу только один раз, а экспертиза показала, что ее складывали затем еще несколько раз. Зачем? И вообще — на листе отсутствует дырка на одном из углов. Однако настоящая пуля продырявила бы сложенный вчетверо лист четырежды! А если бумагу складывали вдвое, то почему отверстий три?

Шимон Перес тоже долго говорил о том, что «три пули прошли через сердце лидера и сквозь лист с песней». А затем «заклятый друг» убитого резко сменил курс, начав нести какую-то чушь по поводу «иносказания» и «мистического понимания числа три». «Я лишь шутил. Можете вы принять это в качестве шутки?» — спросил новый премьер, давая показания, у прокурора. Странное заявление!

Следственная комиссия определила, что в Рабина стреляли дважды — в спину. Но отчет хирургов, описание операции (оно подписано шестью специалистами!), результат хирургического обследования, а также интервью с министром здравоохранения Эфраимом Сне и генеральным директором больницы «Ихиллов» профессором Габи Барабашем, взятые в ночь убийства, неопровержимо доказывают: в израильского лидера стреляли три раза. При этом одна пуля была выпущена именно спереди! Онато и разорвала ведущие к сердцу сосуды, разворотила позвоночник. В итоге премьер скончался. Простите, но у Амира просто не было возможности обежать жертву и выстрелить еще раз! К тому же, можно ли представить человека, способного ходить с раздробленным позвоночником и поврежденным спинным мозгом?! И вообще, как пуля, «пробившая листок с песней» и уложившая премьера в могилу, могла не оставить следов на его одежде? Это уже, как говорится, из области совершенно ненаучной фантастики. Либо в Рабина стреляли в упор уже в госпитале, когда он лежал без одежды. А это значит, что правительственная комиссия, расследовавшая обстоятельства

дела, сознательно состряпала «липу». Перес же, занявший пост убитого, подмахнул ее, не глядя. Почему? Ведь если смертельным для Ицхака Рабина оказалось именно ранение в грудь, то Игаль Амир никак не может претендовать на лавры убийцы израильского премьера!

А может, «наследник» лидера просто покрывал свое собственное соучастие в убийстве?

Обратите внимание: первоначальная больничная запись подтверждает, что Рабина доставили в клинику именно с двумя ранениями в спину. Но затем в деле фигурирует ранение в грудь. Напрашивается вывод: раненого премьера в больнице реанимировали, а затем кто-то, не желавший допустить выздоровления Ицхака Рабина, выстрелил ему в грудь. Затем заговорщики попытались замести следы, создав при помощи листка с песней видимость того, что эту пулю погибший получил еще на площади. А чтобы махинация удалась, медиков под угрозой уничтожения заставили «отредактировать» отчеты (следы такой «чистки» действительно были обнаружены). Правда, в суматохе подделать все документы не успели — отсюда и противоречия в больничных записях. А их, кстати, множество.

Не так давно частная комиссия, в состав которой входили профессора Гилель Вайс, Арье Зарицкий, несколько видных ученых, аудитор Яков Веркер, а также доктор Давид Хен, рассматривали баллистические аспекты убийства Ицхака Рабина. Вывод оказался ошеломляющим. Специалисты утверждают, что премьер-министр не был убит пулями, выпущенными из пистолета Игаля Амира. В частности, им удалось установить, что пули, находившиеся в пистолете террориста, были медными, а результаты патологоанатомической экспертизы показали, что Рабин был убит свинцовыми пулями. К тому же, пуля, ранившая телохранителя (Йорама Рубина), отличается от пуль, поразивших премьера, и от пуль, найденных в обойме Амира.

Интересно, что обвинитель на процессе по делу об убийстве израильского лидера, Пнина Гай, не так давно выступила по радио с утверждением, что третий выстрел в главу правительства был произведен в упор. Осужденный же не приближался к Ицхаку Рабину на столь близкое расстояние. Об этом, а также о других несуразностях в материалах следствия на процессе неоднократно указывали привлеченные к экспертизам специалисты. Но судьи почему-то предпочитали игнорировать подобные заявления.

Нехорошо выглядит и отсутствие шефа ШАБАКа Кармы Гилона на митинге. Странно, что его не было на самой массовой в Израиле акции в поддержку политики правительства, в которой приняло участие более 100 000 человек! Ему, видите ли, срочно

пришлось уехать в Париж! И это несмотря на то, что окружение премьера указывало главе ШАБАКа на абсурдность такого шага. И зачем в самый канун убийства Перес отдал распоряжение о замене постоянного водителя Рабина, Йехезкеля Шараби, на своего — Менахема Дамти? Почему «доблестный» телохранитель Йорам Рубин, получивший пулю в локоть, спустя два часа после убийства возглавил подразделение безопасности Переса? Следует сказать, что показания

Рубина не совпадают с фактическими данными видеосъемок и словами прочих свидетелей покушения.

Собственно, как оказалось позднее, упрямый премьер до последнего не собирался участвовать в этой злополучной акции, намериваясь наблюдать за ней со стороны. Убедил лидера не манкировать своими обязанностями все тот же Шимон Перес.

Независимое журналистское расследование дало интересный результат. Оказалось, меньше чем за две недели до убийства главы израильского правительства в Абу-Дисе состоялось некое соглашение, позднее подписанное в Париже. Шимон Перес согласился на раздел Иерусалима и предложил ООП расположить столицу палестинского государства в городе. «Акулы пера» сделали вывод: заручившись этим соглашением, французы дали «добро» на устранение несговорчивого старого лидера. А Гиллон стал координатором программы действий, подключив к ней офицеров французских органов госбезопасности.

Говорить о несоответствиях выводов следствия, обнародованных на процессе, и реальных данных можно долго. Пожалуй, стоит упомянуть еще об одном из них. Террорист буквально сразу после ареста начал сотрудничать со следствием, так что в течение нескольких дней ему должно было быть предоставлено свидание с адвокатом и с семьей. Но прошел месяц, прежде чем ШАБАК дал согласие на встречу Амира с гражданскими лицами. Можно только вообразить, какое страшное давление оказывалось на подследственного для того, чтобы он впредь остался верным своим саморазоблачающим признаниям.

Итак, обвинять Игаля Амира в убийстве Ицхака Рабина может только человек, начисто лишенный здравого смысла. Тем не менее, пересматривать свое решение израильская Фемида не торопится. Единственное, чего удалось добиться отбывающему пожизненный срок террористу, — это заключения заочного брака с сотрудницей университета Ларисой Тримбовлер и разрешения стать отцом. Правда, ребенок может появиться на свет только в результате искусственного оплодотворения. Видеться супругам по-прежнему нельзя. Представители правозащитных организаций безуспешно требуют предоставить Амиру все права, которыми

пользуются другие осужденные за убийство лица. Но директор Центра Рабина заявляет: человек, совершивший преступление «против государства и демократии», не имеет права требовать к себе такого же отношения, как прочие заключенные. В общем, истинных убийц премьера устроители процесса над Амиром по-прежнему старательно прикрывают.

Процесс Красного Шакала Санчеса Ильича Рамиреса

Известный «революционный террорист», осуществивший в 1970- 1980-е годы десятки значительных террористических боевых операций против граждан арабского происхождения Израиля, Западной Европы и США в интересах Народного фронта освобождения Палестины, Красных бригад, колумбийской организации М-19, Фракции Красной Армии, баскской террористической организации ЭТА, Организации освобождения Палестины ООП и т. п. Сотрудничал с Муамаром Каддафи, Хафизом Асадом, Саддамом Хусейном, Фиделем Кастро. Неоднократно находился в «рабочих командировках» в Праге, Будапеште и Берлине, где его принимали сотрудники органов госбезопасности этих стран. На счету этого террориста жизни как минимум 80 человек.

Санчес Ильич Рамирес

В истории мирового терроризма Карлос Шакал — личность в буквальном смысле слова легендарная. Однако мрачная слава этого человека во многом держится на мифах, созданных не в меру буйным воображением «акул пера» и ничего общего с реальностью не имеющих. Например, Карлоса подозревали в том,

что в 1966 году он проходил обучение в политическом лагере Мантансас на Кубе, опекавшемся секретной службой Фиделя Кастро и местным руководителем КГБ генералом Виктором Семеновым; там террорист якобы познакомился с колумбийским священником Камилло Торресом — одним из руководителей повстанцев и близким другом Че Гевары. Однако Семенов начал отвечать за операции КГБ в Гаване только в 1968 году, а Торрес погиб в Колумбии еще в начале 1966го и познакомиться с этой примечательной личностью Карлос сможет только на том свете, не иначе. И вообще, если существует довольно много вполне весомых доказательств связи этого международного террориста со спецслужбами ГДР, Румынии и Венгрии, то обнаружить свидетельства того, что Шакал сотрудничал с КГБ, не удалось даже самым дотошным газетчикам. Списать на Карлоса убийство израильских спортсменов в Мюнхене, убийство Анастасио Сомосы и захват американского посольства в Тегеране также не получилось, хотя, видимо, очень хотелось. Тем не менее, судьба личности, известной под прозвищем Шакал, сама по себе может составить сюжет для детектива. Тем более что Карлос постарался сделать так, чтобы превратить свою автобиографию в миф. Так кем же он был на самом деле, этот человек?

Настоящее имя террориста — Санчес Ильич Рамирес. Родился он в 1949 году в Венесуэле, в богатой семье. Отец мальчика, адвокат Хосе Альтаграсиа Рамирес Наваса Санчес, был, мягко говоря, большим оригиналом. Исповедовавший левые взгляды юрист умудрился назвать своих троих сыновей более чем странно: Владимиром, Ильичом и Лениным. Пожалуй, в этой ситуации повезло только старшему отпрыску, чего не скажешь о его младших братьях. К тому же адвокат мечтал о троих (как минимум!) внуках со столь же «оригинальными» именами — Иосиф, Виссарионович и Сталин. Да, но это уже, похоже, была клиника.

Так уж получилось, что Ильичу Альтаграсиа уделял крайне мало внимания, Владимир являлся любимцем матери, Ленин — отца, а средний сын был, по сути, никому не интересен и не нужен. В Ленине адвокат видел будущего великого борца за свободу и независимость; Ильичу же пришлось всю жизнь доказывать увлеченному родителю, что он не хуже младшего брата.

В 14 лет неуравновешенный и вспыльчивый подросток вступил в Союз коммунистической молодежи Венесуэлы, не то запрещенной, не то полузапрещенной в те годы организации. Немного позже Ильич вместе с матерью и Лениным уехал в Англию, где ему предстояло грызть гранит науки в Стаффордском

педагогическом колледже в Кенсингтоне. И преподаватели, и учащиеся не очень хорошо воспринимали парня — всегда безупречно и дорого одетого отпетого лентяя, врущего по любому поводу и без оного, самовлюбленного эгоиста, который считал, что является для всех «подарком».

1967 год подходил к концу, когда в Англию приехал Альтаграсиа Рамирес Наваса. Он явился лишь затем, чтобы увезти Ильича и Ленина в Париж. Адвокат надеялся пристроить сыновей в Сорбонну, однако весной следующего года ему пришлось спешно и кардинально менять свои планы. Дело в том, что во Франции вспыхнули серьезные студенческие волнения, а у Наваса появилась возможность через культурного атташе посольства СССР в Лондоне выхлопотать для отпрысков места в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Немалую роль в этом, кстати, сыграли «правильные» имена ребят. Проучившись два месяца на подготовительных курсах, 1 сентября 1968 года Ильич был зачислен на физико-математический факультет.

В общем, дальше все пошло как в сказке: было у отца три сына, двое умных, а третий как-то явно не удался. Во всяком случае, проблем у университетского начальства с Ильичом было не в пример больше, чем со всем курсом вместе взятым. Что такое финансовые затруднения, венесуэлец не знал, поскольку родители в избытке снабжали его деньгами. При этом адвокатский сынок особо не стремился получить хоть какие-то знания; на лекциях его видели крайне редко, зато он постоянно мелькал в компании какой-нибудь девицы. К тому же венесуэлец почти не просыхал от спиртного, а поскольку он и трезвым не отличался мягкостью характера и примерным поведением, «под градусом» все неприятные стороны его характера становились еще хуже.

Однажды ночью дежурные по общежитию хотели утихомирить Ильича, поднявшего шум на весь этаж. В комнате венесуэльца оказалось множество бутылок — как с «горючим», так и пустых, и стаканов; затем из шкафа выпала. пьяная в стельку голая девица. Скандал, конечно, был. Но Ильич на него начхал, ограничившись введением одного новшества: в кризисных ситуациях девиц он больше не прятал, а. вышвыривал с второго этажа в окно. Благо дело происходило зимой, и под ним постоянно возвышался внушительный сугроб.

Естественно, один из руководителей коммунистической партии Венесуэлы Густаво Мочадо был, мягко говоря, слегка разочарован результатами встречи со своими соотечественниками-студиозусами; ректор университета не

упустил возможности «накапать» ему на неуправляемого молодого человека (тот как раз успел «отколоть» еще один номер: сфотографировался пьяным в стельку в русском национальном костюме и с балалайкой). Но и Мочадо повлиять на Ильича не сумел. Тот продолжал жить в свое удовольствие и на призывы стать благоразумнее не реагировал.

Когда в марте 1969 года загульный студиозус вместе с младшим братом решил принять участие в митинге арабских студентов перед иранским посольством, он и не представлял, насколько круто изменится его судьба. Братья вели себя агрессивно, попали в милицию, после чего университетское начальство, давно точившее на них зуб, просто отчислило их в числе других 20 венесуэльских студентов, чья академическая успеваемость была признана неудовлетворительной, а поведение оставляло желать лучшего.

Там же, в Москве, Ильич стал своим среди палестинцев. Они как раз и рассказали парню о Вади Хаддаде — одном из руководителей Народного фронта освобождения Палестины. Позднее этого человека террорист стал называть Учителем. Однажды приятели пригласили Ильича на встречу с эмиссаром Народного фронта Рифатом Абул Ауном. Тот предложил венесуэльцу посетить палестинский военно-тренировочный лагерь в Иордании. Так что по поводу досрочного прощания с альма-матер молодой человек переживать не стал, вместо этого отправившись на Ближний Восток.

В лагере Ильичу понравилось, и он согласился на предложение о сотрудничестве, поступившее от руководителя отдела вербовки Народного фронта Абу-Шарифа. Тогда на арене и появился молодой перспективный боевик по кличке Карлос.

Когда обучение в лагере закончилось, венесуэлец уже имел неплохое досье. Так, он, например, оказался единственным иностранцем, который рискнул во время «черного сентября» сражаться на стороне палестинцев в Иордании. После этого руководство Народного фронта решило, что парень вполне созрел для ответственной революционной деятельности, и отправило его в Европу.

Кровавый путь террориста начался в Лондоне, где Карлос совершил покушение на видного еврейского активиста Эдварда Сиеффа (жертва выжила только чудом). Затем последовала «работа» в Париже: там венесуэлец организовал ряд взрывов в редакциях нескольких центральных газет, готовил захват французского посольства в Гааге, обстрелял из базуки самолет израильской авиакомпании «ЭльАль» в аэропорту Орли, швырнул гранату в окно аптеки, расположенной рядом со старинной

церковью Сен-Жермен, заложил бомбу в швейцарский самолет, направлявшийся из Цюриха в Тель-Авив и т. д. Впереди у «революционера» были не менее «продуктивные гастроли» в других странах. Вскоре за террористические акты его уже разыскивали спецслужбы по крайней мере пяти держав.

«Террорист № 1» в то время находился на содержании Народного фронта освобождения Палестины, считался профессиональным революционером и верил, что его действия являются частью великой войны. «Засветился» Карлос только в конце июня 1975 года: западные спецслужбы впервые получили на него компрометирующие материалы, а с легкой руки репортера лондонской «Гардиан» к террористу намертво пристала кличка Шакал. Тогда венесуэлец при свидетелях застрелил двух агентов французской контрразведки и находившегося с ними ливанского осведомителя. Последний, передававший Карлосу распоряжения от Хаддада, как оказалось, работал сразу на несколько спецслужб.

Тот период был для Шакала самым «плодотворным». О мелких акциях, совершенных «революционером» и его группой, говорить вообще не стоит ввиду их многочисленности. А вот крупные террористические акты, проведенные Карлосом, — похищение в Вене десяти министров нефтяной промышленности стран ОПЕК (организация стран — экспортеров нефти), взрыв скорого поезда Париж — Тулуза, взрыв железнодорожного вокзала в Марселе, взрыв мюнхенского отделения радио «Свободная Европа», террористическую акцию в израильском аэропорту Лод, ракетную атаку самолета в аэропорту Парижа — мир запомнил надолго. Таким образом «революционер», под началом которого находилась банда головорезов, стал «богаче» на 24 убийства. Кроме того, на счету Шакала и его группы — нанесение тяжелых травм и увечий 257 лицам. Впечатляет, не правда ли? И это при том, что венесуэлец говорил, будто не является профессиональным убийцей; ему, видите ли, «очень непросто» стрелять в человека, который смотрит ему в глаза.

Наконец, «карьера» Карлоса Шакала завершилась. Это произошло во время празднования нового (1994) года, в столице Судана Хартуме. Изрядно набравшись в одной из местных греческих забегаловок в компании приятелей, террорист «добавил» к и без того угрожающей дозе алкоголя еще бутылку, которую распил на свежем воздухе. Затем Шакала потянуло на подвиги, и он начал палить в воздух из пистолета. Связываться с пьяными темными личностями, вооруженными не только пистолетами, но и автоматами «узи», никто не стал. Однако компания привлекла к себе интерес властей, которые решили

проверить личность неизвестного стрелка. Документы террориста были в полном порядке. Он числился Абдаллой Баракатом, арабским бизнесменом ливанского происхождения, занимающимся поставками нефти Судану. Но полиция все же начала прослушивать телефон подозрительного дельца. Вскоре оказалось, что «араб» часто звонит в Венесуэлу. Почему-то он прекрасно изъяснялся поиспански, в то время как на арабском говорил с явно выраженным акцентом.

До сих пор неизвестно, как французские спецслужбы пронюхали о том, что Шакала «вычислили» их суданские коллеги. Но они сразу же потребовали выдачи террориста; в августе того же года судья Брюгер выписал международный ордер на арест Ильича Рамиреса Санчеса. Тот как раз угодил в больницу на операцию по поводу варикозного расширения вен в паху, так что задержать террориста оказалось несложно. Просто врач, в очередной раз делая уколы прооперированному, вкатил ему изрядную дозу успокоительного. Карлос заснул как младенец и пришел в себя только в самолете. Момент пробуждения был для него не слишком приятным: опасаясь потерять «ценный груз», сотрудники спецслужб буквально спеленали террориста по рукам и ногам, а затем для верности затолкали его в джутовый мешок. Свободной у Шакала оставалась только голова.

Западные спецслужбы давно поняли, что наибольшим кошмаром для террориста является потеря ореола мученика и революционера, страдающего за свои убеждения. Поэтому Ильичу предъявили обвинения в убийстве двух агентов французской контрразведки и ливанца-осведомителя, то есть судить его должны были по уголовной статье за преднамеренное убийство. И никакой высокой патетики.

Слушание дела «террориста № 1» началось 12 декабря 1997 года. Меры безопасности, принятые полицией, были беспрецедентными; даже к каждому из присяжных на время процесса приставляли по два телохранителя! Карлос Шакал вел себя вызывающе и одновременно по-барски. На вопрос о профессии ответил, что является «профессиональным революционером старой ленинской школы» и ему, как революционеру-интернационалисту, принадлежит весь мир. Потом подсудимый говорил: он стал жертвой международного заговора, целью которого является уничтожение революционера, отдавшего всю свою жизнь благородному делу освобождения Палестины в рамках мировой революции. Тем не менее, французская Фемида имела свой взгляд на деятельность террориста. 23 декабря 1997 года после 3 часов 48 минут совещания члены жюри приговорили его к пожизненному

заключению. Смертная казнь, которая светила террористу за все его «геройства», была отменена во Франции годом ранее. Так Санчес Ильич Рамирес, он же Карлос Шакал превратился просто в заключенного № 872686/X, содержащегося под усиленной охраной в одиночной камере самой строгой французской тюрьмы Ле Сан. «На досуге» международный террорист. изучает философию. К тому же он собирается жениться на собственном адвокате, француженке Изабель Коутан-Пьер. Последняя уже затеяла развод с мужем. Что же касается Карлоса, то ему нет необходимости обращаться к судье: в соответствии со своей верой, он может иметь четырех жен, а на воле у террориста их осталось всего две. Интересно, что на родине Шакала, в Венесуэле, его не считают террористом, поскольку по законам этой страны человек, не совершивший преступления на ее территории, террористом не является.

Один за всех…

Закария Муссауи стал единственным, кто предстал перед судом по делу о терактах 11 сентября 2001 года. Тогда все американцы застыли от ужаса, увидев как легко, словно песочные домики, рухнули башни-близнецы — один из символов их страны. Муссауи называют «несостоявшимся 20-м угонщиком самолетов». Как выяснилось в ходе судебного процесса, он мог оказаться ключевым звеном, вовремя потянув за которое спецслужбы могли бы предотвратить теракты.

Закария Муссауи

Закария Муссауи, французский гражданин марокканского происхождения, был задержан в США 17 августа 2005 года, после того, как руководство одной из летных школ уведомило власти о его подозрительном поведении. По материалам обвинения, Муссауи прошел подготовку в Афганистане — в тренировочном лагере террористической организации «АльКаида».

Громкий процесс, за которым следил весь мир, начался в пригороде Вашингтона 6 марта 2005 года и продолжался два месяца. Сначала были выбраны присяжные, которые должны были определить степень виновности заговорщика. Первый этап

длительного процесса выборов завершился без участия подсудимого. Доставленный в зал суда Муссауи назвал выборы жюри присяжных и сам судебный процесс «цирком» и потребовал от судьи слова, чтобы выразить недоверие своей защите. «Мои адвокаты меня не представляют», — успел заявить он, после чего был выведен из зала Федерального суда города Александрии штата Вирджиния.

Процедура выборов жюри завершилась к 6 марта 2006 года. Обвинителей и адвокатов интересовало отношение кандидатов к исламу, участие в ветеранских организациях и членство в Национальной ассоциации винтовки и Союзе гражданских свобод США. Прокуроры и адвокаты предупредили присяжных, что для того, чтобы услышать и увидеть свидетельские показания, кадры хроники, выступления родственников погибших и оставшиеся в магнитофонной записи голоса жертв теракта, потребуется немало сил и мужества. Но присяжные должны понять масштабы терактов, осуществленных членами «Аль-Каиды», такими же, как подсудимый Муссауи.

Итак, от присяжных заседателей ожидали только двух вердиктов для обвиняемого: пожизненное заключение или смертная казнь.

В начале следствия Закария, оказавшийся единственным человеком, задержанным по обвинению в подготовке сентябрьских терактов в США, отрицал свою причастность к трагическим событиям, но затем признался, что должен был принимать участие терактах. В частности, в его задачу входил захват пассажирского самолета и последующая атака на Белый дом. Однако менее чем за месяц до нанесения спланированных Усамой Бен Ладеном атак на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и здание Пентагона в Вашингтоне Муссауи был арестован в штате Миннесота. Ему были предъявлены обвинения в нарушении иммиграционного законодательства. Сидя за решеткой, он лгал следователям для того, чтобы не помешать проведению терактов. Комиссия Конгресса пришла к выводу, что еще задолго до атаки на Нью-Йорк ФБР заподозрила Муссауи в связях с террористами, и только из-за бюрократических проволочек спецслужбе не удалось предотвратить теракты. Кроме того, выяснилось, что американские спецслужбы еще до 11 сентября располагали информацией о том, что арестованный в Миннеаполисе студент летной школы Закария Муссауи занимался крайне подозрительной деятельностью, однако попытка сотрудников ФБР проверить жесткий диск его компьютера была заблокирована вышестоящими инстанциями. Комиссия, изучавшая обстоятельства атаки 11 сентября, пришла к выводу о том, что

если бы по делу Муссауи вовремя началось следствие, то трагедии, возможно, удалось бы избежать. Он мог оказаться тем ключевым звеном, потянув за которое вовремя, спецслужбы могли бы предотвратить теракты, впоследствии унесшие жизни почти трех тысяч человек.

«Да, я моджахед, воин Аллаха, если Аллах примет меня, и в ваших глазах я террорист. Но это не означает, что я принимал участие в атаках 11 сентября, — поначалу заявил Закария. — И ФБР об этом знает, потому что они следили за всеми моими действиями и контактами и в США, и за границей». В свою очередь, правительство США утверждает, что никакой слежки за Муссауи, вплоть до его ареста в августе прошлого года, не было. Вашингтон не возражал и против проведения повторной экспертизы личных вещей Муссауи, захваченных во время ареста с целью обнаружения в них «жучков». Такой экспертизы настоятельно требовал и сам подсудимый.

Слушания по этому делу транслировались по просьбе подсудимого по кабельному телевидению — таким образом Муссауи надеялся обеспечить объективность процесса. На первом же заседании суда подсудимый отказался от услуг адвокатов. Один из них был назначен общественным защитником Муссауи три года назад. Однако Муссауи обозвал своего адвоката «свиньей», поскольку юрист, по его словам, сотрудничал с обвинением. После этого адвокат и сам отказался представлять интересы своего клиента. До этого адвокаты, защищающие Муссауи, пытались убедить суд, что обвиняемый страдает психическим расстройством и не осознает, что делает, значит, ему нельзя выносить смертный приговор, следует ограничиться пожизненным тюремным заключением. 18 апреля 2006 года перед судом выступил социальный работник приюта для умственно отсталых детей Ян Воджелсанг. Он утверждал, что Муссауи, сын разведенных родителей, содержался в приюте, пока ему не исполнилось шесть лет. По свидетельству Воджелсанга, в семье Муссауи практиковались побои, а среди родных обвиняемого много умственно неполноценных. Адвокаты также были намерены добиться смягчения приговора еще и потому, что, по их мнению, смертная казнь сделает Муссауи мучеником в глазах исламского мира.

Но Генеральный прокурор Альберто Гонсалес утверждал, что Муссауи вполне вменяем. Он заявил: «Эти обвинения подразумевают высшую меру наказания. И мы будем настаивать на смертной казни».

Окружной судья Леони Брайнкем после самоотвода адвоката решила удовлетворить требование Муссауи. «Обвиняемый уже

признал свою вину, и речь идет не о его защите, а о вынесении приговора», — постановила она, однако все-таки назначила Муссауи защиту, которую, впрочем, подсудимый постоянно оскорблял. Так называемый «двадцатый угонщик» заявил в своем выступлении, что считает адвокатов соучастниками заговора, целью которого является его физическое уничтожение. По его словам, они заинтересованы только в удовлетворении своего тщеславия и жажды наживы.

Муссауи обвинили в сотрудничестве с террористической организацией «АльКаида» с целью организации терактов, воздушном пиратстве, использовании оружия массового поражения, в подготовке убийства правительственных служащих и уничтожении государственной собственности, а также даче ложных показаний (всего шесть пунктов обвинений). По американским законам только за четыре из шести обвинений ему грозила смертная казнь.

Во время разбирательства судья спросила Муссауи, понимает ли он, каковы выдвинутые против него обвинения и какое наказание они могут повлечь за собой. «Да, разумеется, — отвечал он. — Я не ожидаю от американцев никакого снисхождения». На каждом заседании суда в Александрии присутствовали родственники погибших 11 сентября. Был среди свидетелей и бывший мэр Нью-Йорка Рудольф Джулиани. Он рассказывал об ужасающих последствиях атаки на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке. «Он [Муссауи] лгал ФБР. Если бы он говорил правду, то, возможно, предотвратил бы это [теракты]. Для меня уже одно это обстоятельство делает его весьма ощутимой и важной частью заговора», — говорил Джулиани.

Выступление на суде бывшего мэра, ставшего для страны одним из символов той трагедии, должно было, по мнению обвинения, помочь убедить присяжных приговорить Муссауи к смертной казни. Показания Джулиани произвели сильное впечатление на присяжных. Девять мужчин и три женщины — таков был состав присяжных — потрясенно слушали его, в то же время Муссауи всячески демонстрировал, что получает удовольствие от увиденного и услышанного. А один раз он даже произнес: «Да испепелит Бог Соединенные Штаты!» Самым ужасным на суде был момент, когда Джулиани, глядя на кадры хроники, едва сдерживал слезы, а Муссауи смеялся. Присяжные видели это. Казалось, прокурорам больше ничего и не надо, чтобы добиться смертного приговора. Тем более что никаких веских аргументов в защиту Муссауи адвокаты не могли привести, разве что с помощью врачей доказать, что он шизофреник.

Первая фаза суда завершилась вердиктом, позволяющим приговорить обвиняемого к смерти, поскольку он несет прямую ответственность за гибель не менее чем одного человека. Но после 6 апреля 2006 года началась вторая фаза. Суд еще три недели слушал свидетельские показания, и только на их основании присяжные должны были решить, приговорить ли обвиняемого к смертной казни. Прокуроры старались всеми средствами убедить присяжных в необходимости смертного приговора. Одним из наиболее сильных аргументов стало обнародование в суде аудиозаписи с одного из разбившихся самолетов. Пока присяжные в оцепенении слушали голоса пассажиров, Муссауи сохранял спокойствие. А когда гособвинение демонстрировало кадры с изображением людей, сгоревших заживо после падения одного из четырех захваченных самолетов на здание Минобороны, Муссауи улыбался, а в конце заседания закричал: «В следующий раз сожгите Пентагон дотла! Да проклянет Аллах вас всех, да благословит Аллах Усаму!»

В ходе заседаний суда Муссауи в ответ на вопрос, что он вообще думает о терактах 11 сентября 2001 года, не один раз заявлял, что не испытывает ни сожалений, ни угрызений совести. Дважды до этого отвергавший свою вину, Муссауи неожиданно объявил, что он действительно был членом «АльКаиды» и дал клятву на верность Усаме Бен Ладену. «Я точно знаю, когда было принято решение [о террористической атаке] и кто именно все это сделал, — сказал на заседании суда Муссауи. — Я знаю очень много всего». Тридцатилетний террорист дал понять, что расскажет обо всех деталях нападения на Америку только в том случае, если ему сохранят жизнь. Муссауи также заявил, что он располагает секретными сведениями, которые, по его словам, заставят правительство «немедленно прекратить дело» в его отношении.

На судью Леони Брайнкем этот нехитрый маневр подсудимого не произвел особого впечатления. Муссауи так горячо убеждал присутствующих, что он может быть полезным американскому правосудию, что его несколько раз призывали замолчать. В какой-то момент судья даже пыталась позвать на помощь охранников, чтобы те силой вывели подозреваемого из зала суда. Но в последний момент Муссауи поднял вверх обе руки в знак признания поражения, и силовая акция не потребовалась. В итоге судьи — весьма редкий случай в истории американской юстиции — не захотели принять признание вины. Они внимательно выслушали обвиняемого, но «утвердить» его раскаяние отказались. Французский алькаидовец Муссауи не смог уговорить власти пойти с ним на сделку.

Как бы то ни было, признание Муссауи было чрезвычайно важно для американских властей. В Америке, в отличие от Европы, никто всерьез не обсуждал экзотическую версию о том, что теракт 11 сентября мог быть организован самими спецслужбами США с целью повышения рейтинга Буша. Признание одного из угонщиков, что теракт был организован исламскими фундаменталистами, должно было полностью опровергнуть эту теорию. Одновременно это признание в определенной степени снимало вину с американского правительства за серию арестов исламистов, содержание их в тюрьме без предъявления обвинения, а также проведенную недавно не слишком законную высылку из страны в Пакистан большой группы «подозрительных» граждан этой страны.

Обычно когда подсудимый признает свою вину и соглашается сотрудничать со следствием, смертный приговор заменяется длительным или пожизненным заключением. Однако по американским законам Муссауи, хоть и не участвовал в терактах, совершил страшное преступление. Поэтому судья Брайнкем взяла неделю на размышления. На самом деле это означало, что она не может брать на себя ответственность за принятие решения и должна проконсультироваться с правительством. (До этого прокуроры заявили, что требуют для Муссауи смертной казни.)

Вот как на тот момент оценивали положение эксперты: «Муссауи, скорее всего, будет настаивать на своем конституционном праве вновь объявить о признании вины перед судом присяжных, специально созванном по этому делу. Конечно, ФБР очень хочет выудить у него все, что он знает о группах «АльКаиды» в США, в том числе и о «спящих агентах» Бен Ладена. С другой стороны, правительство, похоже, настроено казнить террориста. Так что шансов на заключение сделки с властями у обвиняемого немного».

В конце концов окружной судья города Александрия, где проходило судебное разбирательство дела Муссауи, Леони Брайнкем заявила, что «не знает ни одного судебного прецедента, где невыполненное действие было бы достаточным основанием для того, чтобы посадить обвиняемого на электрический стул». Чтобы Закария получил высшую меру наказания, стороне обвинения необходимо было привести неоспоримые доказательства того, что федеральным властям удалось бы спасти от смерти 11 сентября 2001 года хотя бы одного человека, основываясь на показаниях, которых Муссауи не дал. В том случае, если окружной суд Александрии признает, что информация, которую мог выдать Муссауи накануне терактов, предотвратила бы трагедию, его ждет высшая мера наказания.

Присяжные признали Муссауи виновным в намерении совершить теракт, заявил официальный представитель суда Александрии Эдвард Адамс. Адвокаты же подсудимого утверждали, что их подзащитный преувеличивает свою роль в организации терактов. К тому же Ксавьер Амадор, эксперт в области шизофрении, сообщил присяжным, рассматривающим возможность в этом случае смертной казни, что он поставил свой диагноз (шизофрения) после проведения множества бесед и чтения многочисленных просьб к суду, которые Муссауи подавал с 2002 года. Амадор сказал, что его диагноз полностью подтвердился после часового интервью с Муссауи и прослушивания двух раундов судебных заседаний. По словам эксперта, Муссауи продемонстрировал несколько классических признаков шизофрении, включая быстрое изменение настроения и неспособность адекватно воспринимать информацию. Муссауи также заявил Амадору, что мечтает о том, что Буш досрочно освободит его, простит и позволит остаться в стране.

25 апреля 2006 года федеральное жюри начало обсуждение приговора. Прокуратура просила присяжных заседателей приговорить Муссауи к смертной казни, а адвокаты защиты настаивали на снисхождении, поскольку как член «АльКаиды» он признал себя виновным по шести пунктам обвинения, и, будучи приговоренным к пожизненному заключению, не может стать «шахидом» (мучеником за веру), а значит, и примером для подражания. Министерство юстиции Франции также просило США не применять к Муссауи высшую меру наказания. Обвиняемый же заявил, что будет оспаривать смертный приговор, на вынесении которого настаивает генеральный прокурор США Альберто Гонсалес.

После семи дней обсуждения присяжные 4 мая 2006 года сообщили судье Леони Брайнкем, что решение принято: Муссауи до конца своих дней останется в тюрьме. Тем более что адвокаты защиты просили присяжных заседателей не делать из Муссауи «мученика» в глазах мусульманских фанатиков. Присяжные же сочли, что для него гораздо мучительнее будет «долгое и медленное умирание в роли уголовного преступника» в тюрьме усиленного режима. Отметим также, что присяжные заседатели отклонили аргументы защиты о том, что Муссауи психически болен и страдает шизофренией. И все же мнение жюри не было столь уж единодушным: трое присяжных решили, что Муссауи имел о заговоре 11 сентября самое ограниченное представление, трое других сочли его роль в организации этих терактов незначительной. В ходе заседания суда, на котором Закарии Муссауи был вынесен пожизненный приговор, судья, обратившись

к нему, сказала: «Вы умрете в слезах». Муссауи пытался перебить судью, но той удалось закончить фразу. После этого Муссауи объявил, что снова окажется на воле и это станет доказательством того, что он — воин Аллаха. Когда приговоренного выводили из зала суда, он сказал: «Америка, ты проиграла. Я победил» — и захлопал в ладоши.

Бывший мэр Нью-Йорка Джулиани заявил в интервью каналу MSNBC: «По всему, это был справедливый и честный процесс, вот только результат не тот, которого я ожидал». Президент США Джордж Буш назвал справедливым решение присяжных. Буш добавил также, что вердикт суда в этом деле не означает завершения борьбы с терроризмом.

В лабиринтах финансовых махинаций

Предприятие «Аттила», или Сказка о человеческой глупости

Сенсационное дело, предметом которого стали… чудеса, творимые при помощи якобы «волшебного» прута. Примечательно, что жертвами шарлатанов стали не только обычные падкие на сенсации граждане, но и несколько десятков видных особ, среди которых были кайзер Вильгельм II, Адольф Гитлер, глава «Стального шлема» Зельдте, епископ Ваитц фон Фельдкирх и прочие знаменитости.

13 мая 1958 года в ландгерихте Вуппераля слушалось необычное дело. Зал оказался заполнен репортерами, полицейскими и зрителями. Перед объявлением приговора зеваки устраивали столь серьезные потасовки за места, что пришлось вызывать дополнительный наряд стражей порядка! Интересно, что при этом троим подсудимым не грозила ни пожизненная каторга, ни тем более высшая мера наказания. В самом худшем случае им предстояло провести за решеткой не более года. Что же вызвало такой ажиотаж общественности и прессы, обычно падких лишь до обсуждения тяжких преступлений?

В течение трех недель на процессе разбирались такие необычные дела, как магия и колдовство. На скамье подсудимых оказались три «чудотворца»: практикующие врачи из Вуппераля Ашофф и Корталь, а также их помощник, рантье Адольф Пэслер. В течение пяти (!) лет эти шарлатаны успешно дурачили тысячи пациентов. Они объявили, будто причиной всех недугов является лишь земное излучение. С помощью «волшебного» прута доктора ставили диагноз, а затем к больному домой выезжал Пэслер, вооруженный специальным прибором. Он искал «патогенную» зону в помещении, после чего пациенту рекомендовали произвести некоторую перестановку мебели. Для особо состоятельных лиц горе-врачеватели изготавливали экранирующий вредное излучение аппарат, после чего, используя каплю крови больного, нанесенную на бумажную салфетку, и все тот же прут, они подбирали гомеопатическое лекарство собственного изготовления. Таких микстур, по заверениям «чудотворцев», они успели создать более 20 000! Услуги врачей стоили недешево: от 20 до 200 марок за разные операции (от установления диагноза до создания экранирующего прибора «Император»). Изобретение Пэслера снабжалось этикеткой с надписью: «ИМПЕРАТОР. Официально проверен и утвержден»; состояла эта загадочная конструкция из фанерного ящика,

деревянной чушки и двух мотков звонкового провода.

В общем, суду, привыкшему работать исключительно с серьезными уголовными делами, пришлось решать, являются ли подсудимые наглыми шарлатанами или благодетелями страждущего человечества. Обвинение утверждало, будто «терапия» такого типа — не более чем обман, и «волшебные» пруты и приборы действительно могут облегчить — правда, не страдания, а карманы. Защита же кричала о «пионерах медицинской науки». Вуппертальскому ландгерихту приходилось непросто. Ведь к тому моменту в Западной Германии расплодились тысячи подобных «чудотворцев», наживавшихся на чужом отчаянии. А «волшебный» прут не применялся разве что при поклейке обоев. И при этом газеты преподносили даже заведомую чушь с таким серьезным видом, что не верить им было сложно.

Одной из наиболее анекдотичных историй, связанных с применением «волшебного» прута, стали события, которые разыгрались в старинном полуразвалившемся замке в австрийском городке Аурольцмюнтер в 1932 году. Этой сенсационной мошеннической афере принадлежит особое место в истории криминалистики. Поначалу вся германская пресса в восторге подключилась к описанию происходивших в замке «чудес», а затем ажиотаж резко спал. Никто не рисковал сообщать публике имена таких влиятельных жертв грандиозного надувательства, как кайзер Вильгельм II, Адольф Гитлер, глава «Стального шлема» Зельдте, епископ Вайтц фон Фельдкирх, Рупрехт фон Байерн, эрцабт Петрус, доктор Игнац Зайпель, художник Алоиз Вах и еще несколько десятков столь же знаменитых лиц. Когда же Вах в 1933 году решил опубликовать посвященную этой истории книгу «Правда об Аурольцмюнстерском замке», весь тираж скупили и уничтожили еще в типографии сторонники Гитлера. Случайно уцелело всего несколько экземпляров издания, благодаря которым мир позднее долго покатывался со смеху.

Эта история началась с того, что в 1925 году 50-летний отставной почтмейстер Карл Шаппеллер (практически нищий, привлекавшийся в 1920 году к судебной ответственности и признанный невменяемым) заявил о своем намерении купить у последнего владельца замка его развалины (которым было ни много ни мало 231 год) за 250 000 золотых шиллингов. Граф едва не получил удар от радости и удивления и на сделку согласился, оставив все же за собой право в течение семи лет выкупить родовое имущество. По истечении указанного срока, в 1932 году, стало известно, что почтмейстер действовал по поручению

церкви. Деньгами же его снабдили настоятель зальцбургского собора Эттер и инсбрукский прелат доктор Шёпфер.

Для чего же указанным лицам потребовались источенные червями развалины? Оказалось, виной тому древняя легенда, утверждавшая, будто в окрестностях Аурольцмюнстера похоронен вождь гуннского союза племен Аттила, а его могила наполнена несметными сокровищами. Легенда указывала, будто древний король нашел покой в замке «паласт ан дер Тайс». Замок в окрестностях Аурольцмюнстера ранее именовался именно «паластом», и располагался он как раз на речушке, название которой было созвучно упомянутому в легенде притоку Дуная (Тисе).

В общем, духовные лица решили, что Аттила покоится именно под этим замком, и поторопились приобрести его в собственность. А в 1932 году начали поиск «несметных сокровищ». Для начала к делу подключили еще одного почтмейстера, Биндерберга. Его обычно нанимали зажиточные крестьяне для поисков мест, где следовало рыть колодцы. Биндерберг пользовался при этом «волшебным» медным прутом.

Этот «лозоходец», член официально зарегистрированного союза кладоискателей, узнал от Шаппеллера, для чего духовным лицам потребовались развалины, и. его «волшебный» прут начал постоянно указывать исключительно в направлении Аурольцмюнстера, где бы ни находился сам Биндерберг. Это чудо почтмейстер поспешил обсудить с председателем союза кладоискателей, журналистом и главным редактором специального листка «Природа и культура» доктором Ветцелем. Сей почтенный, но легко увлекающийся джентльмен поспешил обратиться к историческим источникам, съездил в Инсбрук и Зальцбург, где узнал о легенде, рассказывающей о гробнице Аттилы. В начале февраля 1932 года Ветцель, прихватив Биндерберга, явился в Аурольцмюнстер для переговоров о раскопках и составил план поисков древней гробницы. При этом разглагольствовал он так убедительно, что местные жители как один решили: они принимаются за раскопки чуть ли не завтра.

Для начала в городке создали австрийское отделение союза кладоискателей, почетными председателями которого стали доктор Шёпфер и настоятель собора Эттер, а организационную сторону дела взял на себя Ветцель. Что же касается руководителя венского археологического института профессора Эггера, к которому обратились за научной поддержкой, то он посмеялся над идеей найти могилу Аттилы, но. проект все же одобрил. Эггер полагал, что на территории древнего замка могут обнаружиться ценные для института находки. На радостях Ветцель

растрезвонил о своих планах всей венской прессе. Его статьи сопровождались шквалом критики, что только помогло придать делу широкую огласку. Следующим шагом было привлечь к проекту богатых спонсоров.

Биндерберг, получив оплачиваемый отпуск, переселился в замок и начал обследовать его территорию своим «волшебным» прутом. Чего он тут только ни обнаружил! И некое захоронение, которое тут же объявили могилой Аттилы, с трехслойным гробом из золота, серебра и железа; и сундуки с сокровищами невероятных размеров; и многочисленные склепы; и гигантские подземелья с балдахинами из золота, с сундуками, набитыми бриллиантами; и погреб, заполненный чистым золотом; и крупное захоронение, имеющее форму древнеперсидского дерева игдразила, на котором, согласно мифам, держался мир: с алтарями, лестницами, склепами, золотыми колоннами и сокровищницами. Наконец «лозоходец» объявил о том, что под замком находятся. три города, некогда выстроенных один над другим!

Странно, но этой чуши верили. К началу раскопок к проекту оказался привлеченным ряд известных лиц и были собраны миллионы золотых шиллингов и рейхсмарок. Тогдато на операцию «Аттила» «клюнули» экскайзер, князь фон Байерн, епископ фон Фельдкирх и прочие влиятельные лица. Кроме солидных процентов и доли в прибыли им предлагалось участие в «тайной программе “Урания”» — плане религиозных и социальных преобразований, которые должны были привести к «социально-этической монархии».

В самый пик развернутой кампании в проект «Аттила» вложили миллион марок из нацистской партийной кассы Гитлер и НДС АП. Кроме того, для охраны раскопа предполагалось задействовать роты штурмовиков.

Наконец на месте предполагаемых гуннских могил было воздвигнуто капитальное сооружение, под которым четыре землекопа начали рыть шахту площадью в три квадратных метра, — чтобы гроб Аттилы можно было поднять на поверхность не разворачивая. Работы оказались сложнее, чем предполагалось вначале. Кроме постоянной угрозы обвала, шахте угрожало затопление, поскольку из соседнего пруда в нее постоянно прибывала вода. Для ее откачки пришлось устанавливать мощный насос.

В газетах бушевала истерия по поводу клада, а землекопам тем временем попадались только мергель, глина и вода. Неделю за неделей рабочие копали сначала вглубь, а потом вширь с неизменным нулевым результатом. Критики же постепенно

склонялись к мысли, что в земле Аурольцмюнстерского замка действительно могут оказаться сокрытыми древние сокровища. Историки и деятели культуры потрясали старыми картами, где отмечались пути войска гуннов и их стоянки. В дело шел лингвистический анализ названий местности. К делу «прицепили» даже книгу Парацельса «Тайная наука», поскольку в ней шла речь об одном из трех величайших сокровищ, погребенном «между Швабией и Баварией».

Только когда подошел к концу пятый месяц раскопок, у некоторых участников проекта начал просыпаться здравый смысл. Понемногу стали распространяться слухи о том, что и владелец замка, и «лозоходец» — просто душевнобольные, болезнью которых воспользовался глава предприятия — отпетый мошенник. Часть пайщиков обратила свою долю в деле в векселя и по истечении срока предъявила их в замок для оплаты. Тогда оказалось, что миллионы, собранные для раскопок. испарились! Ведь шахтное оборудование и поверхностный ремонт замка едва «тянули» на пару сотен тысяч марок или шиллингов, но Ветцель, тем не менее, погашать векселя отказывался и уговаривал кредиторов предоставить отсрочку.

Окончательный крах сказки наступил, когда на шахту под видом землекопа на пару дней нанялся ушлый репортер. В «Винер цайтунг» он описал примитивность работ, их результат и сообщил, что даже сами рабочие считают идею поднять гроб Аттилы грандиозным мошенничеством. Кроме того, журналист написал о возможной психической неполноценности двух действующих лиц этой трагикомедии, а также об опротестовании векселей. Кто знает, как восприняли бы такую писанину австрийцы и германцы, если бы в шахте, где не соблюдались правила техники безопасности, не произошел несчастный случай, стоивший одному из землекопов жизни. Полиция тут же официально запретила дальнейшее проведение работ, а кредиторы стаей голодных волков кинулись в замок требовать возврата давно исчезнувших в неизвестном направлении громадных средств. Местное отделение союза кладоискателей поспешило объявить о своем банкротстве.

Замок пошел с молотка, но никто не желал дать за него и шиллинга. Часть кредиторов вывезла из здания последнюю мебель, а часть (Гитлер, князь фон Байерн, Зельдте) предпочли не «светиться». Они поняли, что дело это безнадежное, и старались хотя бы не стать всеобщим посмешищем. Пресса волшебным образом умолкла, а уголовное дело вообще не возбуждалось, поскольку прокуратура не сомневалась в невменяемости хозяина замка. Шаппеллер, кстати, жил в нем до самой смерти (1947), а

Биндерберг попал, в итоге, в дом умалишенных. Доктор Ветцель еще некоторое время призывал общественность набраться терпения и продолжить раскопки, а затем вернулся в Мюнхен. Его называли шарлатаном и мошенником, который использовал бредовые идеи и прогрессирующее слабоумие двух почтмейстеров, чтобы провернуть выгодное дельце. Однако нашлись лица, не сомневавшиеся в том, что Ветцель сам стал жертвой аферы и поначалу верил в существование сокровищ. А спустя некоторое время доктор вообще начал открещиваться от того, что вообще имел хоть какое-то отношение к предприятию «Аттила»! Теперь председатель союза кладоискателей все то, что он недавно еще отстаивал, с неменьшим жаром отрицал. Причем делал он это, постоянно повторяя фразы вроде «жертвы вампира», «жертвования всем своим “я”» злым демонам Аурольцмюнстера», «тысячи огней, отраженных в тысяче зеркал» и т. п.

Но простите, скажете вы, а при чем здесь процесс трех «врачевателей»? Дело в том, что пресловутый доктор Ветцель, как председатель союза «специалистов по прутам и маятникам» и изобретатель некоего «регулятора эфира», экранирующего земное излучение, был привлечен к участию в вуппертальском процессе в качестве эксперта. Он тут же попытался представить искусство использования «волшебных» прутов в качестве единственно подлинного научного метода в медицине. Несмотря на красноречие неугомонного доктора, члены коллегии по уголовным делам признали подсудимых докторов Ашоффа и Корталя виновными в систематическом мошенничестве, причинении огромного материального ущерба пациентам и непоправимого вреда их здоровью, а подсудимого Пэслера — в пособничестве мошенничеству и в знахарстве. Эскулапов приговорили к году тюремного заключения и штрафу в 1000 марок каждого, а рантье — к девяти месяцам тюрьмы и 900 маркам штрафа. К тому же этой троице предстояло выплатить также судебные издержки.

Дело короля фальшивомонетчиков Чеслава Боярского

В 1951 году в отдел по борьбе с фальшивомонетчиками Министерства внутренних дел Франции поступило сообщение из Национального банка о появлении высококачественной подделки банкнот в 1000 франков. Эксперт, проверявший денежные пачки методом случайной выборки, обратил внимание на необычный хруст, который издавала одна из денежных купюр. Ее спектральный анализ показал, что банкноту изготовили из настоящей денежной бумаги. При этом был использован метод глубокой печати, водяные знаки на купюру были нанесены правильно, а вот скрытых степеней защиты не хватало. Полученную информацию полиция расценила как исключительно важную. Ведь за все послевоенные годы во Франции не было фальшивомонетчика такой высокой квалификации.

Начиная с 1951 года поддельные купюры в 1000 франков периодически обнаруживались и изымались. Как правило, фальшивки находились в деньгах, поступавших в отделения банков из крупных магазинов и универмагов.

В 1957 году в оборот стали поступать поддельные купюры достоинством 5000 франков, потому что послевоенная инфляция обесценивала нелегкий труд фальшивомонетчика. Чтобы хоть как-то повлиять на сложившуюся ситуацию, старший комиссар полиции Эмиль Бенаму, возглавлявший отдел по борьбе с фальшивомонетчиками, обратился в Банк Франции с предложением уведомить население о подделке купюры достоинством 5000 франков. Но получил отказ, так как фальшивые деньги не имели ни одного признака, по которому непрофессионал мог бы отличить их от настоящих.

Спустя три года во Франции была проведена денежная реформа. Неизвестный фальшивомонетчик сразу же начал выпускать стофранковые банкноты нового образца. Но удалось установить, что все новые фальшивки имели знак одной из четырех серий. В сентябре 1963 года парижские кассиры были проинструктированы о том, что следует обращать особое внимание на клиентов, расплачивающихся стофранковыми купюрами четырех известных серий. Это была единственная мера, которую на тот момент могла предпринять полиция для обнаружения подпольной мастерской.

В течение сентября — октября 1963 года поддельные купюры дважды поступали из почтового отделения на бульваре Бессьер,

43. Выглядело это так, словно кто-то приблизительно раз в месяц приходил на почту и специально сбывал фальшивки небольшими партиями. Комисар Э. Бенаму решил устроить засаду на неизвестного. Место кассира из почтового отделения занял полицейский. Причем об этом не знали даже сотрудники почты, так как в полиции опасались утечки информации.

29 ноября 1963 года при покупке государственных облигаций фальшивой купюрой расплатился мужчина средних лет. Кассир сумел незаметно для окружающих покинуть свое рабочее место и через уличное окно рассмотреть машину, в которую сел незнакомец. Полиция быстро определила ее владельца. Им оказался Алексей Шувалов, сын эмигрантов из России.

За ним сразу же было установлено постоянное наблюдение. Проверялись не только все контакты Шувалова, но и его телефонные разговоры. Время шло, однако никаких улик не было.

Лишь 23 декабря 1963 года Алексей Шувалов отправился объезжать на своем автомобиле крупные французские банки. В одних он покупал облигации государственного займа, а в других расплачивался за покупки, используя для этого только стофранковые купюры. Все до единой банкноты были сразу же изъяты полицией и переданы на экспертизу. Заключение было однозначным: все банкноты — фальшивки.

Получив санкцию прокурора, полиция провела тайный обыск в квартире Шувалова, но он не дал никаких результатов. Стало ясно, что подозреваемый является только сбытчиком фальшивых денег. Чтобы найти организатора производства, полиция решила продолжить за ним скрытое наблюдение.

Спустя 7 дней Алексей Шувалов таким же способом сбросил еще одну партию фальшивок. То же самое повторилось и 7 января 1964 года. Несмотря на постоянную слежку, полиция так и не установила, откуда он берет фальшивые деньги. Поэтому решено было пресечь его деятельность, арестовав с поличным.

17 января 1964 года Шувалов был задержан при попытке сбыть очередную партию фальшивых франков. При аресте он не оказал сопротивления и на первом же допросе начал сотрудничать с полицией, заявив, что деньги получил у своего двоюродного брата, Антуана Довгье. Через полтора часа на допрос был доставлен А. Довгье. Он сразу же назвал имя человека, который дал ему поддельные банкноты. Им был Чеслав Боярский. Антуан Довгье рассказал, что этот человек живет в небольшом городке, спутнике Парижа Монжироне, на авеню СенАр, дом 33, в двухэтажном коттедже с ухоженным садом.

Эмиль Бенаму решил действовать без проволочек. Он выехал на задержание Чеслава Боярского без санкции прокурора на

обыск жилища подозреваемого. Боярский находился в это время дома и сам открыл дверь полиции. Полицейские, не прислушиваясь к его протесту, изъяли дипломат, в котором находились пачки стофранковых банкнот. Деньги тут же были переданы на экспертизу, а сам Чеслав Боярский арестован.

18 января 1964 года стало известно, что деньги, изъятые в доме Боярского, настоящие, и в доме никаких следов типографских работ не обнаружено. Но, несмотря на это, ни один из арестованных не был отпущен на свободу, к тому же все подозреваемые постоянно подвергались допросам с пристрастием.

Чеслав Боярский родился в 1912 году в г. Ланцуг на западе Российской империи. В конце 1920-х годов он поступил в Политехнический техникум во Львове, где изучал политэкономию, а затем переехал в Германию. Там в Данцингском университете Боярский закончил архитектурный факультет. В сентябре 1939 года после разгрома польских войск фашистской Германией он бежал во Францию, где всю войну сражался против фашистов. В 1945 году Чеслав Боярский легализовался во Франции как участник движения Сопротивления.

После войны Боярский занялся изобретательской деятельностью. Он запатентовал множество интересных оригинальных устройств и механизмов: экономичные электробритвы, насосы для поливки газонов, хлеборезки, офисные машинки для уничтожения бумаг и т. д. Но ни одно из его изобретений не нашло своего покупателя. Зато через 6 лет талантливый конструктор смог открыть солидный счет в швейцарском банке, выплатить все долги и жениться на молодой француженке из состоятельной семьи. Однако вскоре швейцарский банк лопнул. С 1950 года Чеслав Боярский вел переписку с банком, надеясь спасти хотя бы часть своих сбережений. Именно эти письма, обнаруженные Эмилем Бенаму, послужили основной причиной для дальнейших допросов. Следствие пришло к выводу, что у подозреваемого был постоянный источник доходов, приносивший год от года все большую прибыль. При этом ни одного способа честно заработать подозреваемый так полиции и не назвал.

В конце января 1964 года Антуан Довгье вступил в сговор со следствием и, получив гарантию прокуратуры по ст. 138 Уголовного кодекса, что обвинение на суде не будет требовать для него лишения свободы, дал подробные показания о деятельности преступной группы. Довгье заявил, что изготовителем поддельных купюр являлся Чеслав Боярский. Но

даже получив достоверные показания, полиция так и не смогла добиться признания главного подозреваемого. К тому же следователи убедились в том, что ни жена, ни родственники не подозревали о преступной деятельности Чеслава.

Эмиль Бенаму, изучая документацию, обратил внимание на то, что автором проекта дома в Монжироне был сам Боярский — дипломированный архитектор. Поэтому он заподозрил, что в доме существует тайное помещение, где и расположена типография фальшивомонетчиков. Комиссар основательно подготовился к повторному обыску. Он даже получил специальное разрешение на разборку дома Боярского, решив, что придется разбивать несущие стены. Типографию удалось найти, сорвав полы на первом этаже. Узкая лестница, замурованная прямо в толще несущей стены, вела из кабинета на первом этаже в подземное помещение. После того как типография была обнаружена, Чеслав Боярский начал давать показания.

Именно в этой комнатушке площадью всего 6 м2 знаменитый фальшивомонетчик сумел воспроизвести весь технологический процесс производства банкнот: от изготовления бумаги до искусственного старения. Свою преступную деятельность он начал в 1948 году, купив за 200 франков старое биде, из которого изготовил мельницу, превращающую денежные купюры в пыль. Очень быстро Чеслав Боярский научился получать денежную бумагу из однофранковых банкнот, занявшись затем изучением денежных красок. Напечатанные деньги он подвергал искусственному старению: стирал их в сепараторе, жарил в специальной печке и мял в мешочке с бытовой пылью.

Первая купюра была изготовлена на Рождество 1950 года. Проработав четыре года и добившись материальной независимости, фальшивомонетчик решил оставить свой бизнес. С 1954-го по 1957 год он занимался только изобретательской деятельностью, но, потерпев фиаско на этом поприще, вернулся к преступному промыслу.

В апреле 1964 года был проведен следственный эксперимент, во время которого Чеслав Боярский продемонстрировал все этапы изготовления фальшивых денег. После этого Министерство внутренних дел Франции выдало официальное разрешение на ознакомление прессы с материалами следствия. На долгих два года Боярский приковал к себе внимание журналистов. Газеты разделились на два враждующих лагеря. Одни сочувствовали одаренному ученому, так и не нашедшему признания. «Художник, маг, гений, само лукавство», — так твердила о нем газета «Юманите». Корреспондент «Монд» писал об «удивительных необыкновенных способностях, считая Боярского самым

оригинальным фальшивомонетчиком своего времени. Американский журнал «Тайм» рассказывал о фальшивых деньгах Боярского: «Это была настолько чистая работа, что даже во Франции, где производится 80 % всех фальшивых денег, он заслуживает славы Леонардо да Винчи». Другие считали Боярского предателем и лицемером, черной неблагодарностью отплатившим обществу, спасшему его от «коммунистического рая». Они окрестили знаменитого фальшивомонетчика «негодяем в превосходной степени».

В 1965 году Чеслав Боярский попал в тюремную больницу. Врачи поставили ему страшный диагноз: туберкулез и рак костного мозга.

Фальшивомонетчик отказался от операции, не желая оставаться инвалидом в тюрьме. Поэтому полиция предприняла максимум усилий, чтобы ускорить следствие и передать Боярского под суд, пока это еще было возможно.

12 мая 1965 года начался судебный процесс над Чеславом Боярским. Сторону обвинения представлял прокурор Шарасс. Его поддержал президент адвокатской полиции Парижа Шресте, который представлял на суде Банк Франции. Защитниками Боярского были адвокаты Тиссадр и Дебре. Вел процесс судья Перес, а вердикт по делу Чеслава должны были вынести десять присяжных заседателей.

Накануне суда известный фальшивомонетчик обратился во Французский банк с официальным сообщением о том, что изобрел особенную денежную бумагу, которую невозможно будет подделать в будущем. Он надеялся получить от властей предложение о сотрудничестве, решив пойти на внесудебный договор. Но банк отказался от его услуг, вынудив адвокатов обвиняемого под угрозой снятия их с процесса дать подписку о неразглашении этого эпизода в суде.

Во время судебного заседания Боярский признал себя виновным частично, Довгье — полностью, а Шувалов вовсе не признал свою вину. Французский банк оценил прямой ущерб от деятельности группы Боярского в 1,1 млн новых франков, а общий ущерб — в 3,6 млн франков. Но реальное количество выпущенных фальшивомонетчиками денег так и не было установлено, потому что сам Боярский отказался сотрудничать со следствием.

В ходе судебного заседания судья Перес часто опускался до оскорблений в адрес подсудимого, на которые обратили внимание журналисты, присутствующие на процессе. Когда Боярский попытался рассказать о своих изобретениях, судья перебил его: «Вам не вменяются в вину изобретения, которые

никому не пригодились. Это не преступление, а всего лишь ваше дилетантство». Кроме того, председатель суда очень часто допускал оговорки, послужившие материалом для разгромных статей, посвященных процессу. Так, например, в первый же день он спросил у подсудимого: «Бывает, люди решаются на воровство, даже на убийство, но почему вы предпочли фальшивые деньги?» Следуя логике судьи, преступление против Французского банка было даже большим злом, чем убийство.

Судья Перес все время стремился расставить обвиняемому ловушки, задавая каверзные вопросы: «Скажите, обвиняемый, вам никогда не приходила в голову мысль подыскать себе работу?» Боярский, понимая, что его провоцируют, стремился отвечать искренне: «Господин председатель, я запер себя в башне из слоновой кости и хотел сделать что-то своими руками. Я знал, что мои дети будут презирать меня, если я не смогу накормить их. Я знал, что занимаюсь противозаконными действиями. Я сам писал это на своих банкнотах. Я испытывал страх, но знал также, что никому конкретно я не наношу вреда. Во Львове я слушал лекции старого профессора. Он рассказывал, что видел своими глазами, как сыновья богатых родителей прикуривали от сторублевых ассигнаций. Профессор говорил, что тот, кто сжигает деньги, чтобы от них прикурить, наносит вред государству. Банкноты, находящиеся в обращении, приносят всем только прибыль». На это Перес заявил: «Значит, надо направлять в обращение как можно больше денег? Но это же неразумно, даже смешно. Хотя нет — это теория инфляции. Обвиняемый только хотел оказать государству услугу».

За свою заносчивость судья Перес поплатился во время одного из слушаний. После того, как эксперт Банка Франции дал показания, объяснив, каким образом Боярскому удалось выполнять столь искусные подделки, судья попросил, чтобы ему передали пару купюр, которые принес с собой эксперт. Он хотел показать всем присутствующим, как просто определить фальшивку. Перес несколько минут в полной тишине сминал и расправлял деньги, а затем начал их тереть. Боясь ошибиться, он дрогнувшим голосом произнес: «Может быть, настоящие?» Купюры передали Боярскому. Мельком взглянув на банкноты, фальшивомонетчик произнес: «Как дилетант поздравляю вас, господин председатель. Деньги настоящие». Его слова вызвали в зале суда взрыв хохота.

В другой раз всех присутствующих в зале суда рассмешил до слез прокурор Шарасс. Во время одной из своих речей, войдя в раж, он закричал: «Низшей точкой падения было то, что обвиняемый ни разу не удосужился заплатить налоги!» Патетика

прокурора была явно неуместной, ведь требовать от фальшивомонетчиков уплаты подоходного налога было, мягко говоря, неразумно.

Оживление в зале суда вызвало и абсолютно серьезное заявление Алексея Шувалова о том, что он ничего не знал о происхождении фальшивых денег. На вопрос судьи, не показалось ли ему странным, что купюры номиналом 100 франков отдают по цене 75, он ответил: «Я полагал: они ворованные».

На суде Антуан Довгье всячески разоблачал своих подельников, стараясь продемонстрировать присяжным полное чистосердечное раскаяние. Он стал первым фальшивомонетчиком в новейшей истории Франции, в отношении которого в полной мере была применена ст. 138, гарантирующая ненаказуемость преступника в случае сотрудничества с правоохранительными органами.

В своем последнем слове Чеслав Боярский сказал: «Я глубоко сожалею о том, что причинил столь значительный ущерб Банку Франции. Я совершенно искренне уверяю вас, что никогда не хотел принести вред кому бы то ни было. Не отнимайте у меня надежды исправить свою вину, принести пользу, подарить моим детям улыбку».

Адвокаты пытались убедить присяжных в том, что часть вины за совершенное Боярским преступление ложится и на общество, которое не дало ему другой возможности для самореализации.

14 мая 1966 года приговор суда был оглашен. Чеслава Боярского приговорили к 20 годам лишения свободы, хотя сторона обвинения требовала пожизненного заключения. Прокурор Шарасс заявил: «Когда же нам применить ст. 139 в полном объеме, как не в этом случае? В 1958 году 20 лет тюрьмы получил фальшивомонетчик Верзини, но по сравнению с Боярским он мелкая рыбешка».

Алексей Шувалов был осужден на 5 лет, хотя прокурор предлагал ограничиться сроком, уже проведенным им в заключении.

Антуан Довгье был выпущен на свободу.

После оглашения приговора Эмиль Бенаму заявил: «Возможности искусства Боярского ошеломляет. Если бы он во Франции подделывал доллары, его, вероятно, никогда бы не арестовали».

Чеслав Боярский так никогда больше и не увидел свою семью. Он умер через несколько месяцев в тюрьме.

«Елисеевское дело» — борьба с коррупцией или Политический заказ?

Пожалуй, самой нашумевшей историей периода андроповских разоблачений стало дело директора столичного гастронома № 1 (Елисеевского) Юрия Соколова. По приговору суда он был расстрелян. Такой исход уголовного дела об экономическом преступлении придал ему особый резонанс: ведь даже махровые «расхитители социалистической собственности», связанные с так же печально известной фирмой «Океан», отделались значительными сроками заключения, а тут…

За торговым детищем купца Елисеева репутация лучшего магазина в Москве закрепилась с дореволюционных времен, да и в советское время он пользовался в столице особой популярностью. Как впрочем и его директор Юрий Константинович Соколов (1925 г. р.). Он работал здесь с 1963го по 1972 год замдиректора, а с февраля 1972го по октябрь 1982 года — директором. Правда, при нем (а вернее, намного раньше) купеческую инициативу и оборотистость подменил блат. Директора самого знаменитого гастронома страны знал весь московский бомонд. На поклон к нему шла вся московская элита, и все предлагали взамен свои услуги. Соблазняемый всеми, Юрий Соколов стал в Москве великой силой. В его гастрономе, если был блат, из-под полы можно было достать все что угодно душе и желудку, но и без него, отстояв часок-другой в очереди, вполне реально было обзавестись полным набором продуктов. Чтобы магазин процветал, Соколов, работая в непосредственном подчинении у начальника главка Петрикова, приложил немало усилий для установления и развития личных контактов с «большими людьми», в число которых входили, например, дети Брежнева. Более того, директор гастронома (пусть даже и очень престижного) мог запросто поговорить с министром торговли или его заместителем по телефону. Влияние и связи Соколова были настолько велики, что даже орден Трудового Красного Знамени ему вручали не в Моссовете, а в Верховном Совете и награждал его первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

О связях Соколова с первым секретарем столичного горкома партии Виктором Гришиным и семьей Брежнева, конечно же, прекрасно знали не только столичные обыватели, но и правоохранительные органы. Но долгое время всех все устраивало. Но на стыке 1982-го и 1983-го годов, когда дряхлеющий генсек уступил власть Юрию Андропову,

популярность Елисеевского, а также его особое, благодаря Соколову, положение среди других элитных магазинов столицы дали органам уникальный шанс продемонстрировать решимость новой власти навести в обществе порядок, в первую голову обрушив удар на наиболее ярких представителей сложившейся системы коррупции и кумовства. За месяц до ареста кабинет директора «Елисеевского» был «нашпигован» оперативно-техническими средствами индивидуального контроля, а попросту говоря, телевизионными камерами для подглядывания и радиоаппаратурой для подслушивания.

Арест директора «Елисеевского» 30 октября 1982 года в его собственном кабинете во время якобы передачи ему взятки в размере 300 рублей действительно произвел оглушительный эффект. Соколов был задержан московскими чекистами по подозрению в соучастии в незаконных валютных операциях по делу в отношении неких М. Г. и М. И. Авилкиных. А 8 декабря 1982 года следственным отделом УКГБ по Москве и области дело Соколова было выделено из их дела и принято к отдельному производству. Параллельно — вслед за Щелоковым «полетело» все Управление торговли во главе с Трегубовым и его замами, а вместе с директором Елисеевского — и его подчиненные. Но Соколов стал единственной «VIP-персоной», которую растреляли.

Во время ареста Соколов вел себя совершенно спокойно. Факт получения взятки отрицал, утверждая, что сослуживец просто вернул ему долг. Не потерял он невозмутимости и в камере следственного изолятора в Лефортове. От дачи показаний долго отказывался. Меняющимся сокамерникам говорил, что все происшедшее — чистое недоразумение. Соколов молчал, но молчали и те, кто понимал, что его арест — дело вовсе не хозяйственное, а политическое. Идет интенсивный сбор компромата на того, кто не без основания считал себя правопреемником стареющего Брежнева, — Гришина. Соколов молчал. Зато, не таясь, говорила Москва. Имя Соколова звучало везде — оно стало символом и вещдоком борьбы с торговой коррупцией. По слухам, у руководителей торговли было изъято ценностей на миллионы рублей. На их дачах найдены металлические бочки с обветшавшей валютой и книжки вкладов в зарубежные банки. Кстати, среди «конфиската», изъятого у Соколова, числились несколько десятков дорогих заграничных часов типа «Ролекс». Ими были награждены особо отличившиеся в разоблачении «елисеевских взяточников» чекисты и прокурорские работники, а семь принадлежавших Соколову иномарок по окончании дела еще долго стояли во дворе Московского управления КГБ.

Наиболее вероятному преемнику Брежнева Юрию Андропову нужен был козел отпущения, который своей жизнью искупил бы все бывшие и будущие грехи номенклатуры. Вся система коррупции в те годы держалась на торговле. В этой сфере все было пронизано взятками и блатом снизу доверху. Люди, причастные к торговле, жили, остальные стояли в очередях. Соколов являлся идеальной фигурой для жертвоприношения: он занимал в системе коррупции далеко не самое высокое положение, и в то же время возглавляемый им магазин был известен всей стране. Следствие без труда доказало: Соколов брал взятки от подчиненных и давал на лапу вышестоящему руководству. А так как соратники Юрия Владимировича Андропова и решили в первую очередь «пошерстить» ближнее окружение Брежнева, то при этом главная политическая составляющая удара по «московской торговой мафии» адресовалась Гришину; в фокусе этой атаки и оказался Соколов. Команда Андропова сделала все, чтобы его дело рассматривал не Мосгорсуд, а сразу республиканский Верховный суд, который обычно ведет судебное следствие по делам о самых тяжких преступлениях (измена Родине, серийные убийства несовершеннолетних и т. п.). Но это к тому же означало, что подсудимый и его адвокаты не могли подать кассационную жалобу. Процесс, который должен был по замыслу КГБ стать показательным, тем не менее проходил в обстановке строгой секретности.

К началу суда над Соколовым ЦК КПСС был завален письмами трудящихся, требующих наказания коррупционера по всей строгости закона. Когда одного из старых сотрудников журналисты спросили, каким был Соколов, тот ответил: «Таких уж нет. Мы его между собой Юкой звали (от Юрия Константиновича). При нем товарооборот в магазине с 30 млн до 94 млн рублей в год подскочил. К любому — с уважением. Хоть бы и ко мне, а я грузчиком работал. Тринадцатую зарплату Юка сам каждому в конвертике вручал и с днем рождения лично поздравлял. В магазине товару — как в Америке. Чистота, порядок. А откуда деньги на взятки? Да уж не со ста граммов колбасы. Закупил финское оборудование и наполовину уменьшил потери продуктов при хранении. Отсюда и «лишние» деньги. Завотделами — Юке. Юка — Трегубову в Горторг. А уж тот кому… Каждый в этой цепочке свой интерес имел, оттого и крутился. И не за счет покупателя, и не за счет государства, а за счет ума своего и догадки. У нас с какой идеей жили? Пусть лучше сгниет, лишь бы учтенным все было. А у Соколова другой принцип: сохрани, отдай людям и поощри за инициативу. При

Соколове в «Елисее» пахло молотым кофе, а после него — порошком от крыс».

Однако при всем усердии сотрудников КГБ никаких особых сокровищ у Юрия Константиновича не нашли. Адвокат Соколова Артем Сарумов на свидании предложил подзащитному сказать, где хранятся деньги, чтобы семья не бедствовала после его гибели. К изумлению адвоката, Соколов усмехнулся и сказал: «Денег нет — не ищите!» Так что спрятанных денег у человека, выставленного на всю страну «взяточником № 1», не оказалось. Почти все, что получал от нижестоящих, Соколов совал на лапу вышестоящим, чтобы во вверенном ему магазине был нормальный ассортимент. Из Московского горкома КПСС в ГУМ, где работала жена Соколова Флорида, начались звонки с требованием исключить ее из партии и уволить. Соколов молчал, но в горкоме опасались, что заговорит Флорида и расскажет, кто приказал мужу (который, кстати, трижды пытался уйти на пенсию) строить систему отношений в торговле именно так, а не иначе.

Впрочем, Юрий Константинович Соколов после смерти Брежнева все же заговорил. Он начал давать показания 20 декабря 1982 года, потому что был достаточно сведущим человеком, чтобы понять, кто победил (хотя и не окончательно) и для чего нужен процесс против лиц, так или иначе связанных с Гришиным. Между тем перед КГБ была поставлена четкая цель: Соколов должен признать вину в указанной ему форме, а затем дать показания о передаче взяток в высшие эшелоны власти. Первое признание было запротоколировано, по второму велась отдельная магнитофонная запись. Вот экспертная оценка бывшего прокурора по надзору за КГБ Владимира Голубева: «С точки зрения проведения допросов, других действий следователей, направленных на разоблачение Соколова, безусловно, нарушалась тактика ведения расследования. Приводимые доказательства тщательно не исследовались. Суммы взяток назывались исходя из экономии норм естественной убыли, которая предусматривалась государством. Соколов не заслужил столь сурового наказания. С правовой точки зрения это противозаконно».

11 ноября 1983 года начался суд. В зал заседаний, кроме жен обвиняемых и дружинников, посторонние не допускались. Соколов на суде вел себя вызывающе и заявил, что стал жертвой партийных разборок и репрессий. На процессе не прозвучали и не были зафиксированы в протоколе показания Соколова в отношении людей из окружения Брежнева и Гришина (а за них Соколову были обещаны небольшой срок и возможная амнистия). Правда, поговаривали, что соответствующие имена были

озвучены кулуарно. На заключительное заседание были допущены лишь жена Соколова и люди по списку, в основном работники КГБ и горкома партии. Верховный Суд РСФСР вынес директору «Елисеевского» смертный приговор по статьям 173 части 2 и 174 части 2 (соответственно, получение и дача взяток в особо крупных размерах) УК РСФСР. В заключении по делу говорилось: «Используя свое ответственное должностное положение, Соколов в корыстных целях с января 1972-го по октябрь 1982 года систематически получал взятки от своих подчиненных за то, что через вышестоящие торговые организации обеспечивал бесперебойную поставку в магазин продовольственных товаров в выгодном для взяткодателей ассортименте».

По свидетельству жены, Соколов вообще не защищался. Держался спокойно и достойно. С безразличием выслушал приговор о высшей мере наказания. Последнее слово подсудимого раскрывало смысл советской системы торговли. Соколов говорил, что существующие порядки в торговле делают неизбежными взятки, обвес покупателей — для того, чтобы получить товар и выполнить план, надо расположить в свою пользу тех, кто наверху, и даже тех, кто внизу, даже шофера, который везет продукты.

Флориде все-таки удастся уговорить мужа написать кассационную жалобу. Весьма красноречив и рассказ адвоката Соколова А. Сарумова, согласно которому после оглашения оглушительного приговора — совершенно неожиданного для обвиняемого, как утверждает адвокат, — Юрий Константинович сразу было отказался писать прошение о помиловании. «Я ничего писать не буду, — якобы заявил он Сарумову. — Я подлец, я заложил людей, и меня надо расстрелять». Однако потом прошение все-таки написал. Но суд, как уже было сказано, изначально был Верховным и не собирался пересматривать заказное дело партии. За время рассмотрения дела власть сменилась дважды: не стало Брежнева, а затем и Андропова. Зачем же нужно было казнить старого фронтовика, сумевшего обеспечить в системе советской торговли бесперебойную поставку товаров в свой магазин? (Соколов ушел на фронт в 17 лет и до конца войны находился в действующей армии. Участвовал в освобождении Румынии, Венгрии, Югославии. Был награжден многочисленными медалями, тремя грамотами Верховного Главнокомандующего. Фигурировал в мемуарах замминистра обороны генерала армии Толубко.)

Следователь по особо важным делам Владимир Коротаев, руководивший тогда следственной группой, рассказывал: «Я

последний, кто допрашивал Соколова в камере смертников. Он действительно произвел хорошее впечатление. Обидно, что его расстреляли. Но его дело вел КГБ, я то его допрашивал в связи с другими уголовными делами. Соколов подробно рассказал о работниках министерства, о Галине Брежневой. Например, узнает она из кремлевских источников о повышении цен на золото, скупает, а на следующий день продает. А то, что Соколова приговорили к расстрелу, я считаю, виноваты адвокаты. Они на суде говорили о том, что дело Соколова — политический заказ. А надо было сказать, что он — жертва системы. Взятки тогда брали все, кто работал в системе торговли. Я ходатайствовал перед руководством прокуратуры, чтобы Соколова не расстреливали. И когда это все-таки произошло, все свидетели закрыли рты, перестали сотрудничать со следствием. Я не исключаю, что Соколову закрыли рот по приказу из Кремля, иначе и кремлевских чиновников пришлось бы тащить в суд».

Дело Соколова стало, пожалуй, последним показательным процессом советской карательной юриспруденции, когда смертная казнь почиталась самым «грубым и зримым», говоря словами поэта, доводом режима в разговоре с собственными гражданами, дерзнувшими нарушить социалистическую законность. Как уверяют очевидцы, Юрий Константинович до конца не верил в печальный исход, был необычно весел, говорил о близком помиловании. Но 14 декабря 1984 года Соколов был расстрелян прямо в машине, по пути из Лефортова в следственный изолятор № 2, но ни в Москве, ни по всей стране жизнь от этого не стала хоть чуточку лучше.

После суда к Флориде подошел следователь КГБ и растерянно сказал, что они не ожидали такого исхода: «Ну десятьдвенадцать лет. Но расстрел!.. Это не наше решение, это решение горкома». Владимир Олейник, бывший в 1980-е годы начальником следственной части Прокуратуры РСФСР, в своих воспоминаниях особо подчеркивал, что в ведомстве Гришина внимательно следили за делами, которые расследовал КГБ совместно с Прокуратурой РСФСР. Позже, в ноябре 1988-го, тот же Олейник так отозвался о громком «елисеевском деле»: «Я не видел и до сих пор не вижу смысла в смертном приговоре для Соколова. Да и привели его в исполнение как можно скорее. Будто кто-то спешил прервать угрожающие ему показания. Зато Трегубов и Петриков, бывшие и порождением «системы», и лидерами ее, получили более мягкие приговоры, хотя ни в чем не признались. Как это можно — раскаявшихся лупить по максимуму, а упорствующих поощрять мягкими приговорами?!» Но значит, было можно, потому что кому-то было так нужно.

И еще долго в квартире Соколова будут раздаваться анонимные телефонные звонки. Незнакомые Флориде люди будут твердить в телефонную трубку: «Виноват Гришин, он не может простить вашему мужу показаний против себя».

Адвокат Соколова Сарумов все же доведет дело до конца, и 12 апреля 1995 года, рассмотрев дело директора «Елисеевского» и приговор, вынесенный Юрию Константиновичу, Пленум Верховного Суда констатирует: «Приговор судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 11 ноября 1983 года в отношении Соколова Юрия Константиновича изменить: исключить указание о признании его должностным лицом, занимающим ответственное положение, а назначенное наказание по ст. 173 ч. 2 УК РСФСР (в редакции 1962 года) заменить 15 годами лишения свободы с конфискацией имущества». Не правда ли удивительный вердикт: заменить смертную казнь заключением после расстрела подсудимого?

От «узбекского» дела к «московскому»

После смерти Суслова, когда Брежнев был уже похож на полутруп, Андропов раскрутил громкий показательный процесс о взяточничестве и казнокрадстве. Анатолий Колеватов, руководитель всех цирков страны, получил 15 лет лагерей. Директора «Елисеевского» Юрия Соколова приговорили к расстрелу, покончил с собой Сергей Нониев — директор гастронома «Смоленский». Молодого артиста цыганского театра «Ромэн» Б. Буряце приговорили к пяти годам заключения, но из тюрьмы он не вышел. Все они были завсегдатаями в доме Галины Брежневой. Родного брата Галины Юрия Брежнева вывели из состава кандидатов в члены ЦК. Тучи сгущались и над генералом Чурбановым. Он сильнее всех пострадал под «паровым катком» так называемого «узбекского» дела.

Юрий Чурбанов

Группа следователей Тельмана Гдляна и Николая Иванова, «копавшая» под Узбекистанский ЦК, понимала, что коррупция обусловлена всем общественным порядком, к ней в той или иной степени причастны все руководители и обвинения носят произвольный характер. Следственная бригада не могла самостоятельно определять масштабы наказания.

Непосредственное руководство «органами» сохраняли за собой центральные партийные структуры. Они давали добро на аресты высокопоставленных чиновников и регулировали масштабы чисток. Именно из ЦК КПСС пришло указание вывести «узбекское» дело на московский уровень. Эта же структура санкционировала начало «разработки» зятя Брежнева. По утверждению самого Гдляна, за четыре года, с июня 1984-го по сентябрь 1988-го, в Узбекистане были смещены 58 тысяч ответственных работников. Арестовано же было около 200 граждан, в отношении которых уголовные дела так и не были заведены, а вина не доказана. Некоторые из задержанных провели в заключении до девяти месяцев. К уголовной же ответственности было привлечено 62 человека, из которых осужден был только 31 человек.

Некоторые скомпрометировавшие себя чиновники были смещены со своих постов и наказаны «по партийной линии», но не более того. Например, министр внутренних дел Николай Щелоков был назначен в так называемую «райскую группу», то есть в Генеральный инспекторат Вооруженных сил. Он покончил с собой почти через год после смерти Андропова, уже при Константине Черненко. Бывший первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС Сергей Медунов лишился своего поста еще до смерти Брежнева, а к уголовной ответственности его так и не привлекли, лишь демонстративно исключили из состава ЦК. Юрий Чурбанов во время правления Андропова был перемещен по служебной лестнице на пару ступенек вниз: из первого замминистра внутренних дел превратился в заместителя командующего внутренними войсками, но арестовали его только 3 февраля 1987 года, почти через два года после прихода к власти Горбачева. Юрий Михайлович считал, что этот арест целиком и полностью связан с его причастностью к брежневскому клану: «Да, говорили мне умные люди: жениться надо на сироте, — сказал он на суде. — Так нет, тесть попутал!»

До момента знакомства с Галиной красавец Чурбанов и так достиг приличных карьерных высот, был женат, воспитывал двоих детей и как говорится, в связях, порочащих его, замечен не был. После женитьбы на дочери генсека Юрий Михайлович еще стремительнее пошел вверх по службе и через четыре года уже был генерал-лейтенантом и заместителем министра МВД. Но в новой семье не ладилось, и Галина Леонидовна вновь очертя голову бросилась в кипучее море страстей. Ее авантюризм был безграничен, и она, искренне считая себя вместе с по-другой — женой министра МВД Светланой Щелоковой — неприкасаемой, проворачивала махинации, скупая ювелирные украшения

накануне очередного повышения цен на золото, а потом перепродавая их втридорога. Первый акт драмы разыгрался еще при жизни Леонида Ильича, в начале 1982 года. Тогда ограбили известную дрессировщицу Ирину Бугримову, воров арестовали, и они указали на сожителя Галины Брежневой Бориса Буряце как на наводчика. Но эта «неприятность» обошла Чурбанова стороной.

А вот в 1983 году грянула буря. Следователи Т. Гдлян и Н. Иванов открыто заявили о коррумпированности советской властной верхушки Узбекистана. Силами их группы за решетку было отправлено большинство руководителей этой республики — из 13 членов Политбюро компартии Узбекистана 11 оказались на скамье подсудимых. Когда в Узбекистане арестовали всех, кого можно, следователи группы Гдляна — Иванова потянули за ниточку дальше, и она привела в Москву, прямо. к зятю Брежнева. В общем-то, его арестовали «попутно», но дело получилось самым громким. Итог: Чурбанова посадили, а следователи вцепились зубами в представителей самых высших эшелонов власти. Борьба была долгой. Власти выкидывали строптивцев из прокуратуры, пытались арестовать, народ вставал на защиту своих любимцев, а сам Гдлян грозился предъявить на суд публики чемоданы с «кремлевским» компроматом. Однако кончилось все вполне «счастливо»: следователей так и не посадили, чемоданы остались нераскрытыми, а к концу девяностых народ про своих героев практически забыл. Но «узбекское» и «чурбановское» дело было доведено до конца.

Военная коллегия Верховного суда СССР начала процесс в отношении арестованных в связи с «узбекским делом»: бывшего министра внутренних дел Узбекской ССР Хайдара Яхъяева, заместителей министра внутренних дел Узбекской ССР Петра Бегельмана и Таштемира Кахрамова, начальников областных УВД Узбекской ССР Хушвакта Норбутаева, Муина Норова, Сашима Сабирова, Юрия Чурбанова и др. Им инкриминировалось получение и дача взяток, злоупотребление служебным положением. Из 107 томов уголовного дела 17 посвящены деятельности Чурбанова. Это был первый открытый процесс по делу о коррупции в высших эшелонах власти и самый громкий из доведенных до суда группой Гдляна — Иванова. В ходе судебного разбирательства адвокату Чурбанова Андрею Макарову удается отвести большую часть обвинений. Произошло это не столько благодаря мастерству защиты, сколько из-за ошибок следствия.

Юрий Чурбанов рассказывает о ходе расследования: «Умнее всех нас повел себя Хайдар Халикович Яхъяев, бывший министр внутренних дел Узбекистана, арестованный в августе 1985 года. Он просто обманул всех следователей, провел их, как мальчишек.

И сам рассказал об этом в Верховном суде СССР. Яхъяев сначала сделал все, что от него требовали следователи, то есть «топил людей» как только мог, все признавал, а потом дождался суда, отрекся от своих показаний и сам рассказал на суде о преступных методах ведения следствия группой Гдляна и Иванова. Он говорил, что следователи торговались с ним, в том числе и за показания против меня. И вот все это Яхъяев рассказал на суде. И чем кончилось? Яхъяева освободили. Он был отпущен из зала суда под аплодисменты.»

В группе Гдляна практиковались жестокие методы ведения следствия. По утверждению самого Чурбанова, к нему применялись изматывающие «допросы-марафоны» и серьезные угрозы: «Как-то раз Гдлян, который был сильно возбужден, бросил такую фразу: “Если бы вы не заговорили сразу, не дали бы показаний, я не знаю, что бы я с вами сделал”. Гдлян обещал отправить меня в Бутырку, к гомосексуалистам». Как результат — «показательные показания». Находясь в тюрьме, Чурбанов признал, что получил взяток на общую сумму полтора миллиона рублей. Однако в обвинительном заключении следствие оставило только 656 тысяч рублей. Выяснилось, что, «чистосердечно раскаиваясь», Чурбанов называл и такие эпизоды, которых просто не могло быть. Упоминал имена людей, которых никогда не существовало. В его показаниях фигурировали города, где он никогда не был. Следователи требовали от него: еще, еще, и он послушно накручивал. Возможно, надеялся таким образом полностью поломать обвинение. В какой-то мере ему это удалось: в судебном процессе прокурор снизил сумму подношений до 356 тысяч рублей.

Знаменитый «чурбановский процесс» начался летом 1988 года и длился четыре месяца. Но чем дальше он шел, тем яснее становилось, что многие эпизоды обвинения, предъявленные обвиняемому Гдляном и Ивановым, разваливаются, как карточный домик. Иванов накануне окончательного вердикта громогласно заявил, мол, где-то рядом циркулируют огромные деньги. Следствие якобы идет «словно по минному полю, когда сосед того и гляди “подорвется” на миллионе. И если дело попадет в руки судье, подверженному влиянию или нечистоплотному, то нет гарантий против необъективного судебного разбирательства и вынесения несправедливого решения». Иначе говоря, предупреждаем: вынесете не тот приговор, значит, вы — взяточник или подвержены преступным влияниям. И все же суд признал доказанными лишь три эпизода, по которым Чурбанов получил взятки в общей сложности на 90 964 рубля, но никак не полтора миллиона. Многие посчитали, что

дело спустили на тормозах. Но более искушенные в такого рода делах прекрасно понимали, что все, что приписали Чурбанову, не тянуло на уголовное преступление. Да, ему дарили подарки, но те взятки, о которых вещали Гдлян и Иванов, он не брал. Его осудили за родство с Брежневым.

Александр Борин, несколько раз освещавший ход «чурбановского» дела в «Литературной газете», считал, что большинство улик притянуто следователями за уши. Он рассказал в своих статьях, как по-настоящему страшный человек — бывший министр внутренних дел Узбекистана Хайдар Яхъяев, сломавший немало человеческих судеб, — обвел вокруг пальца двух знаменитых следователей, переиграл их, словно несмышленых младенцев, и в результате избежал заслуженного наказания. Напечатал историю талантливого эстонского изобретателя И. Хинта, погубленного в тюрьме Гдляном, а через несколько лет посмертно реабилитированного Верховным судом. Тогда руководители Прокуратуры СССР, да и вообще руководство страны, прежде до того явно заигрывавшее с Гдляном и Ивановым, вдруг ополчилось против них. Ими заинтересовалась Комиссия партийного контроля, и следователей отстранили от дела. Тем не менее процесс был завершен. 30 декабря 1988 года приговор был оглашен: Бегельман, Джамалов, Махамаджаев, Норбутаев, Норов, Сабиров получили от 8 до 10 лет. Чурбанова осудили за злоупотребление служебным положением и взяточничество на самый большой срок — 12 лет в колонии усиленного режима с конфискацией имущества. Официальная пресса назовет приговор справедливым. А вот адвокат Генри Резник говорит: «Меня пригласили защищать одного из главных обвиняемых по “узбекскому” делу — Председателя Совета Министров республики Худайбердыева. Он обвинялся в даче взятки Чурбанову. В надзорном порядке суд полностью его реабилитировал. Причем интересно, что Худайбердыева выпустили, а Чурбанов, обвинявшийся в получении взятки от него, сидел еще полтора года».

Юрий Чурбанов отбывал срок в знаменитой «милицейской» ИТК13 в Нижнем Тагиле. Эту зону называют «особой» из-за контингента осужденных. Как правило, это бывшие милиционеры, прокуроры и судьи. По той же причине колонию называют «бесовской»: на уголовных делах большинства арестантов стоит пометка «б/с» — «бывший сотрудник». В лагере Чурбанов вначале делал креманки, а затем получил должность: распорядитель работ. Он пробыл в заключении пять лет и вышел досрочно по амнистии. Только на свободе узнал, что Галина Брежнева с ним развелась. Журналист Владимир Ресин писал впоследствии:

«.Этот генерал стал первым политическим заключенным эпохи гласности и перестройки. Как в сталинские времена, понадобился партии, ее новому руководству, очередной громкий процесс. Нужен был человек, которого можно было бы представить в качестве воплощенного зла, причины всех ошибок и бед брежневского времени. Ну чем не 37й год? Все те, кто, согласно обвинительному заключению, давал Чурбанову взятки, давно были оправданы, а он все сидел. Жена от него отказалась, друзья отвернулись.»

Юрий Чурбанов был освобожден в 1993 году, работал руководителем службы безопасности московской строительной компании «Росштерн», а затем советником президента той же компании. Он по-прежнему больше похож на стареющего голливудского актера, чем на бывшего советского функционера. В конце сентября 1998 года Чурбанов скупил акции убыточного сахарного завода в Щебекинском районе Белгородской области и стал его владельцем. По его словам, он «намерен сделать предприятие процветающим». В 1999 году Юрия Михайловича назначили первым вице-президентом Городского хоккейного клуба «Спартак» (Москва). Он не держит ни на кого зла: простил и покойную супругу, и предавших его друзей, и всех тех, кто сделал из него козла отпущения за грехи правящей верхушки Советского Союза.

Семейная «пирамида» Мавроди, или «МММ»

Всего три года понадобилось Сергею Мавроди, чтобы выстроить финансовую пирамиду «МММ» и, обманув десятки тысяч людей, создать свою империю. И вот уже с 1997 года идет суд по его делу, которое насчитывает 610 томов. Оказывается, у нас легко обойти закон, но трудно воздать мошеннику по заслугам.

Сергей Мавроди

Голливуд вот уже сотню лет тиражирует на весь мир образ сбывшейся американской мечты, которая в русском варианте звучит так: «Из грязи — в князи». Да, известны случаи, когда Золушки становились королевами, например, модельного бизнеса или выходили замуж за миллиардера, заработавшего свое баснословное состояние собственным трудом и умом. Но таких людей не так уж и много. А вот мечтателей получить миллион, не вложив при этом ни пота, ни мысли, предостаточно. И находятся дельцы, которые начинают торговать «финансовыми мечтами». Такая система была уже давно апробирована на Западе и получила название финансовой «пирамиды». Согласно ей

множество вкладчиков, которые пришли в бизнес последними, практически не имеют шанса не только приблизиться к «вершине», но даже вернуть вложенные деньги. Этот горький урок американцы и европейцы усвоили крепко (но все же нет-нет да и попадаются), а вот миллионы доверчивых россиян получили печальный опыт благодаря «МММ», которую создал коренной москвич Сергей Пантелеевич Мавроди (1955 г. р.). Свою предпринимательскую деятельность он начал с подпольной торговли кассетами и уже через 12 лет имел в своем распоряжении сотни миллионов долларов.

Сергей Пантелеевич — личность незаурядная. Его способности проявились уже в школе: он достиг таких успехов в изучении математики и физики, что легко одерживал победы на престижных олимпиадах и даже заменял на уроках болеющих учителей. Потом будущий финансовый гений и аферист окончил факультет прикладной математики Московского института электронного машиностроения, что, согласитесь, очень далеко отстоит от экономики. Но новоявленному советскому интеллигенту было тесно в правильном «совке», и он подался в нелегальный бизнес, при этом официально пополнив ряды «поколения дворников и сторожей», воспетого Гребенщиковым. Нужно было обладать недюжинной коммерческой хваткой и интуицией, чтобы за год до смерти Брежнева предвидеть перемены и начать игру наперегонки с государством. Правда, начало это было довольно скромным: Мавроди занялся подпольным тиражированием и продажей видео- и аудиозаписей. В 1983 году за эту деятельность его привлекли к суду и даже арестовали, но уже через десять суток отпустили: удачливый бизнесмен попал под очередную амнистию. Вскоре началась перестройка, и Мавроди смог развернуться по-настоящему. Вместе со своим братом Вячеславом он организовал объединение «МММ». Название, которому суждено было стать нарицательным, — аббревиатура, составленная из начальных букв фамилий основателей (братьев Мавроди и некой госпожи Муравьевой). Чем только ни торговал кооператив на первых порах, но вскоре Сергей нащупал поистине золотую жилу — он занялся ввозом и перепродажей импортной оргтехники и компьютеров. Доходы «МММ» быстро выросли, и это сразу привлекло внимание государства к удачливым коммерсантам. В том же 1988 году против братьев Мавроди было открыто уголовное дело по статье «хищение государственной собственности в особо крупных размерах», но вскоре их пришлось освободить. из-за отсутствия доказательств.

Объединение «МММ» начало стремительно развиваться, и

дело было не только в прибыльности бизнеса. Мавроди стал настоящим пионером в области рекламы. «МММ» считается первой в России компанией, у которой появились собственные логотип и символика, фирменные слоганы — сначала строчка Арсения Тарковского: «Из тени в свет перелетая», а потом самодовольное: «У «МММ» нет проблем!» Знаменитые три бабочки появились в рекламе «МММ» не случайно: Мавроди был обладателем одной из лучших в мире коллекций бабочек. Естественно, реклама способствовала выполнению задач, которые поставил перед собой Сергей Пантелеевич: скорейшего сбыта товаров и агрессивного захвата рынка. Любопытно, что в жизни самого Мавроди реклама тоже сыграла особую роль: с будущей женой Еленой он познакомился во время конкурса моделей, претендующих на участие в съемках. Влюбленные официально поженились только спустя три года, в октябре 1993-го, когда было закрыто старое дело о хищении и над Сергеем перестала нависать постоянная угроза ареста.

Посмотрев телевизор, покупатели сметали с прилавков дешевые телефоны и факсы от «МММ». Об «МММ» заговорила вся Москва, а благодаря программе «Время» — и весь Советский Союз. Вскоре Сергей Пантелеевич понял, что в условиях реформ выгоднее всего торговать воздухом — мечтой о богатстве, воплощенной в ценных бумагах собственного производства. В 1991 году кооператив «МММ» трансформировался в акционерное общество, и начался выпуск акций с портретом основателя фирмы, очень похожих на американские доллары (позже в народе их любовно назовут «мавродиками»). Усиливающийся экономический кризис был только на руку Мавроди. Воспользовавшись неразберихой на рынке ценных бумаг, великий комбинатор стал самостоятельно определять курс своих акций — и курс, разумеется, рос не по дням, а по часам. Это позволяло «МММ» выплачивать акционерам дивиденды — за счет привлечения все новых и новых вкладчиков.

Свою «пирамиду» Мавроди строил около трех лет. Уже в феврале 1994 года по телевидению было передано сообщение о том, что «МММ» выплатило своим акционерам дивиденды в размере 1000 % годовых! Если верить словам Мавроди, АО «МММ» не было задумано как «пирамида» в чистом виде: собранные средства предполагалось инвестировать в реальные экономические проекты. В принципе, подобная деятельность не отличается от деятельности любого коммерческого банка или холдинга. Да и после краха «МММ» Мавроди постоянно обвинял государство в том, что ему просто помешали осуществить задуманное. Теперь вряд ли можно выяснить, какая доля правды

была в этих громких заявлениях, ведь под холдинги маскировались и менее известные финансовые «пирамиды» в СНГ. Но если в виртуальном бизнесе у Мавроди все шло как по маслу, то в сфере реального его постиг ряд крупных неудач. Вообще, трудно понять, как он ухитрялся управлять тремя основными организациями: АООТ «МММ», «МММИнвест» и Национальным пенсионным банком — и еще 57 дочерними предприятиями. «МММбанк», куда направлялись средства вкладчиков, собранные акционерным обществом, из-за многочисленных нарушений банковского законодательства был закрыт Центральным банком России еще в начале 1993 года.

Тем временем власти наконец-то обратили внимание на деятельность «МММ». Сергей Мавроди никогда не был близок к партийно-номенклатурным кругам, и потому допускать его к приватизации, к дележу недвижимости и предприятий никто не собирался. Впоследствии Сергей трубил об этом на всех углах, пытаясь спасти свою репутацию за счет еще худшей репутации Ельцина и его окружения. Но сам Мавроди был далеко не ангел, хотя у власти, стоит признать, были другие мотивы для борьбы с «МММ». Но, увы, ни прокуратура, ни МВД ничего не могли сделать: махинации Мавроди на рынке ценных бумаг не были предусмотрены законодательством и не могли послужить поводом для того, чтобы открыть уголовное дело. И все же атака на «МММ» началась. В июне 1994 года, когда рост курса акций АО «МММ» превысил все мыслимые пределы, а число доверчивых вкладчиков достигло 11 миллионов человек, президент подписал указ «О защите потребителей от недобросовестной рекламы». Гром грянул в конце июля: финансовая проверка показала, что «Инвест-Консалтинг», одно из дочерних предприятий «МММ», утаило от государства прибыль в размере 24,5 млрд рублей. Вместе со штрафом сумма, которую «Инвест-Консалтинг» должен был выплатить налоговикам, достигла 50 миллиардов! Впоследствии, кстати, выяснилось, что срок уплаты налогов еще не истек, так что действия налоговиков были явно заказными: государство пожелало ускорить крах неугодной фирмы. Однако крах и так не заставил бы себя ждать, поскольку на тот момент АО «МММ», кроме неуплаченных налогов, имело общую кредиторскую задолженность в 315,09 млн рублей, из них 294,9 млн рублей приходилось на задолженность перед частными вкладчиками.

22 июля 1994 года приемные пункты АО «МММ» были опечатаны, а 28 июля Мавроди выступил с протестом против действий налоговой службы и затем больше двух недель не выходил из собственной квартиры. Как только стало известно о

закрытии пунктов скупки, началась настоящая паника. Вкладчики бросились изымать свои деньги, и «пирамида» «МММ» обрушилась, что довольно быстро сказалось и на других подобных структурах. Но, как ни парадоксально, даже эта паника оказалась на руку Мавроди. Тысячи пострадавших вкладчиков еще крепче сплотились вокруг знамени «МММ»: они связывали с компанией все свои надежды и склонны были видеть причину краха в грубом вмешательстве государства. И когда налоговики вывели бизнесмена из дома и усадили в машину, ее сразу окружила толпа. Раздавались призывы к расправе над полицией и крики: «Руки прочь от Мавроди!». Великий комбинатор понял, в чем теперь его сила. В сентябре 1994 года, уже находясь в тюрьме, начал. предвыборную кампанию и, получив 29 % голосов избирателей от города Мытищи, был избран депутатом Госдумы. Естественно, уголовное дело о сокрытии доходов было приостановлено, и Мавроди освободили. Сергей Пантелеевич показался в Думе всего один раз, предпочтя вновь раскручивать «пирамиду» «МММ». В программах «Взгляд» и «Прессклуб» Мавроди откровенно объяснил телезрителям, что если бы его «пирамида» и обрушилась, то только лет через пять, и убытки при этом понесли бы не россияне, а жители ближнего и дальнего зарубежья, но скандал с «МММ» и арест самого Мавроди помешали реализации этого проекта. Тем временем над головой не в меру увлекшегося коммерсанта снова сгущались тучи: государство приводило в порядок рынок ценных бумаг и Уголовный кодекс. В конце марта 1995 года против Мавроди впервые было возбуждено дело по статье «мошенничество». В октябре с него досрочно сняли депутатские полномочия. Потеря депутатской неприкосновенности, впрочем, серьезных хлопот комбинатору не причинила. Поскольку по законам 1990–1994 годов никакого особого криминала в деятельности «МММ» не было, следствие по его делу велось очень вяло, то возобновляясь, то приостанавливаясь. Сергея Пантелеевича даже ни разу не вызывали на допрос.

В том же 1995 году Мавроди пытается снова попасть в Госдуму, на этот раз во главе собственной партии — «Партии народного капитала». Следующими в федеральном списке партии шли его жена Елена и брат Вячеслав. Однако партия не получила ожидаемой народной поддержки. Сергей Пантелеевич убедился, что «низы» ему больше не верят, а «верхи» не собираются и близко подпускать к рулю. В этот раз, всерьез опасаясь ареста, он предпочел окончательно уйти в тень. Власти заметили его исчезновение, когда уже было поздно. В 1997 году было возобновлено дело о мошенничестве, а в 1998 году Мавроди

объявили в федеральный, а когда появилась информация о том, что он находится в Греции, и международный розыск. Только к 2002 году российские спецслужбы установили, что основатель скандально известной «пирамиды» то ли вернулся из-за границы, то ли вообще никуда не уезжал и скрывается где-то в Москве и ее окрестностях, на удивление умело конспирируясь и постоянно меняя место жительства.

В подполье Сергей Пантелеевич вовсе не сидел сложа руки. Каждое утро он садился за компьютер и играл через посредников на фондовом рынке России — работал с кредитами, акциями, заключал договоры. Летом 1998 года он даже дал эксклюзивное интервью газете «Совершенно секретно», в котором уверенно предсказал грядущий дефолт («в условиях сформировавшейся олигархии иначе просто не может быть») и справедливо отметил, что выпущенные вскоре после краха «МММ» государственные краткосрочные облигации оказались как раз самым ярким примером ««пирамиды», в основании которой нет ничего, кроме правительственных обещаний». Тогда же Мавроди заявил, что «проблемы акционеров «МММ» — дело самих акционеров "МММ"», поскольку отказ поддержать «Партию народного капитала» в 1995 году для них означал отказ от борьбы за собственные деньги.

А тем временем вся семья Мавроди была при деле. Елена в 1997 году баллотировалась в депутаты Госдумы от Тулы. Вячеслав Мавроди под лозунгом возврата долгов «МММ» создал свою «пирамиду», но в 1998 году попался на незаконных операциях с золотом, ударился в бега и был арестован в январе 2001 года. А в 1999 году в суд штата Массачусетс был подан иск против некой Оксаны Павлюченко за организацию в Интернете виртуальной биржи Stock Generation, на которой прогорели десятки тысяч американцев и европейцев. Оксана Павлюченко, девушка двадцати с небольшим лет, оказалась троюродной сестрой Сергея Пантелеевича, и эта афера тоже была записана на счет знаменитого семейства.

Но всему когда-нибудь приходит конец. Как только сыщики установили, что Мавроди находится в Москве, кольцо вокруг беглеца стало сжиматься. Понадобился примерно год, чтобы отследить схемы его передвижения. Задача была не из легких: он не находился на одном месте больше трех дней, деньги и связи позволяли ему каждый месяц менять квартиры и подмосковные дачи. Договор об аренде оформлялся на подставных лиц, да и сам Мавроди несколько лет пользовался поддельным паспортом на имя Юрия Зайцева, жителя Петербурга. Вечером 31 января 2003 года оперативники Главного управления уголовного розыска МВД

арестовали Мавроди, который благоразумно не стал оказывать сопротивление. Опомнившись от первого потрясения, Мавроди взял с полки книжку Михаила Князева «История одного преступления. Сергей Мавроди, великий и ужасный» и поставил на титульном листе автограф: «На добрую память уголовному розыску, 31.01.03 г.». Юмор не изменил ему даже в такую минуту.

«Коммерсант» пишет, что в момент появления оперативников на Мавроди был кудрявый черный парик. «Едва ли не самый разыскиваемый в России аферист только с помощью парика пытался изменить свою внешность. Никаких пластических операций, о которых писали в СМИ, он не делал», — сообщил заместитель начальника оперативно-разыскного бюро Главного управления уголовного розыска Константин Крысанов. Однако условия конспирации были настолько строгими, что хозяин «МММ» фактически являл собой пример добровольно заключенного. На людях он никогда не появлялся, а свежий воздух мог глотнуть по дороге из дома к шестисотому «мерседесу», который вплотную подгоняли к его подъезду. Поэтому, несмотря на то что в его квартире был оборудован настоящий спортзал, заметно сдал: постарел и растолстел.

Изначально, в феврале 2003 года, Мавроди вменялись три статьи УК — мошенничество в особо крупных размерах (ст. 147 Уголовного кодекса РСФСР), уклонение от уплаты налогов и использование заведомо ложного документа. Подделка паспорта тянула примерно на год отсидки (впрочем, этот срок Мавроди уже отбыл, сидя в изоляторе, а доказательств использования Мавроди поддельного паспорта у следствия не было). При этом Хамовнический суд Москвы учел тот факт, что подсудимый полностью признал свою вину и раскаялся в содеянном, имеет положительные характеристики, а на его иждивении находится несовершеннолетний ребенок — семилетняя дочь.

Два других обвинения были значительно серьезнее. Сергею Пантелеевичу инкриминировали хищение средств вкладчиков (10,5 тысяч человек) на сумму более 270 млрд неденоминированных рублей. «Всю Россию разворовали, а человека, который в экономику деньги вкладывал, посадили!» — возмущались собравшиеся в коридорах районного суда постаревшие вкладчики «МММ». Сочувствующих Мавроди было гораздо больше, чем тех, кто требовал привлечь к ответу «пирамидостроителя». Сам подсудимый, одетый в толстовку, спортивные штаны и коричневые домашние тапочки, был доставлен под бдительным присмотром бойцов спецназа Минюста в суд из СИЗО Матросская Тишина, где он содержался с момента ареста. В январе 2004 года СК МВД снял с Мавроди обвинение в

уклонении от уплаты налогов с формулировкой «в связи с истечением сроков давности». «Лирамидщику» простили 8,5 (!) млрд рублей недополученных государством налогов.

Таким образом, обвинение в мошенничестве стало единственным. Гособвинитель Амалия Устаева из Генпрокуратуры сразу же потребовала продлить подсудимому срок содержания под стражей до шести месяцев. В ответ адвокаты Мавроди заявили два ходатайства: о возвращении дела прокурору для устранения нарушений закона при ознакомлении с материалами дела и об изменении меры пресечения. «Мы просим освободить Мавроди под личное поручительство одиннадцати граждан (все они — бывшие вкладчики «МММ») либо изменить ему меру пресечения на любую другую, не связанную с лишением свободы, — попросила адвокат Макарова. — Хотя следствие и утверждает, что Мавроди от него скрывался, но это спорный вопрос. Сам он говорит, что скрывался не от следствия, а от разъяренных вкладчиков».

Ее поддержал другой адвокат Мавроди, Карен Нерсисян: «Сергей Пантелеевич более двух лет добросовестно ознакомлялся с материалами дела и изучил 250 из более чем 600 томов, — сказал он. — И лишь один раз сорвал график ознакомления из-за болезни». Защитник заверил, что в том случае, если его клиента выпустят на свободу, то Мавроди сможет расплатиться со всеми вкладчиками, поскольку в ходе следствия было установлено: по его указанию доверенные лица скупили 66 млн акций «Газпрома». «Умножьте их на 8 долларов за одну штуку, и получится полмиллиарда. Этого вполне хватит, — провел нехитрый расчет адвокат. — К тому же Мавроди говорит, что у него много акций других компаний, но он не может их назвать, так как их у него могут опять украсть».

Председательствующая напомнила, что Мавроди и его адвокаты ходатайствовали о рассмотрении дела в особом порядке — то есть с постановлением приговора без проведения судебного разбирательства. «Да, мы это подтверждаем. Конечно, при долгом, изнурительном процессе мы докажем невиновность Мавроди, — объяснил Нерсисян, — но это означает ежедневные адские мучения — дорогу из СИЗО в суд, слушания без еды и питья, а мы просто хотим от вас уйти к должникам и кредиторам «МММ». Мы вину признали, согласны с обвинением. Дайте нам максимальный срок, и мы пошли. Только Мавроди может вернуть деньги вкладчикам». Но тут подал голос подсудимый: «Пока я не ознакомлюсь с делом, ни о каком возврате денег речи быть не может, акции «Газпрома» — это лишь вершина айсберга. Если же меня осудят, никто ничего не получит».

Обвинение категорически возражало против удовлетворения всех ходатайств защиты. «Особый порядок рассмотрения дела — это постановление приговора в случае признания подсудимым вины. Если есть согласие прокурора и потерпевших, — объяснила прокурор Устаева. — При вынесении приговора в этом случае суд не может назначить подсудимому наказание более двух третей срока, предусмотренного в статье УК РФ, которая ему инкриминируется. В данном случае это будет четыре года. С учетом общественной опасности, тяжести преступления и огромного количества потерпевших я считаю, что это наказание не будет соответствовать целям социальной справедливости и профилактики подобных правонарушений», — подытожила прокурор.

Суд с ней согласился. В связи с неполнотой проведенного предварительного следствия все постановления о прекращении уголовных дел отменены. Дополнительное расследование было поручено Следственному комитету МВД РФ, которое объединило все материалы, связанные с деятельностью АО «МММ» и его руководителя Сергея Мавроди в одном производстве, и создало единую следственно-оперативную группу. А пока продолжается следствие, тают активы «МММ» и самого Мавроди, а вместе с ними и надежды обманутых вкладчиков.

Содержание под стражей хозяина «МММ» остается в силе. Основные слушания по делу Мавроди начались в 2006 году. Сергея Пантелеевича обязали ознакомиться с результатами следствия до 31 января 2006 года. Он признал свою вину перед 10 454 россиянами, однако упорно утверждал, что хотел вернуть деньги вкладчикам, но ему не дали. Адвокаты Мавроди заявили, что он признает свою вину в обмен на уменьшение срока наказания. Да и сам бывший олигарх заявил, что готов вернуть все деньги вкладчикам в том случае, если будет освобожден. По словам адвоката Мавроди, все его активы теперь — это небольшой дом стоимостью около 50 тысяч рублей, старый телевизор «Рубин», холодильник, мебель и снегоход «Буран».

Весной 2006 года Чертановский суд Москвы приговорил основателя финансовой пирамиды «МММ» Сергея Мавроди к четырем годам и шести месяцам лишения свободы в колонии общего режима и штрафу в размере 10 тысячи рублей, отклонив при этом все гражданские иски, с которыми к нему обратились люди, пострадавшие от его деятельности. Поскольку Мавроди находился в следственном изоляторе с 31 января 2003 года, то отбывать ему наказание осталось только три месяца. В настоящее время основатель финансовой пирамиды уже на свободе, а пострадавшим от его мошенничества 10 тысяч россиян, похоже,

придется свыкнуться с мыслью о том, что им никогда не вернуть своих вкладов.

Узаконенные аферы господина Флика

С именем этого человека связано крупнейшее за всю историю ФРГ экономическое преступление, совершенное при непосредственном или косвенном участии депутатов парламента, крупных чиновников, федеральных министров партийных лидеров.

Фридрих Карл Флик

Фридрих Флик — финансовый донор гитлеровской партии и личный друг рейхсфюрера Гиммлера, один из главных военных преступников, осужденных Нюрнбергским трибуналом, — считался в ФРГ самым богатым человеком. После войны он сколотил новую промышленную империю, ведавшую выпуском боеприпасов, авиационных двигателей, танков, военных тягачей.

Действовал этот мрачный, неприятный человек всегда исподволь, через подставных лиц, из-за кулис. В итоге, никто даже приблизительно не мог сказать, каким состоянием обладает Флик, но все сходились в одном — колоссальным.

Заводы, акции, поместья и его странный характер унаследовал сын, Фридрих Карл. Об этом миллиардере публика по-прежнему почти ничего не знала, ей приходилось довольствоваться разве что сплетнями о финансовых операциях

Флика и о пирушках на его вилле под Мюнхеном. Однако именно Фридрих Карл Флик оказался замешанным в самый крупный скандал, когда-либо потрясавший ФРГ. Этот скандал быстро принял черты политического кризиса и продемонстрировал, насколько глубоко и масштабно коррупция и беззакония проникли в эшелоны власти. Деятельность магната показала также огромную степень зависимости государственного аппарата страны от крупного капитала вообще и военно-промышленного комплекса в частности.

Прологом к скандалу послужила одна из тайных финансовых операций Флика. Тогда он продал пакет акций фирмы «ДаймлерБенц», получив за него два миллиарда марок прибыли. Налог, полагающийся при сделках такого рода» составил 850 миллионов. Но Флику очень не хотелось расставаться с этой суммой… Конечно, выход был. Для этого следовало доказать, что запланированные им инвестиции «пойдут на пользу экономике ФРГ». Однако заниматься изобретением велосипеда Фридриху Карлу вообще не пришлось, поскольку за него вступился. министр хозяйства О. Ламбсдорф! Высокопоставленный служащий заявил правительству об «общественной пользе» произведенной операции и позаботился о том, чтобы концерн Флика освободили от налога. Позднее следствие выяснило: магнат широко использовал для своих целей подкупы широкого круга лиц, затратив на это многие миллионы марок.

Особую ставку миллиардер делал на политических деятелей крупнейших партий. При их содействии Флик создал и отладил механизм махинаций, действовавший надежно, цинично и лицемерно. Так, концерны магната охотно передавали солидные суммы католическому миссионерскому обществу «Зовередия» в качестве добровольных пожертвований на богоугодные цели. Квитанцию об этом не забывали предъявить финансовому ведомству, которое тут же разрешало списать указанные суммы с налогов. А дальше начиналось самое интересное: «Зовередия» переводила обратно Флику, в его «черную кассу», 80 % суммы пожертвований! И эти средства «черной кассы» как раз и предназначались для подкупа высших лиц власти. Позднее стало известно, что в афере Флика оказались замешанными канцлер ФРГ Г. Колль, председатель бундестага Р. Барцель, премьер-министр Баварии Ф.Й. Штраус, министр иностранных дел Г. Д. Геншер. Стараниями очень аккуратного бухгалтера Флика прокуратура узнала, какие суммы и когда выплачивались этим и другим государственным деятелям с 1973 го по 1980 год. Колль, например, обошелся миллиардеру в 665 000 марок. А Штраус, как особо ценный для концерна человек, получил за тот же период 1

250 000 марок. Именно стараниями премьер-министра Баварии Флик получил, например, главный подряд на производство танков «Леопард».

Подкупы приносили главе финансовой империи миллионные налоговые льготы и превратили его в самого крупного подрядчика Министерства обороны страны. Так, кроме «Леопардов» (детищ фликовской фирмы «Краусс-Маффай»), «благодарные» чиновники отдали дочернему предприятию «Даймлер-Бенц», фирме «Моторен унд Турбинен», крупнейший военный заказ в истории Федеративной Республики — на выпуск 800 новейших многоцелевых самолетов «Торнадо». А заводы «Динамит-Нобель» стали приоритетными поставщиками взрывчатки и боеприпасов. Что же касается прессы, вопившей о махинациях миллиардера, то на ее выступления Фридрих Карл, что называется, начихал. Он продолжал в том же духе, ему газетная шумиха не причиняла ни малейшего вреда. В итоге прибыли Флика в 1983 году возросли втрое, поскольку бундесвер как раз решил заняться своим переоснащением и покупал новейшие виды вооружения. Выпуск 4467 танков «Леопард-3», 700 самоходных гаубиц «1551» (могущих вести огонь снарядами с ядерными боеголовками), разработка «истребителя 90-х годов», выпуск огромных партий новейших видов боеприпасов, пусковых ракетных установок, противотанковых мин, заказы на поставку тяжелых грузовиков для армии ФРГ — все это досталось предприятиям Флика. В решении экспортных вопросов магнату также помогали его «платные» политические деятели.

Кроме собственно финансовых выгод, подкуп партий снабдил миллиардера рычагами влияния на государственную политику. Например, его стараниями канцлер ФРГ Г. Колль возглавил ХДС, распалась довольно стабильная социально-либеральная коалиция, усилились позиции крайне правых сил. «Подводная часть айсберга», вскрытая в то время следственными группами, показала: с помощью нелегальных миллионных пожертвований многие представители власти в течение нескольких десятков лет исправно ставили палки в колеса социал-демократам и профсоюзам. Но все эти грандиозные финансовые махинации оказались под ударом только тогда, когда началось расследование «дела Флика». Политические нравы, царившие в боннских коридорах власти, поражали своей гротескной беспринципностью, а способы «отмывания» денег, изобретенные теневыми хозяевами страны, — своей грандиозностью и тщательной разработкой. Разоблачения, шквал которых прокатился по СМИ в связи с аферой Фридриха-Карла Флика, серьезно подорвали доверие западно-немецких граждан к

буржуазным партиям и парламентским институтам ФРГ — республики, которую Флик и подобные ему лица купили, что называется, с потрохами.

По понятным причинам парламентская комиссия, в задачи которой входило расследование громкого дела, не получила ожидаемой помощи от высокопоставленных лиц. Министерство финансов, например, вообще отказалось представить парламентариям документы, которые пролили бы свет на эту темную историю. Материалы же, выданные комиссии, оказались тщательно «отсортированы» и «подготовлены»: из них пропали многие важные места, имена оказались сплошь и рядом вымараны, часть документов вообще бесследно исчезла. Оказалось также, что отбором материалов для комиссии занимались… люди Флика!

Магнат не скрывал, что стремится и далее продолжать ту же линию «подкормки» партий боннской правящей коалиции, дающую ему возможность влиять на политику страны. Избирательные кампании в связи с выборами в бундестаг проплачивались из кошелька Флика. К тому же у магната в Бонне имелось собственное крупное бюро, ежегодное содержание которого обходилось миллиардеру в миллион марок. Примечательно, что руководил этим учреждением один из высокопоставленных служащих Флика, Крайле, который «по совместительству» являлся. депутатом от ХСС! Вот вам и «честный, неподкупный слуга народа».

Почему же тогда Флик, державший в своих руках едва ли не половину страны, оказался замешанным в безобразный скандал? Считается, что аферу каким-то образом «вычислил» следователь Фёрстер, не побоявшийся дать столь дурно пахнущему дел ход. Но. Фёрстера практически сразу отстранили от расследования, перевели из столичной прокуратуры в «глубинку», а затем вообще вынудили уйти с государственной службы. Однако силам, стоявшим за этим, не удалось спрятать концы в воду: к разоблачению махинаций Флика привели закулисные интриги западногерманских и международных военно-политических кругов. Ведь чересчур широко развернувшийся магнат наступал на мозоли многочисленным конкурентам. Промышленники ФРГ постоянно были недовольны тем, что самые выгодные заказы достаются именно Флику, а международные концерны беспокоило качество продукции, «выбрасываемой» Фликом на мировой рынок. Так что противники удачливого миллиардера не упустили случая подпилить сук, на котором сидел конкурент. Это не только ослабляло самого магната, но и позволяло припугнуть его высоких политических покровителей.

Скандал бушевал в течение нескольких лет, но Фридрих-Карл Флик, похоже, и в ус не дул, продолжая привычно ворочать делами и «подкармливать» нужных ему людей. А затем пресса нашла себе новую тему, оставив невозмутимого и «непотопляемого» миллиардера в покое. Так что ему сенсационные разоблачения практически не нанесли вреда. Тем более что посадить всесильного промышленника на скамью подсудимых и вынести ему обвинительный приговор все равно не рискнул бы ни один прокурор ФРГ.

Процесс по делу Валерия Малышева

Громкий коррупционный скандал, связанный с администрацией Петербурга, закончился неожиданно и трагично. Когда дело уже было доведено до суда, главный фигурант обвинения, один из самых влиятельных питерских политиков и чиновников, бывший вице-губернатор администрации города на Неве Валерий Малышев скоропостижно скончался. Суд снял с него все обвинения, но уже посмертно. И дело здесь, похоже, не только в принципе: «О покойном — или хорошо, или ничего»…

Реакция губернатора на смерть своего соратника, «правой руки», была бурной и однозначной: вина за это оказалась возложена на правоохранительные органы, которые развили бурную активность и в течение двух лет травили Малышева. «Преследования, которым подвергался Валерий Малышев, не выдержал бы ни один здоровый человек!» — в сердцах бросил газетчикам В. Яковлев. Покойного считался сильной личностью, человеком, умеющим находить выход из самых сложных ситуаций и не боящимся ответственности. Так, он неоднократно брал в руки управленческий штурвал, выручая своего начальника. Например, Малышеву удалось уладить скандальную для горадминистрации ситуацию с историей финансирования учредительного съезда «Отечество — вся Россия», «разрулить» ряд сложнейших дорожно-финансовых проблем.

В горуправление Малышев пришел еще в 1993 году, тогда Анатолий Собчак пригласил его на должность заместителя мэра Петербурга, руководителя аппарата мэрии. Вице-губернатором Валерий Иванович проработал с 1996 по 1999 год, координируя деятельность комитета по благоустройству и дорожному хозяйству, комитета по туризму, управления по развитию садоводства и огородничества, комитета физкультуры и спорта, а также ряда других подразделений администрации. Именно этому человеку питерцы обязаны появлением в городе Ледового дворца спорта, монумента героическим защитникам Ленинграда, Ушаковской развязки. Бывший вице-губернатор считался высококлассным специалистом, профессионалом. Как руководитель и организатор, он был на высоте всегда, умел не только создавать свою команду, но и сохранять ее, всегда заботился о подчиненных, из-за чего с ним работали охотно, что называется, не за страх, а за совесть. Коллеги Малышева говорили о нем как об одном из самых ярких, харизматичных политиков Санкт-Петербурга. А также как о человеке, которому оппоненты губернатора систематически и целенаправленно мешали

работать. Возможно, именно неординарность личности Валерия Ивановича стала причиной того, что ему досталось больше всех неприятностей. «Быть политиком — дело опасное», — сказал по этому поводу председатель Законодательного Собрания С. Тарасов. Узнав о кончине бывшего вицегубернатора, многие депутаты и «отцы города» испытали самый настоящий шок. Малышева знали как энергичного политического деятеля, человека порядочного, последовательного, настойчивого, всегда отстаивавшего свои позиции и умеющего держать данное слово. Он пользовался большим влиянием не только на депутатов, но и, как поговаривают, на членов правительства. Этот неизменно подтянутый, активный человек производил впечатление здорового. И вдруг. Валерия Ивановича не стало на 52 году жизни.

Так кем же был Валерий Малышев? Обычным коррумпированным чиновником? Или личностью, которая по злой иронии судьбы попала под потоки непозволительной лжи, вылитой на его голову правоохранительными органами, старательно пытающимися отыскать черную кошку в темной комнате и не менее старательно избегающими встречи с ней? Для того чтобы попытаться ответить на эти вопросы, необходимо вернуться почти на 10 лет назад.

Малышев олицетворял в Питере власть и при Анатолии Собчаке, и после того, как в 1996 году кресло губернатора города на Неве занял Владимир Яковлев. И удивляться этому не приходится: такими специалистами, как Валерий Иванович, опытные управленцы не разбрасываются. В 1999 он активно занялся политикой, став одним из инициаторов движения «Отечество — вся Россия» и депутатом Государственной думы по списку ОВР. Но уже в том же году это движение оказалось в центре громкого скандала, когда министерство внутренних дел России занялось расследованием так называемого «дела ВМЦ». Около года правоохранительные органы (объединенная следственная группа МВД и ФСБ) искали доказательства незаконного финансирования из городской казны организационного съезда движения через фирму ВМЦ. Уже тогда имя Валерия Ивановича связывали не только с этой темной историей, но и с рядом других неприглядных дел. В частности, выплыли некоторые некрасивые моменты, связанные со строительством того же Ледового дворца спорта, возводившегося с расчетом на чемпионат мира-2000 по хоккею, который «отцы города» хотели принимать в Питере. Тогда Совет директоров, который возглавлял Валерий Иванович, обещал горожанам построить Дворец без привлечения казенных денег. Однако

Питеру это строительство влетело в солидную сумму. Кроме того, немало нареканий вызвала также работа заявочного комитета по проведению в городе Олимпиады-2004; эта организация, по подсчетам следствия, облегчила российский бюджет почти на 20 миллионов долларов. Тогда же всплыли скандал с дорожным комитетом 1998 года, когда коммерческим структурам было роздано в качестве кредитов около трех миллионов долларов, а также история с тендерами на строительство КАД, которых фактически не было. Однако «дело ВМЦ» в 2001 году закрыли («за истечением срока давности»), так и не выдвинув против Малышева официальных обвинений. И тогда Яковлев снова стал уговаривать Валерия Ивановича сменить звание парламентария на кабинет в Смольном, чтобы вернуться к прежней работе. Тот согласился, снова став вице-губернатором в мае 2001 года. И тут Генпрокуратура, обрадовавшись, поспешила возбудить против Малышева, который утратил депутатский иммунитет, уголовное дело. В нем фигурировали четыре пункта обвинения: получение взятки в крупном размере, злоупотребление служебными полномочиями, имевшем тяжелые последствия, злоупотребление властью или служебным положением, присвоение вверенного имущества в крупном размере. Валерий Иванович дал подписку о невыезде, а уже летом на его имущество был наложен арест. Несколько позже, в конце октября, по требованию следователей вице-губернатора отстранили от должности (интересно, что кабинет Малышева на протяжении следующего полугода оставался нетронутым, табличку с него не сняли и другого «жильца» не вселили, поскольку коллеги надеялись на скорое возвращение вице-губернатора к прерванной работе). Кроме того, налоговая инспекция объявила Малышева злостным неплательщиком налогов, обвинив его в сокрытии от налогообложения части суммы, полученной в качестве куратора фонда «Хоккей-2000». Кроме того, от подследственного требовали уплаты части суммы беспроцентного кредита, полученного в одном из питерских банков. Малышеву предложили решить этот вопрос «полюбовно»: заплатив сумму «недоимок». На прочие «существенные нарушения» налоговики обещали не обратить внимания. Бывший вице-губернатор тут же подал встречный иск в суд Куйбышевского района — на действия налоговой инспекции. В ответ следователь Генеральной прокуратуры приплюсовал к уже существовавшим обвинениям еще одно: уклонение от налогообложения.

Иск Валерия Ивановича рассматривался на открытом заседании (из зала попросили удалить только телекамеры). Этот процесс может по праву претендовать на рекорд краткости,

поскольку длился он всего. 30 минут! Защитники Малышева, среди которых был один из самых известных питерских адвокатов Семен Хейфец, потребовали приобщить к делу копии приходно-кассовых ордеров фонда «Хоккей-2000» за 1998 год. Они свидетельствовали о том, что куратор фонда налоги таки заплатил. Затем, в связи с решением арбитражного суда от 1 марта об отмене наложения штрафа на Городской центр размещения рекламы, дальнейшее рассмотрение иска перенесли на апрель.

Что же касается уголовного дела, то от него, в итоге, осталось немного. Следствие смогло «зацепиться» только за ссуды, полученные от «Экси-Банка» и несколько частных подарков. Как оказалось, упомянутый банк неоднократно привлекался к обслуживанию и кредитованию различных «малышевских» фондов. Генеральным директором «Экси-Банка» являлась Прасковья Копанева — близкая знакомая Валерия Ивановича. Следствие обвинило Копаневу в даче крупной взятки бывшему вицегубернатору, поскольку с 1995 по 2001 год он получил через «Экси-Банк» беспроцентные кредиты на сумму 2 094 053 рублей 70 копеек. Кроме того, банкирша подарила Малышеву финский мебельный гарнитур для дачи (86 000), оплатила счета политика за разговоры по мобильному телефону, взяла к себе на работу дочь Валерия Ивановича, Екатерину, а затем компенсировала девушке стоимость учебы в частном университете в Питсбурге.

Считается, что подследственный замкнулся в себе и уехал на дачу, где «снимал стресс» вполне традиционным для русского человека образом, попутно копаясь вместе с адвокатом в своем уголовном деле. 11 апреля Валерию Ивановичу стало плохо, и он был госпитализирован в Военно-медицинскую академию. Врачи поставили Малышеву диагноз: гепатит «Б» и начали лечение, которое вроде бы протекало успешно. Но уже в начале мая состояние подследственного резко ухудшилось. Валерия Ивановича перевели для обследования в Центральный НИИ рентгено-радиологии в поселке Песочный Курортного района Петербурга. Название этого учреждения уже давно является синонимом смертного приговора для всех питерских онкологических больных. Спустя 10 дней, в ночь на 7 мая 2002 года, Малышев скончался от обширного инсульта.

В официальном заключении медиков значится, что причиной смерти Малышева послужило «тяжелое поражение печени (цирроз) на почве гепатита «Б», которое привело к обширному геморрагическому инсульту». Однако один из друзей покойного обмолвился, что обследование выявило рак, о чем самому больному сказано не было. Коллеги же Валерия Ивановича

уверены: удар стал следствием чудовищного нервного перенапряжения. Ведь 3 мая последнее дело бывшего вице-губернатора оказалось направлено в суд.

Спустя месяц дело в отношении покойного прекратили «за смертью обвиняемого», а ту часть следственных материалов, которая касалась Копаневой, передали в районный суд. Но такое положение вещей адвоката Малышева, Семена Хейфеца, не устроило. Он добился полного оправдания своего подзащитного, мотивируя это тем, что «считает своим прямым долгом реабилитировать честное имя покойного». Копанева же и на следствии, и на суде отрицала существование связи между успехами своего банка и хорошими отношениями с семьей Малышева. И материалы предварительного следствия, и показания свидетелей слова банкирши подтверждали. Так, оказалось, что решение конкретных финансовых вопросов в компетенцию бывшего вице-губернатора не входило, кредиты под разные проекты получали не только в «Экси-Банке», но и в ряде других подобных организаций. К тому же банк Копаневой выдавал кредиты Питеру в самое тяжелое для города время, когда он в прямом смысле этого слова стоял на грани банкротства. Тогда гарантии представителя исполнительной власти не стоили даже ломаного гроша, но… Копанева заявляла, что просто хотела помочь родному городу. Оказалось, что пресловутый дачный гарнитур банкирша подарила только в виде ответной любезности, поскольку немногим ранее сама получила от Малышевых презент в виде набора мебели для спальни. Дочку покойного она, правда, на работу взяла, но вот о кредитах на образование барышне пришлось позаботиться самой. Ну а со счетами за мобильник вообще вышел казус: по словам близких, друзей и коллег Валерия Ивановича, «трубы» у него вообще никогда не было! После того, как бывший вице-губернатор попал под следствие и лишился своей должности, Копанева всячески поддерживала его семью. А когда Малышев находился в больнице, банкирша по собственной инициативе доставала для него дорогостоящие редкие лекарства, приглашала лучших врачей. Да и в организации похорон Валерия Ивановича Копанева серьезно помогла его родственникам. В итоге, суд решил, что бескорыстные личные отношения между обеими семьями были достаточным мотивом для получения Малышевым кредитов от банкирши. Копаневу оправдали, однако прокуратура настояла на повторном рассмотрении ее дела в городском суде, а затем и в федеральном. Наконец, 29 октября 2003 года тяжкая судебная эпопея закончилась оправданием Копаневой в связи с отсутствием состава преступления в ее действиях. А журналисты, которым сенсационный процесс уже

успел приесться, с облегчением констатировали: «Дружба победила коррупцию. Посмертно».

«Золотые Андрей, Давид и Ашот», или Как украсть 180 миллионов долларов

«Аферой века» назвали специалисты алмазное дело фирмы «Голден АДА». И хотя фактически по делу прошло около десятка человек, но это были все-таки мелкие сошки. Большинство аналитиков считает, что «крестными отцами» алмазных дельцов были люди, стоящие у вершины пирамиды власти. Ведь недаром свидетелями по делу проходили Виктор Черномырдин, Егор Гайдар, Борис Федоров, Олег Сосковец и другие высокопоставленные чиновники.

8 ноября 1995 года финансовые операции «Голден АДА» были заморожены налоговыми службами США, уличившими руководство фирмы в неуплате 63 миллионов долларов федеральных налогов. На имущество компании был наложен арест. Сотрудники налоговой полиции с двадцатилетним стажем отмечали, что такого крупного надувательства они в своей практике еще не встречали. Имущество компании состояло из пасхального яйца работы Фаберже (из коллекции Николая II), дюжины роскошных автомобилей (включая «роллс-ройс» стоимостью 377 тыс. дол.), девяти моторных катеров, шести яхт, реактивного самолета (стоимостью 20 млн дол.), оцененного в 1,5 миллиона долларов особняка и поместья на озере Тахо стоимостью 4,4 млн (по другим данным — 20 млн дол.), которое в свое время использовалось для съемок фильма «Крестный отец». Все это, естественно, утаивалось от налоговых органов.

При обысках налоговые полицейские обнаружили и ценности иного рода. В офисе «Голден АДА» в Сан-Франциско хранились десятки единиц автоматического оружия, тысячи упаковок патронов, пуленепробиваемые жилеты и 25 фунтов взрывчатки. Зачем алмазным дельцам понадобился этот внушительный арсенал, остается только догадываться. Неужели они всерьез опасались «наездов» со стороны местных гангстеров? Американские спецслужбы продолжали крупномасштабное расследование. В это же время начали проявлять первые признаки активности и российские правоохранители, потому что именно российские власти сделали главную ставку на фирму «Голден АДА» в своем амбициозном проекте по выходу на американский алмазный рынок. Напомним, что фирма «Голден АДА» была создана в ноябре 1992 года в Сан-Франциско выходцами из бывшего СССР Андреем Козленком и братьями Ашотом и Давидом Шегирян на деньги, украденные у московского

ювелирного завода «Кристалл». В мае-июне 1993 года по распоряжению тогдашнего руководителя Комдрагмета Российской Федерации Госфонд РФ передал этой фирме бриллианты, ювелирные изделия и золотые монеты на сумму более 94,6 миллиона долларов. Получалось, что правительство Российской Федерации по доброй воле решило передать все эти ценности маленькой частной фирме только для того, чтобы использовать эти сокровища в качестве залога. Под этот залог правительство надеялось получить 500-миллионный долларовый кредит в «Бэнк оф Америка», причем не для себя, а все для той же американской фирмочки «Голден АДА». Получив этот кредит, фирма должна была широкими шагами выйти на мировой алмазный рынок, чтобы в дальнейшем действовать во благо малой родины своих руководителей. Естественно, кредит предоставлен не был, но ценности в Россию не вернулись.

А тем временем в США один за другим стали приземляться самолеты, буквально набитые драгоценностями. Ценный груз сопровождали сотрудники российской фельдъегерской связи! В мешках, которые поступали на фирму Козленка, были обработанные сибирские алмазы. Тысячи камней — 26 тысяч карат. По самым скромным оценкам, от их продажи можно было бы выручить 20 миллионов долларов. Но это было лишь частью поставок. Вслед за алмазами стали прибывать мешки с отличным серебром, старинными тарелками, столовой посудой и редкими монетами. Вслед за мешками пошли ящики — с аметистами, топазами, изумрудами, иные камушки были величиной с кулак. За ящиками с драгоценными камнями последовали ящики с антиквариатом — пасхальными яйцами, которые были украшены драгоценными камнями в стиле Фаберже, ангелом с алмазами в протянутых руках, фигурками из слоновой кости. Сотни колец, серег, браслеты, броши и ожерелья. А потом пошло золото. Тонны золота. Не в слитках, а в старинных монетах: франках из дореволюционной Франции, английских фунтах, американских долларах конца прошлого века. Были и российские монеты с изображением Петра Великого. Всего, как позже выяснилось, было около 5,5 тонны золота. После переплавки и реализации «Голден АДА» выручила за него 50 миллионов долларов.

Почему в этом широкомасштабном амбициозном проекте по выходу на американский алмазный рынок российские власти сделали главную ставку на Андрея Борисовича Козленка (1959 г. р.) было не ясно, но в том, что такая ставка была сделана, агент Дэвидсон, ведущий расследование от ФБР, очень скоро смог убедиться. У агента сразу закралось подозрение, что камушки в «Голден АДА» были отправлены лишь для отвода глаз. Дело в

том, что большая часть этого бесценного груза очень скоро была отправлена обратно в Европу. Правда, в Россию ценности уже не вернулись. Они оказались в Антверпене, в бельгийском филиале «Голден АДА». После чего их, так и не обработав, перепродали фирмам, контролируемым южноафриканским картелем «Де Бирс» — монополистом на мировом алмазном рынке. Парадокс состоял в том, что Россия и так напрямую продает большую часть своих необработанных алмазов «Де Бирс». Зачем же было городить весь этот огород — пересылать камни в США, потом в Бельгию — через несколько фирм-посредников, через кучу таможенных барьеров? Зачем было возводить алмазный центр в Сан-Франциско, если эти камни там все равно не обрабатывали? Ответ мог быть только один. Для того, чтобы 77 миллионов долларов, вырученных за эту партию камней, попали не в российскую казну, а в кассу бельгийского филиала фирмы «Голден АДА» — ив итоге, как узнал агент ФБР Дэвидсон, осели на счетах в швейцарских банках. К тому же в 1989 году «Де Бирс» подписал с объединением «Главалмаззолото» СССР очередное 5-летнее «Тарифное соглашение о продаже», где компания подтвердила свое монопольное право торговли советскими алмазами на мировом рынке. В дополнение к этому документу в декабре 1990 года было подписано «Залоговое соглашение» с «Де Бирс», который выдал кредит в 1 млрд долларов на развитие российской алмазной промышленности, однако деньги ушли совсем на другие цели.

К тому же Козленок и братья-компаньоны жили на такую широкую ногу, что взятый ими в компаньоны Джек Иммендорф был шокирован. Когда он впервые посетил виллу Козленка в Сан-Франциско, ему поначалу даже пришла в голову мысль, будто кто-то ограбил музей искусств «Метрополитен». Нового исполнительного директора «Голден АДА» особенно поразили пара инкрустированных золотом часов высотой в человеческий рост и шахматы из серебра и золота с брильянтами. (Позже Козленок оправдывался, что вся эта роскошь нужна была, чтобы создать «солидный финансовый образ».) Еще больше Иммендорф был поражен, когда поближе познакомился с финансовым состоянием вверенной ему фирмы. В компании царил полный хаос — и при этом ее сейфы буквально ломились от драгоценностей. Велась двойная бухгалтерия, а денежные потоки были настолько спонтанными и непредсказуемыми, что буквально не было никакой возможности хоть как-то упорядочить этот процесс. «Я разбазаривал деньги компании и не мог положить этому конец!» — сокрушался впоследствии Иммендорф.

Чтобы получше разобраться в ситуации, исполнительный

директор привлек консалтинговую фирму «Артур Андерсен». Консультанты обнаружили, что «Голден АДА» израсходовала примерно 130 миллионов долларов, при этом не имея документальных оснований для большинства из своих финансовых операций. Кое-что Иммендорф, как законопослушный американец, попытался вернуть через суд. Так, в начале 1995 года он обратился с иском к бывшим адвокату и исполнительному директору фирмы по поводу незаконного перевода 1,2 млн долларов в один из офшорных банков. В то же время активно продолжалось расследование ФБР. Говорят, что, узнав о том, что он оказался под колпаком американской спецслужбы, Козленок страшно удивился: он был уверен, что, обзаведясь солидными связями (сенатор Калифорнии Квентин Копи был его советником; Козленок выделил средства на предвыборную кампанию кандидата в губернаторы Катлин Браун; был на приеме и даже фотографировался с Хилари Клинтон), может чувствовать себя в Сан-Франциско в полной безопасности. Он никак не мог понять, почему опытный детектив Иммендорф не может получить доступ к досье ФБР и полиции. «Он полагал, что за деньги можно купить все, — вспоминал впоследствии Иммендорф. — Эти ребята думали, что они в Москве». Проработав в «Голден АДА» полгода в должности исполнительного директора, Иммендорф счел за лучшее уйти из фирмы по собственному желанию.

Впрочем, информация, будто что-то неладное происходит с сокровищами из запасников Гохрана, до наших правоохранителей впервые дошла лишь летом 1994 года. Расследование началось с уголовного дела, возбужденного за элементарную неуплату налогов — инев Москве, а в Челябинской области. Тамошнее управление ФСБ в июне 1994 года начало расследование в отношении Николая Федорова, руководителя нескольких фирм, в том числе «Звезды Урала». В ходе оперативно-следственных мероприятий был произведен обыск в московском офисе фирмы, который располагался в том же здании, что и московское представительство «Голден АДА». Именно тогда — фактически по чистой случайности — были обнаружены тройные договоры между Роскомдрагметом, «Звездой Урала» и фирмой «Голден АДА». Общая сумма договоров — 88 миллионов долларов — повергла правоохранителей в шок. Но куда же смотрели российские власти? Ведь они должны были хотя бы поинтересоваться судьбой своих несметных сокровищ в Америке? Они в самом деле интересовались: так, в алмазном центре в Сан-Франциско побывали господа в рангах министров и замминистров. Но реакция их была весьма странной. Когда

«алмазная» троица закончила первую серию закупок яхт, катеров и вилл, драгоценные поставки. возобновились!

Здесь надо особо сказать о председателе Роскомдрагмета Евгении Бычкове, в биографии которого и до создания «Голден АДА» было несколько темных пятнышек, но все обвинения остались без последствий. Это он запустил этот знаменитый проект — явно в пику «Де Бирс». Это с его ведома 16 октября 1992 года московский завод по огранке алмазов «Кристалл» перечислил под некий контракт 1,296 млн долларов тогда еще не существующей американской фирме «Golden ADA». (Она была зарегистрирована только через две недели.) Эти деньги фактически стали ее уставным капиталом. Андрей Козленок получил 60 % акций, братья Шегирян — по 20 %. Кстати, аббревиатура фирмы образована от первых букв имен этой далеко не святой троицы: название компании можно расшифровать как «Золотые Андрей, Давид и Ашот». В совет директоров компании вошел и Евгений Бычков — он якобы отвечал в этой фирме за связи с Россией. По крайней мере, об этом заявлял впоследствии сам Козленок. Бычков, напротив, от этого факта своей биографии категорически отказывается. Но уже 22 апреля 1993 года Евгений Бычков и еще один фигурант дела — заведующий отделом финансов и денежного обращения правительства России Игорь Московский доложили тогдашнему министру финансов Борису Федорову о результатах переговоров по возможным поставкам. Как выяснили позже специалисты Контрольного управления администрации президента, Федоров эту сделку санкционировал.

А в середине февраля и в начале марта 1994 года Роскомдрагмет заключил сразу два договора — с «Голден АДА» и ее дочерним предприятием в России «Звездой Урала» — о продаже ювелирных алмазов.

Камушки поставлялись в качестве «давальческого» сырья для последующего возврата в Россию изготовленных из них бриллиантов. Общая сумма договоров составляла 88,7 миллиона долларов. Надо сказать, что в итоге кое-что из положенного в Россию вернулось. Но общая сумма возвращенных от обеих фирм бриллиантов и алмазов едва достигала 26,1 миллиона долларов.

Только в конце 1994 года российские чиновники «спохватились». В СанФранциско была направлена делегация из Роскомдрагмета и Минфина и вскоре адвокаты, нанятые Роскомдрагметом, начали в Калифорнии против «Голден АДА» арбитражный процесс, а по Москве поползли слухи о созданном нашими чиновниками в США алмазном центре, который вышел из-под контроля. Волокита затянулась, а тем временем Козленок рассорился с братьями-армянами и те, выбрав деньги и жизнь,

ушли из дела. Но и сам Андрей Борисович попал в руки «консультанта Российской Федерации» Андрея Чернухина, у которого были документы, уполномочивающие его стать членом совета директоров «Голден АДА». То что произошло потом, очень запутанно, но Козленок утверждает, что его похитили и отвезли в Мексику, где удерживали под угрозой оружия с 30 августа по 19 сентября 1995 года. Одновременно были взяты в заложники жена Козленка Ирина и 10-летний сын Алексей — их держали где-то в другом месте. (По другой версии, это было блефом и никто жену и сына на самом деле не арестовывал.) Похитители потребовали от Козленка подписать документ о передаче принадлежащих ему акций «Голден АДА» некому Радживу Госейну, и тому пришлось согласиться. «Они забрали у меня все акции и бросили без копейки денег в Коста-Рике», — жаловался впоследствии «несчастный» бизнесмен. По другой версии, ему все-таки дали щедрые отступные. Согласно третьей версии — ее излагал в факсимильном сообщении в Роскомдрагмет сам Раджив Госейн, — 100 процентов акций «Голден АДА» Козленок попросту продал Госейну, причем сделка состоялась 3 сентября. Но если это так, то зачем люди в камуфляже удерживали Козленка в гостинице вплоть до 19 сентября?

По утверждению Козленка, новые владельцы компании быстро распродали существенную часть ее имущества и перевели деньги конечно же в Швейцарию. В свою очередь, Чернухин в одном из посланий в МВД утверждал, что Госейн провернул с алмазами какую-то свою аферу, в результате которой похитил около 20 млн долларов. Чернухин посоветовал милиционерам поискать Госейна в Малайзии — и даже указал его новый домашний адрес. При этом никто точно не знал адрес самого Андрея Чернухина. А «обнищавший» Козленок в сентябре 1995 года упаковал свои вещи и поспешно выехал в Бельгию.

Лишь 14 июня 1995 года было начато официальное расследование в отношении Евгения Бычкова и прочих «драгоценных» деятелей. Характерно, что обвинение было выдвинуто не по поводу крупномасштабного хищения, а всего лишь по фактам «злоупотребления служебным положением» и «нарушения порядка валютных операций» (статьи 164 и 170 УК РФ). Прошло еще около девяти месяцев, прежде чем Генпрокуратура 7 февраля 1996 года предъявила наконец-то официальное обвинение Евгению Бычкову, а в кабинете чиновника и на его даче был произведен обыск. Арестовывать, однако, его не стали, ограничившись подпиской о невыезде. А когда в конце февраля все же получили разрешение на арест, то через несколько недель подоспела очередная амнистия по случаю

победы над фашизмом. Поскольку эксминистр не был обвинен в тяжких преступлениях и к тому же достиг пенсионного возраста, он был амнистирован по всем статьям и вскоре нашел весьма престижную работу: стал вице-президентом банка «Российский кредит». Это назначение никого не удивило. Ведь именно «Роскредит» был уполномоченным банком Роскомдрагмета. Амнистия спасла от тюрьмы и четырех сотрудников Министерства внешнеэкономических связей. Замминистра Андрей Догаев, начальник главного управления нетарифного регулирования внешнеэкономической деятельности министерства Марк Колесников, уполномоченный МВЭС Николай Соловьев и его заместитель Олег Горский обвинялись в преступной халатности. Они не имели права давать лицензии на вывоз из России драгоценных камней без соответствующих согласований. Однако следователи сочли, что корысти в действиях этих чиновников не было, — и дело против них закрыли.

Впрочем, расследование следственной бригады под управлением следователя по особо важным делам Генпрокуратуры Руслана Тамаева еще только разворачивалось. Для начала в столице было арестовано имущество, принадлежащее «Голден АДА»: по разным оценкам, его можно было реализовать за 15–30 млн долларов. Но найти и арестовать имущество мошенников — полдела. Самое трудное было впереди. Сыщикам требовалось установить роль в этой афере всех ответственных должностных лиц: ведь золото и драгоценные камушки вывозились не контрабандным путем, а по вполне официальным каналам. По данным, просочившимся из ФБР, в 1994 году Козленок дважды побывал в России. Целью визитов была, согласно этим сообщениям, перевозка из США наличных долларов, полученных от продаж переданных Роскомдрагметом алмазов. Суммарно «черным налом» было переправлено почти 20 миллионов долларов. Но кто был получателем этих денег, так и осталось тайной. Козленок же утверждал впоследствии, что немало средств фирмы «Голден АДА» было использовано для президентской избирательной кампании Бориса Ельцина в 1996 году. Кроме того, часть денег, вырученных от реализации драгоценных камней, по поручению представителей российского правительства руководители фирмы перечислили в Фонд президентских программ. На эти же средства якобы издавалась книга Бориса Ельцина «Записки президента». Мало того, значительные суммы, по словам главы «Голден АДА», перекочевали в некий фонд «Победа», который курировало Главное управление охраны. Дело набирало новые обороты, втягивая в свою орбиту очередных высокопоставленных

фигурантов: тогдашних заместителей министра финансов Анатолия Головатого и Андрея Вавилова; известного московского скульптора Зураба Церетели, возглавлявшего коммерческую структуру «Большой камень», тогдашнего премьер-министра Виктора Черномырдина, а также Егора Гайдара, Бориса Федорова, Олега Сосковца и других чиновников. Фигура Козленка кажется слишком мелкой для того, чтобы на него одного можно было списать разбазаривание национальных сокровищ в таких невероятных количествах. Так, во время своего визита в Афины в декабре 1998 года Генеральный прокурор Юрий Скуратов, рассказывая о деле «Голден АДА», сказал: «Сейчас, после того как мы собрали дополнительные доказательства, его [Козленка] роль для нас ясна, и в принципе дело развивается успешно и без его показаний. Козленок был пешкой в руках других лиц. Это абсолютно точно уже сейчас выявляется».

С 1996 года глава следственной бригады Руслан Тамаев колесил по всему свету в поисках мошенников и их соратников. Он разыскал Давида Шегиряна, который долгое время успешно скрывался и от Генпрокуратуры, и от ФБР: американцы хотели судить его за неуплату налогов. Следователю удалось выяснить, что Шегирян обосновался в Доминиканской Республике. Сумел Тамаев разыскать Андрея Чернухина и договориться о встрече с ним в Зальцбурге (Австрия). А вот Андрея Козленка разыскивать долго не пришлось. Он как уехал в Бельгию, так и жил там, спокойно развивая свои новые бизнес-проекты. В Антверпене он основал, не уплатив ни франка налогов, пять подставных фирм для отмывки своих капиталов. Среди них: «Голден АДА Бельгиум С. А.», «Шако Реал Эстейт Менеджмент Бельгиум» и «Интеркапитал Бельгиум С.А.». По утверждениям Козленка, на его предприятиях трудилось до трех тысяч работников. Жил Козленок на широкую ногу, правда, по поддельному паспорту на имя гражданина Греции Андреуса Илиадиса. Но объявленного в международный розыск бизнесмена бельгийские законники не выдали, заявив, что для его ареста и депортации нет достаточных оснований. Только после собственного расследования бельгийская полиция в феврале арестовала Козленка за. поддельный паспорт и истечение срока рабочей визы. К тому же бельгийцы наотрез отказались выдавать беглого России, а через шесть месяцев бывший хозяин «Голден АДА» вышел из тюрьмы под залог в 2 млн бельгийских франков (примерно 56 тыс. дол.).

Между тем в апреле 1997 года по наводке российских правоохранительных органов в Лондоне был арестован еще один активный участник алмазной аферы доминиканец Мартин Эш — он же Ашот Шегирян. В Англии он пробыл всего сутки, после чего

отправился не в Россию, а в США: ведь именно американским гражданином считался беглый бизнесмен. И именно там его судили за неуплату налогов, за что он и получил несколько месяцев тюрьмы. Но еще осенью 1996 года Федеральный суд США по Северному округу штата Калифорния удовлетворил иск Роскомдрагмета к американской корпорации «Голден АДА». Российская сторона отсудила 165 млн долларов. Однако радоваться было рано. Иск на чуть меньшую сумму — примерно в 118 млн долларов — вчинили и американские налоговые органы. В течение полутора лет в американских судебных инстанциях рассматривалась тяжба между тамошними налоговиками и представителями российского правительства. В итоге служители Фемиды рассудили, что приоритет все-таки должен быть отдан российской стороне. В апреле 1998 года Гохран и налоговая служба США заключили мировое соглашение: финансовые претензии американцев снижены в 11 раз — до 10 млн долларов. Такова сумма налогов на зарплату сотрудников «Голден АДА», которую бухгалтеры фирмы утаили.

Андрея Козленка все же арестовали в январе 1998 года в Афинском международном аэропорту. После долгого рассмотрения дела знаменитого аферист выдали России в российскую тюрьму. Правда, в феврале случилось ЧП, которое едва не перечеркнуло все планы: в Москве при загадочных обстоятельствах в конвойной комнате суда погиб бывший коллега Козленка директор фирмы «Корона» Сергей Довбыш. Здесь надо сказать, что по ходу расследования из дела «Голден АДА» было выделено в отдельное производство более десятка более мелких дел и предъявлены обвинения 30 лицам, в той или иной степени связанным с аферами Козленка. В их числе — дело Давида Джанка, представителя «Голден АДА» в Москве, Надежды Калинниковой, генерального директора АОЗТ «Андра» (собственность фирмы «Голден АДА»), Наталии Кочкиной, председателя «Алмазбанка» (собственность фирмы «Голден АДА»), Андрея Чернухина, руководителя АО «Экопром» (собственность фирмы «Голден АДА»). Довбышу инкриминировалось хищение 20 миллионов рублей, принадлежащих московскому ювелирному заводу «Кристалл», незаконное хранение нескольких ружей, боеприпасов и 57 кг золота в слитках, которое так и не было найдено. Прокурор потребовал для Довбыша 10 лет лишения свободы, и пока судьи совещались, он оказался висящим на ремне, привязанном к оконной ручке (по другим сведениям, удавку Довбыш сделал из рукавов своего свитера). Правда, для прессы сначала «озвучили» версию, что обвиняемый умер от сердечного приступа. Но вскоре

стало ясно, что это ложь. Тогда же появился и упорный слух о том, что на самом деле это был вовсе не суицид, а тщательно спланированное убийство.

Именно на эту версию упирал Андрей Козленок, который заявлял афинским судьям, что в России никто не может поручиться за его безопасность. Однако на судей эти доводы не подействовали. В середине июня 1998 года Козленку все-таки пришлось отправиться на родину. Прошло полгода после водворения афериста в Матросскую Тишину, а обещанных разоблачений так и не последовало. У самого же Козленка была очень выгодная позиция: официально он в «Голден АДА» никем не числился, никаких должностей не занимал и ничего не подписывал. Ведь сам следователь Тамаев в конце 1998 года заявил по поводу роли Козленка в афере века: «Он всегда был в этом деле на вторых ролях.» Практически чист перед законом оказался и Евгений Бычков. Обвинения в злоупотреблении служебным положением ему уже предъявляли — ипо ним уже амнистировали.

И все же бывший глава Роскомдрагмета Евгений Бычков, бывший заведующий отдела финансов, банков и денежного обращения правительства России Игорь Московский, генеральный директор АОЗТ «Звезда Урала» Николай Федоров и соучредитель фирмы «Голден АДА, Инк» Андрей Козленок были привлечены к уголовной ответственности по этому делу. Им предъявили обвинение по нескольким статьям Уголовного кодекса, среди которых — хищение госсредств в особо крупных размерах путем мошенничества, злоупотребление должностными полномочиями и другие.

Как сообщил Сергей Замошкин, адвокат подсудимого Московского, суд отклонил все ходатайства защиты обвиняемых. А адвокат Козленка Зозуля вообще полагает, что дело «Голден АДА» должно рассматриваться не в уголовном, а в гражданско-правовом порядке, поскольку речь идет об исполнении контрактов, «которые осуществлялись по постановлению правительства России». По его мнению, дело должно было быть направлено в арбитражный суд. При этом истцом должен выступать Гохран, а ответчиком — американская фирма «Голден АДА». Зозуля заявил, что Козленок «никогда не возглавлял фирму «Голден АДА», а являлся лишь генеральным директором московского представительства фирмы».

Только 13 марта 2000 года Козленок закончил чтение 140 томов собственного дела, и начались слушания, которые шли за закрытыми дверями в связи с секретностью дела. В ходе судебного процесса, который начался в декабре 1999 года, никто

из подсудимых не признал своей вины. А Козленок 23 апреля 2001 года и вовсе заявил о своей невиновности и попросил Мосгорсуд вынести ему оправдательный приговор и освободить из-под стражи.

Представитель государственного обвинения на процессе потребовал признать виновным в мошенничестве бывшего совладельца американской фирмы «Голден АДА» Андрея Козленка и назначить ему наказание в виде шести лет лишения свободы. Прокурор также потребовал наказания в виде лишения свободы на три с половиной года для бывшего генерального директора АОЗТ «Звезда Урала» Николая Федорова. Еще двух фигурантов по этому делу — бывшего руководителя Роскомдрагмета Евгения Бычкова и бывшего заведующего отделом финансов, бюджета и денежного обращения правительства России Игоря Московского — он предложил амнистировать.

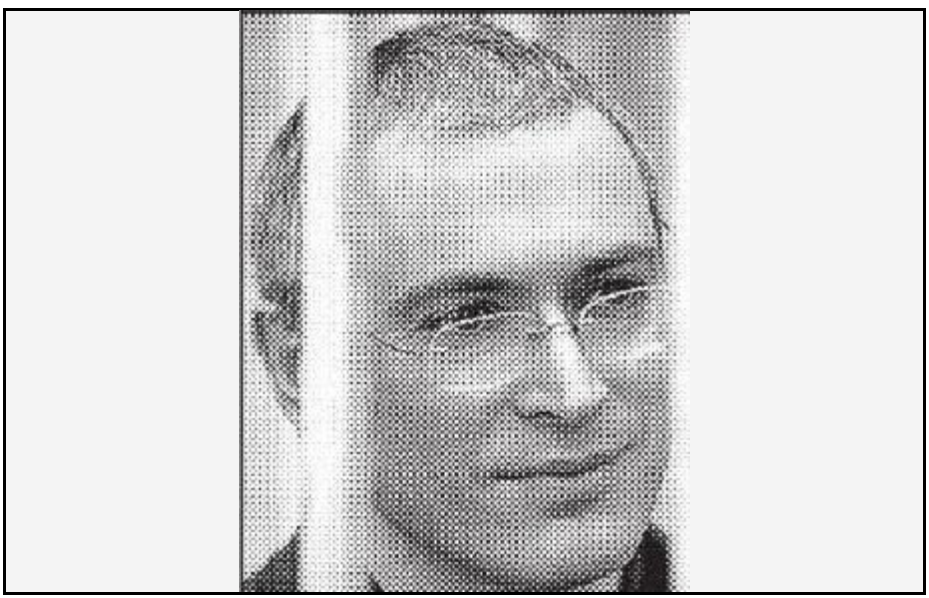
Суд приговорил Козленка к лишению свободы на шесть лет с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. По решению суда у него было конфисковано имущество и взыскано по гражданскому иску более 54 миллионов рублей. Николая Федорова суд также приговорил к лишению свободы (натри года и шесть месяцев). Бывший председатель Росдрагмета Евгений Бычков приговорен к пяти годам и шести месяцам лишения свободы. Однако, согласно постановлению Госдумы, Бычков был амнистирован. Игоря Московского суд приговорил к трем годам лишения свободы, но тот тоже был амнистирован.

22 мая 2001 года Андрей Козленок обжаловал свой приговор и Верховный суд России смягчил приговор соучредителю американской корпорации «Голден АДА», снизив срок до четырех лет. Поэтому 8 января 2002 года аферист вышел на свободу. Но теперь к Андрею Козленку возникли претензии у бельгийской стороны. Его обвиняют в подлоге документов и продаже похищенного товара — алмазов и других ценностей. Российские адвокаты из фирмы «Клишин и партнеры», представляющей имущественные интересы Минфина и Гохрана, не исключают, что суд может потребовать от России выдачи Андрея Козленка.

Итак, в истории с «Голден Ада» многое так и осталось неясным. Михаил Гришанков, который первым допрашивал Козленка, говорит: «Может быть, потом Козленок заговорит, и заговорит активно, но на следствии этого не произошло, потому что эта информация может стоить жизни многим людям».

Государство против олигарха

По мнению американского журнала «Форбс», Михаил Борисович Ходорковский (1963 г. р.) к 40 годам являлся одним из самым богатых людей России. Еще бы, ведь он был организатором и руководителем одного из первых в СССР коммерческих банков — КИБ НТП «Менатеп»; председателем совета директоров холдинговой компании «Роспром»; главой и основным акционером второго по величине в России нефтяного гиганта «ЮКОС» и «Восточной нефтяной компании», а также других предприятий. Но когда Ходорковский решил сделать работу компании прозрачной, власть решила продемонстрировать верховенство закона…



Михаил Ходорковский

Утром 31 марта 1995 года к Белому дому подъехали три бронированных лимузина. Банкиры Потанин, Ходорковский и Смоленский пришли сделать премьер-министру Виктору Черномырдину предложение: они предоставляют правительству заем — 1,8 млрд долларов, а в залог требуют у государства пакеты акций нефтяных предприятий. Правительству в ту пору как всегда и позарез нужны были деньги. Михаил Борисович Ходорковский получает «ЮКОС», Смоленский добывает

«Сибнефть» для Бориса Березовского, Потанину отходит нефтяная группа «Сиданко». После этого нефтяные бароны делят Россию между собой. Потанину достается Дальний Восток и СевероЗапад, Юг Сибири оказывается в руках Березовского, а Ходорковскому «остается» центр Сибири, Средняя Волга и европейская часть страны. Михаил Борисович шел к этому с 1986 года: молодежное кафе с дискотекой, Фонд молодежной инициативы, Межотраслевой центр научно-технических программ (ЦМНТП), Межбанковское объединение «Менатеп» (менатеп — межотраслевые и научно-технические программы). В 1990–1991 годах Ходорковский был советником российского премьер-министра Ивана Силаева. В своей работе Михаил Борисович делал ставку на молодежь, поскольку она быстрее осваивает рыночные отношения, легко к ним адаптируется. Как-то в одном из интервью он сказал: «У меня есть свой электорат. Это мои сотрудники, чьим мнением я очень дорожу и чей авторитет пытаюсь завоевать. А отношение ко мне широкой публики меня мало волнует. Я не собираюсь избираться в президенты или еще куда-нибудь. Меня устроит, если обо мне скажут: этот парень сволочь, но компания у него хорошая». В общем, Михаил Ходорковский являл собой пример российского предпринимателя, обладающего капиталистическим мироощущением. Благодаря его умелому руководству и полной самоотдаче, коммерческий банк «Менатеп» превратился в международное финансовое объединение, широко известное не только в России, но и за ее пределами. А сам Ходорковский стал обладателем огромного состояния. Но самое главное — он в 1995 году получил в свое распоряжение средство намного более мощное, чем «партийные деньги», — право распоряжения определенной частью государственной собственности.

Ему удалось плавно перейти от советского периода к российскому и не только сохранить эти права, но и значительно приумножить их.

Вот как развивались события. В момент создания государством НК «ЮКОС» и ОАО «Восточная нефтяная компания» в них были внесены контрольные пакеты акций нефтедобывающих предприятий, перерабатывающих заводов, структур, занимающихся геологоразведкой, техническим обслуживанием, а также сбытом нефтепродуктов. Каждая из компаний представляла собой холдинг, объединяющий предприятия с реальными активами: основными фондами, лицензиями, денежными средствами и пр. В 1995-96 годах 78 % акций НК «ЮКОС», а в 1997 году 54 % акций ОАО «ВНК» были приобретены менеджерскими компаниями банка «Менатеп».

«Менеджерские» в данном случае означает «подставные», поскольку они не обладали ни реальной финансовой мощью, ни опытом работы в нефтяной промышленности, к тому же формально не имели отношения к «Менатепу» и были учреждены через ряд зарубежных офшорных фирм. Таким образом, можно было обойти не только антимонопольное законодательство, не позволявшее «Менатепу» купить контрольный пакет акций крупнейших холдингов, но и все остальные юридические препятствия на пути к полному господству над своими нефтяными владениями. То, что произошло далее, легко делится на три этапа, а посему представляет собой классический пример идеальной схемы мошенничества, каждая из частей которой формально уголовно ненаказуема.

Первый этап (1997 г.): продажа акций компаний, контрольные пакеты которых были внесены в холдинги государством в качестве оплаты своей доли уставного фонда.

Второй этап (1998 г.): вывод ликвидных активов из подконтрольных предприятий и передача их в собственность специально созданных ЗАО в форме взноса в их уставные капиталы.

Третий этап (1999 г.): контрольные пакеты созданных ЗАО проданы сторонним фирмам, на самом деле замкнутым через цепочку офшоров на ту же компанию «Роспром».

В итоге «ЮКОС», «ВНК», «Томскнефть», «Юганскнефтегаз» и «Самаранефтегаз» остались практически без активов и с «висящей» на них колоссальной задолженностью всего фактически уже не существующего холдинга. Акционеры этих компаний могли использовать свои ценные бумаги с тем же успехом, что и акции скандально известного «МММ». Летом 2002 года гибралтарская «Труп Менатеп Лтд», владеющая 61 % акций нефтяной компании «ЮКОС», опубликовала список своих акционеров. Крупнейшим из них оказался президент «ЮКОСа» Михаил Ходорковский, чья доля в компании стоила около 7,8 млрд долларов. «Это первый случай в России, когда человек публично раскрыл размеры своего личного состояния. Ходорковский — первый официальный нефтяной олигарх», — отметили средства массовой информации. К тому же он решил сделать свою компанию открытой и деньги на ее развитие получать на фондовом рынке за счет покупки акций простыми людьми. Ему потребовалось стать «внятным» на западный манер, то есть научиться говорить так, чтобы инвестор, вкладывающий в «ЮКОС» деньги, понимал, как именно компания собирается эти деньги приумножить.

Самому «виновнику торжества» простоять на вершине

удалось недолго. После встречи в Кремле 19 февраля 2003 года президента Путина с крупными промышленниками и предпринимателями по вопросам коррупции Ходорковский почувствовал прямую угрозу. Но он не скрылся из страны, а только собрал руководителей подразделений компании «ЮКОС» и сказал, что компанию ждут трудные времена, она будет атакована и атака эта будет сокрушительной. Ходорковский просил всех, кто не готов подвергнуться сокрушительной атаке, уволиться из компании немедленно, пока не начались трудные времена, чтобы потом не стать предателями. Почти никто не уволился. Некоторые стали предателями.

25 октября 2003 года в Новосибирском аэропорту Михаил Ходорковский был арестован, а вслед за ним и его ближайшие партнеры по бизнесу — Платон Лебедев, Андрей Крайнов и Светлана Бахмина.

У «ЮКОСа» еще есть возможность договориться с государством — так расценил рынок слова президента Путина о том, что правительство не заинтересовано в банкротстве такой компании, как «ЮКОС». Слова эти были произнесены сразу после того, как менеджмент «ЮКОСа» выкинул белый флаг — послал Фрадкову письмо, в котором предлагал погасить 3 млрд долларов долгов компании путем передачи государству части пакета акций Ходорковского. После этого рынок акций «ЮКОСа» побил все рекорды роста. А между тем шансы договориться были ничтожны.

В ходе разбирательства следствие установило, что «в течение 2000–2003 годов некоторые руководители и сотрудники НК «ЮКОС» похитили и легализовали путем вывода за рубеж денежные средства в размере около 7 млрд долларов США. Следствием выявлены схемы, разработанные для хищения выручки от добычи нефти и последующей ее легализации путем выплаты дивидендов подставным фирмам, зарегистрированным в ряде зарубежных стран», — говорится в сообщении Генпрокуратуры. Прокуроры также утверждают, что «для этих операций были привлечены различные лица, в том числе адвокаты, сотрудники различных коммерческих структур и банков». Это подтвердили и обыски в компании «Фаргойл», «дочках “ЮКОСа”». По мнению следователей, они продавали нефть по трансфертным ценам на экспорт, вырученные деньги перечислялись в офшоры, а оттуда выплачивались в виде вознаграждения топ-менеджерам «ЮКОСа» за консультационные услуги.

Существуют три (не противоречащие друг другу) версии активизации действий правоохранительных органов в отношении «ЮКОСа». Первая заключается в том, что российские власти

стремились добраться до находящихся на Западе денег «ЮКОСа». Напомним, что ранее по их требованию уже были арестованы имеющие прямое отношение к компании банковские счета в Швейцарии, но затем они были разблокированы по решению судебных органов этой страны. Вторая версия — стремление как можно скорее завершить процесс передела активов «ЮКОСа». Третья версия — политическая. Она основана на том, что одним из основных объектов «внимания» правоохранителей стала именно «Открытая Россия». Александр Осовцов, директор программ «Открытой России», объясняет обыски в этой организации тем, что «сегодняшние российские власти не хотят позволить Михаилу Ходорковскому заниматься любого рода общественной деятельностью и проявлять свою гражданскую позицию. Давление на Фонд идет уже давно, в частности директора его филиалов в Воронеже и Красноярске проходят свидетелями по делу Ходорковского — Лебедева».

Процессы в Басманном, Мещанском и Московском городском судах и сопровождавшие их мероприятия были далеки от понятия законности и справедливости и напрямую координировались политическим руководством страны. Александр Темерко, бывший старший вице-президент «ЮКОСа» говорит: «Кремль ставил перед собой задачу провести показательные процессы и выполнил ее на все 100 процентов. Показательный процесс может сыграть действительно устрашающую роль только при одном условии: если тем, кому непосредственно адресован его устрашающий эффект, будет совершенно очевидно, что в основе этого процесса лежит полное беззаконие. Бизнесу, который в данном случае и является главной аудиторией, это стало ясно еще задолго до самого суда. И бизнес реально испугался. Но страх необходимо постоянно поддерживать, ибо он довольно быстро проходит. Поэтому Кремлю требуется суровое наказание и показательное унижение Ходорковского».

О ходе судебного заседания можно было узнать только со слов адвокатов подсудимых, так как оно происходило за закрытыми дверями. В коридорах суда тоже не скучали. Приставы обыскивали входящих в здание людей, причем особенно интересовались мобильными телефонами с фотокамерами. Итак, процесс приближался к финалу. Мещанский суд Москвы после 12 дней чтения обвинительного заключения вынес приговор Михаилу Ходорковскому, Платону Лебедеву и Андрею Крайнову. Бывший председатель правления НК «ЮКОС» приговорен к девяти годам лишения свободы. (Обвинение требовало приговорить его к 10 годам заключения.) Главе МФО «МГНАТГП» Платону Лебедеву придется отсидеть такой же срок за мошенническое завладение

бюджетными денежными средствами в составе организованной группы. М. Ходорковский и П. Лебедев признаны виновными по всем обвинениям (7 статей УК РФ и УК РСФСР), за исключением эпизода, связанного с хищением 20 % акций ОАО «Апатит». Бывший генеральный директор АОЗТ «Волна» (одно из дочерних предприятий «ЮКОСа») Крайнов приговорен к пяти годам тюремного заключения условно за то, что в составе орггруппы завладел бюджетными средствами Волгоградской области на общую сумму 22,8 млрд рублей и причинил ущерб областному бюджету на сумму 53,2 млрд рублей. Также суд установил, что А. Крайнов причастен к совершению еще двух преступных эпизодов, связанных с завладением бюджетными средствами. В итоговом приговоре указано, что, кроме того, суд принял решение обратить в пользу государства в счет возмещения нанесенного вреда денежные средства со счетов М. Ходорковского и П. Лебедева. В общей сложности взыскано 48 тыс. долларов и 630 тыс. рублей — это все, что находилось у них на банковских счетах.

После того как приговор по делу Ходорковского — Лебедева — Крайнова после рассмотрения Мосгорсудом кассационной жалобы защиты вступил в законную силу (напомним, что сроки заключения Лебедеву и Ходорковскому были снижены на год, а срок условного наказания Крайнову — на полгода), защита заявила о намерении обратиться с жалобой в Европейский суд по правам человека. (Осужденный Ходорковский отбывает наказание в Энгельсе Саратовской области, а Лебедев этапирован в поселок Харп Ямало-Ненецкого АО). Как сообщил Юрий Шмидт, возможно, в Страсбург будет подана еще одна жалоба. В целом защита Ходорковского намерена указать на допущенные Россией нарушения статей 5, 6, и 7 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. «Борьба будет продолжаться, только она будет перенесена в другие инстанции», — заявил Шмидт. Кроме того, он и другой защитник Ходорковского — канадский адвокат Роберт Амстердам — заявили о намерении активно разъяснять мировому общественному мнению суть «дела Ходорковского». «То, что сейчас происходит в России, это отнюдь не поворот к законности», — подчеркнул Амстердам.

Но наиболее жесткий приговор последовал по делу заместителя управделами компании «ЮКОСМосква» Алексея Курцина, арестованного 18 ноября 2004 года в числе еще девяти подозреваемых, которым Генпрокуратура предъявила обвинение в растрате и легализации незаконно приобретенных денежных средств. Лефортовский суд Москвы приговорил его к 14 годам колонии строгого режима. Судья Елена Канева отнеслась к подсудимому строже, чем прокурор Овчинников. Он просил

приговорить Алексея Курцина к 13 годам лишения свободы, а судья добавила год. Подобная карательная мера обычно присуждается за убийство.

Уже после вынесения приговора высшим руководителям была арестована юрист «ЮКОСа» Светлана Бахмина (кстати, мать двоих малолетних детей), обвиняемая в хищении имущества компании «Томскнефть». Она, по мнению Генпрокуратуры, «создала условия для избрания в совет директоров компании нужных людей» и получила возможность распоряжаться имуществом «Томскнефти», а в итоге якобы помогла увести имущество ОАО «Томскнефть», которое оценивается в 8 млрд рублей. Помимо этого, по версии следствия, Бахмина не заплатила в 2001–2002 годах налоги на сумму около 600 тысяч рублей. Светлана Бахмина виновной себя не признала. Однако, несмотря на то что дело разваливалось на глазах, прокуратура начала дело против начальника юридического управления «ЮКОСа» Дмитрия Гололобова. Но для этого его надо еще экстрадировать из Великобритании.

В феврале 2007 года уже отбывающим свой срок Ходорковскому и Лебедеву Генпрокуратурой были предъявлены новые обвинения в незаконном присвоении и отмывании денег. В частности М. Ходорковскому была вменена легализация до 25 млрд долларов. Это больше, чем текущая стоимость «ЮКОСа». Генпрокуратура предъявила также обвинение сотрудникам «ЮКОСу» Владимиру Переверзину и Владимиру Малаховскому. Их обвиняют в том, что они присвоили и легализовали путем вывода за рубеж выручку трех нефтяных компаний на сумму более 6 миллиардов долларов.

Ни Ходорковский, ни Лебедев себя виновными не признают, а их адвокат Юрий Шмидт называет эти обвинения бредовыми «просто потому, что украсть такую сумму невозможно никому, нигде и никогда. Это больше выручки компании». Тем не менее в Генпрокуратуре РФ не скрывают намерения добиться в суде для осужденных руководителей «ЮКОСа» не меньшего срока заключения, чем прежний восьмилетний. Для проведения следственных действий по новому делу Ходорковского и Лебедева перевели в Читинский следственный изолятор. Новый суд над ними мог начаться еще в феврале 2007 года, но, по мнению Евгения Ясина, дальнейшее муссирование дела «ЮКОСа» сейчас не в интересах власти.

Дело Павла Лазаренко

Экс-премьер-министр Украины, возглавлявший правительство с июня 1996 по июль 1997 года, депутат Верховной рады Павел Лазаренко был обвинен в финансовых махинациях и причинении ущерба государству еще в 1998 году. Вскоре большинство депутатов проголосовали за лишение коллеги неприкосновенности и дали согласие на его арест. В настоящий момент Лазаренко находится в США под стражей. Изначально он обвинялся по 53 статьям, что, согласно американским законам, могло обеспечить политику «отдых» за решеткой сроком в 20 лет. При этом совокупный срок тюремного заключения по выдвинутым обвинениям составлял… 485 лет! Этот процесс грозил стать самым скандальным в истории постсоветского пространства.

Павел Лазаренко

Павел Иванович Лазаренко родился 23 января 1953 года в селе Карповка Днепропетровской области в семье садовода. В 1978 году он закончил Днепропетровский сельскохозяйственный институт, а в 1996 м защитил диссертацию, получив степень доктора экономических наук. С марта 1992-го Лазаренко стал

представителем Президента Украины в Днепропетровской области.

Спустя два года Павел Иванович был избран одновременно председателем Днепропетровской областной рады и народным депутатом Украины. С сентября 1995 года Лазаренко занимал пост первого вице-премьера, а с мая 1996го по июль 1997 года был премьер-министром Украины. За тот период, когда Павел Иванович находился во главе правительства, была введена госмонополия на подакцизные товары, проведена денежная реформа и введена национальная денежная единица — гривна. Уже тогда средства массовой информации писали об украинском премьере, как об одном из самых богатых и влиятельных отечественных политиков. В 1995 году Павла Ивановича наградили орденом Ярослава Мудрого V степени. А там и два ордена Св. Владимира подоспели — от Украинской православной церкви (за вклад в возрождение религиозной жизни в Днепропетровской области).

В июле 1997 года, уйдя в отставку со своего высокого поста, Лазаренко сменил курс и ушел в оппозицию, возглавив в Верховной Раде фракцию «Сдшсть». В сентябре 1997-го бывшего премьера избрали главой оппозиционного президенту Всеукраинского объединения «Громада», затем он возглавил фракцию «Громады» в Верховной Раде.

А в 1998 году грянул гром: экс-премьера задержали в Швейцарии по обвинению в финансовых махинациях. «Долг», висевший на нем, составил миллион долларов. Однако Лазаренко, внеся 2,4 миллиона долларов залога, вышел на свободу, предпочел как можно скорее из негостеприимной страны ретироваться и вернулся в Киев. Но уже 9 февраля 1999 года начался новый виток этой трагикомедии: Генеральный прокурор Украины М. Потебенько потребовал, чтобы Верховная Рада лишила экспремьера парламентской неприкосновенности. 15 февраля Лазаренко внезапно решил, что ему позарез нужно отправиться на лечение. В Грецию. А спустя еще два дня коллеги-депутаты Павла Ивановича с требованием Генпрокурора согласились (310 голосами из 450) и дали согласие на арест главы «Громады». Собственно, против высказались только сами «громадовцы» да еще социалисты. Их лидер А. Мороз тогда достаточно категорически высказал точку зрения свих единомышленников: в данном случае парламент просто хотят втянуть в свои разборки два преступных клана — правительственный и оппозиционный.

Поскольку глава оппозиции фактически превратился в персону нон грата, «Громада» свое существование прекратила. Ее

члены спешно организовали новую партию «Батьювщина» и одноименную фракцию. Лазаренко, таким образом, остался не у дел и превратился в независимого депутата. М. Потебенько тем временем подогрел страсти, сообщив, что экс-премьер незаконно открыл валютные счета в ряде европейских стран. Общая сумма вкладов на них, по тогдашней оценке, составляла 4,5 миллиона швейцарских франков и два миллиона долларов. В те же два миллиона «зеленых» оценивался и ущерб, нанесенный государству Лазаренко в 1993–1997 годах. Следует сказать, что впоследствии, после раскрытия ряда афер, эти и без того немалые суммы значительно возросли.

20 февраля 1999 года Павел Иванович, якобы поправляющий свое здоровье в Греции, объявился в аэропорту Нью-Йорка. Правда, туристическая виза в его дипломатическом паспорте была просрочена. Экс-премьер сообщил, что желает воссоединиться со своей семьей (женой, сыном и двумя дочерьми) и попросил политического убежища, мотивируя это тем, что на родине его ждет несправедливое обвинение и прямая угроза жизни.

Но американская Фемида помочь беглецу не спешила. Вместо ожидаемого комфортного путешествия к супруге и детям Лазаренко. упекли в ближайший полицейский участок. До выяснения обстоятельств. Спустя непродолжительное время Америка «порадовала» украинского политика, выдвинув против него новые обвинения в отмывании денег, коррупции и мошенничестве на общую сумму 300 миллионов долларов. Часть данной суммы — 100 миллионов — была украдена из бюджета Украины и незаконным путем переведена на счета американских банков.

В общей сложности на экс-премьера свалились обвинения по 53 статьям уголовного кодекса. Так что в случае признания вины Лазаренко «светило» заключение — пожизненное (а как еще можно назвать суммарный срок в 458 лет?!) или 20-летнее. К тому же обвинительный приговор лишил бы одного из богатейших украинских политиков всего имущества — как движимого, так и недвижимого. А значит, в числе прочего Павлу Ивановичу пришлось бы расстаться и с фешенебельным домом вблизи Сан-Франциско, куда он, собственно, и стремился. К слову, эта вилла (5 бассейнов, 41 комната, 2 вертолетные площадки) ранее принадлежала Эдди Мерфи; расположена она в районе, сумма годового дохода обитателей которого выражается шести-семизначными цифрами. Лазаренко приобрел владение знаменитости за 6,75 миллиона долларов. Интересно, что в то же самое время семейство Клинтон ограничилось покупкой дома за

1,7 миллиона.

Летом 2001 года начался процесс над украинским экс-премьером; в сентябре Генпрокурор Украины добавил к «коллекции» обвинений, висевших на Лазаренко, еще и причастность к организации заказных убийств (в том числе Гетьмана и Щербаня). А в 2002 м Павла Ивановича признали виновным в отмывании денег в Швейцарии. Женевский суд заочно приговорил политика к 18 месяцам заключения и штрафу в 6 миллионов долларов. А 6,5 миллиона швейцарское правительство вернуло Украине.

Поскольку в ожидании процесса украинский экс-премьер провел за решеткой в американской тюрьме более четырех лет, в июне 2003 года его освободили под залог в 65 миллионов долларов и препроводили под домашний арест. Лазаренко должен был жить на съемной вилле; к тому же, «свобода» его оказалась максимально ограниченной: подследственный не имел права пересекать границы виллы, а общаться ему позволили только с пятью самыми близкими людьми. Экс-премьер находился под охраной сотрудников частного детективного агентства, название которого держалось в тайне. Известно только, что и аренду усадьбы, и охрану Павел Иванович оплачивал из своего кармана. В помещении виллы были установлены видеокамеры, и за политиком наблюдали сразу четыре смены операторов, контролировавших его поведение даже в туалете и душе. Кроме того, Лазаренко носил на щиколотке специальный браслет с датчиком, показания которого позволяют точно установить место, в котором находится подследственный.

26 мая 2004 года в СанФранциско начались очередные «заключительные» прения сторон. Федеральный прокурор Марта Борщ более двух часов доказывала: Лазаренко повинен в вымогательстве, использовании служебного положения для личного обогащения, мошенничестве, отмывании в США «грязных» денег. Тогда же были продемонстрированы схемы отмывания нелегально полученных средств через швейцарские, американские банки, Евробанк Антигуа, через агрофирму «Научная». В ход пошли также поданные Петром Ивановичем в 1992–1997 годах декларации о доходах, в которых указывались суммы не больше 10 000 гривен в год, в то время как на швейцарских счетах политика лежало уже несколько миллионов долларов. Адвокаты парировали ехидно: мол, каким образом вымогатель мог стать премьером и членом парламента? Далее один из представителей защиты, Доран Вайнберг, патетически сказал: «Это был переходный период, время, когда все постоянно менялось. Нельзя сравнивать тот период в Украине с нашими

современными экономическими реалиями». Вряд ли суд мог согласиться с этим. Разве в связи с историческим контекстом воровство перестает быть воровством?! Тем не менее адвокаты убеждают членов суда в том, что Лазаренко разбогател, не нарушая действовавшего на тот момент законодательства своей страны.

7 мая 2004 года число обвинений, выдвинутых против украинского политика, сильно уменьшилось. Из 53 пунктов судья Мартин Дженкинс отверг 24 — за недостаточностью представленной Генпрокуратурой Соединенных Штатов доказательной базы. И хотя обвинение продолжало требовать минимум 10 лет тюрьмы, срок, который угрожал Лазаренко теперь, сократился до 5 лет.

После нескольких заседаний слушание дела в суде присяжных Северного округа Калифорнии в очередной раз приостановили, поскольку защита взяла ходатайство о проведении повторного процесса. Новый виток препирательств прокурора и адвокатов начался 13 января 2005 года. К маю число пунктов обвинительного заключения стараниями судьи и защиты снова уменьшилось — с 29 до 14. Тогда же сумма, «отмытая» в 1994–1999 годах через калифорнийские банки, в результате решения судьи уменьшилась со 144 до 10 миллионов долларов. Следствие планировало поставить точку в этом деле 23 июня. СМИ нескольких стран надеялись, что присяжные, наконец, удалятся на совещание и вынесут свой вердикт. Защита же пребывала в уверенности, что экс-премьера ждет полное оправдание, тем не менее, апелляцию на всякий случай готовила. Но не тут-то было! 22 июня вместо вынесения приговора суд. снова отложили, причем на неопределенное время. Допрос свидетелей, проведенный украинскими и американскими юристами, показал, что откровения экс-премьера затрагивают интересы слишком большого числа высокопоставленных лиц и могут повредить многим. И не только в Украине. Эти обстоятельства не могли не тормозить следствия. В результате скандальный процесс по делу украинского политика, откладывавшийся уже девять раз, грозил по своей продолжительности переплюнуть даже знаменитую «мыльную оперу» «Санта-Барбара», до окончания которой не дожила половина ее преданных зрителей.

И все же «лазаренковский сериал», похоже, близится к завершению. В августе 2006 года американский суд закончил разбирательство и приговорил бывшего украинского премьера к 9 годам тюрьмы и штрафу в размере 10 млн долларов. А 29 сентября 2006 года этим же судом было вынесено постановление

о взыскании с П. Лазаренко 22 851 000 долларов в качестве компенсации за расходы американской стороны, связанные с шестилетним расследованием и подготовкой дела к судебным слушаниям.

Адвокаты бывшего премьера подали аппеляцию на приговор, так что в деле П. Лазаренко еще возможны какие-то повороты. Но каким бы затяжным и запутанным оно ни выглядело, нельзя не обратить внимания прежде всего на две странности: за шесть лет Украина лишь однажды вмешалась в ход следствия, а деньги, в отмывании которых был обвинен П. Лазаренко, так и не вернутся его стране.

Возмездие за злодеяния

Елизавета (Эржбета) Батори: дьявол в юбке

Женщина, которая ради призрачной возможности продлить свою молодость пошла на тяжкие и многочисленные преступления, став самым страшным серийным маньяком в истории. Даже по прошествии нескольких веков мировой рекорд собственноручных убийств Волчицы (ее называли также Кровавой графиней) не был побит.

Эржбета Батори

Трансильвания — «страна за лесами». Великолепный край с редкой по красоте природой, он, тем не менее, вызывает у людей ощущение жутковатого озноба. Стараниями многих литераторов и сценаристов фильмов ужасов Трансильвания ассоциируется с кровавыми кошмарами, вампирами, оборотнями, ведьмами и демонами. Надо сказать, что столь мрачная репутация «страны за лесами» — не случайна. Именно в этих краях «резвился» небезызвестный прототип графа Дракулы, валашский князь Влад Цепеш по прозвищу Колосажатель. Но среди обитателей Трансильвании и без графа-вампира хватало всякой нечисти. Порой в сказочно прекрасном краю появлялись такие существа, по сравнению с которыми тот же Дракула выглядит невинной овечкой. Об одном из них (кстати, связанным кровным родством с

Цепешем) и пойдет речь в данной статье.

Елизавета (Эржбета) Батори родилась 7 августа 1560 года в одном из самых знатных, богатых и влиятельных протестантских кланов страны, который дал Европе немало героических воителей, уважаемых святых отцов и могущественных властителей. Двоюродный брат Эржбеты, Стефан Баторий, был правителем Трансильвании, а затем — королем Польши. Но кроме великих личностей этот клан, члены которого грешили кровосмесительством (родители Эржбеты также приходились друг другу кузенами), дал миру немало сумасшедших и психопатов всех мастей. Кроме кровавого князя Цепеша в роду Эржбеты хватало сатанистов, колдунов, лесбиянок, гомосексуалистов, садистов, алкоголиков, буйнопомешанных. Эпилепсия и психопатия стали наследственными заболеваниями Баториев. Не миновала их и очаровательная девчушка, выгодно отличавшаяся от других дочерей благородных семейств образованностью и умом. Ее рано научили читать и писать, что для того времени являлось редкостью. Однако с раннего детства у Эльжбеты отмечались приступы злобы, когда она могла начать избивать служанку или сечь плетью горничных. Порой жертвам высокородной истязательницы лишь чудом удавалось спастись от злобного монстра, в которого за считанные мгновения превращался этот ребенок. Вид крови приводил девочку в восторженное исступление, но родители не видели в этом ничего угрожающего: в те времена крестьяне и замковая прислуга находились у своих господ на положении безмолвных рабов. Правда, поначалу Эржбете не позволяли «заходить слишком далеко» в своих садистских выходках. А кормилица, обожавшая кроху, продолжала пичкать ее историями о вампирах, ведьмах и прочей нежити.

В десятилетнем возрасте девочка лишилась отца, и ее мать, которой было необходимо пристроить трех дочерей, быстро договорилась о браке Эржбеты с графом Ференцем Надашди, действительно великим полководцем, который вошел в историю своей страны как «черный герой Венгрии». Вскоре после этого будущую невесту отправили из отчего дома — она должна была воспитываться под крылышком своей свекрови. Собственно обручение Эржбеты и Ференца состоялось только спустя год с лишним, поскольку молодой человек не горел желанием связывать себя обязательствами. Лишь исполняя свой долг перед родом, он все же поддался на уговоры матери. Орсоля Надашди была на редкость образованной для своей эпохи женщиной и считала, что счастье можно обрести только в гармоничном браке. Она постепенно, день за днем, пыталась вырастить для своего

обожаемого сына достойную супругу. К 15 годам Эржбета свободно владела тремя иностранными языками, со скрипом и без особого воодушевления освоила азы ведения хозяйства и. научилась тихо ненавидеть свою бдительную и строгую воспитательницу. Ференц же, редко бывавший дома, побаивался своей юной невесты, от которой веяло непонятной темной силой.

В 13 лет Эржбета с удовольствием и глубоким интересом наблюдала, как ее двоюродный брат Стефан карает предводителей крестьянского мятежа в Трансильвании. У тех, кого правитель «миловал», он велел прилюдно отрезать носы и уши и только после этого отпускать на волю.

Девочка часто писала матери и жаловалась на строгость нрава Орсоли, на скуку, на опостылевшую учебу. Она хотела блистать на балах, а не учиться отбеливать рубахи и вести замковую бухгалтерию. Родительница неизменно советовала Эржбете потерпеть до замужества; тогда, мол, ее жизнь коренным образом изменится. Однажды молодая невеста все же уговорила будущую свекровь отпустить ее проведать родных. По дороге необузданный характер Батори проявился во всей красе: девушка умудрилась забеременеть от случайного любовника и по приезде домой «обрадовать» этой новостью мать. Та, будучи женщиной умной, поняла, что выгодный брак дочери в случае огласки так и останется недосягаемой перспективой, и принялась действовать. Эржбету отправили с глаз долой в отдаленный замок, а Надашди тем временем рассказали сказку об эпидемии заразного заболевания, случившегося в тех местах. Якобы невеста графа стала одной из жертв жестокого недуга, едва не отдала концы, а затем очень долго выздоравливала. Это длилось до тех пор, пока Эржбета не произвела на свет дочь, которую окрестили таким же именем. Кроху отдали на руки кормилице; женщине щедро заплатили за то, чтобы она воспитывала девочку как свою собственную дочь. Батори поставила лже-матери условие: тайну рождения девочки она должна унести с собой в могилу. А щедро вознагражденная акушерка была отправлена в Румынию; в Венгрии ей запретили появляться до конца жизни.

Наконец, 8 мая 1575 года Эржбета, которой не исполнилось и 15 лет, и 26-летний Ференц пошли под венец. Венгерский король Матьяш II передал высокородным новобрачным личное благословение и свадебный подарок. Интересно, что, вопреки существовавшему обычаю, Эржбета после замужества фамилию не сменила. Зато ее супруг решил стать Надашти-Баторием.

Молодожены поселились в замке Сейте в Нитре (на северо-западе Венгрии), временами выезжали в Вену, где о красоте юной графини слагали легенды. Однако вокруг красавицы, как ни

странно, образовался своеобразный вакуум, поскольку большинство придворных, восхищаясь ею, инстинктивно сторонились этой бледной как вампир девушки с горящими мрачным огнем огромными темными глазами. Чаще же всего Эржбете приходилось сидеть в своем замке в компании свекрови и служанок, поскольку Ференц в основном пропадал в военных походах. Графиня срывала свое раздражение на горничных, проявляя при этом садистские наклонности. Однажды она, сходя с ума от скуки, решила сбежать с каким-то проходимцем. Отсутствовала Эржбета довольно долго, а затем вновь объявилась в Сейте. Граф, который любил свою прекрасную и непредсказуемую жену, простил ей эту выходку. Он, кстати, нимало не смущался тем, что Эржбета истязала прислугу. На смену банальным щипкам, оплеухам и ударам дубинкой пришли более изощренные садистские приемы: гвозди под ногти, иглы в губы, в руки и груди. Любимым развлечением молодой женщины также было хлестать служанок до крови плетью, руками рвать им рты и щеки, зубами (!) вырывать у жертв своей ярости куски мяса… В жутких процедурах графине помогали ее старая нянька Илона Жу, дворецкий Йоханнес Ужвари, слуга Торко, ведьма Доротя Сентес и лесная ведьма Дарвула. Нянька, кстати, помогла графине замучить даже собственную сестру: молодую женщину за какую-то пустячную провинность раздели догола, обмазали медом и привязали к дереву у муравейника. Насекомые съели несчастную живьем. А Ференц находил выходки жены «забавными», радовался, что может не заниматься хозяйством во время редких приездов в замок и совершенно не обращал внимания на то, как графиня обращается со слугами. «Черный герой» заявлял: его обожаемая женушка может делать все, что считает необходимым. Лишь бы избавляла его от разговоров на хозяйственные темы. А графиня уже давно привыкла изливать все жуткие откровения на страницы дневника. Там был зафиксирован каждый шаг кровавого пути Волчицы длиною в 35 лет.

Словацкие крестьяне считали свою хозяйку антихристом, однако молча терпели все ее выходки, трясясь от страха и рыдая за закрытыми дверями. Ведь такие «развлечения» знати формально не противоречили закону. Будучи бесправными рабами, крестьяне привыкли, что их бьют, пытают и убивают за малейшую провинность. Однако, заметив, что Эржбета становится менее кровожадной, когда в доме присутствуют гости, прислуга всеми силами старалась продлить блаженное затишье, потихоньку ломая кареты приезжих или выпуская в поле их лошадей.

За свою жизнь Эржбета поменяла не один десяток

любовников. Но особого удовлетворения эти связи ей не приносили. Тогда графиня завела себе любовниц по примеру собственной тетки Карлы, описания авантюр которой хватило на три тома, хранящихся в Венской библиотеке. В число пассий Эржбеты вошла и сама Карла. Граф Надашди был прекрасно осведомлен о «шалостях» супруги, но смотрел на ее развлечения с дамами сквозь пальцы.

В течение 10 лет у этой колоритной пары детей не было. То ли со здоровьем у супругов не ладилось, то ли графиня попросту не хотела обременять себя лишними хлопотами. Затем Эржбета с небольшими перерывами родила трех дочерей и сына.

Но материнство не смягчило жестокого нрава Волчицы. Она пристрастилась к магии, проводила время с колдунами, изготовляя талисманы на все случаи жизни. Стены ее комнаты были испещрены заклинаниями, написанными куриной кровью. На ее резном столе были беспорядочно разбросаны перья и кости, ящики наполнены многочисленными магическими травами. Неудивительно, что Ференц по-прежнему боялся жены.

В 1600 году графиня овдовела. Теперь она действовала, согласуясь исключительно с собственным больным воображением. Пыточные камеры, оборудованные во всех резиденциях Волчицы, начали действовать бесперебойно. Ведь Эржбета маниакально боялась старости, и одна из ведьм поделилась с ней «верным рецептиком» вечной молодости: для сохранения красоты нужно было принимать ванны из теплой крови девственниц. Этот же «эликсир» следовало принимать внутрь.

Согласно другой версии, сама графиня однажды решила, что кровь молоденьких девушек действует на нее особым образом. Обнаружив, что прическа, которую горничная сооружала битый час, явно не удалась, Эржбета накинулась на неумеху и избила ее до крови. Капли, брызнувшие на руку, садистка смахнула платком. Вдруг женщине показалось, что ее кожа в этом месте начала словно светиться, и участь прислуги была решена. По приказу госпожи нянька, дворецкий и одна из служанок зарезали девушку и собрали ее кровь, в которой графиня тут же искупалась.

После этого случая сообщники Волчицы начали рыскать по округе, за пару монет покупая у крестьян симпатичных высоких девушек — якобы для работы в замке. Никто из них домой уже не возвращался. Эржбета придумывала все новые и новые издевательства над беззащитными жертвами. Помимо принудительного «донорства», девушек рвали щипцами, кромсали их пальцы ножницами, прижигали утюгами,

превращали в ледяные статуи, выгнав на мороз голышом и поливая водой. В Вене, в доме, некогда принадлежавшем рыцарям-тамплиерам, под потолком бани, переоборудованной под пыточную, висела клетка. Она собиралась из острых железных полос с шипами и была слишком низкой, чтобы позволить человеку стоять, но слишком узкой, чтобы дать возможность сесть. В такую клетку загоняли обнаженную девушку, и сама графиня либо ее очередная любовница прижигала тело жертвы раскаленной кочергой. И при любом движении несчастной или при раскачивании клетки (этим занимался слуга-карлик Фичко) в жертву впивались острые стальные шипы. Постепенно девушка истекала кровью, которая лилась вниз, на сидевшую под ней графиню.

Вопли истязуемых порой доносились до ушей монахов из обители, расположенной неподалеку от этого логова дьявола. К тому же святые отцы отнюдь не были слепыми и прекрасно видели красноватые лужи воды, которую слуги выплескивали за порог, отмывая баню. Но близость Баториев к дому Габсбургов заставляла молчать всех.

В 1606 году Эржбета похоронила свою любовницу, тоже страдавшую эпилепсией и прозванную «диким зверем в юбке». Новая пассия садистки, вдова крестьянина, уговорила графиню использовать для истязаний дочерей мелкопоместных дворян. Девушек начали привозить к Батори якобы для обучения хорошим манерам. Собственно, этот шаг и стал началом конца Волчицы. Трупов в результате кровавых оргий становилось все больше и больше, и пятидесятилетней Эржбете уже было не под силу устраивать своим жертвам похороны по христианскому обычаю. Их закапывали без отпевания, и об этих тайных похоронах подчас становилось известно. Изуродованные трупы местные жители находили в оврагах около замков Батори, вылавливали из речек. Духовенство начало подозревать неладное, но молчало, напуганное богатством и могуществом садистки. Но это длилось недолго. В конце концов преподобный Майорош, духовник почившего супруга Эржбеты, заклеймил ее с кафедры как изувера и убийцу. Графине удалось угрозами заставить его умолкнуть. Но вслед за этим двое коллег Майороша обрушили на графиню поток обличений и отказались отпевать жертв Батори. В неизвестную эпидемию, регулярно забиравшую жизни служанок графини, никто не верил.

Не имея возможности избавляться от трупов привычным образом, Эржбета начала собственноручно расчленять их, а прикапывали их в поле. Местные жители, неоднократно наталкивавшиеся на людские останки, некоторое время искренне

верили, что в их округе «резвится» оборотень. Но несколько истерзанных девушек, чудом сбежавших от садистки, поставили точку в россказнях о нечистой силе.

Зимой 1609 года Батори пригласила в свой замок Кахтице сразу 25 дочерей мелких дворян. После смерти нескольких гостий в камере пыток графиня уже не смогла отвертеться от объяснений. Она наспех выдумала сказку о том, что одна из учениц вдруг потеряла рассудок и, убив в беспамятстве нескольких подружек, покончила с собой. Эта история звучала совершенно неправдоподобно. Но высший свет снова поверил графине на слово.

Кровавые оргии возобновились. Порой в комнате Эржбеты пол оказывался настолько пропитан кровью, что его приходилось засыпать углем… К тому же «увлечение» графини оказалось делом дорогим, и ее казна начала истощаться. В 1607 году садистке пришлось продать свой замок Девено, ав 1610 м заложить и Бецков за 2000 золотых монет. Родственники Эржбеты были напуганы мотовством графини и слухами о возможном обвинении ее в колдовстве. Ведь в этом случае все ее земли и достояние оказались бы изъятыми в пользу церкви. Так что Батори поспешили связаться с графом Тужо, пфальцграфом Трансильвании, и попросили его содействия в расследовании преступлений безумной садистки. Эрцгерцог Маттиас, брат императора Священной Римской империи Рудольфа II, в марте 1610 года приказал начать следствие. Граф Тужо сам допросил Эржбету после того, как в подземном ходе ее замка были обнаружены девять трупов. Преступница попыталась доказать, что израненные и искалеченные тела принадлежат очередным жертвам неведомой хвори, а погребли их в подземелье, дабы не допустить распространения заразы. Граф, естественно, садистке не поверил и посоветовал семье Батори тихо упрятать безумную родственницу в монастырь. Однако венгерский парламент, тоже начавший следствие, успел предъявить Эржбете обвинение в убийствах и открыть в Братиславе специальные парламентские слушания по этому делу. В ночь на 29 декабря 1610 года граф Тужо сам провел в замке Кахтице обыск и обнаружил обезображенное тело горничной по имени Дорица. В покоях графини лежали еще два трупа. Несмотря на проходившее расследование, графиня не могла остановиться.

Первое из двух судебных заседаний по делу кровавой графини открылось в Битце 2 января 1611 года. 17 свидетелей рассказали о зверствах Эржбеты в Кахтице и в других замках. Подручные садистки признались в соучастии в убийствах — кто в 36, кто в 50. Второе заседание состоялось 7 января. Были

выслушаны 13 свидетелей. Саму графиню на заседание суда не вызвали, поскольку Тужо не хотел бросать тень «позорных деяний этой бестии на род Батори, прославивший свое имя на поле брани». В ходе слушаний выяснилось, что у Елизаветы была еще одна соучастница, хотя ее имя так и осталось неизвестным, поскольку она посещала кровавые оргии в мужском платье и неизменно называла себя Стефаном. Убийства, совершенные при ее участии, отличались особой жестокостью. Историки предполагают, что Стефаном была тетушка графини Карла. Но ни одного свидетеля, способного это подтвердить, не нашлось, и она избежала наказания. 7 января 1611 года суд вынес приговор. Дорка и Гелена Йо, подручные садистки, должны были умереть в муках. Судьи постановили оторвать им пальцы раскаленными щипцами, а затем сжечь преступниц заживо.

Карлика Фичко тоже приговорили к костру, но перед сожжением великодушно обезглавили. Карла осталась в живых потому, что суд не нашел весомых доказательств ее участия в убийствах. Главной виновнице злодеяний должны были отрубить голову. Но. отправить на плаху представительницу одного из самых влиятельных родов Венгрии было не так-то просто. По сути, никакого официального приговора Волчице вынесено так и не было. Однако оставить ее безнаказанной тоже не представлялось возможным: в дневниках Эржбеты Батори имелись свидетельства о 650 совершенных ею собственноручно убийствах. И граф Тужо нашел выход из щекотливого положения, в котором оказались устроители процесса. Кровавую графиню ждала особенно изощренная казнь. Обратившись к графине, граф назвал ее диким зверем, недостойным дышать воздухом и видеть свет Божий. Именно поэтому садистке было оставлено, как считали судьи, несколько месяцев жизни в мучениях. Графиню Батори замуровали в ее покоях в замке Кахтице, оставив в стене лишь узкую щель для передачи пищи. Медленное умирание приговоренной растянулось на три с половиной года.

31 июля 1614 года Волчице разрешили составить завещание и высказать свою последнюю волю. Спустя три недели, 21 августа (по другой версии — 14 августа) 1614 года тюремщик, заглянувший в узкую щель, чтобы «полюбоваться чудовищем», увидел труп Батори, лежащий на полу.

…С той поры минуло уже почти 400 лет, однако призрак кровавой графини продолжает нагонять страх на местных жителей. Говорят, что и по сей день из развалин проклятого замка Кахтице по ночам раздаются протяжные стоны, которые отзываются жутким эхом по всей округе. Жители села верят, что это подает голос призрак Волчицы, так и не нашедшей покоя.

Дело Жана Каласа

Процесс Жана Каласа, уже после его казни пересмотренный в Париже, был первым в истории случаем официального признания государством юридической ошибки, совершенной при проведении политического процесса. Жанна Каласа осудили, выполняя волю католической церкви, — как убийцу собственного сына, решившего перейти в католичество. Но смертный приговор никогда бы не был вынесен, если бы не огромное количество загадочных обстоятельств, которые не выяснены до сих пор…

Эта история началась 13 октября 1761 года на улице Филатье в Тулузе, в доме, где размещался магазин Жана Каласа и где он проживал со своей семьей. Жан Калас, 64-летний тулузский купец, был протестантом. Как правило, религиозные убеждения подозреваемого в убийстве играют второстепенную — если не третьестепенную — роль в уголовном процессе. Но на сей раз все было иначе. Именно то, что Жан Каласс был протестантом, решило исход дела не в его пользу.

В материалах уголовного дела отражены многие события того унылого осеннего вечера, когда сын Жана Каласа, Марк-Антуан, закончил свое земное существование. За ужином ничто не предвещало несчастья. В гостиной на первом этаже собралось почти все семейство Калас: сами супруги, два их сына — Марк-Антуан и Пьер, а также старая служанка Жаннета и молодой человек по фамилии Лавес. Он ухаживал за одной из дочерей Каласа. Девушек в тот вечер не было дома, но Лавес, раз уж пришел, решил присоединиться к семейной трапезе. За ужином хозяева и гости вели непринужденную беседу о памятниках древности, которыми славилась тулузская земля. Затем все встали из-за стола, и Марк-Антуан решил незаметно уйти. Жаннета подумала, что он собирается вернуться в кафе «Четыре бильярда», где часто проводил время, — на семейный ужин он пришел как раз оттуда. Они перебросились парой ничего не значащих фраз, и Марк-Антуан скрылся за дверью, ведущей в помещение магазина. Из магазина можно было попасть на улицу, но, возможно, у молодого человека были другие планы… Это так и осталось неизвестным.

Когда хозяева провожали Лавеса, они увидели, что дверь в торговый зал открыта. Пьер Калас и Лавес зашли в магазин и обнаружили труп Марка-Антуана. Туда же вошла и Жаннета. Все были потрясены. Трудно было поверить, что Марк-Антуан мертв. У дома собралась толпа зевак. А через полтора часа прибыл синдик тулузского парламента Давид де Бодриг, в обязанность

которого входило проведение следствия по особо важным делам. Историки по-разному относятся к объективности этого человека. Но в тулузских архивах упоминается, что он был взяточником и казнокрадом, покровителем тайных притонов и игорных домов. Он считал возможным бросить бывшего любовника одной из своих фавориток в тюрьму по ложному обвинению. Или снабжать знакомых винами, конфискованными у контрабандистов.

Первое, что он сделал, — арестовал Каласов и их служанку по подозрению в убийстве, а затем отправил тело на врачебную экспертизу. Экспертиза установила, что Марк-Антуан был повешен. На его теле не было никаких кровоподтеков, а при вскрытии в желудке обнаружили не вполне переваренную пищу. Смерть молодого человека могла наступить в очень короткий промежуток времени: между окончанием ужина и половиной десятого вечера, когда его брат Пьер и Лавес вошли в магазин. Таким образом, убийство (или самоубийство) должно было произойти не ранее девяти вечера и не позднее четверти десятого. Дело в том, что, согласно показаниям свидетелей, к девяти тридцати тело уже остыло. А если бы убийство было совершено до девяти часов, то пища просто не успела бы перевариться.

Осмотр места происшествия ничуть не прояснил картину трагедии. В помещении, где был обнаружен труп, не было никаких следов схватки. Парик Марка-Антуана — непременная принадлежность мужского туалета того времени — был в образцовом порядке. Камзол и жилет были аккуратно разложены на прилавке. Единственной странностью в одежде покойного был широкий галстук — явно для того, чтобы замаскировать следы от веревки.

Поначалу Каласы, а также Лавес утверждали, что нашли тело на полу. Но после того, как связались с адвокатами и получили от них инструкции, они изменили показания. Теперь они в один голос твердили, что Марк-Антуан висел в петле. По их словам, они не сообщили об этом, поскольку не хотели, чтобы Марк-Антуан был похоронен как самоубийца. Однако эта версия породила лишь новые вопросы. Прежде всего, в помещении магазина повеситься было не на чем. Там не было ни гвоздей, ни крюков, за которые можно было закрепить веревку. Калас заявил, что его сын взял круглый деревянный брусок, на который наматывали ткань, и положил эту палку с прилаженной на ней петлей на две створки двери. Обнаружив труп сына, Калас обрезал веревку, и тело упало к нему на руки. Потом отец попытался скрыть следы самоубийства: надел на Марка-Антуана галстук, забросил веревку за прилавок, а деревянный брусок

положил на обычное место.

Через день власти решили провести следственный эксперимент. Каласов доставили домой для проверки новой версии. Веревка с двумя затяжными петлями и брусок отыскались сразу же. Но веревка не была разрезана. Кроме того, как ни пытались положить деревянный брусок на створки двери, он с них скатывался. Не обнаружилось рядом ни стула, ни скамейки, встав на которые, Марк-Антуан мог просунуть голову в петлю. Свечей в магазине также не было, так что самоубийца должен был действовать в кромешной темноте. В качестве эксперта был приглашен городской палач. Осмотрев место происшествия, он авторитетно доказал, что при таких условиях самоубийство невозможно. Ведь даже если предположить, что Марк-Антуан каким-то образом сумел забросить брус на створки двери, предварительно надев петлю на шею, во время конвульсий он неминуемо упал бы на пол вместе с брусом. Кстати, современный французский историк провел собственный эксперимент, наняв для этого учителя гимнастики. Тот должен был повторить все действия Марка-Антуана, за исключением последнего рокового движения. Опыт закончился плачевно: учитель гимнастики, тренированный человек, в результате этих манипуляций получил растяжение связок и перелом костей.

Несколько свидетелей сообщили, что этим вечером видели какого-то незнакомца в голубом костюме, ходившего возле дома Каласа. Сразу после совершения преступления незнакомец исчез. Кем был этот незнакомец, кравшийся к дому? Одним из обманутых мужей (Марк-Антуан, как и многие молодые люди того времени, не упускал возможности развлечься)? Или грабителем, решившим поживиться в магазине? Тот вполне мог, столкнувшись с Мар ком-Антуаном, задушить его, а потом инсценировать самоубийство. А Жан Калас, не желая, чтобы его сын был похоронен, как собака, попытаться скрыть следы мнимого самоубийства. Однако судьи не обратили на показания свидетелей никакого внимания. Версия о том, что Марка-Антуана убил посторонний, ими даже не рассматривалась. Все усилия следствия были направлены на доказательство вины Жана Каласа — и не случайно. Дело в том, что делом Каласа сразу же заинтересовалась церковь. Протестанты были сильно ограничены в правах. В частности, они должны были нанимать слуг только католического вероисповедания, им запрещалось занимать целый ряд должностей. Они не могли быть юристами, врачами, аптекарями, повивальными бабками, продавцами книг, ювелирами или бакалейщиками. Их браки считались незаконными, а дети — незаконнорожденными. Протестантская

служба была запрещена. Мужчины за участие в протестантском богослужении могли отправиться на каторгу, женщины — в тюрьму, а священников казнили. Жан Калас принадлежал к числу гугенотов-кальвинистов — немногих выживших после травли, организованной католической церковью. Его служанка Жаннета, как и положено по закону, была католичкой. Он был дружен со многими семьями католиков. Однако церковь решила использовать нежданно подвернувшуюся возможность себе на пользу и обвинила Жана Каласа в сыноубийстве. Основанием для этого стало одно обстоятельство: Мар к-Антуан готовился стать адвокатом, однако в юридической практике ему отказали — протестантам не находилось места среди юристов. Церковь использовала этот момент, предположив, что Марк-Антуан готов был перейти в лоно католичества, чтобы стать адвокатом, а его отец, нераскаявшийся грешник и еретик, предпочел убить его собственными руками. Некоторые историки полагают, что часть этого заявления была правдой. Вот только Марк-Антуан не был убит, а покончил с собой.

Как бы то ни было, следствие не брезговало никакими методами для получения нужного результата. Вызывались лжесвидетели, слова Жана Каласа искажались. В итоге Тулузский парламент 8 голосами против 5 осудил его на смертную казнь через колесование. Его подвергли пыткам: растягивали, пока конечности не вышли из суставов, затем в него влили семь литров воды, но он по-прежнему отрицал свою вину. В него влили еще семь литров, тело несчастного разбухло в два раза, но и тогда он не признался в убийстве сына. Потом ему разрешили выблевать эту воду и поволокли — ходить он уже не мог! — на центральную площадь перед собором, положили на крест, и одиннадцатью ударами железного прута палач переломал ему руки и ноги. Два часа Калас испытывал нечеловеческие мучения. Потом палач задушил его, и изуродованное тело было брошено в костер. Казнь состоялась 10 марта 1762 года.

Имущество Жана Каласа было конфисковано. А его родственники почувствовали на себе всю тяжесть длани католической церкви: дети Каласа были заключены в монастырь (несмотря на то что младшего сына присудили всего лишь к вечному изгнанию из Франции). Его вдова, к счастью, успела бежать в Швейцарию.

Спустя несколько дней весть о страшной расправе над невиновным дошла до Вольтера. Он тут же добился встречи с одной из дочерей Каласа, а затем вступил в переписку с его вдовой. Убедившись в том, что Жан Калас принял мученическую смерть из-за происков католической церкви, Вольтер начал

действовать. Он обратился к самым влиятельным людям Франции, авторитетным писателям и иностранным монархам с просьбой о пересмотре дела Жана Каласа. Вскоре его поддержали королева Англии, русская императрица Екатерина II, король Польши Понятовский и многие другие видные государственные деятели. Кампанию по пересмотру этого дела Вольтер организовал на собственные средства. И создал знаменитый «Трактат о веротерпимости», под влиянием которого в 1787 году король Франции Людовик XVI издал Эдикт о веротерпимости.

Благодаря авторитету Вольтера справедливость восторжествовала. Девятого марта 1765 года, спустя три года после казни Жана Каласа, королевский совет Франции объявил его невиновным. Вдове Каласа и его детям за утрату кормильца и конфискацию имущества была выплачена компенсация в размере тридцати тысяч ливров. Впрочем, радость от этого события омрачали две детали: Жана Каласа уже не было в живых, и никакие деньги не могли заменить детям отца, а матери — мужа. И, главное, хотя Жан Калас и был признан невиновным, его судьи и палачи не понесли никакого наказания.

Запутанное дело с ожерельем Марии Антуанетты

Это преступление стало одной из самых запутанных детективных загадок прошлого, а процесс, заклеймивший похитителей одного из самых роскошных ювелирных украшений мира, так и не дал окончательных ответов.

В конце XVIII века Париж — столица Просвещения — стал местом прибежища шарлатанов всех мастей. В 1785 году туда прибыл знаменитый граф Калиостро, который тут же стал самым модным иностранцем в городе. О том, что творилось в особняке, снятом графом, ходили самые невероятные слухи. Так, утверждалось, будто Калиостро устраивал ужины, приглашая на них не только влиятельных аристократов, но и давно умерших знаменитостей. Приезжий занимался лечением. При этом он не брал денег с людей небогатых, зато, судя по всему, взимал немалую плату за те же услуги с богатых клиентов. Что же касается сеансов провидения будущего, проводимых графом, то они били все рекорды популярности.

Одним из восторженных почитателей ушлого итальянца стал кардинал де Роган — человек легко внушаемый и чрезмерно доверчивый. Собственно, высокопоставленного покровителя Калиостро интересовало одно: тайна эликсира бессмертия. А граф с удовольствием морочил ему голову. Дошло до того, что де Роган начал советоваться с итальянцем по любому поводу. Этот факт впоследствии сделал Калиостро одним из главных подозреваемых в деле о знаменитом бриллиантовом ожерелье, с которого, по утверждению многих историков, и «началась французская революция».

Еще за 13 лет до появления Калиостро в Париже, в 1772 году, Людовик XV заказал придворным ювелирам, Бомеру и Бассанжу, настоящее чудо: ожерелье фантастической ценности, которое должно было состоять из 629 бриллиантов чистейшей воды. Это произведение искусства, считавшееся в то время самым лучшим в мире, стоило 1 600 000 ливров. Предназначалось оно для фаворитки монарха, мадам Дюбарри, и на его изготовление ювелиры потратили более двух лет. Однако к тому моменту случилось непредвиденное: Людовик XV скоропостижно скончался от черной оспы, а новая королевская чета — Людовик XVI и Мария Антуанетта — не горели желанием выкупить ожерелье.

Король поспешил заявить, что на эти же деньги он может

купить несколько военных кораблей. А королева, пораженная великолепием бриллиантового украшения, сочла его все же несколько вульгарным. Тем временем положение придворных ювелиров стало критическим; они едва избежали банкротства, поскольку закупали камни для ожерелья в кредит.

Наконец, уже практически отчаявшись сбыть с рук баснословно дорогое украшение, Бомер и Бассанж облегченно вздохнули. Они получили письмо от кардинала де Рогана, в котором сообщалось: королева все же решила приобрести ожерелье. Правда, в рассрочку, выплачивая деньги равными долями в четыре приема. Поскольку же Мария Антуанетта собиралась пополнить свою коллекцию драгоценностей втайне от мужа, она попросила выступить в роли посредника при сделке де Рогана. Кардинал предоставил ювелирам гарантийное письмо, под которым стоял автограф королевы. Бомер и Бассанж, передав украшение лично кардиналу, успокоились. И, как оказалось, зря.

Когда подошел срок первого платежа, ювелиры решили послать Марии Антуанетте письмо, в котором напомнили о долге. Но королева, видимо, даже не поняла, о чем идет речь. Когда же ей снова намекнули, что пора платить, государыня возмутилась. Оказалось, Бомера и Бассанжа обвели вокруг пальца. Письмо было банальной (и довольно грубой, кстати) подделкой, а фантастическое украшение, полученное с его помощью, словно сквозь землю провалилось.

Мария Антуанетта, лично переговорив с ювелирами, решила потребовать объяснений у самого де Рогана. 15 августа, перед выходом в придворную церковь, король пригласил к себе кардинала и лично допросил его. При тяжелом разговоре присутствовали также королева и два министра. Де Роган очень растерялся и даже не подумал отпираться. Тогда Людовику XVI стали известны имена еще троих людей, так или иначе имеющих отношение к исчезновению украшения, — супругов ла Мотт и графа Калиостро. При этом произошедшее напоминало настоящий детектив.

Так получилось, что королева недолюбливала кардинала — без особых на то причин, кстати. Можно сказать, что эта неприязнь досталась Марии Антуанетте «в наследство» от ее матери, Марии Терезии, которой де Роган не угодил еще в бытность свою послом в Вене. Кардинал был бы весьма не прочь изменить существующее положение вещей; он, похоже, был немного влюблен в королеву и очень хотел попасть в круг ее приближенных, тем самым поправив свою давшую трещину политическую карьеру. Тутто герцогу и подвернулась под руку некая госпожа ла Мотт.

Эта примечательная особа познакомилась с де Роганом приблизительно в то же время, когда доверчивый аристократ стал покровителем Калиостро. Собственно, и в высшее парижское общество женщина была введена стараниями новых знакомых. Следует сказать, что ла Мотт утверждала, что происходит по прямой линии от французского короля Генриха II (от внебрачной связи этого любвеобильного монарха); девичья фамилия ее была де Люз де Сен-Реми де Валуа. Но к тому моменту родня ла Мотт настолько обнищала, что к шести годам этой правнучке Франциска I приходилось. просить милостыню! В итоге, девочку пожалела богатая маркиза Буленвилье, которая взяла на себя расходы по обучению ребенка. Фактически ла Мотт выросла в доме своей покровительницы. В начале 80-х годов девушка познакомилась с неким де ла Моттом. Тот уверял, будто является графом знатнейшего рода, но его родословная «пропала в Бастилии». В данном случае судьба не ошиблась, позаботившись, чтобы эти два человека, имеющие склонность к шарлатанству, оказались связанными узами брака.

Трудно сказать, как госпоже ла Мотт удалось убедить окружающих в том, что она лично знакома с королевой и пользуется ее особой милостью. Но даже кардинал нимало не сомневался: эта женщина пользуется при дворе Марии Антуанетты большим влиянием.

В то время центром Парижа являлся сад и галерея дворца ПалеРояль. В конце весны 1784 года ла Мотт во время прогулки по саду познакомился с девицей легкого поведения, которая именовала себя модисткой, некой Николь Леге. Она обладала совершенно фантастическим сходством с королевой, и авантюрно настроенные супруги решили выдать Леге за Марию Антуанетту — трюк был рассчитан на де Рогана.

Итак, ему объявили: хлопоты госпожи ла Мотт увенчались успехом, и королева решила назначить ему тайное свидание в версальском парке. В ночь на 11 августа герцог пробрался в «боскет Венеры». Несмотря на то что это место находилось прямо у лестницы, рядом с дворцом, там было очень темно. Спустя несколько минут де Роган увидел «королеву» в белом платье из индийского муслина (подобные вещи очень любила Мария Антуанетта). Ла Мотты уговорили модистку оказать им эту услугу, даже не объяснив толком, в чем дело. За короткое присутствие в боскете Леге пообещали заплатить 15 000 ливров (при этом уплатили всего 4 000). Авантюристы привезли девушку в наемной коляске, предварительно подпоив.

Де Роган, увидев «королеву», поклонился до земли и поцеловал ее юбку. Леге что-то пробормотала, уронив розу,

которую держала в руке. В следующее мгновение к ней подбежал какой-то «придворный», прошептал: «Сюда идут», — и модистка исчезла с места свидания. А кардиналу на память осталась роза; впоследствии он довольно долго носил этот цветок в драгоценной оправе.

Спустя 10 дней ла Мотт обратилась к Рогану якобы по просьбе королевы: мол, у Марии Антуанетты нет свободных денег, в то время как ей необходимо помочь семье бедного дворянина. Беспокоить супруга из-за 50 000 ливров королеве не хотелось, вот она и решила попросить кардинала о небольшой услуге. Видимо, от монаршей розы герцог совершенно ошалел. Он сам необходимой суммой не располагал и поэтому обратился за займом к богатому члену еврейской общины Серф-Бееру. Вечером того же дня ла Мотт получила на руки 50 000 «для передачи королеве». Ушлая дамочка удачно пристроила деньги, вложив их в покупку нового дома. Но она, похоже, устала от мелких афер; крупный куш могла принести разве что афера грандиозная.

К тому моменту ювелиры, изготовившие знаменитое бриллиантовое ожерелье, объявили: тому, кто поможет продать украшение, они готовы заплатить 20 000 ливров. С этим предложением через третье лицо они обратились также к ла Мотт, «имеющей огромное влияние на королеву». Та не горела желанием брать на себя лишние хлопоты, однако с того момента граф и графиня начали часто встречаться с четой Боемеров. Ювелир предлагал аферистке не только деньги, но и любое украшение из своего магазина на выбор. Женщина отказалась, однако ее муж выбрал себе две вещи «за посредничество» — часы и кольцо. Графиня же бредила собственно ожерельем, решившись на банальную кражу.

Ла Мотт понимала, что ювелир не доверит ей столь дорогую вещь, и потому снова использовала кардинала (к тому моменту он уже давно состоял у авантюристки в любовниках). Де Рогану объявили: королева хочет потихоньку от супруга приобрести украшение, но не имеет возможности выложить сразу 1 600 000 ливров. Она решила купить украшение в рассрочку, выплатив деньги в четыре срока, а поскольку вести переговоры с Боемером Марии Антуанетте неудобно, она просит кардинала заключить такое соглашение с ювелиром.

Герцог все же попросил, чтобы королева письменно одобрила сделку. Тогда ла Мотт подключила к делу еще одного своего любовника, некоего де Виллета, который умел подделывать чужие почерки. Выходило это у него, правда, не слишком хорошо, но кардиналу авантюристка успела основательно запудрить мозги, и тот не особенно присматривался к особенностям почерка

в полученной записке. В общем, Боемер лично передал де Рогану злополучное колье — чтобы никогда больше не увидеть ни самого изделия, ни денег. Накануне герцог получил «добро» на сомнительную операцию от Калиостро. Правда, никто не может сказать, получил ли маг вознаграждение от ла Мотт за свой совет или же он просто издевался над кардиналом.

Де Роган доставил украшение к авантюристке домой, куда под видом посыльного королевы пришел де Виллет. В тот же день супруги и их сообщник поделили добычу, разобрав колье на отдельные камни (почему-то ювелиры никак не могли заставить себя пойти на такую крайнюю меру). Большая часть бриллиантов досталась ла Моттам, и воры начали спешно распродавать драгоценности. Граф отправился в Лондон, где связался с несколькими ювелирами. Оставшуюся часть камней его жена сбыла с рук в Париже. Хотя в результате сделок преступники получили немногим больше 700 000 ливров, по тем временам эта сумма являлась огромным богатством.

Странно, но воры не поспешили скрыться за границу, а начали сорить деньгами. Когда же подошел срок выплаты взноса, ювелир решил напомнить о себе, направив Марии Антуанетте письмо. Та ничего не поняла, почти сразу забыв туманные намеки на «прекраснейшую драгоценность». Затем ла Мотт состряпала еще одну подложную записку с просьбой об отсрочке взноса на три месяца, уплатив, правда, проценты за указанное время. Тут де Роган заподозрил неладное. Он достал образец подписи Марии Антуанетты и едва не поседел от ужаса, обнаружив грубый подлог.

Наконец Боемер решил обратиться к одной из придворных дам королевы, после чего афера раскрылась. Ее величество лично пообщалась с ювелиром, после чего подключила к выяснению обстоятельств дела своего супруга.

В общем, Людовик XVI отдал приказ об аресте кардинала, Калиостро, супругов ла Мотт, де Виллета и модистки Леге. Все указанные лица (кроме находившегося в Лондоне графа) в тот же день начали обживать свои новые «апартаменты» в Бастилии. Так началось самое громкое уголовное дело XVIII столетия, ставшее мировой сенсацией.

Ла Мотт, которую допрашивали пять раз, возводила поклепы на всех уличавших ее свидетелей и строила из себя невинную овечку. Затем, сменив тактику, авантюристка заявила: ожерелье украл кардинал, но виноват в этом Калиостро. «Липовое» же свидание она устроила герцогу только в шутку. Мол, де Роган знал об этом уже на следующий день, причем немало повеселился. Наконец, графиня объявила следователю, что в

данном случае имеет место государственная тайна; узнать ее может только министр двора лично. Ла Мотт, к которой служители правосудия относились вежливо, но с унылой иронией, закатывала в тюрьме совершенно дикие сцены, имитировала нервные припадки, периодически порывалась объявить голодовку. Эта истеричка успела довести до инфаркта сторожей, зачем-то раздевшись в камере догола, запустить на очной ставке в Калиостро канделябром. Некоторые историки полагают, что в краже ожерелья и в самом деле были повинны де Роган и ушлый итальянец, взвалившие ответственность за преступление на общую знакомую. Однако более вероятно, что ла Мотт сама провернула эту аферу.

Калиостро же разыгрывал мученика, ловко выгораживал себя и морочил следователю голову. Арестованным, кстати, не приходилось жаловаться на условия своего содержания; известно, например, что кардинал устраивал в Бастилиии обеды с шампанским для своих друзей «с воли»!

Общественное мнение почти целиком было на стороне задержанных, поскольку французы ненавидели как существующий строй, так и Марию Антуанетту лично. Вскоре о роли королевы в деле об ожерелье стали ходить самые невероятные слухи. Подданные вешали на супругу Людовика XVI всех собак, обеляя де ла Мотт. Многим казалось, что все, что приписывали королеве (назначение тайного свидания, покупка ожерелья тайно от короля и по чужому поручительству), она была способна совершить.

Людовик предложил кардиналу два варианта рассмотрения дела: в порядке королевского декрета либо обыкновенным уголовным судом. Де Роган предпочел суд и лично выбрал себе шестерых адвокатов, во главе которых был поставлен один из двух самых знаменитых защитников XVIII века, мэтр Тарже. Ла Мотт и модистку представляли двое менее известных специалистов.

Поскольку договор о выдаче уголовников между Францией и Англией был заключен только в 1843 году, граф ла Мотт предпочел не покидать Туманный Альбион, кочуя из города в город под вымышленной фамилией д’Арсонваль. В Эдинбурге он познакомился с 82летним итальянским учителем Коста (Дакоста) и назвал новому приятелю свое настоящее имя. 20 марта 1786 года итальянец отправил письмо французскому послу в Лондоне, предложив за 10 000 гиней помочь выкрасть преступника и перевезти его в Париж. При этом 1000 гиней он затребовал в виде аванса. Французский министр иностранных дел, посоветовавшись с Марией Антуанеттой, дал «добро» на проведение этой

сомнительной операции, но Коста пошел на попятный. Вероятно, он и не собирался выдавать графа, а хотел поделить с ним полученную от посла сумму. Так что процесс по делу об ожерелье открылся летом 1785 года без одного из обвиняемых.

Судебное разбирательство проводилось в парламенте (большинство его представителей относилось к оппозиции); обвинителем был один из самых видных деятелей магистратуры, Жоли де Флери. Молва тут же обвинила его в сговоре с двором, любой ценой старавшимся обвинить оскорбивших королеву людей. Большинство членов суда тоже не отказались бы сделать пакость своему монарху, хотя и не очень симпатизировали кардиналу, представлявшему родовую аристократию.

Интерес к процессу был очень велик. Газеты постоянно печатали материалы о деле, в кофейнях и в великосветских салонах говорили только о «преступлении века». Заседания суда начинались с шести утра (иногда раньше), но публика торопилась занять места в зале еще с ночи. Подсудимых приводили в парламент к четырем утра.

В день объявления приговора по приказу правительства, опасавшегося беспорядков, здание суда, перед которым собралась огромная толпа, было оцеплено войсками. В 21.00, после заседания, длившегося 18 часов, судьи вынесли вердикт. Графиню ла Мотт единогласно признали виновной, приговорив ее «ко всему, кроме смерти». То есть к наказанию розгами, наложением клейма на плечо, конфискации имущества и пожизненному заключению в Сальпетриер. Такой же приговор был заочно вынесен скрывавшемуся в Англии мужу подсудимой. Модистку оправдали, вынеся ей только порицание. Что же касается кардинала и Калиостро, то они стали героями Парижа; толпа горожан впряглась в их кареты, чтобы с помпой доставить обоих оправданных по домам. Их освободили от всякой ответственности по делу о краже ожерелья. Следует сказать, что публика встретила приговор суда овациями. Все знали, что Мария Антуанетта настаивала на осуждении де Рогана, и позицию участников разбирательства расценивали как оплеуху существующему режиму.

21 июня 1786 года на дворе Дворца юстиции графиню ла Мотт прилюдно выпороли и наложили на нее клеймо. Затем женщину в полубесчувственном состоянии перевезли в Сальпетриер. Здесь ей предстояло прожить 11 месяцев и 17 дней. Все это время авантюристка с помощью врагов Марии Антуанетты подготавливала свой побег. Попытка вырваться на волю увенчалась успехом, и ла Мотт присоединилась к мужу в Англии. Надо сказать, что ее появление графа не слишком обрадовало.

В течение довольно продолжительного времени ла Мотт печатала «разоблачения» в адрес своих обидчиков и де Рогана, и неплохо на этом зарабатывала. Но тратила ла Мотт значительно большие суммы, так что вскоре у нее накопилось немало долгов. К тому же женщина становилась все более истеричной и подозрительной. По всей вероятности, здесь следовало бы говорить уже о душевной болезни. Наконец, в июне 1791 года тридцатичетырехлетняя графиня выбросилась из окна, приняв одного из своих заимодавцев за полицейского. Спустя несколько дней, после тяжелых мучений, она скончалась, оставив на память историкам головную боль и вопрос о том, была ли она одна виновна в краже бриллиантового ожерелья. Муж самоубийцы прожил долгую, богатую приключениями жизнь и скончался в 1831 году в полной нищете, в больнице для бедных, забытый всеми.

А мемуары авантюристки, по меньшей мере на три четверти вымышленные, создали ту самую атмосферу, в которой в 1793 году проходил процесс по делу главного врага графини — королевы Марии Антуанетты.

Дело Марии Лафарг, или Триумф токсикологии

Дело двадцатилетней француженки Марии Лафарг (1840 г.) мало кого оставило равнодушным. Речь шла об убийстве Шарля Лафарга — мужа обвиняемой. Супруг, не оправдавший надежд, был отравлен мышьяком. Вдова вполне правдоподобно разыгрывала безутешную скорбь. Но вывод токсикологов был однозначен: Шарль скончался от дозы мышьяка, которой бы хватило на двадцатерых…

Мария Лафарг, несмотря на молодость и привлекательность, вовсе не была любящей супругой. Да и сам брак Шарля и Мари был сплошной авантюрой — причем обоюдной. Шарль Лафарг, простоватый тридцатилетний сын литейщика, унаследовал от отца небольшое состояние. Но для расширения дела отцовских денег не хватало, и к моменту встречи с Мари он уже один раз был женат — на дочери зажиточного человека, господина де Бофора. Приданое первой мадам Лафарг позволило ему немного поправить дела в мастерской, но затем жена умерла, а на Шарля набросились кредиторы. Работа мастерской остановилась, и Лафарг решил прибегнуть к испытанному средству: снова жениться на богатой невесте. Чтобы заинтересовать потенциальную супругу, он пошел на обман: выдал себя за промышленника и владельца замка в провинции. Брачные агентства перебирали десятки вариантов, пытаясь подыскать Шарлю жену. И в 1839 году их старания наконец увенчались успехом.

Марию Фортюнэ Капель трудно было назвать по-настоящему богатой. Она была дочерью бедного, но честолюбивого полковника, служившего при Наполеоне, а после смерти отца воспитывалась у родственников — парижских буржуа, которые не жалели средств на воспитание девушки. Она училась в лучших школах Парижа, общалась с дочерьми аристократов и. проклинала свою судьбу: у Мари, некрасивой и бедной, было очень мало шансов найти богатого мужа.

Свое первое преступление она совершила незадолго до знакомства с Шарлем Лафаргом. Одна из школьных подруг Мари попросила сопровождать ее в замок виконта де Лото, своего жениха. Во время их пребывания в замке у невесты исчезли драгоценности, и виконт попросил шефа Сюртэ, Аллара, провести расследование. Аллар готов был поручиться, что драгоценности взяла Мария Капель, но виконт воспрепятствовал аресту —

слишком невероятным казался поступок подруги невесты. Благополучно вернувшись в Париж, Мария узнала о существовании Шарля Лафарга.

При личной встрече она была разочарована: жених показался ей отвратительным. Но он был богат, имел свой замок — и Мария решила, что наконец-то сможет достойно принимать подруг у себя. Да и гардероб не мешало бы обновить. Девушка согласилась на предложение Шарля, свадьбу сыграли почти мгновенно, и супруги поехали в Легландье.

Каково же было ее возмущение, когда вместо замка супруг привел ее к руинам монастыря, а вместо ожидаемого богатства она нашла в новом доме только долговые обязательства! В первую же ночь новобрачная заперлась в одной из спален монастыря и написала мужу письмо, требуя немедленного развода. В случае его отказа Мари угрожала выпить мышьяк. Лафарг не хотел развода. Он на коленях умолял Марию остаться с ним, обещал купить для нее новый дом, верховую лошадь, нанять слуг. Надо ли говорить, что эти обещания были просто попыткой тянуть время?

Родственники и подруги, впрочем, ничего не узнали, во всяком случае от самой Марии Лафарг. В своих письмах к ним она рисовала радужную картину: любящий муж, счастливая и богатая жизнь. Лафарг тоже был уверен, что самый трудный период их жизни позади. Жена пошла на уступки: неожиданно перевела на его имя часть своего капитала, написала несколько рекомендательных писем и отправила его в Париж, чтобы собрать деньги для пришедшего в упадок хозяйства. Перед отъездом мужа она совершила довольно странный поступок: безо всяких видимых причин написала завещание в пользу Лафарга на случай своей внезапной смерти. А потом с ангельской улыбкой попросила мужа о таком же доказательстве любви. Шарль не мог отказать жене, но втайне написал второе завещание, в котором все имущество после его смерти переходило к матери. Возможно, он заподозрил неладное?

В Париже Шарль не уставал удивляться внезапной любви Мари. Она писала ему страстные письма, прислала свой портрет, написанный молодой художницей Анной Брён. А Новый год предложила встретить одинаково: за пирогами, которые обещала ему прислать к празднику. Мария попросила свекровь испечь для Шарля его любимые пироги, и та посчитала ее желание вполне естественным. Но когда Шарль получил посылку, то обнаружил в нем не мамины пирожки, а один большой пирог.

Когда Лафарг съел кусок этого пирога, у него начались страшные боли в животе, рвота и понос. Целый день он пролежал

в постели, чувствуя слабость. Но при этом простодушный супруг ничего не заподозрил. В те времена приступы, напоминавшие холеру, были нередки. Шарль решил, что пирог просто испортился по дороге, и выбросил его.

Домой Шарль приехал 3 января. Он еще не совсем пришел в себя после новогоднего угощения, но утешался мыслью, что поездка прошла удачно: удалось собрать 28 000 франков. Этого хватало для погашения первоочередных долгов. Мария встретила его очень тепло, уложила в постель и угостила дичью с трюфелями — изысканным лакомством. После еды Шарлю стало хуже. Он корчился от боли в животе, страдал от сильной рвоты. Ночью вызвали домашнего врача, доктора Барду. Он решил, что во всем виновата холера. Пока он осматривал больного, Мария попросила его выписать рецепт на мышьяк — якобы для уничтожения мышей.

На следующий день состояние больного ухудшилось. Члены семьи и родственники, обеспокоившись, собрались у постели Шарля. Мария казалась воплощением милосердия: она сама поила его лекарствами, приносила ему напитки. Особенно часто она давала ему гуммиарабик из маленькой малахитовой коробочки, который якобы принимала сама. Но ничего не помогало. 10 января родственники пригласили для консультации другого врача — доктора Масена. Он подтвердил диагноз, поставленный коллегой: холера. А потом рекомендовал для поддержания организма давать Шарлю молоко с яйцами. Разумеется, блюдо готовила Мария.

Первой случайной свидетельницей преступления стала проживавшая вместе с Лафаргами художница Анна Брён. Вначале она заметила, что Мария положила в молоко порошок из малахитовой коробочки. Она спросила, что это за лекарство, и услышала в ответ — сахар. После того как больной выпил молоко, Анна взяла в руки стакан и заметила белые хлопья, плавающие на поверхности оставшегося молока. Анна удивилась — почему сахар не растворился в молоке? Она отнесла стакан с молоком доктору Барду. Тот попробовал хлопья на вкус, почувствовал жжение, но решил, что это известка с потолка каким-то образом попала в молоко. Однако Анна не поверила в это, казалось бы, простое объяснение. Она начала следить за Марией Лафарг. Однажды она застала Марию, когда та подмешивала в суп больного белый порошок. Художница спрятала и остатки супа, а потом рассказала о своих подозрениях матери Лафарга и его сестрам. И хотя лишь одна из них, кузина Эмма, питала к новой родственнице добрые чувства, этого оказалось достаточно: Марие Лафарг стало известно о

подозрениях родственников мужа. Их подозрения усилились после того, как они узнали, что 5 января Мария посылала садовника, а 8 января — слугу в Люберсак к аптекарю Эссартье за мышьяком для борьбы с крысами. Слуги рассказали, что помимо дозы, указанной в рецепте, им удалось раздобыть еще 64 грамма мышьяка. Все это они отдали Марии. Мать Шарля, упав на колени, умоляла сына ничего не есть из рук своей жены. В это время в комнату вошла Мария. Она держалась совершенно спокойно: велела позвать садовника Альберта. Тот рассказал, что яд Мария отдала ему, и он сделал из него ядовитую пасту для мышей и крыс. Подозрения утихли.

Но на следующий день одна из сестер вновь обнаружила в стакане белые хлопья. В ночь на 14 января к больному пригласили еще одного врача — доктора Леспинаса. Тот выслушал рассказ перепуганных женщин и заявил, что симптомы Шарля напоминают отравление мышьяком, но помочь Лафаргу уже не смог — тот скончался на рассвете в ужасных мучениях.

По Легландье молнией пронесся слух: Мария Лафарг отравила своего мужа! Деверь Лафарга поехал в Брив, чтобы заявить на нее в полицию и мировому судье. А сама отравительница спокойно привела в порядок свои бумаги, надела траурное платье и направила нотариусу покойного мужа завещание. Ей было еще неизвестно, что муж оставил все имущество своей матери. Тем временем кузина Эмма навестила Марию, предупредила ее о действиях Лафаргов и, стремясь оградить ее от подозрений, спрятала у себя малахитовую коробочку. Садовник Альфред, поддавшись панике, закопал в саду остаток мышьяка. Казалось, следы преступления надежно спрятаны.

На следующий день, 15 января, в Легландье прибыл мировой судья Брива, Моран, вместе со своим секретарем Виканом и тремя жандармами. Мария изображала убитую горем вдову, и поначалу судья не мог поверить в ужасные обвинения, выдвинутые свекровью и золовками молодой женщины. Но все же упаковал собранные Анной Брён вещественные доказательства: молоко, суп, сахарную воду и рвотную массу больного. Допросили садовника Альфреда. Он не стал отпираться и показал, где закопал остатки мышьяка. Кроме того, он дал дополнительные показания о том, что первый раз получил от Марии мышьяк для приготовления пасты не 5 января, как говорил раньше, а еще в середине декабря, после ее поездки в Люберсак. Правда, крысы почему-то не обращали внимания на пасту, и она до сих пор была разбросана по всему дому. Моран взял один из шариков пасты и добавил его к другим вещественным доказательствам.

Затем судья направил одного из жандармов к аптекарю Эссартье. Он вернулся с ошеломляющим известием: в первый раз большое количество мышьяка Мария купила 12 декабря, накануне отправки посылки с пирогом. Затем она еще раз наведалась к аптекарю.

Второй визит состоялся перед самым приездом Шарля — 2 января.

Побеседовал Моран и с лечащими врачами Шарля Лафарга. Он спросил их, известно ли им о методах, позволяющих определить наличие мышьяка в трупе. Барду, Масен и Леспинас ничего не знали о последних достижениях парижских профессоров Девержи и Орфила, на которых сослался судья. Однако они не захотели признаться в собственном невежестве и выразили готовность произвести все необходимые исследования. Они только попросили, чтобы им позволили пригласить коллег Лафоса и д'Альбэя, поскольку у тех был опыт химических исследований.

22 января 1840 года врачи прислали следователю доклад о результатах экспертизы. Проводилась она крайне неумело. Мало того, что врачи ограничились тем, что вырезали из тела Лафарга только желудок (его перевязали веревками и несколько дней хранили в обычном ящике). Они к тому же были неосторожны при проведении опытов и пробирка разорвалась в их руках до того, как химическая реакция показала наличие или отсутствие в тканях мышьяка! Тем не менее, медики взяли на себя смелость утверждать, что мышьяк все-таки был — ив желудке Лафарга, и в молоке, и в супе. А вот в пасте от крыс, приготовленной Альбертом, мышьяк обнаружить не удалось. Вместо него медики нашли порошок каустической соды — тоже белый.

24 января в руки Морана попало еще одно доказательство вины Марии Лафарг — знаменитая малахитовая коробочка. Леспинас нагрел ее содержимое на горящих углях и почувствовал резкий запах чеснока — в коробочке был мышьяк. На следующий день Марию арестовали. Вместе со служанкой Клементиной отравительницу поместили в тюрьму Брива. Казалось бы, при наличии стольких доказательств процесс не мог длиться дольше нескольких часов. Но приемные родители Марии, не поверившие чудовищному обвинению, наняли самого знаменитого парижского адвоката, мэтра Пайе. За ходом процесса следили все парижские газеты. Одна из них попала в руки виконта де Лото, в замке которого некогда пропали бриллианты. Он потребовал, чтобы дом в Легландье обыскали. И убедился в правоте шефа Сюртэ Аллара: среди вещей Марии Лафарг обнаружились пропавшие украшения. Впрочем, преступницу это не смутило: она

заявила, что подруга сама отдала ей бриллианты для продажи, поскольку ей были необходимы деньги. По словам Марии, подругу шантажировал ее тайный любовник по имени Клавэ. Впрочем, эта история оказалась на поверку сплошным вымыслом, и суд приговорил Марию Лафарг к двухлетнему заключению за кражу. Но это было только начало.

Процесс по делу об отравлении Шарля Лафарга начался 3 сентября 1840 года. Прокурор Деку произнес блистательную речь, в которой объяснил предполагаемые мотивы преступницы. Ее муж оказался лгуном, она мечтала о другой жизни, но не могла получить развод. Поэтому тщательно спланировала все свои действия, надеясь вскоре стать богатой вдовой.

Адвокат Пайе сразу же понял, что против его подзащитной собрано слишком много доказательств. Он мог защитить Марию только одним способом: оспорить убедительность доказательств. Ведь если присяжные не будут уверены, что в теле Шарля обнаружен яд, то его подзащитная может быть оправдана.

Пайе отправился за советом к Орфиле, который был признанным специалистом в области токсикологии. Орфила охотно согласился помочь Пайе. Врачи из Брива утверждали, что в молоке после реакции оказался желтый, растворимый в аммиаке осадок? Но такой осадок мог дать не только мышьяк. Пробирка взорвалась задолго до окончания эксперимента, так что выводы провинциальных медиков трудно назвать объективными. Неужели они не слышали об аппарате Марша, позволяющем практически безошибочно доказать присутствие мышьяка? Орфила в письменной форме изложил свои соображения и вручил их адвокату.

Когда д'Альбэй и Масен ознакомили присяжных с результатами своих исследований, настал звездный час Пайе. Он буквально засыпал их вопросами, подсказанными Орфилой. А когда врачи признались, что впервые слышат об изобретении Марша, прямо обвинил их в невежестве. В конце своей обличительной речи Пайе потребовал, чтобы в суд был приглашен Орфила. Зал взорвался аплодисментами, а судья был вынужден устроить перерыв. После него было решено, что беспокоить уважаемого профессора Орфилу не стоит. Разумеется, обвинение ничего не имеет против повторной экспертизы по методам Орфилы и Марша. Однако все опыты могут провести отец и сын Дюбуа — местные аптекари, помогать им будет химик Дюпюитрен из Лиможа.

5 февраля оба Дюбуа и Дюпюитрен вошли в зал суда. Дюбуа прочитал целый доклад об аппарате Марша, расхваливая его достоинства. Умолчал он только об одном: этот аппарат он

увидел только два дня назад и работал с ним впервые, как, впрочем, и его коллеги. Далее он подробно рассказал о ходе эксперимента и в полной тишине огласил вывод: в предоставленных материалах мышьяк отсутствует! Пайе откровенно торжествовал. Но он слишком поторопился. Другие доказательства вины Марии Лафарг выглядели настолько весомо, что суд распорядился провести еще одну экспертизу. Ее вывод оказался отрицательным — мышьяк не был найден ни в одном из органов покойного Шарля Лафарга. А вот исследование напитков и содержимого малахитовой коробочки, на котором настояло обвинение, дало неожиданный результат. Дюбуа с мрачным выражением лица заявил, что во всех образцах обнаружен мышьяковистый ангидрид. В молоке его доза в десять раз превышала смертельную.

Теперь уже прокурор потребовал, чтобы Орфила провел собственное исследование. Пайе ничего не имел против — он не сомневался, что ученый докажет ошибочность анализа напитков, в которых был найден яд. Но исследование Орфилы оказалось не в его пользу, хотя и поставило точку в деле Марии Лафарг и позволило распутать бесконечные ошибки экспертов.

Орфила прибыл в Тюль, где проходил процесс, утром 13 сентября. Он привез с собой необходимые реактивы, содержащие мышьяк. Орфила исследовал вещественные доказательства больше суток, и лишь вечером 14 сентября появился в зале суда. Предыдущие эксперты, на присутствии которых во время экспериментов Орфила настоял, уныло шли следом. Орфила окинул взглядом зал суда и отчетливо произнес: «Мы докажем, во-первых, что в теле Лафарга имеется мышьяк; во-вторых, что он не мог попасть туда ни из реактивов, которыми мы пользовались, ни из земли, окружавшей гроб; в-третьих, что найденный нами мышьяк не является естественной составной частью любого организма».

Орфила в точности выполнил свое обещание. Слушая, как эксперт разбирает ошибки предыдущих исследований, Пайе чувствовал, что ничем не сможет помочь своей подзащитной. Практически во всех органах Шарля Лафарга, а также в напитках был обнаружен мышьяк. А вот в пробах кладбищенской земли его не было. Таким образом, вина Марии Лафарг практически была доказана.

19 сентября присяжные объявили, что признают Марию Лафарг виновной в убийстве мужа. Суд приговорил ее к пожизненным каторжным работам. Правда, король Луи-Филипп проявил милосердие и заменил их пожизненным заключением. Сама убийца до конца отрицала свою вину. Десять лет она

провела в тюрьме Монпелье, затем заболела туберкулезом и была выпущена на свободу. Через несколько месяцев ее не стало. Но спор вокруг дела отравительницы продолжался еще несколько лет. Авторы из разных стран Европы разделились на два лагеря. Одни считали, что Мария Лафарг невиновна, другие писали книги с кричащими названиями вроде «Лукавая воровка и коварная отравительница». Сейчас об этом скандальном процессе помнят только криминалисты, называя его триумфом токсикологии.

Дело супругов де Бокармэ

Одно из самых громких дел об отравлении за всю историю криминалистики. В ходе процесса над супругами де Бокармэ эксперты сделали правосудию неоценимый подарок, изобретя способ, с помощью которого можно было выделять из мертвого тела следы растительных алкалоидов (ранее преступления, совершенные с помощью подобных ядов, оставались нераскрытыми, поскольку их следов в теле жертвы могли не обнаружить).

Вечер 21 ноября 1850 года начался для пастора общины Бюри, что располагалась между бельгийскими городами Моне и Турнэ, как и все остальные; ничто не предвещало нарушения обычного распорядка, и пастор уже предвкушал спокойный ужин и вполне заслуженный отдых. Он даже представить себе не мог, что спустя всего несколько минут окажется в центре одного из самых громких расследований в области криминалистики. Внезапно в двери дома кто-то постучал. Хозяин поспешил открыть и увидел на пороге четверых донельзя взволнованных людей. Пастор узнал поздних посетителей. Ими оказались служащие замка Битремон, расположенного неподалеку: горничная Эммеранс Брикур, две няни — Жюстин Тибо и Виржини Шавалье — и кучер Жиль. Незваные гости решили обратиться к пастору за советом по поводу событий, которые произошли в Битремоне вечером 20 ноября и могли заставить содрогнуться любого нормального человека.

Вышеупомянутый замок у местного населения пользовался дурной славой. Последний его хозяин, граф Ипполит Визар де Бокармэ, был сыном нидерландского наместника на Яве и его жены-бельгийки; родился он в открытом море, на борту фрегата «Эуримус Маринус», когда тот пробивался сквозь шторм в Восточную Азию. Юность де Бокармэ прошла в США, где его отец занимался охотой и разведением табака. Образованием Ипполита никто не озаботился, и по возвращении в Старый Свет он едва смог выучиться читать и писать. Осев в старом замке, Бокармэ сумел создать себе зловещую репутацию злобного, мстительного и крайне жестокого человека; местные жители искренне верили, будто в детстве графа вскармливала львица.

В 1843 году Ипполит решил, что настала пора покончить с холостяцкой жизнью, и женился на Лидии Фуньи, дочери аптекаря из Перувелза. Собственно, сделал это Бокармэ отнюдь не по большой любви; им двигал банальный трезвый расчет. По

слухам, Лидия была богата. Однако вскоре после свадьбы «счастливый супруг» узнал весьма неприятную для себя новость: оказывается, состояние Фуньи сильно переоценивали. К тому же у аптекаря имелся еще один ребенок — сын Гюстав, особа весьма болезненная и требовавшая немало внимания и средств. В итоге новоиспеченная графиня могла рассчитывать разве что на ежегодную ренту в 2000 франков. В принципе, эта сумма сама по себе была не столь уж и мала, однако для молодоженов с их большими запросами она показалась мизерной.

К сельскому хозяйству Ипполит охладел быстро, и всего за несколько лет замок можно было считать настоящим образцом запущенности. Зато в его стенах практически не прекращались дикие кутежи и оргии. Время от времени для многочисленных гостей хозяева устраивали выезды на охоту. Естественно, такой образ жизни требовал от Бокармэ содержания огромного штата прислуги. Все это вместе отнюдь не способствовало рачительному ведению дел, и вскоре супруги обзавелись невероятно большими долгами.

Тем временем старый аптекарь умер, после чего ежегодная рента его дочери увеличилась до 5000 франков. Однако этих денег Бокармэ по-прежнему не хватало. Поэтому в 1849 году перед графом замаячила крайне неприятная, но, тем не менее, вполне реальная перспектива потери владений. Чтобы избежать полного разорения, супругам требовалось быстро погасить хотя бы самые срочные долги. Вот только сделать это возможности не было. Ситуация сложилась столь отчаянная, что Бокармэ несколько раз брал взаймы даже у. собственных слуг! Тем не менее, граф и его жена все же надеялись выкрутиться: их могла спасти смерть брата Лидии, который являлся главным наследником старого Фуньи. «Любящие» родственники вполне искренне считали, что Гюстав вскоре покинет грешную землю, так и не обзаведясь семьей. Собственно, расчет Бокармэ на скорую кончину Фуньи имел под собой серьезные основания: сыну аптекаря, вдобавок ко всем неприятностям, пришлось перенести ампутацию голени. Теперь Гюстав передвигался только на костылях и постепенно чах. А его единственной наследницей являлась Лидия.

Однако весной 1850 года среди местных жителей вдруг пошел гулять слух о том, что бедняга собирается. жениться! И действительно, этот доходяга, которого родственники уже сбросили со счетов, причисляя едва ли не к покойникам, успел, не афишируя этого, купить замок Гранмец, принадлежавший обедневшей дворянской семье, и заключить помолвку с его хозяйкой, мадемуазель де Дюдзеш.

В ноябре 1850 года Бокармэ узнали о том, что дата бракосочетания Гюстава и его невесты уже определена, а значит, они сами остаются с носом. На наследстве Фуньи 30-летний граф и его молодая супруга теперь могли поставить большой жирный крест. И тогда Бокармэ, явно не обделенные от природы криминальными наклонностями, решили «исправить» ситуацию.

В полдень 20 ноября 1850 года Гюстав прибыл в гости к своим милым родственничкам, чтобы обрадовать их известием о предстоящей свадьбе и пригласить на торжество. Бедняга даже не подозревал, что отправился в последнее в своей жизни путешествие. Вечером того же дня несчастный калека, обиженный судьбой, был уже мертв. Его голый труп с черным, сожженным ртом и с ранами на щеках лежал в комнате горничной Эммеранс.

Служащие замка рассказали пастору, что перед приездом Гюстава Бокармэ резко изменили устоявшийся распорядок дня. Так, детей графа почему-то покормили отдельно, на кухне, а не в большой столовой, как обычно. После этого графиня заявила: она сама подаст на стол.

Осенью темнеет быстро; после того как сумерки за окнами сменились темнотой, горничная внезапно услыхала, как в столовой поднялся приглушенный шум, а затем на пол упало что-то тяжелое, и раздался голос гостя. Эммеранс, естественно, кинулась на помощь, однако ей навстречу из столовой выскочила графиня, захлопнув дверь перед самым носом прислуги. Лидия бросилась на кухню и вернулась оттуда с сосудами, наполненными горячей водой. Почти сразу она позвала на помощь кучера и горничную, говоря, что Гюставу внезапно стало плохо: по словам хозяйки, гостя хватил удар и он умер на месте.

Однако дело обстояло значительно хуже (хотя, казалось бы, что может быть хуже смерти). Войдя в столовую, слуги увидели крайне возбужденного графа, склонившегося над лежащим на полу Гюставом. Наскоро ополоснув окровавленные руки, Бокармэ приказал Жилю принести из подвала винный уксус и снять одежду с умершего. Затем он начал стаканами вливать кислоту в рот покойного. После этого тело Гюстава несколько раз полили укусом, а его одежду Лидия лично бросила в кипящую мыльную воду. Наконец, хозяева замка заставили несчастного кучера отнести изуродованный труп в комнату горничной.

Графиня до полуночи отмывала пол в столовой в том месте, где умер ее брат, а граф сжег костыли покойного. С раннего утра следующего дня и до обеда Ипполит яростно скоблил свежевымытые доски пола ножом. После этого обессилевшие супруги оправились, наконец, спать, а слуги, собравшись с духом, решили убраться из страшного места подальше. Первым, к кому

они обратились, и стал местный пастор.

Священнослужителю не пришлось брать на себя груз такой ответственности. Едва горничная закончила жуткое повествование, как в доме появился общинный писарь. Он сообщил, что из Турнэ едет следователь, поскольку до города дошли слухи о странной смерти калеки.

Комиссия в составе следователя Эжебера, хирургов Марузэ, Зуда, Коса и трех жандармов появилась в общине вечером 22 ноября. Представитель правосудия не был склонен верить слухам, поэтому отправился в замок только в сопровождении врачей и писаря, а жандармы остались в деревне. Тем не менее Эжебер сразу понял: в имении Бокармэ и вправду нечисто. Граф длительное время не принимал посетителей, а когда тех пустили в столовую, оказалось, что камин забит пеплом, остатками сожженных бумаг и книг. Комиссии пришлось долго настаивать на том, чтобы осмотреть труп Гюстава. Когда же медиков и следователя проводили в комнату горничной, графиня отказалась открывать занавески, из-за которых в помещении царил сумрак. Эжебер сам зажег свет и увидел, что лицо сына аптекаря изуродовано. При этом хозяин замка безуспешно старался скрыть синяки и глубокие ссадины на своих собственных руках.

Именно в тот момент и было положено начало расследованию этого громкого дела. Следователь отдал хирургам приказ о вскрытии тела, с тем чтобы установить подлинную причину смерти несчастного. Спустя пару часов эскулапы вынесли окончательный вердикт: мозг Гюстава был совершенно здоров, а значит, ни о каком ударе речь идти не могла. Зато рот, язык, горло и желудок покойного оказались практически сожжены неким химическим веществом. Врачи предположили, что в рот Фуньи заливалась серная кислота. Заключение специалистов гласило: «Смерть наступила в результате ожога рта и пищевода».

Органы, необходимые для химического исследования, изъяли из тела; при этой неприятной процедуре следователь присутствовал лично. Язык, пищевод, желудок, кишечник вместе с его содержимым, печень, легкие уложили в сосуды, залили спиртом и запечатали. Секретарь суда и один из жандармов получили приказ немедленно доставить этот страшный груз в Турнэ. Двое же других стражей порядка арестовали предполагаемых отравителей.

Поврежденные органы Эжебер лично отвез затем в Брюссель, в Высшую военную школу. Там с 1840 года работал Жан Серве Стас, профессор химии, непререкаемый авторитет в области токсикологии, о котором следователь некогда читал в химическом журнале. Экспертиза, проведенная 37-летним

специалистом, принесла Стасу всемирную известность.

Вскоре профессор объявил, что убийство Гюстава было совершено вовсе не при помощи серной кислоты. Что же послужило причиной смерти? Разъедающие яды на тот момент являлись уже достаточно изученными, однако определить, каким из них воспользовались отравители, оказалось не так-то просто. Из-за отсутствия других методов определения химикалий Стас и его современники часто пробовали их на запах и вкус. Так вот, в данном случае обоняние говорило профессору, что в исследуемом материале присутствует разве что уксусная кислота. Однако Эжебер предупредил: тело обмывали и поливали винным уксусом; видимо, это делалось с целью замаскировать действие какого-то другого яда. После серии опытов Стас пришел к выводу, что преступление совершено при помощи какого-то растительного алкалоида. Однако подобные яды в мертвом теле ранее обнаруживать не удавалось. Тем не менее, химик во время одного из экспериментов почувствовал резкий, какой-то наркотический запах. А среди растительных алкалоидов по запаху можно было определить только два — конин (алкалоид цикуты) и никотин. Дада, тот самый никотин, капля которого, по утверждению медиков, способна убить лошадь! Для того чтобы за несколько минут отправить на тот свет абсолютно здорового человека, требуется всего-навсего 50 миллиграммов этого чрезвычайно ядовитого компонента обычного табака. И действительно, после тщательных проверок стало ясно: орудием убийства служил именно никотин. Кстати, способ выявления в мертвом теле растительных алкалоидов, изобретенный Стасом, стал своего рода революцией в криминалистике, немало огорчившей отравителей всех мастей.

30 ноября Эжебер с группой жандармов отправился в замок Битремон, чтобы вновь обыскать все помещения и допросить слуг. Вскоре выяснилась интересная деталь: по утверждению садовника, граф все лето и осень 1850 года занимался изготовлением одеколона именно из табака. Для этих целей он приобрел большое количество табачных листьев и оборудовал в бане замка настоящую химическую лабораторию. С 28 октября по 10 ноября де Бокармэ работал особенно много, иногда не выходя из своей лаборатории даже по ночам. Затем результат его экспериментов был перенесен в столовую и заперт в шкафу, а на следующий день баня приняла свой обычный вид: колбы и аппараты, которыми пользовался доморощенный химик, исчезли, причем никто из слуг не знал, как и когда это произошло.

От кучера Жиля следователь узнал, что Бокармэ в феврале 1850 года ездил в Гент к профессору химии. Как выяснилось,

отравитель посещал некоего профессора Лоппера, назвавшись вымышленным именем; граф неоднократно писал Лопперу и несколько раз бывал у него, чтобы выяснить, каким образом можно извлечь никотин из листьев табака. А чтобы профессор ничего не заподозрил, Бокармэ сочинил историю, будто он приехал из Америки; мол, его родственники страдают от нападений индейцев, имеющих пакостную привычку смазывать свои стрелы растительными ядами. Граф говорил, будто собирается изучать эти вещества для того, чтобы помочь родственникам, а попутно интересовался, правда ли, что такие яды не оставляют следов в теле жертвы.

Отравитель убедил профессора, и Лоппер показал настырному посетителю, как получить никотин. Он же подсказал, где можно заказать необходимые сосуды и оборудование. Аптекарь Ванбенкелер и медник Ванденберг подтвердили, что изготавливали такие предметы для человека, описание которого не оставляло сомнений: речь идет именно о графе де Бокармэ.

А Стас тем временем продолжал исследовать тело несчастного Фуньи; он обнаружил в печени и языке погибшего такое количество никотина, которого хватило бы для убийства десятка людей! Следы этого яда специалисты обнаружили там же в бане, на досках пола столовой и на одежде садовника, который помогал хозяину в изготовлении «одеколона». Кроме того, в саду нашли зарытые тушки кошек и уток, отравленных при помощи никотина; вскоре полиция отыскала замурованные в стене аппараты, использованные для получения яда.

Следствие установило, что де Бокармэ свалил родственника на пол, а графиня в этот момент вливала в рот брата отраву. Однако Гюстав отчаянно сопротивлялся, и никотин разбрызгался. Именно это вынудило чету отравителей выстирать одежду своей жертвы и использовать для сокрытия следов яда уксусную кислоту.

Спустя три месяца, 27 мая 1851 года, в Монсе состоялся суд над супругами де Бокармэ. На тот момент уголовное дело изобиловало такими доказательствами вины графа и его жены, что подсудимым не имело смысла ничего скрывать. Тем не менее Лидия поспешила свалить вину на мужа; она утверждала, будто помогала подготавливать и осуществлять убийство, страшась жестокости графа. А тот упорно твердил: мол, никотин собирал в винную бутылку исключительно для того, чтобы взять его с собой в поездку по Северной Америке. Лидия же, дескать, просто перепутала бутылки вечером 20 ноября, в результате чего угостила брата не вином, а никотином.

Несмотря на все попытки супругов оправдаться, присяжным

для того, чтобы признать Бокармэ виновными в совершенном преступлении, потребовался всего час. Правда, несмотря на всеобщее возмущение, члены суда не решились отправить на эшафот даму, так что графиня-отравительница казни избежала и вышла на свободу. А вот Ипполит Визар де Бокармэ вечером 19 июля 1851 года был обезглавлен на эшафоте в Монсе.

Процесс над убийцами из Дептфорда: торжество дактилоскопии

Судебное заседание, в ходе которого братья Стрэттон были приговорены к повешению, никак нельзя было назвать классическим. Не только многочисленные свидетели, журналисты и присяжные, но и профессионалы-полицейские сомневались, что вина дептфордских убийц может быть доказана. Ведь главной уликой, которую они оставили, были всего лишь отпечатки пальцев, а в то время дактилоскопия еще никогда не использовалась в качестве аргумента обвинения. Итак, именно на процессе над Стрэттонами отпечатки пальцев впервые были допущены в качестве доказательства по делу об убийстве.

27 марта 1905 года лондонские газеты сообщили о кровавой трагедии, разыгравшейся в Дептфорде — одном из самых мрачных районов города, расположенного на южном берегу Темзы. Подробности шокировали обывателей. Около четверти восьмого утра молочник увидел на Хайстрит двух парней, выбежавших из маленькой лавочки, торговавшей красками. Но для торговли было рановато, к тому же парни так спешили, что забыли прикрыть за собой дверь. Тем не менее молочник не стал поднимать шум — Дептфорд был одним из тех районов, где вмешательство в чужие дела могло дорого обойтись любопытным. Приблизительно через десять минут по улице прошла маленькая девочка. Она увидела, как из двери лавочки, расположенной в доме № 34, выглянул человек с окровавленной головой, который тотчас же скрылся и запер дверь изнутри. В любом другом районе подобное зрелище вызвало бы у ребенка шок, но для девочки, выросшей по соседству с бойнями, в увиденном не было ничего необычного. Тревогу подняли только в половине восьмого, когда в лавку пришел ученик ее хозяина. Увидев, что дверь заперта, он вначале решил, что хозяин забыл открыть дверь, и позвонил. Никто не открыл. Тогда мальчик через соседский участок пролез во двор и заглянул в окно. И тотчас же в ужасе отпрянул, закричал, затем позвал на помощь.

Когда на место преступления приехал инспектор уголовной полиции Фокс, он застал страшную картину. На складе, обычно таком аккуратном, все было разбросано, выдвинуты ящики стола, пол был залит кровью. Изуродованное тело хозяина лавки, старика Фарроу, лежало на полу головой к камину. Неподалеку валялись две маски, сделанные из старых дамских чулок. На

лестнице, ведущей наверх, в комнате повсюду была кровь. А наверху полицейские обнаружили и миссис Фарроу. Она лежала с проломленной головой в собственной постели. Женщина еще дышала, и ее забрали в гринвичскую больницу. Но через четыре дня она скончалась, так ничего и не сообщив полиции. И журналисты, и читатели требовали немедленной поимки преступников. Началось следствие.

По следам борьбы в лавке инспектору Фоксу удалось восстановить картину убийства. По-видимому, Фарроу находился в спальне, когда услышал звонок в дверь. Думая, что его беспокоит ранний клиент, он накинул поверх ночной рубашки пиджак и брюки и спустился вниз. Преступники сбили его с ног, однако старик нашел в себе силы подняться и загородить убийцам дорогу наверх, в комнату, где спала его жена. Но спасти ее он так и не смог. Его жестоко избили, но он был еще жив, когда бандиты уходили. Ему удалось даже доползти до двери на улицу. Но прохожих не было, и Фарроу запер дверь, опасаясь, что преступники вернутся.

Единственной зацепкой, которая оказалась в распоряжении полиции, были две маски. Судя по ним, преступников было двое. Позже под кроватью миссис Фарроу была обнаружена небольшая денежная шкатулка. Денег в ней не оказалось, но по расчетным книжкам полиции удалось установить, что до ограбления там лежало около девяти фунтов стерлингов. Именно этой шкатулке и предстояло стать главной уликой на процессе дептфордских убийц.

Мелвилл Макнэттан, сотрудник Скотлендярда, обратил внимание, что с внутренней стороны на лакированной поверхности шкатулки заметен отпечаток потной руки. Он немедленно вызвал к себе Фокса и всех сотрудников, работавших на месте преступления. Макнэттан спросил, не прикасался ли кто-нибудь к шкатулке. Один сержант признался, что задвинул ее под кровать, но не открывал. Это была удача! Шкатулку тут же осторожно запаковали и отправили в дактилоскопический отдел. Там с нее сняли отпечатки пальцев, а затем, чтобы исключить возможность ошибки, взяли отпечатки пальцев у ученика Фарроу и у обоих убитых супругов. На следующее утро стало ясно: отпечаток большого пальца, обнаруженный на шкатулке, никому из них не принадлежал. Но не было его и в дактилоскопической картотеке, насчитывавшей к тому времени около восьмидесяти тысяч карточек с «пальчиками» преступников.

Пока главный инспектор Коллинз занимался отпечатками пальцев, инспектор Фокс опрашивал свидетелей и соседей Фарроу. Вначале ему удалось найти еще одну свидетельницу —

молодую женщину Этель Стантон, которая видела убегавших парней. По ее словам, на одном из них было коричневое пальто. Затем сыщику повезло еще больше: один из его сотрудников подслушал в пивной Дептфорда разговор. В связи с расследуемым убийством и ограблением упоминались два брата — Альфред и Альберт Стрэттоны. Эта парочка давно была на примете у Скотлендярда, хотя они пока ни разу не были арестованы. Ведь у братьев никогда не было постоянной работы, и жили они на содержании у девушек и женщин. Вскоре удалось установить и адрес одного из братьев — Альберта. Он снимал комнату в старом доме на Кнотстрит у миссис Кэт Уэйд. Пожилая женщина призналась полиции, что боится своего жильца, с тех пор как во время уборки нашла у него под матрасом несколько масок из чулок. Сыщики узнали и еще одну важную деталь: у Альфреда Стрэттона есть любовница, которую зовут Ханна Кромэрти. Фокс отправился на поиски Ханны.

Увидев девушку, сыщик понял, что ее отношения с Альфредом оставляют желать лучшего: на лице девушки были свежие следы побоев. Она не отрицала своего знакомства со Стрэттоном и рассказала, что ночь с воскресенья на понедельник тот провел у нее (девушка жила в маленькой комнатушке на первом этаже с единственным окном на улицу). Но он отлучался! Поговорив через окно с каким-то мужчиной, он через некоторое время оделся и ушел. Девушка заснула. Когда она проснулась, было уже светло, а Альфред стоял в комнате. Ей он приказал говорить (если кто-то вдруг поинтересуется), что всю ночь провел в ее постели и ушел лишь в понедельник после девяти часов. Отметила она и еще два момента: во-первых, исчезло коричневое пальто Альфреда (на ее вопросы тот сказал, что подарил его приятелю), а во-вторых, он перекрасил свои коричневые башмаки в черный цвет.

Было ясно, что имеет смысл задержать братьев Стрэттон и взять у них отпечатки пальцев. Но сделать это удалось не сразу. Первая попытка задержания предполагаемых убийц на футбольном матче провалилась — они как в воду канули. Исчезла из своего жилища и любовница Альфреда Стрэттона. Но уже на следующей неделе оба подозреваемых были задержаны. Альфред и Альберт (одному из них исполнилось 20 лет, второму — 22) бурно протестовали против действий полиции. Они ведь были уверены, что свидетели их не рассмотрели, а остальные улики уничтожены. Коллинз уговорил судью подержать парней под арестом хотя бы неделю, а также добился его согласия на то, чтобы снять у братьев отпечатки пальцев. Когда он красил Стрэттонам пальцы черной краской и делал отпечатки на

регистрационной карточке, те смеялись. Им и в голову не могло прийти, что они только что подписали свой смертный приговор!

Отпечаток на шкатулке полностью совпал с отпечатком большого пальца Альфреда Стрэттона. Но это рано было считать безоговорочной победой. Ведь еще ни разу отпечаток пальца не фигурировал в качестве вещественного доказательства! Эдвард Генри, начальник лондонской полиции, человек, который сумел решить проблему классификации отпечатков пальцев и таким образом сделал возможным практическое применение дактилоскопии, решил провести над братьями показательный процесс. Это позволило бы доказать всем скептикам, что дактилоскопия — не блажь, а вполне действенный метод идентификации преступников.

Днем 18 апреля 1905 года в полицейском суде Тауэрбридж проходило принятое в Англии предварительное слушание дела о предъявлении окончательного обвинения. В качестве обвинителя выступал Ричард Мьюир. Перед ним стояла взломанная денежная шкатулка, которую охраняли двое полицейских. Коллинз также находился в зале, чтобы дать необходимые пояснения, — ведь ни судья, ни присяжные не были знакомы с дактилоскопией. Это обстоятельство и решил использовать защитник Стрэттонов, который заявил, что в том случае, если дело дойдет до суда, он пригласит в качестве двух свидетелей экспертов, которые докажут, что дактилоскопия не заслуживает доверия. Мьюир и Коллинз не могли понять, кто может выступить против них в качестве экспертов. Однако заявление адвоката позволило им тщательно подготовиться к любому повороту событий.

Процесс начался 5 мая 1905 года в ОлдБейли. Председательствовал на нем судья Ченнел — человек весьма далекий от новых веяний в криминалистике. Братьев Стрэттон защищала теперь тройка адвокатов. А среди свидетелей находилось два человека, лица которых были прекрасно знакомы и Мьюиру, и Коллинзу. И доктор Гарсон, и доктор Генри Фолдс имели веские причины ненавидеть систему классификации отпечатков пальцев, созданную Эдвардом Генри и использовавшуюся Коллинзом: каждый из них создал свою собственную классификацию отпечатков пальцев и считал себя незаслуженно обойденным. Генри Фолдс, кроме того, был первым человеком, использовавшим отпечаток пальца для раскрытия преступления и идентификации преступника. Но его имя отошло на задний план, а в качестве основателей дактилоскопии называли Хершеля, Гальтона и Генри. Неудивительно, что в порыве мстительного желания унизить конкурента каждый из экспертов готов был пойти на все.

Мьюир блестяще справился со своей задачей обвинителя. Позже его биограф вспоминал: «В сотнях дел об убийствах, в которых он выступал обвинителем, Мьюир ни разу не проявлял такого глубокого отвращения к обвиняемым, как в деле Стрэттонов. В их преступлении он видел жестокость, с которой ему еще не приходилось сталкиваться. Он заявил, что один вид изуродованных лиц стариков не оставляет сомнения в том, что убийцы не способны ни на какие человеческие чувства. Он говорил, пожалуй, медленнее и осмотрительнее, чем обычно, но потрясающе убедительно. Обвиняемые уставились на него, точно на судью, который в любую минуту может приговорить их к смертной казни».

Затем обвинитель вызвал свидетелей — Кэт Уэйд и Этель Стэнтон, — чьи показания уличали братьев. И только после того как перед присяжными нарисовалась вполне ясная картина зверского преступления, Мьюир перешел к главному доказательству — отпечатку пальцев. Этот момент судебного заседания напоминал со стороны лекцию. В зале суда установили большую доску, и Коллинз увлеченно объяснил присяжным принцип сравнения отпечатков пальцев. Он показал сильно увеличенные фотографии отпечатка большого пальца на шкатулке и оригинала большого пальца Альфреда Стрэттона и доказал 11 совпадений в обоих отпечатках. Защита, опираясь на мнение экспертов, попыталась сбить Коллинза с толку. Фолдс сделал упор на различиях в фотографиях Коллинза, вызванные тем, что пальцы прижимаются к фиксирующей поверхности с разной силой. Но все эти «различия» не имели ничего общего с рисунком папиллярных линий, и Коллинзу не составило труда убедить в этом присяжных. Коллинз прямо в зале суда несколько раз подряд взял у присяжных отпечатки пальцев, а затем наглядно продемонстрировал такие же «различия», как и те, на которые ссылалась защита. Затем защита, немного поколебавшись, решила вызвать для дачи показаний второго эксперта — доктора Гарсона. В глазах Мьюира при этом зажегся торжествующий огонек: он прекрасно подготовился к беседе с доктором. Дело в том, что Гарсон накануне процесса написал Мьюиру письмо, предлагая себя в качестве эксперта со стороны обвинения. Его то и предъявил Мьюир в зале суда. Как может доктор Гарсон объяснить это двурушничество? Доктор Гарсон попытался сказать, что он — независимый свидетель, но судья потребовал его удаления из зала: по мнению суда, этот свидетель не заслуживает доверия. В итоге присяжные заседатели и судья Ченнел согласились с тем, что отпечаток пальцев может фигурировать в качестве доказательства. Присяжные удалились

на совещание.

Мьюир не находил себе места. Он сделал все, что мог, для изобличения преступников. Но решение должны были принимать присяжные, а их совещание затянулось. Вот уже около двух часов они не могли прийти к единому мнению. Только в десять часов вечера присяжные вернулись в зал суда. Их вердикт гласил: Альфред и Альберт Стрэттоны виновны. Судья Ченнел вынес приговор: «Смерть через повешение». И только после этого Стрэттоны осознали, что произошло, и принялись осыпать друг друга упреками и взаимными обвинениями. Слова братьев не оставляли сомнений в их виновности. Вскоре их казнили.

После процесса над убийцами из Дептфорда газеты до небес превозносили дактилоскопию. Мысль о том, что отпечатки пальцев могут использоваться в суде, проникла в сознание простых граждан и венценосных особ. Узнали о новом методе криминалистики и преступники. Они стали осторожнее — надевали перед «делом» перчатки, старались стереть следы своих рук. Тем не менее дактилоскопия и сегодня остается одним из самых надежных методов изобличения нарушителей закона.

Дело женоубийцы Харви Криппена

Можно ли совершить идеальное преступление? Споры об этом не утихают до сих пор. Но с точки зрения преступника, каждое готовящееся преступление — идеально. Иначе нет смысла рисковать. Харви Криппен, убивший в ночь на 1 февраля 1910 года свою жену, придерживался того же мнения. Казалось, он предпринял все меры предосторожности. И только в зале суда понял свою ошибку… Исход процесса по делу женоубийцы определили английские патологоанатомы — Пеппер и Спилсбери, сумевшие по незначительным фрагментам тела идентифицировать труп жертвы.

30 июня 1910 года в Скотлендярде впервые услышали о Коре Криппен, артистке, выступавшей под псевдонимами Кора Торнер и Бель Эльмор. Один из друзей Коры, господин Нейш, обратился к лондонским сыщикам и попросил выяснить, куда она исчезла. По его словам, женщина пропала в самом начале февраля и с тех пор никто из общих знакомых ее не видел.

Кора была женой Харви Криппена — американского врача, представлявшего в Лондоне интересы американской фирмы патентованных медикаментов «Муньон ремдиз» и зубоврачебной фирмы «Туе спешиалистс». Супруги проживали в небольшом доме по адресу Хилдроп-Кресчент, 39, в северном районе Лондона. 31 января они устроили небольшой прием, на котором присутствовали друзья Коры — артисты, выступавшие под псевдонимом Мартинелли. Дружеская вечеринка затянулась до половины второго ночи, потом гости уехали.

3 февраля ансамбль «Мьюзикхолл Лейдиз Гулд», членом которого была Кора, получил два подписанных ею письма. Именно подписанных — сам текст письма был написан чужой рукой. Это было довольно странно, учитывая, что у Коры никогда не было секретаря. Да и для чего бы ей понадобилось диктовать текст письма кому-то, если гораздо быстрее можно было написать его самой? Еще большую настороженность вызвало содержание посланий. Кора сообщала, что из-за болезни одного из близких родственников она вынуждена уехать в Калифорнию. Но почему она не сообщила об этом лично? О судьбе Коры могли бы забыть, но Харви Криппен после «отъезда» жены повел себя довольно странно. Мало того, что он появился на балу со своей секретаршей Этель Ли Нив, — на ней были меха и драгоценности Коры! Друзья Коры были возмущены до глубины души и потребовали от Криппена объяснений. Но он заявил, что не

собирается ни перед кем отчитываться. Вскоре секретарша переехала в дом на Хилдроп-Кресчент, а еще через десять дней, 24 марта, Криппен сообщил друзьям, что Кора умерла в Лос-Анджелесе от воспаления легких.

Сотрудники Скотлендярда опросили других знакомых молодой женщины. Информация Нейша полностью подтвердилась. Расследовать странное исчезновение Коры Криппен было поручено старшему инспектору Дью. 8 июля он зашел в дом Криппена, но застал там только Этель Ли Нив — симпатичную женщину лет двадцати. Она посоветовала инспектору сходить на Оксфордстрит, в кабинет Криппена. Последний ничуть не встревожился, когда Дью появился на пороге.

Харви произвел на инспектора неплохое впечатление. Это был спокойный, уравновешенный человек лет пятидесяти. Трудно было заподозрить в нем преступника, тем более что Криппен чуть ли не с первых слов объяснил свое поведение. Он рассказал инспектору довольно банальную историю неудачной семейной жизни.

До знакомства с будущей женой он получил диплом в Нью-Йорке, какое-то время работал врачом в Детройте, Сантьяго, а затем в Филадельфии. Встреча с девушкой, которая называла себя Корой Тернер, изменила всю его жизнь. Кора была натурой артистичной и амбициозной. У нее был небольшой голос, но ей казалось, что ее судьба — театральные подмостки. Криппен охотно поддерживал честолюбивые планы своей жены, оплачивал уроки вокала и даже согласился на переезд в Лондон, когда Кора сказала ему, что в британской столице ей легче будет сделать карьеру… Его не смущало ни то, что настоящее имя супруги было куда менее звучным, чем ее псевдонимы, — Кунигунда Макамотски, ни весьма скромные отзывы специалистов о вокальных данных Коры.

Как и следовало ожидать, в Лондоне Кора не смогла пробиться дальше дешевого мюзик-холла. С каждым днем она становилась все более раздражительной, нередко открыто шла на скандалы с мужем, обзавелась сомнительными, с его точки зрения, знакомствами. Ее последним увлечением стал американец Мюллер. К нему-то и ушла Кора. История с ее поспешным отъездом и последующей смертью — выдумка. Но разве инспектору трудно понять, что Криппен не желал играть роль покинутого мужа? Тем более, что нашлась женщина, способная оценить его по достоинству. Поначалу инспектор Дью проникся сочувствием к Криппену. Он составил протокол и уже думал закрыть дело, но ему потребовалось уточнить некоторые

обстоятельства. Однако когда он 11 июля зашел на Оксфордстрит, чтобы задать Криппену несколько вопросов, выяснилось, что тот спешно покинул Лондон на следующий день после визита инспектора. Дью немедленно проверил дом на Хилдроп-Кресчент. Этель Ли Нив также исчезла. Это было в высшей степени подозрительно, и полиция решила обыскать здание. Обыск комнат ничего не дал, но в подвале, после двух дней поисков, Дью нашел участок кирпичной кладки, который недавно вскрывали. Под кирпичами он обнаружил кровавое месиво. Среди частей тела виднелись клочки одежды.

На следующий день на место преступления прибыл хирург и патологоанатом Огастес Джозеф Пеппер. Этот талантливый медик был широко известен в Англии. Именно благодаря его исследованиям удалось распутать несколько громких дел — об убийстве на ферме Моат, а также дела Дрюса и Деверойкса. Но поначалу даже ему казалось, что задача неразрешима.

Убийца выказал прекрасное знание анатомии и, кроме того, был в курсе возможных способов идентификации останков человека. Он не только отделил от трупа голову и конечности, но и удалил из него все кости, а также все части тела, по которым можно было бы определить пол жертвы. Часть мышц и кожного покрова также исчезла. Тем не менее, Пеппер решил не сдаваться. 15 июля он провел тщательное расследование останков. Первой возможной уликой могли стать клочья ночной рубашки. На одном из них остался ярлык фирмы: «Рубашки братьев Джонс Холоувей». По состоянию частей тела патолог определил и возможное время убийства — не более восьми недель назад. Судя по длине найденных Пеппером волос, можно было предположить, что жертвой убийства стала женщина. Но для суда этих улик было недостаточно.

Тем временем к расследованию подключился прокурор Ричард Мьюир. Он с нетерпением ожидал результатов экспертизы — ведь если невозможно будет доказать, что найденные останки принадлежали некогда Коре Криппен, дело придется закрыть за недостаточностью улик. Правда, приятельницы Коры опознали ее ночную рубашку — но таких рубашек в Лондоне не одна сотня. Переломный момент наступил после того, как Пеппер обнаружил среди останков кусок кожи размером 14*18 сантиметров, на поверхности которого было заметно странное изменение. Целый ряд признаков указывал на то, что это мог быть участок кожи с нижней части живота. Мьюир вновь опросил подруг Коры и узнал, что ей сделали операцию, в ходе которой удалили матку. У полиции появилась надежда.

Тем временем Скотленд-Ярд опубликовал точное описание

внешности Криппена и Этель Ли Нив. Они были объявлены в розыск. А преступники чувствовали себя в полной безопасности: 20 июля они сели на пассажирский пароход «Монтроз» и, чтобы окончательно отвести от себя подозрения, устроили маскарад. Этель переоделась мужчиной, беглецы взяли билеты на чужое имя: Джон Фило Робинзон и его сын Джон. Но роль оказалась им не под силу. Капитан парохода обратил внимание на то, что их взаимоотношения скорее напоминают воркование влюбленной парочки, чем нежную любовь родственников. Сверившись с описанием преступников, он по телеграфу сообщил в Лондон о том, что беглецы найдены. 23 июля инспектор Дью и сержант Митчелл сели на быстроходный пароход «Лаурентик» и уже через неделю арестовали мнимых Робинзонов. Вскоре (10 августа) задержанные были доставлены в Лондон.

Тем временем патологи бились над нелегкой задачей: доказать, что найденный Пеппером лоскут кожи с шрамом принадлежал Коре Криппен. Пепперу теперь помогал его бывший ученик Спилсбери, который специализировался на микроскопических исследованиях. Спилсбери удалось найти места уколов от наложения шва на рану. Кроме того, он обнаружил некоторые характерные признаки того, что найденный лоскут кожи действительно был взят с нижней части живота. Исследование останков Коры преподнесло следствию еще один сюрприз: в тканях были обнаружены следы растительного яда — гиосцина. Картина преступления становилась все более полной.

Вскоре Скотлендярд располагал целым набором убедительных доказательств. Было выяснено, что 17 или 18 января Криппен приобрел у фирмы «Льюис энд Бэрроуз» пять граммов гиосцина. Такое количество никак не могло найти применения в практике доктора Криппена. Фирма братьев Джонс подтвердила, что в январе 1909 года продала Криппену три одинаковых рубашки. Две из них позже были найдены в доме.

Процесс над убийцей должен был начаться 18 октября 1910 года. Защитником Криппена был Артур Ньютон. Этот юрист имел репутацию бесчестного человека, не брезговавшего никакими методами для достижения своей цели. Защиту Криппена он решил построить на свидетельстве других патологоанатомов. Если бы они поставили под сомнение выводы Пеппера и Спилсбери, то адвокат мог бы утверждать, что следствие ошиблось и останки в подвале были там еще до того, как Криппены въехали в дом (это произошло 21 декабря 1905 года). За помощью он обратился к директору Института патологии при Лондонском госпитале Хьюберту Мейтланду Торнболлу и его ассистенту Уоллу. Ловко сыграв на чувстве зависти, которое они

испытывали к Пепперу, Ньютон попросил их высказать свое мнение относительно лоскута кожи со шрамом. Бегло осмотрев улику, те заявили, что этот участок кожи вовсе не с живота, а с бедра, а так называемый шрам — всего лишь кожная складка, образовавшаяся после смерти. Ньютон решил ковать железо, пока горячо. Он попросил медиков тут же изложить свои выводы на бумаге. Лишь за день до начала процесса Торнболл с ужасом узнал о том, что его заявление фигурирует в процессе в качестве доказательства. Понимая, что на карту поставлена его репутация, он попросил разрешения провести дополнительные микроскопические исследования. Ошибка обнаружилась сразу. Но Тарнболл не решился открыто ее признать. Процесс начался.

Суд присяжных оказался в затруднительном положении. Обычно выступления свидетелей основывались на непосредственных наблюдениях: кто-то видел убийцу, убегавшего с места преступления, кто-то случайно заметил у него вещи, ранее принадлежавшие жертве. Но сейчас и в роли свидетелей защиты, и в роли свидетелей обвинения выступали дипломированные, авторитетные медики. Их речь была пересыпана терминами, которые ничего не говорили непосвященным, даже если были изложены по пунктам. Торнболл и Уолл утверждали, что лоскут кожи — не кожа низа живота, поскольку на ней нет сухожилий, типичных для этой области. Кроме того, настаивали они, не наблюдается линия альба, которая проходит от груди до лобка, а сам шрам — вовсе не шрам, ведь на нем нет проколов от хирургической иглы.

Все эти доводы были разбиты, как только на место свидетеля был вызван Бернард Спилсбери. Первым делом он заявил, что экспертам со стороны защиты следовало бы знать, что сухожилия не пронизывают кожу. Они расположены как раз в мышцах, которые убийца вырезал. Линия альба, продолжал он, всего лишь указывает, где под кожей находятся соединения мышц и сухожилий. Но их-то в данном случае нет, а значит, и линию увидеть невозможно. Но самым убийственным было следующее заявление. Спилсбери с иронией сказал, что раз его оппоненты не нашли сухожилий, характерных для низа живота, то он может их показать — и приподнял пинцетом остаток сухожилия. Даже видавший виды судья лорд Альверстон был поражен. Он прямо спросил у Торнболла, видит ли он сухожилие. Свидетели защиты были вынуждены признать, что перед ними — участок кожи с нижней части живота. Но продолжали настаивать на том, что шрам — это не послеоперационный шов, а кожная складка. В ответ на это Спилсбери распорядился принести микроскоп и положил на предметное стекло подготовленные препараты.

Присяжные столпились вокруг микроскопа. Каждый из них мог лично убедиться в том, что при сильном увеличении на шве хорошо просматриваются следы иглы.

22 октября присяжные удалились на совещание. Уже через двадцать минут они вынесли вердикт: «Виновен!». Спустя четыре недели Криппена, врача-убийцу, повесили. Все его попытки скрыть убийство жены потерпели крах. Не помогло ни прекрасное знание анатомии, ни продуманная линия поведения.

Преступление Криппена вполне могло стать идеальным. Для этого им с Этель нужно было только немного подождать и не привлекать к себе внимания. Но Криппен поторопился покинуть Лондон. Возможно, он не мог больше находиться в одном доме с останками своей жертвы. А может быть, приход инспектора Дью убедил его в том, что правда так или иначе выплывет наружу. Как бы то ни было, процесс по делу Криппена еще раз подтвердил старый тезис: преступник всегда совершает ошибки.

Дело Жанны Вебер, или Роковая ошибка судебных медиков

Имя Жанны Вебер в начале XIX века стало синонимом нечеловеческой жестокости. Эта невзрачная женщина собственноручно задушила нескольких детей, однако всякий раз избегала наказания из-за ошибок судебной медицины. Газеты писали о ней как о невинной жертве судейского произвола до тех пор, покаубийцу не поймали на месте преступления.

Жанна Вебер не была коренной парижанкой. Она родилась в рыбацкой деревушке, а в столицу Франции приехала в четырнадцатилетием возрасте. В 1893 году она вышла замуж за Жана Вебера, и на свадьбе звучало немало шуток по поводу сходства имен супругов. Прошло несколько лет, и в обширном семействе Вебер начали твориться страшные вещи: меньше чем за месяц умерло четверо детей. Все они погибли от удушья. И во всех случаях рядом с детьми была Жанна Вебер. Тревогу подняла Чарлез Вебер. Пятого апреля 1905 года она принесла в приемный покой госпиталя Бретоно едва дышащего ребенка с посиневшим лицом. Доктор Сайан осмотрел ребенка и обнаружил явления, свидетельствовавшие о перенесенном приступе острого удушья. Разумеется, он начал расспрашивать перепуганную женщину о возможных причинах этого состояния. Чарлез рассказала, что в этот день она вместе со свояченицей Пьереттой Вебер решила навестить Жанну Вебер — свою родственницу. Своего маленького сына, Мориса, взяла с собой — дома его не с кем было оставить. После обеда Жанна попросила гостей сходить за покупками — она плохо себя чувствовала. Женщины охотно согласились. Они оставили ребенка в доме, а сами вышли на улицу. Пьеретта вернулась в дом через какихто пять минут. Морис лежал с посиневшим лицом на кровати, изо рта его шла пена, а Жанна Вебер сидела рядом с ним. Обе руки родственницы были под рубашкой, на груди малыша. Следом за Пьереттой в комнату вошла Чарлез. Она буквально вырвала сына из рук Жанны Вебер и бросилась сначала к ближайшему врачу, доктору Муку, а затем — в госпиталь. После рассказа Чарлез доктор Сайан тщательнее осмотрел Мориса. На этот раз он заметил на шее мальчика красноватый след величиной с палец, более отчетливо видимый с боков, чем спереди. Морис был вне опасности, но его на всякий случай поместили в детскую палату. Мать осталась с ним.

Через несколько часов доктор Сайан вновь навестил маленького пациента и еще раз поговорил с Чарлез. От нееото он и

узнал о странной череде детских смертей в семействе Вебер. Первыми погибли две дочери Пьера Вебера, Жоржет и Сюзанна. Обе девочки умерли от приступов удушья, и оба раза их мать отлучалась из дома, оставляя детей под присмотром Жанны Вебер. Первую жертву Жанна задушила 2 марта, очередь следующей пришла через девять дней. Через две недели Жанна Вебер отправилась в гости к другим родственникам — Леону Веберу и его жене. Их семимесячная дочь, Жермен, ненадолго осталась на попечении Жанны. Утром она стала задыхаться и кричать. К счастью, ее крик услышала бабушка, которая жила в том же доме. Она увидела ту же картину, которая так потрясла Пьеретту и Чарлез: на коленях Жанны Вебер лежала девочка с посиневшим лицом. Видимо, появление нежданной свидетельницы заставило убийцу отказаться от своих планов. Но лишь на короткое время. 26 марта Жермен во второй раз оставили под присмотром добровольной няни. На сей раз никто не вошел в комнату. Девочку похоронили 27 марта. На Жанну Вебер начали посматривать с подозрением. Но буквально на следующий день внезапно заболел и умер ее собственный сын, семилетний Марсель. Причиной стало удушье — якобы от последствий дифтерии. Это трагическое событие мгновенно очистило Жанну от подозрений в глазах родственников. Но доктор Сайан смотрел на смерть четверых детей иначе.

После того как Морис Вебер окончательно выздоровел, фиолетовый оттенок с его лица исчез. А вот на шее стали отчетливо видны подозрительные синяки. Все эти обстоятельства заставили врача рассказать о своих подозрениях комиссару полиции района Гутд'Ор, где проживали Веберы. Час спустя Жанна Вебер была арестована, и инспекторы принялись опрашивать свидетелей смерти детей.

Довольно скоро выяснилось несколько новых деталей. Кроме погибшего Марселя, у Жанны Вебер было две дочери, которые умерли несколько лет назад. Врачи, констатировавшие их смерть, так и не смогли понять, что же произошло с детьми. Кроме того, удалось установить имена еще двух предполагаемых жертв Жанны Вебер. В 1902 году у нее на руках умерли Люси Александр и Марсель Пуато. Родственники, вызванные на допрос, рассказали, что им было известно о гибели маленьких дочерей Жанны, поэтому они воспринимали ее предложение посидеть с их детьми как естественную просьбу женщины с «неудовлетворенным чувством материнства».

Когда инспекторы Бовэ и Куарэ начали расследовать обстоятельства гибели детей Пьера Вебера, они были шокированы. Ведь если бы родители были хоть чуть-чуть

внимательнее, трагедии бы не произошло. Через час после того, как маленькая Жоржет осталась с Жанной Вебер, к ее матери в прачечную прибежала соседка, мадмуазель Пуш, услышавшая крики ребенка. Вместе они прибежали домой и застали Жанну у кровати задыхающейся Жоржет. Мать с трудом смогла отнять ребенка и поднесла его к окну. Девочка стала дышать ровнее. И мать, ничего не заподозрив, ушла обратно в прачечную. Не прошло и часа, как соседка прибежала вновь. На этот раз они опоздали — Жоржет умерла. Вызванный врач только отмахнулся от мадмуазель Пуш, когда она показала ему синяки на шее девочки. Он предпочел без долгих разбирательств поставить диагноз: судороги. Тот же диагноз он поставил через несколько дней, когда скончалась маленькая Сюзанна. Картина произошедшего повторилась в точности, только на этот раз убийство едва не предотвратил отец девочки вместе с другой соседкой. Несколько раз Жанне «мешали» и в случае с дочерью Леона Вебера. И вновь все закончилось смертью малышки, а Жанна вышла сухой из воды.

К 9 апреля следователь Лейдэ, занимавшийся делом Жанны Вебер, закончил предварительную проверку показаний свидетелей. Он был абсолютно уверен, что ни одна из детских смертей не была случайной, вызванной естественными причинами. Но это еще нужно было доказать. Поэтому следователь обратился к доктору Леону Анри Туано, поручив ему обследовать чудом выжившего Мориса Вебера и провести эксгумацию трупов предыдущих предполагаемых жертв.

Сорокасемилетний Туано не был новичком в судебной медицине. Его не раз приглашали в суд в качестве эксперта. Но ко времени обследования Мориса следы на его шее уже полностью исчезли. Туано поторопился с выводами. Он официально заявил, что на шее ребенка нет никаких следов насилия. А удушье объяснил судорогами голосовой щели, которые часто встречаются у детей. 14 апреля были выкопаны гробы Жоржет, Сюзанны и Жермен Вебер. Но ни в одном случае Туано не обнаружил никаких следов насилия — ни синяков на шее, ни повреждений языка или гортани. То же заключение эксперт выдал и относительно родного сына Жанны Вебер — Марселя. Следователь Лейдэ оказался в тупике. Противоречия между результатами вскрытия и предварительными материалами следствия казались невероятными. Он вновь обратился к Туано с просьбой о новой экспертизе. Но получил более пространный, но, по сути, тот же самый отчет. Туано отклонил показания свидетелей о фиолетовых и почерневших лицах, о следах на шее, о вылезших из орбит глазах. Почему? Ответ содержится в

короткой фразе из отчета судебного медика: «Подобные утверждения лиц, не имеющих медицинского образования, абсолютно неубедительны». Точно так же — ссылаясь на некомпетентность свидетелей — он отмел подозрения в том, что Жанна Вебер могла задушить ребенка путем сдавливания его грудной клетки. И лишь в случае с Морисом, которого обследовали в госпитале Бретано, он допустил возможность попытки удушения ребенка.

Прокурор Зеелигман возбудил против Жанны Вебер уголовное дело об убийстве и покушении на убийство. Но из-за противоречий между свидетельством Туано, который являлся несомненным авторитетом в области судебной медицины, и показаниями свидетелей предварительное расследование надолго затянули. Перед присяжными Жанна Вебер предстала только 29 января 1906 года. Возле здания суда собралась огромная толпа матерей, проклинавших «убийцу из Гутд'Ор». Но на сей раз Жанна получила поддержку не только в лице судебных медиков (в деле фигурировало теперь новое заключение, сделанное совместно Туано и профессором Бруарделем), но и Генри Роберта — известного адвоката.

Роберт решил использовать дело Жанны Вебер для укрепления своей репутации. Надо сказать, это он проделал блестяще. Благодаря каверзным вопросам адвоката свидетели обвинения выглядели неубедительно. Они путались в собственных показаниях. На их фоне выступление Туано выглядело особенно аргументированным. Уже на следующий вечер, 30 января, Зеелигман был вынужден предложить оправдать Жанну Вебер. Впервые за все время на лице подсудимой отразились какие-то эмоции. Она поцеловала Роберту руку, позвала своего мужа и потребовала, чтобы он при всех признал ее невиновной… Сейчас трудно установить, был ли это спонтанный поступок, или все было срежиссировано Робертом, но отношение зрителей к Жанне резко изменилось. Из зала ее буквально вынесли на руках. А журнал «Анналы общественной гигиены и судебной медицины» поместил все отчеты о результатах экспертиз в январском выпуске. Впрочем, это как раз было неудивительным: ведь редактором журнала был Бруардель. Профессор умер 23 июля 1906 года, так и не узнав, что его заключение позволило Жанне Вебер убивать и дальше.

После выхода на свободу Жанна некоторое время не давала о себе знать. Новое преступление она совершила лишь в середине апреля следующего года. 16 апреля в общине Виледью департамента Индре в дверь доктора Папазоглу позвонила маленькая девочка. Она рассказала, что ее брат Огюст очень

болен, и попросила врача как можно скорее пойти с ней. Девочку звали Луиза Бавузэ. Ее отец вместе с тремя детьми и сожительницей по фамилии Мулине жил в Шамбри. Выслушав девочку, врач расспросил ее о симптомах болезни, дал слабительное для брата, а сам отправился на свадьбу к соседу.

На следующее утро к Папазоглу пришел отец мальчика. По его словам, с ребенком случилось что-то серьезное. Врач немедленно отправился в Шабри, но когда он приехал, девятилетний Огюст уже скончался. Рядом с постелью ребенка он увидел полную круглолицую женщину с черными глазами. Ребенок был уже помыт и переодет в новую рубашку, воротник которой туго облегал его шею. На вопрос врача о том, зачем это сделали, женщина равнодушно ответила, что мальчика вырвало. Папазоглу чувствовал свою вину: ведь вчера он пошел на свадьбу, вместо того чтобы навестить пациента. Поэтому решил хотя бы осмотреть ребенка, как положено. Сняв рубашку, доктор сразу же увидел вокруг шеи мальчика странное покраснение. Он отказался засвидетельствовать естественную смерть и вызвал полицию. Дежурный следователь отправил в Шамбри доктора Шарля Одья. Он приехал перед самыми похоронами и обнаружил тело Огюста в часовне. Доктор распорядился принести несколько досок и на этом импровизированном столе произвел вскрытие. Поначалу он был склонен согласиться с мнением Папазоглу. Но красная линия проходила как раз по краю воротника, а о подобных случаях он недавно читал в медицинской литературе. В некоторых случаях давление воротника после смерти могло оставить след, похожий на странгуляционную борозду. А когда Одья услышал, что перед смертью мальчик болел, то решил, что его смерть была естественной.

К счастью, не все разделяли точку зрения эксперта. Старшая сестра Огюста, Жермен, была настолько уверена, что в смерти брата виновата новая сожительница отца, что решилась на довольно рискованный поступок. Она тщательно осмотрела вещи мадам Мулине и нашла пачку газетных вырезок, в которых говорилось о процессе Жанны Вебер. В некоторых газетах были снимки подсудимой. С фотографии смотрела женщина, которую жители Шамбри знали под именем мадам Мулине. Жермен спрятала вырезки под фартук и отправилась в Виледью. Она выложила улики на стол инспектора Офана и сказала: «Это она. Она задушила Огюста».

23 апреля следователь Бэлло возбудил уголовное дело против ВеберМулине. Он потребовал, чтобы доктор Одья проверил свое заключение. Другому патологоанатому, Фредерику Брюно, он поручил произвести повторное вскрытие. Отчет доктора Брюно

расставил все точки над «i». Ни о какой естественной смерти не могло быть и речи. Странгуляционная полоса прослеживалась отчетливо. Более того, доктора Брюно и Одья пришли к выводу, что такой след мог получиться в том случае, если Жанна Вебер использовала платок. Вероятно, убийца обернула платок вокруг шеи ребенка и закрутила спереди.

4 мая Жанну Вебер арестовали. Все парижские газеты напечатали сообщение о новом преступлении «убийцы из Гутд'Ор». На парижских медэкспертов, чье заключение позволило оправдать Жанну Вебер, и на ее адвоката Генри Роберта обрушился шквал вопросов. Их обвиняли в том, что 30 января 1906 года они одержали победу не над преступлением, а над правосудием. Разумеется, они не оставили нападки прессы без ответа. 8 мая Роберт заявил, что будет защищать Жанну Вебер и на будущем процессе. Он придерживался той же тактики: поставил под сомнение компетентность провинциальных врачей и потребовал, чтобы причину смерти установил преемник Бруарделя, доктор Туано.

Туано полностью оправдал надежды адвоката. Он не хотел признать поражение парижской школы судебной медицины и, разумеется, свое собственное. Поэтому он направил следователю письмо, в котором настаивал на эксгумации трупа и его повторном исследовании. К тому моменту, как он прибыл в Шамбри, тело пролежало в земле уже три месяца. Одья и Брюно отказались присутствовать на вскрытии. Они прекрасно понимали, что Туано разыгрывает тот же спектакль, который однажды уже с успехом прошел в Париже. Да и какой смысл был в эксгумации полуразложившегося трупа? Все доказательства, указывающие на удушение Огюста, были безвозвратно утрачены.

Выводы Туано были весьма категоричными: Огюст скончался. от брюшного тифа! Дело в том, что парижский медик обнаружил в кишечнике мальчика так называемые пятна Пэйе — один из признаков брюшного тифа. Следователь Бэлло пытался повлиять на ситуацию. Он попросил докторов Одья и Брюно прокомментировать выводы Туано. Они объяснили, что в учебнике Вибера описаны случаи, когда у детей в кишечнике обнаруживается множество белых пятнышек, похожих на пятна Пэйе. Но их наличие вовсе не означает, что ребенок болел брюшным тифом. Туано в ответ привел другую цитату из того же учебника: если пятна в кишечнике имеют вид язвочек, можно предположить тиф. Спор медиков мог продолжаться бесконечно. Поэтому следователь обратился к трем известным судебным медикам — профессору Ландэ из Бордо, профессору Бриссо из Парижа и профессору Мэрэ из Монпелье. Они исследовали

заключения обеих сторон и приняли сторону Туано. В декабре 1907 года Жанна Вебер — уже во второй раз! — вышла из следственной тюрьмы свободной и оправданной.

Точка в деле Жанны Вебер была поставлена позже. Она успела совершить еще одно кровавое преступление. Парижане прочли о нем в газетах 9 мая 1908 года. На этот раз след Жанны Вебер отыскался в Коммерси. Она прибыла туда в качестве жены штукатура Эмиля Бушери. Супружеская чета остановилась в трактире Пуаро на Рюдела-Паруас. Вечером Эмиль ушел на работу. Его жена играла с Марселем, сыном трактирщика. Ближе к ночи женщина пожаловалась, что боится оставаться одна, и попросила трактирщика оставить Марселя в ее комнате, на кровати мужа. Пуаро охотно согласился.

Около десяти часов вечера постоялец со второго этажа услышал крик ребенка и позвал хозяина. Вместе они зашли в комнату мадам Бушери и остолбенели: Марсель лежал на кровати весь окровавленный. Он не дышал. Жена нового постояльца вытянулась рядом с телом Марселя. Ее руки и рубашка были в крови, а у кровати валялось несколько носовых платков, пропитанных кровью.

Пришедший через несколько минут доктор Гишар констатировал смерть ребенка. Он отметил и следы сдавливания на шее, и противоестественное спокойствие мадам Бушери, которая спокойно заявила, что ничего не знает. Через несколько минут появились жандармы. Проведя обыск, они обнаружили в вещах новой постоялицы письмо Генри Роберта, адресованное Жанне Вебер. Мадам Бешери призналась, что ее настоящее имя — Жанна Вебер, но отрицала свою вину.

На сей раз дело Жанны Вебер вел Ролен. Следователь решил во что бы то ни стало добиться справедливости. Тело мальчика под охраной было отправлено в больницу. Но перед этим его сфотографировали в нескольких ракурсах. Фотограф не отходил от проводившего вскрытие профессора Паризо из Нанси. Он фотографировал каждый разрез. Но это было излишне: странгуляционная полоса проходила вокруг всей шеи, на шее и лице были обнаружены множественные следы ногтей и маленькие синячки — несомненные следы удушения. На языке — следы зубов Марселя. Однако Ролен решил подстраховаться. Он пригласил для экспертизы еще и профессора Мишеля, патолога из университета в Нанси. А сам тем временем попытался выяснить, где жила и чем занималась Жанна Вебер с декабря 1907 года. Он узнал немало ценных для следствия деталей.

После освобождения Жанна какое-то время жила в ночлежке в Фокомбле. Потом, по рекомендации президента Общества

защиты детей, Жоржа Бонжо, она получила место няни в детском доме Оргевиля. Однако Бонжо очень быстро убедился, что Жанна Вебер — вовсе не жертва судебного беспредела. Через несколько дней она попыталась задушить больного ребенка. Бонжо мог — и был обязан в конце концов! — передать ее в руки правосудия. Но он побоялся оказаться в смешном положении, поэтому всего лишь уволил Жанну.

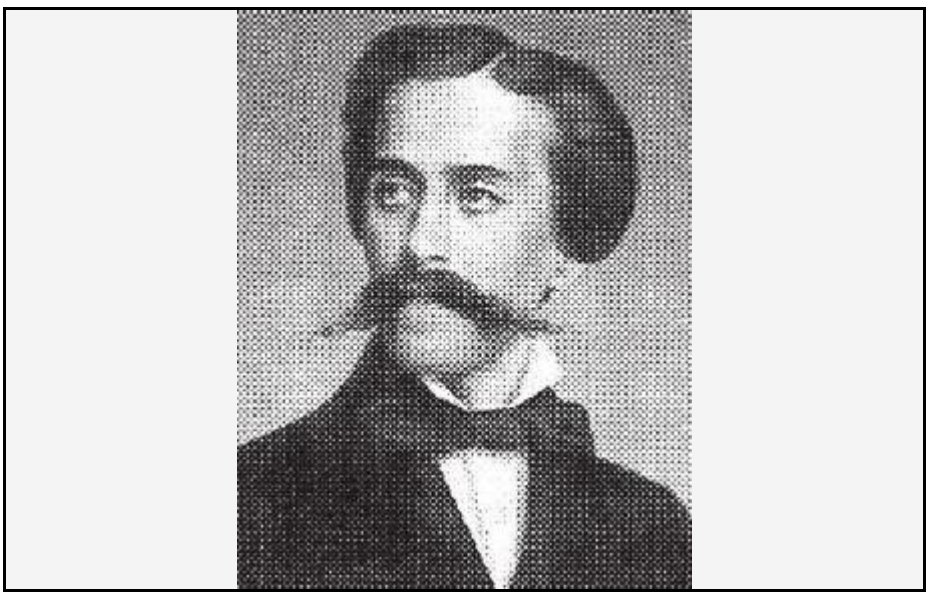
В марте 1908 года Жанна Вебер была арестована за бродяжничество. Во время ареста она заявила, что она — та самая Жанна Вебер, которая убила детей в Гутд'Ор. Но затем отказалась от своих слов. Префект полиции Лепин поручил невропатологу Тулузу обследовать женщину, и тот нашел ее психическое состояние абсолютно нормальным. А в апреле 1908 года Жанна появилась в Барле-Дю и сошлась со своим нынешним сожителем.

Тем временем медэксперты закончили работу и представили следствию окончательное заключение: «Смерть наступила в результате удушения при помощи носового платка, закрученного вокруг шеи и затянутого под подбородком». Заявление профессоров произвело эффект разорвавшейся бомбы. В полемике не участвовал лишь Туано. Он наотрез отказался признать собственную ошибку. Доверие присяжных к парижской школе судебной медицины было подорвано. Но медики все же нашли возможность не доводить дело до суда. 25 октября 1908 года парижский психиатр Лато признал Жанну Вебер невменяемой. Она была помещена в сумасшедший дом Марсеваля и через два года покончила с собой.

Для криминалистов всего мира дело Жанны Вебер служит напоминанием о том, какой дорогой ценой может быть оплачена ошибка экспертов. И насколько несовершенно правосудие, позволившее убийце не только избежать наказания, но даже стать — пусть и ненадолго — чуть ли не народной героиней.

Дело «об убиении французской подданной Луизы Симон-Дюманш»

За миновавшие с той поры полтора столетия о деле Симон-Дюманш написаны книги, снят телефильм, но и поныне полной ясности о том, что же случилось в ноябре 1850 года в Москве, нет. В этом смысле «дело Симон-Дюманш», как никакое другое, заслуживает эпитета «загадочное». Главным обвиняемым по делу проходил ее любовник А. В. Сухово-Кобылин. Александр Васильевич был ярким представителем российской знати: столбовой дворянин, крупный и небезуспешный предприниматель, литератор. Впоследствии он написал несколько ставших известными пьес: «Смерть Тарелкина», «Свадьба Кречинского», «Дело».



Александр Сухово-Кобылин

В 1927 году в Ленинграде вышло довольно любопытное исследование Леонида Гроссмана «Преступление Сухово-Кобылина», в котором доказывалось, что писатель виновен в убийстве. А в 1936 году в Москве Виктор Гроссман издал книгу «Дело Сухово-Кобылина», в которой отстаивал прямо противоположную точку зрения. Подобное столкновение взглядов

— явление исключительное. Дело в том, что Сухово-Кобылин — преуспевающий помещик и деятельный, предприимчивый коммерсант, основавший винокуренный, свеклосахарный, спиртоочистительный заводы, а также первый в России завод шампанских вин, — целых семь лет ходил под подозрением в убийстве своей, как теперь сказали бы, гражданской жены СимонДюманш (встречаются и другие написания этой фамилии — Диманш и Деманш). Александр Васильевич познакомился с француженкой в 1841 году в Париже. Вскоре Луиза приехала в Москву. На деньги, ссуженные любовником, она приобрела винный погреб и даже вступила в купечество, оставаясь при этом подданной Франции. И вдруг вечером 8 ноября 1950 года новоявленная купчиха неожиданно исчезла, о чем «обеспокоенный» литератор заявил в полицию. Он лично посетил московского оберполицмейстера Ивана Дмитриевича Лужина с просьбой провести поиск. Через два дня у Ваганьковского кладбища был обнаружен труп неизвестной женщины, в которой Александр Васильевич и его дворовые люди — Галактион Кузьмин и Игнат Макаров — опознали Дюманш. Погибшая была не просто зарезана — она была зверски избита, вероятно, с использованием орудия наподобие кистеня. Осмотр показал, что у нее на шее имеется вдавленный рубец, на лице — огромный кровоподтек. Платье — в крови, сломано несколько ребер. Убийство было очень кровавым, и не подлежало сомнению, что его следы должны были остаться на месте совершения преступления.

Здесь необходимо сказать, что акт, который описывал состояние одежды погибшей, впоследствии исчез из дела. Этот документ стал в определенный момент времени кому-то неудобен и потому его «изъяли». Скорее всего, тело уже мертвой либо агонизировавшей женщины было вывезено из Москвы и брошено в поле. На убитой были обнаружены драгоценности, что истолковали как отсутствие корыстной подоплеки убийства, хотя богатые женщины в то время порой носили на себе целые состояния и пропажа нескольких самых ценных вещей могла остаться незамеченной. Отсутствие на убитой при такой холодной погоде зимнего жакета могло быть объяснено тем, что убийство, по всей видимости, совершили в помещении.

Как только все эти подробности стали достоянием общественности, молва стала обвинять в убийстве самого Сухово-Кобылина, который поменял французскую любовницу на русскую — жену видного дворянина А. Г. Нарышкина. Осенью 1850 года московское общество внимательно следило за тем, как развивался роман холостяка и Надежды Ивановны. Во время суда Сухово-

Кобылин упорно отрицал любовные связи с обеими женщинами. Особый цинизм этой лжи состоял в том, что Надежда Нарышкина в 1851 году родила от него ребенка. Девочку назвали, как бывшую любовницу Сухово-Кобылина, Луизой, и позже, в 1883 году, он официально ее удочерил. Следователи решили, что суть дела в любовном треугольнике, и «тщательно» проверили Сухово-Кобылина на возможную причастность к смерти Дюманш. Выяснилось, что буквально за четыре дня до случившегося светский лев с миллионным состоянием почему-то переехал из дома во флигель, где были обнаружены на полу подозрительные пятна. О том, как эти пятна могли появиться, Сухово-Кобылин ничего вразумительного сказать не смог, лишь заявил, что его повар имел обыкновение резать в сенях птицу. Он был до того растерян, что даже не смог сказать, кто и когда мыл полы в занимаемых им помещениях. Причем показания даже насчет мытья полов литератор менял несколько раз. Это заставило полицейских провести не обычный осмотр, а обыск. Теперь пятна были обнаружены и в одной из комнат. Когда 16 ноября 1850 года подозрительные фрагменты штукатурки и плинтусов были вырублены и доставлены для сохранения в полицейскую часть, оказалось, что их было тридцать три! При этом в остальных комнатах флигеля ничего похожего на эти бурые пятна обнаружено не было. Личная переписка Сухово-Кобылина была опечатана и изъята для последующего ознакомления следователей. И хотя наука того времени не позволяла отличить кровь животного от человеческой, сомнений в том, что это кровь, не было.

Оберполицмейстер И. Д. Лужин поручил расследование убийства Симон-Дюманш приставу Хотинскому. Тот исключил причастность к убийству кого-либо из извозчиков, а также убедился, что ни одно помещение в доме графа Гудовича, где квартировала Луиза, не могло оказаться местом ее убийства. Показания прислуги, в целом не противоречившие друг другу, сводились к следующему: хозяйка в последний день своей жизни ушла из дому утром (около девяти) и весь день пробыла в гостях у своей подруги. Вернулась домой она с кучером Галактионом Кузьминым около 21.00 и через час снова ушла, предупредив, что скоро вернется. Кучер Галактион Кузьмин, служанки Аграфена Кашкина и Пелагея Алексеева и приходящий от Сухово-Кобылина повар Ефим Егоров были единогласны в этих показаниях. Здесь интересен тот факт, что допросы прислуги, датированные 11 ноября 1850 года, почему-то не были подписаны допрошенными, хотя те были грамотными. К тому же позже выяснилось, что Ефим Егоров и Галактион Кузьмин на момент снятия показаний были

несовершеннолетними (не достигли 21 года), а это было уже серьезным процессуальным нарушением.

Все эти детали сложились в неприглядную картину, и пристав Хотинский подписал ордер на арест Сухово-Кобылина. Также были арестованы повар Ефим Егоров и камердинер Сухово-Кобылина Макар Лукьянов. Причиной ареста последних послужило то, что их показания противоречили заявлениям Сухово-Кобылина. Арест дворянина, да притом такого известного, наделал в Москве много шума. Но еще более скандальным оказалось другое решение следователя — он обязал Надежду Нарышкину не покидать Москву и взял с нее подписку о невыезде. Замужняя женщина открыто подозревалась полицией в соучастии в убийстве — это ли не повод для светских сплетен! То, что полиция заинтересовалась представителями высшей московской знати, вызвало повышенное внимание властей к расследованию. Военный генерал-губернатор Москвы граф Арсений Андреевич Закревский 18 ноября 1850 года предписал учредить особую следственную комиссию, которой надлежало взять расследование убийства Симон-Дюманш в свои руки. Возглавил комиссию управляющий секретным отделением при московском военном губернаторе коллежский советник Василий Шлыков. Высокий ранг этого чиновника подчеркивал то внимание, которое отныне придавалось расследованию. Прежние полицейские следователи — Хотинский и Редкин — были включены в состав комиссии Шлыкова на правах рядовых ее членов.

И вдруг 20 ноября Ефим Егоров дал признательные показания частному приставу Ивану Федоровичу Стерлигову об убийстве «французской купчихи Симон» в ее квартире в доме графа Гудовича на Тверской улице. Он утверждал, что совершил убийство Луизы Симон-Дюманш в сговоре с ее домашней прислугой и кучером. Галактион Кузьмин непосредственно помогал ему в убийстве, а обе женщины — Пелагея Алексеева и Аграфена Иванова — в сокрытии следов преступления. В качестве мотива убийства Егоров назвал ненависть крепостных людей к француженке, которая занималась рукоприкладством. Но ряд существенных моментов заставляют серьезно усомниться в том, что автор этого «признания» вообще представлял себе те обстоятельства, в которых признавался. Показания каждого из «найденных» подозреваемых во многом не соответствовали главной версии. Так, например, «всплыла» любимая домашняя собачка хозяйки Дуду, а вслед за нею еще три. Если бы убийство происходило в квартире Симон-Дюманш, то их лай обязательно бы услышал польский студент князь Вильгельм Радзивилл и его

слуги, которые занимали соседние помещения (оказалось, что стены здесь совсем тонкие и не обеспечивают должной звукоизоляции). Странным выглядело и то, что после удушения хозяйки на нее были надеты три нижние юбки, платье, драгоценности и даже вдеты в уши сережки.

К тому же в своем признании Егоров утверждал, что тело убитой француженки было брошено в овраг. Все, что содержал этот «признательный документ», имеет лишь одно объяснение: ни сам Егоров, ни пристав Стерлигов на месте обнаружения трупа Симон-Дюманш никогда не были, и признание вымышлено от начала до конца. Подтасовка фактов была налицо, но суд этого как-то не заметил. Убийцы были названы, дело представлялось ясным и, стало быть, ломать голову было уже не над чем. Уже 22 ноября 1850 года, на следующий день после допросов обвиняемых в следственной комиссии, Сухово-Кобылин был освобожден из-под стражи под подписку о невыезде, и в московском высшем обществе его встречали как человека, незаслуженно пострадавшего от полицейского произвола. А расследование покатилось дальше по накатанной колее. Сухово-Кобылина изредка просили ответить на ряд вопросов. На одном из допросов следствие впервые заинтересовалось письмами, найденными в бумагах Сухово-Кобылина, в одном из которых были слова: «Вы остались на даче лишь для разыгрывания своих фарсов и чтобы внимать голосу страсти, который, увы, называет Вам не мое имя, но имя другого! — я предпочитаю призвать Вас к себе, чтобы иметь неблагодарную и вероломную женщину в поле моего зрения и на расстоянии моего кастильского кинжала. Возвращайтесь и трепещите».

А 18 марта 1851 года Сухово-Кобылин неожиданно представил следственной комиссии весьма пространный документ, в котором «обосновал» наличие у обвиняемых иного мотива убийства — корыстного. Чтобы придать своему «сочинению» побольше убедительности, он постарался доказать факт хищения денег у Симон-Дюманш. Сделать это было непросто, поскольку во время осмотра квартиры и вещей погибшей особых ценностей не было найдено. Теперь же оказалось, что исчезло многое. Пропавшие вещи были найдены на чердаке деревянного флигеля Сухово-Кобылина — это якобы был тайник, устроенный Егоровым в ночь убийства француженки. Попытка следствия провести очные ставки Александра Васильевича с обвиняемыми сорвалась из-за его недомогания. Следственная комиссия безропотно приняла к исполнению пожелание Сухово-Кобылина (он просил не тревожить его, так как он болен) и более не беспокоила его очными ставками, а уже 20

апреля следственная комиссия представила московскому военному генерал-губернатору графу Арсению Андреевичу Закревскому рапорт, в котором сообщала об окончании розыска и изобличении виновных. Сухово-Кобылин и Нарышкина были освобождены от подписок о невыезде. Литератор тут же уехал в СанктПетербург и подал прошение на имя Николая I.

Император, не склонный к необдуманным поступкам, пожелал ознакомиться с обстоятельствами расследования и попросил графа Орлова, управляющего Третьим отделением и шефа жандармов, подготовить доклад по «делу француженки Симон». Это пожелание вызвало переписку между графом Александром Федоровичем Орловым и московским военным генерал-губернатором. Из нее было ясно, что попытки Сухово-Кобылина ввести следствие в заблуждение ни к чему не привели, и официальные документы это подтверждают. Тем не менее 13 сентября 1851 года московский надворный суд вынес приговор. Обвиняемых осудили: Ефима Егорова приговорили к лишению прав состояния, 90 ударам плетью, клеймлению и ссылке в каторжные работы на 20 лет; Галактиона Кузьмина — к лишению прав состояния, 80 ударам плетью, клеймлению и ссылке в каторжные работы на 15 лет; Прасковью Иванову — к лишению прав состояния, 80 ударам плетью и ссылке на работы на заводах сроком 22,5 года; Пелагею Алексееву — к лишению прав состояния, 60 ударам плетью и ссылке в каторжные работы на 15 лет. Однако суд особо оговорил неисполнение вынесенного приговора: «Но, не приводя мнения сего в исполнение, прежде оное вместе с делом представить на ревизию в Московскую палату уголовного суда» — то есть на всякий случай решил переложить ответственность за окончательное решение на вышестоящую инстанцию.

Московская Уголовная палата рассматривала «дело об убиении СимонДюманш» в двух заседаниях — 30 ноября и 10 декабря 1851 года — и лишь несколько смягчила наказание женщинам. Приговор Уголовной палаты примечателен тем, что в нем прямо говорится об изобличении Сухово-Кобылина в лжесвидетельстве — он пытался скрыть от следствия наличие интимных отношений с погибшей. За сожительство с женщиной вне брака палата обязала Сухово-Кобылина подвергнуться церковному покаянию.

Но на этом дело не кончилось. Уже 15 декабря 1851 года самый молодой из осужденных — Галактион Кузьмин — написал в Сенат ходатайство о пересмотре дела. А через несколько дней аналогичные прошения подали Аграфена Иванова и Ефим Егоров (четвертая обвиняемая, Алексеева, умерла в тюрьме). Содержание

направленных по инстанциям бумаг вызвало у московской администрации состояние, близкое к шоковому. Выяснилось, что, как несовершеннолетние, Кузьмин и Егоров не подлежали суду московской Уголовной палаты. Далее кучер по пунктам разнес проведенное следственной комиссией Шлыкова расследование и указал, что признание у них было выбито кнутом («бесчеловечные истязания частного пристава Стерлигова»), а Сухово-Кобылин обещал вольные их семьям. Надо сказать, что Ефим Егоров в январе 1852 года обратился и к императору. Из канцелярии императора прошение Егорова было спущено в Сенат, где рассматривалось 12 июня 1852 года. Постановлением Сената решение этого вопроса было поручено московскому военному генерал-губернатору, в ведении которого находились тюрьмы. Граф Закревский думал над прошением Егорова недолго. Уже 25 июня 1852 года он приказал объявить заключенному, что его прошение на высочайшее имя не может быть удовлетворено вплоть до окончания дела. А так как теперь обвиняемые уже были совершеннолетними (им исполнился 21 год), то, чтобы ускорить рассмотрение дела, московский оберпрокурор П. И. Рогович в апреле 1853 года обратился к членам Сената с предложением о желательном подтверждении приговора Уголовной палаты. Может быть, осужденные и получили бы назначенные судом наказания, но один из сенаторов — Иван Николаевич Хотяинцев — не согласился ни с результатами расследования, ни с объективностью судей. Он прямо указал на все те нелепости, которые лежали на поверхности и, как говорится, лезли в глаза любому непредвзятому юристу. Хотяинцев предложил сенаторам не рассматривать дело по существу (то есть не утверждать и не отвергать вынесенный ранее приговор), а вернуть его на доследование.

Таким образом, дело, описав большой круг, в начале лета 1853 года вернулось назад — в суд низшей инстанции. Сухово-Кобылин чрезвычайно заволновался и с присущей ему настойчивостью добился приема у министра юстиции Виктора Никитича Панина. В своей «записке», присвоив себе роль следователя, он просил министра без всякого доследования поверить ему на слово и признать вину за крепостными. Однако Панин попросил оберпрокурора Сената Кастора Никифоровича Лебедева ознакомиться со следственными материалами и высказать свое мнение о том, сколь компетентно провела свою работу комиссия Шмакова. И Лебедев совершенно справедливо указал на явные недочеты следствия, которые сами следователи почему-то предпочитали не замечать, и на лживость многих заявлений Сухово-Кобылина. Но в целом оберпрокурор Сената

склонялся к тому, что убийство СимонДюманш совершили ее слуги. А так как их уже осудили решением Уголовной палаты, то доследование не имеет смысла.

И тут в августе 1853 года, как будто по иронии судьбы, в Ярославле была арестована группа мошенников, пытавшихся оформить в заклад не принадлежавшую им недвижимость. Фамилии этих арестованных не фигурировали в материалах следственной комиссии Шмакова, никто из них не был лично знаком с погибшей француженкой. И тем удивительнее для чинов ярославской полиции прозвучали слова одного из арестованных — отставного поручика Григория Скорнякова — о том, что он располагает существенной информацией о случившемся в ноябре 1850 года в Москве убийстве француженки и просит допросить его об этом. Он сообщил следующее: руководитель их преступной группы, некто Алексей Петрович Сергеев (лишен дворянского звания за убийство и сослан на каторжные работы в Сибирь) рассказывал ему об обстоятельствах убийства московской купчихи, которое он, Сергеев, и совершил. Сбежав из Сибири и узнав о том, что московский повеса Сухово-Кобылин тяготится многолетней связью с опостылевшей ему француженкой, Сергеев сделал предложение, от которого литератор был не в силах отказаться: всего за 1000 рублей ассигнациями он пообещал убить француженку.

Скорняков утверждал, что, согласно выработанному плану, француженку заманили в дом Сухово-Кобылина. При этом хозяину следовало обеспечить убийце беспрепятственное проникновение в свои покои. Именно для этого Сухово-Кобылин срочно переехал во флигель. Алиби литератору обеспечила Нарышкина. По словам Скорнякова, убийца неплохо поживился: по договору с Сухово-Кобылиным, драгоценности убитой Алексеев мог оставить себе. С тела убитой им женщины убийца снял бриллиантов более чем на 32 тысячи рублей ассигнациями.

Важным в показаниях Скорнякова было то, что он дал неплохое описание драгоценностей, похищенных убийцей. Такие детали легко проверяются, а потому если бы Скорняков выдумал свой рассказ, он не стал бы их упоминать. В целом Скорняков довольно точно воспроизвел последовательность событий после исчезновения СимонДюманш. Он даже рассказал о том, что полицейский «полковник Стерлинков» добился признательных показаний прислуги пыткой.

Протокол допроса Скорнякова, проделав немалый путь по канцеляриям министерства внутренних дел, наконец попал в московское присутствие правительствующего Сената, где и был приобщен к делу 18 апреля 1854 года. Самого Григория

Скорнякова тогда же отправили под конвоем в Москву, дабы он мог лично рассказать сенаторам о сути сделанного им заявления. К тому времени статский советник П. М. Розов доказал непрофессионализм следователей, что было весьма неприятно для московских законников. Он предложил вернуть дело на доследование, после чего направить его в суд первой инстанции «для рассмотрения вновь» и, наконец, «расследовать упущения и противозаконные действия следователей». Не заявив прямо о подкупе следователей Сухово-Кобылиным, консультант министра тем не менее недвусмысленно дал понять, что в деле Симон-Дюманш не обошлось без взяток.

Но, бросая тень на Шмакова, петербургский консультант министра юстиции Розов косвенно попадал в Закревского. Клановые интересы высших московских чиновников в этом никак не совпадали с интересами петербургских должностных лиц. Конечно, министр мог бы отступить и больше не будоражить московских сенаторов. Но он не отступил. Нашла, как говорится, коса на камень, и Панин добился расследования «дела Дюманш» на заседании Государственного совета. Была учреждена новая следственная комиссия, в которую от министерства юстиции вошел оберпрокурор Сената статский советник Попов, от министерства внутренних дел — действительный статский советник Васильчиков, от корпуса жандармов — генерал-майор Ливенцов.

Со времени убийства Дюманш прошло уже более трех лет. Искать новые улики было бессмысленно, но были опрошены все, кто мог хоть что-то знать об этом деле. К тому же опасаясь, что Сухово-Кобылин, оставаясь на свободе, сможет воспрепятствовать работе комиссии, статский советник Попов предложил заключить его под арест, и 6 мая 1854 года тот вновь оказался под караулом. Был арестован и Иван Федорович Стерлигов, тот самый майор, который в свое время так ловко получил признательные показания от Ефима Егорова. Разумеется, бывший пристав отрицал все обвинения в добывании показаний незаконными методами, но 11 мая 1854 года в присутствии членов комиссии была проведена очная ставка между Стерлиговым и Егоровым. Каждый из ее участников стоял на своих прежних показаниях, однако Егоров был все же более убедителен. (После этой истории Стерлигову пришлось уволиться из полиции.)

Так же был арестован и камердинер Сухово-Кобылина — Макар Лукьянов, которому ставили в вину многочисленные «разноречивые показания» и «упорное запирательство» по многим вопросам: ему припомнили и кровавые пятна во флигеле, и его протирания полов, и письмо любовнице, в которое почему-то

оказались завернуты драгоценности француженки, обнаруженные на чердаке. Проверили и алиби Сухово-Кобылина — слуги Нарышкиных дали показания, прямо противоречившие словам литератора. Разумеется, самое пристальное внимание новой следственной комиссии привлекли показания Григория Скорнякова. Упомянутый им Сергеев в полицейских списках числился под фамилией Иваницкий. Правда, после первого допроса Скорняков неожиданно отказался от своих слов, заявив, что не будет уличать Сергеева.

Расследование принимало все более угрожающий для Сухово-Кобылина оборот. Всем было очевидно, что Егоров, Кузьмин и Иванова не убивали француженку. И тогда закономерно вставал главный вопрос: кто инспирировал обвинения против этих людей? Ответ лежал на поверхности — этим мог заниматься только настоящий убийца.

Но его искать почему-то не стали. А тем временем мать арестованного Сухово-Кобылина — Мария Ивановна — в июле 1854 года обратилась к государю с просьбой освободить «больного сына» из-под стражи на поруки. Ходатайство было удовлетворено в октябре, как раз к тому времени, когда все семь томов следственных материалов были направлены в Сенат, где с 19 по 24 февраля 1855 года проходило новое слушание. Суд был смешанным по своему составу: в нем были представители надворного (судившего дворян) и уездного московских судов (уездные суды судили представителей прочих сословий). Общее мнение по делу вынесено не было, так как голоса судей разделились поровну. Тогда в состав судей был придан еще один судья из состава надворного суда и был вынесен вердикт, полностью проигнорировавший материалы, собранные второй следственной комиссией. Сухово-Кобылин по всем статьям оказался оправдан, его же слуги признавались виновными в «убийстве СимонДюманш с заранее обдуманным намерением». Назначенные им наказания своей тяжестью даже превзошли те, что полагались осужденным по приговору московской Уголовной палаты, вынесенном в декабре 1851 года.

Однако на этом «дело СимонДюманш» не закончилось. Правительствующий Сенат, изучив приговор Уголовной палаты и все семь томов предварительного следственного производства, вынес свое определение. В этом документе было указано, что многие обстоятельства навлекают на Сухово-Кобылина подозрение если не в самом убийстве Дюманш, то «в принятии в оном более или менее непосредственного участия». Сенаторы воспользовались своим правом изменить наказание «виновным». Правительствующий Сенат постановил «оставить (Сухово-

Кобылина) в подозрении» (аналогично современному освобождению «за недостаточностью улик»). А Ефим Егоров и Галактион Кузьмин приговаривались к ссылке «в отдаленные места Сибири», поскольку признавались виновными «в неправильном направлении хода сего дела». Телесные наказания с них были сняты, как и каторжные работы. Наконец, Аграфена Иванова освобождалась от всякой ответственности по делу и возвращалась Сухово-Кобылину. А после того, как 11 ноября 1857 года материалы «дела СимонДюманш» были изучены на нескольких общих собраниях департаментов гражданских и духовных дел и законов под председательством министра юстиции В. Н. Панина, члены Государственного совета большинством голосов (28 против 9) постановили полностью освободить Егорова и Кузьмина от всякой ответственности по «делу об убиении Симон-Дюманш» и отпустить их на свободу. И уже 9 декабря 1857 года решение было утверждено Александром II. Фактически этот день можно считать датой официального окончания «дела Симон-Дюманш». Настоящий виновник так и не был уличен, но Сухово-Кобылин до конца жизни так и не смог оправдаться перед светом. Подозрение с него ни Государственный совет, ни император так и не сняли! А потому с репутацией благородного денди Сухово-Кобылину пришлось навек распрощаться.

Находясь во время следствия в тюрьме, Александр Васильевич всерьез занялся литераторством: написал свою первую пьесу «Свадьба Кречинского», которая после спектакля Малого театра сделала его знаменитым. Она стала одной из самых репертуарных пьес русского театра. Судебная эпопея, изменившая жизнь Сухово-Кобылина, заставила его по-иному взглянуть на российскую действительность, и в итоге появилась новая пьеса — «Дело», которую можно назвать автобиографической. «“Дело” — моя месть. Я отомстил своим врагам!» — писал драматург в конце жизни. Правда, месть оказалась запоздалой. Цензура свыше двадцати лет «мариновала» пьесу, и появилась она на театральных подмостках лишь в 1882 году.

Три процесса «черной вдовы из Лудена»

С именем этой женщины связано одно из самых громких судебных разбирательств, которое в очередной раз сделало центром внимания токсикологию. Дело о предполагаемом отравлении мышьяком 12 человек заставило следователей, судмедэкспертов, а также ученых различных специальностей пересмотреть многие постулаты токсикологии.

Загадочные и мрачные события, о которых далее пойдет речь, развернулись в Пуатье, на юго-западе Франции. По сути, тем, что дело об отравлении всплыло на свет божий, жители Лудена обязаны. обыкновенной сплетне. Такой вот черный юмор.

Мария Девайо, которой предстояло приобрести широкую известность под прозвищем «черная вдова из Лудена», родилась в 1896 году в Сен-Пьер-де-Майе в семье мелкого крестьянина Пьера Эжена Девайо. Вскоре после Первой мировой войны 23-летняя Мария вышла замуж за своего кузена, сельскохозяйственного рабочего Огюста Антиньи. Молодожены перебрались в замок Мартен, получив должности управляющих, но в 1929 году Огюст внезапно скончался. Доктора посчитали, что управляющего уложил в могилу туберкулез.

Мария недолго оплакивала покойного супруга. В том же году она вторично вышла замуж, автоматически заняв более высокую ступеньку социальной лестницы, поскольку ее новый спутник жизни, Леон Беснар, владел домом в Лудене, магазинчиком и солидным земельным участком в деревне. Мария оказалась расчетливой и аккуратной хозяйкой, хорошей и заботливой женой. Вот только детей у Беснаров не было. Леон жил по соседству со своими родителями, однако открыто с ними враждовал, не особенно жалуя и всех прочих родственников. Мужчина не мог простить старикам того, что они больше любили его сестру Люси. «Холодная война» длилась давно, но с появлением в семействе Беснар Марии ситуация изменилась. Женщина сумела преодолеть враждебность новоявленных родственников. Наконец сестра бабушки ее мужа, вдова Луиза Леконт, настолько расчувствовалась, что оставила Марии наследство. Молодая супруга Леона, по всей видимости, привязалась к вдове и часто присылала ей вино. Луизе Леконт было уже далеко за 80, поэтому никто особенно не удивился, когда 22 августа 1938 года, вскоре после оформления завещания, старушка приказала долго жить. Родственники пожалели и Марию: еще бы, ведь Луиза умерла буквально у нее на руках!

14 июля 1939 года сосед Беснаров, 65-летний кондитер Туссен Ривэ, ушел из жизни; причиной его смерти посчитали чахотку. Жена кондитера обратилась за помощью к соседям, а затем поручила Беснарам ведение дел в своем небольшом поместье. Немного погодя пожилая женщина вообще перебралась к Марии и Леону, передав им в собственность свой дом — в обмен на небольшую пожизненную ренту. Почти сразу после этого, 27 декабря 1941 года, вдова отправилась вслед за своим покойным супругом. Врач указал, что причиной смерти женщины также был туберкулез.

Леон Беснар являлся единственным наследником своей бабушки, вдовы Гуэн, от которой, по его собственным словам, всю жизнь видел только добро. Супруги старались почаще навещать старушку. И вот 2 сентября 1940 года вдова Гуэн покинула этот мир, всего на два года пережив сестру; незадолго до своей кончины она успела повидаться с Леоном и его женой. А уже 15 мая того же года Мария потеряла отца. По мнению врача, Пьера Девайо свел в могилу внезапный сердечный приступ. Так что его дочери остался земельный участок, а овдовевшая мать Марии переехала в Луден.

Складывалось впечатление, что по чьей-то злой воле несчастья свили гнездо в семействе Беснар, отправляя его членов одного за другим к праотцам. 19 ноября 1940 года скончался отец Леона, Марселей Беснар. Хотя мужчины продолжали враждовать, однако невестка часто посещала свекра. Доктор Деларош не удивился потере пациента: люди не вечны, у старшего Беснара наблюдалась старческая слабость, так что первый же более-менее серьезный сердечный приступ поставил на его мучениях точку. А состояние Леона и его жены выросло на 227 734 франка. Шестидесятишестилетняя Мария-Луиза Беснар, свекровь Марии, пережила мужа всего на несколько недель. Ее не стало 16 января 1941 года. Примечательно, что эта в общем-то крепкая женщина буквально сгорела всего за девять дней. Все тот же доктор Деларош в свидетельстве о смерти написал, что Марию-Луизу доконало воспаление легких. И снова безутешные Мария и Леон оказались в выигрыше: покойная оставила им в наследство 262 325 франков. По прошествии еще нескольких недель супругам пришлось снова заняться организацией похорон: 27 марта 1941 года в доме родителей повесилась сестра Леона Люси. Окружающие стали говорить, что бедняжка не вынесла одиночества после смерти матери.

В мае Беснары приютили у себя двоих пожилых кузин Леона, Паулину и Виргинию Лаллэрон. Сестры покинули свой дом из-за оккупации Франции немецкими войсками, прихватив с собой все

совместно нажитые средства. Деньги Паулина зашила в пояс, который носила не снимая. 1 июля 1941 года она умерла, по мнению доктора Галлуа, от «старческой уремии». Тогда Виргиния Лаллэрон договорилась с Беснарами, что останется доживать свой век у них, а в обмен на гостеприимство сделает Марию своей наследницей. По странному стечению обстоятельств, век кузины Леона оказался удивительно недолог, и уже 9 июля она последовала за сестрой.

А 25 октября 1947 года Мария овдовела вторично. Леон Беснар скончался после непродолжительной болезни. Доктор Галлуа сначала затруднялся назвать причину смерти. Он говорил то о приступе заболевания печени, то о грудной жабе. Но после проведения анализа мочи эскулап объявил, что Леон скончался от уремии. 16 октября 1949 года этот же врач констатировал смерть матери Марии Беснар. В то время в Лудене как раз свирепствовала эпидемия гриппа, и поэтому когда больная внезапно потеряла сознание и у нее развился односторонний паралич, Галлуа решил, что грипп спровоцировал у старухи кровоизлияние в мозг. Эта смерть стала искрой, попавшей в пороховой погреб.

Оказалось, что некая мадам Пенту, часто бывавшая у Беснаров, после кончины Леона сообщила своему знакомому, помещику Августу Массипу, интересный факт. Незадолго до своей смерти Беснар жаловался: жена хочет его отравить. Массип, не долго думая, передал слова известной сплетницы в уголовную полицию Пуатье. Делом заинтересовался 25летний следователь Пьер Роже, который вместе с инспекторами Сюртэ Нокэ, Норманном и Шомье начал расследование, длившееся 14 лет. Правда, первые попытки разобраться в том, где заканчивается сплетня и начинается правда, далеко не зашли. Мадам Пенту не горела желанием общаться со следователем и отрицала, что высказывала подозрения в адрес Марии. Однако многие жители Лудена поглядывали косо на вдову Леона. Дело в том, что в хозяйстве Беснаров в мае 1947 работал 20-летний немецкий военнопленный Диц, которого считали (и, надо сказать, не без оснований!) любовником Марии. По городку упорно ходили слухи, будто Леон однажды пожаловался: он больше не является хозяином в собственном доме, а превратился в раба слуги. Правда, с появлением Дица горожане избавились от такой пакости, как анонимные письма непристойного содержания. Ранее их рассылали постоянно, а теперь они пропали из почтовых ящиков раз и навсегда. Графологическую экспертизу посланий взялся провести известный пионер научной криминалистики в Лионе доктор Эдмонд Локард. Он доказал, что автором

скабрезных писем является. Мария Беснар. Причиной их написания могло стать только неудовлетворенное сексуальное чувство.

Естественно, Мария решительно отрицала свою причастность к сомнительным письмам, однако то, что они перестали возмущать горожан как раз с момента появления в доме Беснаров молодого немца, свидетельствовало отнюдь не в пользу женщины. Итак, не был ли Леон Беснар и в самом деле убит? Может, жадная до любовных утех дамочка решила избавиться от старика-мужа, чтобы иметь возможность без помех развлекаться с любовником? Тем более что смерть Леона Мария не слишком-то переживала: она несколько раз отправлялась с молодым слугой в длительные путешествия на автомобиле. Когда в мае 1948 года Диц вернулся на родину, Мария продолжала писать ему, и в 1949 м немец снова появился в Лудене. Он якобы не нашел дома подходящей работы, так что собирался с помощью любовницы обосноваться во Франции.

Когда умерла мать Марии Беснар, инспектор Нокэ решил брать быка за рога. Он выяснил, что старуха была крайне неудобным человеком для собственной дочери, поскольку постоянно упрекала ее за интимные отношения с немцем и высказывалась против его возвращения в Луден. Инспектор попробовал заставить разговориться мадам Пенту. Женщина подробно и очень убедительно описала последние часы жизни Леона Беснара. Несчастного мучили острые боли в желудке и рвота. Умирающий стонал и повторял: «О, что же они мне дали!» Мадам Пенту спросила, не идет ли речь о немце, но умирающий отмахнулся: он, мол, говорит о Марии. Леон сказал, что в его тарелке, в которую жена наливала суп, уже была какая-то жидкость. Мужчина отметил это вскользь, но ни о чем плохом не подумал. А зря. Буквально сразу после обеда у него началась рвота.

Инспектор Нокэ колебался, не зная, насколько можно доверять словам собеседницы. Но после встречи с мадам Пенту он узнал, что Мария Беснар наняла пользующегося не самой лучшей славой парижского детектива Локсидана, поручив ему запугать не в меру болтливую дамочку. Значит, вдове и в самом деле было что скрывать?!

Итак, 9 мая 1949 года в Пуатье полиция приняла решение эксгумировать труп Леона Беснара. Эту процедуру поручили выполнить врачам Сета и Гийлону, а за проведение собственно токсикологической экспертизы брался директор полицейской лаборатории в Марселе — Жорж Беру, который уже не один десяток лет считался непререкаемым авторитетом в данной

области. Части трупа, успевшие пролежать в земле более полутора лет, запечатали в стеклянные сосуды, пометили и отправили в Марсель. Вскоре Беру указал в отчете, что в останках Леона Беснара содержится 39 миллиграммов мышьяка на килограмм веса тела.

Здесь следует сделать небольшое отступление. Дело в том, что мышьяк содержится в организме любого человека. Однако естественное его количество в теле столь мало, что он указывается в гаммах — миллионных частях грамма. Нормальное содержание мышьяка в организме человека составляет одну десятимиллионную часть веса самого тела. Конечно, этот показатель усреднен, поскольку у людей, питающихся морепродуктами или имеющих дело непосредственно с этим веществом, его содержание значительно выше. Однако максимальное количество яда, обнаруженное в моче, не превышало 285 гамм (в тканях этот показатель ниже). Что же касается волос, то они вообще являются своеобразной шкалой, по которой можно определить дозу мышьяка. При этом после очистки соляной кислотой, спиртом и ацетоном в корнях волос и прикорневой их части остается только мышьяк, проникший из тела; по его количеству можно определить способ, продолжительность и степень отравления.

Итак, наличие 39 миллиграммов (!) мышьяка на килограмм общей массы в останках Леона Беснара прямо свидетельствовало о том, что он был отравлен. Кстати, симптомы его болезни, зафиксированные врачом и вездесущей мадам Пенту, вполне совпадали с симптомами острого отравления этим ядом. После того как были получены результаты токсикологической экспертизы, следователь Роже дал «добро» также и на эксгумацию трупа матери Марии Беснар. И снова опыты имели жутковатый результат: не менее 58 миллиграммов мышьяка на килограмм веса тела. Значит, еще одно отравление?! И дело о предумышленном убийстве стало набирать обороты.

21 июля 1949 года инспекторами Нокэ и Норманном были арестованы в Лудене и препровождены в Пуатье Мария Беснар и ее рабочий Диц. Роже провел первый допрос подозреваемой, отметив, что эта крестьянка отличается поразительным хладнокровием, а затем отправил ее в тюрьму ПьерЛеве. Немца также допросили, однако он категорически отрицал, что между ним и хозяйкой были интимные отношения. Дица временно отпустили на свободу, после чего он. моментально уехал из Франции, даже не став дожидаться, пока из Парижа прибудут его документы. Поспешное бегство Дица только укрепило следователя во мнении, что Мария виновата в смерти мужа и

матери.

Роже продолжал «копать» под «черную вдову». И обнаружил немало любопытных и пугающих фактов. Он последовательно провел эксгумации останков всех родственников Марии Беснар, и анализы показали, что, несмотря на прошедшие 22 года, в тканях Огюста Антиньи находится 60 миллиграммов мышьяка на килограмм веса тела, в останках Луизы Леконт этот показатель равен 35 миллиграммам, в тканях Пьера Девайо — 30 миллиграммам, Марселена Беснара — 38 миллиграммам, Марии-Луизы Беснар — 60 миллиграммам, супругов Ривэ — по 18 миллиграммов, Паулины Лаллэрон — 48 миллиграммам, Виргинии Лаллэрон — 30 миллиграммам. То есть в каждом конкретном случае речь шла о таком количестве яда, при котором можно говорить только об умышленном отравлении.

Следователь долго колебался, не решаясь эксгумировать тело Люси Беснар. Однако обстоятельства смерти сестры покойного Леона были столь подозрительны, что вскоре вскрыли и ее могилу. И действительно, в останках Люси обнаружилось 30 миллиграммов мышьяка на килограмм массы тела. Так что недаром многим, знавшим покойную, ее самоубийство казалось более чем странным: Люси являлась глубоко верующей католичкой и в петлю по чисто религиозным соображениям ни за что бы не полезла. Некоторые другие моменты, отмеченные судмедэкспертами, заставили Роже предположить: женщина была отравлена, а затем ее повесили, чтобы инсценировать самоубийство. Вполне возможно, что Леон Беснар являлся соучастником убийств собственных родителей и сестры, совершенных Марией. Затем мужчина и сам стал жертвой своей супруги; правда, к тому моменту мотив убийства изменился. Если раньше «черную вдову» интересовали исключительно деньги, то теперь она совершила отравление на сексуальной почве.

В общем, из страшноватых отчетов специалистов следовал вывод: своей смертью, похоже, среди родственников Марии могла умереть разве что вдова Гуэн: в ее теле следы мышьяка также обнаружились, но незначительные. Однако следствие не располагало показаниями свидетелей (кроме мадам Пенту), которые подтверждали бы, что Мария Беснар покупала яд, подмешивала его в пищу и лично давала комулибо из предполагаемых жертв. Кроме того, мышьяк, видимо, применялся отравительницей весьма осмотрительно, не давая яркой картины отравления (ситуация с Леоном Беснаром являлась исключением).

Два года, в течение которых шло предварительное следствие, Роже пытался «расколоть» Марию Беснар. Для этого, например, к

ней в камеру несколько раз подсаживались агенты-женщины. Но «черная вдова» молчала. Причем сказать, что было тому причиной — недоверчивость и выдержка подследственной или ее невиновность, — не мог никто.

Тем временем защита тоже не теряла времени даром. Вскоре после ареста Мария Беснар заручилась поддержкой признанных адвокатов — Рене Эйо и Дюклюзо. Эти лучшие парижские специалисты постоянно охотились за сенсационными процессами, а история женщины, которая, возможно, отправила на тот свет дюжину родственников и знакомых, получала все большую огласку. Чтобы обеспечить защите успех, Эйо лично привез в Пуатье звезду адвокатуры, кавалера ордена Почетного легиона — 64-летнего Альберта Готра.

Для начала Готра целый день беседовал со своей подзащитной, а затем принялся вырабатывать собственную тактику. Адвокат понял, что обвинение в основном будет строиться на косвенных токсикологических уликах. А раз так — нужно поколебать доверие присяжных к результатам анализов.

Суд над Марией Беснар начался в Пуатье, во Дворце юстиции 20 февраля 1952 года. На первом заседании ее обвинили в том, что она незаконно получала пенсию за одну из умерших родственниц, подделывая подписи на квитанциях. За это женщину приговорили к двум годам тюрьмы и штрафу в 50 000 франков. Такой мрачный «пролог» процесса был нужен обвинению, чтобы бросить тень на подсудимую и сразу же выставить ее в неприглядном виде. Дело же об отравлении начало рассматриваться лишь на следующий день.

Несмотря на усилия обвинения, у многих в зале суда возникли сомнения по поводу того, имела ли Мария Беснар чисто техническую возможность осуществить некоторые из инкриминируемых ей убийств. Но показания Беру, одного из известнейших токсикологов страны, снова расставляли все на свои места. Ведь если в трупах оказалась такая доза яда, то откуда она могла взяться, как не из рук некоего «доброжелателя»? А если это отравления, то кто, кроме «черной вдовы из Лудена», был в них заинтересован? Да и свидетельства того, что женщина умудрялась побывать у всех родственников накануне, а то и в момент их смерти, наводили на нехорошие размышления.

Представление началось 23 февраля, когда в качестве свидетеля перед присяжными выступал Беру. Готра сделал все, чтобы смешать своего оппонента с грязью. Собственно, практика подобного рода у знаменитого адвоката была богатой, и токсиколог, сам не ведая того, шел на поводу у защитника, из-за чего его аргументы звучали все менее убедительно.

Беру рассказал о данных экспертизы, а также подчеркнул: земля вокруг эксгумированных тел также исследовалась. Дозы мышьяка, обнаруженные в почве, оказались столь малы, что не могли объяснить наличие такого количества яда в останках. Однако Беру допустил серьезную ошибку: он достаточно халатно контролировал систему регистрации в лаборатории, чем и воспользовался Готра. Адвокат нашел несколько несоответствий между количеством сосудов с останками и их содержимым, списки которых были составлены в Лудене и в Марселе соответственно. Защитник сделал закономерный вывод: в лаборатории доктора Беру сосуды спутали, и к делу Беснар оказались присовокуплены объекты исследования других уголовных дел. Собственно, некоторые неточности списков на фоне сотен отдельных объектов исследования для общего вывода большой роли играть не могли. Однако Готра так умело осветил этот момент, что у суда могло сложиться впечатление, будто работа в институте Беру происходила в условиях крайнего беспорядка и дезорганизации. Затем адвокат заявил: мышьяк мог попасть в ткани непосредственно из стеклянных сосудов, предназначенных для транспортировки. Токсиколог ручался за чистоту сосудов (их мыли и стерилизовали в Марселе). Но Готра, заручившись показаниями кладбищенского сторожа, возражал: мол, некоторая часть «тары» была загрязнена.

Адвокат прекрасно понимал, что, по сути, ломает комедию. Тем не менее, для того чтобы еще больше дезориентировать присяжных, он воспользовался частной перепиской Беру. Защитник пытался доказать, будто токсиколог фальсифицировал результаты исследований в угоду следователю. К тому же Готра умело обыграл одну цитату из письма эксперта, в которой Беру говорил о своей способности на глаз отличать мышьяк от сулемы. Естественно, никто, будучи в здравом уме, не станет предполагать, что в столь серьезном деле, как предумышленное убийство, специалист будет действовать на глазок, хотя в то время многие токсикологи демонстрировали студентам умение различать вещества, лишь раз взглянув на них. Но, конечно, в том случае, когда от результатов экспертизы зависела жизнь человека, такие «спецэффекты» становились недопустимыми. Беру, похвастившись следователю, просто стремился подчеркнуть свою опытность.

Готра, сумевший вывести из себя эксперта, тут же предложил ему определить, в каких из предлагаемых ему пробирок находится мышьяк, а в каких — сулема. Для того чтобы отразить нападки защитника, требовался иной склад характера, чем тот, которым природа наградила Беру. Возможно, при других

обстоятельствах (при хорошем освещении, спокойном состоянии) он и не ошибся бы. Но в тот день Беру неправильно указал на три пробирки, заявив, что в них содержится мышьяк. Адвокат возликовал: мол, вот вам и ценность показаний специалиста! Ведь во всех без исключения пробирках находилась сулема.

Готра прекрасно понимал, что его спектакль существа дела не меняет. Члены судебной комиссии также не считали доводы защиты серьезными, хотя и пребывали в некоторой растерянности. Наконец, было принято решение назначить новых экспертов и провести повторную эксгумацию трупов. С этой целью суд в Пуатье предоставил необходимое время и полномочия четырем знаменитым парижским судебным медикам и токсикологам — Фабру, Кон-Абресу, Гриффону и Пьедельевру. Для того чтобы произвести эксгумацию и сделать все необходимые анализы, им потребовалось два года. Контролировал проведение работ Пьедельевр, 70-летний кавалер ордена Почетного легиона, чье имя было широко известно далеко за пределами Франции.

Несмотря на сложности, неизбежные при повторной эксгумации, Пьедельевр старался не оставить защите ни единой зацепки. За документацией тщательно следили, результаты анализов перепроверялись несколько раз различными способами, отдельно проводились анализы большого количества проб почвы из разных мест кладбища Лудена (на количество и растворимость мышьяка). К сожалению, часть тел находилась уже в таком состоянии, что ориентироваться приходилось в основном на анализ волос.

Готра, с надеждой следивший за повторным расследованием, вскоре узнал, что, несмотря на все возникшие проблемы, результаты исследований свидетельствуют отнюдь не в пользу его подзащитной. Новая группа специалистов подтвердила результаты, полученные Беру. А в нескольких случаях при помощи новейших способов выяснилось, что количество яда в тканях даже выше, чем показала первая экспертиза. Так, в волосах Леона Беснара содержание мышьяка превышало норму в 44 раза! Поэтому Готра решил признать наличие этого вещества в трупах, однако бить на то, что яд попал в ткани исключительно из почвы. Но и тут исследователи опередили адвоката. Кроме проб, взятых на кладбище Лудена, они сделали еще один дополнительный тест: там, где были похоронены «мертвецы черной вдовы», они закопали пучок волос с нормальным содержанием мышьяка. «Захоронение», находившееся под неусыпным надзором полиции, вскрыли только через год. Тщательная проверка показала, что количество яда в контрольном пучке за это время практически не

изменилось.

Тогда Готра принялся штудировать специальную литературу, и в конце 1953 года наткнулся на интересный материал. Некоторые ученые, область деятельности которых лишь соприкасалась с токсикологией, утверждали, что в почве происходят пока еще неизвестные процессы, благодаря которым мышьяк в земле растворяется в больших количествах, чем считают токсикологи. Это процессы биологического характера, и зависят они непосредственно от деятельности почвенных микроорганизмов. Их по обмену веществ можно разделить на две большие группы: на те, которым для жизнедеятельности необходим кислород (аэробные), и те, которые могут существовать без кислорода (анаэробные). Последние получают необходимую энергию из процессов брожения, так что повсюду, где в почве происходило гниение и брожение, вызванные деятельностью анаэробных микробов, имелись предпосылки для растворения большого количества мышьяка. Кстати, анаэробные бактерии на кладбищах и необходимый для их жизни водород получают из волос трупов, содержащих серные соединения. Там, где происходят эти сложные процессы, мышьяк проникает из почвы непосредственно в волосы так, как и из тела отравленного, через корни волос, и не поддается удалению при мытье. Установить же наличие или отсутствие деятельности анаэробных бактерий в почве невозможно. Они могли быть в одной могиле и отсутствовать в соседней.

Готра встретился с авторами работы о микроорганизмах, заручился их согласием на участие в процессе и привлек в качестве свидетелей защиты еще двоих врачей и биологов. А тут еще судьба подбросила адвокату подарок: один из экспертов все же допустил ошибку. Она, правда, на общем фоне доказательств была незначительной, однако давала возможность настаивать на некомпетентности исследований. Дело в том, что при определении мышьяка в костях и волосах с помощью радиоактивных элементов большое значение имеет время, в течение которого исследуемое вещество подвергается обстрелу нейтронами в атомном реакторе. Это время вычисляется при помощи единицы полураспада. Для того чтобы определить наличие и количество мышьяка в пробе, ее нужно держать в реакторе 26,5 часа. Готра узнал об этом у физиков-ядерщиков. Они же уточнили: выдерживать время нужно хотя бы потому, что в противном случае иные элементы, период полураспада которых приближается к периоду полураспада мышьяка, могут исказить результат. Но в лаборатории волосы Леона Беснара подверглись только 15часовой обработке нейтронами! Почему Гриффон,

человек авторитетный и дотошный, совершил столь грубую для токсиколога ошибку, очевидную для любого более-менее знающего специалиста, не известно.

15 марта 1954 года процесс над «черной вдовой из Лудена» возобновился. Разбирательство на сей раз проводилось в Бордо; такого количества любопытных и журналистов из разных стран мира здесь никогда раньше не видели. Люди собрались, чтобы понаблюдать за битвой экспертов сторон.

Готра не рискнул выступить против Кон-Абреста и Фабра, которые обнаружили в эксгумированных трупах количество мышьяка, указывавшее на преднамеренное убийство. Зато он от души отыгрался на Генри Гриффоне. Правда, выяснилось, что нужды пользоваться новым методом вообще не было, и прочие анализы подтверждали наличие в трупах смертельных доз яда. Тем не менее прокурор, в отчаянии наблюдавший за перепалкой сторон, прекрасно понимал: безалаберность и невыдержанность одного человека дала возможность ушлому адвокату в очередной раз посеять сомнение, подобное тому, которое парализовало процесс 1952 года. К тому же вскоре Готра заговорил об открытии микробиологов. Эксперты, выступавшие по этому вопросу, не были известны ни суду, ни присяжным, однако их слова подготовили почву для выступления члена Академии наук, кавалера ордена Почетного легиона, знаменитого Поля Трюффера, который рассказал о влиянии почвенных микроорганизмов на растворимость мышьяка и проникновение его в трупы; в результате чего мышьяк мог так глубоко проникнуть в волосы, что его невозможно удалить в процессе промывания. К тому же в случае проникновения микробов в труп количество мышьяка в нем и в его волосах может во много раз превышать количество мышьяка в окружающей почве. А значит, нельзя отрицать, что яд попал в эксгумированные трупы из почвы кладбища Лудена.

Благодаря стараниям адвоката процесс по делу Марии Беснар в очередной раз зашел в тупик. Это произошло 31 марта 1954 года. Готра сразу же обратился к членам суда: пока проблема будет исследоваться, пройдет опять несколько лет. Так что же, подсудимая будет дожидаться в тюрьме того светлого момента, пока наука придет к единому мнению? Защита требовала освободить Марию Беснар до того времени, пока ее вина не будет доказана.

Спустя час Мария Беснар вышла на свободу под залог 1 200 000 франков — до третьего процесса, который должен был состояться тогда, когда эксперты подготовят новое заключение.

12 апреля женщина покинула Бордо и вернулась в Луден. Ее

дом оказался разграбленным; практически никто из горожан с ней не здоровался. Большинство журналистов и любопытных видели в Беснар убийцу, которая своей свободой обязана ошибкам прокуроров, заблуждениям и человеческим слабостям экспертов, а также бессовестному использованию этих ошибок и слабостей не слишком чистоплотным адвокатом.

Тем временем проверкой результатов, полученных Гриффоном, занялся сам Жолио-Кюри, который и разработал метод, использовавшийся экспертом «торопыгой». После смерти физика, наступившей в 1958 году, дело продолжил его ученик, Пьер Савель. Ученые подтвердили результаты, представленные токсикологами ранее. «Мертвецы черной вдовы» действительно содержали смертельные дозы мышьяка. Данные выводы не оставляли для Готра ни единой лазейки, но прокурор знал: для решения данного вопроса необходимо также опровергнуть возможность проникновения яда в ткани из почвы. Если это не будет сделано, процесс можно считать проигранным. После стольких лет и такого количества ошибок ни один присяжный не рискнет вынести вердикт «виновна», если у него останется хоть малейшее сомнение.

Борьба за решение проблемы содержания мышьяка в почве кладбища Лудена, его растворимости и роли почвенных микроорганизмов шла еще семь лет (1954–1961). Третий, последний, процесс по делу «черной вдовы из Лудена» начался в ноябре 1961 года. Марию Беснар жандармы доставили в Бордо 17 ноября. До суда женщина, чье здоровье сильно пошатнулось, находилась в больничном отделении тюрьмы, а 21 числа она снова появилась на скамье подсудимых. Обвинение утверждало, что в телах людей, захороненных приблизительно в одно и то же время, в случае проникновения мышьяка из почвы его количество должно быть примерно равным. Однако в останках Марселена Беснара, Луизы Леконт и Марии-Луизы Гуэн, похороненных в одном склепе рядом, такой картины не наблюдается. На фоне большого количества яда в двух телах тело Гуэн носит лишь его незначительные следы. Защита возражала: не учтена деятельность микроорганизмов. В трупах, похороненных рядом, в одном случае наблюдалась их активная деятельность, вызывающая растворение мышьяка и его проникновение в ткани, в другом — нет. В разных местах кладбища мышьяк растворялся по-разному — с этим как быть? Свидетель защиты Трюффер спросил у одного из свидетелей обвинения, не забыл ли он сделать вывод из эксперимента, проведенного им в 1952 году. Оказалось, что тот в 1952 году отравил мышьяком собаку и закопал ее на кладбище в Лудене. Спустя два года оказалось, что

в останках пса. яда нет вообще! Как нет и в окружающей труп почве. «Так куда же он исчез?!» — вопрошал Трюффер.

В общем, специалисты вынуждены были признать, что столкнулись с процессами, которые зависят от слишком многих неизвестных обстоятельств. Значит, исключить возможность проникновения мышьяка в трупы извне все же нельзя, хотя, по чести, такая вероятность очень мала. А раз так, дело нужно решать в пользу обвиняемой.

12 декабря 1961 года Мария Беснар вышла на свободу. Суд снял с нее обвинение в убийстве 12 человек за недостаточностью улик. Окончательный ответ так и не был получен. Являлась ли эта женщина величайшей отравительницей XX века или стала жертвой злой шутки неразгаданных сил природы? Ведь в трупах, похороненных на кладбище в Лудене, но не имеющих отношения к делу «черной вдовы», мышьяк так и не был обнаружен… В общем, задуматься есть о чем. Интересно, верила ли Мария Беснар в загробную жизнь? Если она действительно была убийцей, то, скорее всего, нет. Потому что человек, считающий, что «он, отдав концы, не умирает насовсем», всерьез обеспокоился бы перспективой встречи за чертой смерти с родственниками и знакомыми, умершими от яда да еще трижды потревоженными в своем последнем пристанище.

Дело библиофила-убийцы

Дон Винсенте, бывший монах и страстный книголюб, пользовался среди своих коллег-библиофилов репутацией странного человека. Он нередко отказывался продать покупателю редкое издание, заламывая несусветную цену. Раритеты стали смыслом и целью его жизни. Но никому даже в голову не приходило, что ради книг он способен пойти на убийство.

Книги считались бесценным сокровищем во все времена. Вначале основное значение имело содержание книг, запечатленная в них мудрость, но вскоре они зажили собственной жизнью. Многие из них становились семейными или религиозными святынями, некоторые — удачным вложением денег. Естественно, спрос рождает предложение, так что к концу XIX века по всей Европе существовали списки редких книг и люди, которые прекрасно разбирались в их стоимости. Одним из них был дон Винсенте, библиофил из Барселоны.

Жизненный путь дона Винсенте известен историкам не слишком хорошо. О его месте и времени рождения история умалчивает. Мы знаем лишь, что к моменту появления в Барселоне он был монахом-расстригой. В то время в Испании было неспокойно. В стране то и дело вспыхивали междоусобицы, бунты, восстания. Таррагонский монастырь, в котором дон Винсенте исполнял обязанности библиотекаря, подвергся нападению. Винсенте решил спасти книги от уничтожения и предложил нападавшим деньги и драгоценности монастыря. Они охотно согласились — ведь книги, пусть и редкие, нужно было еще как-то продать, да и весили фолианты немало. Таким образом, сделка состоялась. Грабителям досталось золото, а дону Винсенте — сокровища монастырского книгохранилища. Вскоре он оставил монастырь, увезя с собой немало раритетов, и после недолгого путешествия обосновался в Барселоне. Он открыл в каталонской столице книжную лавку и вскоре стал успешно конкурировать с местными букинистами.

Залогом успешной торговли было необыкновенное чутье дона Винсенте. Сколько раз его соперники проходили мимо потрепанной книги или рукописи! А он, бросив на них беглый взгляд, точно знал: перед ним — очередная удачная находка. Она сразу же занимала место на полке его магазина — дон Винсенте никогда не читал своих приобретений. Ему хватало и того, что в его коллекции собраны самые ценные и редкие издания. Когда в его магазин заходил очередной покупатель, дона Винсенте

охватывали смешанные чувства. С одной стороны, он был рад процветанию своего магазинчика. Но с другой. А вдруг этот человек решит купить одну из его редкостей? Что, если его не отпугнет непомерно высокая цена? Такие случаи уже бывали. Тогда Винсенте-книготорговец превращался в Винсенте-книголюба и буквально умолял покупателя выбрать что-нибудь другое.

Как и многие библиофилы, дон Винсенте втайне мечтал, что когда-нибудь в его собрании появится уникальный экспонат — книга, которая сохранилась в единственном экземпляре. Тогда его счастье стало бы полным. И вскоре он дождался благоприятной возможности. Однажды на аукцион попала библиотека умершего адвоката. Ее жемчужиной была книга, считавшаяся уникальной, — первое издание указника, отпечатанное испанской типографией Пальмарт в 1482 году. Конкуренты прекрасно знали, что дон Винсенте не упустит возможности купить эту книгу. Они решили не допустить этого, прибегнув к обычной уловке: перебить цену. Букинисты не в первый раз поступали так с доном Винсенте, и каждый раз его возмущение доставляло им огромное удовольствие. Так случилось и на этот раз. Винсенте предлагал все больше и больше, счет пошел на тысячи, но конкуренты не собирались уступать. В конце концов книга стала собственностью некоего Патсота, книготорговца. Дон Винсенте ушел с аукциона подавленным. Он никого не хотел видеть, ни с кем не разговаривал. Уникальная книга ускользнула из его рук!

Через две недели букинисты бурно обсуждали страшную новость: сгорела лавка Патсота. От нее остались только угли, а сам книготорговец погиб при пожаре. Приехали полицейские. Но огонь уничтожил все следы. Оставалось только предположить, что хозяин лавки курил в кровати, потом заснул, а сигара упала на соломенный матрас. Дни стояли жаркие, так что все вспыхнуло мгновенно. Патсон, вероятно, даже не успел прийти в себя… Дело было сдано в архив. Но, как оказалось, преждевременно. Барселону захлестнула волна убийств. Вначале на городской окраине обнаружили еще не остывший труп сельского священника. Тело лежало в канаве. Осмотр показал, что потерпевший был заколот кинжалом. Через несколько дней нашли убитым молодого немецкого ученого. Полиция насторожилась: смертельный удар явно был нанесен той же рукой. За короткое время на улицах Барселоны обнаружили еще девять трупов. Почерк преступника во всех случаях не менялся.

Самым загадочным в серии убийств было то, что никто из убитых барселонцев не был ограблен. Да и вообще, было трудно

проследить какую-то связь между убитыми. Единственное, что было общего у всех жертв, это их образованность. Все они были учеными людьми. Барселону охватила паника. Поползли слухи: в убийствах виновна святейшая инквизиция. Лишенная власти, она ушла в подполье, но не прекратила преследования вольнодумцев. Власти, как ни странно, согласились с этой версией. Всех, кто мог оказаться шпионом инквизиции, тщательно проверяли. Под подозрением оказался и бывший таррагонский монах дон Винсенте.

Комиссар полиции вместе с подручными проводил обыск в доме дона Винсенте. Лавку его уже обыскали, но не нашли там ничего подозрительного. На одной из полок комиссар заметил знаменитую книгу Эмерика де Жирона «Directorium inquisitorum» («Руководство для воинов инквизиции», лат.). Похоже, следствие было на верном пути. Комиссар сделал помощнику знак снять книгу с полки. Тот бросился к шкафу, но, видимо, неточно понял жест своего начальника, потому что взял соседнюю книгу. Едва взглянув на нее, присутствовавшие ахнули: перед ними был тот самый уникальный указник 1482 года, который, как считалось, сгорел в доме Патсота вместе с хозяином. Теперь стало ясно, кто виноват в гибели книготорговца.

Вскоре следствие обнаружило и другие улики. Дон Винсенте, смирившись со своей судьбой, признался во всем. По его словам, он задушил Патсота, забрал у него уникальную книгу, а потом поджег лавку, чтобы скрыть следы преступления. Священник тоже поплатился за любовь к раритетам. Он зашел в лавку дона Винсенте и, несмотря на непомерную цену, захотел купить одну из редких книг. Дон Винсенте сделал попытку образумить священника. Он выскочил из лавки и попросил вернуть ему книгу, обещая выкупить ее за еще более высокую цену, но священник отказал ему. Во время разговора они оказались на пустынном месте, книготорговец разгорячился настолько, что уже не владел собой. Итог был предопределен: священник был заколот двумя ударами кинжала.

Этот случай натолкнул дона Винсенте на мысль: почему бы ему не устранять подобным образом и других незадачливых покупателей? Он разработал даже целую стратегию: как вести себя с покупателями, как заманивать их в специальную комнату за стеной своей лавки. Надо сказать, что паника, охватившая Барселону, была на руку убийце. До наступления ночи он оставлял трупы в той же комнате, а когда на улицах темнело и добропорядочные горожане в страхе сидели по домам, заворачивал труп в плащ и выбрасывал в канаву на окраине города. На допросе, отвечая на вопрос судьи о причинах,

сделавших его безжалостным убийцей, дон Винсенте ответил: «Люди смертны. Рано или поздно Господь призовет к себе всех. А хорошие книги бессмертны и заботиться нужно только о них».

Дон Винсенте, казалось, считал себя выше людей. Он сохранял необычайное спокойствие во время всего следствия. Его адвокат изо всех сил старался убедить дона Винсенте отказаться от своих показаний. Ведь прямых улик, несмотря на все усилия полиции, в деле не было, а все обвинение строилось на признании дона Винсенте и найденной у него инкунабуле пальмартовского издания 1482 года. Адвокат провел огромную работу, расспрашивая букинистов и рассылая запросы в зарубежные общества библиофилов. Его старания увенчались успехом. Перед вынесением приговора адвокат попросил слова и сказал, что найденная в доме дона Винсенте книга совершенно необязательно является той же самой, которую купил Патсот. Обвинитель возразил: это не возможно, ведь книга уникальна! Именно этих слов и дожидался адвокат. Он предъявил один из парижских букинистических каталогов, в котором был указан еще один экземпляр злополучного указника и заметил, что раз сохранилось целых две книги, то почему не допустить, что их больше? Обвинению был нанесен сильный удар, однако уловки адвоката не помогли. Дона Винсенте приговорили к смертной казни. Услышав об этом, подсудимый разрыдался.

Судья, тронутый раскаянием преступника, обратился к нему. Он предложил ему вверить себя высшему суду и ожидать от него милосердия. Но ответ обвиняемого развеял все иллюзии по поводу его скорби. Дон Винсенте произнес: «Я — жертва чудовищнейшей ошибки: мой экземпляр не уникален!» Это были его последние слова. От исповеди барселонский душегуб отказался. История библиофила-убийцы стала известна далеко за пределами Барселоны. Иштван РатВег описал ее в своей «Комедии книги». А Флобер — в «Библиомании». Но для криминалистов она остается наглядным подтверждением того, что раскрытие преступления нередко совершается только благодаря счастливому стечению обстоятельств.

Дело анархиста-оборотня Равашоля

Очень часто судьба многих великих открытии зависит от его величества случая. Например, только идентификация известного преступника Франсуа Кенигштейна (Равашоля) подтвердила необходимость использования бертилъонажа (идентификации преступника при помощи измерительного метода Альфонса Бертилъона). Это открытие молодого полицейского было взято на вооружение полицией многих стран. Пьер Брюллар писал: «Бертилъонаж, основанный на измерении отдельных частей человеческого скелета, — величайшее и гениальнейшее открытие XIX века в области полицейского дела. Благодаря французскому гению скоро не только во Франции, но и во всем мире не будет ошибок идентификации, а следовательно, и судебных ошибок».

Кто же такой Франсуа Кенигштейн? Он родился 14 октября 1849 года в Сен-Шамоне во Франции. Его отец был металлургом, работал на заводе в Изье. Когда Франсуа немного подрос, то стал учеником красильщика, но, освоив профессию, не горел желанием работать. Уже подростком он часто проявлял свои дурные наклонности. Даже мать боялась жестокости Франсуа. Он не только частенько избивал, но и угрожал ей убийством.

В 1886 году Кенигштейн бросил работу и связался с шайкой уличных грабителей, промышлявших контрабандой, грабежами и мелким воровством. Вскоре полиция нескольких провинций разыскивала его за тяжкие преступления.

В ночь на 16 мая 1891 года Кенигштейн взломал склеп баронессы Рош-Тайе на кладбище в Сент-Этьене. Мародер вскрыл саркофаг, похитил нательный крест и медальон, а затем попытался снять кольца с умершей. На месте преступления было найдено достаточно улик, указывающих на то, что это дело рук Кенигштейна. Пока полиция занималась поисками мародера, 19 июля в небольшой лачуге, расположенной в Форезских горах, был найден задушенным старик-отшельник. 35 тысяч франков, которые он скопил за всю жизнь, были похищены. А все следы преступления вновь вели к Франсуа Кенигштейну. Полиции удалось выследить убийцу и даже арестовать его. Но, обладая недюжинной физической силой, убийца сумел вырваться из рук полицейских и скрыться.

Вечером 27 июля 1891 года были найдены тела двух женщин, хозяек скобяной лавки на Рюде-Роанн. Смерть наступила от сильного удара молотком по голове. Неоправданная жестокость, с которой было совершено это преступление, указывала на

Кенигштейна. Убийца разжился лишь 48 франками. Несмотря на тщательный поиск преступника, его так и не удалось обнаружить.

11 марта 1892 года раздался сильный взрыв на бульваре Сен-Жермен в Париже. Дым валил из распахнутых окон дома № 136. Полиция и пожарные решили, что взорвался газ. Но при тщательном осмотре здания под развалинами третьего этажа были найдены остатки самодельного взрывного устройства. Полиция была уверена, что бомбу подложили анархисты, так как в этом доме проживал председатель суда Бенуа. Именно он в мае 1891 года вел судебный процесс над несколькими членами этого политического движения.

Только 16 марта 1892 года одна из женщин — агентов Сюртэ, значившаяся в списках под номером X2S1, смогла сообщить важные сведения, позволившие выйти на след преступников. Она рассказала, что знакома с супругой профессора Шомартена, преподавателя Технической школы в парижском пригороде СенДени. Он был фанатичным приверженцем идей анархизма. Полиция считала Шомартена неопасным, так как он абсолютно не умел обращаться с бомбами. Но его жена случайно проговорилась, что именно профессор запланировал покушение на судью Бенуа, потому что тот вынес слишком суровый приговор его товарищам. Исполнителем, по ее словам, был некий Леон Леже.

В тот же день Шомартен был арестован. Он сразу же признался в том, что сочувствует анархистам, но основную вину пытался переложить на Леже. Профессор объяснил, что Леже ненавидит богачей, он жесток и способен на все. К тому же этот анархист уже давно скрывается от полиции, разыскивающей его за какие-то страшные преступления. Самое же главное то, что Леже — это только псевдоним, а настоящее имя террориста — Равашоль. Именно он, по признанию Шомартена, украл динамит в Суарисуз-Этуаль. Взрывное устройство изготовили на улице Кэделя-Марин, где и проживает знаменитый Равашоль.

Когда сотрудники французской полиции приехали по указанному адресу, убежище, в котором долгое время скрывался от правосудия преступник, было пустым. Во время обыска полиция обнаружила материалы для изготовления бомб. Шомартена повторно допросили, где еще мог прятаться Равашоль, но он не знал. К сожалению, профессор не смог дать точного описания своего сообщника: худощавый, невысокий, с желтоватым цветом лица и темной бородой.

Спустя несколько часов все французские газеты напечатали описание внешности анархиста Равашоля, одно имя которого наводило ужас на обывателей. Сотни полицейских были

задействованы в поиске этого опасного преступника. Все дороги из Парижа были перекрыты. На вокзалах тщательному досмотру подвергались все пассажирские вагоны. Консьержам домов было приказано сообщать о каждом человеке, внешность которого хоть как-то подпадала под словесный портрет Равашоля. Но все меры, предпринятые полицией, оказались безрезультатными. Одна из крупнейших газет того времени «Ле Голуа» писала: «Франция в руках беспомощных людей, которые не знают, что предпринять против внутренних варваров».

Префект полиции (этот пост занимал Анри Лозе) попросил помочь в расследовании Альфонса Бертильона. Был проведен опрос полицейских, работавших в участках в окрестностях Парижа. И постепенно выяснилось, что в Сен-Этьене и Мон-Бризоне был известен человек, проживавший там под именем Равашоль, хотя на самом деле его звали Франсуа Кенигштейн.

Альфонсу Бертильону передали карточку, в которую были занесены данные антропометрии Кенигштейна. Эти измерения были проведены в 1889 году, когда в Сент-Этьен по подозрению в краже был доставлен некто Франсуа Кенигштейн. Описательная часть карточки была не настолько полной, как того требовалось Бертильону, что вызвало его сильный гнев. Ведь от этих данных зависело раскрытие особо важного преступления. Если бы Кенигштейн и Равашоль, о котором рассказывал профессор Шомартен, оказался одним и тем же лицом, то тогда полиция смогла бы нанести серьезный удар по всему анархическому движению.

26 марта 1892 года в газетах был повторно опубликован словесный портрет разыскиваемого преступника. Левые издания сеяли панику среди простых горожан. Альбер Мильо в газете «Фигаро» писал: «Равашоль? А кто знает этого Равашоля? Кто знает, как он выглядит? Это реальное существо или нет? Никто не знает, где найти Равашоля».

В воскресенье 27 марта 1892 года в доме № 32 на Рюде-Клиши вновь прозвучал взрыв. В этом доме жил генеральный прокурор Бюло, который выступал обвинителем на процессе над анархистами. Газета «Ле Голуа» сообщала, что главный редактор Жарзюэль получил в воскресенье письменное приглашение на встречу с Равашолем при одном условии: Жарзюэль поклянется, что не будет публиковать точного описания его внешности.

Для редактора газеты сенсационная публикация была важнее требования оказать помощь полиции. Поэтому он выполнил свое обещание, процитировав слова Равашоля: «Нас не любят, но следует иметь в виду, что мы, в сущности, ничего, кроме счастья, человечеству не желаем. Я вам точно скажу, чего я хочу. Прежде

всего терроризировать судей. Когда больше не будет тех, кто нас сможет судить, тогда мы начнем нападать на финансистов и политиков. У нас достаточно динамита, чтобы взорвать каждый дом, в котором проживает судья».

Новая волна возмущений прокатилась по Парижу. Правительство в бессилии разводило руками. Премьер-министр Эмиль Лубе часами совещался с военным министром и префектом полиции. А в это время анархистские газеты прославляли Равашоля как героя революции.

30 марта 1892 года владелец ресторана «Верп», расположенного на бульваре Мажанта, сообщил полиции, что у него завтракает мужчина примерно 30 лет со шрамом возле большого пальца левой руки. Этот незнакомец несколько дней назад разговаривал с официантом Леро, провозглашая анархистские лозунги. Комиссар полиции Дреш и четыре сержанта успели задержать незнакомца до того, как он собрался покинуть ресторан. По дороге в полицейский участок арестованный несколько раз пытался бежать. Все время, пока его везли в Сюртэ, он выкрикивал на всю улицу: «Братья, за мной! Да здравствует анархия! Да здравствует динамит!»

Задержанного привели к Бертильону сильно избитого и окровавленного. Арестованный так ожесточенно сопротивлялся, что его невозможно было измерить и сфотографировать. Только спустя два дня преступник успокоился, надев на себя «маску героя». Он позволил обмерить и сфотографировать себя только лично Альфонсу Бертильону. И полученные данные помогли установить личность преступника. Оказалось, что революционный идеалист Равашоль и хладнокровный убийца-мародер Клод Франсуа Кенигштейн — одно и то же лицо. (При первых арестах Кенигштейна с него сняли антропометрические мерки.)

На следующее утро в газетах появилось сообщение о том, что знаменитый Равашоль задержан. Левые газеты пестрели статьями, в которых с иронией и возмущением обличали полицию, обвиняя ее в том, что она пытается подтасовать факты. Сметение и страх вновь овладели людьми: «Если задержан не настоящий Равашоль, то значит, тот настоящий все еще на свободе».

27 апреля должен был состояться суд над Равашолем (Кенигштейном). За два дня до начала процесса прозвучал взрыв в ресторане «Верн», у входа в который был арестован Равашоль. Под развалинами полиция обнаружила два трупа: хозяина ресторана и случайного посетителя. Газеты вновь запестрели заголовками статей: «Где настоящий Равашоль?». Но несмотря на всеобщую истерию Бертильон остался непреклонен — его измерения не лгали. Бертильон ввел в практику измерение

определенных параметров тела преступников (окружность головы, длина ушей и ступней, ширина грудной клетки и т. п.). Эти измерения использовались для установления личности преступников и помогали определить, совершали ли они преступления прежде. Суть метода Бертильона заключалась в следующем: размеры отдельных частей тела у различных людей могут совпадать, но никогда (!) не совпадут размеры четырех или пяти частей тела одновременно.

Именно благодаря выводам, сделанным Бертильоном, Равашоль предстал перед судом присяжных в качестве главного обвиняемого. На суде Кенигштейн признал свою вину во взрывах на бульваре СенЖермен и Рюде-Клиши, но полностью отрицал причастность к убийствам в Сен-Этьене. Судьи, опасаясь за свою жизнь, не решались сказать ни одного резкого слова в адрес обвиняемого. Они постоянно чувствовали давление со стороны анархистов. Казалось, что это Равашоль обличает судей, а не они его. Он держался самоуверенно и нагло, постоянно подчеркивая свою связь с анархистами и выкрикивая лозунги в поддержку их движения.

20 июня 1893 года Кенигштейн предстал перед судом присяжных округа Луара в Монбризоне. Председатель суда Дарриган специально прибыл из Лиона. Он не чувствовал страха, охватившего парижских судей. Как только Равашоль понял, что новый судья не боится угроз, он сбросил «маску». Громко и высокомерно подсудимый заявил, что одна из его фамилий действительно Кенигштейн. Преступник цинично рассказал о подробностях совершенных им преступлений, заметно гордясь своими действиями. Это было признание человека распущенного и жестокого, для которого лозунги анархистов служили лишь прикрытием его истинных устремлений.

Суд приговорил Равашоля Кенигштейна к смертной казни.

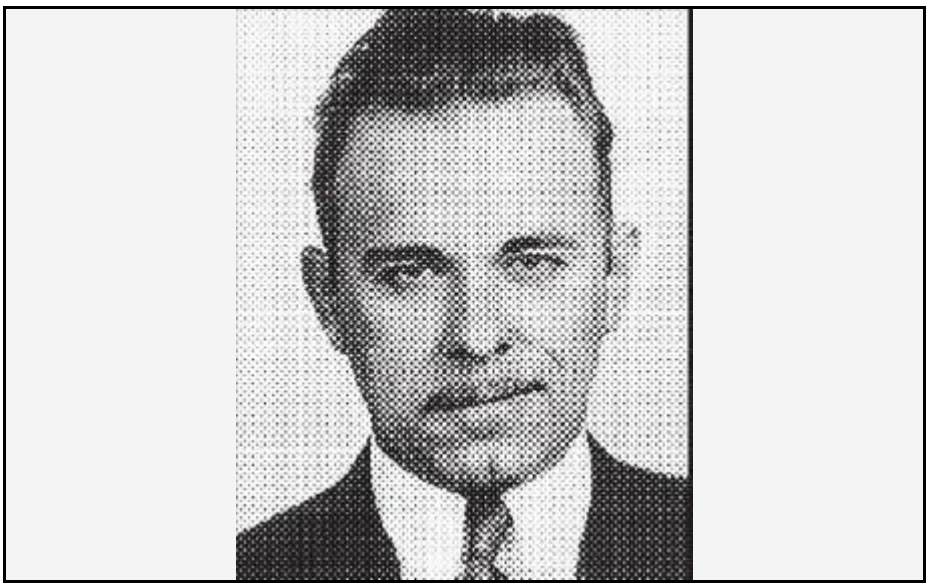
10 июля 1893 года Равашоль под конвоем был доставлен к месту казни. От самых ворот тюрьмы до Гревской площади он надрывно распевал: «Хочешь счастливым быть — вешай господ своих и кромсай попов на кусочки». Взойдя на эшафот, Кенигштейн продолжал разыгрывать из себя анархиста. Его последними словами были: «Вы свиньи! Да здравствует революция!»

Весть о том, что Равашоль разоблачен и казнен, быстро облетела все европейские страны. Вместе с ней пересказывалась и еще одна история — скромного французского полицейского, который изобрел новый способ идентификации преступников. Благодаря Альфонсу Бертильону Равашоль-Кенигштейн понес заслуженное наказание. Во всех европейских странах обратили

особое внимание на бертильонаж. И он начал свое победоносное шествие по всему миру.

Государственный преступник США № 1

Джон Диллинджер, один из самых известных гангстеров времен Великой депрессии, был преступником нового типа, он стал новатором в нелегком деле ограбления банков. Долгое время он оставался «головной болью» всей полиции Америки, ухитряясь совершать головокружительные побеги из хорошо охраняемых тюрем. Но знаменит он не только этим. Джон Диллинджер был приговорен к смертной казни без вынесения ему судебного приговора. Эта крайняя мера стала свидетельством несостоятельности полицейской системы США и ФБР, а также коррупции в высших эшелонах власти.



Джон Диллинджер

Джон Диллинджер родился 28 июня 1903 года в Индианаполисе в семье владельца бакалейной лавки. Мать мальчика умерла от серьезной травмы, когда ему едва исполнилось три года. Отец Джона женился второй раз и, судя по всему, не занимался воспитанием сына. Мачеха тоже не слишком интересовалась пасынком, поэтому Джон, предоставленный самому себе, еще в школе проявил дурные наклонности. Одноклассники считали его крутым парнем. Уже в 9 лет Джон сколотил банду из своих сверстников, назвав ее «12 негодяев».

Мальчишки не просто играли в злодеев: спустя некоторое время Джон попался на краже угля. Но суд для малолетних преступников счел возможным оставить Диллинджера в семье. А в 13 лет он был задержан за участие в групповом изнасиловании.

В 1919 году Диллинджер бросил учебу и устроился механиком в автомастерскую. Эта работа ему действительно нравилась, однако отец, купив небольшую ферму в Моррисвиле, позднее перевез туда всю свою семью. Тяжелый крестьянский труд не интересовал Джона, и отец часто устраивал ему трепку за отлынивание от работы.

В 1923 году Джон Диллинджер угнал автомобиль. Полиция вскоре задержала горе-угонщика. Однако он был выпущен на поруки, но, опасаясь гнева отца, домой так и не вернулся. Диллинджер сбежал в армию, но вскоре дезертировал с крейсера «Юта». Ему не оставалось ничего другого, как только вернуться домой. Не прошло и нескольких месяцев, как Диллинджер был снова арестован, на этот раз за кражу кур, но приговор отменили.

Через год Диллинджер женился на девушке-подростке. Но время показало, что он не создан для тихой семейной жизни. Вскоре Диллинджер снова собрал небольшую банду и со своими подельниками ограбил местный универмаг. Его схватили, долго допрашивали. Один из следователей уговорил Диллинджера чистосердечно во всем признаться, пообещав, что за это ему скостят срок. Молодой преступник поверил и дал показания на самого себя. Вердикт суда ошеломил Диллинджера — ему дали 10 лет. С тех пор он больше никогда не доверял полиции и всегда шел против закона. В тюрьме Диллинджер познакомился с Гарри Пирпойнтом, который стал его духовным наставником.

За примерное поведение Диллинджер был освобожден условно-досрочно в 1933 году. За годы, которые он провел в тюрьме, Америка стала другой. Великая депрессия захлестнула общество: миллионы безработных и бездомных, длинные очереди у бесплатных столовых и ночлежек. Но Диллинджер четко знал, как заработать себе на жизнь. Для начала он обзавелся оружием и из своих бывших сокамерников сколотил новую банду.

Преступники заявили о себе уже в сентябре 1933 года. С этого времени сообщения о их дерзких налетах не сходили с заголовков газет, создавая Джону Диллинджеру имидж современного Робин Гуда — не с колчаном и луком, а с автоматом. Американские обыватели с восторгом читали статьи, в которых описывалось как во время одного из ограблений банка главарь банды с легкостью перескочил через высокую банковскую стойку на манер актера Дугласа Фэрбенкса.

Спустя четыре месяца полиция впервые арестовала дерзкого

бандита. Из небольшой тюрьмы в городе Лима штата Огайо ему удалось бежать при помощи своих подельников. Тюремному начальству бандиты представились офицерами полиции и потребовали свидания с заключенным. Местный шериф заплатил за свою подозрительность жизнью. Когда он потребовал у прибывших «полицейских» документы, Пирпойнт застрелил его. Никто не мог даже предположить, как гангстеры узнали о задержании своего босса, о котором знали только шериф Бэфтона и несколько человек из руководства ФБР.

Выйдя на свободу, Диллинджер стал полновластным хозяином штата Индиана. Для того чтобы раздобыть оружие, бандиты нападали даже на полицейские участки. Всего за 1933 год банда Диллинджера совершила 45 банковских ограблений, похитив в сумме более 5 миллионов долларов. Полиция штата была мобилизована для проведения облавы на преступников. Но Диллинджер виртуозно ушел от погони, скрывшись в Чикаго. Отличаясь хорошим чувством юмора, бандит послал начальнику полиции Индианы к Новому году своеобразный подарок: книгу под названием «Как стать детективом».

15 января 1934 года Диллинджер совершил самое крупное из своих ограблений. Во время нападения на Национальный банк в Ист-Чикаго банда похитила 264 тысячи долларов. Все усилия, которые были применены для того, чтобы арестовать преступников, не принесли желаемого успеха. Пока агенты ФБР и полицейские сутками на пролет разыскивали гангстеров, банда Диллинджера отдыхала в Таскоиском «Конгрессотеле». В ночь на 26 января 1934 года там произошел пожар. Пожарный Джеймс Фримен вытащил из огня Диллинджера, нескольких его друзей и чемодан с деньгами. В знак благодарности гангстеры подарили ему 12 долларов, а спустя некоторое время пожарный позвонил в полицию и очень долго объяснял по телефону, что Джон Диллинджер находится сейчас в местном госпитале, пьяный и угоревший. Преступник № 1 вновь был арестован и содержался под стражей в каторжной тюрьме Краун-Поинта с исключительными мерами предосторожности.

Но несмотря на это 14 февраля 1934 года Диллинджер и его сообщник Гарри Янгблад сумели совершить побег, пройдя через дворик охраны, сели в машину, на которой ездила начальница тюрьмы Лилиан Колли, и скрылись, прежде чем их побег вообще смогли обнаружить.

Газеты подняли неимоверную шумиху. Волей-неволей правительству США пришлось заняться этим невероятным по дерзости преступлением. Спустя всего несколько дней представителям прессы продемонстрировали муляж автомата,

якобы найденного на месте побега гангстеров. Официальные власти таким нелепым образом стремились создать впечатление, что побег был осуществлен без посторонней помощи, благодаря лишь хитроумному трюку. По версии представителей ФБР, Диллинджер вырезал из табуретки, находившейся в его камере, деревянный автомат, которым и напугал охрану при побеге. Многие журналисты открыто бросали правительству упреки в том, что «власти и полиция из простого инстинкта самосохранения не могут допустить открытого процесса против банды Диллинджера. Они так глубоко пронизаны коррупцией, что теперь любой ценой обязаны спасать гангстеров».

Косвенно эти подозрения подтверждали и действия Федеральной прокуратуры в Вашингтоне. Ничего не опровергая, представители ФБР стремились свалить всю ответственность за происшедшее на начальника и персонал каторжной тюрьмы в Краун-Поинте.

Лилиан Колли, охрана и служащие тюрьмы, охранявшие Диллинджера, были арестованы. Но им так и не было предъявлено никаких обвинений. А до суда дело вообще не дошло. Это был лишь обходной маневр, рассчитанный на успокоение общественного мнения.

17 марта 1934 года в газете «Мичиган-Ньюс» вышла статья, в которой сообщалось: «.сотрудники ФБР получили тайное сообщение, что 16 марта у Диллинджера должна состояться встреча с Янгбладом в небольшом городке Форт-Гурон. Туда тут же были направлены 200 агентов ФБР. Как только преступник вынырнул из людского потока, два полицейских, постоянно следивших за ним, без долгих церемоний открыли стрельбу. Янгблад был ранен, но сумел скрыться в переулке. И оттуда стрелял в преследующих его полицейских. Как только Янгблад оказался один возле витрины небольшого магазинчика, ФБРовцы не колебались ни секунды — преступник был убит на месте».

Зато в центральных газетах Америки об этом происшествии рассказывалось по-другому: «В городке Форт-Гурон в Мичигане бежавший вместе с Диллинджером Гарри Янгблад был опознан на улице агентами уголовной полиции и в перестрелке убит».

Напрашивается вывод о том, что высокопоставленные покровители Диллинджера были крайне заинтересованы в устранении единственного свидетеля, который мог бы раскрыть загадку побега главаря банды из тюрьмы. Убив Янгблада, они избавились от опасного свидетеля.

30 марта 1934 года полиция в очередной раз провалила попытку арестовать Джона Диллинджера. Хозяйка пансиона в Сент-Поле рассказала полицейским о том, что в последнее время

у нее часто бывают люди из банды Диллинджера. Прокурор Сент-Пола вызвал для захвата банды отряд местной полиции. В результате неудачной операции погибло трое постояльцев пансиона, а самому Диллинджеру удалось бежать. Его прикрывал огнем Гомер ван Метер, которого вместе с двумя девицами, принадлежавшими к банде, удалось задержать. По распоряжению ФБР, Гомер ван Метер содержался в Краун-Поинт, откуда 19 мая 1934 года он был выпущен губернатором Индианы под честное слово.

Не выдержав многочасовых допросов с пристрастием, девицы, состоявшие в связи с гангстерами, «раскололись». В результате этого без суда и следствия были убиты несколько членов банды Диллинджера. А в Хот-Спрингсе был тяжело ранен Френки Нэш. Задержанного перевозили в тюремную больницу Канзаса по железной дороге. На центральном вокзале города их уже поджидали гангстеры Диллинджера. Между сотрудниками ФБР и бандой завязалась перестрелка. Как только раздались первые выстрелы, один из агентов ФБР застрелил лежащего на носилках Френки Нэша.

Пресса все резче критиковала создавшееся положение. В дело пришлось вмешаться лично президенту США Т. Рузвельту. Он поручил Генеральному прокурору США Каммингсу принять специальные меры для ликвидации банды Диллинджера. Каммингс созвал совещание, в котором помимо шефа ФБР Гувера приняли участие самые известные прокуроры и криминалисты Америки. Но речь Генерального прокурора США скорее была похожа на капитуляцию перед преступным миром. В заключении он сказал: «Господа, я хотел бы, чтобы Соединенные Штаты и их полиция перестали являться объектом насмешек для всего мира. Я хотел бы, чтобы с гангстеризмом, нашедшим свое дьявольское воплощение в банде Диллинджера, было покончено так или иначе. Я жду ваших предложений, господа».

Эдгар Гувер, расписываясь в своей позорной беспомощности, выступил с ответной речью: «Мы больше не в состоянии навести порядок дозволенными законом средствами. Все, что мы можем, — это, не считаясь с законом и с государственными постановлениями, действовать тем же способом, каким преступный мир вывел нас из равновесия — бескомпромиссным террором». На этом совещании Диллинджер был объявлен государственным преступником № 1 и вместе со своей бандой поставлен вне закона. Всем агентам ФБР и полицейским было приказано начать на них «охоту без милосердия».

Спустя несколько месяцев полиция опять потерпела очередное поражение. Во время попытки захвата банды на озере

Мичиган был тяжело ранен Джон Гамильтон — один из участников банды. Диллинджер вывез его в безопасное место, но через несколько часов тот умер. Сам, без посторонней помощи Диллинджер закопал труп бывшего подельника, предварительно обезобразив его лицо и руки серной кислотой. Еще много месяцев агенты ФБР продолжали охоту за уже покойным Джоном Гамильтоном. Семнадцать ни в чем не повинных граждан США были убиты из-за отдаленного сходства с этим известным преступником.

Со времени последней стычки с полицией Джон Диллинджер проживал в Чикаго на Нортс-Кроуфордавеню, 2309, у бывшего участника банды — Джеймса Прохаско, платя 60 долларов за день. За 10 тысяч долларов два хирурга, Лезер и Кэсседи, вызвались сделать Джону Диллинджеру пластическую операцию. Доктор Лезер, отбывавший наказание за спекуляцию наркотиками, должен был изменить Диллинджеру форму носа, расширить скулы и подбородок, тогда как Кэсседи обязан был изменить рисунок папиллярных линий. Во время операции Диллинджер чуть не погиб. Оказывается, преступник № 1 не переносил эфирного наркоза. Только через несколько часов врачам удалось вывести его из комы. Пока заживали операционные рубцы, Диллинджер отрастил бороду и перекрасил волосы. Даже подельники не могли бы теперь узнать своего босса.

30 июня 1934 года Джон Диллинджер совершил ограбление банка в Саунт-Бентли (штат Индиана). Добыча банды составила 90 тысяч долларов. Но на этот раз удача изменила Диллинджеру. Полицейский, стоявший на посту, попытался оказать сопротивление, а один из кассиров, воспользовавшись суматохой, успел подать сигнал тревоги. Бандитам удалось скрыться, но полиции по почерку удалось определить, что здесь орудовала банда Диллинджера.

20 июля 1934 года в бюро шефа чикагского отделения Федеральной уголовной полиции Мелвина Первиса явилась хозяйка пансиона Анна Сейдж и сообщила, что 22 июля она должна встретиться возле кинотеатра «Биограф» с Джоном Диллинджером. «Чтобы вы смогли заметить меня в толпе, я надену красное платье», — предложила она полицейским. Еще до начала операции Первис проинформировал начальника ФБР Гувера о предстоящем аресте гангстера № 1. И затем получил инструкции, которые привели его в полнейшее замешательство: «Диллинджер должен быть убит на месте». Первис был вне себя и пытался возражать: «Но это бессмыслица, у нас целых два дня. Мы можем вызвать войска, можем оцепить весь район. Теперь Диллинджеру от нас не уйти». Однако Гувер продолжал

настаивать на своем: «Я пошлю вам самолетом Холдиса и Коули — лучших снайперов ФБР».

До сих пор нет достоверной версии, объясняющей, почему Анна совершила это предательство. Некоторые считали: она просто отомстила своему бывшему любовнику за то, что он завел себе новую пассию и потребовал, чтобы Анна признала ее. По другой версии, Анна Сейдж, венгерка по национальности, имела просроченный вид на жительство, и поэтому ей грозила депортация из страны. Ценой предательства она пыталась добиться права жить в США.

Джон Диллинджер обожал кинематограф. А в те июльские дни в Чикаго стояла убийственная жара. Единственным кинотеатром с кондиционером был «Биограф», расположенный на Линкольнавеню. Вечером 22 июля 1934 года туда отправились Диллинджер, Полли Гамильтон и Анна Сейдж. Туда же прибыли и 16 агентов ФБР, среди которых были Коули и Холдис. После окончания сеанса двери кинотеатра открылись, выпуская толпу на улицу. Одними из последних вышли Диллинджер и две его спутницы. Анну Сейдж в ярко-красном платье агенты ФБР в толпе заметили сразу. Затем события развивались стремительно. Один из агентов засвистел в свисток. Диллинджер бросился бежать. В это время полицейские открыли прицельный огонь. Диллинджер был расстрелян на месте.

Через час все средства массовой информации Америки объявили о том, что государственный преступник № 1 убит. Оба агента ФБР были вызваны в Вашингтон. Холдиса и Коули на аэродроме в сопровождении журналистов встречал сам шеф ФБР Гувер. Он пожал им руки и растроганно произнес: «Благодарю вас от имени американской полиции. Вы сумели восстановить ее честь». В ту же ночь шеф чикагского отделения полиции Мелвин Первис написал рапорт об отставке.

Тело Диллинджера было забальзамировано и выставлено в чикагском морге для всеобщего обозрения. Власти хотели, чтобы американские обыватели поверили в смерть гангстера № 1. Хотя однозначных доказательств того, что убитый был Джоном Диллинджером, не было. Таким образом, противоправная «охота без милосердия» имела непредвиденные последствия и принесла преступнику США № 1 легендарную славу, подняв его на недосягаемый пьедестал.

Дело о похищении Линдберга-младшего

Это судебное разбирательство по делу о похищении ребенка с целью получения выкупа, после которого случаи киднеппинга стали рассматриваться в США как преступление федерального значения. Теперь подобные расследования проводятся сотрудниками ФБР, а в 30-е годы XX века они находились в ведении полиции. Однако в деле Линдберга полицейские наломали столько дров, явно подтасовав улики и, по всей вероятности, отправив на электрический стул невиновного, что пришлось внести изменения в Федеральное законодательство.

Рихард Гауптман

Средства массовой информации нередко пытаются сделать из обыкновенных, в общем-то, уголовных дел сенсацию. Но длительные дорогостоящие процессы заканчиваются, и вскоре мало кто помнит все перипетии, разыгравшиеся в зале суда. Тем не менее существуют дела, о которых говорят и пишут десятилетиями. Одним из таких как раз и является трагедия, разыгравшаяся более 70 лет назад в американском городке Хоупвилл (НьюДжерси), получившая название истинного преступления века.

В миле к северо-востоку от Хоупвилла высится белый дом с

пристройками, владение знаменитой четы Линдберг. Национальный герой Америки, летчик, впервые совершивший одиночный беспосадочный перелет через Атлантику, и его жена, дочь одного из самых богатых людей США, американского посла и будущего сенатора Дуайта Морроу, проводили на вилле выходные, а затем снова возвращались в город. Супруги любили Хоупвилл, говорили, что там необычайно спокойно, можно отдохнуть не только от повседневных хлопот, но и от назойливого внимания прессы. У Одинокого орла, как называли знаменитого летчика, и его талантливой жены-писательницы рос сын, которого вся Америка называла Орленком; мальчик считался едва ли не самым богатым младенцем Штатов.

Сказка, усердно муссируемая СМИ, закончилась 1 марта 1932 года. В тот день супруги не уехали, как обычно, в город, а остались на вилле из-за болезни мальчика. В 20.00 медсестра Бетти Гоу уложила полуторагодовалого ребенка в постель в его спальне на втором этаже и спустилась вниз.

Около 21.15 Чарльз и Энн, сидевшие в гостиной на первом этаже, услышали странный звук — они подумали, что на кухне свалилась на пол коробка с апельсинами. А вскоре медсестра, которая зашла к Орленку, чтобы проверить его состояние, подняла крик: кроватка оказалась пуста. На улице хлестал ливень, видимость была отвратительной, но полковник Линдберг, схватив ружье, выскочил из дома за предполагаемыми похитителями, отдав дворецкому приказ срочно звонить в полицию.

В 21.45 на место происшествия прибыл инспектор Норманн Шварцкопф со своей командой. Сыщики осмотрели примыкавшие к дому угодья (600 акров!) и обнаружили три пролома в живой изгороди (словно кто-то на бегу врезался в кусты) и отпечатки ног под окном детской комнаты. Следы неизвестного обнаружились еще в паре мест, однако полицейские почему-то не потрудились измерить их и снять гипсовые слепки. К утру дождь окончательно размыл следы.

Кроме того, под окном обнаружились две глубокие вмятины от лестницы и валявшаяся стамеска. С ее помощью неизвестный приподнял опущенную раму окна и получил возможность залезть в детскую. Саму приставную лестницу, разобранную на три секции (самая широкая из них оказалась сломанной), отыскали в 50 метрах от дома. На обочине проходившего неподалеку проселка следопыты заметили отпечатки покрышек.

На подоконнике детской обнаружился конверт с письмом от похитителей. Изобилующее грамматическими ошибками, написанное корявым почерком послание гласило, что полковнику

надлежит выложить за возвращение своего сына 50 000 долларов (20, 10 и 5-долларовыми купюрами). Преступники обещали связаться с Линдбергом через несколько дней и предупреждали, чтобы он не поднимал шумиху в прессе и не сообщал о похищении в полицию.

Шварцкопф тут же наломал дров, развив бурную деятельность и. обратившись к преступникам через газеты. Местные полицейские показали себя профанами в криминалистике, однако инспектор упорно отказывался обратиться за помощью к ФБР. Тогда Линдберг принял решение заплатить преступникам, которых считал профессиональными киднепперами. Шварцкопф напротив уверял, что в доме действовали непрофессионалы, скорее всего местные жители, хорошо знавшие планировку дома и осведомленные о планах хозяев. Да и сравнительно небольшой выкуп говорил о том, что его назначали «любители». А старший следователь утверждал: преступника следует искать среди домашней прислуги.

4 марта Линдберг получил новое письмо от похитителей. Киднепперы предупреждали: из-за вмешательства полиции они увеличивают сумму выкупа. Теперь папаше надлежало выложить уже 70 000. Спустя неделю некий Джон Кондон предложил Линдбергам свои услуги в качестве посредника между семьей мальчика и похитителями. Как ни странно, и полковник, и преступники с этим согласились. Контакт стороны поддерживали при помощи газетных объявлений. 12 марта посредник отправился на встречу с киднепперами в Бронкс, на кладбище «Лесная поляна». Похититель, который говорил с немецким акцентом и назвал себя «Джоном из Скандинавии», потребовал от Кондона деньги, но тот резонно возразил: сперва ему необходимо увидеть ребенка. Преступник сказал, что это невозможно, однако обещал прислать вещи, которые были на мальчике в момент похищения.

Прошло еще несколько дней, и в руках Кондона оказалась посылка с ночной рубашкой и страховочным пояском. Их опознали как родители Орленка, так и медсестра, переодевавшая малыша вечером 1 марта. Тогда полковник приготовил два свертка с деньгами, причем в обоих были так называемые золотые сертификаты — бумажные деньги, выражающие золотой эквивалент. Вся требуемая сумма в один конверт не уместилась, поэтому была разбита на две разновеликие части: отдельно оказались упакованными 50 000 и 20 000. Линдберг перед этим лично переписал номера банкнот.

Полковник и его добровольный посредник вечером 2 апреля 1932 года поехали на оговоренное похитителями место встречи

— кладбище Сент-Рэймонд. Кондон в течение четверти часа прохаживался среди надгробий, а Линдберг, вооруженный пистолетом (он опасался нападения) сидел в машине. Когда Одинокий орел уже решил, что встреча не состоится, Кондона окликнул какой-то человек, прятавшийся в канаве. По словам посредника, с ним снова разговаривал «Джон».

А дальше началась сплошная самодеятельность. Кондон, нарушая инструкции, почему-то заявил похитителю: собрать удалось не всю сумму, а только 50 000. «Джон» столь же внезапно легко согласился с уменьшением «гонорара». Затем посредник решил передать деньги лишь в обмен на запечатанный конверт, в котором якобы значилось место пребывания малыша. Усевшись в машину, Кондон не стал вскрывать конверт, а подождал, пока Линдберг отъедет от кладбища на приличное расстояние.

В записке, переданной «Джоном», значилось: Линдберг-младший находится на борту яхты «Нелли», возле острова Елизаветы, между Хоснек-Бич и Гей-Хед, с двумя людьми, абсолютно непричастными к преступлению. Естественно, в указанном месте никакой «Нелли» не обнаружилось.

Погреть руки на похищении ребенка стремилось столько жулья, что Линдберги и их ближайшие друзья потеряли еще немало денег, прежде чем убедились: пользуясь бедой, их просто обманывают. Одно время полковник даже собирался добиться освобождения знаменитого гангстера Аль Капоне, чтобы тот помог разыскать похитителей «по своим каналам»!

Тем временем полиция так и не добилась ощутимых результатов в расследовании. Правда, детальный анализ лестницы, проведенный одним из лучших экспертов, позволил обнаружить происхождение древесины. Конструкция приспособления, кстати, оказалась весьма своеобразной и была явно рассчитана на человека высокого роста. К тому же, эксперт дал характерное описание инструмента неизвестного плотника: на нем имелись определенные дефекты, которые могли бы помочь следствию.

А в доме Линдбергов тем временем произошла новая трагедия. Следователь посчитал, что преступникам помогала либо медсестра, либо компаньонка жены Линдберга Энн, 28-летняя Вайолет Шарп. Эту девушку еще ребенком отец Энн забрал из приюта, растил как родную дочь и оставил ей по завещанию приличную сумму, которая давала ей возможность жить в достатке. Шарп путалась на допросах, срывалась на крик, не могла вразумительно объяснить, что делала вечером 1 марта. Наконец, полиция решила разыграть арест подозреваемой в надежде, что та «сломается» и начнет давать показания. Вайолет

действительно «сломалась». Она кинулась к себе в комнату и выпила жидкость для чистки серебра, в которой содержались цианиды. Спустя несколько минут полиция обнаружила труп девушки. Оказалось, что она всего лишь не хотела компрометировать дворецкого: между Шарп и этим женатым мужчиной давно существовала интимная связь.

12 марта 1932 года в семи километрах от дома Линдбергов, на обочине лесной дороги водитель грузовика обнаружил тело совсем маленького ребенка, лежавшее ничком в куче гнилой листвы. Тело было изуродовано лесным зверьем и насекомыми, левая нога была отрублена или откушена возле колена, правая рука и кисть левой тоже исчезли. Труп, пролежавший в кустах не менее двух месяцев, был так обезображен, что поначалу эксперты даже затруднились определить пол ребенка. Но причину смерти они установили сразу: у ребенка оказался раскроен череп. Спустя час после того, как в покойном опознали Чарльза Линдберга-младшего, останки кремировали.

Полиция всерьез взялась за посредника — Кондона, но безрезультатно. Попортили немало крови и медсестре Бетти Тоу. Ее пытались обвинить в пособничестве киднепперам на том основании, что женщина покинула детскую на пару часов, хотя должна была даже спать в ней, а также из-за незакрытого на шпингалет окна. Мол, потому-то преступникам и удалось незаметно открыть его и проникнуть в дом. Однако оказалось, что Гоу просто не могла закрыть злополучное окно: помимо того, что она постоянно проветривала комнату, шпингалет на раме был давно сломан.

Вскоре после 2 апреля 1932 года, когда «Джон» скрылся с выкупом, в полицию стали поступать сообщения о «золотых» банкнотах, номера которых полиция передала во все банки, крупные магазины, в автоцентры и на автозаправочные станции, в кассы. Правда, проследить, кто же сдавал банкноты, долго не удавалось. Наконец 15 сентября 1934 года работник автозаправочной станции записал номер машины, владелец которой расплатился за бензин стоимостью 98 центов 10-долларовым золотым сертификатом. Говорил клиент с сильным немецким акцентом.

Вскоре полиция знала, что на автозаправке «засветился» 35летний плотник Рихард Гауптман, уроженец Германии. На родине Гауптман некогда совершил кражу, использовав приставную лестницу. В Америке немец обзавелся семьей, долгое время плотничал, но весной 1932 года бросил это занятие и начал играть на бирже. Заработал он там относительно немного, однако его семья купила новую машину, совершила поездку по стране и

вообще жила явно не по средствам.

Наконец, Гауптмана арестовали у порога собственного дома. В кармане у мужчины обнаружился еще один 20-долларовый сертификат из «списка Линдберга». А в гараже, между двойными стенами, оказались спрятанными еще 14 600 долларов в золотых сертификатах. Задержанный утверждал, что эти деньги он получил от своего делового партнера, Изадора Сруля Фиша, который уехал в Германию в декабре 1933 года. Компаньон умер на родине от туберкулеза, а поскольку за ним числился крупный долг, Гауптман решил оставить сертификаты себе.

Тем временем на чердаке дома немца полиция нашла обломок перекладины, который в точности подходил к использованной при похищении лестнице: об этом говорили отверстия, проделанные старинными четырехгранными гвоздями. У задержанного также взяли образцы почерка (графологи сообщили, что именно он писал письма киднепперов), а Линдберг опознал в нем по голосу мужчину, забравшего выкуп.

Кондон также твердил, что именно Гауптман является таинственным «Джоном». Сосед полковника под присягой показал: за несколько дней до похищения немец прятался в кустах, наблюдая за домом. К тому же на своей кухне около телефона Гауптман имел привычку записывать на обоях номера телефонов: среди них обнаружился и номер Линдбергов.

После ознакомления с уликами судья Хаммер в течение часа выдал постановление на передачу немца властям штата НьюДжерси. Заседание суда присяжных было решено проводить во Флемингтоне. За считанные дни население этого городка увеличилось втрое из-за наплыва репортеров и зевак. Обвинение представляли 38летний генеральный прокурор штата Нью-Джерси Дэвид Виленц и его помощники, которые всухую переиграли защитников Гауптмана. Виленц сумел построить убедительное обвинение на косвенных уликах, при этом он подверг Гауптмана весьма жесткому 11-часовому перекрестному допросу. Закончил свое выступление прокурор душещипательной речью.

Адвокаты, к слову, пальцем о палец не ударили, чтобы спасти обвиняемого от смерти. Нанятый крупным нью-йоркским журналом известный защитник Эдвард Райан (его гонорар составил 25 000 долларов) практически не появлялся на слушаниях трезвым, с глазу на глаз с подзащитным виделся лишь однажды, причем сократил визит до 10 минут под предлогом занятости (!), не отреагировал на массу несоответствий, прозвучавших в суде. Один из помощников Райли столь же явно демонстрировал свою незаинтересованность в защите

подсудимого, а второй оказался слишком молод и неопытен, чтобы исправить оплошности своих коллег.

Тем временем от процесса явно «попахивало». Взять хотя бы тот факт, что, согласно свидетельству первого эксперта, детали лестницы, при помощи которой преступник проник в дом, делались из новой древесины и отверстий для гвоздей не имели. Зато впоследствии полиция изготовила несколько копий лестницы для следственных экспериментов. Похоже, что подозрительная деталь являлась частью одной из копий. Но как кусок перекладины попал на чердак Гауптмана? Может, его подбросили сами полицейские, на которых оказывала сильное давление общественность, требовавшая раскрытия преступления?

С номером телефона тоже как-то нехорошо получилось. Трудно себе представить столь ненормального киднеппера, который звонил бы родителям ребенка со своего домашнего телефона, да к тому же записывал бы номер жертвы на самом видном месте. Может, и эта улика была сфабрикована ушлыми членами следственной группы?

Приходно-расходные книги Гауптмана и состояние его счетов показали: долг за Фишем действительно числился немалый. К тому же супруги довольно долгое время жили весьма экономно, откладывая на свои счета деньги. В итоге они оказались владельцами неплохого состояния, которое и дало им возможность повысить свой уровень жизни.

Лучший графолог Америки, выступив в защиту немца, утверждал: человек, писавший послания Линдбергу, являлся левшой, а Гауптман таковым не был. К тому же, сходство почерков киднеппера и столяра оказалось не столь уж значительным. Различий набралось так много, что специалист не сомневался: Гауптман не имеет никакого отношения к посланиям преступников.

В зале суда не были озвучены некоторые результаты следственных экспериментов. Оказалось, например, что человек высокого роста с 12-килограммовым малышом на руках вылезти через окно на лестницу просто не может! Размеры проема и угол установки лестницы не оставляли в этом сомнений.

Результаты судебно-медицинской экспертизы тоже наводили на размышления. Согласно данным патологоанатомов, найденный ребенок был на 10 сантиметров (!) выше сына полковника. К тому же, у трупа обнаружилось незакрытие парантральной области в теменной части черепа. Но ни педиатр, ни медсестра на столь явные отклонения развития Линдберга-младшего не указывали, и на прямой вопрос о полноценности малыша отвечали: мальчик был вполне здоров и развивался

нормально.

Выяснилось, что «опознание» Гауптмана свидетелями можно сбросить со счетов, поскольку узнать голос человека, из уст которого слышал всего два слова, через два с половиной года практически невозможно. А прочие свидетели вообще поначалу «узнавали» подозрительного типа в других людях! Не мог Гауптман сдавать сертификаты в кассу кинотеатра, как это показала одна из свидетельниц, поскольку в указанный день он отмечал свой день рождения в шумной многочисленной компании. А 2 апреля 1932 года немец последний день работал в здании «Маджестик-апартментс», где стеклил окна. Нарядчик тогда обманул мастера при расчете, не доплатив 20 долларов. Поругавшись с ним, Гауптман отправился домой. В 19.00 к нему в гости пришли друзья, которые разошлись по домам только в двенадцатом часу ночи. Ну не мог же немец одновременно играть на гитаре на глазах нескольких человек и забирать выкуп на кладбище, расположенном у черта на рогах!

Обнаружились также странности в поведении отца похищенного ребенка. Он, как оказалось, вечером 1 марта 1932 года был не в гостиной, а в библиотеке, рядом с детской. Окно было незакрыто, библиотека ярко освещена. Фактически, киднеппер должен был лезть в спальню жертвы на глазах родителя, находясь в полосе света! И таких несуразностей набралось немало. По непонятным причинам пес, охранявший дом — весьма серьезное и агрессивное животное! — не лаял, хотя буквально у него под носом должны были шастать подозрительные личности.

Странно, но факт: эти и другие вопросы пришли в голову только Эллису Паркеру — одному из лучших детективов США, получившему прозвище «американский Шерлок Холмс».

После того как были опрошены 162 свидетеля, рассмотрено 381 вещественное доказательство, дело передали жюри присяжных. 13 февраля 1935 года, после 12-часового совещания, присяжные признали Гауптмана виновным (семью голосами «за» и пятью «против»), и судья Тренчард приговорил его к смерти. Губернатору штата, на которого произвели впечатление доводы дотошного детектива, удавалось шесть раз (!) откладывать исполнение приговора. Все это время Гауптман пытался доказать свою невиновность в похищении и убийстве ребенка. Однако после того, как генпрокурор Виленц обвинил губернатора Хоффмана в намеренной проволочке и попытке подрыва его имиджа накануне выборов, защитников у несчастного немца не осталось. Детектив Паркер решил выяснить истину не совсем правовым путем: он захватил и допросил без санкции прокурора

адвоката Венделя. А тот. написал признание в совершении преступления им и его коммерческим партнером! Тем не менее полиция отмахнулась от представленного ей документа, обвинила детектива и его помощников в нарушении закона, посадив их за решетку на шесть лет. К слову, Паркер на свободу так и не вышел — он умер в тюрьме в 1940 году. А немцу тем временем газеты предложили фантастическую по тем временам сумму за рассказ о похищении. Смертник, однако, отказался, заявив: этого преступления он не совершал. Интересно, что в апелляциях, которые подавал осужденный, речь шла только о новом разбирательстве, но не о помиловании. Ведь немец так и не признал себя виновным.

3 апреля 1936 года Рихарда Гауптмана казнили на электрическом стуле. Его вдова и сын в течение многих десятков лет пытались добиться его оправдания, утверждая, что он стал жертвой судебной ошибки. Современные исследователи тоже придерживаются такого мнения. Версий существует множество, но особенно заслуживающими внимания считаются две из них. Согласно первой, убийцей мальчика и автором инсценировки его похищения являлся. сам Одинокий орел! Ребенок мог погибнуть во время верховой прогулки с отцом, но, возможно, речь должна идти даже о преднамеренном убийстве. Ведь никто так и не доказал, что Орленок не был слабоумным. Возможно, родитель решил таким образом поставить крест на мучениях семьи. Сам собой напрашивается вопрос: почему ни один из пяти детей четы Линдберг, кроме старшего, никогда не находился под круглосуточным присмотром медсестры и так часто не осматривался врачом? Может, семья и доктор просто не горели желанием объявлять, что сын национального героя Америки растет дебилом? Что же касается лестницы, то полковник сам конструировал облегченные трапы для самолетов — складные, с увеличенным расстоянием между ступеньками, и сам изготавливал их из дерева.

Согласно второй версии, Орленка убила его родная тетка, старшая сестра Энн Элизабет. Неуравновешенная особа с ущербной психикой, она могла мстить родственникам: по слухам, вначале герой Америки увлекся ею и лишь потом «переключился» на младшую из сестер. Элизабет, страдавшая от неустроенной личной жизни, еще до замужества Энн неоднократно пыталась расстроить их свадьбу. В таком случае Линдберги с самого начала знали, кто убийца их сына. Пытаясь спасти семейную репутацию и избежать скандала, они пошли на имитацию киднеппинга и скрыли имя настоящего преступника. Кстати, осенью 1933 года Элизабет Морроу без явных причин покончила с собой.

В общем, по прошествии 70 с лишним лет это «преступление века» не утратило своего статуса уникального. Оно до сих пор не раскрыто, и волнует не только специалистов, но и простых людей.

Япончик — легендарный «король» преступного мира

«Вор в законе» Вячеслав Иваньков, известный под кличкой Япончик, прославился как один из самых влиятельных уголовных «авторитетов» на территории всего постсоветского пространства. Об этом человеке, признанным международными спецслужбами «крестным отцом» всей русской мафии, написаны сотни статей, ему посвящены целые главы во множестве книг о русском криминалитете. Япончик получил известность в конце 1970-х, но имя его до сих пор находится в зените славы. Какую криминальную историю ни вспомни, она непременно будет связана с этим легендарным именем. Немалую часть своей жизни «король» криминалитета провел в заключении, причем не только в России, но и в Америке. С именем Иванькова связан не один громкий судебный процесс. Последний на сегодняшний день приговор прозвучал для Япончика совсем недавно — в апреле 2006 года.

Вячеслав Иваньков, известный под кличкой Япончик

Свою криминальную карьеру Вячеслав Иваньков начинал в конце 1960-х — начале 1970-х годов в знаменитой банде Монгола

(ныне покойного «вора в законе» Геннадия Корькова). Тогда совсем еще молодой Иваньков в числе 30 бандитов-головорезов грабил квартиры и занимался вымогательством. Жертвами банды Монгола становились подпольные миллионеры, цеховики, фарцовщики, работники торговли и известные коллекционеры. За разрез глаз, характерный для жителей Страны восходящего солнца, в банде Иваньков получил прозвище Япончик. Впервые Япончик оказался на скамье подсудимых в возрасте 26 лет — за карманную кражу. По свидетельству одного из сотрудников МВД, «Япончик всегда был болен воровской идеей. Он с 14 лет воровал, почти нигде не работал и, даже имея в кармане большую сумму наличными, всегда шел на любое дело. Даже в том случае, если был большой риск, а навар оказывался минимальным. Делал это он ради своего воровского авторитета». В 1972 году банда Монгола была обезврежена МУРом, главарь и многие ее члены оказались за решеткой. Практически все подельники Япончика получили огромные сроки лишения свободы, однако самому Иванькову чудесным образом удалось уйти от наказания. Оставшись на свободе, Япончик залег на дно, а через некоторое время сколотил собственную банду. Ее члены под видом сотрудников милиции совершали обыски у тех, кто, как тогда говорили, жил на нетрудовые доходы. Некоторых из своих жертв, как и при Монголе, бандиты вывозили в лес и, подвергая жесточайшим пыткам, вымогали у них деньги и ценности. Банда во главе с

Япончиком гастролировала по всему Советскому Союзу. Похождения Иванькова до поры до времени сходили ему с рук. Но в 1974 году после драки в ресторане «Русь», в результате которой один из ее участников был застрелен, Япончик попал в Бутырку. Здесь Иванькова, к тому времени уже имевшего немалое влияние в криминальном мире, «короновали». Однако просидел в неволе признанный «вор в законе» совсем недолго. Доказать на суде участие Иванькова в ресторанной потасовке не удалось. В 1978 году Япончик снова ненадолго был посажен за решетку — за ношение холодного оружия. Однако основные преступления Иванькова и его банды — кражи, убийства, вымогательства — очень долго оставались безнаказанными. Япончик же, приобретая все больший вес в преступной среде, стал настоящим «крестным отцом» русского криминалитета. Расширяя сферу противозаконной деятельности, он еще при советской власти подчинил своим интересам многие прибыльные отрасли, в том числе рыбную и добычу золота.

Лишь в 1980 году, когда за Япончика взялся КГБ СССР, бурную деятельность его банды удалось на время остановить.

Оперативники установили нелегальные квартиры и дачи, где жили бандиты, и номера 30 автомобилей, которыми они пользовались. В мае 1981 года во время отдыха на побережье Черного моря банда Иванькова была арестована. К суду над Япончиком готовились очень тщательно, принимая все меры предосторожности. Например, при этапировании обвиняемого из Матросской Тишины в здание суда постоянно меняли маршруты следования, а для поддержки конвоиров впервые был использован ОМОН. По совокупности обвинений в содеянных преступлениях Иванькову грозил немалый срок, но на суде, как это нередко случается, свидетели стали отказываться от своих прежних показаний. В окончательном варианте обвинительного заключения фигурировал лишь один эпизод вымогательства под угрозой оружия. И все же Япончика приговорили к 14 годам заключения. Позже, на зоне, этот срок увеличили еще на год. В этом громком уголовном деле фигурировало и имя Отари Квантришвили, много лет спустя ставшего председателем благотворительного Фонда социальной поддержки спортсменов им. Льва Яшина. Но вина его доказана не была. Зато, как рассказывают очевидцы, после того, как «крестный отец» оказался за решеткой, Отари взял на себя заботу о его семье: жене и двух сыновьях.

На зону в поселок Талый Магаданской области Япончик приехал в марте 1983 года, будучи коронованным по всем правилам «вором в законе». Но «честь» носить столь «почетное звание» Иванькову пришлось довольно серьезно отстаивать. Решив доказать, что заслуженно занимает место в уголовной элите, Япончик сначала совершил покушение на офицера тюрьмы, затем из-за какого-то пустяка до беспамятства избил заключенного. Одним словом, примерным зеком Япончик не был. Он постоянно нарушал режим, попадал в штрафной изолятор, его на два месяца переводили в тюремную камеру. Дважды он осуждался местным народным судом за нанесение телесных повреждений соседям по заключению.

В 1989 году Иваньков решил побороться за досрочное освобождение. Сам и через адвокатов он разослал жалобы на свое якобы незаконное осуждение, а его жена направила несколько слезных писем народным депутатам. Интересно, что за Иванькова тогда ходатайствовали многие известные люди, в числе которых были певец Иосиф Кобзон, правозащитник Сергей Ковалев, офтальмолог Святослав Федоров. 21 января 1991 года заместитель председателя Верховного суда России, председатель коллегии по уголовным делам ВС РФ А. Меркушов внес протест в президиум Мосгорсуда о пересмотре дела Иванькова. Месяц

спустя в отношении Япончика было принято решение о смягчении наказания. А в ноябре 1991 года, отсидев 10 лет, криминальный авторитет вышел на свободу. Насчет досрочного освобождения Япончика существует несколько версий. Специальный агент ФБР Лестер Р. Макналти рассказывает: «Вячеслав Кириллович Иваньков (он же Япончик) принадлежит к элитной группе преступников, известных в Советском Союзе как «воры в законе». Он руководит международной преступной организацией, связанной с торговлей наркотиками, вымогательством. В соответствии с информацией, полученной от МВД России, дав взятку члену Верховного суда России, в 1991 году Иваньков был освобожден, отбыв только 10 лет». Согласно еще одной версии, Япончик был выпущен на свободу с подачи КГБ — для борьбы с обнаглевшими чеченской и грузинской группировками. И действительно, освободившись из тюрьмы, «крестный отец» первым делом собрал славянских «авторитетов». Они обсуждали, как вытеснить кавказцев из Москвы. Впрочем, провести тотальные боевые действия Япончику тогда не удалось.

В 1992 году Иваньков уехал в США. Для того, чтобы беспрепятственно пересечь границу, он вступил в фиктивный брак с Ириной Ола, имевшей американское гражданство и работавшей аккомпаниатором у Михаила Шуфутинского. Отъезд в США был первой поездкой Япончика за границу. Поанглийски российский мафиози не знал ни слова. Говорят, что язык он так никогда и не выучил. Кроме того, у Иванькова не было и не могло быть нормальных документов. Даже изъятые у него впоследствии водительские права оказались фальшивыми. Запутанными были и его брачные отношения. Власти Нью-Йорка считали Иванькова женатым на Ирине Ола. В то же время, по свидетельству американских приятелей Япончика, его везде сопровождала некая Фаина Комиссар, уроженка Киева, в 1979 году эмигрировавшая в Италию, а затем осевшая в США. Но несмотря на все проблемы, Иваньков, довольно быстро освоился в Америке и вскоре ничем не отличался от преуспевающего бизнесмена. Образ жизни вел соответствующий: элегантная одежда, дорогие автомобили, лучшие бруклинские рестораны. Всего лишь год спустя американские газеты уже пестрели его фотографиями, а журналисты называли его не иначе как ««крестным отцом” русской мафии Вячеславом Кирилловичем».

Вскоре после прибытия в США через О. Квантришвили Япончик связался с влиятельными грузинскими ворами. В итоге он стал своеобразным буфером между славянскими и кавказскими группировками. «Я не различаю национальностей», — любил повторять Иваньков. Правда, он

никогда не мог найти общего языка с чеченскими лидерами, которые не придерживались воровских традиций, принятых и у славян, и у кавказцев. Согласно легенде, свой первый миллион долларов Япончик получил из рук армянского вора в законе Вачигана Петросова, также выехавшего в США. А уже через год Иваньков ворочал десятками миллионов, чинил расправу по всему миру, особенно на бывшей родине и среди земляков, осевших в Америке. Фактически Япончик, используя свои обширные связи среди эмигрантов — выходцев из СНГ, создал в США собственное криминальное сообщество, находящееся в постоянном контакте с «малой родиной». По оперативным данным, он сосредоточил в своих руках практически все российские «дела», связанные с поставкой и сбытом наркотиков; имел свои проценты со сделок с нефтью и от игорного бизнеса. Нашел он общий язык и с представителями местной мафии. По имеющимся данным, при его посредничестве на территории России отмывались деньги, полученные от преступных промыслов в США. Неудивительно, что столь влиятельный мафиози вскоре привлек внимание ФБР, которое даже выстроило иерархическую лестницу «русской мафии за рубежом». Ее лидером называли самого Япончика, его ближайшими подручными — Османа Кадиева и Александра Тимошенко (Тимоху). 8 июня 1995 года Иваньков был арестован ФБР по обвинению в вымогательстве 3,5 млн долларов у двух предпринимателей, владельцев фирмы «Саммит Интернешнл», тесно связанных с печально известным в России «Чарабанком». Поначалу обвинение Япончика в вымогательстве представлялось довольно зыбким. Кроме заявления пострадавших — Александра Волкова и Владимира Волошина — об угрозах со стороны Иванькова и его подручных, прямых доказательств его непосредственного участия в выбивании денег не было.

Кроме того, сразу после ареста Иванькова криминальные структуры стали предпринимать попытки к его спасению. Только в России, по имеющимся сведениям, на это было собрано более трех миллионов долларов. «Братва» наняла целый штат адвокатов, которым было поручено вызволить Япончика из тюрьмы. Говорят, что адвокат Барри Слотник и его коллега Шапиро получили за защиту Иванькова около 800 тыс. долларов. Естественно, что представители обвинения находились под весьма серьезным давлением. И все же у ФБР, для которого разоблачить «главу русской мафии» было делом чести, имелся важный козырь. Дело в том, что давать показания против Япончика согласился его ближайший соратник Леонид Абелис, известный под кличкой Шатер. В итоге в июле 1997 года суд

присяжных вынес свой вердикт. Япончика и его подельников признали виновными в вымогательстве. Также Иваньков был признан виновным в заключении фиктивного брака с И. Ола. По американской системе определения наказания Иваньков по сумме совершенных им преступлений набрал 34 балла, что в переводе на срок лишения свободы означало 20 лет. Но отбывать положенный срок полностью Япончику не пришлось. Адвокаты направили 15-страничное ходатайство судье, в котором говорилось, что вся жизнь Иванькова «протекла в борьбе против безбожного тоталитаризма в СССР. С помощью православной церкви и отдельных ее священнослужителей Иваньков выжил и смог продолжить борьбу против коррумпированного коммунистического строя». Американская судья, плохо знакомая с особенностями российской уголовной жизни, восприняла эти слова вполне серьезно. В результате Иванькову уменьшили срок наказания, присудив девять лет и семь месяцев лишения свободы в спецучереждении строгого режима «Алленвуд» (штат Пенсильвания).

В США такой большой срок обычно никто до конца не отсиживает: местные законы предусматривают автоматическое его уменьшение на 15 %. Но поскольку Япончик в американской тюрьме, как и в российской зоне, был злостным нарушителем режима, его не освободили раньше срока. Легендарный вор в законе вышел на волю 19 апреля 2004 года. Его возвращение бурно обсуждалось на родине — в криминальных кругах и среди бизнес-элиты. Однако, как сказал тогда адвокат Иванькова Александр Добровинский, Япончик не желает возвращаться к старому, намерен жить в России тихо и спокойно — «сидеть с удочкой или просто отдыхать дома». Но как только Иваньков вернулся на родину, его ожидал новый судебный процесс. Еще в 2002 году прокуратура Москвы заочно предъявила ему обвинения в убийстве двух граждан Турции. Как тогда уверяли следователи, в 1992 году Иваньков и его давний приятель, тоже «вор в законе» Вячеслав Слива в потасовке, произошедшей в одном из столичных ресторанов, убили двух турецких коммерсантов. Но 20 июля 2005 года Мосгорсуд, где слушалось дело о давнем убийстве, оправдал Иванькова — таков был вердикт присяжных, которые единогласно признали его невиновным. Иванькова, пробывшего под стражей почти год, освободили прямо в зале суда. Прокуратура с таким решением не согласилась и направила в Верховный суд кассационное представление, в котором просила отменить оправдательный приговор и направить дело на новое рассмотрение. В декабре 2005 года Верховный суд постановил — признать вердикт законным. И вновь прокуратура направила

надзорную жалобу на это решение, уже в президиум высшей судебной инстанции, который и вынес окончательное решение в апреле 2006 года — оправдательный приговор оставить в силе. В деле, тянувшемся почти 14 лет, наконец была поставлена точка. Иваньков, который просит журналистов не называть его больше «Япончиком», оправдан окончательно и бесповоротно. В ближайших планах Вячеслава Иванькова — опубликовать повесть «Против ветра», которую он начал писать в американской тюрьме.

Нераскрытое убийство Белокурой Розмари

Самое сенсационное уголовное дело Федеративной Республики Германии, в котором косвенно оказались замешанными несколько сотен богатейших представителей промышленности, экономики и дипломатии. Из-за этого над Западной Германией нависла угроза грандиозного общественного скандала и на скамье подсудимых оказался человек, которого правильнее всего было бы назвать «зиц-председателем Фунтом».

2 ноября 1957 года в немецких газетах появилась маленькая статейка под заголовком «Белокурая Розмари убита». Далее сообщалось, что речь идет о 24летней женщине (которая значилась в телефонном справочнике «манекенщицей»), владелице черного спортивного «мерседеса», обитого изнутри красной кожей. Розмари была хорошо известна всему Франкфурту, поскольку ее профессия была весьма далека от указанной в справочнике. Мария Розалия Нитрибитт зарабатывала себя на жизнь проституцией, причем ее клиенты относились к так называемым «сливкам общества». 1 ноября Розмари была обнаружена мертвой в своей роскошной квартире на Штифтштрассе, 36. Куртизанку задушили, предварительно нанеся ей удар в затылок. Убийство произошло, по предположениям полиции, три дня назад. Так началось дело, из-за которого многие почтеннейшие граждане ФРГ лишились сна на долгие месяцы.

В принципе поначалу пятерым специалистам из франкфуртской комиссии по расследованию убийств ничего не предвещало особой головной боли: обычное убийство проститутки, так что расследование не должно было вызвать особых трудностей.

А началось это так: в пятницу 1 ноября 1957 года около 17.00 в дверь Нитрибитт позвонила ее приходящая прислуга, 52летняя безработная актриса Эрна Крюгер. Собственно, делать ей у Розмари было нечего, поскольку хозяйка квартиры во вторник, 29 октября, после громкого скандала дала прислуге расчет. Куртизанка подняла шум из-за вазы, которую Крюгер случайно разбила, вытирая пыль. Надо сказать, что подобные выходки для Розмари, легко срывавшейся на крик, отнюдь не были редким явлением, и пожилая актриса за год с лишним работы у нее пережила уже несколько подобных «увольнений». Однако на сей раз Эрна решила все же обидеться: если обычно она спешила прийти помириться с хозяйкой уже утром следующего дня, то теперь она попробовала «выдержать характер». Крюгер даже

подумывала о том, чтобы найти другую работу, но терять хорошо оплачиваемое место ей все же очень не хотелось. Поэтому спустя три дня она все же оказалась у квартиры Нитрибитт, «вооруженная» точной копией почившей по ее вине вазы и букетиком ярко-красных гвоздик.

Крюгер почувствовала смутное беспокойство уже тогда, когда на ее троекратный звонок из квартиры донеслось только жалобное тявканье и поскуливание. Прислуга знала, что со своим белым пуделем хозяйка носится, как дурень с торбой, и собака никогда не остается дома одна. Почему же Роззи не открыла? Тут взгляд Эрны упал на нишу возле двери. Там стояли три бутылки молока и три пакета с булочками. В этот момент беспокойство женщины медленно, но уверенно стало перерастать в панику. Дело в том, что Розмари ежедневно доставляли на дом эти продукты. Значит, она уже либо три дня не выходила из дома, либо вообще не возвращалась.

Эрна нервничала недаром: пожилая актриса была хорошо осведомлена о роде деятельности хозяйки и неоднократно советовала той быть осторожнее. «Ты никогда не знаешь, кого тащишь в квартиру», — недовольно бурчала прислуга. Но Нитрибитт только смеялась и хвастливо напоминала, что ее клиентами являются самые богатые мужчины ФРГ. Так чего же ей бояться?

Не зная, что предпринять, Крюгер бегом спустилась по лестнице вниз и на выходе из подъезда столкнулась со знакомым молодым человеком, который жил на два этажа ниже куртизанки. Женщина сбивчиво рассказала ему о своем беспокойстве, и мужчина принял единственно правильное решение: вызвал полицию. Патрульные явились на место через полчаса после звонка, взломали дверь квартиры Нитрибитт и вошли в длинный коридор. В другом его конце виднелась приоткрытая дверь в гостиную, из которой тянуло тяжелым запахом гниения. Старший патруля еще со времен войны прекрасно знал, что такое зловоние могут распространять только разлагающиеся трупы. Полицейский вошел в комнату, быстро окинул ее взглядом: тяжелые шторы спущены (ему пришлось включить свет, чтобы вообще хоть что-то рассмотреть), на кушетке лежит тело женщины в костюме. Патрульный вернулся к своей группе, вернув дверь в первоначальное положение. На этом его работа закончилась — выяснять, как и почему скончалась Нитрибитт, предстояло не патрульным, а уголовной полиции.

До приезда следственной группы у дверей квартиры была оставлена охрана. Полицейский также приказал Эрне Крюгер ждать на лестнице специалистов по уголовным делам,

предупредив, что ее показания как свидетельницы будут просто необходимы.

После 18.00 к дому подкатили два «фольксвагена» комиссии по расследованию убийств. Кроме двух дежурных полицейских, у подъезда их встретила сотня зевак и несколько корреспондентов. Руководил группой обер-комиссар Мёршель; он уже на нижней ступеньке лестницы узнал тошнотворный запах разложения, постепенно распространившийся на весь подъезд, и недовольно буркнул, что прошло уже, наверное, несколько дней, а это плохо для расследования. Вместе с Мёршелем в квартиру Нитрибитт поднялись его заместитель, обер-комиссар Брейтер, полицейский врач Вегенер и два молодых сотрудника научно-технического отдела комиссии. Они едва не задохнулись в гостиной от зловония и неимоверной жары. И тут члены группы допустили первую серьезную ошибку: Брейтер распахнул настежь окно, а врач прикрутил отвернутый до отказа регулятор отопительной батареи. Но ведь судебные медики, устанавливая время наступления смерти, ориентируются на степень разложения трупа. А она напрямую зависит от температуры, при которой оно происходило. Тем не менее, замерить температуру в комнате Брейтеру пришло в голову только. через час после прибытия на место происшествия! За это время помещение успело проветриться, и уличный холод заполнил гостиную убитой куртизанки.

Затем следователи совершили еще пару промахов, которые впоследствии привели к образованию редкой путаницы. Во-первых, Мёршель, рассматривая труп, по привычке сдвинул на затылок шляпу и уронил ее на ковер. Молодой сотрудник комиссии, вместо того чтобы вернуть шляпу владельцу, отнес ее в коридор и повесил на вешалку. Во-вторых, никто не позаботился о сохранности бутылок молока и булочек, количество которых указывало, сколько дней владелица квартиры не выходила из нее. Эрна Крюгер, про которую все забыли, попросту подзакусила указанными продуктами. В итоге единственное вещественное доказательство того, что Нитрибитт мертва уже три дня, пропало. Ведь теоретически она могла только утром 1 ноября выставить за порог три пустых бутылки!

Эпопея со шляпой началась уже спустя полтора часа, когда Мёршель удалился, забыв о ней. Обер-комиссар Брейтер решил, что данный головной убор принадлежит последнему посетителю куртизанки, то есть убийце. И фотография «вещественного доказательства» была передана репортерам, которые через газеты распространили сообщение о поисках подозреваемого, носившего такую шляпу. На следующий день в полиции собралось 256

свидетельств относительно возможного владельца головного убора. Сотрудники комиссии успели проверить 116 из них, как тут… Мёршель заметил, что «улика» — его собственная шляпа.

Глава группы сразу отмел версию об изнасиловании, поскольку костюм убитой был в полном порядке. Однако сбитый персидский ковер, опрокинутое тяжелое кресло и большая рана на затылке Белокурой Розмари свидетельствовали о том, что молодая женщина отчаянно сопротивлялась убийце.

Квартира куртизанки, несколько аляповато, но дорого обставленная, натолкнула Брейтера на мысль, что убийцей мог быть обыкновенный вор. Но Мёршель остудил пыл своего зама, указав на дорогую сумочку жертвы, в которой они обнаружили более 3000 марок, и нетронутую шкатулку с драгоценностями. Продолжив осмотр, глава группы отправился в спальню. Там, на тумбочке около огромной, на полкомнаты, кровати, он увидел фотографию мужчины в дорогой рамке. Лицо на фото почему-то казалось Мёршелю странно знакомым. Вот только был ли это политический деятель, финансист, актер или спортсмен, полицейский так и не вспомнил. Затем следователь наткнулся на маленькую записную книжку, в которой оказалось записано несколько сотен имен и телефонов. Большая часть упомянутых лиц была хорошо знакома Мёршелю по газетам. Тут же, в спальне, Нитрибитт хранила альбом с 25 фотографиями своих высокопоставленных «клиентов». Следователь тут же понял: эти материалы при умном подходе помогут сделать ему неплохую карьеру, а при глупом — эту же карьеру погубить, причем гарантированно. Поэтому Мёршель повел себя так, словно речь шла о государственной тайне. Он сообщил заму, какие предметы изъял из спальни (для фиксирования в протоколе), и поспешил обратно в управление — посоветоваться с шефом (директором управления уголовной полиции Кальком). Но у порога Мёршель столкнулся с Эрной Крюгер, которая сетовала на то, что ее заставляют торчать на лестнице. Коротко допросив свидетельницу на кухне, обер-комиссар узнал, что 29 октября в 15.00 Нитрибитт после скандала из-за разбитой вазы отослала прислугу домой. К ней как раз пришел давний приятель, некто Хейнц Польман. Правда, Розмари ожидала другого посетителя — какого-то важного клиента — и потому предупредила Польмана, что у нее для беседы совсем немного времени.

Мёршель тут же повернул допрос таким образом, что Крюгер поняла: в убийстве подозревают ее саму. По предположению полицейского, на такой шаг ее могла толкнуть обнаруженная хозяйкой квартиры кража каких-нибудь драгоценностей. Прислугу, буквально потерявшую дар речи, обер-комиссар

спешно препроводил в управление. Журналисты, которые толпились на лестничной площадке, моментально сделали вывод: преступницей оказалась приходящая домработница.

Собственно, Мёршель разыграл эту комедию только для того, чтобы пресечь толки о загадочности убийства куртизанки. В управлении Эрну, конечно, допросили, а после этого отпустили домой. Полиция тем временем установила следующие факты. 29 октября Нитрибитт жильцы дома видели несколько раз. В 16.20 из подъезда вышел высокий широкоплечий черноволосый мужчина лет 35, которого не раз видели вместе с Розмари, и уехал на серой автомашине. Соседка убитой снизу показала, что 30 октября, днем, между 13.30 и 14.00, в квартире Белокурой Розмари упало что-то тяжелое, был слышен громкий мужской голос, а потом раздался пронзительный крик. Поскольку у Нитрибитт такие «звуковые сцены» происходили часто, женщина не обратила на этот шум особого внимания.

Когда в управлении Брейтер обмолвился о записной книжке куртизанки, Мёршель и директор уголовной полиции заметили: в ней указаны люди, которые будут не в восторге от общения с полицией и могут доставить им лично массу хлопот. Тогда Брейтер на свой страх и риск пустил слух, будто злополучная книжка находится у него. Помощник следователя надеялся, что упомянутые Нитрибитт мужчины предпочтут не дожидаться официального вызова в полицию, а явятся к нему сами.

Что же касается 36-летнего представителя торговой фирмы Хейнца Кристиана Польмана, то он пришел в полицей-президиум по собственной инициативе, утром 2 ноября. Мужчина утверждал, что узнал об убийстве знакомой из газет и счел своим долгом явиться к следователю.

Польман познакомился с Белокурой Розмари за год с лишним до трагедии, прекрасно знал, чем занимается его приятельница, и часто заезжал к ней — пообщаться. Хейнц не был любовником куртизанки — как гомосексуалист он женщинами не интересовался, — однако дружеские отношения с представительницей древнейшей профессии поддерживал охотно. Польман подтвердил, что явился к Нитрибитт в самый разгар ее скандала с прислугой. Собственно, приехать его просила сама Розмари: еще за пару дней до того она позвонила Хейнцу и сказала, что ей необходимо срочно с ним переговорить, поскольку. она опасается за свою жизнь! Когда Эрна ушла, Розмари предложила гостю выпить виски. Польман сказал, что это было случаем из ряда вон выходящим: его приятельница была патологически скупа, и раньше ему приходилось выпрашивать у нее каждый глоток спиртного. Но рассказать о своих страхах

женщина не успела, поскольку ей позвонил один из клиентов, крупный фабрикант Вельдман, и предупредил, что сейчас приедет. Спустя 10 минут он действительно позвонил в дверь, и Хейнцу пришлось спешно ретироваться на кухню: Рози строго придерживалась принципа сохранения тайны клиента. Хозяйка квартиры, делая вид, будто отдает распоряжения прислуге, крикнула, чтобы она захлопнула дверь. Польман получил возможность тихонько выскользнуть на лестницу, а фабрикант посчитал, что это ушла домработница. На следующий день Хейнц не смог снова зайти к приятельнице, поскольку вылетел в Гамбург рейсом в 6.30. Вернулся он во Франкфурт только 1 ноября в 22.10.

После ухода Польмана директор уголовной полиции отдал приказ прекратить разработку всех иных версий и заняться ушедшим. Брейтер удивился, а Кальк лишь пожал плечами: разве мало изобличить гомосексуалиста в убийстве? Обер-комиссар предупредил: если с Польманом полицию постигнет неудача, все остальные следы к тому моменту успеют «остыть». Но Кальк, уходя, лишь бросил: действовать, как приказано, и прессе покуда ничего не сообщать. Брейтер пришел в ярость, поскольку такое неоправданно одностороннее следствие сразу бросалось в глаза и наводило на нехорошие мысли.

Заместитель Мёршеля все же не удержался от пары намеков знакомым газетчикам. В итоге на следующий день все западноевропейские газеты раструбили новость о том, что в квартире Нитрибитт собирались известнейшие люди ФРГ. «Акулы пера» тут же предположили, что Розмари фиксировала свои свидания с высокопоставленными лицами при помощи скрытой в цветочной вазе камеры и встроенного в кровать магнитофона. А особо рьяные вообще превратили убитую куртизанку в коммунистическую шпионку. Тем не менее о клиентах Нитрибитт говорилось в общем, и ни одно имя так и не было названо. Когда же западногерманский иллюстрированный журнал «Квик» решил публиковать материалы о ходе следствия по делу Розмари, пообещав раскрыть его истинную подоплеку, публикации пришлось прекратить, поскольку многие компании, от которых зависели все издания, пригрозили, что не дадут в «Квик» рекламы.

«Клиенты» Белокурой Розмари и впрямь сами являлись в полицию, чтобы рассказать о своих отношениях с покойной и просить о сохранении тайны. Но алиби этих 311 лиц даже не пришлось проверять: нашелся человек, добровольно взявший на себя роль козла отпущения. Хейнц Польман заключил с полицией Франкфурта соглашение. За приличную сумму и в обмен на

обещание, что в отношении к нему будет вынесен оправдательный вердикт, Польман согласился отсидеть год в следственной тюрьме и предстать на процессе. Этот ход уголовной полиции был настолько неправдоподобно скандален, что все прочие ляпы следствия, связанные с делом задушенной куртизанки, вообще могли не приниматься в расчет.

12 ноября 1957 года комиссия по расследованию убийства Нитрибитт была распущена, и делом занялся лично Кальк, который назначил своим помощником комиссара Радоя из политического отдела. Три месяца они старательно подводили прессу к тому, что преступником окажется Польман. Хейнца арестовали 5 февраля 1958 года, сообщив, что перед убийством Нитрибитт тот находился в стесненном материальном положении, а потом у него неизвестно откуда появилось 20 000 марок, происхождение которых Польман объяснить не смог. Вероятно, это была похищенная им из квартиры куртизанки сумма, отложенная женщиной на покупку кольца. Кстати, оказалось, что этот гомосексуалист ранее 10 раз привлекался к суду за мошенничество и мелкие кражи. Нашлись свидетели, якобы видевшие Хейнца в то время, когда было совершено убийство, возле дома Розмари. Губа у арестованного оказалась расцарапанной, он был возбужден и поспешил скрыться. Промелькнуло сообщение и о брюках Польмана, на которых нашли следы крови. К тому же на месте преступления следствие обнаружило отпечатки пальцев задержанного.

Польман, понятно, вины за собой не признал и вообще отказался давать показания до начала судебного процесса. Спустя 11 месяцев он был освобожден из-под стражи ввиду «недостаточно обоснованной мотивировки обвинения». Интересно, что судья тут же поспешил указать: по прошествии столь долгого времени убийство Нитрибитт вообще вряд ли удастся раскрыть. То есть Польман помог следствию затянуть поиски преступника настолько, что все следы настоящего убийцы безнадежно затерялись.

В тот же день Хейнц вылетел в Гамбург, где встретился с адвокатом Мюллером. Тот передал прибывшему солидную сумму за молчание на предварительном следствии. По некоторым данным, деньги были получены от семьи особо влиятельного лица, замешанного в скандале.

Процесс, который превратился скорее в комедию на тему юриспруденции, начался 19 июня 1960 года. Подсудимый вел себя вальяжно-развязно и явно был уверен в том, что ему ничего не грозит. И действительно, на суде всплыли все нестыковки следствия и оплошности полиции, которые продемонстрировали:

Польман вряд ли имеет к убийству Белокурой Розмари хоть какое-то отношение. Что же касается 250 000 марок, неизвестно откуда взявшихся у подсудимого, то прокурор Зоммер указал: данная сумма получена Польманом в обмен на молчание «от людей, возможно причастных к убийству». То же под присягой подтвердил адвокат Мюллер, через чьи руки, собственно, эти деньги и прошли. Назвать же имена своих доверителей юрист отказался, напомнив собравшимся о профессиональной тайне.

Итак, 12 июля 1960 года разыгранный франкфуртской Фемидой спектакль закончился. Польмана, спасшего представителей высших кругов ФРГ от позора, оправдали за недостаточностью улик. Расходы по процессу были отнесены за счет государственной казны.

Кровавая тайна дома на Риллингтон-Плейс, 10

Дело Джона Кристи получило свое название по имени одного из самых известных серийных убийц Великобритании. В народе говорят, что все тайное рано или поздно становится явным. Следы чудовищных преступлений Джона Кристи могли оставаться незамеченными долгие годы. Но в привычное течение жизни вмешался его величество случай.

24 марта 1953 года англичанин Бересфорд Браун, хозяин дома на Риллингтон-Плейс, 10, расположенного в районе НоттингХилла Западного Лондона, решил повесить на кухне кронштейн под радиоприемник. Простукивая стены, он случайно обратил внимание на то, что стена напротив кухонной двери издает необычный звук. Браун сразу же сообразил, что под обоями находится лист фанеры. Зная, что за этой стеной расположена лестница черного хода, он решил, что фанера закрывает потайной выход. Заинтригованый своим открытием, хозяин дома сорвал обои и убрал лист фанеры. Он очень удивился, увидев вмурованный в стену платяной шкаф. Его правая стенка и крышка от времени рассохлись и разошлись, образовав широкую щель. Вооружившись ручным фонариком, Браун заглянул туда и увидел голую человеческую спину. Испугавшись, хозяин сразу же вызвал полицию.

Позднее он объяснил следователю, что купил этот дом в середине марта, а его прежний владелец, Джон Кристи, попросил дать ему еще неделю для вывоза оставшегося имущества и покинул дом 21 марта 1953 года. Куда уехал бывший владелец, Браун не знал.

Старший инспектор Мюррей, который взялся за расследование этого преступления, в качестве судмедэксперта пригласил одного из самых опытных английских патологоанатомов того времени Френсиса Кемпса. До его прибытия труп в шкафу оставался нетронутым. Найденное тело принадлежало женщине, оно было частично обнажено. Из одежды на нем остались пояс с чулками, бюстгальтер, пуловер и жакет, которые убийца закинул на голову жертвы таким образом, чтобы можно было без труда обнажить грудь. Кроме этого в шкафу были найдены еще два женских трупа, завернутые в одеяло.

Полиция вновь приступила к тщательному осмотру дома, тогда как Френсис Кемпе занялся изучением тел жертв. Свои

первые заключения он смог сообщить прямо на месте. Эксперт уверенно заявил, что все женщины были убиты в разное время, к тому же очень давно: недели, а может, даже месяцы назад. Сохранность ткани жертв была только кажущейся. Они просто мумифицировались под воздействием постоянной циркуляции холодного зимнего воздуха, проникавшего в шкаф через щели в полу. Этот эффект холодильника смог существенно облегчить дальнейшую работу полиции.

Все погибшие женщины были молоды, примерно 20–25 лет. Два других тела, завернутые в одеяла, были полностью обнажены. И это дало возможность следователю предположить, что все убийства были совершены на сексуальной почве.

Вечером того же дня в столовой в толще шлака, который обычно засыпают в межэтажные перекрытия для улучшения теплоизоляции, был обнаружен еще один труп. Соседи, которые присутствовали при обыске в качестве понятых, сразу же опознали убитую. Ею оказалась Этель Кристи — жена Джона Кристи. Последний раз ее видели живой в конце осени — начале зимы 1953 года. С этого момента ни у кого из следственной группы не вызывало сомнения то, что основным подозреваемым во всех убийствах является бывший владелец дома.

На следующее утро все средства массовой информации объявили, что полиция Западного Лондона разыскивает Джона Кристи для выяснения некоторых особо важных вопросов. То, что он не явился в полицейский участок и не заявил о себе, еще раз подтвердило догадку — ему есть что скрывать. 27 марта 1953 года Джон Кристи был объявлен в общенациональный розыск. Во всех полицейских ориентировках подчеркивалась, что он особо опасен.

В ходе дальнейшего осмотра дома Кристи во внутреннем дворике полицейские обнаружили кость большого размера, аккуратно прислоненную к забору. Рассмотрев ее повнимательнее, эксперты пришли к выводу, что это бедренная кость, принадлежащая женщине. Перекопав дворик, полицейские обнаружили еще два женских скелета. У одного из них как раз и отсутствовала бедренная кость.

Во время вскрытия Френсис Кемпе обнаружил в крови погибших женщин следы угарного газа, который, вступая в связь с гемоглобином, нарушает снабжение головного мозга кислородом. Порой достаточно двухтрех глубоких вдохов, чтобы человек оказался в бессознательном состоянии. Но смерть трех женщин наступила в результате механической асфиксии. Преступник душил своих жертв подушкой или одеялом, так как на горле и лице не осталось следов сдавливания. Френсис Кемпе смог четко

отследить схему, по которой действовал преступник. Сначала он каким-то способом травил свою жертву газом и, дождавшись, когда она потеряет сознание, насиловал, а затем душил.

Знаменитый патологоанатом предположил, что они имеют дело с серийным убийцей, после чего была проведена проверка женских тел, находившихся в морге Кенсингтона. Но новых жертв обнаружить не удалось.

Вскрытие тела Этель Кристи показало, что ее убили без предварительного отравления газом, она была просто задушена. К тому же по отношению к ней преступник не совершил никаких сексуальных посягательств. По предположению Френсиса Кемпса, убийца задушил ее или из ненависти, или как опасного свидетеля. Полиции удалось в короткий срок установить личности погибших женщин. По отпечаткам пальцев были опознаны Рита Нельсон и Кетлин Мелани, которые были проститутками и состояли на учете в полиции. Было установлено, что первая пропала в первых числах января 1953 года, а вторая — двумя неделями позже.

Личность третьей женщины — 26-летней Хекторин Макленан — установили благодаря заявлению безработного, приехавшего в Лондон из Ирландии на заработки в марте 1953 года, в котором он тщательно описал одежду своей любовницы. Согласно его показаниям, в начале марта Джон Кристи пустил их домой переночевать, а наутро девушка пропала.

Собранная информация в очередной раз подтвердила предположение о том, что убийцей является именно Джон Кристи. Но оставалось непонятным: зачем он одурманивал своих будущих жертв газом?

Для того чтобы понять логику совершаемых Кристи преступлений, полиция собирала о нем сведения. В ходе следствия удалось выяснить, что Джон Реджинальд Холлидей Кристи родился в 1898 году в семье столяра. Его отец был груб и жесток. От матери и сестер маленький Джон тоже не видел доброты и ласки. Единственным ярким воспоминанием детства для 8-летнего Джона стала смерть деда. Мальчик был абсолютно счастлив, когда стоял над покойным, которого он когда-то очень боялся. Кристи в детстве страдал истерией. Он был близорук, но всячески преувеличивал свою слепоту, чтобы добиться заботы и внимания. Свой первый сексуальный опыт он получил довольно рано, но при этом потерпев полное фиаско. Девушки в шутку называли его «Кристи никакой». Поэтому еще в юности он начал связывать секс со смертью, господством над другим человеком, агрессией. Но, несмотря на неустойчивое состояние психики, он хорошо учился. Показатель его интеллекта составлял 128.

Особенно Джон любил выполнять скрупулезную, требующую большого внимания и сосредоточенности работу. К тому же Кристи страдал клептоманией. В детские и юношеские годы его неоднократно ловили на воровстве.

Во время Первой мировой войны его призвали в армию. Ив 1916 году он участвовал в знаменитой битве на Пире, где получил не только газовое отравление, но и сильнейшую контузию. В течение трех лет после этих событий Джон Кристи вообще не разговаривал, хотя многие психоаналитики считали, что его немота была просто одним из способов привлечь к себе внимание.

10 мая 1920 года Джон Кристи женился на 22-летней Этель Симеон из Шеффилда. Их брак не был благополучным. Джон продолжал страдать половым бессилием, но часто пытался найти разрядку в обществе проституток. Этель рассказывала сестре, что первая брачная ночь у супругов состоялась лишь спустя два года после свадьбы. Друзья и соседи сплетничали о том, что Этель жила с Джоном только из опасения за свою жизнь. Детей у них не было. Через четыре года они разъехались.

Некоторое время Кристи работал почтальоном, но в апреле 1921 года был арестован на три месяца за кражу почты. В сентябре 1924 года он отсидел 9 месяцев в тюрьме Аксбридж за воровство. А в 1933 м вновь был осужден, но уже за кражу автомобиля у священника, который оказывал ему моральную и материальную поддержку. В 1934 году Джона сбила автомашина, в результате чего он получил серьезную черепно-мозговую травму.

В начале Второй мировой войны Кристи был направлен в резервную полицию, которая была своего рода внутренними войсками Великобритании. В памяти сослуживцев Джон остался мелочным, упивавшимся своей властью человеком. Он состоял членом низовой ячейки консервативной партии. И среди соседей и товарищей по партии стремился казаться человеком благородным, прежде бывшим весьма состоятельным, но разорившимся на карточной игре.

В 1953 году Джон Кристи окончательно потерял работу. Не имея средств к существованию, он вынужден был продать свое жилье. С домом на Риллингтон-Плейс, 10 было связано еще одно убийство. В 1949 году был казнен Тимоти Эванс за убийство своей жены Берил и дочери Джеральдины. На суде он сознался в содеянном. Джон Кристи проходил по этому делу как свидетель, потому что супруги Эванс снимали у него комнату.

В 1953 году дело Эванса было поднято из архива, и пока полицейские проводили повторное расследование, было получено

сообщение о том, что Джон Кристи задержан. Это произошло 1 апреля 1953 года. Внимание полицейского патруля привлек неопрятно одетый мужчина, стоящий на автобусной остановке «Патни-Бридж». Даже не пытаясь бежать или оказать сопротивление, незнакомец предъявил паспорт на имя Джона Кристи.

На допросе Джон Кристи произвел впечатление человека, долгое время находившегося в состоянии хронической усталости. Он говорил очень мало и едва слышно. Следователю он объяснил, что чувствует себя измученным внутренним огнем, от которого нет спасения, и даже не пытался что-либо отрицать, сразу же признавшись в 8 убийствах, которые совершил в период с 1943 года.

Все преступления, кроме убийства жены Этель, были совершены на сексуальной почве, когда Джоном Кристи двигало «изнурительное желание». Убийца признался, что постоянно желал близости с женщинами, но первая неудача развила в нем комплекс неполноценности. Для того чтобы разрешить эту проблему, Кристи разработал собственную систему, позволяющую ему совершать половой акт с женщиной, находящейся без сознания. Каждой из своих жертв он рассказывал о том, что страдает катаром дыхательных путей и предлагал им вдохнуть пары якобы чудодейственного средства. Приятный аромат действовал на женщину успокаивающе, она разрешала накрыть себя с головой пледом. В это время Кристи присоединял к чашке шланг с газом метаном, который, поступая в горячую жидкость, очень быстро одурманивал жертву. Действие метана было похожим на действие угарного газа, поэтому судмедэксперт и допустил ошибку, приняв его за следы СО.

Впервые свою методику преступник опробовал в 1943 году. Когда его жена уехала к родственникам, Джон Кристи пригласил к себе переночевать Руд Фуерст, так как ее дом был разрушен после очередного налета немецкой авиации. Предложение солидного, доброжелательного полицейского она приняла с благодарностью. После того как женщина потеряла сознание, преступник отнес ее в свою комнату и изнасиловал. «И чувство безмерного покоя заполнило меня», — рассказывал на одном из допросов Кристи. Боясь разоблачения, преступник задушил Руд, а ее труп закопал во дворе.

Следующей жертвой маньяка стала подруга его жены — Мюриэл Иди. Кристи заманил ее в дом под предлогом того, что хочет отдать долг.

На допросах открылась и правда по делу Тимоти Эванса. Он обратился к Джону Кристи с просьбой порекомендовать его жене

врача для подпольного аборта. Кристи пообещал помочь, заявив, что сам является дипломированным гинекологом. На следующий день Эванс ушел, чтобы обеспечить себе алиби, а его жена к 10 часам спустилась в комнату Кристи. Преступник предполагал только изнасиловать Берил Эванс, применив свою знаменитую технологию. Но, увидев полуобнаженную молодую женщину, не смог совладать со своим желанием. Кристи набросился на нее, жестоко избил, задушил, а затем изнасиловал. Чтобы скрыть следы преступления, он имитировал семейную ссору между супругами: он отнес тело Берил на второй этаж, а увидев спящую в кроватке Джеральдину, задушил и ребенка. Дождавшись телефонного звонка от Тимоти, Кристи сообщил ему, что жена умерла от кровопотери, и начал шантажировать Эванса тем, что именно он организовал незаконную операцию и посоветовал тому скрыться.

Тимоти Эванс потерял способность здраво рассуждать и последовал совету Кристи, в результате чего став главным подозреваемым. А сам убийца Джон Кристи выступал свидетелем обвинения на суде и даже получил благодарность судьи за «ясные и полезные показания». На суде против Эванса свидетельствовала и жена Кристи Этель. Полученная от нее информация расценивалась «как весьма ценная». Суд не дал Тимоти Эвансу возможности доказать свою невиновность, а его обвинение в адрес Джона Кристи тогда никто всерьез не воспринял.

22 июня 1953 года начался суд по делу Джона Кристи. Ему были предъявлены обвинения в убийстве 8 женщин. Убийство жены Джон Кристи объяснил тем, что последние годы Этель перестала выезжать из Лондона. Его все больше снедало желание «удовлетворить внутренний огонь», пока в конце концов страдания стали невыносимыми. Задушив Этель, Джон Кристи, по его собственным словам, предался «разгулу».

Тело Риты Нельсон он не вытаскивал из своей кровати несколько дней «получая неизъяснимое удовольствие от присутствия женщины в доме». Подсудимый признался, что только разложение заставило его спрятать труп в шкаф. После убийства жены вся жизнь Кристи была подчинена желанию подавить свое влечение. Он перестал выходить из дома даже за продуктами. По свидетельству соседей, за первые месяцы 1953 года он похудел на 8 кг, перестал следить за своей внешностью, постепенно деградировал.

Адвокат Кристи построил защиту на том, что его подопечный был безумен, но обвинение указало на факты сокрытия им преступлений, что подтверждало его вменяемость. Судья потребовал проведения психиатрической экспертизы по факту

убийства жены. Судебный психиатр дал заключение о том, что «Джон Кристи во время совершения им преступлений был абсолютно вменяем, отдавал полный отчет о характере совершаемых им поступков, хотя обнаруженные перверсии наглядно демонстрировали прогрессировавшее изменение в его психике. Так, по свидетельству экспертов, Джон Кристи не был импотентом в обычном понимании этого слова. Он сохранил способность совершать половые акты. Много мастурбировал над телами своих жертв, следы спермы были обнаружены на носках и на обуви.

Суд продлился четыре дня. А совещание по приговору длилось 1 час 20 минут. Королевским судом Джон Реджинальд Кристи был приговорен к смертной казни. Его повесили 15 июля 1953 года. Это был последний смертный приговор, после него в Англии был введен мораторий на смертную казнь. Тимоти Эванс был посмертно реабилитирован.

А сам Джон Кристи стал хрестоматийным персонажем. В английских детективных сериалах «Таггарт», «Инспектор Морс» неоднократно упоминается имя Джона Кристи. Тупик РиллингтонПлейс стал местом паломничества туристов. Вскоре он был перепланирован в широкую улицу РастонКлоз. А на месте дома № 10, в котором были совершены зверские убийства, сейчас находится автостоянка.

Герой тюремного романа

Одна из самых дерзких попыток побега из мест заключения была предпринята 3 мая 1991 года. В этот день вор и убийца Сергей Мадуев по кличке Червонец с помощью пистолета, принесенного ему следователем Воронцовой, пытался бежать из знаменитых питерских «Крестов»…

Это происшествие имело широкий резонанс. В то время не было ни одной газеты, которая не рассказала бы посвоему об истории романтической любви одинокой женщины-следователя и матерого рецидивиста. На самом деле даже после тщательно проведенного расследования в деле Сергея Мадуева многое остается неясным. После суда он сделал официальное заявление о том, что никакой любви между ним и следователем не было, просто его сообщникам удалось подкупить Наталью Воронцову. В то время этому никто не придал значения. Простому обывателю хотелось верить в трогательную историю обреченной любви. Спустя некоторое время режиссер Сергей Соловьев снял мелодраму «Тюремный роман», где роль преступника сыграл Александр Абдулов, а следователя — актриса Марина Неелова. Этот фильм прославил Сергея Мадуева на всю страну, придав ему некий романтический ореол, хотя в жизни он был очень далек от образа, созданного на экране.

Сергей Мадуев родился в Казахстане в 1957 году, куда его родители были сосланы только из-за своей национальности. Сын чеченца и кореянки с детства питал ненависть к властям, так жестоко поступившим с ним и его родителями. Сергей Мадуев, который в паспорте был записан русским, свой первый срок получил в семнадцать лет. В 1974 году он сел за разбой и грабежи на 10 лет, отсидел только шесть. Выйдя на волю, он вернулся на родину — в город Каскелен, но устроиться на работу так и не смог. Из-за судимости все двери для него оказались закрыты. Тогда Мадуев вместе со своим младшим братом Альви и старым знакомым Агапашой Таировым занялся грабежами и убийствами, разъезжая по всему Советскому Союзу. Вскоре в преступном мире Сергей Мадуев стал известен под кличкой Червонец. Свое прозвище он получил за то, что на воле всегда расплачивался с таксистами только десятирублевыми купюрами, никогда не беря сдачи.

В 1980 году Сергей Мадуев совершил дерзкое ограбление кассы колхоза-миллионера имени 30летия Казахской ССР. Тогда налетчики похитили огромные по тем временам деньги — более

50 тысяч рублей. Розыск преступников возглавил и.о. начальника Павлоградского областного уголовного розыска Николай Буран. Тогда же Сергей Мадуев проявил и свои «благородные» качества. Капитан Николай Буран вспоминал: «Первоначально бандиты планировали напасть на самого председателя колхоза и даже явились к нему в дом. Но от смерти его спасла сноха, которая была на большом сроке беременности и доверчиво откликнулась на просьбу незнакомых мужчин вынести воды. Увидев беременную женщину, Мадуев отказался от разбойного нападения на дом председателя колхоза». Преступников арестовали в Омске на следующую ночь после грабежа. Суд приговорил троих налетчиков к семи годам лишения свободы.

На зоне с Сергеем Мадуевым считались все, в том числе и «воры в законе». Отсидев большую часть положенного срока, он был переведен на поселение в Талды-Курган, откуда в декабре 1988 года бежал.

Так началась новая криминальная эпоха Сергея Мадуева. К тому времени он был известен оперативникам как Али Мадуев, Андрей Львов, Али Филани, Владимир Шпак, Сергей Ли. Многоликий бандит продолжал «гастролировать» по стране. С новыми подельниками он разъезжал от Астрахани до Петербурга, совершая хладнокровные убийства, хорошо спланированные разбои и грабежи. Его повсюду искала не только милиция, но и тбилисские и ташкентские воры, заочно приговорившие Червонца к смерти за то, что он украл деньги из их общаков.

Серегей Мадуев не был похож на обычного уголовника. Он обладал острым проницательным умом, много читал, имел своеобразное чувство юмора. Червонец всегда одевался с подчеркнутой элегантностью, не допуская даже малейшей небрежности в одежде или внешнем виде. Но среди других Сергея Мадуева особенно выделяла склонность к нелогичным поступкам. Например, он мог накормить мороженым целую ватагу ребятишек, а во время налета на квартиру остаться неподалеку от места преступления, вызвав скорую помощь, когда у жертвы ограбления случился сердечный приступ. И в то же время он оставлял за собой трупы, среди которых были женщины и дети. Бандиты без колебаний убили семью Айвазовых, когда те оказали сопротивление во время налета и подняли шум.

6 июня 1989 года Сергей Мадуев и его напарник ворвались в двухэтажный дом Олега Шалумова, проживающего в Ростовской области. Первым же выстрелом Червонец убил хозяина, затем преступники задушили его жену. Покидая дом, бандиты облили комнаты бензином и подожгли. В огне живьем сгорел годовалый Миша Шалумов, спавший в кроватке на втором этаже. Через два

года Сергей Мадуев, находясь под стражей в Бутырской тюрьме, твердил, что не знал о ребенке. «Если бы я знал, — заявил Червонец, — я бы первым вынес его из огня.»

В Ленинграде в октябре 1989 года банда Мадуева вломилась в квартиру пенсионерки Анны Юрих. Червонец смертельно ранил хозяйку квартиры, когда та пыталась по телефону вызвать милицию. На судебном процессе убийца цинично заявил: «Выстрел был непреднамеренным, я поскользнулся на паркете». В начале января 1990 года во время ташкентского ограбления Мадуев хладнокровно пристрелил своего подельника, получившего ранение во время стычки с хозяином квартиры, бывшим заключенным.

8 января 1990 года Червонец был арестован на железнодорожном вокзале, когда пытался сесть на поезд «Ташкент — Москва». Четверо оперативников схватили преступника прямо в коридоре вагона поезда. Один из милиционеров пристегнул свою руку к руке Мадуева наручниками. Внезапно преступник выхватил из кармана гранату и зубами вырвал из нее кольцо. Он кричал, что взорвет поезд и требовал встречи с министром внутренних дел Узбекистана. Он приказал очистить перрон, вместе с заложником вошел в отделение линейной дорожной милиции и заперся там в одном из кабинетов. Червонец потребовал от пристегнутого к нему милиционера: «Достань в моем нагрудном кармане записную книжку и сожги ее». Оперативник послушно выполнил требование преступника. К этому времени на вокзал прибыли заместители министра и прокурора Узбекистана. На крыше соседнего здания притаился снайпер. Второй сотрудник ОМОНа дежурил у дверей. Выбрав подходящий момент, снайпер выстрелил в руку Мадуеву. В то же время другой оперативник выбил дверь, схватил гранату и отбросил ее в безопасное место. К счастью, взрыва не последовало — граната оказалась учебной. Так окончился последний день на свободе тридцатипятилетнего Сергея Мадуева.

Началось следствие. Мадуева несколько раз этапировали из города в город в связи с широкой географией его преступлений. В Бутырках Червонец сидел в камере-одиночке. Спустя несколько месяцев там были обнаружены несколько десятков метров веревки и удавка. Мадуев не скрывал своего стремления вырваться на свободу. Когда его перевели в знаменитые «Кресты», он заявил начальнику тюрьмы: «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел. И отсюда уйду, причем вместе с тобой выйду». Как показало время, Червонец едва не выполнил свое обещание.

3 мая 1991 года в 7.30 Сергея Мадуева вывели из камеры для того, чтобы этапировать в Москву. Подойдя к столу, где

происходил личный досмотр вещей, он выхватил пистолет и выстрелил в стену. Майор Егоров попытался остановить преступника, но тот выстрелил ему в живот. Захватив заложника, Сергей Мадуев сумел выйти в тюремный двор, где и был задержан охраной тюрьмы.

Расследование попытки побега возглавил полковник КГБ Владимир Георгиев. Он действовал под прикрытием оперативно-следственной группы, которую формально возглавил следователь прокуратуры Выборгского района Круглов. Георгиев добился перевода Мадуева из «Крестов» в следственный изолятор КГБ, а для содержания преступника была создана специальная железная клетка. На первый же допрос Мадуев пришел сильно избитый. Так над ним «поработала» охрана «Крестов» во время задержания. Следователь не спешил допрашивать Мадуева и, учитывая состояние его здоровья, занялся оперативной работой.

Экспертизой было установлено, что при попытке побега арестованный использовал то же оружие, которое у него изъяли при аресте в Ташкенте. Передать Мадуеву оружие мог только один из членов оперативно-следственной группы Прошкина, проводившей расследование всех уголовных дел Мадуева. Этот пистолет вместе с другими доказательствами хранился в опечатанном сейфе прокуратуры. Круг подозреваемых оказался невелик — всего 8-10 человек. Вскоре следствие располагало данными о том, что незадолго до дня побега сестре Мадуева позвонила незнакомая женщина и попросила достать для него пистолет. Главной подозреваемой, благодаря установленным фактам, стала Наталья Воронцова. Но, несмотря на то что преступная связь между следователем прокуратуры и Мадуевым была установлена, против Воронцовой не было ни одной прямой улики. Решающими в этом деле должны были стать показания самого Мадуева.

Постепенно Червонец начал давать показания. Вначале он заявил, что пистолет в камеру принес следователь Рябинин, и подробно описал обстоятельства этой сделки. На следующем допросе следователь упрекнул Мадуева в том, что тот специально вводит следствие в заблуждение. Этому преступник несказанно удивился: «А вы что, действительно проверяли?» Тогда стало понятным, что многие следователи не проверяли его показаний, а просто подшивали их к делу. Так постепенно оно распухло до 78 томов, а количество вменяемых Мадуеву преступлений перевалило за 60.

После тщательной проверки выяснилось, что большинство из преступлений, в которых Мадуев обвинялся, он совершить не мог. Вскоре Червонец признался, что в Ташкенте ему переправили

«маляву», в которой авторитетные люди просили взять на себя все преступления, связанные с изъятым у него при аресте оружием. А в благодарность они обещали организовать побег.

Поскольку Мадуева все равно ожидала смертная казнь, он с легкостью «присвоил» себе те грабежи и убийства, которых не совершал. Вскоре стало известно, что люди, обещавшие ему содействие в побеге, мертвы, а сам Мадуев попал в ловушку. Он начал отказываться от своих показаний. Но полковник Прошкин не хотел ничего слушать — он уже мысленно примерял генеральские погоны, выиграв «процесс века».

Несмотря на постоянные допросы, Мадуев отказывался назвать человека, который принес ему в камеру пистолет. Но, узнав о показаниях сестры, перестал упорствовать и сказал следователю: «В своей жизни я никогда не встречал женщин, которые ради меня могли бы пожертвовать своим домом, положением, одним словом — всем. Поэтому я, похоже, стал испытывать к Воронцовой возвышенные чувства. Я люблю эту женщину». Но с каждым новым допросом благородство Мадуева таяло на глазах. Спасая себя от смертной казни, он продолжил свои разоблачения. Прежде всего Червонец попросил у следователя о встрече с самой Воронцовой и предложил заснять всё на видео. «Вы сами все поймете, я попробую уговорить ее признаться, но за успех не ручаюсь», — заявил преступник.

Наталье Воронцовой предложили допросить Мадуева, объяснив, что он хочет дать показания лично ей. Червонец рисовался перед камерой, целовал руки следователю, трогательно смотрел ей в глаза, шептал что-то на ухо, но уговорить не смог.

На следующий день Наталья Воронцова была арестована. При обыске у нее обнаружили целую коллекцию фотографий Червонца. Женщина своей вины не признавала и начала писать жалобы во все инстанции. Только после того, как ей был продемонстрирован отснятый материал, она во всем призналась и стала давать показания. На допросах она отказывалась с кемлибо обсуждать свои чувства.

На суде Воронцова заявила: «Мной двигало лишь чувство жалости и справедливости. Мне казалось, что на этого человека вешали лишнее». В своем заключительном слове Воронцова сказала: «Я прошу прощения у тех, кому причинила зло. Особенно у своих родителей и у того потерпевшего. Еще я прошу прессу оставить меня в покое». Наталья Леонидовна Воронцова была уволена из органов, а в 1992 году суд приговорил ее к семи годам лишения свободы.

После суда над Воронцовой Мадуев с явным цинизмом пустился обсуждать свои отношения с женщиной-следователем.

«Воронцова? А что Воронцова, — откровенничал он, — разве она не от мира сего? Такая же, как и все. Так же хочет есть, хочет жить хорошо, хочет счастья в личной жизни. Можно подобрать ключ к любому человеку. Я воспользовался чувствами Воронцовой, но в моем положении выбора нет».

Суд над Мадуевым состоялся 10 июля 1995 года. Здание суда охраняла целая рота конвойных войск. В наружном оцеплении стояли кинологи с собаками и ряд автоматчиков. Каждого входящего в зал суда проверяли ручным металлоискателем. Злые языки утверждали, что на четвертый день процесса кто-то пытался проникнуть в зал с пистолетом Макарова, спрятав его в видеокамеру. Если бы суд сохранил подсудимому жизнь, то десятки потерпевших и их родственников устроили бы над Мадуевым самосуд. Ходили слухи, что на Червонца готовится покушение и его попытаются убить по дороге в здание суда или обратно в СИЗО.

Но Сергей Мадуев дожил до приговора, который зачитывали на протяжении трех дней. Когда ему предоставили последнее слово, преступник попросил оставить его в живых. Он говорил спокойно, без эмоций. Казалось, что последние слова произносит не человек, а машина. Председатель суда Людмила Суханкина поставила в деле Мадуева последнюю точку. На сохранившейся видеозаписи этого процесса Червонец стоя встретил слова: «Приговорить к исключительной мере — расстрелу». Его лицо едва заметно передернулось, и он тихо произнес: «Спасибо всем, удачи и счастья» — и сел на скамейку. После вынесения приговора клетку с преступником оцепили автоматчики. Адвокат, желая поддержать своего подопечного, подошел к клетке и произнес что-то ободряющее. Но этот приговор так и не вступил в силу. На смертную казнь вскоре был введен мораторий.

Следствие по делу Сергея Мадуева затянулось еще на четыре года. Червонца поместили в другую камеру-одиночку и перевели на особый режим содержания. За это время он два раза пытался бежать. Во втором случае ему вновь помогали следователи прокуратуры.

7 мая 1996 года в Калининском районном суде началось слушание по делу сотрудников «Крестов», которые передали Мадуеву оружие. На их суде Червонец объяснял: «Люди, которые мне помогали и помогают, ищут выгоду для себя. Это не помощь, это купля-продажа — ты мне, я тебе. Бескорыстно мне помог только один человек».

Сергей Мадуев умер в 2000 году в Сольилецкой колонии «Черный дельфин» от обострения сахарного диабета.

Наталья Воронцова освободилась из мест заключения, сейчас

живет в Житомире, вышла замуж. Она старается не вспоминать о Мадуеве и планирует написать книгу, чтобы раскрыть правду о «тюремном романе». Хотя ее дело нельзя назвать полностью завершенным, в нем еще слишком много вопросов и удивительных совпадений.

У Сергея Мадуева была на теле единственная татуировка: «Полюбишь меня — погубишь себя». Она оказалась пророческой для Натальи Воронцовой, бывшего следователя Генеральной прокуратуры СССР.

Безвинно осужденные, или Долгий путь к возмездию

В печально известном перечне серийных убийц, действовавших на территории бывшего СССР, Геннадий Михасевич по количеству жертв занимает «почетное» третье место (после Андрея Чикатило и Анатолия Оноприенко). С 1971 по 1985 год он лишил жизни 36 женщин. За это время в 11 судебных процессах по обвинению в совершенных Михасевичем убийствах осудили 14 (!) человек. Один из невинно осужденных был расстрелян, другой пытался покончить жизнь самоубийством, третий отсидел в тюрьме 10 лет, четвертый после шестилетнего заключения совершенно ослеп и был выпущен на свободу как «не представляющий опасности». Так Михасевич стал одним из серийных убийц, за которыми тянется не только кровавая череда зверски замученных жертв, но и невинно осужденные за его злодеяния люди.

Геннадий Михасевич

Житель Белоруссии Геннадий Михасевич стал первым убийцей-маньяком, получившим, если можно так сказать, официальное признание в СССР. До этого было принято считать, что ни секса, ни тем более сексуальных маньяков в Советском Союзе нет. В те времена информация о людях с опасными расстройствами психики тщательно скрывалась, поскольку считалось, что в обществе развитого социализма таковых быть не может. Но поимка Михасевича — «первой ласточки» среди отечественных серийных убийц — совпала с началом «горбачевской» перестройки и гласности. «Витебское дело» (Михасевич совершал свои зверства на территории Витебской области, поэтому в историю криминалистики вошел как витебский маньяк) получило неслыханный доселе резонанс.

Пятнадцать лет милиция искала убийцу среди тех, кто хоть

раз был судим, стоял на учете в психдиспансере или просто вызывал подозрение. Но кровавым садистом оказался отличный работник, коммунист, примерный семьянин и отец двоих детей. Пятнадцатилетняя эпопея по поиску Михасевича превратилась в нашумевшее «витебское дело», которое и после разоблачения маньяка имело свое продолжение. Когда настоящий преступник наконец-то был пойман, специальная группа Генпрокуратуры СССР занялась изобличением следователей белорусских правоохранительных органов, незаконно и необоснованно обвинявших людей в тех убийствах, которые совершал витебский маньяк. Существует мнение, что этот судебный процесс стал самым большим позором за всю историю существования Генпрокуратуры БССР.

История жизни и преступлений Г. Михасевича похожа на смерч, пронесшийся сквозь десятки судеб, одни навсегда искалечив, другие навсегда оборвав. Жертвами витебского маньяка были только женщины и девушки, которых он сначала насиловал, а потом душил. Первое убийство садист совершил в 1971 году, но с каждым годом убивал все больше. Рекордное число убитых им женщин — двенадцать — относится к 1984 году.

Михасевич убил впервые, когда ему было 24 года. Молодой деревенский парень, возвращаясь из армии — он был комиссован по состоянию здоровья с диагнозом гепатит, — направлялся в Ист к родителям. Михасевич потом говорил, что думал о девушке, с которой вел любовную переписку и хотел увидеться по пути, хотя, как через полтора десятка лет установит следствие, порвал с ней годом раньше.

Как рассказывал Михасевич уже после своего разоблачения, его моральное состояние в тот день, когда он впервые совершил преступление, было жутким: он якобы решил покончить жизнь самоубийством. С этой мыслью забрел в один из дворов, где осколком стекла отрезал кусок бельевой веревки и начал искать место, чтобы лишить себя жизни. По его словам, в тот момент он неожиданно увидел одиноко идущую женщину и подумал: «Зачем же я буду давиться из-за бабы, лучше сам какую-нибудь удавлю». Жертву свою убийца изнасиловал, задушил, потом оттащил тело несчастной от дороги и забросал землей.

Смертельный 14-летний марафон начался. Преступления проходили для Михасевича безнаказанно, и постепенно убийства стали для преступника необходимым допингом, только приняв который, он мог жить. За годы безнаказанности выработался и отшлифовался «почерк» маньяка: Михасевич совершал убийства, как правило, возле дорог; все его жертвы были задушены одним способом — резко стянутой косынкой, шарфом или пучком травы.

Место убийств тоже было определенным — в районе между Витебском и Полоцком. Тутто и задуматься милицейским чиновникам, но, увы, не задумались. Кровавая вакханалия душегуба набирала обороты.

В апреле 1976 года, уже женившись, Михасевич переехал в деревню Солоники вблизи небольшого белорусского городка Полоцка. В Солониках Михасевич слыл человеком уважаемым и даже примерным. В отличие от большинства деревенских, он редко выпивал, не курил. Был скромен и даже краснел, стесняясь разговоров на откровенные темы. Внешне Михасевич вел вполне благопристойную жизнь, и никто даже из самых близких родственников не мог предположить, что время от времени Геннадий превращается в монстра, с помощью убийств реализующего свои извращенные сексуальные желания. Не подозревали о его садистских наклонностях и коллеги. Михасевич работал техником-механиком в ремонтных мастерских сельхозмашин, был членом партии и даже избирался секретарем парткомитета. Но особенный шок после разоблачения маньяка вызвало то обстоятельство, что Михасевич был народным дружинником и внештатным сотрудником милиции(1). Когда на дорогах Белоруссии милиция, разыскивая преступника, стала останавливать машины, проверяя документы водителей, садист-убийца тоже проверял их вместе с другими дружинниками, можно сказать, ловил самого себя.

Но не только по этой причине долгие годы преступнику удавалось уходить от ответственности, продолжая держать в ужасе целую область. Безнаказанность, развязавшая руки убийце, была результатом следственного заблуждения и попустительства. В прокуратуре БССР долгое время считались, что зверские убийства женщин у автотрасс совершали разные люди. Эта версия была единственной. Милицейские органы даже не пытались объединить следственные материалы, взглянув на них с другой точки зрения: а не могут ли женщины быть жертвами одного и того же человека? Но подобное мнение воспринималось в Белорусской прокуратуре как опасное вольнодумство.

И потому можно себе только представить, какое сопротивление коллег по прокуратуре, оперативников и судей пришлось преодолеть следователю Николаю Ивановичу Игнатовичу, чтобы начальство наконец прислушалось к его выводам: убийства, по которым уже были осуждены люди, совершил другой человек. Правда, едва Игнатович посмел усомниться в виновности обвиняемых, его тут же вывели из состава следственной группы. Но упорный следователь не сдался. Он настоял, чтобы ему передали следственные материалы по всем

«придорожным» убийствам женщин: и нераскрытые, и те, что уже прошли через суд. Проанализировав обстоятельства гибели жертв, которых к тому времени было уже более 30, Игнатович увидел характерные особенности, общие для каждого из преступлений. Сомнений у него не оставалось — здесь действовал один и тот же человек.

Исходя из этого, следователь начал поиск убийцы, к тому же все указывало на то, что преступник скорее всего уроженец Витебской области, хорошо знает местность и имеет в своем распоряжении автомобиль. Впоследствии эта версия подтвердилась. На основе свидетельских показаний был составлен и предполагаемый портрет убийцы: возраст от 32 до 42 лет, рост 175–185 см, вызывающая доверие внешность.

Возможно, витебский монстр еще много лет продолжал бы свои зверства, а в тюрьмы сажали бы невиновных, если бы не чутье, настойчивость и профессионализм Н. И. Игнатовича (впоследствии он стал депутатом Верховного Совета СССР и Генеральным прокурором БССР). Проанализировав все имевшиеся в его руках данные, следователь начал действовать.

Как внештатный сотрудник милиции Михасевич имел возможность беспрепятственно следить за ходом поисков маньяка-убийцы. И неудивительно, что когда кольцо следствия стало сужаться вокруг его места проживания, он в числе первых узнал об этом. Преступник запаниковал и, решив сбить следствие с верного пути, допустил ошибку — отправил в редакцию газеты «Витебский рабочий» анонимное письмо, в котором объяснял убийства женщин местью мужей, возмущенных их неверностью. Письмо подписал: «Патриоты Витебска». Чтобы подтвердить изложенную в письме версию, Михасевич после его отправки поехал в Витебск и убил девятнадцатилетнюю девушку, оставив возле ее тела записку, подписанную теми же словами. Эти письмо и записка и ускорили поимку убийцы. Они дали следствию серьезную улику — почерк преступника, хотя тот и пытался его изменить. Идентифицировать почерк взялись эксперты-графологи управления КГБ. Исследовав почерки более 153 тыс. человек, экспертиза дала заключение об идентичности почерков на записке, обнаруженной рядом с погибшей, и в письме, адресованном в редакцию газеты, с почерком Михасевича. Когда столь неоспоримое доказательство было получено, преступника решили немедленно арестовать.

На задержание серийного убийцы выехали три группы захвата. Нашли преступника в соседней деревне, у родственников. Упакованные чемоданы и билет на самолет до Одессы не оставляли сомнений в намерениях Михасевича. И уже

на следующий день в помещении Витебского УВД подозреваемый в серии убийств стал давать показания.

11 декабря 1985 года Михасевич сознался в убийстве своей последней жертвы — Вали Пироговой, затем рассказал еще о четырех убийствах. О первой своей жертве — девятнадцатилетней Люде Андараловой — он вспомнил все до мельчайших подробностей. Когда его привезли в деревню Экимань, он безошибочно показал место, где 16 мая 1971 года совершил «самое первое удушение». Он сознался и в тех убийствах, за которые 14 человек уже были осуждены. Пройдет немного времени, и станет известно, какой ценой выбивались из этих людей признательные показания; как Витебский областной суд штамповал обвинительные приговоры, ни один из которых так и не был отменен Верховным судом ни БССР, ни СССР.

После завершения следствия Михасевича из Витебского СИЗО этапировали в Минск, в СИЗО КГБ. Оттуда маньяка направили на судебно-медицинскую экспертизу в Московский НИИ им. Сербского. Психиатры признали убийцу абсолютно вменяемым, т. е. человеком, способным контролировать свои поступки и отдавать себе отчет в совершаемых действиях. В их заключении говорилось: «Михасевич психическим заболеванием не страдает, у него имеются психопатические черты характера и склонность к сексуальным перверсиям (извращениям). Эти особенности личности сопровождаются наличием половых извращений в виде проявления садизма.»

19 мая 1987 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР признала Михасевича виновным в умышленных убийствах 36 женщин с целью удовлетворения своих извращенных половых влечений. По совокупности совершенных преступлений подсудимый был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу.

Свою вину Михасевич не признал и, глядя бесцветным взглядом в зал судебного заседания, равнодушно изрек: «Я все равно бы это делал». Смертный приговор обжаловать он не пытался. Апелляцию в президиум Верховного Совета БССР подала его мать. Но 19 января 1988 года Михасевича расстреляли.

Олег Адамов, один из тех, кто безвинно был приговорен к тюремному заключению за одно из убийств, совершенных Михасевичем, отсидел в заключении два года (это он в камере пытался лишить себя жизни). В сентябре 1987 года Адамов уже в качестве потерпевшего проходил в суде Латвийской ССР по делу следователей, сфабриковавших против него обвинение. В ходе судебного процесса трое подсудимых: два оперативных работника и начальник уголовного розыска получили незначительные

условные сроки наказания. Судья заключил, что они так действовали «из ложно понятых интересов дела». Лишь бывший зональный прокурор Белорусской транспортной прокуратуры Сороко (руководитель следственной группы по «делу Адамова») «за привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновного из карьеристских соображений» был приговорен к лишению свободы сроком на четыре года с отбытием наказания в колонии для «VIP-персон». Всего же «наказание» понесли более 200 работников правоохранительных органов, причастных к «витебскому делу» — правда, в основном по партийной линии. Лишь единицы были отстранены от работы, а некоторых отправили на пенсию.

Когда вина Михасевича была доказана и невинно осужденные по «витебскому делу» вышли на свободу, белорусский режиссер В. Дашук взял у них интервью для своего документального фильма, который так и назывался «Витебское дело». На вопрос, почему они себя оговорили, все отвечали примерно одно и то же: «Когда за тобой захлопывается железная дверь камеры в следственном изоляторе, а следователь вместе с прокурором и адвокатом ежедневно тебя уговаривают: признайся, иначе отсюда уже не выйдешь, — понимаешь, что ты обречен и никто тебе не поможет.»

Фильм «Витебское дело» был закончен в 1989-м. Но на экраны вышла только первая серия — о бесчинствах Михасевича, две остальные — о преступлениях органов уголовной юстиции, в том числе следователей, прокуроров и судей, пылятся в фильмохранилище киностудии «Беларусьфильм». В 1990 году по материалам «витебского дела» снят и художественный фильм — «Место убийцы вакантно».

После разоблачения Г. Михасевича, выяснения чудовищных ошибок следствия и разразившихся затем скандалов, в СССР впервые, собственно, и заговорили открыто о существовании проблемы серийных убийств, началось серьезное изучение этой проблемы. Появились специальные, пусть и закрытые для широкой публики, монографии на эту тему. Для советской правоохранительной системы Михасевич явился неким катализатором, как и знаменитый американский маньяк Тэд Банди для ФБР, — серийные убийцы были замечены и отделены от прочих преступников, для их выявления были разработаны специальные методы, учитывающие специфику подобных преступлений.

Российские «фантомасы», или Дело братьев Толстопятовых

Это дело занимает в истории российской преступности особое место, поскольку оно являлось вторым процессом после долгого перерыва, на котором обвиняемые осуждались за бандитизм. Братья Толстопятовы стали легендой российской криминалистики. По материалам следствия, занимавшегося их преступной деятельностью, позднее был снят знаменитый фильм «Грачи». Налеты этих гангстеров стали своего рода «визитной карточкой» Ростова. Интересно, что Толстопятовы, являясь неплохими конструкторами-самоучками, в начале 70-х годов XX века изобрели автомат, ставший лучшим оружием в мире. И еще один момент: именно из-за этой преступной группы в СССР оказался под запретом столь триумфально шествовавший по экранам киношный Фантомас…

В 1974 году Ростовский суд рассматривал знаменитое среди юристов дело братьев Толстопятовых. До этого момента на протяжении почти двух десятков лет считалось, что в Советском Союзе уголовных преступлений, которые могут классифицироваться как бандитизм, нет и быть не может. Мол, последние банды давно разгромлены, так что ни классовых, ни каких бы то ни было иных корней это явление в СССР не имеет. И вообще, в стране победившего социализма бандитизма не могло быть по определению! Один из руководителей государственной прокуратуры даже объявил на всю страну: «Гангстеризм — явление не для нашей почвы!» И тут на служителей Фемиды свалилось дело, которого, по мнению прокурора, не должно было существовать в природе. Подсудимые, видимо, об этом не знали или решили преподнести родному государству «сюрприз».

Конечно, время от времени в СССР все же слушались дела о преступных группах, совершавших вооруженные нападения, но эти процессы проходили очень редко. К тому же практически во всех случаях действия обвиняемых можно было расценивать как групповой вооруженный разбой. Дело же «фантомасов» по уголовно-правовой классификации оказалось единственным в своем роде. Нападения, совершенные братьями Тол сто пятовыми и их подельниками, Горшковым и Самасюком, отличались одной неприятной особенностью, делавшей их уникальными: преступники каждый раз использовали самодельные автоматы и револьверы. В то время приобрести автомат на черном рынке

было практически невозможно; оружие преступникам приходилось изготавливать самим. А как это сделать, Вячеслав Толстопятов (1940 г. р.), руководитель стрелковой секции, успевший отсидеть в тюрьме четыре года за подделку денежных банкнот, прекрасно себе представлял. Старший брат Вячеслава охотно подключился к «проекту». Владимир (1924 г. р.), сам практически не принимавший участия в налетах, как позже выяснило следствие, не только изготавливал оружие, но и помогал налетчикам советами, проводил инструктажи, собирал необходимые сведения, хранил оружие и деньги, а также фактически находился у гангстеров на содержании. Этого человека, работавшего художником в Ростовском зоопарке, Горшков назвал «замполитом», духовным отцом и вдохновителем «фантомасов».

Братья приступили к организации банды еще в 1964 году: разрабатывали планы, делали оружие, вербовали сообщников. Вскоре согласие на участие в преступлениях дали Горшков, которого Толстопятовы знали с самого детства, и Самасюк, отбывший срок за хулиганство. В течение почти пяти лет (с октября 1968го по июнь 1973 года) эта группа терроризировала Ростов, совершив за это время 14 вооруженных нападений. Жертвами ее становились работники магазинов, инкассаторы, кассиры государственных учреждений. Поскольку во время одного из своих первых «выходов в свет» бандиты использовали натянутые на головы темные женские чулки, работники правоохранительных органов прозвали их «фантомасами». На счету гангстеров числились три трупа, трое раненых и почти 150 000 похищенных у государства рублей. Следует сказать, что для тех лет такой «куш» был фантастическим. При этом бандитам удивительно везло, лишь Горшков дважды в ходе нападений получил ранение.

История «фантомасов» началась 7 октября 1968 года, когда неизвестные лица захватили машину Ростовского часового завода. Данное «дельце» провернули Вячеслав Толстопятов, Самасюк и Горшков. Машина была необходима бандитам для нападения на кассира у здания Областной конторы государственного банка. Однако в тот раз «фантомасы» отказались от разработанного плана, поскольку водитель автомобиля успел выпрыгнуть, а значит, мог сообщить в милицию об угоне. Так что появление разыскиваемого транспорта у стен Госбанка могло сразу же привлечь пристальное внимание работников правоохранительных органов. А до такой маскировки, как фальшивые номера, гангстеры в то время, к счастью, просто не додумались.

Спустя два дня преступное трио, к которому присоединился некто Срыбный, совершило попытку нападения на кассиров Ростовской обувной фабрики. Новый подельник предоставил гангстерам машину. Чтобы его самого никто не мог заподозрить в соучастии, в начале «операции» «фантомасы» связали хозяину автомобиля руки. У милиции должно было сложиться впечатление, будто Срыбного захватили насильно и что он несказанно рад тому факту, что вообще остался жив.

Бандиты заняли пост у здания Октябрьского отделения Госбанка и стали караулить какого-нибудь кассира с большой сумкой. Совершенно случайно первым человеком, соответствующим этому описанию, оказалась женщинакассир обувной фабрики. Но бандиты замешкались, и их «клиентка» успела сесть в поджидавший на улице грузовик. «Фантомасы» решили отправиться следом, но грузовик неожиданно для преследователей нарушил правила движения и въехал на территорию фабрики.

Четыре вооруженных нападения, осуществленные бандитами в октябре, ноябре и декабре 1968 года, оказались более удачными. «Почерк» преступников, их приметы, сообщенные очевидцами, не оставляли сомнений: все налеты являются делом рук одной группы лиц. Кстати, первая «выручка» гангстеров составила всего. 526 рублей! Несмотря на беспорядочную стрельбу нападавших и их угрозы, кассиры не растерялись, и основная сумма выручки оказалась надежно спрятанной от преступников. Тогда же за «фантомасами» потянулся кровавый след. За вышедшими из помещения двумя бандитами погнался вооруженный куском трубы пенсионер, ветеран Великой Отечественной. Попытка задержания настолько ошеломила налетчиков, что они, забыв об автоматах и револьверах, побежали. Но третий преступник, покинувший магазин последним, хладнокровно застрелил преследователя.

Вскоре стало ясно: в деятельности банды наступил качественно новый этап. Ее больше не интересовали маленькие магазинчики, выручка в которых оказывалась чаще всего намного меньше ожидаемой. Караулить у банка случайных кассиров гангстеры тоже перестали. Теперь «фантомасы» начали тщательно планировать налеты, заранее проводить разведку, подсчитывать размеры будущей добычи, четко распределять роли. Правда, для этого им требовалось больше людей, и потому вскоре в банде, кроме «боевиков», появились наблюдатели и «сигнальщики». Онито и «пасли» машины с кассирами, подавая сигнал налетчикам.

В то время из игры временно выбыл Самасюк, умудрившийся

«загудеть» в колонию за хулиганство. Но «фантомасы» не стали ждать его возвращения, начав разрабатывать план самого крупного нападения. Позднее подсудимые (оба брата Толстопятовы и Горшков) подробно рассказывали милиции об этапах подготовки «дела». Вячеслав Толстопятов несколько раз приходил на завод, якобы для устройства на работу. Разговаривал с людьми, изучал вывешенные на стендах приказы и объявления. Ему удалось узнать, по каким дням выдают зарплату, на какой машине деньги привозят из банка. Выяснилось, что обычно за деньгами вместе с кассиром ездит вооруженный охранник, который относит мешок с зарплатой в здание. План был таков: двое гангстеров дождутся у заводоуправления машины с деньгами, отберут банковский мешок у охранника и ключи от машины у водителя, после чего благополучно исчезнут. Двое других налетчиков должны были просигналить о появлении автомобиля, а также подстраховать подельщиков. Но охранник оказался не из слабонервных и денег не отдал; он сумел отступить через проходную в здание завода, угрожая при этом нападавшим собственным оружием. А раненый водитель умудрился забрать автомат у бандита! Так что «фантомасам» пришлось отнимать у мужчины не ключи от машины, а собственное оружие. После второго ранения водитель выпустил автомат, и бандиты удрали с места преступления. От погони они ушли на угнанном грузовике (его водитель был также ранен гангстерами и выброшен из кабины). Однако Горшков при бегстве тоже получил ранение в спину и в руку (последняя пуля перебила кость, что впоследствие привело к тому, что мышцы руки атрофировались).

Налеты, совершенные «фантомасами», валились на голову милиции один за другим. Речь уже шла о сотнях тысяч награбленного, а такое для 70-х годов было фантастикой. Поэтому дело «фантомасов» взяло под особый контроль Министерство внутренних дел СССР. В Ростов были направлены лучшие силы.

Почти полтора года гангстеры не давали о себе знать. Но рана Горшкова наконец зажила, а срок отсидки Самасюка закончился в июле 1971-го. В общем, «теплая компания» снова была готова к активным действиям. Кстати, раненый бандит по вполне понятным причинам к врачам не обращался. Поскольку пули не задели позвоночник или какой-либо жизненно важный орган, их решили не трогать. Лишь позднее налетчики отыскали профессионального хирурга с большим стажем и, используя угрозы и деньги (эскулап получил тогда 5000 рублей), заставили его сделать необходимую операцию. Но врач лишь извлек пули, а

руку бандита в порядок так и не привел. Горшков вообще потерял бы руку, если бы не глава банды. Тот засел за книги и. Никогда ранее не имея дела даже с основами медицины, в домашних условиях он сумел провести уникальную хирургическую операцию!

В августе 1971 года «фантомасы» снова ступили на тропу войны. После «разминки», в ходе которой сотрудники УНР12 остались без зарплаты, гангстерами было совершено нападение на инкассаторов у сберкассы № 0299. Одного из инкассаторов бандиты убили, а машину с 20 000 рублей угнали.

И снова преступления «фантомасов» стали головной болью для следственных органов. Наконец, в 1972 году у ростовской Фемиды появились более конкретные сведения о преступной группе. 4 ноября налетчики, угрожая оружием, захватили «Волгу», принадлежавшую Ростовскому отделению Грузавтотранса. Водителя гангстеры связали и затолкали в багажник машины. Через несколько часов у клуба кожевенного объединения эта «Волга» врезалась в дерево. Моторный отсек был смят, лобовое стекло разлетелось вдребезги. Пассажир выскочил из машины и убежал, а нетрезвого водителя сердобольные граждане на попутке отправили в больницу. И только после этого в багажнике обнаружили до смерти перепуганного человека. Он рассказал о захвате машины неизвестными лицами и сообщил, что «пострадавший» — один из них. Затем жертва нападения по фотографии опознала второго члена преступной группы, Самасюка.

Толстопятов тем временем пришел в себя уже на территории Центральной горбольницы, в паре шагов от травмпункта. Обнаружив в кармане револьвер, бандит понял, что его сопровождает не милиция. Тогда он объяснил людям, доставившим его в больницу, что может остаток пути проделать сам, поскольку не хочет причинять неудобства своим спасителям; их ведь точно будут вызывать на допросы по поводу ДТП. Водитель вздохнул с облегчением, высадил пассажира и уехал.

Толстопятов смыл под краном, который нашел на улице, кровь с лица и пешком отправился домой. Если бы автоинспектор, который занимался тем делом, сразу связался с городским УВД, а дежурная служба организовала поисковые мероприятия по горячим следам, «фантомаса» взяли бы уже в тот же вечер. Но вместо этого автоинспектор. искал свидетелей, чтобы составить протокол.

Во время процесса обвиняемые пояснили: в тот день они с помощью угнанной «Волги» собирались совершить очередное нападение на инкассаторов. Тех долго не было, и бандиты

решили съездить за вином. Ожидание затягивалось, из-за чего «фантомасы» успели выпить и поругаться. Так и не дождавшись инкассаторов, изрядно пьяные гангстеры спрятали мешок с оружием, после чего решили разойтись по домам, бросив машину на привокзальной площади. По дороге Толстопятов не справился с управлением и врезался в дерево. При ударе ему выбило несколько зубов, так что незадачливому налетчику пришлось через пару дней обратиться к стоматологам. Когда милиция проверяла обращения к медикам, оба зубных врача, которые занимались «фантомасом», опознали Толстопятова и подтвердили, что он обращался к ним за помощью.

Тем временем бандиты готовили нападение на кассира проектного института «Южгипроводхоз». Они знали, что в день выдачи зарплаты могут разжиться примерно 250–280 тысячами рублей. Поскольку Горшков серьезно заболел и в мае 1973 года угодил в больницу, братья подключили к делу Черненко, подсобного рабочего овощного магазина. Однако в день «операции» Вячеслав Толстопятов в коридоре института встретился со своей знакомой, после чего поспешил дать отбой, чтобы ограбление не могли связать с его появлением в здании. В итоге, налет состоялся только через две недели.

Последним днем преступной деятельности «фантомасов» стало 7 июня 1973 года. Сразу после захвата денег (тогда бандиты расстреляли одного из свидетелей) Вячеслав Толстопятов и в очередной раз раненый Горшков во время погони были задержаны с поличным. В угнанной машине обнаружились револьверы, автомат и самодельные гранаты. Самасюк тогда же получил смертельное ранение и скончался, лежа на мешке со 124 тысячами рублей. Горькая ирония судьбы: этот бандит часто говорил, что мечтает умереть пьяным на мешке с деньгами. Что же касается Черненко и Владимира Толстопятова, то их взяли на следующий день. Братья и Горшков сразу признались во всех совершенных налетах. К тому времени у них дома милиция успела провести обыск.

Уже после задержания «фантомасов» из органов был уволен участковый ОВД Ленинского района. Он несколько раз бывал в доме у Толстопятовых, но ничего подозрительного не обнаружил. В общемто, милиционера наказали совершенно напрасно. Приехавшие в тот же дом с обыском профессионалы тоже не сразу заметили потайную дверь. Она скрывалась за зеркалом. Спустившись в подвал, сыщики в буквальном смысле слова разинули рты от удивления. Их взорам предстал хорошо организованный цех по производству оружия. Рядышком разместились специальные мишени, устройства для проверки и

пристрелки. И что самое удивительное, здесь же стоял почти готовый к полетам вертолет, собранный братьями самостоятельно. Эксперты-баллисты, изучив производственную линию и само оружие, долго не могли выйти из ступора. То, что попало к ним в руки, не имело аналогов в мире. В автоматах Толстопятовых использовался доселе никому не известный принцип стрельбы.

К тому же изобретенное оружие складывалось и было очень удобно при ношении.

Рядом с оружием и боеприпасами хранились маски, заготовки фальшивых автомобильных номеров. Криминалисты-эксперты подтвердили: именно из этого оружия производились выстрелы при нападениях, совершенных «фантомасами». А куски изоленты и трафареты цифр оказались идентичными тем, которые использовались при изготовлении фальшивых номеров для машин, замеченных на местах преступления. К тому же на одежде арестованных и на их руках обнаружились следы сурьмы, это являлось неопровержимым признаком недавней стрельбы. На процессе бандиты пытались объяснить свои действия тем, что крупные средства требовались им для. проведения научных экспериментов! В частности, для создания трансформатора энергии, светильника типа «утренняя заря» и вечного двигателя.

7 марта 1974 года прокурор Ростовской области, государственный советник юстиции третьего класса Я. Перцев, рассмотрев дело «фантомасов», утвердил обвинительное заключение. Материалы следствия были направлены в Ростовский областной суд, который приговорил Вячеслава и Владимира Толстопятовых и Горшкова к высшей мере наказания — расстрелу — с конфискацией имущества. Гангстеры подали кассационную жалобу в Верховный Суд РСФСР, ссылаясь на маленьких детей, стариков-родителей, обещая трудом искупить свою вину. Но смертную казнь им так и не отменили. Сообщники братьев получили от 5 до 12 лет лишения свободы в колониях усиленного режима с конфискацией имущества и без такового.

Процесс над Анатолием Оноприенко

Анатолий Оноприенко — один из самых жестоких убийц, начавший свою «карьеру» еще в СССР, чьи жуткие похождения хорошо известны также зарубежным криминалистам. На пике своей известности, в середине 90-х годов XX века, возглавил рейтинг самых кровожадных убийц за последние 200 лет, составленный информационным агентством «Франс-Пресс». Надо сказать, не зря. Всего за полгода этот маньяк лишил жизни 52 человека, почти столько же, сколько Чикатило за два десятка лет. Так что процесс над этим убийцей, обладающим одним из самых длинных «послужных списков» в современной криминалистике, получил название «процесса века».

Анатолий Оноприенко

Анатолий Оноприенко родился в небольшом селе Житомирской области в 1959 году.

Отец мальчика ушел из семьи вскоре после рождения сына, а когда Толе не было еще и пяти лет, умерла его мать. До семи лет будущий серийный убийца прожил с дедом, бабушкой и старшим братом, а затем «любящие родственники» сдали мальчишку в детский дом.

Закончив восемь классов, Оноприенко пошел учиться в техникум, решив стать лесником, однако диплома не получил, поскольку был призван в армию. После демобилизации Анатолий выбрал уже другую специальность и поступил в мореходное училище в Одессе (закончил в 1986 году). Кстати, перед этим парень сумел всего за три месяца (!) пройти программу 9, 10 и 11 классов средней школы! Получив заветные «корочки» матроса-моториста, он несколько раз совершил загранплавания. Однако после того как Анатолия уличили в непорядочности и мелких кражах, его списали на берег. Парень быстро нашел новую работу, став начальником пожарной охраны в городе Днепрорудный Запорожской области. Но спокойная жизнь этого человека не привлекала.

В 1989 году Оноприенко начал свою «карьеру» серийного убийцы. Первыми жертвами маньяка стала семейная пара, застреленная им у собственного автомобиля. К Новому году на «счету» Анатолия были уже девять жертв; среди прочих от рук Оноприенко погиб одиннадцатилетний мальчик, спавший в машине. Тогда в салоне автомобиля садист убил еще четырех человек. Тела погибших их палач хладнокровно сжег. В то время Анатолий действовал в компании с Сергеем Рогозиным, ветераном Афганистана.

Оноприенко понимал, что теперь его будут разыскивать, и решил убраться подальше. С 1989 по 1995 год он нелегально, без визы путешествовал по Европе; дважды преступника выдворяли на родину — из Германии и Австрии. Чем занимался Анатолий в течение этих лет, сказать сложно. По его собственным словам, он был простым рабочим. Тем не менее правоохранительные органы имеют основание утверждать, что за границей Оноприенко промышлял все тем же разбоем, кражами со взломом и мелкими ограблениями. Кстати, убийца, будучи в 1994 году выдворенным из Европы, прилетел в Киев, но к родным или знакомым не поехал. Вместо этого он решил разыграть роль психически больного и целый день 31 августа стоял в аэропорту Борисполь на одной ноге. В итоге милиция направила Онопиенко в психиатрическую лечебницу. Тогда маньяку удалось провести врачей — ему поставили диагноз «параноидальный синдром» и взяли на учет. После этого маньяк из клиники сбежал и, ограбив квартиру, отправился в Германию.

В Украину Анатолий окончательно вернулся только в конце 1995 года и снова принялся убивать, действуя теперь без сообщников, хладнокровно, по четко отработанной схеме. На суде убийца спокойно сказал: «Я никогда не сожалел ни о чем, и я ни о чем не сожалею сейчас». Свои кровавые «гастроли» Оноприенко

начал на западе Украины, расстреляв супругов Зайченко и их двоих детей. Тогда маньяку удалось разжиться немногим: он забрал обручальные кольца, кое-какие ювелирные украшения, теплые вещи. А уходя, поджег дом, чтобы замести следы. Следующими жертвами убийцы стала семья из четырех человек: взрослых Оноприенко застрелил, шестилетнего ребенка зарезал, а трехмесячного малыша задушил. Дом убийца снова поджег.

31 декабря 1995 года Анатолий в очередной раз вышел на «охоту». В деревне Братковичи Львовской области он ворвался в новый дом Петра и Марии Крючковых. Кроме супругов в здании находились две девятнадцатилетние сестры-близняшки Марии. Убийца, которого следователи окрестили «терминатором», расстрелял всех четверых. У супруги хозяина он отрезал палец с обручальным кольцом, у одной из девушек с мясом вырвал из ушей серьги — они валялись рядом с телом, поскольку оказались всего-навсего бижутерией. Девушка, пытавшаяся спастись от маньяка на кухне, в приступе ужаса прокусила себе руки до кости. Неподалеку от сгоревшего дома Крючковых оперативная группа обнаружила тела еще двоих мужчин: видимо, эти люди стали свидетелями преступления. Кстати, разжиться чужим добром Оноприенко в тот раз не удалось, поскольку ценных вещей у Крючковых почти не было; все средства, которые Петр заработал за границей, он вложил в новый дом.

5 января в Запорожской области, у шоссе Бердянск — Днепропетровск маньяк убил четырех человек: двоих мужчин, возившихся со сломанной машиной, случайного прохожего и постового милиционера. На следующий день следственные органы получили на руки еще четыре трупа. У одной из убитых Оноприенко не только забрал кольца и серьги, но и снял туфли, также он польстился на две сумки с продуктами. 17 января — снова трагедия в Братковичах. Несчастное село стало главной ареной действий изверга. На сей раз его жители хоронили семерых односельчан — семью, самому младшему члену которой было всего шесть лет, и двоих случайных свидетелей убийства. Кстати, в Братковичах маньяк убил больше людей, чем погибло здесь во Вторую мировую войну!

После возвращения из Европы Оноприенко решил поехать к своему брату в Народичи. На работу он устраиваться не собирался, но иждивенцем быть не хотел, поэтому нашел легкий способ решения проблемы — кражи. Позднее Анатолий снова попытался уехать за границу нелегально, но на этот раз ему не повезло. Тогда он перебрался в Яворов Львовской области, где служил его двоюродный брат, имевший чин капитана. В течение месяца убийца жил у родственников, а затем невестка стала

настаивать, чтобы муж подыскал своему угрюмому братцу, хранившему под кроватью ружье, другое жилье. Тогда капитан познакомил тридцатисемилетнего Анатолия с тридцатичетырехлетней Анной Козак, имевшей собственную квартиру. Женщина работала в гарнизонной парикмахерской, с мужем успела развестись и одна воспитывала двоих детей. Анна искала опору в жизни; на Анатолия она «клюнула» сразу. А тот старался женщину не разочаровывать.

Определившись с местом жительства, маньяк начал вторую серию убийств. С декабря 1995-го по 16 апреля 1996 года он лишил жизни 43 человека. Среди его жертв был даже десятимесячный младенец!

Анна Козак тем временем казалась вполне счастливой: она встретила рассудительного, спокойного мужчину, который относился к ее детям лучше, чем их родной отец. Да и с ней самой Анатолий держал себя так, словно был влюбленным мальчишкой. Подозрений по поводу того, что Оноприенко ведет двойную жизнь, у Козак не было. Свои частые отлучки убийца объяснял поездками к брату и случайными заработками, а сам продолжал колесить по Украине, уничтожая целые семьи. Так, 30 января его жертвами в Киевской области стали четверо человек (из них двое — дети). Спустя три недели в Облевске (Житомирская область) погибла семья Дубчак. Отца и сына Оноприенко застрелил, а мать и дочь забил до смерти подвернувшимся под руку молотком. 27 февраля печальный список жертв маньяка пополнила семья Бондарчук из Львовской области и их сосед. В этом случае двоих детей серийный убийца зарубил топором. Рассказывать о похождениях Оноприенко можно долго, вот только стоит ли? Все преступления этого изверга одинаково страшны и кровавы. Последний раз Анатолий удачно «поохотился» неподалеку от Братковичей 22 марта 1996 года, уничтожив семью из пяти человек. Младшего из детей убийца вспорол ножом от живота до горла. В течение трех месяцев, проведенных с Анной, маньяк успел убить 38 человек.

Следственная группа тем временем работала в авральном режиме. Однако здесь следует сделать одно замечание. Дело в том, что Оноприенко мог оказаться за решеткой еще в самом начале своей жуткой «деятельности». В 1989 году его и Сергея Рогозина «вычислили»; все улики были налицо, оставалось только предъявить сообщникам обвинение в нескольких убийствах, и тут. По неизвестной причине в последний момент «копать» под Оноприенко перестали.

На установление личности серийного убийцы ушло слишком много времени. Наконец правоохранительные органы получили

информацию о месте проживания маньяка. Операция по его задержанию стала самой масштабной за всю историю Украины: к делу подключили милицию, внутренние войска, СБУ; участники операции имели в своем активе тяжелое оружие и даже бронетанковую технику! Всего к розыску и поимке маньяка было привлечено более 100 000 (!) человек.

Ужас шести кровавых лет закончился неожиданно просто. 16 апреля заспанный Оноприенко спокойно открыл милиции двери. Он считал, что это вернулась домой Анна Козак. Впереди у маньяка было длительное заключение в одиночной камере, поскольку с началом судебного процесса произошла значительная задержка.

Подготовка сторон к суду недаром заняла так много времени. Во-первых, материалы дела Оноприенко едва уместились в 100 солидных томах. А во-вторых, возникли определенные проблемы с финансированием: требовалось оплатить проезд и проживание почти 500 свидетелям. На суде присутствовали также репортеры со всего света. Их интересовал не только сам маньяк, но и тот человек, на которого ляжет горькая миссия — выступать адвокатом самого безжалостного убийцы за последние 200 лет.

Процесс над Оноприенко начался 24 ноября 1998 года. Защитником маньяка на суде выступал Руслан Мошковский, которого пресса сразу же окрестила «адвокатом дьявола». Интересно, что уже во время суда убийца требовал заменить ему адвоката, чтобы он был обязательно москвичом, евреем по национальности, старше 50 лет и с двадцатилетней практикой. Просьбу Оноприенко отклонили, и Мошковскому пришлось тащить этот воз до конца. Руслан Иванович позднее дал обширное интервью, в котором рассказал о своем подзащитном, его «подвигах» и о самом суде, который иностранные криминалисты стали именовать «процессом века». К «адвокату дьявола» и по сей день приезжают журналисты из Германии, Швеции, России. Мошковский, которого в свое время обвиняли в том, что он согласился защищать этого монстра, объяснял: согласия на участие в подобных делах у адвокатов не спрашивают. При суде над маньяком, которому «светит» высшая мера наказания, положен защитник — иди и работай. Так что остается лишь сказать горячее «спасибо» начальству, которое навесило на тебя столь «веселое» дело. В общем, Мошковскому пришлось утешать себя тем, что «кто-то все равно должен делать неблагодарную работу», а затем идти знакомиться с делом (100 томов по 250–300 страниц в каждом) и своим подзащитным.

За четыре месяца Руслану Ивановичу пришлось немало выслушать от родственников жертв; его буквально закидывали

анонимками с угрозами. Никого, похоже, не интересовало, что сам «адвокат дьявола» считает в данном случае смертную казнь справедливым приговором. Просто он честно выполнял свой долг и довел дело до конца, а затем подал в Верховный суд Украины кассационную жалобу с просьбой о смягчении наказания. Мошковский сделал это по сугубо профессиональным мотивам, памятуя о том, что человеку его профессии приходится часто отбрасывать эмоции в сторону. Так, скажем, как и хирургу, который, берясь за скальпель, не будет разбираться, кто лежит на операционном столе, — бандит или обычный законопослушный гражданин.

Прежде всего «адвокат дьявола» решил удостовериться, что его подзащитного не заставили взять на себя чужую вину. Это было сделано не случайно. Ведь всего за три недели до задержания маньяка во Львове не в меру ретивые сотрудники милиции пытались повесить грехи Оноприенко на двадцатидевятилетнего Юрия Мозолу, которого в итоге замучили до смерти. И это не единственный подобный эпизод в этом деле. Так, после того, как Анатолий и его сообщник расстреляли семью поляков Василюк, расследование было взято под особый контроль (еще бы, ведь пострадали иностранцы!). В итоге милиция арестовала двух наркоманов — мужчину и женщину. После «душевных» бесед с представителями органов правопорядка один из подозреваемых повесился в тюрьме, а вторая умерла в больнице. Но ведь именно тогда оперативники имели данные, которые указывали на Оноприенко и Рогозина! Мошковский утверждает, что преступному дуэту умышленно дали уйти от наказания, а потом и охотничьи документы Оноприенко, где фигурировало ружье 12 калибра с приспособлением для ночной стрельбы, куда-то испарились. Скорее всего, дело было в том, что Рогозин, на которого вышло следствие, являлся председателем Общества афганцев, то есть человеком известным и уважаемым.

В беседе с адвокатом убийца спокойно заявил, что никакого насилия в отношении его не было и чужих грехов на него не «навешивали». Оноприенко сказал: «Руслан Иванович, все, в чем меня обвиняют, мое. Эти руки по локоть в крови». Маньяк охотно давал показания и, похоже, не раскаивался в содеянном. Он намеренно шокировал общественность, стараясь внушить окружающим, что нормальный человек такого совершить не может. Тем не менее, когда дело касалось защиты, Анатолий вел себя умно, расчетливо, используя все возможности, чем удивлял даже профессионалов. Суд принял решение провести повторную медицинскую экспертизу обвиняемого. Для этой цели в Житомир из Павловской больницы приехал кандидат медицинских наук

Андрей Цубера. Так вот, психиатр пришел к однозначному выводу: Оноприенко здоров, а все его россказни — не более чем симуляция.

Итак, после сбора максимального количества доказательств и проведения всех мыслимых экспертиз дело было передано в суд. Сложно сказать, кого и от кого более тщательно защищали в зале, где шел процесс, — присутствующих от маньяка или его самого от окружающих. Практически все участники заседаний требовали для Оноприенко смертной казни, и большая часть настаивала, чтобы кончина монстра была как можно более мучительной. И могло ли быть иначе, если Оноприенко совершенно спокойно признавал за собой убийства более полусотни человек, и при этом явно гордился своими «подвигами»?! Так, он легко согласился подробно рассказать об убийствах малышей, и при этом утверждал: малолетние жертвы не вызывали в нем не только ни капли сострадания, но и вообще никакого эмоционального всплеска. Убийца держался вызывающе, заявлял, что является «заложником правосудия». Свои действия Оноприенко объяснял просто: мол, некий голос свыше приказывал ему убивать. Такое поведение серийных убийц далеко не новость. Оноприенко, который использовал уже изрядно набившую криминалистам оскомину «заготовку», заставляющую всерьез задуматься о том, что подследственный страдает серьезным психическим заболеванием, говорил о своих побуждениях много и явно надуманно. Он запланировал для себя три серии убийств, и каждая из них должна была послужить «во благо». Первая включала в себя девять жертв (против умирающего коммунизма), вторая — 40 (против неонационализма), а третья — 365 (против «чумы XX века»). Оноприенко объяснял эти числа просто. Мол, покойников тоже поминают на девятый, 40й день, а также каждый год. Первую серию убийств Анатолий совершил вместе с Сергеем Рогожиным, а затем начал действовать в одиночку. Во второй серии, как маньяк цинично подчеркнул, он несколько «перевыполнил план», отправив на тот свет 43 человека. Он, видите ли, как раз приступил к осуществлению третьей серии, но арест нарушил его планы, помешав «спасти человечество от СПИДа». Что же касается географии преступлений, то она должна была напоминать крест на теле Украины. Бред этот с потугой как минимум на шизофрению преследовал, похоже, несколько целей: Оноприенко с удовольствием «играл на публику» и одновременно стремился выставить себя более ненормальным, чем был на самом деле.

Интересно, что списать зверства на жажду наживы маньяку не удалось. Никакой особой прибыли от совершенных преступлений

он не имел. Одну из своих жертв Оноприенко вообще убил за... ведро селедки, которое потом принес своему брату.

Процесс над маньяком продолжался около четырех месяцев. Наконец слушание дела закончилось, и 31 марта 1999 года извергу был вынесен смертный приговор. Поскольку в зале стоял сильный шум (многие присутствующие выкрикивали оскорбления и проклятия в адрес подсудимого), судье пришлось оглашать приговор несколько раз. Сергея Рогозина приговорили к 12 годам лишения свободы. Адвокат Мошковский с тех пор, кстати, старается вообще не вести уголовные дела, предпочитая решать жилищные и гражданские споры.

В 2000 году на Украине вступил в действие мораторий на смертную казнь, и приговор в отношении маньяка не был приведен в исполнение. Тем не менее жители многих украинских городов организовали сбор подписей под обращением к президенту с требованием приостановить действие моратория — специально для Оноприенко. Однако серийный убийца до сих пор содержится в Житомирской тюрьме. Охранники говорят, что маньяк ведет себя спокойно, прилично, много читает и надеется. выйти на свободу! Ведь после 11 лет заключения он имеет право подать прошение о помиловании. А ведь нельзя забывать: на одном из заседаний суда Оноприенко твердо сказал: «Если мне удастся выйти, я снова начну убивать».

Кровавые злодеяния Чикатило

Печально известный сексуальный маньяк, садист, извращенец, которого часто называют «убийцей XX века». От его «похождений» леденеет кровь даже у видавших виды криминалистов. Совершенные с особой жестокостью, эти убийства не вписываются даже в рамки преступной морали; недаром маньяки, подобные Чикатило, становятся изгоями не только обычной, но и криминальной среды…

Андрей Чикатило

Родился «убийца века» 16 октября 1936 года в маленьком селе Сумской области. Детство преступника, в котором принято искать корни всех проблем взрослого человека, радостным не назвал бы никто. Например, до сих пор существует предположение, что старший брат Андрея,

Степан, вовсе не пропал без вести в страшном 1931 году, когда на Украине свирепствовал искусственный голод, а. был съеден собственными родителями. Правда, мать позже говорила мальчику, что его брата скорее всего убил кто-то из вконец оголодавших односельчан. Конечно, воспоминания о том жутком времени искалечили множество душ; однако списывать все на Голодомор просто глупо. Поскольку в этом случае выжившие

поголовно превратились бы в монстров.

Во время Второй мировой войны отец Андрея отправился на фронт. Но ему очень не повезло: после тяжелого ранения мужчина попал в плен к немцам и был освобожден только в 1945 году. В то время такой факт воспринимался однозначно, и вчерашний военнопленный вскоре начинал сильно жалеть о том, что выжил; для своих соотечественников он превращался в «изменника, предателя и труса». Судьба семей людей, попавших в плен, была на редкость тяжкой, поэтому некоторые предпочитали публично отречься от «позорящих род» лиц. Так произошло и с Андреем.

Чикатило, на которых лежал «несмываемый позор», жили очень бедно. Тем не менее, мальчик мечтал о. большой политической карьере и считал, что его место — в Кремле. В школу будущий убийца пошел в сентябре 1944 года и сразу же стал объектом насмешек для одноклассников из-за редкой беспомощности, болезненной стеснительности и робости. К тому же из-за врожденной близорукости Чикатило плохо видел написанное на доске, а спросить у кого-либо отчаянно стеснялся. Ко всем неприятностям добавилось ночное недержанием мочи, никоим образом не способствовавшее повышению самооценки мальчишки. В общем, он считал себя обиженным злой судьбой, что называется, по всем пунктам. И, естественно, проникался отнюдь не лирическими чувствами в адрес нормальных людей.

«Первая ласточка», свидетельствовавшая о перерождении болезненно скромного паренька в насильника, промелькнула в биографии Чикатило весной 1954 года. Тогда во двор его дома пришла тринадцатилетняя подружка сестры Андрея. Десятиклассник вдруг заметил, что из-под платья девочки выглядывают синие панталоны. И тут, как говорится, у паренька «сорвало крышу»: он толкнул гостью, повалил и лег на нее. «Я ее не раздевал и сам не раздевался. Но у меня сразу наступило семяизвержение. Я очень переживал эту свою слабость, хотя никто этого не видел. После этого своего несчастья я решил укротить свою плоть, свои низменные побуждения, и дал себе клятву никого не трогать, кроме своей будущей жены», — говорил маньяк на следствии.

Формировавшаяся болезненная идея повлияла и на выбор Андреем профессии: имея техническую специальность, он внезапно решил поступать в Ростовский государственный университет на филологический факультет, который закончил в 1970 году. Это давало возможность работать учителем, а значит — постоянно находиться среди детей и подростков. С этой же целью Чикатило в свое время устроился на должность

председателя районного комитета физкультуры и спорта, затем — учителя русского языка и литературы, воспитателя школы-интерната № 32, преподавателя в городском профтехучилище № 39 города Новошахтинска и такого же училища в городе Шахты. Будучи уже зрелым человеком, мужем и отцом двоих детей, он стремился изучить подростков, проникнуть в их психологию, научиться манипулировать, управлять. Зачем? Печальный ответ на этот вопрос стал известен много позже.

В школе-интернате Чикатило практически сразу «отличился». Он любил «трогать за различные части тела» воспитанников, неожиданно заходить в комнаты девочек в тот момент, когда они раздевались и ложились спать. К тому же, этот «педагог» постоянно занимался онанизмом через карманы брюк, что не могло остаться незамеченным. В общем, вскоре учащиеся стали откровенно дразнить извращенца.

Эпизод, приблизивший Чикатило к убийствам, произошел во время похода на пруд. Одна из воспитанниц, отличавшаяся от сверстниц уже довольно хорошо оформившейся фигурой, заплыла дальше всех. Извращенец, изображая из себя разгневанного стража порядка, поплыл к нарушительнице и начал грубо ее ощупывать. Девочка, понятно, закричала. «Я почувствовал, — говорил Чикатило на суде, — что закричи она громче, и у меня начнется это. наслаждение. Я стал ее больно щипать. Она, вырываясь, кричала неистово. И сразу у меня все началось». Естественно, в интернате разгорелся давно назревавший скандал, и воспитателю пришлось спешно менять место работы.

Теперь Андрея Романовича заинтересовали мальчики. Он слонялся по ночам по спальням, ощупывал спящих, делал попытки склонить подростков к оральному сексу. Мальчишки однажды даже избили Чикатило (после этого маньяк начал носить в портфеле нож), и уже иначе как «педик» и «озабоченный» его вообще не называли.

Тем не менее извращенец продолжал верить в собственное высокое предназначение. Он даже одолел четыре факультета института марксизма-ленинизма, после чего читал лекции и сотрудничал с местными газетами, поставляя им статьи. на тему морали! Пытаясь строить карьеру, маньяк в течение 24 лет (1960–1984) являлся членом КПСС, однако был исключен из партии в связи с привлечением к уголовной ответственности за хищение (это ж надо, польстился на кусок линолеума!). Тем временем, перерождение человека в монстра шло бешеными темпами, и остановить его мог разве что хороший специалист-психиатр. Вот только обращаться к нему за помощью Чикатило не собирался. Ведь это значило признать свою несостоятельность как мужчины.

Для окружающих Андрей Романович продолжал оставаться кротким, застенчивым, тихим интеллигентом, крайне дорожащим семьей, искренне привязанным к детям и жене. Чикатило называл жену «святой», был заботливым, чутким мужем и отцом. Предположить то, что этот невзрачный робкий человечек способен на зверства, не смог бы, пожалуй, никто. Но именно Чикатило заставил содрогаться даже видавших виды сотрудников милиции; «почерк» убийцы отличался особым садизмом и жестокостью, трупы его жертв носили следы жутких издевательств.

Кровавая череда преступлений этого монстра началась в 1982 году (позже выяснилось, что страшную статистику следует вести с 1978 года), когда в Ростовской области начали находить первые изуродованные тела. Город оказался буквально парализован страхом; родители боялись выпускать детей на улицу, старались провожать их в школу, встречать с занятий. И, тем не менее, страшная статистика была неумолима: в газетах появлялись все новые и новые сообщения об исчезновении детей и подростков, а на работников милиции сваливались все новые и новые дела об убийствах, объединенные одним и тем же садистским «почерком». Достаточно быстро вырисовался и определенный «маршрут» маньяка. Тела его жертв обычно находили в лесополосах, недалеко от пути следования электропоездов «Ростов — Зверево». Обычно преступник использовал одну схему: шел впереди жертвы, затем неожиданно набрасывался на нее, наносил сильный удар и обездвиживал. Затем начинал действовать ножом. Причем удары наносил таким образом, чтобы не убить сразу, а получить удовольствие от оказанного сопротивления. В такие моменты нож выполнял роль как бы полового члена: обычно в верхней части тела эксперты находили раны, в которых клинок, не выходя на поверхность, совершал до двадцати возвратно-поступательных движений. Таким образом происходила своеобразная имитация полового акта. Когда жертва умирала, маньяк собирал ее одежду и обувь, разрезал их на части и разбрасывал вокруг.

Итак, операция по поиску преступника, державшего в ужасе все население области, получила название «Лесополоса». Это дело стало одним из самых трудных, долгих и знаменитых в истории как отечественной, так и мировой криминалистики. Интересно, что по ходу данной операции были раскрыты сотни убийств, почти триста изнасилований, грабежей, разбойных нападений и более 1000 (!) иных преступлений, на учет к психиатру оказались поставлены множество лиц с сексуальными и психическими отклонениями.

В течение 10(!) лет бригада из почти полусотни опытнейших сыщиков расследовала дело маньяка. Каждого мужчину, замеченного с подростком или ребенком, фиксировали скрытой фото- или видеокамерой, чтобы потом выяснить, кто это и не был ли данный человек замечен повторно, но — уже с другим ребенком. Прорабатывалось огромное количество вариантов, сотни переодетых работников милиции наводняли подозрительные места. Женщины-милиционеры, загримированные под бомжей (преступник явно испытывал особый интерес к этой наиболее доступной и наименее разыскиваемой категории людей), «кочевали» из электрички в электричку под охраной переодетых коллег; следователи надеялись, что маньяк может «клюнуть» на такую подсадную утку.

Дело осложнялось тем, что правоохранительные органы не располагали никакими свидетельскими показаниями. Наконец в деле убийцы-садиста появилась зацепка. На теле девятилетнего мальчика, погибшего в 1982 году, эксперты обнаружили сперму четвертой группы. Классические законы криминалистики гласили, что группа крови мужчины соответствует его группе спермы. Так что 14 сентября 1984 года работники одной из оперативных групп, задержав на вокзале невзрачного мужичонку, ведущего себя подозрительно и выказывавшего нездоровый интерес к подросткам, взяли у него кровь на анализ. Но поскольку задержанный имел вторую, а не четвертую группу, его отпустили. А ведь в руках милиции как раз и был разыскиваемый маньяк! Позднее выяснилось, что у Чикатило наблюдалась физиологическая аномалия: у него оказались разными группа крови и группа спермы. Так, благодаря вере специалистов в «классические законы», садист в течение еще шести лет (!) находился на свободе, продолжая насиловать и убивать людей. Профессиональный педагог и психолог, он легко находил подходы к тем, кого затем поглощала «лесополоса».

В том же 1984 году Чикатило поменял место работы. Теперь он работал снабженцем на одной из фабрик под Новочеркасском и по должности часто ездил в командировки. С того момента изуродованные трупы находили в Украине, в России, в Узбекистане. Вычислить же садиста не было никакой возможности. Когда следствие зашло в тупик, члены оперативной группы решили обратиться за советом к. маньяку-убийце Анатолию Сливко, ожидавшему смертной казни в Ставропольской тюрьме. Но даже смертник, согласившийся помочь, не верил, что на такое способен один убийца, и поэтому посоветовал искать нескольких маньяков одновременно. По крайней мере, двоих;

один из выродков должен был интересоваться мальчиками, а второй — девочками.

Несмотря на все приложенные усилия, дело с мертвой точки не двигалось. Однако в 1990 году наступил конец этой кровавой драме, причем поймать маньяка помогла случайность. В тот год Чикатило успел убить пятерых человек, и 6 октября неподалеку от станции Лесхоз вышел на свою очередную «охоту». Его жертвой стала двадцатидвухлетняя Светлана Коростик, чей труп с приметами характерного «почерка» маньяка обнаружили 13 октября. Когда опрашивали возможных свидетелей, сержант милиции Игорь Рыбаков сообщил работникам опергруппы, что 7 октября он задержал подозрительного мужчину с портфелем, бредущего по направлению к железнодорожной станции. У него на щеке и мочке уха были темные полоски (Чикатило не заметил, как выпачкался кровью жертвы). Сержант проверил документы субъекта и запомнил, что фамилия задержанного им человека начиналась на букву Ч. Рыбаков также дал достаточно подробное описание внешности мужчины.

Чикатило, который проживал на тот момент в городе Новочеркасске, отыскали почти сразу: всплыл эпизод о мужчине с неподходящей группой крови и еще несколько моментов, связанных со зверскими убийствами. 20 ноября 1990 года, удостоверившись, что этот пожилой мужчина активно интересуется подростками, его «взяли». На счету маньяка к тому моменту было более 55 зверских убийств. Сам Чикатило полагал, что число его жертв уже перевалило за 70 человек.

Жена и взрослые дети монстра были потрясены, узнав о второй стороне жизни «образцового семьянина». Они отказывались верить фактам, говоря, что глава их семейства — человек удивительно добрый, мягкий, отзывчивый, не способный обидеть даже муху. В течение девяти дней Чикатило отрицал свою причастность к преступлениям; только на десятые сутки он вдруг сменил тактику и начал давать показания, утверждая: на убийства его толкало нарушение психики, вызванное половым бессилием. Дескать, преступления он заранее не планировал, жертв не выбирал и случайных партнеров уводил в лесополосу с их согласия и вовсе не для убийства. А за нож, мол, хватался только тогда, когда его оскорбляли, столкнувшись с ущербностью физиологического потенциала. Маньяк пытался уверить следователей, что, впадая в бешенство, не осознавал своих действий.

Особенно сильно извращенца тянуло к детям. Чтобы облегчить вступление в контакт, Чикатило угощал их жевательной резинкой. Так он познакомился и со своей первой

жертвой — Леной Закотновой, которую убил 22 декабря 1978 года. На момент задержания маньяка следственные органы не могли знать, что Лена погибла от его рук. По делу об убийстве этой девочки был осужден и в 1984 году расстрелян Александр Кравченко, из которого милиция в буквальном смысле слова выбивала признание. Страшная ирония судьбы: в тот раз настоящий маньяк отделался лишь. вызовом к следователю! А ведь по словам свидетельницы, видевшей, как Лену уводил высокий худой мужчина в очках, был составлен фоторобот; благодаря ему Чикатило задержали, однако жена садиста дала ему на день убийства девочки алиби.

Видимо, уверовав в собственную безнаказанность и неуловимость, убийца стал «охотиться» регулярно. В 1988 году он даже отступил от излюбленной схемы: шестнадцатилетнюю Татьяну Рыжову маньяк убил в пустующей квартире собственной дочери, которая как раз развелась с мужем и жила с отцом. Тело жертвы изверг расчленил и вынес на улицу. А девятнадцатилетнюю Елену Варгу Чикатило убил 19 августа 1989 года по пути на. день рождения своего собственного отца. Все его преступления отличались особым садизмом, тела зачастую оказывались изуродованы настолько, что не поддавались опознанию. Но 14 августа 1990 года Чикатило превзошел даже самого себя, с редким даже для него самого зверством убив 11летнего Ваню. Согласно заключению судмедэкспертизы, смерть ребенка наступила в результате 42 колото-резаных ранений груди, левого плеча, живота и паха, приведших к массированной кровопотере. Когда озверевший маньяк отрезал у жертвы яички, мальчик был еще жив. Сам Чикатило говорил, что резал половые органы, вымещая на детях и подростках зло за свое бессилие. Отец Вани, капитан внутренней службы, выступая в зале суда 19 мая 1992 года, просил суд. не приговаривать убийцу к смерти, а назначить ему наказанием 15 лет тюремного заключения. Или меньше. Почему? Мужчина объяснил: в этом случае изувер попадет «из казематов КГБ, где его так долго прячут, к нам». «Слушай, Чикатило, что мы с тобой сделаем. Мы повторим все, что ты делал с нашими детьми. Чикатило, мы все повторим. И ты все, по капельке почувствуешь. как это больно», — сухим и каким-то бесцветным голосом сказал капитан. Следует сказать, что в зале не нашлось ни одного человека, несогласного с несчастным отцом.

Пока шло следствие по делу Чикатило, его действительно содержали в одиночной камере следственного изолятора КГБ, поскольку гарантировать неприкосновенность подследственного в изоляторах милиции никто не брался. К тому же существовала

реальная угроза того, что сокамерники садиста попросту задушат его. Когда началась череда бесконечных допросов маньяка и следственных экспериментов, Чикатило возили во все города, где он успел совершить убийства. Однажды жители города Шахты узнали о том, что к ним вывезут садиста. Собрались толпы людей, и сотрудникам милиции и прокуратуры пришлось срочно вызывать ОМОН, чтобы люди не разорвали изверга на части.

Чикатило стал едва ли не феноменом в криминальной среде. О возможности изучить его мозг мечтали ученые многих стран; кстати, за него различные научные заведения, интересующиеся работой человеческого мозга, готовы были выложить огромные суммы в валюте. Так, один из японских институтов готов был заплатить за мозг маньяка-рекордсмена 20 миллионов долларов! И это — далеко не самая большая сумма среди предложенных! Правда, там уже речь шла о живой плоти преступника.

Суд над маньяком начался 14 апреля 1992 года; в зале его содержали в камере-клетке, чтобы исключить возможность самосуда со стороны родственников жертв. Андрей Романович Чикатило был приговорен к смертной казни по уголовным кодексам трех республик — Украины, России и Узбекистана. Приговор присутствующие встретили аплодисментами; 14 февраля 1994 года решение суда было приведено в исполнение, но. дело «убийцы века» на этом не закончилось. В 1996 году был арестован сын маньяка, Юрий, которому следственные органы предъявили обвинения в незаконном лишении свободы человека, его зверских истязаниях, а также в подделке документов и изнасиловании. Видимо, ученые правы, утверждая, что ненаследуемых признаков нет, а «признак преступности» передается одним геном.

Кстати, вопрос о том, казнили ли Чикатило на самом деле, многие считают незакрытым. Да, в прессе были упоминания об этом и даже печаталась фотография, на которой маньяк лежит, уткнувшись лицом в кафельный пол. Вот только… Почему на его чисто выбритом затылке нет следов выстрела «между основанием черепа и первым позвонком», которым приводят в исполнение решение о высшей мере наказания? Что же получается, маньяка убили каким-то иным способом? Или. действительно продали какому-нибудь зарубежному Институту мозга? Кто знает! Но, по всей видимости, исключать возможность того, что семидесятилетний «убийца века» жив и по сей день, все же нельзя.

Охота на иркутского монстра

Процесс над Василием Куликом, убийцей и сексуальным маньяком, которого называли иркутским монстром, мог иметь только один итог: высшую меру наказания. 11 августа 1988 года суд приговорил Кулика, на совести которого четырнадцать доказанных убийств, к расстрелу.

Бывают преступники, при виде которых даже у многое повидавших сотрудников милиции рука сама тянется к табельному оружию… Василий Кулик — как раз из таких. Страницы его дела невозможно читать равнодушно. Тридцатилетний врач «скорой помощи», сын интеллигентных родителей, муж и отец двоих детей оказался безжалостным маньяком, лишавшим жизни детей и пожилых женщин.

Семья Куликов была с виду полностью благополучной. Отец — доктор биологических наук, мать — директор школы. Были у них и дети: девочка и мальчик. Василий появился на свет в 1956 году. Он был желанным ребенком. Возможно, поэтому родители в свое время не прислушались к словам гинеколога. В ходе следствия мать маньяка с горечью вспоминала: «Врач Шергина, которая меня консультировала, сказала, что мне рожать нельзя, что тот, кого я рожу, будет не человек. Я все же решила родить, и роды были тяжелые. Они прошли под наркозом. Когда я впервые увидела новорожденного, то ужаснулась: был он очень маленький, без ногтей, уши вдавленные, большой живот пульсировал так, что казалось — лопнет.» Василий появился на свет недоношенным, семимесячным, так что неудивительно, что матери он показался не слишком симпатичным. Но, тем не менее, она старательно соблюдала все предписания врачей. Случись подобное двумя-тремя веками раньше, иркутский монстр не выжил бы. Но современная медицина творит чудеса, иногда вопреки природе. До полугода ребенка не купали, потому что его кожа от воды начинала чернеть. Новорожденного кормили внутривенно — его организм отвергал даже материнское молоко.

После выписки из роддома (месячный малыш весил всего 2 килограмма 100 граммов) ребенка продолжали преследовать всевозможные несчастья. Природа стремилась исправить свою ошибку и уничтожить «генетический брак», но. у Василия были исключительно заботливые родители. Они вы'ходили его, когда он заболел корью и не мог находиться в горизонтальном положении. Они не жалели сил на лекарства: за время взросления сын дважды перенес гепатит, страдал от бронхиальной астмы,

ревматизма, постоянно получал травмы. Однажды Василий упал в открытый погреб. Нос был сломан, лицо изуродовано — но все срослось, кожа разгладилась и вскоре от падения не осталось и следа. Уже тогда было ясно: с ребенком что-то не так. На суде мать рассказывала о нем только хорошее, убеждала, что он рос обычным мальчишкой, не избалованным, с девятого класса все лето подрабатывал дворником, любил животных. Но его одноклассники и соседи давали совершенно другие показания: Василий в детстве ловил в окрестных дворах кошек и вешал их, рано стал интересоваться сексом (тут он пошел по стопам своих родственников по отцовской линии — многие Кулики были падки до женщин). А родная сестра рассказала, что Василию все прощалось и все позволялось — он ведь был таким болезненным! И он рос эгоистом, иногда проявлял жестокость. А однажды схватил нож и побежал за ней. Сестра еле успела выскочить из комнаты и захлопнуть дверь. И услышала, как нож впился в дерево.

В подростковом возрасте Василий увлекся спортом. Он получил первый разряд по боксу, окреп и уже ничем не напоминал беспомощного «задохлика», которого дразнили одноклассники. Правда, однажды во время соревнований он получил мощный нокаут и долго лежал в больнице, но снова выкарабкался почти с того света. Когда умер его отец, Василий попытался покончить с собой: выпил флакон корвалола. Но медики из токсикологического центра и на сей раз спасли его. Это случилось в 1983 году, незадолго до того, как Кулик превратился в хладнокровного маньяка-убийцу. А педофилом к тому времени он уже стал.

Василий столько раз избегал смерти благодаря усилиям медиков, что выбор его профессии был предопределен: он стал врачом. Коллеги и пациенты с уважением относились к молодому обаятельному врачу. Никто даже заподозрить не мог, что он уже давно ведет двойную жизнь.

Как ни странно, Кулик никогда не был обойден вниманием женщин. Свой первый сексуальный опыт он получил еще школьником. Но затем узнал, что у «возлюбленной» таких, как он, не меньше десятка. Дальнейшее общение с женским полом не добавило ему романтизма: одна из его пассий во времена студенчества научила его «всем извращениям», другая, замужняя дама, рассказала, что у нее с мужем — общие любовники. На суде он признался, что женщины ему надоели, что с ними он не получал удовольствия, хотя за последнее время сменил около двадцати любовниц.

Совершенно иначе, по его словам, обстояло дело с детьми.

Свою первую «любовь» Кулик встретил в 1980 году. Девочке было всего девять лет. К счастью, родители, видимо, проводили с ней беседы о том, что незнакомцам нельзя доверять. Поэтому девочка отказалась идти с

Василием на чердак. Кроме того, впоследствии маньяк признался, что для получения удовольствия ему нужен был незнакомый партнер, а с этой девочкой он виделся несколько раз, писал письма, дарил игрушки. Но довольно быстро маньяк нашел новую жертву.

После задержания Кулик признался, что всего на его счету около сорока преступлений, из них — 14 убийств. Детей он выслеживал по всему городу. Главным были внешность ребенка и его готовность идти на контакт. Поговорив с будущей жертвой, Василий заманивал ее в подвал, откуда никто не мог услышать крики. Потом насиловал и убивал. Некоторых жертв он душил руками, других вешал, третьих закалывал ножом.

Второй группой его жертв были пожилые женщины — его бывшие пациентки. С ними маньяк действовал иначе. Он приходил к ним домой — это если и вызывало удивление, то, скорее, радостное: надо же, какой заботливый доктор! Не вызывали, а он сам решил проверить, как мое здоровье! Дальше события развивались примерно по одинаковому сценарию: Кулик измерял женщине давление, говорил, что нужно сделать укол, и вводил жертве двойную дозу аминазина. Как врач он прекрасно знал, что от такой инъекции человек становится слабым и впадает в полуобморочное состояние. Первое такое убийство Кулик совершил в 1984 году. Его жертвой стала семидесятидвухлетняя Л. Маньяк задушил ее прямо в процессе полового акта. Его первое убийство осталось безнаказанным: вскрытие не проводилось, а в смерти далеко не здоровой пожилой женщины никто не увидел ничего подозрительного. Иркутский ЗАГС выдал родственникам справку, где было указано, что Л. скончалась в результате ишемической болезни сердца, атеросклероза и гипертонической болезни.

Следующей его жертвой стала восьмилетняя Лариса С. Ее он увидел, возвращаясь от любовницы, с которой провел в квартире сестры целые сутки. Девочка гуляла одна, и Кулик предложил ей поиграть в прятки. Она согласилась, не понимая, что эта игра станет последней в ее жизни… Когда «дядя» в подвале схватил ее и повалил на пол, она закричала и начала сопротивляться. Кулик озверел. Через несколько дней эксперты нашли в подвале изуродованный труп. Примерно месяц после этого Кулик сдерживал свои инстинкты. Возможно, опасался, что его найдут. Потом — новая жертва, пятидесятитрехлетняя женщина.

Орудиями преступления стали кухонный нож и толстый деревянный пестик. В ходе процесса Кулик заявил, что одно из его «правил» состояло в том, что жертва должна была сопротивляться, но не слишком. Если кто-то всерьез боролся за свою жизнь, на маньяка накатывала ярость. Но вскоре он осознал, что даже сопротивление не может заменить ему удовольствия от убийства. Василий приставал даже к собственным маленьким сыновьям! Правда, ему ни разу не удалось довести задуманное до конца. Трехлетний ребенок пожаловался матери, что отец к нему «лезет», но Кулик невозмутимо заметил, что просто обрабатывал фурункул на его ягодице. Разумеется, мать поверила Василию — мало ли что ребенок придумает. Тем более что муж казался ей человеком вполне нормальным. Он не курил, практически не пил, в последнее время активно занимался строительством дачи и копил деньги на машину.

Самое страшное, что Кулик считал себя нормальным. В заявлении, которое преступник назвал «Явка с повинной», он писал: «Считаю себя в полном физическом и моральном здоровье и требую, чтобы ко мне была применена крайняя мера наказания. Считаю, что людям, подобным мне, не место среди людей, не говоря о совместимости с моей профессией. Еще раз прошу отнестись ко мне со всей строгостью закона».

Поимка иркутского монстра оказалась делом нелегким. Можно сказать, что следователям повезло, что он вообще оказался на скамье подсудимых. Кулика задержали 17 января 1986 года — в день его тридцатилетия. Видимо, он решил сделать себе очередной кровавый «подарок». Он довольно быстро нашел подходящий «объект» — маленького мальчика. Тот, ничего не подозревая, пошел с Куликом на стройку. На его счастье, странную пару увидела женщина, повар столовой сельхозинститута, Галина Викторовна. Она кинулась к сослуживицам Татьяне и Тамаре: мужчина повел малыша на стройку, надо его остановить! Те вначале не поверили, но почувствовали смутную тревогу. Они бегом побежали к строящемуся зданию, заглянули в окно и увидели силуэт мужчины, склонившегося над лежащим на полу ребенком. Тамара кинулась к столовой, громко позвала на помощь. Насильник выпрыгнул из окна, чуть не сбив с ног Татьяну, и кинулся бежать. За убегавшим маньяком бросились двое: Николай Моденов и Илья Хонгодоров. Они задержали Кулика и доставили его в милицию.

Когда личность преступника была установлена, милиционеры очень удивились: уважаемый человек, врач, да еще из приличной семьи. Но (видимо, под впечатлением от неожиданного

задержания) Василий признался в совершенных злодеяниях. Именно тогда появилась «явка с повинной». Правда, через некоторое время преступник внезапно отказался от всех своих показаний. Он сообщил, что оговорил себя, что не имеет отношения к преступлениям, о которых сам же сообщил в заявлении. А оговорил себя он под давлением шантажистов во главе с мужчиной по кличке Чибис. Шантажист якобы угрожал убить его родственников, если Кулик не возьмет на себя совершенные Чибисом преступления. Дело было возвращено на дополнительное расследование. Была сформирована следственно-оперативная группа во главе со следователем Китаевым. Китаев понимал, что его противник — человек далеко не глупый, к тому же его предшественники допустили множество ошибок, утратили ряд вещественных доказательств и вообще вели расследование поверхностно.

Китаев вместе с коллегами тщательно изучили материалы уголовного дела. Особое внимание они обратили на приметы детей-потерпевших, о которых Кулик говорил в самом начале следствия. План поиска этих детей увенчался успехом: были найдены Оксана С. и Светлана Т. Обеих девочек маньяк осенью 1983 года заманил в подвал и изнасиловал.

С момента этих преступлений прошло уже больше четырех лет. Потерпевшие могли просто не узнать преступника. И тогда следователь решил сделать ставку на характерные признаки маньяка, по которым девочки могли бы его идентифицировать. Многие потерпевшие и свидетели обратили внимание на необычную походку Кулика: он выбрасывал одну ногу в сторону. Медики, которые столкнулись с подобной задачей впервые, вначале не скрывали скепсиса. Но результат биомеханической экспертизы оказался еще одним приятным сюрпризом для следствия. Как оказалось, у Кулика действительно была необычная походка, обусловленная строением его тела.

Обе потерпевшие сообщили, что преступник картавил. И действительно, Кулик своеобразно произносил звук «р». Китаев провел специальную судебно-логопедическую экспертизу, которая подтвердила, что особенности речи Кулика стабильны и могут использоваться для идентификации его речи. Опознание преступника прошло успешно: девочки опознали его и по голосу, и по внешности. Кулик, однако, отрицал все обвинения. Он настаивал на том, что подвергся шантажу со стороны Чибиса. А все подробности о преступлениях узнал от настоящих преступников всего за час и запомнил. При этом Василий постоянно говорил о своих выдающихся интеллектуальных способностях. Но Китаева оказалось непросто сбить с толку.

Интеллектуальные способности? Отлично, проведем еще одну экспертизу — судебно-психологическую. Перед экспертами стоял один-единственный вопрос: способен ли был Кулик во время контакта с шантажистами запомнить и воспроизвести на допросе тот объем информации, который он сообщил на следствии?

Начались эксперименты. И наконец эксперт представил выводы: Кулик — ярко выраженный «визуал». Он не способен запоминать большие объемы информации «на слух». Большой объем сведений он мог запомнить только в том случае, если сам являлся активным участником действий и видел все своими глазами.

Это был еще один гвоздь в гроб версии о шантажистах. Видимо, Кулик начал это понимать, потому что сосредоточился на других обстоятельствах, которые могли помочь избежать ответственности. Он заявил, что страдает от сильной близорукости, носит очки, а в темноте вообще ничего не видит. Так что он никак не мог совершать преступные действия с детьми в темных подвалах. На этот раз экспертизу проводили ведущие специалисты клиники глазных болезней Иркутского государственного медицинского института. Их заключение полностью опровергло заявление Кулика: «По состоянию функций органов зрения Кулик может свободно ориентироваться в условиях различной степени освещенности, независимо от того, в очках он или нет».

Впрочем, преступник не собирался сдаваться. У него на руках был еще один козырь: на одежде одной из потерпевших был обнаружен антиген В, а у него была кровь группы А. Как медик, Кулик прекрасно понимал важность этой экспертизы: ведь его организм не мог вырабатывать этот антиген. Тем не менее следователь настоял на повторном проведении экспертизы — во ВНИИ МВД и НИИ судебной экспертизы Минздрава страны. На платье был обнаружен антиген группы А.

Московские эксперты выяснили и причину ошибки: их предшественники не учли общего фона загрязненной одежды.

Перепроверили результаты еще одной экспертизы — трассологической. Дело в том, что на бедре одной из жертв Кулика был обнаружен след сапогадутыша. Эксперты сравнили этот след с отпечатком сапога Кулика на листе писчей бумаги. Но они не приняли во внимание, что лист бумаги — это плоскость, а след сапога преступника отпечатался на выпуклой эластичной поверхности. Когда условия эксперимента были соблюдены, ни у кого не осталось сомнений: оба отпечатка совпадают.

Китаев понимал, что доказательная база обрела прочность. Пришло время для допроса обвиняемого. К нему следователь

готовился особенно тщательно. Он даже обратился к известному биоритмологу — В. Шапошниковой, чтобы она рассчитала оптимальное время для проведения допроса. Ее вывод был таков: наилучшее время для контакта с обвиняемым — середина июня. С учетом этой рекомендации Кулик был вызван на допрос 15 июня 1987 года. На этот раз он не пытался отрицать свою вину и даже сообщил о нескольких преступлениях, до этого неизвестных следствию. На суде он уже не пытался менять показания. 11 августа 1988 года суд приговорил Кулика к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение. Так закончилось дело иркутского монстра.

Сочинская трагедия, или Красавица и чудовище

Дело о нападении на сочинскую красавицу Элеонору Кондратюк называют одним из самых жестоких из тех, что когда-либо совершались на Юге России. Об этой трагической истории, случившейся в конце 90-х, много писали. Люди были потрясены тем, что произошло с 18-летней девушкой. Но годы идут, и шум вокруг некогда резонансного преступления постепенно утихает. А Эля Кондратюк, у которой изверги в одно мгновение отняли зрение, здоровье, красоту и едва не лишили жизни, по-прежнему нуждается в помощи и поддержке.

Элеонора Кондратюк

Сколько она перенесла операций, уже точно не скажет никто, все давно сбились со счета, наверное. сотни. Но зрение восстановлено лишь частично, а изуродованное лицо она до сих пор скрывает от посторонних глаз.

На Сочинском конкурсе красоты 1998 года 18летняя

Элеонора Кондратюк получила приз зрительских симпатий и титул «Мисс Очарование». В модельном агентстве известной местной предпринимательницы Людмилы Ивановой Эля готовилась к престижному фестивалю моды «Бархатный сезон». В сентябре 1999 года юная красавица должна была представлять крупнейший курорт страны на конкурсе «Мисс Россия-99». Тогда даже в самом страшном сне она не могла себе представить те испытания, что уже совсем скоро предстояло пережить ей и ее семье.

Трагедия, самым безжалостным образом разделившая жизнь Эли Кондратюк на «до» и «после», произошла 2 сентября 1999 года в небольшом курортном поселке Дагомыс. В полдень, когда девушка направлялась к морю, на нее неожиданно напали двое. Один из нападавших схватил Элеонору за волосы и резко запрокинул ей голову, второй — вылил на лицо и грудь девушки около литра концентрированной серной кислоты, смешанной для усиления поражающего эффекта с машинным маслом. Такую адскую смесь невозможно ни смыть, ни соскоблить — на это и рассчитывали изверги. Один из нападавших и сам получил ожоги рук, несмотря на то что был в резиновых перчатках.

Нелюди настигли Элю в школьном дворе, во дворе той самой школы, в которой еще совсем недавно она училась. Изувеченная девушка, превозмогая ужасную боль, заметалась перед зданием школы. Практически на ощупь, так как уже почти ничего не видела, она с криками о помощи добралась до дверей школы. В пустынном коридоре Эля наткнулась на двух учительниц. Хотя мир в ее выжженных глазах меркнул с каждой секундой, девушка еще смогла узнать в женщинах свою классную руководительницу и директора школы. А вот в Эле уже никто бы не узнал первую красавицу побережья. Вязкая масса расползалась по ее телу и въедалась все глубже. Одежды на Эле почти не осталось. Страшная кровавая маска покрыла лицо. Пышные золотистые волосы сгорали и падали на пол. Свою бывшую ученицу педагоги смогли узнать только по голосу.

На машине «скорой помощи» Элю увезли в местную больницу, а затем на вертолете МЧС срочно доставили в краевой ожоговый центр. Девушка чудом осталась жива: адская жидкость до костей сожгла мягкие ткани лица, шеи, груди, рук. Левый глаз вытек полностью, правый — частично. В момент нападения девушка кричала, поэтому кислота попала в рот, обожгла пищевод и желудок. Врачи боролись за ее жизнь, поскольку нейтрализовать кислоту и приостановить ее разрушительное действие было невозможно. В тот момент медики оптимистичных прогнозов не давали: «Если кислота дойдет до костей, придется

ампутировать руку». Поражения составили 17 процентов поверхности тела, Эля практически полностью лишилась лица.

Девушку спасали врачи Краснодара и Москвы. Когда Элю перевезли в столицу, она весила всего 28 килограммов при росте 178 сантиметров. «После такого не выживают!» — говорили тогда врачи. Последние несколько лет Эля проходит лечение в разных клиниках Германии. Немецкие мастера пластической хирургии старались вовсю, буквально миллиметр за миллиметром складывая Эле новое лицо. Вот только зрение восстановить очень долго никак не удавалось. Было сделано несколько попыток вживления в уцелевший глаз донорской роговицы. В результате одной из них случилось чудо — после двух лет кромешной тьмы Эля стала различать очертания предметов, людей. «Мы так радовались тому, что она наконец стала видеть, — рассказывает Элина мама Тамара Владимировна, — но, увидев себя в зеркале, дочка в ужасе закричала: “Кто это?” Мы не могли достучаться до нее в ванной, испугались даже, не наложила ли она на себя руки. Потом Элечка три дня плакала. Она перенесла десятки операций по пересадке кожи, и ей казалось, что к ней вернулась прежняя красота. Ведь она помнит, какой она была.»

Но, даже испытав шок при виде своего нового облика, Эля не могла не радоваться вновь обретенной возможности хотя бы немного видеть. Счастье девушки, увы, длилось недолго. Стресс и переживания спровоцировали резкое ухудшение зрения, которое потом и вовсе пропало. В июле 2004 года — в который уже по счету раз! — в глазной клинике г. Фрайбурга Элеонора вновь легла на операционный стол. Операция прошла успешно: зрение частично вернулось. Врачи утверждают, что навсегда. Эля не осталась одна в своем горе — каждую минуту, разделяя все муки и страдания девушки, рядом с ней практически неотлучно находится ее мама. Эта стойкая женщина достойна памятника — памятника всепобеждающей материнской любви. Тамара Кондратюк приняла и сумела пережить страшные удары судьбы, сохранив при этом мужество и силу духа.

Чудовищное преступление, в результате которого жизнь Эли Кондратюк превратилась в ад, а вся ее семья была обречена на страдания, было совершено по заказу некоего Рубена Григоряна, решившего таким вот жутким образом отомстить за свою отвергнутую любовь. Известный в сочинских криминальных кругах двухметровый атлет слыл большим специалистом по выбиванию долгов. Этот мастер рукопашного боя, однажды даже выступавший в заокеанских боях без правил, все проблемы привык решать с помощью кулаков. В одной из бандитских разборок Григорян даже потерял глаз, за что получил прозвище

Одноглазый Рубен, или Циклоп. Адлерский «качок» не раз объяснялся Эле Кондратюк в своих пылких чувствах. Он увидел девушку на одном из показов в сочинском Театре моды, тут же решив, что эта красавица будет роскошным дополнением к его тихой и забитой жене. Эля тактично, но твердо отвергала ухаживания не в меру настойчивого поклонника. Не привыкший к отказам, Григорян грозил жестоко наказать девушку в том случае, если любовь останется безответной: «Если не станешь моей, поплатишься за это! Никому тогда не достанешься!» Уязвленное самолюбие заставило кавказца пойти на немыслимо жестокий поступок. Взбешенный строптивостью девушки, он попросил своего знакомого мелкого предпринимателя Богоса Нубаряна «купить кислоту покрепче». В материалах следствия имеются доказательства осведомленности этого добровольного помощника об истинном предназначении адской жидкости. Нубаряну было понятно, что требуется она вовсе не для извлечения золота из микросхем, как пришлось объяснять продавцам кислоты. Содержимое первой бутылки Григоряна не устроило. Проверку он проводил на собственной коже, и капелька, как ему показалась, недостаточно глубоко прожигала живую плоть. Тогда Нубарян приобрел раствор покрепче. Для осуществления бесчеловечного замысла Григорян нанял двух своих знакомых из Абхазии — Адгура Гочуа и Романа Дбара. За три тысячи долларов те легко согласились изуродовать девушку.

Удивительно, что столь изощренное по своей жестокости преступление местные органы следствия поначалу попытались представить как обычный бытовой конфликт. Только после шумихи, поднятой в местных и центральных газетах, в прокуратуре поняли: случившееся гораздо серьезнее, чем заурядное преступление на почве личных неприязненных отношений. На шквал критических публикаций первым отреагировал прокурор Лазаревского района г. Сочи С. Щербаха. Через месяц после преступления на Григоряна, который беспрепятственно покинул Сочи, был выписан ордер на арест. Фото преступника наконец-то опубликовали в СМИ, а сам он был объявлен в федеральный розыск. Уголовное дело передали опытным детективам из городского управления, его взял под личный контроль глава МВД России.

В марте 2000 года в Лазаревском районном суде г. Сочи прозвучали первые приговоры. 39-летний местный житель Богос Нубарян, приобревший по просьбе Григоряна концентрированную серную кислоту, получил семь лет колонии строгого режима. 37-летний Артем Восконян из Дагомыса, предоставлявший исполнителям жилье, был приговорен к шести годам тюрьмы.

Государственный обвинитель, заслуженный юрист республики Н. Медведев требовал по 8 лет лишения свободы каждому пособнику, однако гуманная Фемида учла наличие малолетних детей у каждого из подсудимых, а также то обстоятельство, что они не принимали непосредственного участия в нападении на Элю Кондратюк. Основные же участники зверского преступления — исполнители и заказчик — пока оставались на свободе. К счастью, недолго.

Не прошло и двух недель после суда над Восконяном и Нубаряном, как в Карелии, в глухом местечке с красноречивым названием Медвежьегорск обнаружился след Григоряна. Вложив 30 тысяч долларов в реконструкцию заброшенной лесопилки, Одноглазый Рубен преспокойно заколачивал деньги, обрабатывая древесину. Видимо, преступник чувствовал себя в полной безопасности, рассчитывая, что уж здесь-то его точно никогда не найдут.

Но двухметровый атлет со страшным шрамом на голове и протезом вместо глаза не мог не привлечь внимания. Задержание Григоряна прошло быстро и бесшумно. Ошеломленный верзила поначалу ничего не отрицал, но обвинял во всем случившемся саму Элю — мол, нужно было быть сговорчивее. При этом Циклоп повторял, что он якобы продолжает любить свою жертву и здесь, в глухих лесах Карелии, зарабатывает деньги на ее лечение.

При всей скудности милицейских средств этапировали Григоряна самолетом. В Сочи преступнику было предъявлено обвинение в причинении тяжкого вреда здоровью. По приговору суда, состоявшегося осенью 2000 года, Р. Григоряна приговорили к 11 годам лишения свободы с отбыванием срока в колонии строгого режима. Что же касается исполнителей, то один из них — Р. Дбар, как выяснило следствие, к тому времени погиб в криминальной разборке. Второй — А. Гочуа — оказался в следственном изоляторе Армавира почти через два года. И то лишь после того, как было проведено журналистское расследование и установлено его местонахождение (все это время преступник как ни в чем не бывало проживал в абхазском поселке Цандрипш!).

В декабре 2001 года 32-летний Адгур Гочуа — последний осужденный из участников покушения на сочинскую красавицу — предстал перед судом. Всего лишь пять лет заключения — таков был вердикт судей. Тогда казалось, что в деле Элеоноры Кондратюк поставлена последняя точка. Но приговор Гочуа, вынесенный судьей В. Бацуевым, вызвал у людей всплеск возмущения — многим он показался слишком мягким. Ведь раскаявшиеся и давшие чистосердечные признания пособники,

Восконян и Нубарян, лишь за то, что покупали кислоту и подвозили исполнителей к месту происшествия, получили более суровое наказание. Поползли слухи, будто родственники Гочуа «купили» судью. В результате прокуратура опротестовала приговор, Краснодарский краевой суд отменил судейский вердикт из-за «чрезмерной мягкости» и дело направили на новое рассмотрение.

В очередной раз уголовное дело оказалось в суде только летом 2002 года. Его принял к производству молодой судья А. Мороз. Он фактически продублировал прежний приговор своего начальника В. Бацуева, заменив Гочуа пять лет заключения на. пять с половиной.

Именно тогда, потрясенная этим сообщением, Эля Кондратюк, перенесшая к тому времени более сотни операций, включая и успешную трансплантацию донорской роговицы, вторично утратила зрение. Государственный обвинитель Д. Ефросинин, неоднократно требовавший для Гочуа 10 лет колонии строгого режима, вынес очередной протест. В СМИ были обнародованы дополнительные данные, подтверждающие виновность ни в чем не признающегося и очень нагло себя ведущего «гастролера». Краснодарский краевой суд принял все это к сведению и в очередной раз отменил приговор как неправомерный. Дело снова «зависло». Но в начале 2003 года его приняла к рассмотрению исполняющая обязанности судьи Лазаревского района С. Ачмизова. Через несколько месяцев кропотливого разбирательства был оглашен новый приговор: «8 лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима». Кроме того, предписано «.взыскать с Гочуа Адгура Невилевича в пользу Кондратюк Элеоноры Евгеньевны 300 000 рублей в возмещение морального вреда, отказав в остальной части иска». А потребовали родители несчастной девушки 11 млн 965 тыс. рублей на дальнейшее лечение. Сумма, казалось бы, внушительная. Но только повторная попытка вернуть Элеоноре зрение обошлась в несколько сотен тысяч евро. Не говоря уже об операциях по приживлению мышц и кожи, восстановлению носа, ушей и обожженных костей черепа. Сейчас, когда шумиха вокруг нападения на Элю поутихла, находить средства на дорогостоящие операции для дочери семье Кондратюк становится все труднее. «Не надо, мамочка, больше просить, — умоляет теперь Эля Тамару Владимировну. — После Беслана у людей столько горя, до моей ли беды сейчас спонсорам? Уж как-нибудь будем жить». Но мать не собирается сдаваться. «Она у меня такая сильная! — говорит Тамара Кондратюк о дочери, а сама едва сдерживает слезы. — В палате

поддерживает больных, стала верить в Бога, все время молится. Ей и президент Владимир Путин прислал открытку: «Держись, Эля! Ты же сильная девочка! Мы все потрясены твоим горем».

Но «черный сентябрь» в семье Кондратюк, похоже, становится настоящим проклятием. Именно в сентябре мать Эли не смогла принять участие в судебном процессе, угодив в клинику со сложным переломом ноги. 8 сентября 2004 года произошла новая трагедия. Старшая сестра Эли Юля решила дать возможность матери отдохнуть и подлечиться и сама намеревалась съездить в Германию, чтобы ухаживать за сестрой, 31-летняя женщина работала управляющей рестораном. Она договорилась с хозяином об отпуске, подала документы на выезд. Но машину, в которой Юля ехала на работу, занесло на скоростной трассе. Юля погибла сразу… Именно роговицу сестры врачи планировали пересадить Эле.

Что ж, преступники, наконец, наказаны, хотя пострадавшей от этого ничуть не легче. Хирурги все же не теряют оптимизма и успокаивают пациентку, утверждая, что лет через пять она не будет бояться выйти на улицу без густой вуали и низко надвинутого капюшона. Правда, ей долго придется привыкать к чужому лицу, отражающемуся в зеркальной глади и ничего общего не имеющему с прежней «Мисс Очарование».

Дело Анатолия Анютина

В начале 80-х годов XX столетия на окраине Алма-Аты произошла одна из самых загадочных трагедий, которая, на первый взгляд, казалась классическим случаем убийства в закрытой комнате. Дело Анатолия Анютина не имеет аналогов в следственной практике. Его главным итогом (после восьмилетнего расследования) стало признание несостоятельности версии следствия. Однако и самоубийцей Анатолий Анютин тоже не был…

Семья Анютиных была, по меркам АлмаАты, совсем небольшой: мать — домохозяйка, отец — рабочий завода и сын, двадцатидвухлетний молодой человек, недавно вернувшийся из армии. Анатолий Анютин не собирался сидеть на шее у родителей, поэтому после возвращения домой устроился на работу. Накануне трагедии он вернулся домой на полтора часа раньше обычного — плохо себя почувствовал и отпросился у начальства. Родители были дома. Но Анатолий не стал с ними общаться, а прошел в свою комнату и лег спать.

На следующий день, 20 февраля, в отделении милиции раздался звонок. Убийство. Оперативно-следственная группа, приехавшая на вызов, была потрясена увиденным. Нет, комната не была залита кровью. Но сам покойник выглядел очень странно. Труп лежал на полу возле дивана лицом вверх, на нем были рубашка, брюки и носки. Но поверх одежды тело было плотно обмотано простыней, скатертью и вдобавок перевязано веревками и марлевыми бинтами. К телу потерпевшего — от подбородка до нижней части голени — была крепко привязана обрезком каната доска. Голова напоминала голову мумии. Она была в несколько слоев обмотана бинтами так, что открытыми оставались лишь глаза и нос. Кроме того, у жертвы были связаны руки — сзади, за спиной. Их кисти тоже были обмотаны бинтами и поэтому напоминали боксерские перчатки. Во рту у Анатолия Анютина был обнаружен марлевый кляп. Осмотр тела и последующее вскрытие показали, что Анатолий погиб в результате асфиксии, развившейся от перекрытия дыхательных путей этим кляпом. В организме Анатолия был также обнаружен бензонал — лекарственный препарат, который применяется в качестве успокоительного средства, легкого снотворного и противосудорожного средства при заболевании эпилепсией, болезнью Меньера или как средство, способное вызвать снижение возбуждения в коре головного мозга.

Первой подозреваемой стала мать убитого. Ее арестовали сразу же после возбуждения уголовного дела, но через два месяца вынуждены были отпустить. Она охотно давала показания, впрочем, как и отец Анатолия. По их словам, утром, когда Анатолий еще спал, отец ушел на работу, а мать — в поликлинику. Она вернулась через несколько часов. Хотела войти в дом, но дверь на террасу оказалась закрыта изнутри. Женщина постучала в дверь, потом обошла дом снаружи и начала стучать в окно. Никто не отзывался. Тогда она обратилась к соседу, попросив, чтобы тот влез в комнату сына через форточку. Сосед и обнаружил тело Анатолия.

Основной версией следствия на начальном этапе было преднамеренное убийство с особой жестокостью, совершенное матерью Анатолия. Однако у обвиняемой отсутствовал мотив. Вскоре следователь, который вел дело, выяснил, что родители Анатолия принадлежат к секте Свидетелей Иеговы. Первоначальная формулировка изменилась: убийство совершено на религиозной почве в порядке жертвоприношения, и участвовали в нем оба родителя. Должно быть, следователь находился под впечатлением от библейской притчи об Аврааме, который по велению Яхве должен был принести сына в жертву, но в последний момент был остановлен ангелом.

Так или иначе, эксперты вскоре пришли к выводу: супруги Анютины не могли принести в жертву собственного сына сразу по нескольким причинам. Прежде всего, Анютины не были фанатиками. Мать Анатолия была самой обычной, не очень молодой женщиной. А ее привычка носить косынку и листок с молитвой, найденный в квартире, не могут служить уликами: очень многие женщины из рабочей среды носят платки, изредка ходят в церковь и переписывают молитвы «от пьянства», «для здоровья» и т. п. Опрос свидетелей показал, что Анютины вели далеко не монашеский образ жизни: могли и выпить и погулять. Да и сын их не отличался богобоязненностью, а ведь трудно представить, что два пожилых человека смогли справиться с молодым, физически сильным мужчиной, имевшим к тому же разряд по борьбе, если он не принимал участия в жертвоприношении добровольно.

Более того — сопоставив показания свидетелей, следователь пришел к выводу, что ни мать, ни отец Анютина вообще не имели отношения к его убийству, даже если оно имело место. Если исходить из материалов дела, получается, что смерть Анатолия могла наступить в промежутке с шести часов пятнадцати минут (в это время ушел отец) до семи утра, когда мать встретилась с соседкой, чтобы ехать в поликлинику. Если бы Анютина была

сыноубийцей, то всего за 45 минут ей пришлось бы сделать очень много. Каким-то образом накормить сына бензоналом (а это лекарство имеет ярко выраженный горький вкус, так что просто добавить его в чай или суп невозможно), потом найти в сарае подходящую доску, канат, приготовить вату и бинты. Затем связать сына, написать для отвода глаз записку, что она уехала в поликлинику, выйти из дома и каким-то образом закрыть за собой дверь. Последнее, конечно, возможно — при помощи нитки или тонкой проволоки. Но ведь ее могли увидеть. Кроме того, судебные медики выяснили, что максимального воздействия бензонал достигает только через 50–60 минут после приема. Да и «упаковка» Анатолия, как показал следственный эксперимент, заняла бы не менее 27 минут. Таким образом, мать никак не могла совершить преступление, в котором ее обвиняли. Но тогда что произошло в запертой квартире? И почему покойный был связан и весь обмотан бинтами?!

Картина гибели Анатолия Анютина несколько проясняется, если предположить, что у него была какая-то психическая аномалия, которая не была очевидна для посторонних. В то же время родители могли знать о ней. Вполне возможно, что у Анютина-младшего случались припадки наподобие эпилептических. В этом случае возможны два варианта развития событий. При первом из них родители, стремясь помочь сыну, который может во время приступа покалечить себя, обмотали его бинтами, привязали к туловищу доску, чтобы судороги были не такими сильными, а в рот вставили марлевый жгут.

Вторая версия выглядит немного менее вероятной. Анатолий мог. сам забинтовать себя, обнаружив, что родители ушли, и почувствовав приближение приступа. В пользу этой версии говорят показания его сослуживца. Однажды Анатолий вместе с группой солдат принимал участие в подготовке воинских учений на местности. Военнослужащие на двух грузовиках (за рулем одного из них был Анютин) выехали в сельскую местность под Ашхабадом. В пути у машины Анютина, как он сам объяснил, перегрелся мотор, и он остался на дороге один. Когда группа солдат через какое-то время вернулась, машина стояла у бахчи, совсем в другом месте, а Анютин находился в закрытой кабине. Верхняя часть его туловища была откинута на руль, руки заведены за спину, связаны и привязаны к сиденью, во рту — кляп. Свидетели утверждают, что Анатолий находился в полуобморочном состоянии, а когда пришел в себя, заявил, что связал себя сам, но для чего — объяснить не смог. Правда, уже через несколько минут он сказал, что его связали двое парней по его же просьбе — ему хотелось попробовать самостоятельно

освободиться из пут. Потом Анатолий изложил другую версию: его якобы связали два незнакомых туркмена. Все это выглядело очень странно. Анютина отправили в госпиталь, где он провел два месяца, а потом вернулся в часть. Правда, за руль машины его больше не пускали и дослуживать парню пришлось в хозяйственном взводе.

Сходство двух ситуаций — поразительное. К тому же если предположить, что Анатолий предчувствовал свои приступы, то уже в армии он научился старательно их скрывать. И, как мог, подстраховывал себя от увечий. Следователи предположили, что приступы могли происходить в результате неблагоприятных жизненных обстоятельств. А ведь у Анатолия как раз и были неприятности на, так сказать, личном фронте. Он в последнее время жег фотографии, ходил хмурый. Накануне ночью мать видела его у шкафа с лекарствами. Это говорит о том, что она знала, что сын принимает бензонал. Иначе она непременно поинтересовалась бы, что случилось.

Утром, когда родители ушли, Анатолий почувствовал приближение приступа. Он принял бензонал и приступил к «самообвязыванию». Обрезок доски и обрывок каната он подобрал во дворе, принес все домой, закрыл наружную дверь на крючок, достал марлю и бинты. Потом подошел к зеркалу и обмотал голову. Марлевый жгут он взял в зубы еще до того, как забинтовал себе руки. Судя по оценкам экспертов, нижняя часть тела обмотана более плотно и ровно, а верхняя — гораздо слабее. Такая картина говорит в пользу версии о «самоупаковке»: ведь верхнюю часть туловища Анатолий мог обмотать только по принципу крутящегося барабана. Еще один аргумент в пользу той же гипотезы — то, что обрезок доски привязан к передней стороне тела. Кроме того, руки Анатолия оставались свободными до последнего момента: они не привязаны к телу ни простыней, ни нижней частью «обмотки».

Разумеется, трудно себе представить, что человек может так тщательно связать самого себя. Но в деле есть несколько моментов, которые указывают на то, что Анатолий Анютин был не новичком в делах «самообвязывания». Его родители несколько туманно объяснили, что сын «занимался бинтами». Вероятно, речь шла о какой-то системе упражнений, которую Анатолий использовал для поддержания формы. Возможно, именно поэтому, увидев сына, обмотанного бинтами, мать не удивилась, а только сказала: «Ой, что ты наделал!»

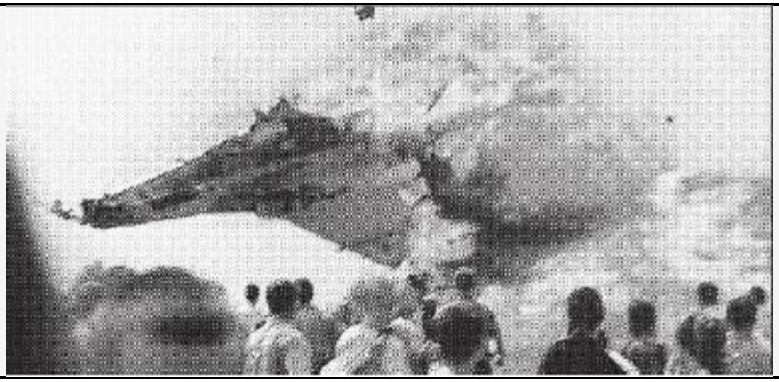
Следствие рассматривало не только эти две версии. Не исключалась окончательно возможность самоубийства. Однако главным аргументом против этой версии стало то, что Анатолий

избрал слишком непростой путь к смерти. Если он опасался, что может в последний момент передумать, то вполне достаточно было связать только руки и ноги.

Единственное, что не вызывает сомнений в картине гибели Анатолия Анютина, — это причина смерти. Смерть наступила из-за того, что марлевый тампон каким-то образом перекрыл дыхательные пути — уже после того, как Анатолий связал себе руки. Он не смог освободиться — и умер от удушья.

Несмотря на то что родители Анатолия были полностью оправданы, а дело — за отсутствием преступных намерений — закрыто, в нем до сих пор немало неясного. Но главные вопросы лежат уже не в области поиска виновных, а в сфере психологии. Почему Анатолий (если допустить, что он был болен) не обратился за помощью к врачам? Почему на этом не настояли его родители? И главное — почему он не предусмотрел гибели от удушья, если прибегал к «самоупаковке» не в первый раз? К сожалению, эти вопросы так и останутся без ответа.

Скниловская трагедия



Падающий Су-127

27 июля 2002 года на львовском аэродроме «Скнилов» произошла катастрофа. Во время авиашоу самолет Су-127 упал на зрителей. Погибло семьдесят семь человек, из них — двадцать восемь детей, многие получили ранения. По всей Украине люди с ужасом смотрели выпуски новостей, запечатлевшие шокирующие подробности: кровь на бетоне, крики раненых, яркая вспышка взрыва… Расследование длилось почти три года, было произведено 127 экспертиз. Материалы процесса заняли более 160 томов. На страницах уголовного дела развернулась история одного из самых страшных событий последних лет в Украине.

Уже через день после трагедии были известны первые печальные итоги: всего пострадавшими были признаны 543 человека, десять зрителей шоу остались инвалидами, 74 человека скончались на месте, еще троих успели довезти до больницы, но они не выжили. Итого 77 погибших. Л. Д. Кучма, который являлся на тот момент президентом, взял дело под личный контроль. Родственникам погибших было выделено по две тысячи гривен на организацию похорон. Комиссия начала расследование. Но, пожалуй, самой шокирующей для всех, кто был причастен к трагедии во Львове, оказалась весть, что оба пилота самолета остались живы. Если бы пилоты не находились в больнице, толпа обезумевших от горя людей могла бы устроить самосуд.

Утром 27 июля 2002 года ничто не предвещало трагедии. В этот день должно было состояться праздничное авиашоу, посвященное 60-летию создания 14-го авиакорпуса. А какой же

праздник авиации может быть без демонстрации фигур высшего пилотажа! Разрешение на проведение шоу дал главком ВВС Виктор Стрельников по просьбе хозяина мероприятия, генерала Сергея Онищенко. Он поручил своему заму, Александру Волошенко, выяснить готовность летчиков и летной техники к предстоящему пилотированию. Тот, в свою очередь, перепоручил это своему заместителю — генералу Алексееву. Разумеется, рапорт был положительным: все готово. О такой мелочи, как отсутствие топлива для подготовки летчиков, в нем не упоминалось. Уже позже, в ходе следствия, выяснилось, что накануне трагедии, 26 июля, из-за дефицита горючего генеральную репетицию авиашоу отменили. Ставку сделали на мастерство пилотов. А между тем керосин в распоряжении генералов был, но использовали его на другие цели. Отдельным рейсом самолетом Ан-26 из Винницы во Львов полетело 15 человек начальства. Дальше кто-то додумался спланировать еще один рейс на Ан-12 с 53 пассажирами на борту. В полетном листе значилось: перевозка ансамбля ВВС «Крыла Украины».. Но все это выяснилось позже, а пока главными обвиняемыми стали пилоты разбившегося самолета — Владимир Топонарь и Юрий Егоров. Оба они были мастерами высокого класса. Как же получилось, что летчики не смогли справиться с машиной?!

Свидетели на процессе дружно отмечали, что Владимир Топонарь всегда отличался склонностью к лихачеству в воздухе и нередко нарушал полетные задания — последний раз это произошло во время авиашоу в Одессе 10 июля 2002 года. В Скнилове он также решил блеснуть мастерством и допустил целый ряд серьезных нарушений. Во-первых, точку вылета самолета летчик изменил по собственному желанию и взлетел на несколько сотен метров дальше, чем было запланировано, что привело к смещению ранее заданных параметров летного поля. Во-вторых, он начал выполнять фигуры высшего пилотажа на предельно малых высотах, буквально над головами людей. Дорого же обошлась зрителям эта тяга к зрелищности. Во время суда летчик держался почти вызывающе. На вопрос: «Почему вы не выполнили инструкции?» он ответил: «Потому, что они неправильные». Еще в ходе досудебного следствия было установлено, что Топонарь уговорил летчика Юрия Егорова (ему обвинение было предъявлено позже, так как он в тяжелом состоянии находился в больнице) и руководителя полетов Юрия Яцюка включить в программу сложный элемент, который назывался «косая петля с поворотом». Показания «черного ящика» также были не в пользу экипажа.

«Скнилов» пилоты увидели в 12.43. Через пять секунд

заместитель командующего 14-м авиакорпусом Третьяков дал разрешение на выполнение летного задания. Еще через девять секунд эксперты услышали замечание второго пилота экипажа Юрия Егорова: «Вова, ну зачем нам туда.» Но помощник руководителя полетов в зоне пилотирования Яцюк, видимо, не заметил нарушения, потому что дал разрешение на пилотаж. Следующая запись — предупредительный сигнал компьютера об опасном снижении. За полторы минуты до падения самолета между пилотами происходит обмен репликами. Егоров напомнил Топонарю о том, что в самолете большой остаток топлива: «У нас 6 тонн. Понимаешь?» Но, судя по ответу Владимира, его больше заботило другое: где зрители? На этот вопрос не ответил ни Егоров, ни Яцюк. Топонарь удивленно выкрикнул, что справа людей нет, и сообщил руководителю полетов, что будет выполнять пилотаж влево. Выполнение роковой фигуры высшего пилотажа экипаж начал в 12 часов 44 минуты 39 секунд. Магнитофон остановился в 12 часов 45 минут 18 секунд. Прошло меньше минуты. «Черный ящик» бесстрастно зафиксировал сообщения компьютера: вначале — о максимальной скорости, затем — о максимальном угле атаки и наконец — о максимальном перегреве. Пилоты больше не говорили: они пытались справиться с ситуацией.

А с земли неслись советы, которые уже ничем не могли помочь: «Выводи, добавь оборотов, форсаж!» Эксперты, выступавшие на суде, указали на то, что летчикам не хватило всего двадцати метров, чтобы справиться с самолетом и вывести его из критического угла атаки.

В суде назвали основные причины разыгравшейся трагедии — их всего две. Первая — ошибка экипажа «Су-27-УБ» в технике пилотирования при выполнении незапланированного элемента. Вторая — неудовлетворительное управление действиями экипажа руководством полетами и прямое невыполнение обязанностей Анатолием Третьяковым и Юрием Яцюком.

Судебное следствие по Скниловской трагедии завершилось 15 июня 2005 года. На следующий день начались дебаты. Ни один из подсудимых не признал своей вины. Владимир Топонарь на заседании суда заявил, что он выполнял приказ, а значит, вины экипажа в случившемся нет. Он попросил судебную комиссию Верховного суда признать его невиновным и закрыть уголовное дело в связи с тем, что причина авиакатастрофы во Львове в июле 2002 года до сих пор не установлена. Расшифровку материалов «черного ящика» пилот назвал фальсификацией. По его словам, во время полета самолет неожиданно потерял управление. А вот причины этого он называл самые разные. Сначала Топонарь

настаивал на том, что потерю управления могло спровоцировать некачественное топливо. Затем попытался предъявить суду кассеты, на которых якобы запечатлены неизвестные летающие объекты возле Су-27 во время полета. Судья отклонил ходатайство, потому что происхождение отснятых кадров не внушало доверия. Но те, кто видел видеозапись, утверждают, что на ней действительно видны какие-то размытые контуры. Выдвигалась и версия технической неисправности самолета. Но эксперты в один голос заявили: машина оставалась управляемой до последнего момента.

Суд признал пилотов виновными по статье 416 Уголовного кодекса Украины (нарушение правил полетов или подготовки к ним, а также нарушение правил эксплуатации летательных аппаратов, что привело к катастрофе). По этим обвинениям прокуратура требовала наказать летчиков по максимуму: 15 и 10 лет лишения свободы, однако суд счел возможным приговорить виновных в трагедии к несколько меньшим срокам: Владимира Топонаря — к 14 годам лишения свободы с возмещением убытков государству в размере 7,2 миллиона гривен, а Юрия Егорова — к 8 годам лишения свободы с возмещением убытков государству в размере 2,458 миллиона гривен. Наказание понесли и другие виновники трагедии. Бывший заместитель командующего 14го авиакорпуса, руководитель полетами Анатолий Третьяков получил 6 лет с возмещением убытков государству в размере 700 тысяч гривен, а помощник руководителя полетами Юрий Яцюк 5 лет с таким же возмещением убытков. Их взяли под стражу в зале суда. Бывший начальник безопасности полетов 14-го авиакорпуса Анатолий Лукиных по приговору суда получил 4 года лишения свободы с отсрочкой. Его доля в возмещении убытков составила 200 тысяч гривен.

Пилоты по-разному отреагировали на решение суда. Владимир Топонарь так и не признал своей вины, назвал суд судилищем и заявил, что все его показания извращены. Юрий Егоров повел себя иначе: в заключительном слове он еще раз извинился перед потерпевшими за то, что не сумел предотвратить катастрофу. Кстати, адвокаты считают, что он заслуживает гораздо меньшего срока наказания: ведь именно реплики Егорова указывали на единственный проблеск здравого смысла в этой трагедии.

В марте 2006 года Верховный суд отклонил кассационные жалобы заключенных об изменении срока отбывания наказания. А вот суммы взыскания с них в пользу государства были уменьшены: с Топонаря — 150 000 грн, Третьякова — 100 000 грн, с Егорова, Яцюка и Лукиных — по 50 000 грн.

Процесс над виновниками авиакатастрофы — далеко не единственное ее следствие. Скниловская трагедия породила огромное количество других процессов. Помимо апелляций, с которыми обращались в разные инстанции обвиняемые, было предъявлено множество исков о возмещении материального ущерба. На сегодняшний день в суды подано 407 заявлений от потерпевших и их родственников. Заявители требуют от Министерства обороны возмещения убытков: от пяти тысяч до двадцати четырех миллионов гривен. В 2005 году была создана комиссия во главе с замминистра юстиции Василием Мармазовым. Выплаты обещали произвести не раньше 2006 года — в бюджете не было средств. Однако после того, как пострадавшим выдали небольшую компенсацию сразу же после авиакатастрофы, многие чиновники считают их требования завышенными.

Несмотря на то, что приговор виновным уже вынесен, в скниловской трагедии осталось немало нерешенных вопросов. Почему ушли от ответственности генералы: эксглав но командующий ВВС Украины Виктор Стрельников, его зам Александр Волошенко, бывший замначальника по боевой подготовке ВВС Владимир Алексеев и экскомандующий 14 м авиакорпусом Сергей Онищенко? Действительно ли причиной падения самолета стало «лихачество» пилотов? Или в словах Владимира Топонаря о вмешательстве НЛО есть доля правды? А может быть, справедлива еще одна версия, согласно которой причиной неуправляемости самолета стал загазованный воздух над Львовом? Эксперты считают, что в условиях сильной загазованности воздух буквально переполнен веществами, которые вступают в реакцию с авиатопливом. В результате температура горения топлива снижается, процесс сгорания замедляется, и двигатель, лишившись мощности, отказывает. Как бы то ни было, скниловская трагедия в очередной раз заставила по-новому взглянуть на состояние украинской авиации. И если раньше самолеты называли стальными птицами, то теперь все чаще их считают потенциальными убийцами, забывая о том, что виновниками даже самых страшных катастроф зачастую являются люди.

Итак, подведем печальный итог: в результате падения истребителя 77 человек погибли, 12 стали пожизненными инвалидами, свыше 500 признаны пострадавшими. Они подали иски в Европейский суд, недовольные мягким приговором летчикам и малой суммой морального возмещения. Жертвы трагедии требуют увеличения размера компенсаций в таком же соотношении, в какой были сделаны выплаты родственникам

российских и израильских пассажиров самолета Ту 154 авиакомпании «Сибирь», ошибочно сбитого 4 октября 2001 года украинской ракетой. Они получили по $200 тысяч, а жертвы Скниловской трагедии — в 10 раз меньше.

Дело Лукаса Генри Ли

Один из наиболее страшных серийных убийц в мире. В отличие от других маньяков, как правило, отрицающих свою причастность к преступлениям или преуменьшающих их число, Лукас добровольно рассказал об огромном количестве замученных им жертв. В итоге процесс по делу этого монстра стал одним из самых громких в истории криминалистики, а следственный эксперимент, проведенный в ходе расследования, — самым долгим.

Автор психоаналитической теории об исключительном воздействии семьи на формирующуюся личность австрийский психиатр и педагог Август Эйчхорн утверждал: если ребенок в раннем детстве окружен заботой, лаской и любовью, то его отрицательные инстинкты, а также врожденные психические аномалии находятся в полублокированном, скрытом состоянии. В таком случае невротик, сдерживая свои инстинкты, пребывает в конфликте исключительно с самим собой. Но если негативные инстинкты не контролируются семьей, а пускаются на самотек, ребенок превращается в социально опасного типа, пребывающего «в конфликте с окружающей средой».

Когда Генри Ли Лукас находился под следствием, с ним работали психиатры. Тогда же специалисты выдвинули предположение, что перерождение нормального, в общем-то, мальчишки в кровожадного монстра началось еще в детстве. При этом наиболее жестоким существом, с которым Лукасу приходилось сталкиваться, была. его родная мать.

Когда отец маньяка в железнодорожной катастрофе лишился ног, супруга стала издеваться над калекой. Мужчина не выдержал такого отношения и покончил с собой. Женщина же, «развязав руки», занялась древнейшей профессией. Ее ребенок в то время был довольно симпатичным мальчиком, но в результате несчастного случая потерял глаз. Дыра на лице на месте выбитого глаза никак не способствовала улучшению внешнего вида Генри, зато способствовала появлению кучи комплексов. Мать (которая «обслуживала» своих клиентов на глазах ребенка) считала сына обузой и относилась к нему, мягко говоря, без особой любви. Женщина частенько избивала Генри, позволяла клиентам издеваться над ним. Один из пьяниц, например, принудил ребенка к скотоложству. Мать постоянно называла сына дьявольским отродьем и проклятьем своей жизни. В школу Лукаса она заставляла ходить в женской одежде и макияже. Стоит

ли удивляться тому, что ребенок не ощущал своей половой принадлежности и начал испытывать нездоровый интерес к мальчишкам?

Генри рос, а вместе с ним и его комплексами росло негативное отношение к родной матери, постепенно «преодолевая» все новые и новые «ступеньки» — от страха и презрения до откровенной ненависти. И, как говорится, кошка все же расплатилась за мышкины слезы. Причем страшной ценой. В 1966 году в припадке раздражения 16-летний Лукас просто размозжил женщине голову бутылкой. Удар оказался смертельным, но убийце оказалось мало отправить «любящую» мамашу на тот свет. Мстя уже мертвому телу за все причиненные обиды, парень совершил половой акт с трупом, а затем разрезал его более чем на 100 кусков.

Естественно, что после такого «дебюта» на уголовном поприще Лукас угодил за решетку. Но полиция, изучив материалы жуткого дела, потребовала, чтобы убийцу, которого приговорили к 40 годам заключения, освидетельствовали психиатры. Медики сразу же признали, что парень — их клиент, и вместо тюрьмы отправили его на лечение в клинику для психически больных. Наконец, по прошествии 10 лет, в 1976 году Лукаса признали здоровым. Получив разрешение покинуть клинику, он первым же автобусом отправился на Запад — искать счастья и заново строить свою жизнь.

Но мрачноватого молодого человека в тюремной курточке и с искусственным глазом окружающие старательно избегали. К тому же Лукас ничего не умел делать, а значит, не мог устроиться на работу. Наконец, он нашел себе пристанище: на заброшенной стоянке обнаружился старый дачный прицеп. В нем бывший клиент психбольницы и поселился; питался он отбросами, и нельзя сказать, что испытывал от жизни удовольствие.

Видимо, врачи все же слишком рано выпустили Лукаса. Тлеющая искра безумия постепенно становилась ярче, молодой человек стал проявлять повышенную агрессивность и нелюдимость, озлобился на окружающих. Особенно раздражали его пожилые женщины. В один далеко не прекрасный день кровожадный дьявол, сидевший в нем, снова вырвался на волю. Тогда жертвой маньяка стала приехавшая в те края, где осел Лукас, старуха-проститутка Бетти. К несчастью, она напомнила психически больному его мать. Молодой человек покончил с «призраком прошлого», убив Бетти молотком, а потом — для верности! — превратив тело в месиво с помощью автомобиля.

После расправы над старухой Лукас пустился в бега. В 1979 году в Сент-Луисе, в баре для представителей «голубой» братии,

он познакомился с имевшим богатое криминальное прошлое 30-летним трансвеститом и каннибалом Оттисом Тулом. Вскоре любовники решили устроить себе «медовый месяц» и рвануть на юг, прихватив за компанию племянников Тула — 12-летнюю Беки и 9летнего Френка. Вот только ни средств для поездки, ни машины у них не было. Проблему уголовники решили просто: они заманили в безлюдное место водителя грузовика, убили его и очистили карманы жертвы. Таким образом «сладкая парочка» заполучила и автомобиль, и наличность (правда, скудную).

С этого начался страшный вояж маньяков по стране, который полиция окрестила «диким маршрутом». Серийный убийца и его напарник устроились с комфортом: в кабине грузовика у них имелась кровать, холодильник и кондиционер. К тому же Оттис сконструировал там душ. Правда, использовали его в основном для смывания пятен крови: «голосующих» по обочинам дороги было немало, а жажда убийства мучила Лукаса все сильнее.

Тем не менее идеи преступлений принадлежали не бывшему пациенту клиники для душевнобольных. Этим «творчеством» занимался Оттис. Он решил, что неплохо было бы разнообразить не слишком роскошное меню. Для этого уголовник где-то украл книгу, в которой описывались обычаи людоедов.

Лукас и его любовник взяли за правило дважды насиловать свои жертвы: до и после убийства. Затем каннибалы вырезали из трупов длинные полосы мяса, которые и поджаривали на сковороде. Маньяк позднее откровенничал в полиции: мол, далеко не все сограждане ему приходились по вкусу. Порой он капризничал, не желая пробовать очередное «блюдо», поскольку Тул очень любил готовить мясо в остром соусе, который Лукас терпеть не мог. Об «аппетитах» людоедов, долгое время остававшихся безнаказанными, говорит хотя бы тот факт, что за год своего жуткого «путешествия» они убили 97 человек. При этом значение имели не возраст или пол жертвы, а ее намерение надолго выехать в другой штат. Кровавое пиршество маньяки обычно устраивали в укромных местах. Там же они закапывали останки тел, предварительно отрезая головы (их зарывали отдельно, разбивая молотком лица).

Последней жертвой свихнувшейся парочки стал. их новый любовник. Накануне убийцы познакомились с мексиканским бандитом, который понравился Оттису. К тому же Тул возмутился, узнав, что еще одна его племянница стала любовницей Лукаса (тело этой семилетней девочки, разрезанное на куски, обнаружили только через восемь лет). Поскольку мексиканец тоже умел водить машину, Лукас испугался возможности самому попасть в «меню» Тула и поспешил

«приговорить» к смерти нового знакомого. Убийство маньяк совершил в предместье Меттл-Рока; тогда же он распрощался и с грузовиком, и с Оттисом Тулом. Машина была так забрызгана кровью, что ее пришлось бросить.

Следующий, «сольный», этап своей «карьеры» Лукас начал, отправившись по стране пешком. На обочинах шоссе и автострад он находил себе все новые и новые жертвы. Для убийства маньяк использовал нож, молоток либо проволочную петлю. «Меня постоянно бил озноб, а отчаяние и страдания жертв приносили некоторое облегчение. Я смотрел им в глаза и убивал, как только они переставали бояться. Понимал, что делаю зло, но чувство мести за испорченное детство было сильнее. Хотел их жизни, тепла и мяса», — откровенничал в полиции этот псих.

В 1981 году преступник вынужден был заняться поисками подруги жизни, которая обеспечила бы ему уход. Дело в том, что перенесенное Лукасом воспаление легких дало неожиданное осложнение в виде частичного паралича рук. Итогом «отбора кандидатур» стало исчезновение 30 женщин. Отчаявшись заполучить подходящую няньку, маньяк решил выйти из сложившейся ситуации, удочерив девочку из приюта. Вот только для столь ответственного шага требовались документы о трудовой деятельности и счет в банке. Их Лукас приобрел, отправив на тот свет десяток мужчин, после чего легко обманул начальницу детского дома, став приемнымотцом 14-летней Бецки.

«Отцу» и «дочери» пришлось пересечь несколько штатов, пока они не добрались до Техаса, где сняли жилье у престарелой женщины. Поскольку платили новоприбывшие немного, они помогали старушке ухаживать за ее горным садиком. По прошествии нескольких недель Лукас и Бецки вступили в местную протестантскую секту, благо ненужных вопросов им никто не задавал. Но мужчине не понравилось, что его приемная дочь уж слишком увлекается псалмами, забывая об «отце». И он решил, что неблагодарная недостойна жить дальше.

Напоив Бецки отваром кактуса, убийца увел ее по шоссе (якобы в ближайший поселок). Расчлененный труп «дочери» маньяк разбросал на расстоянии в 40 миль вдоль шоссе! А в коммуне, куда он вернулся спустя двое суток, все удовлетворились рассказом о том, что девочка уехала в неизвестном направлении, бросив отца.

Приступы озноба и жажды крови снова начали мучить маньяка в сентябре. Убийство какого-то бедняги не успокоило преступника, и он застрелил старуху, у которой с самого приезда снимал комнату. (Останки последней жертвы изверга нашли

только 7 июня 1983 года.) Но тут маньяк потерял свой револьвер. В полиции произвели анализ пуль оружия, сняли с него отпечатки пальцев и вскоре выяснили, что они принадлежат Лукасу.

Изверга, остававшегося неуловимым так долго, отправили за решетку, а в декабре того же года он предстал перед судом. На первом слушании Лукасу предъявили обвинение в трех убийствах. Но дело росло, словно снежный ком. В итоге данный процесс стал едва ли не самым громким в истории штата. Достаточно упомянуть, что в Техасе к тому времени смертная казнь была отменена, но дело этого серийного убийцы привело к восстановлению высшей меры наказания.

Когда Лукасу дали последнее слово, он, зная, что его ждет казнь, признался в еще одном убийстве. Присяжные подсудимому не поверили, однако решили разобраться с полученной информацией. Обнаружение трупа в указанном месте привело к началу нового судебного процесса. Однако, получив смертный приговор, маньяк снова рассказал о совершенном им ранее убийстве. Так он тянул время в течение восьми лет, до февраля 1991 года признавшись в 375 зверствах. При этом Лукас явно издевался над окружающими, заявив на пресс-конференции, что с него «хватит одного трупа в месяц». «Я убил более 600 человек в 26 штатах. Не успеют меня казнить», — смеялся маньяк.

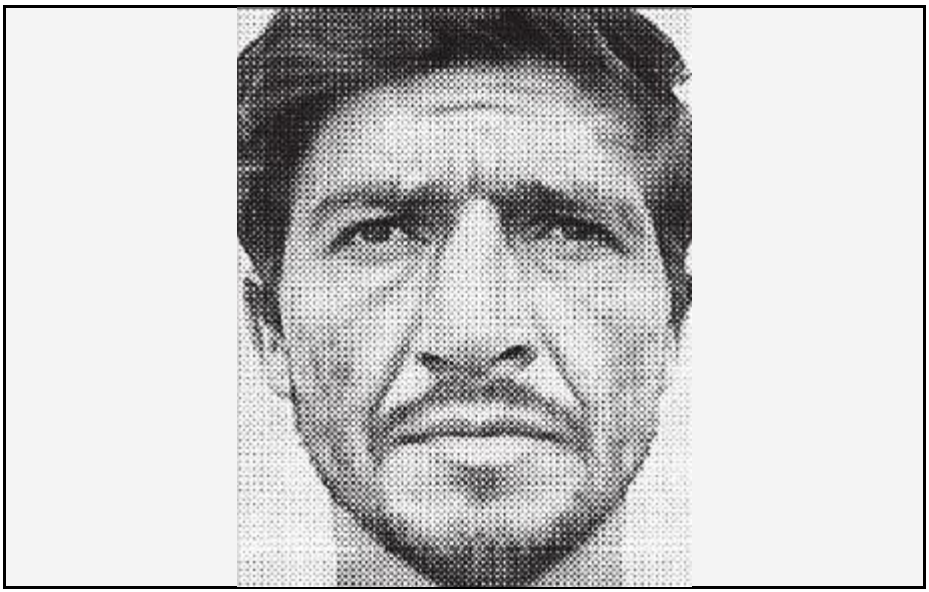
Более шести лет убийцу возили по Америке, чтобы он показывал места захоронений жертв его безумной жажды крови. Участники такого «путешествия» заявляли: это был самый длинный в мировой истории следственный эксперимент. Маньяк сводил с ума следователей и родственников погибших, то сознаваясь в совершении зверств, то отказываясь от своих показаний. Полицейские, работавшие с этим выродком, все же посчитали, что Лукас преувеличил собственные «подвиги». Тем не менее, 150–160 человек, которых он, похоже, и впрямь отправил на тот свет, все равно делают этого американского маньяка самым кровавым убийцей не только в истории США, но и всей мировой криминалистики.

Одна из полицейских версий гласит, что Лукас «присвоил» себе многие убийства, совершенные его любовником Тулом еще до их знакомства. В таком случае правоохранительные органы столкнулись с совершенно уникальным явлением: союзом двух серийных убийц, ранее действовавших в одиночку. Пролить свет на этот вопрос уже невозможно, поскольку Лукас утверждает, будто расправлялся с жертвами именно он. Тул же, который был арестован и признан шизофреником, не способным отвечать за свои действия, умер в тюрьме в 1996 году. У каннибала была больная печень.

Решив, что в данном случае речь должна идти о самооговоре психически неполноценного человека, Бушмладший, в 1998 году являвшийся губернатором Техаса и в качестве такового подписавший 152 смертных приговора, помиловал только одного осужденного, а именно — Генри Ли Лукаса.

Педро Алонсо Лопес (Монстр Анд)

Серийный убийца, материалы дела которого заставили содрогаться самых закаленных полицейских и судей.



Педро Алонсо Лопес

Серийный маньяк, которого полиция назвала Монстром Анд, родился в Колумбии. Отца своего он не знал и воспитывался матерью, которая была профессиональной проституткой. Неоднократно наблюдая за «деятельностью» родительницы, Педро решил сам попробовать заняться сексом. Для этой цели он использовал. родную сестру. Следует сказать, что к тому моменту мальчику едва исполнилось восемь, а его партнерше было семь.

Узнав о произошедшем, «бдительная» мамаша подняла крик, избила собственного отпрыска «за изнасилование» и вышвырнула его на улицу, посоветовав больше никогда не попадаться ей на глаза. На заверения сына о том, что он не насиловал сестру, а вступил с ней в половую связь по обоюдному согласию, проститутка не реагировала.

Педро недолго оставался на положении бомжа. Симпатичный мальчуган приглянулся местному педофилу. Будучи обманом завлечен к нему домой, он не мог вырваться оттуда на протяжении нескольких лет. Тогдато и без того увечная психика

Педро окончательно сломалась. Ведь он жил, фактически, на положении домашнего раба: извращенец использовал мальчишку и в качестве слуги, и как сексуальную игрушку. А фантазия у «хозяина» Лопеса оказалась на удивление богатой.

Периодически, за небольшую плату, педофил «одалживал» Педро своим друзьям и знакомым, также любившим «побаловаться» с несовершеннолетними мальчиками. Особенно часто «услугами» Лопеса пользовались трое извращенцев. Естественно, хозяин мальчика не позаботился отправить свою живую игрушку в школу. Он вообще не выпускал паренька из дому, боясь, что тот сбежит при первой же возможности. В итоге Педро так и остался неграмотным, за всю оставшуюся жизнь не научившись ни читать, ни писать.

Взрослея в таких нечеловеческих условиях, маленький колумбиец постепенно зверел и проникался ненавистью ко всему человечеству. Постепенно он начал видеть в окружающих людях своих личных врагов. Кстати, психолог судебной экспертной комиссии, которому пришлось покопаться в душе маньяка, не находил в этом ничего странного, говоря, что «трудно не стать зверем, проведя несколько лет в заточении у извращенца».

Когда Лопес подрос, он нашел способ обмануть своего мучителя и сбежать с осточертевшей домашней сексуальной каторги. Несколько оправившись от потрясения, паренек поклялся отомстить педофилу за изгаженное детство, за годы издевательств и унижений. Возмужав и накачав мышцы, 18-летний Педро решил, что настала пора действовать. Сколотив уличную банду из семи головорезов и опробовав своих «гвардейцев» в деле (банда совершила несколько мелких ограблений, участвовала в ряде мордобоев и в поножовщине), он заявился в гости к бывшему хозяину.

За все издевательства над собой Лопес отплатил с лихвой. Смерть старого педофила была долгой, мучительной и страшной. В течение суток ему пришлось ублажать восьмерых молодых и здоровых парней, чья фантазия оказалась едва ли не более извращенной, чем его собственная. Под конец Педро и его подручные содрали с полуживого мужчины кожу и долго наслаждались видом агонии своей жертвы. Такая же печальная участь постигла троих постоянных «клиентов» Лопеса, ранее особо любивших «одалживать» у приятеля маленького смазливого мальчишку.

Заметать следы банда как следует не умела, поэтому полиции понадобилось немного времени для выяснения, кто же повинен в похожих, словно близнецы, убийствах четверых мужчин. Однако первый процесс закончился для парня весьма мягким приговором:

тщательно покопавшись в прошлом подсудимого и ужаснувшись всплывшим фактам, судьи посчитали, что у подсудимого были веские причины поступить таким образом. Но, поскольку убийство остается убийством, его приговорили к восьми годам тюрьмы.

Когда Лопес попал за решетку, он снова стал объектом сексуального насилия со стороны матерых уголовников (всплыло прошлое парня, и преступники не преминули воспользоваться моментом). Лопес сопротивлялся насилию, как мог. Троим же особо ретивым любовникам мстительного колумбийца связь с ним вообще стоила жизни. Тем не менее тюремное начальство сквозь пальцы посмотрело на гибель гомосексуалистов, решив, что мир не много потерял от их смерти. Поэтому положенной прибавки к первоначальному сроку Лопес, как ни странно, не получил. Тем не менее, вывихнутая психика Педро заставила его. возненавидеть женщин! Тогда-то и завершилось перерождение измученного издевательствами молодого человека, уже успевшего преступить закон, в жестокого кровавого монстра. Выйдя на свободу, он решил, что впредь будет «мстить» молоденьким девушкам. За что? Вряд ли на этот вопрос мог ответить даже сам маньяк.

«Отмотав» свой срок и покинув стены тюрьмы в 1975 году, Лопес не захотел оставаться в Колумбии. Молодой человек перебрался в Перу, где и открыл счет серийным убийствам. Обычно монстр весело охотился на местных тихих и целомудренных крестьянок. Предпочитал он несовершеннолетних. Утолив похоть, Педро убивал их. Делал он это, кстати, с единственной целью: выродок не желал, чтобы «его» девушками впоследствии воспользовался кто-нибудь еще.

За три года (1975–1978) Монстр Анд успел изнасиловать и зверски убить более 100 (!) перуанок. Наконец, информация о «художествах» заезжего маньяка дошла до одного из наиболее влиятельных в криминальном мире наркодельцов. Местный «авторитет» не на шутку разозлился, пригрозив колумбийцу серьезными неприятностями. Уразумев, что настало время спасать свою шкуру, Лопес поспешил убраться на родину от греха подальше.

Однако жажда крови уже успела стать проклятием для этого садиста. Он просто не представлял себе жизни без причинения кому-то боли, без кромсающего тела жертв ножа. При этом маньяк придерживался некоего странного кодекса, чем-то схожего со звериным: на территории родной Колумбии он старался не «светиться» и не совершать убийств. Но слишком часто пропадать из мест проживания он тоже не мог себе позволить, чтобы не

вызывать ненужных подозрений. Наконец Лопес нашел для себя компромисс. Он решил перебраться поближе к границе с Эквадором, что давало ему возможность незаметно для окружающих совершать страшные «вылазки» на территорию соседней страны. Дело дошло до того, что Монстр Анд ездил на убийства регулярно, словно на работу!

Педро недаром выбрал для своей кровавой деятельности именно это место. Ведь пропавших в приграничных с Колумбией районах девушек полиция даже не пыталась искать. В той местности мафия регулярно похищала молодых женщин; «теневики» неплохо зарабатывали на живом товаре, выступая поставщиками женщин для многочисленных борделей. А полицейские, не страдавшие суицидальными наклонностями, лезть в дела мафии как-то не торопились, предпочитая, чтобы на них висели нераскрытые дела.

Однако в 1980 году Лопесу не повезло. Одна из изнасилованных им жертв сумела сбежать и поднять тревогу. Правда, когда полиция арестовала маньяка, к рассказу безграмотного задержанного о совершенных зверствах она отнеслась скептически. Следователь, которому пришлось общаться с насильником, был уверен: здравомыслящий человек не станет добровольно давать против себя показания в столь кровавом деле. А значит, полиции попался безумец, пытающийся выдать свои бредни за реальность по известной только его больному воображению причине.

Мнение официальных лиц изменилось только тогда, когда Педро, недоумевавший по поводу того, что ему явно не верят, нарисовал план захоронения тел 57 убитых им крестьянок. Поначалу и это списали на скудость ума, но затем один из сыщиков, знавший, сколько пропавших без вести девушек «висит» на его коллегах из указанного района, решил на всякий случай проверить данную преступником информацию. Обнаружив первое тело, он поднял на ноги всю местную полицию.

Страшные раскопки надолго лишили сна и аппетита как работников правоохранительных органов, так и следящих за новостями жителей трех стран — Эквадора, Колумбии, Перу. Трупы обнаруживали ежедневно, и конца жутким находкам не предвиделось. Ведь сам Лопес сообщил полиции, что на его счету за семь лет активной «деятельности» жизни более 200 человек.

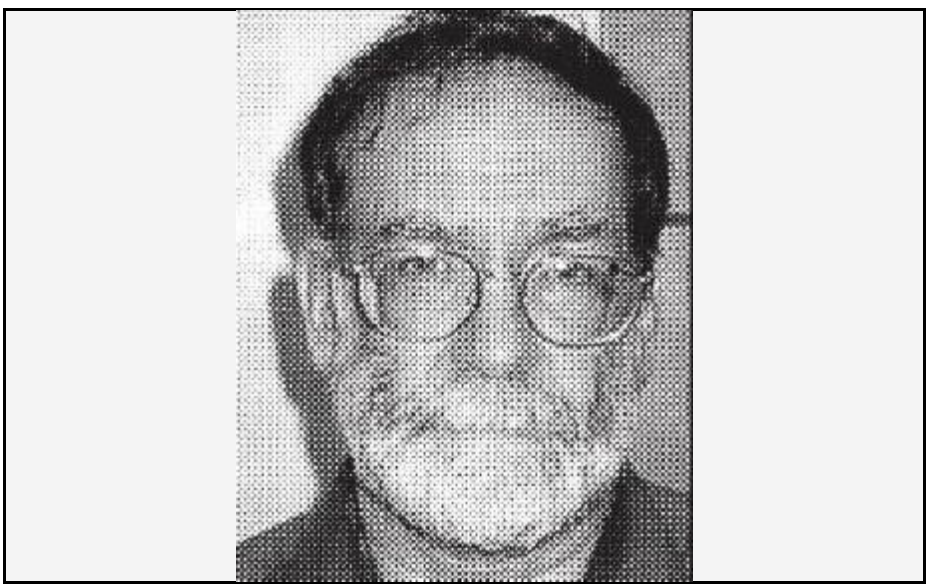
Во время суда Монстр Анд не отрицал выдвинутых против него обвинений и охотно признавался в совершенных преступлениях. С каждым днем «послужной список» серийного убийцы становился все длиннее. Дело дошло до того, что даже наиболее лояльные судьи и психологи, ранее призывавшие коллег

проявить милосердие к психически неполноценной жертве многолетних издевательств, пришли к единодушному мнению: Монстр Анд представляет собой особую опасность для социума. При этом он физически здоров, поэтому надеяться на то, что тюрьма быстро доконает маньяка, не приходилось. Очередной срок заключения только заставил бы этого демона сильнее «проголодаться». А раз так, оставалась возможность того, что серийный убийца в один далеко не прекрасный момент может вновь оказаться на свободе — еще более озлобленный и снедаемый жаждой крови. И где гарантия, что его удастся быстро водворить за решетку снова? Подводя итог, и сторонники радикальных мер, и записные гуманисты пришли к на редкость единодушному выводу: оставлять Монстра Анд в живых ни в коем случае нельзя.

Процесс по делу одного из самых кровавых преступников современности завершился вынесением неутешительного для подсудимого приговора. Педро Алонсо Лопеса ждал расстрел. Но это известие его, похоже, не особенно взволновало. Во всяком случае, серийный убийца не выказал нервозности, достаточно вяло отреагировав на оглашенный вердикт. А перед тем, как Монстру Анд пустили пулю в затылок, он усмехнулся и сказал, что хорошо потрудился и проделанной работой вполне доволен.

Доктор смерть

Британский врач Гарольд Шипман вошел в историю как серийный убийца по прозвищу Доктор Смерть. Он побил все известные «рекорды» по количеству жертв. Даже колумбийский маньяк Педро Алонсо Лопес, осужденный в 1980 году за убийство 57 девушек, был не так жесток. Правда, часть экспертов-криминалистов считает, что Монстр Анд (прозвище Лопеса) убил более 200 человек, а может быть, и больше. Но и в этом случае Шипман его превзошел. Равно как и другого колумбийского маньяка — Луиса Гаравито, который сознался в изнасиловании и убийстве 181 мальчика в конце 1990-х годов. Шипман же не сознался ни в одном из совершенных им преступлений, унеся с собой свою страшную тайну.



Гарольд Шипман

В 17 лет, после того как умерла от рака его мать, Гарольд Фредерик Шипман (1946 г. р.) решил стать врачом, чтобы помогать людям бороться с болезнями. Он успешно закончил медицинский факультет университета в городе Лидс в 1970 году, устроился участковым врачом в городе Тодморден, женился на медсестре Примроз и обзавелся четырьмя детишками. Идеальный муж и отец к тому же был на хорошем счету среди пациентов,

пока неожиданно не разразился первый скандал: коллеги уличили его в приеме наркотиков, которые он сам себе выписывал. Гарольд лишился практики, но, вылечившись от наркозависимости в специальном центре, в 1977 году был снова допущен к работе и обосновался в городе Хайд в качестве семейного врача. Чем-то он подкупал своих пациентов, особенно пожилых женщин, и вскоре набрал солидную клиентуру. Новый доктор пользовался большим уважением в городе, а коллеги считали его трудоголиком. В 1993 году Шипман открыл собственный кабинет, где Примроз вела документацию. Больные в нем души не чаяли, называя настоящим ангелом милосердия: он мог просто без вызова посетить пациента и внимательно выслушать не только жалобы, но и обычную женскую болтовню. Неизвестно сколько бы продолжалась эта идиллия, но владельцы местного похоронного бюро обратили внимание, что их «клиентками» все чаще становятся пациентки Гарольда Шипмана. Но пока это были только слухи, и безупречная репутация доктора не страдала.

«Прокололся» Шипман в 1998 году, когда выяснилось, что скончавшаяся Кэтлин Гранди, бывшая мэром Хайда, ни с того ни с сего оставила все свои сбережения в размере 350 тысяч фунтов стерлингов (более 500 тысяч долларов по тогдашнему курсу) доктору Шипману, чем очень удивила свою дочь. А Кэтлин Анджела оказалась весьма опытным юристом: она провела экспертизу подписи матери и установила подделку. Тогда она обратилась к двум пожилым свидетельницам, и те с удивлением узнали, что присутствовали при составлении завещания. С этими данными Кэтлин Анджела обратилась в полицию и следователи — инспектор Стен Эгертон и суперинтендант Бернард Постлс — раскрутили дело. Допрос Шипмана ничего не дал — он все отрицал. Первым доказательством его вины стала печатная машинка, обнаруженная в доме. На ней было напечатано завещание покойной миссис Гранди.

Арест Шипмана разбудил город от какого-то летаргического сна. Выяснилось, что десятки людей давно подозревали доктора, а местный таксист Джон Шоу даже вел список умерших пациенток Шипмана. В нем оказалось 20 фамилий! Но безупречная репутация доктора еще продолжала играть свою роль и многие продолжали считать его жертвой алчности дочери Кэтлин Анджелы, которая осталась без наследства. Все точки над «i» поставила эксгумация останков бывшего мэра — женщина умерла от передозировки диаморфина (медицинское название героина). Теперь в полицию обратились родственники и друзья других умерших пациенток Шипмана и постепенно у

следователей начала складываться цельная и жуткая картина. Семейный врач Гарольд Шипман убивал своих пациенток на протяжении 13 лет! В Хайде не осталось ни одной улицы, где бы Доктор Смерть не оставил свой страшный след. Правда, надо отдать ему должное, убивал он высокопрофессионально и безболезненно, вводя пациентке 30 миллиграммов диаморфина. Потом Гарольд в течение нескольких минут наблюдал, как жизнь покидает его жертву, большая часть которых испытывала такое облегчение от укола, что еще и успевали благодарить «доброго» доктора. Убедившись в смерти пациентки, Шипман брал на память какую-нибудь безделушку и спешил на работу. В ходе судебного расследования выяснилось, что бывали случаи, когда доктор, чтобы пощекотать себе нервы, сам вызывал из дома убитой «скорую помощь» или коронера и говорил, что обнаружил мертвую пациентку. Гарольд и его жена обязательно присылали близким покойных открытки с соболезнованиями.

В ходе расследования инспектор Стен Эгертон отдал распоряжение провести эксгумацию тел бывших пациентов Шипмана. Из 136 подозрительных смертей следователи отобрали 15 наиболее очевидных. Шестерых покойников эксгумировали, и этого оказалось достаточно. Результаты всех экспертиз были идентичны — смерть от передозировки героина. Изучение компьютерных файлов в клинике Гарольда Шипмана показало, что истории болезни убитых им пациентов были изменены в день смерти для придания им правдоподобия.

Первоначально британскому Доктору Смерть инкриминировалось убийство 15 человек, за это ему 31 января 2000 года городской суд Престона дал 15 максимальных — пожизненных — сроков, плюс четыре года тюрьмы за подделку завещаний. Пятнадцать — именно столько убийств удалось доказать прокурору в процессе судебного заседания. (По британскому законодательству, к смертной казни здесь могут приговорить только за убийство монарха или наследника престола.) На процессе по этому делу судья, обращаясь к Шипману, сказал: «Вы предали их [пациентов] веру в вас, ведь вы были их врачом. Вы хладнокровно просчитывали свои поступки и использовали свои медицинские знания. У вас нет никакой жалости». При вынесении приговора Шипман упал перед судьями на колени и заплакал. Следствие так и не выяснило мотивы его преступлений. Ясно было, что убивал он спокойно и хладнокровно, однако во время судебных слушаний доктор свою вину не признал. По предположениям следователей, у Шипмана была своего рода мания — чувство власти над жизнью и смертью других людей. По мнению психиатров, в молодости Гарольд так и

не смог оправиться от потери матери, умершей от рака. Зато хорошо запомнил, что ей облегчали страдания наркотики, и, возможно, поэтому решил вводить повышенные дозы наркотиков тяжело больным пациентам.

Бернард Постлс, вышедший после раскрытия дела Шипмана на пенсию, считает, что хорошо изучил этого убийцу. Доктор играл в Бога, так как еще в детстве он был поражен могуществом людей в белых халатах. Гарольд видел, как его мать, еще несколько минут назад кричавшая от боли, успокаивалась, получив дозу морфина. А потом, став врачом, Шипман осознал, насколько тонка грань, отделяющая жизнь от смерти. Ему доставляло наслаждение чувствовать собственную власть над чужой жизнью. И однажды доктор решился воспользоваться этой властью. Убийство стало для него новым наркотиком, гораздо более сильным, чем героин, от привязанности к которому Шипман полностью излечился. Постлс полагает, что самоубийство стало для Шипмана апофеозом. «Он довел игру в Бога до конца, забрав жизнь у себя самого. Это не было раскаянием. Это не было приговором, объявленным себе. Шипман соскучился по своему наркотику и решил испытать его действие в последний раз», — уверен бывший полицейский.

Во время процесса разразился такой общественный скандал, что правительство Великобритании вынуждено было оправдываться. Правительство недоумевало, как масштаб злодеяний Шипмана не могли обнаружить так долго. «Что побудило Шипмана совершать свои убийства, до сих пор не ясно, а сам он молчит, — писала в своей редакционной статье «Гардиан». — Никакие законы не смогут оградить нас от маньяка, обладающего властью врача. Но самое страшное заключается в том, что на протяжении многих лет никто не замечал творимых им преступлений. Министр здравоохранения Алан Милберн и правительство в целом должны немедленно принять меры для предотвращения подобных случаев. И меры эти должны быть радикальными».

И, надо сказать, британское правительство неожиданно быстро отреагировало на эти призывы. Уже в воскресенье утром стало известно, что Алан Милберн распорядился создать независимую комиссию, чтобы люди не потеряли веру во врачей. «Этот человек самым страшным образом разрушил доверие людей к врачам, — сказал министр. — Но если он предал своих пациентов, нельзя допустить, чтобы этот случай разрушил доверие между семейными докторами и пациентами в принципе». Специальная комиссия должна рекомендовать, что же надо сделать, чтобы не допустить повторения совершенных ошибок. По

обещанию министра внутренних дел Дэвида Бланкетта, Шипман умрет в тюрьме».

Однако со временем уже законченное дело Шипмана стало обрастать все новыми и новыми подробностями, и в январе 2001 года председатель независимой комиссии по расследованию деятельности Шипмана Джанет Смит потребовала продолжения расследования его кровавой деятельности, и у следствия появились новые данные. 12 января 2001 года прокуроры приняли решение о начале нового судебного процесса над некогда уважаемым врачом города Хайд, который уже отбывает тюремное заключение. 19 июля 2002 года в официальном отчете итогов расследования, возглавляемого Джанет Смит, полиция обнародовала предварительные результаты и выводы. В высоком суде Лондона по результатам работы криминалистов было сообщено, что за четверть века этот человек умертвил не менее 215 своих пациентов. Было установлено, что Шипман покончил со 171 женщиной и 44 мужчинами в возрасте от 41 до 93 лет, впрыснув им в вену яд. Результаты были основаны на данных расследования и медицинских отчетах, а также на показаниях почти 2,5 тысяч медиков и родственников погибших. Жертвами маньяка стали жители графства Западный Йоркшир — городов Хайд и Тодморден. Теперь было установлено, что одним из главных мотивов преступлений Шипмана стала жадность — он подделывал завещания убитых им людей.

Новый судебный процесс никак не изменил участи Шипмана, которого уже осудили на 15 пожизненных заключений, но принес облегчение родственникам возможных жертв. «Если вы заявляете, что, возможно, это было убийство, то его надо расследовать, — говорит дочь одной из возможных жертв доктора. — Нельзя забыть о нем только потому, что были и другие убийства».

Но и на этом следствие не закончилось, потому что в мае 2003 года разразился очередной скандал, связанный с Шипманом. Теперь — тюремный. Выяснилось, что серийный убийца оказывал помощь и заботился о пожилых пациентах в больничном крыле тюрьмы Frankland в Дареме. Шокирующие преступления Шипмана почему-то были оставлены без внимания администрацией тюрьмы. Факт участия Шипмана в помощи другим заключенным вскрылся в ходе проверки документации и тюремных отчетов. По отзывам возмущенных родственников жертв, «это все равно, что доверить педофилу детей».

Это событие дало толчок очередному витку дела Шипмана. Полиция продолжила следствие, но о новых обвинениях Шипман не узнал. 13 января 2004 года, за день до своего 58-летия он совершил последнее убийство в своей жизни — покончил с собой,

повесившись на простынях, привязанных к оконной решетке в тюрьме Уэйкфилда. Медики два часа боролись за его жизнь, но спасти не смогли. Как сообщили представители тюрьмы, заключенный повесился после того, как был лишен привилегий за грубое отношение к персоналу тюрьмы и другим заключенным: у него отняли телевизор и заставили ходить только в тюремной одежде. По мнению адвоката Шипмана, причиной смерти стала вынужденная изоляция его клиента от окружающего мира и нормального образа жизни. Администрация тюрьмы отметила, что никаких суицидальных настроений у Шипмана никогда не было. Он даже планировал подать апелляцию на смягчение приговора. Родственники жертв Доктора Смерть сожалели о его самоубийстве — они считают, что он слишком легко отделался.

Неизвестно, на что рассчитывал маньяк, собираясь просить о помиловании, но дело не закончилось даже после его смерти. Уже после того как Шипман умер, 19 января 2004 года, следователи объявили, что его жертвами могли стать еще как минимум 137 человек. А в апреле 2004 года появилась информация, что Гарольд Шипман начал отсчет убийств еще в то время, когда стажировался в больнице Pontefract General Infirmary в Западном Йоркшире — за четыре года до начала частной практики. Как выяснили следователи, ранее неизвестные им убийства произошли между 1970-м и 1974 годом. Причем среди жертв было много детей, в частности четверо младенцев. Несколько месяцев следователи разыскивали родственников пациентов, свидетельства о смерти которых были выданы Шипманом 30 лет назад. Всего в ходе следствия изучались обстоятельства гибели 888 человек в период 1975–1998 годов, и только в 394 случаях не был обнаружен след Шипмана. Не исключено, что истинное число жертв злодея — 494 пациента. Британские СМИ назвали Гарольда Шипмана самым страшным серийным убийцей в истории человечества.

Русский каннибал

Михаил Новоселов — русский серийный убийца-некрофил и каннибал, на счету которого, по меньшей мере, 22 человеческих жизни.

Почему некоторые люди становятся убийцами, садистами, каннибалами? Всегда ли причиной превращения обычного нормального человека в жестокого маньяка является психическое заболевание? Ведь время от времени специалисты выдают в отношении обвиняемых в подобных преступлениях лиц вердикт: нормален, за свои действия отвечает.

Зловещая «перестройка» сознания, дающая возможность легко перешагивать через общепринятые нормы, по счастью, происходит далеко не у всех людей, попавших в сложные обстоятельства. Однако у некоторых homo sapiens житейские проблемы могут спровоцировать развитие таких качеств, которые затем заставляют окружающих содрогаться от ужаса. Крайней патологией считается, например, эротическое влечение к мертвым (некрофилия). Большинство людей испытывают к некрофилам лишь отвращение и ужас, но, тем не менее, подобные монстры время от времени встречаются во всех уголках мира.

Михаил Новоселов, уроженец удмуртского города Сарапула, которого называют одним из самых страшных маньяков современности, считает, что его жизнь перевернул один случай. В 1980 году, уже выйдя на свободу после первой отсидки, он решил найти себе женщину. Михаил легко договорился с симпатичной проституткой, заплатив ей за всю ночь. Однако уже минут через 20 сия дама покинула неудачливого любовника, жестоко высмеяв напоследок его несостоятельность и посоветовав. купить маленький домкратик. С того момента нормальные отношения с женщиной стали казаться Михаилу невозможными; постыдное поражение не забывалось, не давало покоя, заставило обозлиться на весь свет.

На кровавый путь маньяка Новиков вступил, убив в городе Чайковском (Пермская область), куда занесла его судьба, неподалеку от популярного местного ресторана незнакомую девушку. Монстр и сам испугался, не содеянного, нет — немедленного разоблачения. Но его словно магнитом тянуло на место преступления. Вернувшись к уже холодному телу жертвы спустя пару часов, Новиков понял, чего, собственно, хочет.

Откровения маньяка позднее шокировали даже видавших виды специалистов. Так, на допросе он спокойно «просвещал»

следователя: «Труп — это те же самые «суточные щи». Чем больше лежит и «томится», тем лучше становится. Этого просто так не поймешь. Это надо попробовать». Затем Новиков доводил до тошноты работников угрозыска, не отличавшихся, в общем-то, особой впечатлительностью и слабыми нервами, вопросами типа: совокуплялись ли они когда-нибудь с шестилетней девочкой, пролежавшей мертвой дватри часа на солнце?

С будущими жертвами убийца-некрофил знакомился легко, представляясь то профессиональным фотографом, то художником, то геологом или маляром. Необходимые «корочки» на все вышеперечисленные специальности у него имелись. Обычно хватало упоминания об исключительности внешности очередной девушки, сопоставления ее с моделью, позировавшей для известного журнала, — и Михаил завязывал новое знакомство. Затем он отправлялся с ничего не подозревающей жертвой на прогулку, отвлекал ее оживленной болтовней, а дальше. «Почерк» этого маньяка и стандартность схемы убийства быстро дали понять работникам угрозыска, что им предстоит искать одного конкретного человека, вернее — монстра. Новоселов бил жертву по затылку чем-нибудь тяжелым, затем душил. Лишь однажды он отступил от отработанной схемы; двоих малолетних ребят (мальчика и девочку) изверг убил остро отточенным электродом, который прятал под сиденьем своего велосипеда. Тела детей он тогда утопил в арыке, предварительно вытащив из карманов убитых им же подаренную жвачку. Он собирался ее подарить кому-нибудь другому. После совершения очередного преступления маньяк, кстати, никогда не брезговал обчистить карманы жертв, забирая даже носовые платки и пудреницы. Примечательно, что окружающие продолжали считать некрофила человеком «душевным»; изверга охотно пускали на ночлег, кормили, давали одежду на дорогу. В Душанбе, в психиатрической больнице, где Новоселов работал около полугода, маньяка вообще характеризовали как глубоко порядочную, кристально чистую личность с широким кругозором.

Ни возраст, ни пол убитых Новоселова особенно не волновали. Для его целей подходили и дети, и подростки, и взрослые. Возраст жертв маньяка колебался от 6 до 50 лет! Понравились извергу мальчик или женщина — и он отправлялся на очередную «охоту». Тем не менее, его мозги работали вполне нормально: мужчина «подстраховал» себя тремя паспортами (на фамилии Новоселов, Светлов и Шахрайзиев), при случае пользовался характерным акцентом, был крайне подозрительным и осторожным. Несмотря на то что в тюрьме он сидел неоднократно, за сексуальные преступления некрофил туда не

попадал. Первый раз Новоселов загремел за решетку еще в 17 лет, после того, как, поспорив с двумя мужиками, порезал ножом их обоих. Тогда, правда, до убийства дело не дошло. Примечательно, что маньяк спокойно констатирует: тот случай даже в памяти как-то не отложился — с кем не бывает! Несколько раз его досрочно освобождали за примерное поведение, а время от времени выручала вовремя подвернувшаяся амнистия. На счету Новоселова также числится пара побегов. Во время же вынужденных «отпусков» он, имевший кое-какие художественные способности, малевал на заказ всякие панно; сюжеты таких «произведений искусства» банальны: пейзажи, детвора, играющая на берегу реки, лебеди в пруду.

Но больше всего маньяку нравится философствовать по поводу. несовершенства нашего грешного мира! Мол, озлобились все, стали прямо как звери, черствые, жестокие, из-за рубля друг друга удавить могут. О себе некрофил рассказывает охотно, подробно и детально, сокрушаясь: «Я почему убивал? Не со зла ведь. Жизни половой хотел. А что мне делать, если у меня только с трупами получается?»

Особых заслуг милиции в том, что маньяк в очередной раз загремел за решетку, нет. Просто в один из дней Новоселову приспичило стянуть из тира в центральном парке Душанбе пневматическую винтовку. Убиватьто он умел, а вот красть, похоже, не очень. Некрофила сразу же схватили и водворили в СИЗО. На неумелого ворюгу успели завести стандартное уголовное дело, не чреватое никакими «сюрпризами», но тут. Позвонили оперативники из соседнего района, попросили не спускать с задержанного глаз и предупредили: высылаем свою бригаду.

Новоселов озадаченных работников угрозыска «просветил»: мол, повышенный интерес к его скромной персоне — только следствие «позаимствованной» пары мешков с урюком. Но спустя несколько дней оказалось, что Новоселова обвиняют вовсе не в банальной мелкой краже, а в трех убийствах с изнасилованием, совершенных в Таждикистане. Маньяк, кстати, не особенно отпирался. Уже на первых допросах он признался в совершении указанных преступлений, а также еще в трех аналогичных убийствах в Таджикистане и 16 — в России. Подтверждение словам некрофила нашлось быстро, когда следственная бригада произвела эксгумацию останков детей в захоронениях, которые указал сам Новоселов. Оказалось, что вычислить убийцу и установить серийность убийств ранее не позволяла его страсть к путешествиям. Влекомый жаждой убийства, монстр легко срывался с места, колесил от Удмуртии до Сибири, всюду

оставляя кровавые «следы». При этом Новоселов очень не любит, когда его называют некрофилом, утверждая, что самое подходящее для него название — бунтарь.

Новоселов говорит, что прекрасно понимает: ему «светит» высшая мера наказания — как по таджикским, так и по российским законам. Поэтому маньяк не видит смысла отпираться или выдумывать. К слову, он утверждает, будто еще перед второй отсидкой просил собственную жену вызвать наряд милиции, поскольку хотел «многое им рассказать». Супруга некрофила тогда еще ничего не знала о том, с каким монстром связала свою жизнь. Спустя пару дней Новоселов в очередной раз получил срок — за побег с поселения. Рассказать о совершенных убийствах у него тогда не хватило духу. В самой колонии маньяк тоже пару раз порывался написать явку с повинной, но испугался и отмолчался.

Кстати, мать Новоселова давно считала сына без вести пропавшим, поскольку за многие годы, проведенные вне дома, маньяк ни разу не удосужился подать о себе весточку. Уж лучше бы она оказалась права!

Сидя в следственном изоляторе, убийца снова просил разрешения состряпать очередное художественное панно на его стене. Но тюремные власти в восторг от этой идеи не пришли и в просьбе отказали.

Процесс врачей из Макеевки: торговля младенцами или акт милосердия?

Процесс врачей из Макеевки, торговавших новорожденными, стал одним из многих, где фигурировали медики. До него было громкое дело о лъвовских врачах, продававших детей за границу, потом — о медиках из Харькова, наладивших аналогичный бизнес… Газеты захлебывались от возмущения и печатали устрашающие статистические сведения: незаконная торговля детьми соперничает по обороту с нелегальным распространением оружия и наркотиков. И все же в деле врачей из Макеевки есть моменты, которые заставляют задуматься: действия врачей были продиктованы алчностью или же перед нами тот случай, когда закон и милосердие разошлись во взглядах?

Дело врачей из Макеевки не поражает ни размахом, ни астрономическими суммами. Было установлено всего четыре эпизода продажи детей. Да и вознаграждение, по нынешним меркам, было чисто символическим: 300–500 долларов.

Вторая городская больница Макеевки была на хорошем счету: ее коллектив не раз награждали дипломами за вклад в развитие охраны здоровья, отделение пульмонологии вообще считалось уникальным. В роддоме — чистота и порядок, в месяц здесь появлялось на свет 100–120 новорожденных. Так продолжалось вплоть до июня 2004 года. Именно тогда прокуратура Донецкой области возбудила уголовные дела против заведующей родильным отделением Макеевской городской больницы № 2, заместителя главного врача и заведующего отделением новорожденных. Фамилии обвиняемых вначале не разглашались — в интересах следствия. Десятого июня подозреваемые были задержаны прямо на рабочих местах.

Обстоятельства первого эпизода были весьма необычными. В апреле к доктору Бондаренко обратилась пятнадцатилетняя учащаяся ПТУ Иванова. Девушка была напугана и просила врачей направить ее на аборт так, чтобы никто ничего не узнал. По ее подсчетам, срок беременности составлял уже шесть месяцев. Естественно, ни о каком аборте на таком сроке речь не шла. Бондаренко пошел навстречу пациентке и вызвал искусственные роды. Никто даже и предположить не мог, что девушка ошиблась в расчетах почти на месяц и плод окажется жизнеспособным.

Доктор Петрова (заведующая родильным отделением) отнесла девочку в детское отделение. Его заведующая Ольга Семенова приняла на себя ответственность за выхаживание неучтенного ребенка.

В первые минуты после появления на свет новорожденная девочка не подавала признаков жизни. Ее попытались реанимировать, буквально вытащили с того света. По закону врачи могли просто выбросить недоношенный плод — оставить умирать крошечное существо, которое, вопреки всем предписаниям и инструкциям, цеплялось за жизнь. Но они выполнили другой долг — долг милосердия. Так в роддоме появилась «ничейная» девочка. Искать мать медики не стали: во-первых, она пришла с целью избавиться от нежелательной беременности, во-вторых, скорее всего, указала фальшивые данные — чтобы, не дай бог, не узнали родители и знакомые. Вскоре встал вопрос: что делать с ребенком? Бесконечно держать девочку в больнице невозможно, регистрировать ее сразу не стали — боялись, что не выживет, а потом стало не до этого. Все решил случай.

В Макеевку к друзьям приехала семья Нееловых из Днепропетровска — вполне благополучные люди, обоим под тридцать. Нееловы никак не могли завести ребенка. Услышав о девочке, лежащей в роддоме, они решили, что судьба наконец-то улыбнулась им. Девятого июня муж с женой приехали в роддом. Девочка им понравилась, и на следующий день они приехали за малюткой. Разумеется, они не могли просто уйти, поэтому решили отблагодарить врачей, подаривших им надежду. Нееловы захватили с собой шампанское и 500 долларов. Но когда они вручили деньги врачам, оказалось, что все их действия фиксируют видеокамеры.

Следователь по особо важным делам прокуратуры Донецкой области Валерий Полищук, комментируя для журналистов операцию по задержанию врачей, назвал ее уникальной. Ведь к ней были подключены Макеевский горотдел милиции, спецотдел по борьбе с коррупцией и взяточничеством областного УВД, областная прокуратура.

По чьей наводке проводилась в роддоме операция, так и не известно. Но факт остается фактом: сотрудники больницы Бондаренко и Петрова были арестованы, с других попавших в кадр медиков взяли подписку о невыезде, а девочку отправили в детскую больницу. Врачам предъявили обвинение по четырем статьям Уголовного кодекса: злоупотребление служебным положением, служебный подлог, похищение человека и торговля людьми. Газеты тут же подняли шумиху: медиков называли чуть

ли не работорговцами, проводили журналистские расследования. Работа роддома была парализована. Оставшихся рожениц быстро выписали, а сам роддом закрыли на санпрофилактику.

Следствие длилось семь месяцев. За это время удалось собрать сведения еще о трех случаях продажи детей.

Когда адвокаты пытались настаивать на том, что действия врачей были продиктованы в первую очередь интересами новорожденных — ведь всем прекрасно известно, в каких ужасных условиях живут воспитанники приютов и детских домов! — они натыкались на стену глухого непонимания. Позицию правосудия в этом вопросе лучше всего сформулировал Валерий Полищук: «Все попытки адвокатов придать делу морально-этическую окраску не выдерживают никакой критики. Имеется «товар» — ребенок — и есть уплаченные за него деньги. То есть сделка купли-продажи состоялась. Задеты государственные интересы и нарушены права детей. Никому, кроме государства, не дано право распоряжаться их судьбой. Есть определенный порядок усыновления, и его нарушение квалифицируется как преступление. Почему Бондаренко и Петрова взяли на себя такую миссию, мне непонятно».

Действительно, с точки зрения Семейного кодекса Украины, врачи совершили преступление. Закон в этом случае настаивает на двух моментах: во-первых, усыновлять детей можно только с двухмесячного возраста. Во-вторых, существует понятие тайны усыновления. Эти два момента противоречат друг другу. Ведь двухмесячного малыша невозможно выдать за новорожденного! А значит, приемная мать должна надолго уезжать из дому, имитировать беременность, потом усыновлять ребенка и где-то полгода жить с ним вдали от знакомых и родственников — пока не сотрется очевидная разница в возрасте! Самое интересное, что содержание ребенка в интернате или семейном детском доме обходится недешево — от трех до семи тысяч гривен. Казалось бы, при усыновлении из роддома должен выигрывать и бюджет, и приемные родители, и сам ребенок. Но представители Закона склонны доверять его букве, а не духу.

На суде произошло несколько душераздирающих эпизодов. Одна из бывших пациенток больницы, направленная на аборт в связи с тяжелым состоянием плода, обвиняла врачей в злом умысле: дескать, специально написали диагноз, а потом продали моего ребенка. Но нашлись свидетели, которые утверждали совсем другое: она сама обратилась в больницу и попросила сделать аборт «по социальным показаниям». Журналисты, принимавшие участие в расследовании, приехали к этой пациентке домой. Картина, которую они увидели, была далеко не

привлекательной: пустые бутылки из-под водки, ужасная теснота (кроме Лены, в семье еще четверо детей). Родители ее не работают, да к тому же две ее незамужних сестры тоже беременны. Так что вполне понятно, что версия о нежелании Лены рожать выглядит гораздо правдоподобнее легенды о злом умысле врачей. Впрочем, она, в отличие от Ивановой, когда узнала, что ее ребенок выжил, решила забрать его. Интересно, что о судьбе своего ребенка Иванова узнала от следователя. При этом ей не предоставили никаких материалов — ни знаменитых видеоматериалов (которые, кстати в обвинительном заключении не фигурировали), ни фотографий. Просто сказали: твой ребенок у такой-то женщины.

Создавалось впечатление, что дело врачей из Макеевки — это организованная травля медиков. Их вывозили в наручниках в центр города, фотографировали в унизительных позах на глазах у всех. Но самым тяжким испытанием для них стали действия правоохранителей. 19 июня Червоногвардейский районный суд Макеевки решил освободить подследственных из-под стражи и на период дальнейшего следствия определил им меру пресечения в виде подписки о невыезде. Бондаренко и Петрова вышли из зала суда. Они собирались вернуться домой, к семьям, хоть как-то отдохнуть от пережитого в СИЗО. Но буквально на выходе из здания на них надели наручники, на сей раз предъявив обвинение во взяточничестве.

У Петровой в результате случился сердечный приступ. Адвокат обвиняемой, Герасимова, заявила протест: «...Следователь Полищук В. Ф. прямо в зале суда 19.06.04. в 18 час. 40 мин, задержал мою подзащитную по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ст. 368 ч.1 УК Украины, о котором ему было известно с момента первого ее задержания, что является недопустимым». Но протест был отклонен. Петрова вернулась в СИЗО. Даже в этих условиях она не забыла о клятве Гиппократа и приняла роды у соседки по камере. Но никому не было до этого дела.

Тем временем следствие не теряло времени даром. Отыскали еще троих детей, которых «купили» жители Макеевки. Журналистам сообщили, что двум «ничейным» младенцам около трех месяцев, а третья малышка — годовалого возраста. Врачам, кроме того, предъявили обвинение в 10 случаях взяток.

После завершения следствия, в ходе нового судебного процесса Червоногвардейский районный суд города Макеевки приговорил заведующую родильным отделением, заместителя главврача и заведующую отделением новорожденных по статье «незаконное усыновление» к трем годам условного заключения с

отсрочкой на один год. Остальные фигуранты по этому делу были оправданы. Прокуратура Донецкой области намерена обжаловать приговор, ибо в результате поражение потерпели все: и врачи, которых еще до вынесения приговора объявили преступниками, и сами новорожденные, и те приемные матери, которые надеялись на то, что у них наконец-то будет полноценная семья.

Процесс над бандой братьев Мурашовых

Процесс по делу участников так называемой банды братьев Мурашовых, занимавшихся грабежами и разбоями, закончился в июле 2005 года. Члены банды были приговорены к разным срокам заключения (от 10 до 14 лет) в колонии строгого режима.

Московский областной суд поставил точку в истории преступной группы, которой руководил 37-летний уроженец Грузии Спартак Мурашов. «Под началом» у него «работал» старший брат, 43-летний Михаил, 35летняя Эльмира Кудинова и 34-летний Сергей Веденин. В течение нескольких лет эти лица находили своих жертв, пользуясь журналами «Недвижимость и цены» и «Недвижимость без посредников». В них время от времени мелькало объявление о том, что в Подмосковье, в поселке Кратово Раменского района за 70 000 — 75 000 долларов продается коттедж. Обычно звонка от потенциальных покупателей бандитам долго ждать не приходилось, поскольку и место расположения, и цена дома были весьма привлекательными. К слову, следственным органам так и не удалось отыскать коттедж, который преступники предлагали продать. Скорее всего, какая-то постройка, используемая для этих целей, находилась отнюдь не в Кратове, тем более что все пострадавшие единодушно утверждают: по дороге «продавцы» болтали без умолку, отвлекая от окрестных пейзажей. Так что запомнить дорогу к коттеджу не сумел никто.

В начале июля 2003 года на объявление бандитов откликнулись две сестры-москвички. Собственно, дом хотела приобрести одна из них, а другая просто составила ей компанию в поездке. Позднее женщина говорила, что в течение последнего года у ее мужа-предпринимателя дела шли неплохо и он стал мечтать о собственном доме. Но заниматься поиском подходящих вариантов мужчине было некогда, поэтому общение с посредниками и осмотр выставленного на продажу жилья его супруга взяла на себя. Поскольку семья все же не располагала значительной свободной суммой, коттедж за 70 000 «зеленых» обратил на себя внимание потенциальных покупателей.

Сестры связались с предполагаемой хозяйкой дома Еленой (ее роль взяла на себя Эльмира Кудинова) и договорились о встрече. Женщины в назначенное время появились на платформе Быково, где их уже поджидал «вольво-750», в котором сидела

Кудинова. Покупательниц отвезли в частный дом, достоинства которого «Елена» восторженно расписывала по дороге. Когда машина остановилась у одиноко стоявшего на поляне коттеджа и пассажиры вошли внутрь здания, то оказалось, что женщин там ждут весьма характерного типа мрачные личности с явными криминальными наклонностями. Москвичек затолкали в какую-то кладовку. Под угрозой оружия они отдали бандитам всю имевшуюся у них наличность, ювелирные украшения, ключи от квартир, сообщили, где лежат деньги. Братья Мурашовы как раз собирались совершить рейд за указанными суммами, когда одна из сестер сказала, что ее муж сейчас должен быть дома. Бандиты холодно констатировали: они не собираются откладывать поездку, а всех, кто будет в момент грабежа находиться в квартире, попросту пристрелят. Тогда обманутая покупательница еле уговорила гангстеров позволить ей выманить ничего не подозревавшего мужа из дому. Она позвонила супругу и сообщила, что сестра сильно повредила ногу, так что ее нужно срочно доставить в больницу. Мужчина спешно собрался и отбыл в указанном направлении. За его отъездом наблюдали Мурашовы. Как только путь был свободен, они ограбили квартиру, забрав более 10 000 долларов и ювелирные украшения, и исчезли. По счастью, убийство в планы налетчиков не входило, так что обеих сестер они просто вывезли в лесополосу, вытолкнули из машины и скрылись. Понятно, что потерпевшие сразу же обратились в милицию. Оперативники старательно прочесали Кратово, но дома, в котором жили грабители, так и не нашли.

Прошло всего три месяца, и на коттедж-наживку «клюнул» следующий покупатель. Им стал главный редактор газеты «На Рублевке», 26-летний Эдуард Дорожкин, прельстившийся перспективой приобрести за 75 000 долларов жилье в столь хорошем месте. На сей раз покупателя, прибывшего 9 сентября на платформу Быково, ждали «жигули»; в машине сидели «продавцы» — молодая «семейная пара». Женщина снова всю дорогу трещала о предмете предполагаемой сделки, не давая сосредоточиться на мысли, куда же все-таки следует автомобиль. Парень даже не сразу отреагировал на остановку: водитель почему-то вздумал подвезти «голосовавшего» у дороги мужчину. Все стало на свои места, когда новый пассажир пару раз огрел редактора по голове рукоятью пистолета.

Закованного в наручники молодого человека затолкали в какой-то дом, жестоко избили и бросили в подвал. Гангстеры старательно проверили карманы Дорожкина, забрали 300 долларов наличными и кредитную карточку, на которой лежала еще всего лишь сотня. Как и в первый раз, бандиты решили

обчистить квартиру жертвы, но в итоге побоялись это сделать (дом, в котором жил незадачливый редактор, усиленно охранялся). Вместо этого Мурашовы заставили свою жертву написать расписку на 30 000 долларов. Деньги следовало перевести на кредитку, находившуюся у них в руках. Спустя четыре дня после похищения парня отпустили, однако связаться с УБОПом ГУВД Московской области он сразу не смог, поскольку угодил в больницу с серьезным сотрясением мозга и переломанными ребрами, не говоря уже об ушибах и синяках.

Следующее преступление, совершенное бандой, стало «пиком» ее карьеры. «Интеллигентные» грабители польстились на новенький автомобиль престижной модели — шикарный «вольво-8-90». Но угнать машину оказалось не так просто. К тому же не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять: у человека, катающегося на таком чуде техники, должны водиться денежки. И тогда Мурашовы разработали оригинальный план.

Хозяйка приглянувшегося гангстерам автомобиля, некая молодая дама, стала ежедневно получать букеты от неизвестного поклонника, которые приносила одна и та же женщина-курьер. То, что ею была все та же Кудинова, пожалуй читателя не удивит. В течение двух недель дама настолько привыкла к визитам «посыльной», что начала безбоязненно открывать преступнице двери. Наконец, Кудинова позвонила «клиентке» и извиняющимся тоном сообщила: поклонник преподнес букет таких немыслимых размеров, что принести его одному человеку не представляется возможным, так что придется нанять двух носильщиков.

Польщенная дама открыла двери, будучи твердо уверенной, что парочка дюжих амбалов, сопровождавших «курьера», именно те самые носильщики. Бандиты же, связав жертву, избили ее, затем забрали ключи от «вольво», имевшиеся в квартире ювелирные украшения и 10 000 долларов. Интересно, что спустя пару дней Мурашовы позвонили ограбленной и. предложили выкупить у них ее же машину за 7 000 «зеленых». Поскольку девушка наотрез отказалась от «взаимовыгодного» соглашения, в октябре 2003 года гангстеры дали объявление о продаже угнанного автомобиля в газету. Престижную иномарку пытались сбыть с рук за 15 000 долларов. Но под видом потенциальных покупателей с ними на сей раз связались оперативники областного Управления по борьбе с организованной преступностью. Убоповцы вышли на подозреваемую Кудинову, совершив пару рейдов по редакциям газет, которые публикуют объявления о купле-продаже, а затем обнаружили поданное ею объявление о продаже «вольво».

«Продавцов» взяли в селе Новое Раменского района, в

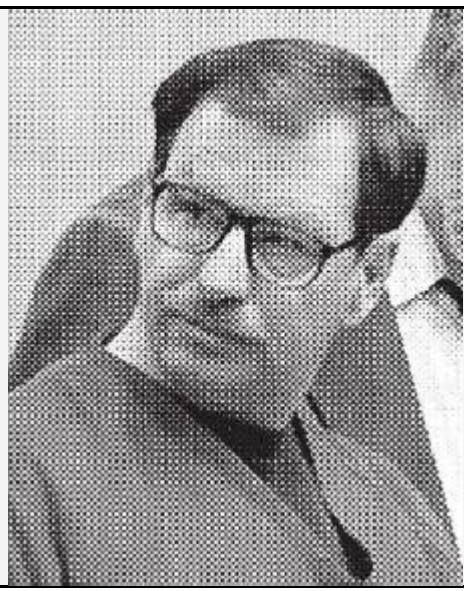
частном доме, служившем банде штаб-квартирой. В огороженном высоким забором дворе стояло несколько полуразобранных и целых машин, среди которых была и упомянутая выше иномарка. В подвале дома, кстати, была найдена целая россыпь автомобильных номеров и несколько ящиков запчастей неизвестного происхождения. Пытаясь скрыться, гангстеры удирали через окна, по дороге выбрасывая имевшееся у них оружие. Пистолеты Макарова, ТТ (один из них, кстати, был утерян в 1995 году сотрудником Кемеровского УВД в Чечне), патроны и даже гранаты местные бабушки находили затем у себя на огородах; старушки до сих пор не перестают удивляться, насколько обманчивой может оказаться внешность человека. Ведь братья Мурашовы и двое их подручных производили самое благоприятное впечатление, были неизменно предупредительны и вежливы!

Во время обыска у «:приятных ребят» оперативники обнаружили пять пистолетов, три боевые гранаты, две тротиловые шашки в полкило весом, бикфордов шнур, два электродетонатора, пять глушителей, массу патронов различного калибра. А похищенное золото и кредитные карточки нашлись дома у Кудиновой. Она, кстати, одна из всей банды в свободное от грабежей время зарабатывала более мирным способом: женщина покупала в «Лужниках» ширпотреб, который затем перепродавала на рынке в Раменском.

Во время слушания дела в суде главарь банды, Спартак Мурашов, вел себя иронически-вызывающе, видимо, гангстер не верил, что его могут посадить за решетку. Остальные участники криминальной группы выглядели куда более кисло, поскольку реальную обстановку воспринимали в общем-то трезво. В итоге, 26 июля 2005 года Московский областной суд вынес приговор известной в столичном регионе «банде Спартака». Всем четверым подельникам предстоит долгое время видеть небо в клеточку, сидя в колонии строгого режима. За бандитизм, разбои и грабежи главарь группы был приговорен к 14 годам заключения, его брат — к 13. Эльвире Кудиновой судьи назначили меру наказания в виде 10 лет колонии, а четвертому члену банды, Сергею Веденину, предстоит провести в этом же заведении на год дольше.

Зловещий убийца с Грин-Ривер

Согласно статистике, США занимает первое место в мире по количеству серийных убийц, которые время от времени наводят ужас на жителей небольших местечек и мегаполисов. В штате Вашингтон и близлежащих регионах в разные годы действовало несколько печально известных серийных убийц. В их списке значится и убийца с Грин-Ривер, следствие по делу которого длилось более 17 лет. История расследования его кровавых преступлений очень похожа на голливудский триллер…



Гэри Леон Риджвей

Кровавый отсчет жертв убийцы начался 15 июля 1982 года. В тот день из реки Грин-Ривер неподалеку от Кента было выловлено тело молодой женщины, ее звали Вэнди Ли Коффилд. А в местных газетах появились первые сообщения об этом жутком убийстве. Репортеры криминальной хроники тогда еще не подозревали, что экстренные выпуски газет с леденящими кровь заголовками о преступлениях маньяка с ГринРивер будут выходить с периодичностью от двух до семи дней. В период с 15 июля по 16 сентября 1982 года преступник жестоко убил 10 женщин!

Линде Джейн Рул было всего 16 лет. Она сбежала из дома и,

чтобы заработать себе на жизнь, занималась проституцией. Знакомые знали ее как Зигги. Именно ей суждено было стать десятой жертвой кровавого маньяка с Грин-Ривер. Как потом установит следствие, 16 сентября 1982 года ее последний раз видели в гостинице «Аврора» Сиэтла, откуда Линда Рул отправилась в магазин за покупками. Ее тело обнаружили в канаве рядом с больницей Northwest только четыре месяца спустя.

Спустя несколько месяцев после обнаружения первого тела полиция обнаружила тела еще трех жертв. Как писали местные СМИ, после первых четырех убийств девушки начали пропадать в штате Вашингтон с пугающим постоянством. Так продолжалось до 1984 года. Затем трупы стали находить не только на берегу реки Грин-Ривер, но и в кустарнике возле отдаленных трасс, ведущих из Сиэтла в соседние города. Волна нападений и убийств повторилась в 1986-м, 1987-м, 1990-х годах. Как позднее установит следствие, свое последнее убийство преступник совершил в 1998 году. Согласно заключениям экспертов, каждая жертва подвергалась изнасилованию в извращенной форме, после чего нападавший душил ее. Обнаженное изуродованное тело убийца, как правило, оставлял на берегу реки Грин-Ривер. Жертвами маньяка были в основном проститутки, наркоманки или девушки, сбежавшие из неблагополучных семей.

Спустя почти год после первого преступления маньяка следствие зашло в тупик. Тогда свою помощь полиции предложил другой серийный маньяк — Тэд Банди, зверски убивший около 100 женщин, но признавшийся лишь в 36 убийствах. В то время он находился в тюрьме, ожидая смертной казни. Тэд Банди писал следователям письма, в которых детально рассказывал о том, как бы он вел себя, если бы был маньяком с Грин-Ривер. Именно Банди правильно предположил, что убийца знал всех своих жертв или знакомился с ними непосредственно перед убийством. Он также подсказал следователям, почему преступник всегда оставлял растерзанные тела женщин в одних и тех же местах: «Он относится к своим жертвам как к мусору, поэтому у него есть несколько постоянных «свалок», куда он их отвозит». К тому же именно Тэду Банди удалось убедить следователя в том, что эти захоронения расположены недалеко от дома, где живет убийца. Банди оказал неоценимую помощь сотрудникам ФБР и помог понять, как смотрит на это дело серийный убийца. Его советы оказались настолько ценными, что он был фактически включен в следственную группу в качестве эксперта.

В 1985 году по обвинению в убийстве женщин полицией по фотороботу, составленному со слов свидетеля преступления, совершенного в 1984 году, был арестован житель местечка Обури

Гэри Леон Риджвей. Он оказался знакомым одной из жертв (№ 21) — Мэри Малвар. Свидетель сообщил, что видел, как девушка садилась в пикап, за рулем которого находился Риджвей.

Гэри Риджвей ничем не отличался от среднестатистического американца. Низкорослый и тощий, в очках, с тонкими волосами и жидкими песчаного цвета усами он был скорее похож на типичного интелигента-неудачника. Риджвей работал в небольшом магазинчике, где продавал картины, а затем перешел на более высокооплачиваемую работу и занялся покраской автомобилей.

Гэри Леон Риджвей родился 18 февраля 1949 года в семье Тома и Мэри Риджвей в штате Юта. Он был дважды женат, имел от второго брака сына Мэтью. А спустя шесть лет после рождения ребенка в 1981 году развелся со своей второй женой Маршей Винслоу. Личная жизнь Гэри Риджвея не складывалась. Озлобленность и досада постепенно превратились в осознанное желание уничтожать, мстя женщинам за их равнодушие к нему.

По факту задержания было проведено следствие, но доказательств против Риджвея было недостаточно. Маньяк тогда даже дал показания на детекторе лжи, но сумел убедить следствие в своей невиновности.

В 1987 году Гэри Риджвей снова попал под подозрение. В его доме провели тщательный обыск и взяли на анализ частицы его слюны, чтобы идентифицировать ДНК Риджвея с образцами, полученными в ходе обследования трупов первых жертв. Но сравнительный анализ на ДНК был проведен только 13 лет спустя, когда достижения криминалистической науки могли позволить провести необходимый тест. Он дал положительный результат. Кроме того, у следствия появилась информация о том, что подозреваемый с раннего детства страдал тягой к насилию. Еще в 17 лет Гэри Риджвей нанес несколько ударов ножом семилетнему мальчишке, хотя подробности этого происшествия не разглашались.

Лишь спустя три года после последнего преступления — в 2001 году — полиции удалось задержать серийного маньяка. В его розыске приняли участие лучшие специалисты полиции и ФБР.

Гэри Риджвей арестовали в его доме 30 ноября 2001 года. Был проведен сравнительный анализ ДНК и исследование одежды. Их результаты подтвердили причастность Риджвея как минимум к 7 убийствам, хотя арестованный еще полтора года отказывался признать свою вину.

Лишь в июне 2003 года, когда Гэри Риджвея перевели из тюрьмы в психиатрическую больницу, он решил сотрудничать с

полицией, указав места захоронения своих жертв. Основной причиной, по которой преступник сделал это, стало его желание избежать смертной казни.

К началу 2004 года стало известно, что на счету сексуального маньяка 49 убитых женщин. На пресс-конференции, организованной перед началом судебного заседания, судья Мейлинг на предложение адвоката Гэри Риджвея Тони Сэводжа о сотрудничестве подсудимого со следствием заявил: «Я не согласен заключать сделку, если уголовное дело заслуживает смертной казни для подсудимого. А это именно тот случай. Задача суда состоит в том, чтобы правосудие восторжествовало». Он также подчеркнул необходимость вынесения справедливого приговора присяжными, потому что наконец-то появилась возможность пролить свет на большинство преступлений, совершенных на берегу Грин-Ривер.

Судебные слушания начались в октябре 2003 года. Во время процесса по делу Гэри Леона Риджвея полицией были приняты беспрецедентные меры безопасности. В зале суда присутствовало несколько десятков охранников, а всех входящих обыскивали при помощи металлодетектора. Група обвинения состояла из четырех человек: главный представитель обвинения Тим Брэдшоу, а также Джеф Бэрд, Патрисия Икее и Брайен Макдоналд. Краеугольным камнем обвинения стала сравнительная экспертиза ДНК, доказавшая причастность Гэри Риджвея к совершенным убийствам. К тому же, по свидетельству экспертов, на теле некоторых жертв были обнаружены микроскопические частицы краски, идентичные той, которая имелась на рабочем месте Риджвея.

Несмотря на то что слушание по делу маньяка с Грин-Ривер было открытым для посетителей, попасть в зал суда было практически невозможно. Все места в зале заняли родственники погибших женщин. Для тех, кто не смог попасть в зал, заседание транслировалось в прямом эфире одним из американских кабельных телеканалов. Никто из родственников и близких Гэри Риджвея на суде не присутствовал.

Во время судебного процесса подсудимый четко отвечал на вопросы обвинения. «Я ненавижу проституток, я не хотел платить им за секс, — признался Риджвей. — Я выбирал проституток в качестве жертв, потому что их легче всего снять и никто не обратит на это внимания. Я также знал, что их исчезновение не скоро заметят, а может, и вообще не заметят. В большинстве случаев, когда я убивал женщин, я не знал их имен. Обычно убивал их в тот же день, когда встречал. Я не помню их лиц. Я убил так много женщин и был сосредоточен исключительно на

том, чтобы убивать. Мне порой было трудно точно вспомнить, скольких женщин я убил».

В официальном заявлении, сделанном Риджвеем на суде, говорилось о том, что он часто прятал тела своих жертв в безлюдных местах, оставляя для себя ориентиры, чтобы в будущем можно было легко найти это место. «Мне нравилось ездить вокруг этих мест и вспоминать о женщинах, которых я там оставил», — рассказывал убийца. «Иногда я убивал женщину и оставлял ее труп в том месте, где собирался разместить целую группу тел, но не возвращался туда, понимая, что это место недостаточно укромное и меня могут заметить или поймать на месте преступления». Как установило следствие, Гэри Риджвей иногда возвращался на место преступления, чтобы заняться сексом с трупом.

Убийца раздевал трупы для того, чтобы их труднее было опознать. Иногда, по признанию самого маньяка, он подкладывал детали одежды или драгоценности в женской раздевалке на работе, с удовольствием наблюдая за тем, как сотрудница в недоумении размышляла: кому принадлежит эта вещь. Некоторые вещи Риджвей оставлял у себя, потом избавляясь от них.

По признанию преступника, большинство жертв он убивал у себя дома или в машине, неподалеку от того места, где с ними знакомился.

Адвокат Риджвея Марк Протеро шокировал публику в телеэфире CNN своим заявлением: «Гэри Риджвей действительно очень приятный человек при общении один на один. Всегда очень вежлив и никоим образом не проявляет гнева. Мне приятно было общаться с ним, Риджвей зарекомендовал себя очень хорошим клиентом». Второй адвокат Риджвея Тони Сэводж в одном из интервью Бибиси заявил: «Коллеги по работе считают его очень милым и вежливым человеком».

Во время судебного процесса выступали родственники погибших. На глазах у многих из них были слезы. Отец убитой Линды Рул, Роберт Рул, обращаясь к маньяку во время судебного заседания, сказал, что прощает его. В ответ Гэри Риджвей разрыдался: «Я сожалею, что принес столько горя всем этим людям. Я благодарен полиции и следователям за то, что им так долго пришлось работать со мной, что они помогли мне вспомнить почти все ужасные преступления, которые я совершил. Я прошу прощения у своей семьи, которой пришлось пройти через весь этот ад. Сожалею о тех женщинах, места захоронения которых мне не удалось вспомнить. Сожалею о том горе, которое я причинил их семьям».

В своей заключительной речи судья Ричард Джонс, обращаясь

к подсудимому Гэри Риджвею, заявил, что «лица убитых вами женщин и то, что вы с ними сделали, навсегда останутся в вашей памяти, снах и мыслях. Если в вашей душе осталась хоть капля эмоций, вас всю вашу жизнь будут преследовать кошмары».

В декабре 2003 года судебный процесс по делу убийцы с Грин-Ривер был завершен. Гэри Лиона Риджвея приговорили к 48 пожизненным срокам и $ 480 000 компенсации семьям погибших.

Несмотря на завершение судебного процесса над серийным маньяком Гэри Леоном Риджвеем, его дело нельзя считать закрытым. Неизвестной остается судьба еще нескольких десятков женщин, пропавших без вести в штате Вашингтон в период с 1982 по 2000 год. Возможно, берега Грин-Ривер продолжают хранить тайны преступлений самого кровавого маньяка за всю историю США.

Рожден, чтоб адом сделать жизнь

Теория о дурной наследственности и врожденных пороках Чезаре Ломброзо, согласно которой человек рождается преступником, получила свое ужасающее подтверждение в лице хладнокровного массового убийцы Ричарда Спека. При анализе крови этого преступника была обнаружена лишняя Y-хромосома, отвечающая за генетическую предрасположенность к преступлениям. У нормального человека в одной клетке 46 хромосом, а у этого убийцы — 47…

Ричард Спек родился 6 декабря 1941 года в г. Кирквуд, штат Иллинойс. Кроме него, в семье было еще шестеро детей — четыре мальчика и две девочки. Их отец Бенжамен Спек, гончар, умер, когда Ричарду исполнилось 5 лет. Его мать, Мэри Маргарет, повторно вышла замуж. В 1950 году она вместе с детьми переехала к мужу в Даллас. Отношения между отчимом и пасынком не сложились. Мальчишка рос вздорным и грубым, плохо учился, часто затевал драки. В 18 лет его арестовали за кражу из автомобиля. Выйдя на свободу, он продолжал дебоширить. Юношу несколько раз задерживали за неподчинение властям.

В январе 1962 года Ричард Спек женился. Его избраннице Ширли тогда едва исполнилось 15 лет. К сожалению, семейная жизнь не сложилась. Ричард Спек очень часто напивался и бил жену, выгонял ее из дома.

В апреле 1966 года в г. Монмаунте, штат Иллинойс, была убита Мэри Пирс. По этому делу Ричард проходил как свидетель (Спек несколько раз пытался навязать ей свое общество, приглашая на свидание), потому что, несмотря на допросы и тщательное расследование, доказательств его вины в этом преступлении найти не удалось.

Ричард Спек практически не работал, перебивался случайными заработками, все свое свободное время читал комиксы, пьянствовал или глотал «колеса». В 1966 году он приехал в Чикаго, где устроился простым матросом на грузовое судно «Рэндэлл». Но уже через несколько месяцев его списали на берег за отказ подчиняться приказам капитана и драку со старшим офицером, зачинщиком которой был Спек. В надежде найти хоть какуюто работу он обратился за помощью к своей сестре Марте Торнтон. Она одолжила ему денег и предложила обратиться в Национальный Морской Союз. Ричард надеялся, что сможет устроиться на какое-нибудь судно, идущее в Новый

Орлеан.

10 июля 1966 года Спек посетил Союз и даже написал заявлениезапрос, но вакансий не было. Потерпев неудачу, он поселился в дешевой ночлежке и постоянно размышлял над тем, где можно достать денег, чтобы уехать в Новый Орлеан. Три дня Ричард обходил питейные заведения Чикаго, смешивая алкоголь с таблетками. А вечером 13 июля он взялся за шприц. Под воздействием наркотиков и алкоголя Спек окончательно потерял контроль над собой и отправился в южную часть города.

В интервале между 23.30 и 24.00 13 июля 1966 года Ричард взломал входную дверь в общежитие Медицинского колледжа на Восточной улице, 100. Поднявшись на второй этаж, он постучал в первую же попавшуюся дверь. Ему открыла филиппинка Корасон Амурао. Девушка в испуге отшатнулась от высокого мужчины, вооруженного ножом и пистолетом. Поняв, какое впечатление произвело на нее оружие, Спек негромко произнес: «Я ничего тебе не сделаю, я тебя только свяжу. Мне надо денег, чтобы добраться до Нового Орлеана». Угрожая оружием, он заставил Корасон стучать во все двери подряд. Если кто-то открывал, то преступник хватал девушек и заталкивал их в комнату Амурао. Захватив таким способом шестерых заложниц, он заставил их лечь на пол, а сам достал нож и начал разрезать простыни на длинные полоски. При помощи импровизированных веревок он связал руки и ноги своим жертвам, а в рот каждой засунул кляп.

Девушки были, конечно, напуганы. Преступник отобрал у них все деньги, обыскав комнату. Однако заложницам Спек показался не слишком агрессивным и опасным. Он никого не бил, не кричал, и не пытался пустить в ход оружие. В какой-то момент у Корасон появилось ощущение, что преступник просто не знал, что ему делать, и тянул время. Вскоре со свидания вернулась Глория Дэйви, ставшая очередной заложницей. А еще через полчаса количество захваченых девушек достигло девяти. И преступник начал свою расправу.

Первой погибла 20-летняя Памела Уилкенинг. Спек схватил ее, оттащил в другую комнату и ударил ножом в сердце. Ослабив кляп, Корасон обратилась к девушкам: «Девочки! Надо драться, мы можем его одолеть!» Но остальные струсили. Эта трусость впоследствии стоила им жизни.

Следующей жертвой маньяка стала Сьюзенн Фэррис, которой он нанес 9 ножевых ранений в грудь, шею, плечи и лицо. Третей погибла Мэри Энн Джордан. Ей досталось 5 ударов ножом. Четвертой — Нина Шмал. Убийца ударил ее ножом, а потом задушил. Пятой стала Мерлитта Гаргулло. Ей садист перерезал горло. Валентина Пашшион — шестая жертва убийцы. Он

задушил ее и уже мертвую 4 раза ударил ножом. Седьмой была Патриция Матушек. Спек долго бил ее ногами в живот, а затем задушил. Труп девушки был обнаружен полицией возле ванной комнаты. Последней стала Глория Дэйви. Корасон, успевшая забиться под кровать, видела, как Спек пытался изнасиловать ее подругу, а затем выволок Глорию из комнаты. В живых осталась только Корасон Аморао.

В 5 часов утра 14 июля 1966 года Корасон Аморао услышала звонок будильника. Подождав еще некоторое время, она поняла, что рядом нет никого, кто мог бы его выключить. Она выбралась из-под кровати, зубами развязала узлы на руках и ногах. Осмотрев коридор и соседнюю комнату, Аморао обнаружила следы крови и тела убитых девушек. Побоявшись спускаться по лестнице, она выбежала на балкон. Ее истерический крик привлек внимание полицейского Леонардо Понни. Позднее он вспоминал: «Я вошел в здание общежития. Меня чуть не вырвало. Это было как в кинофильме о нацистском концлагере. Трупы лежали повсюду. Три в одной комнате, три в другой. А еще один в коридоре у ванны. В третьей комнате восьмой труп. Кровь была всюду: на стенах, на простынях, на полу, на патефонных пластинках, на подушках дивана, на потолке».

При предварительном осмотре тел погибших полицейские обратили особое внимание на характерные узлы, которыми были завязаны веревки на запястьях и ногах жертв. Преступник использовал очень сложный вид морского узла. Это натолкнуло следователей на мысль о том, что он мог быть моряком, военнослужащим или альпинистом. Оправившись от шока, Корасон Аморао смогла дать достаточно точный словесный портрет убийцы: белый, лет 25, натуральный блондин, кожа на лице плохая и неровная, как будто в оспинах, на запястье левой руки была татуировка: «Рожден, чтоб адом сделать жизнь». К тому же на мысль о том, что убийца мог быть моряком, наводило и то, что напротив общежития Медицинского колледжа находилось здание Морского Союза.

Уже в 7 часов утра 14 июля полиция направилась туда в поисках свидетелей. Сразу же выяснился один любопытный факт. С верхних этажей здания было видно не только общежитие, но и его внутренний дворик, в котором очень любили загорать студентки. А это означало, что преступник мог ранее наблюдать за ними, а значит, само нападение было хорошо спланировано. Кроме этой версии отрабатывалась еще одна. Была вероятность, что гибель нескольких девушек должна была просто замаскировать расправу над одной из них.

Для расследования этого преступления была мобилизована

почти вся полиция Чикаго. Чтобы предупредить волнения среди горожан, уже в полдень департамент полиции сообщил средствам массовой информации о случившемся и пообещал в ближайшие часы предоставить подробный отчет о ходе расследования. По радио, на телевидении и в газетах было подробно рассказано о деталях преступления и дан словесный портрет убийцы. В течение всего дня полиция занималась поиском следов преступника в Морском Союзе. Одна из сотрудниц опознала по словесному портрету человека, который несколько дней подряд приходил на собеседование, желая наняться на корабль, идущий в Новый Орлеан. Не прошло и получаса, как в руках у полицейских был бланк с вклеенной фотографией подозреваемого и некоторыми данными его биографии.

Аморао сразу же опознала по этой фотографии преступника, совершившего зверские убийства в общежитии. Им оказался Ричард Спек. Из архива полиции было подняты материалы по этому убийству, и вскоре следствие располагало всем необходимым, а сам арест убийцы стал вопросом времени.

17 июля 1966 года в больницу Кук-Каунти был доставлен мужчина, попытавшийся вскрыть себе вены. Хирург Леруа Смит, проводивший осмотр пострадавшего, заметил на запястье его левой руки татуировку: «Рожден, чтоб адом сделать жизнь». Пострадавший был пьян и, как потом выяснилось, находился под действием наркотиков, но сумел пробормотать: «Меня зовут Ричард Спек». Хирург сразу же вышел из палаты и позвонил в полицию. Убийца, находясь под действием анестезии, еще двое суток не приходил в сознание, а все это время с другой стороны двери его больничной палаты дежурил полицейский наряд.

В течение двух недель Спека посещал назначенный прокуратурой врач Марвин Зипори. В его задачу входило дать как можно более точное заключение о психическом состоянии преступника и раскрыть мотив его действий. Придя в себя, Ричард Спек рассказал Зипори о том, что однажды во время драки получил серьезную травму головы и что его беспокоят сильные головные боли и провалы памяти. Когда врач начал расспрашивать Спека о событиях 13–14 июля 1966 года, то преступник занял четко определенную позицию. С его слов стало известно, что он запомнил, как пил в баре с какими-то приятелями, запивая виски наркотическими таблетками. Но абсолютно ничего не помнит о событиях той роковой ночи: «Проснувшись после обеда 14 июля, я увидел свои окровавленные руки и пистолет, который взял неизвестно где. И тут же понял, что совершил преступление. Об убийствах я узнал из газеты и подумал, что все это сделал я сам. Но я совсем не помню, как это

произошло, и не могу понять, почему я это сделал».

В своем заключении Зипори констатировал, что у подозреваемого очень низкий уровень интеллекта, выраженная ненависть к женскому полу отсутствует, к тому же он с нежностью и заботой говорил о матери и сестрах. Основной причиной действий преступника, по мнению Зипори, был не его психологический склад, а расстройство работы мозга, вызванное многочисленными травмами, алкогольной и наркотической зависимостью. Но в то же время психиатр решил не выносить вердикт об адекватности и вменяемости преступника в момент совершения им преступления и предложил продолжить исследования.

Спеку был назначен адвокат Джеральд Уильям Гетти. Он предложил убийце построить защиту, называя в качестве основной причины преступления невменяемость. Спек отказался, демонстрируя хвастливую самоуверенность.

Подготовка к суду вызвала в Чикаго огромный резонанс. Поговаривали о том, что толпа может устроить самосуд над убийцей. Поэтому процесс над Ричардом Спеком был перенесен в городок Пеория, расположенный южнее Чикаго.

20 февраля 1967 года начался судебный процесс над Спеком. К этому времени обвиняемый прошел новое психиатрическое обследование. Оно было проведено комиссией из шести докторов. Марвин Зипори полностью согласился с их заключением. Комиссия сочла, что Спек вменяем и может предстать перед судом. Адвокат обвиняемого пригласил в качестве свидетелей защиты родных Спека. Кроме того, он стремился доказать, что его подопечный не совершал убийство, поскольку имеет алиби. В свою очередь сторона обвинения стремилась доказать, что массовые убийства совершил именно Ричард Спек, который действовал с умыслом, по заранее обдуманному плану с целью совершить изощренное сексуальное посягательство. Процесс продлился всего один день.

На открытии обвиняемый заявил, что он не признает себя виновным, потому что не помнит события ночи с 13-го на 14 июля 1966 года. Но обвинение доказало виновность Ричарда Спека. Корасон Аморао — единственная выжившая жертва нападения — сразу же опознала в обвиняемом убийцу. К тому же на месте преступления были найдены многочисленные отпечатки пальцев Спека на мебели, дверях, телах жертв. Кроме того, прокурор заявил, что у подсудимого нет алиби. Тогда Джеральд Гетти пригласил двух свидетелей, которые утверждали, что в ночь с 13-го на 14 июля 1966 года Спек пьянствовал вместе с ними. Во время перекрестного допроса свидетели постепенно

согласились с тем, что не уверены в том, что их рассказ относится именно к упомянутой дате. Этим они избежали обвинения в лжесвидетельстве под присягой.

Убийца лишился шанса на оправдательный приговор. Мать обвиняемого Мэри Маргарет рассказала слезливую историю о том, что родной отец Ричарда умер очень рано, отношения сына с отчимом не сложились, а самое главное, «у ее мальчика была чистая и добрая душа. Да и сам он рос милым, ласковым ребенком».

Сторона обвинения при перекрестном допросе напомнила любящей маме о том, что Ричард совершил вооруженное нападение на девушку.

Адвокат последовательно отстаивал свою точку зрения. Обвинение окончательно убедило присутствующих в своей правоте, пригласив в качестве свидетеля жену Спека — Ширли. Она рассказала о поведении мужа в семье, о постоянных побоях и о нежелании видеть его рядом с собой. После ее показаний прокурор раздал присяжным заседателям фотографии одной из погибших студенток — Глории Джин Дэви. И попросил их обратить особое внимание на то, что эта девушка была очень похожа на Ширли Спек. Именно ее единственную из всех обвиняемый раздел и пытался изнасиловать. Он не смог совершить половой акт по физиологическим причинам, так как был очень пьян.

По мнению психиатров, Спек переживал очень сложную гамму чувств, которые психологи называют любовьненависть. С одной стороны, он считал свою жену очень привлекательной и выбирал женщин, похожих на нее. А с другой стороны, ненавидел ее до такой степени, что готов был убить. Обвинение считало, что подсудимый случайно заметил девушку, похожую на свою жену Ширли, из окна здания Морского Союза за несколько дней до преступления. Какоето время он продумывал план своих действий, хотя в ночь с 13-го на 14 июля Спек мог действовать совершенно спонтанно. Проникнув в здание общежития, он подождал, пока Глория Джим Дэви не вернулась домой. И только тогда начал расправу. Именно эта точка зрения на действия убийцы стала официальной.

20 февраля 1967 года присяжные вынесли свой вердикт — виновен. Совещание продлилось всего 50 мин., дело было очевидным. Когда судья Грегори Пауэн объявил о вынесении обвиняемому смертного приговора, Ричард Спек был по-настоящему потрясен. Но приговор так и не был приведен в исполнение.

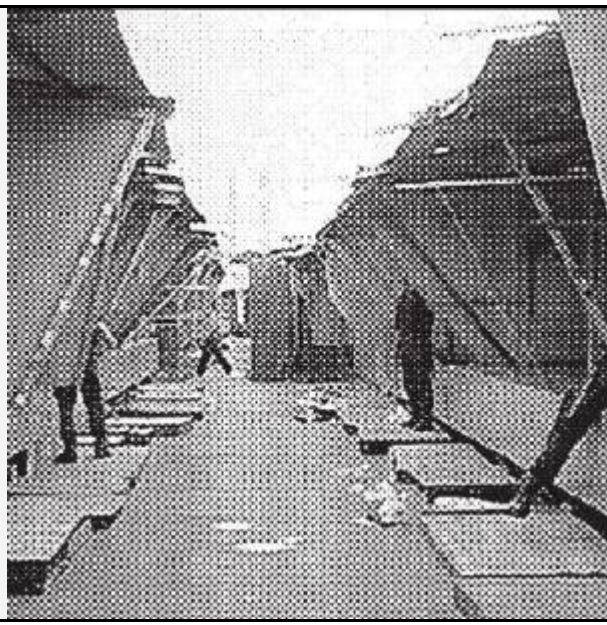
В 1967 году в США был введен мораторий на смертную казнь.

22 ноября 1972 года судебный приговор над Ричардом Спеком был пересмотрен. Смертную казнь ему заменили тюремным заключением сроком от 400 до 1200 лет. Убийца неоднократно подавал апелляции с просьбой о пересмотре приговора и освобождении его из заключения как полностью исправившегося, но постоянно получал отказ. Преступник даже не догадывался, что всему виной его длинный язык. Ведь он без умолку рассказывал своим сокамерникам об обстоятельствах совершенного преступления, явно гордясь расправой над беззащитными девушками. В конце 80-х годов Спек записал свои признания о совершенном преступлении и суде на видеопленку. Эта запись оказалась в руках у тюремного начальства, после чего шансы убийцы выйти на свободу стали призрачными.

Ричард Спек умер от сердечного приступа 5 декабря 1991 года в тюрьме «Серебряный крест». В последние годы жизни преступник увлекся живописью. Сюжеты его картин изображали беззаботную, свободную жизнь, которую он так никогда и не увидел.

«Юношеский максимализм» ли?

Версий о том, кто совершил взрывы на Троещинском рынке в Киеве, в результате которых пострадали и погибли люди, и каковы мотивы этого преступления, было множество. Одни считали, что это бандитские «разборки» и передел территорий столицы. Другие настаивали на хулиганской выходке. Третьи называли теракт политическим заказом. По большому счету, ни одно из предположений до конца не подтвердилось. Но виновники все же предстали перед судом.



Разрушенные торговые ряды

20 августа 2004 года около 18 часов на территории Троещинского рынка (предприятие «Рынок-1») с разницей в несколько минут взорвались два устройства, мощность которых, по мнению экспертов, равнялась 200 граммам тротила. Они были заложены в контейнеры для мусора. Для повышения убойной силы «адские машины» были нашпигованы гвоздями и железными шурупами. В результате взрывов пострадало 14 человек — продавцы и обслуживающий персонал рынка. Одиннадцать пострадавших были госпитализированы, причем трое — двое мужчин и одна женщина — попали в реанимацию, а их состояние

врачи оценили как крайне тяжелое. А еще одна пострадавшая, работница рынка Татьяна Лавриненко, скончалась 24 августа в 11 утра от ран, не совместимых с жизнью.

Первоначально уголовное дело было возбуждено по статье 296 Криминального кодекса Украины — «Хулиганство», а также по статье 121 ККУ — «Умышленное тяжкое телесное увечье». Столичные правоохранители одновременно отрабатывали несколько версий. По их мнению, преступление могло быть совершено:

— лицами, заинтересованными в покупке рынка;

— неизвестными лицами с хулиганскими намерениями;

— в результате противоречий между этническими общинами;

— в связи с проведением «отработки» рынка подразделениями МВД;

— в результате разногласий, которые возникли между основателями ООО «Рынок-1»;

— членами организованных преступных группировок, вымогавших дань с торговцев рынка.

Кроме того, троещинский взрыв почти совпал по времени с заявлением лидеров оппозиции, что в случае фальсификации выборов они готовы организовать масштабные акции неповиновения, способные вылиться в мятеж против «правящего режима». Возможно, поэтому дело переквалифицировали в террористический акт и передали в СБУ. Именно тогда появилась версия, что это политический заказ. Интересно, что террористов с Троещины поймали очень быстро. Буквально через несколько дней после взрыва МВД сообщило о задержании пяти подозреваемых. Это были киевляне в возрасте от 20 до 23 лет. Они якобы сознались в совершении преступления, сообщив, что целью взрыва была «дестабилизация политической ситуации в Украине и свержение существующего строя». По данным милиции, во время обысков по месту проживания задержанных изъяли политическую литературу, в том числе националистического, антисемитского и фашистского характера. Отдельно подчеркивалось, что задержанные являются членами партий и организаций, поддерживающих Виктора Ющенко, в том числе Украинской Народной партии (УНП).

На пресс-конференции в субботу, 28 августа, руководитель избирательного штаба В. Ющенко Роман Бессмертный сообщил данные об арестованных.

По его словам, студент Национального университета им. Т. Г. Шевченко Александр Анатольевич Пастух работал в предвыборном блоке «Движение за нацию», член Украинской Народной партии. Еще один подозреваемый — ассистент

звукорежиссера «5 канала» Дмитрий Петрович Савченко — является активистом партии «Украинская национальная ассамблея», а раньше был участником движения «скинхеды» и «Тризуб». По словам Бессмертного, ранее Савченко работал охранником у Дмитрия Корчинского. Лидер «Братства» назвал эти слова ложью и заявил, что Савченко никогда не имел никакого отношения ни к «Братству», ни к нему лично. По информации «братчиков», «террорист» ранее входил в группировку «Русская дружина», которая не имеет к «Братству» никакого отношения. Третий подозреваемый — Тарас Валентинович Швыденко, по словам Бессмертного, до 2003 года являлся активистом праворадикальной общественной организации «Тризуб». О Сергее Витальевиче Значко сообщили, что он житель села Павловка Черниговской области. Четвертая задержанная, Наталья Леонидовна Ковальчук, работала в отделе партийного учета Украинской Народной партии и с 1999 года являлась ее членом. Она была беременна от Швыденко и по делу проходила в качестве свидетеля.

Как уже было сказано выше, расследование дела о взрывах на Троещинском рынке проводила СБУ. При этом началось оно в 2004 году, а завершилось в 2005-м после полной смены власти в Украине. Тем не менее в СБУ не нашли причин, чтобы переквалифицировать обвинения. Ведь Пастух и Швыденко заявили, что, взорвав бомбы, они таким образом выразили протест против людей других национальностей, торгующих на рынке. На вопрос следователей, чем они руководствовались при этом, доморощенные террористы основным мотивом назвали протест против «засилья Украины лицами других рас». Напомним, что среди пострадавших были иностранцы — граждане Вьетнама, Пакистана и Бангладеш. По словам начальника Славного управления МВД Украины в г. Киеве Александра Миленина, все подозреваемые полностью сознались в содеянном и теперь глубоко раскаиваются. В их домах при обыске была найдена литература националистического, фашистского и антисемитского характера (книга «Черный орден СС», справочник «Терроризм и террористы») и чертежи взрывного устройства. Кстати, справочную информацию по изготовлению взрывного устройства молодые люди черпали из Интернета. По месту их работы и проживания правоохранители изъяли смесь аммиачной селитры с магнием, нитроглицерин, порох, две аккумуляторные батареи, пластиковые трубки, которые использовались как запалы к взрывным устройствам, гвозди, аналогичные тем, которые были использованы при подрыве, мобильные телефоны (с их помощью механизм приводился в действие). Преступники признались, что

акцию готовили около трех месяцев. Для пущей надежности они проводили пробные подрывы взрывных устройств в пригороде Киева. Изъятые вещи были присоединены к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств.

Судом первой инстанции стал апелляционный суд г. Киева. 17 августа 2005 года судья Валентина Лясковская огласила приговор по делу о взрывах на Троещинском рынке. Четверых обвиняемых — Александра Пастуха, Сергея Значко, Дмитрия Савченко и Тараса Швыденко — признали виновными в совершении террористического акта и незаконном использовании взрывчатых веществ. Всех приговорили к 14 годам лишения свободы. Приговор можно было обжаловать в Верховном суде, и адвокаты подсудимых, обвинив судью в предвзятости, собирались его обжаловать, так как он вызывал немало вопросов. В первую очередь, удивлял тот факт, что все четверо подсудимых получили одинаковые сроки. Смягчающие обстоятельства учтены не были (к примеру, у Швыденко после задержания родился ребенок). Суд также не выделил организатора или исполнителей теракта, хотя это является обычной практикой при рассмотрении подобных дел. В то же время в материалах досудебного следствия утверждается, что роль подсудимых была различной. Двое из них принесли взрывчатку на рынок и подорвали ее. Тарас Швыденко изготовил взрывное устройство, но не ходил на рынок. Дмитрий Савченко не участвовал ни в подготовке, ни в исполнении теракта, но присутствовал на встречах с друзьями, когда те обсуждали возможность взрыва. «Из материалов дела следует, что Савченко был всего лишь недоносителем. А за это полагается совсем другая статья и совсем другое наказание», — считает адвокат Дмитрия Савченко Александр Бильдюкевич. К тому же выяснилось, что «судья работала вторым прокурором в деле, она и не пыталась стать арбитром в процессе. Я надеюсь, что Верховный суд исправит ошибки судьи и смягчит наказание всем обвиняемым», — заявил Бильдюкевич.

Адвокат Тараса Швыденко Владимир Абашин также недоволен приговором и считает, что обвинение необходимо переквалифицировать в «причинение тяжких телесных повреждений, которые повлекли смерть». В пользу своей версии адвокаты приводят слова главы СБУ Александра Турчинова о том, что в действиях задержанных «нет никакого терроризма». «Как здесь можно говорить о теракте? Ребята с самого начала говорили, что хотели утвердиться перед сверстниками, перед обществом. Такой себе юношеский максимализм», — пояснил Абашин. Однако пресс-секретарь главы СБУ Марина Остапенко заявила, что адвокаты неправильно истолковали слова господина

Турчинова. «Он имел в виду, что этот взрыв не являлся терактом в политическом смысле», — сказала она.

Тем не менее, после оглашения приговора вопрос о политической подоплеке дела остался открытым. Обвинения в том, что взрыв организовали активисты бывших оппозиционных партий, во время расследования были отброшены, но в материалах дела остались «документы националистического толка», и судья учла их при вынесении приговора.

Защита все же обратилась с кассационной жалобой в Верховный суд с просьбой отменить приговоры как чересчур суровые. 5 декабря 2005 года уголовное дело «предвыборных террористов» с Троещины вновь вернулось в апелляционный суд с формулировкой «на дооформление». В прессслужбе Верховного суда Украины прокомментировали ситуацию так: «Налицо чисто процедурные формальности. При подготовке кассационной жалобы не были выдержаны определенные законом сроки. И чтобы рассмотреть дело в кассинстанции, необходимо соблюсти порядок». Любопытно, что пресс-служба сослалась на кассационную жалобу не от адвокатов или подсудимых, а от одного из потерпевших — Игоря Кудели, который возглавлял бригаду рабочих на рынке и получил серьезные травмы.

В марте 2006 года Верховный суд Украины согласился с тем, что «сугубо криминальная версия» взрывов на Троещине не подтвердилась, и оставил приговор в силе. Так что над осужденными по-прежнему «висит» обвинение в террористическом акте по части 3 статьи 258.

Поправшие законы морали и нравственности

«Его душа — Заплеванный Грааль»

Суд над Оскаром Уайльдом, состоявшийся в Лондоне в 1895 году, стал одним из самых громких процессов за всю историю столетия.

Выдающийся писатель был обвинен в гомосексуализме и приговорен к двум годам каторги. Заключение полностью разрушило его как писателя и как личность. В то время только законодательство Франции относилось к гомосексуалистам лояльно. И в XX веке положение сексуальных меньшинств во многих странах оставалось сложным. Потому судьба Оскара Уайльда очень долго оставалась показательной для тысяч людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией

Оскар Уайльд

…Первый плевок попал на рукав его тюремной робы. Заключенный вздрогнул, как-то удивленно взглянул на обидчика и болезненно поморщился. Довольный собой бакалейщик, улыбаясь, уже спешил по своим делам. «За что? — с горечью подумал арестант. — Я же никогда в жизни тебя не видел.» Вскоре он перестал удивляться. Абсолютно незнакомые люди, только что прибывшие на Клепхемский вокзал откуда-то из лондонских пригородов или же, наоборот, спешившие на

ближайший поезд, чтобы покинуть душную столицу, — все эти незнакомые люди, завидя человека в наручниках, на мгновение замедляли свой бег. «Кто этот бритый наголо? Ах, тот самый, который. Неужели он?!» Самые «высокоморальные» из зевак считали своим долгом плюнуть в великого поэта, писателя и драматурга. Полчаса, проведенные в ожидании поезда до Реддинга, стали самыми унизительными в жизни Оскара Уайльда. Каждый день в течение целого года в это же самое время заключенный Реддингской тюрьмы будет плакать.

А ведь совсем недавно Оскар Фингел О'Флагерти Уиллс Уайльд был ослепительной звездой лондонского общества. Его книги имели скандальную репутацию и пользовались огромной популярностью. Пьесы не сходили с подмостков столичных театров. Чуть ли не каждая рожденная им фраза немедленно становилась афоризмом. Его экстравагантной манере одеваться подражали тысячи молодых англичан. Уайльда окружали успех, деньги и любовь. Любовь, несмотря на существование законной супруги и двоих детей, преимущественно однополая. В 1886 году Уайльд познакомился с семнадцатилетним студентом Оксфорда Робертом Россом, перевернувшим его представление об интимности. Но главной страстью в жизни писателя стал молодой лорд Альфред Дуглас. К моменту их встречи этот юноша был более чем просвещен в вопросах подобной любви. Так что не может быть и речи о том, что именитый писатель совратил наивного студента. Напротив, Альфред приобщил своего любовника к миру плотских утех довольно сомнительного характера: Дуглас и Уайльд стали завсегдатаями подпольных публичных домов. В стране, где содомия считалась уголовным преступлением, такое поведение рано или поздно должно было привести к трагедии.

Неприятности не заставили себя долго ждать. В руки одного из «приятелей» Дугласа случайно попало любовное письмо Уайльда. Последовал шантаж. Уайльд за большие деньги вынужден был выкупить это послание. Однако отец Дугласа, маркиз Куинсберри, все же получил его. Этот шотландский дворянин и без того слыл человеком неуравновешенным и вспыльчивым, но строки из письма: «Твоя сотканная из тонкого золота душа странствует между страстью и поэзией. Я верю в то, что нежно любимый Аполлоном Гиацинт был именно твоим воплощением в те античные дни» — привели его в ярость. Он носился по лондонским ресторанам и отелям, тщетно пытаясь «застукать» своего сына с «этим развратником Уайльдом», потом в сопровождении охраны нагрянул домой к писателю, но был позорно изгнан. Вконец измотавшись, маркиз послал сыну

телеграмму: «Ты рептилия, ты не мой сын, и я думаю, что никогда им не был», — и получил в ответ послание от сына следующего содержания: «Если О. У. подаст на вас в суд за клевету, вы получите семь лет каторжных работ». Но Уайльд к судебному приставу не торопился. Чаша его терпения переполнилась, когда швейцар клуба, в котором любил бывать с женой писатель, передал ему карточку, на которой дрожащей рукой маркиза Куинсберри было выведено: «Оскару Уайльду, выдающему себя за содомита». Писатель твердо решил обратиться в суд.

За дело Оскара Уайльда взялся Эдвард Кларк, знаменитый лондонский адвокат. «Поклянитесь честью английского джентльмена, что все выдвигаемые против вас обвинения безосновательны! Только при этом условии я согласен представлять ваши интересы в суде», — заявил он. «Все это абсолютная ложь!» — не задумываясь отчеканил Оскар. Кажется, в тот момент он сам поверил в свою «чистоту перед английской моралью». Впрочем, эта уверенность не помешала Уайльду сразу же после разговора с адвокатом отправиться в короткое путешествие на юг Франции. Конечно же в компании Дугласа. За неделю до начала слушаний пара вернулась в Лондон. По случаю их приезда близкие друзья устроили праздничный обед. Настроение Оскара в преддверии суда было самое что ни на есть боевое. Однако трапезу испортили Бернард Шоу и Фрэнк Харрис. «Уезжай из Англии, пока не поздно, — советовали они другу. — Творчеством можно заниматься и за границей. Да хоть во Франции!» Дуглас резко встал из-за стола: «Да какие вы после этого друзья Оскара!» Уайльд не стал спорить с Дугласом: «Действительно, не очень дружелюбно с вашей стороны.»

И вот наконец 3 апреля. Первое судебное заседание по делу «Оскар Уайльд против маркиза Куинсберри». Уайльд — воплощение уверенности в себе. Он одет вызывающе. Впрочем, как всегда. В петлице модного пальто — изящная бутоньерка. Все в этом законодателе мод просто безукоризненно. А словно нарочно стоящий перед скамьей подсудимых обвиняемый маркиз Куинсберри выглядит более чем нелепо: на шее какой-то немыслимый голубой охотничий шарф. Он нервно теребит в руках шапку. Хотя о чем ему беспокоиться? Онто наверняка знает, какие контраргументы припас для Уайльда Эдвард Карсон, недруг писателя еще со студенческой скамьи, а ныне адвокат Куинсберри.

Итак, зрители расселись и готовы запоминать каждое услышанное на суде слово, чтобы потом бережно, не расплескав, разнести все сенсации, которыми обещает быть богат этот процесс, по досужим лондонским салонам. Сэр Эдвард Кларк, как

всегда, красноречив и убедителен. Он с ходу отметает одно из главных предоставленных Куинсберри доказательств гомосексуальности Оскара Уайльда — злополучное любовное письмо. «Это послание может показаться несколько экстравагантным, — остроумно подмечает он, — только тому, кто привык читать лишь деловую корреспонденцию. Оскар Уайльд — поэт. И письмо его не что иное, как выражение настоящих поэтических чувств!»

Затем следует безынтересный допрос свидетеля со стороны обвинения Сиднея Райта, швейцара, передавшего писателю визитку с оскорбительным текстом. Приходит очередь Оскара отвечать на вопросы. Его дальнейшее поведение трудно понять. Уайльд врет даже собственному адвокату. Он зачем-то неправильно указывает свой возраст — тридцать девять лет вместо сорока одного.

— Есть ли хоть малейшая доля истины в обвинениях Куинсберри? — спрашивает Кларк.

— Все это полнейшая ложь.

К допросу приступает Эдвард Карсон. Он ищет доказательства аморальности Уайльда в двух направлениях: в творчестве и в жизни. Пока дело касается литературы, Уайльд защищается от нападок Карсона вполне достойно.

— Яне знаю такого понятия, как порочное произведение. Книга может быть написана либо дурно, либо хорошо.

— Вы написали это в «Дориане Грее», — все более распаляется адвокат Куинсберри.

— Вы выразили ваше собственное мнение? Вы действительно считаете, что порочный роман может оставаться хорошей книгой? -

Я не понимаю, что вы вкладываете в понятие «порочный роман», — отвечает Оскар.

— Я предлагаю считать таковым «Дориана Грея»!

— Это грубо и безграмотно. — Уайльд начинает злиться.

— А что вы скажете об этом? — В руках Карсона появляется письмо Уайльда к Дугласу.

— Это обычное письмо?

— Конечно, нет, — отвечает Уайльд и добавляет не без иронии: — Это великолепное письмо!

— Но это не искусство?

— Я не могу говорить ни о чем, кроме искусства.

Поведение Уайльда сейчас можно сравнить только с тем, как держался на суде много веков назад великий Сократ. Ответы Оскара настолько остроумны, что весь процесс начинает походить на фарс. Он будто не ощущает нависшей над ним опасности. Тем

временем вопросы Карсона переходят в сферу личной жизни Уайльда. И с каждым вопросом Кларку становится все более очевидным тот факт, что дело Уайльда может закончиться очень плохо. Писатель явно юлит, он все более растерян. Карсон, наоборот, хорошо подготовлен и выглядит, как игрок, спрятавший в рукаве как минимум пару козырных карт. Адвокат называет имена молодых людей, перечисляет шикарные подарки, которые преподнес Уайльд тому или иному «другу».

— Прошу заметить, господа, — обращается Карсон к присяжным, — что среди названных мною компаньонов мистера Уайльда нет никого из высшего света. Одни только камердинеры, разносчики газет и даже безработные — часто безграмотные.

— Я не признаю социальных различий, — парирует Уайльд и все еще пытается шутить: — Для меня сам факт молодости так прекрасен, что я скорее проведу полчаса, разговаривая с юношей, нежели буду допрошен в суде!

Внезапно Карсон спрашивает:

— Вы целовали Уолтера Грейнджера?

— О господи, нет! — Уайльд не успевает заметить провокацию. — Он всего лишь гадкий мальчишка!

— Ах, причина была только в этом! — Карсон добился желаемого. Присяжные более не имеют никаких сомнений в порочности писателя.

Но это еще не все. Адвокат маркиза Куинсберри открывает последнюю карту: в зал судебных заседаний входит группа юношей, готовых дать свидетельские показания о том, что Оскар Уайльд состоял с ними в гомосексуальной связи. Для Оскара это конец. В то время английский закон строго карал «содомитов».

Вечером того же дня Эдвард Кларк посоветовал Уайльду снять все обвинения с Куинсберри: «Ввиду всех обстоятельств нам будет очень трудно заставить присяжных признать виновным человека, который пытается спасти своего сына от пагубных отношений». Следующим же утром адвокат писателя забрал обвинительное заявление. Но было поздно. Колесо юстиции уже завертелось в обратную сторону. В половине четвертого пополудни инспектор СкотлендЯрда запросил у судьи Джона Бриджа разрешения на арест Оскара Уайльда. Судья не торопился с ответом. Он дал талантливому писателю полтора часа для бегства из Англии. Однако Уайльд, увы, не воспользовался этим драгоценным подарком.

Суд над Оскаром Уайльдом начался 26 апреля 1895 года. Перед судом предстал сам писатель, а также Альфред Тейлор, сводник, якобы поставлявший Уайльду юношей для любовных утех. Последовали унизительные допросы. Один из ответов

писателя присяжные и зрители, находившиеся в зале суда, запомнили надолго. Обвинитель Чарльз Гилл спросил Оскара Уайльда:

— Что такое «любовь, которая не смеет назвать своего имени»? Он имел в виду строку из поэмы Альфреда Дугласа.

— Любовь, которая не смеет назвать своего имени, в нашем веке означает такую большую страсть старшего к младшему, как это было между библейским царем Давидом и Ионафаном, такую, без которой Платон не смог бы создать фундамент своей философии, ту, которую вы найдете в сонетах Микеланджело и Шекспира. Это есть то глубокое, одухотворенное чувство, которое так же чисто, как и совершенно. Оно порождает и наполняет собой шедевры искусства, и мы опять-таки можем вспомнить Шекспира и Микеланджело… В нашем веке это чувство остается непонятым, настолько непонятым, что о нем можно говорить, как о «любви, не смеющей назвать свое имя», и именно как жертва отношения к этой любви я сейчас и нахожусь в этом зале. Это прекрасное и благороднейшее чувство духовного родства. В нем нет ничего противоестественного. Оно наполняется интеллектом и раз за разом возникает между старшим и младшим, когда жизненный опыт и мудрость сливаются с радостью жизни, счастливыми надеждами и романтическим очарованием. Это чувство не от мира сего. Мир насмехается над ним и норовит пригвоздить его к позорному столбу.

На следующий день эти слова напечатают все лондонские газеты.

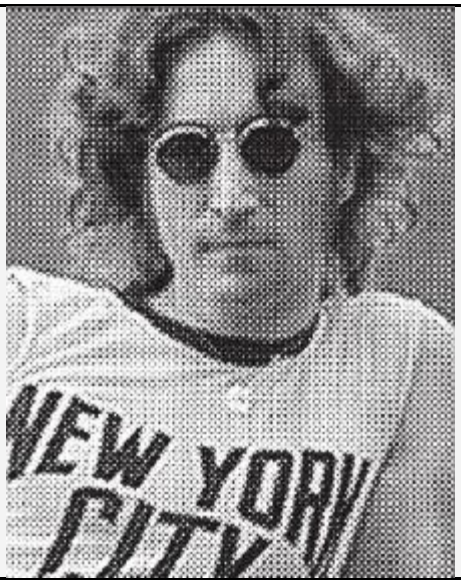
Адвокат Уайльда в своей заключительной речи попросил суд присяжных «очистить от позорного пятна самого известного и изысканного литератора современности и тем самым очистить от позора все общество». Уайльд во время этой речи расплакался. Присяжные три часа пытались прийти к общему мнению, но так и не смогли вынести приговор. 7 мая 1895 года Оскар был освобожден из-под стражи. Впереди у него было три недели свободы, а затем новый, еще более унизительный процесс. 22 мая 1895 года Оскар Уайльд был приговорен к двум годам каторжных работ. «На мой взгляд, это наказание слишком мягкое за все содеянное этим человеком», — заявил судья.

Человеку, который никогда ни в чем себе не отказывал, который всегда одевался, как хотел, говорил, что хотел, думал, как хотел, тюремное заключение давалось очень тяжело. Дуглас ни разу не пришел навестить бывшего возлюбленного. Единственной моральной опорой в эти дни стала для Оскара. жена Констанция. Она, не помня былых обид, как могла, старалась утешить гениального мужа, обещая Оскару не

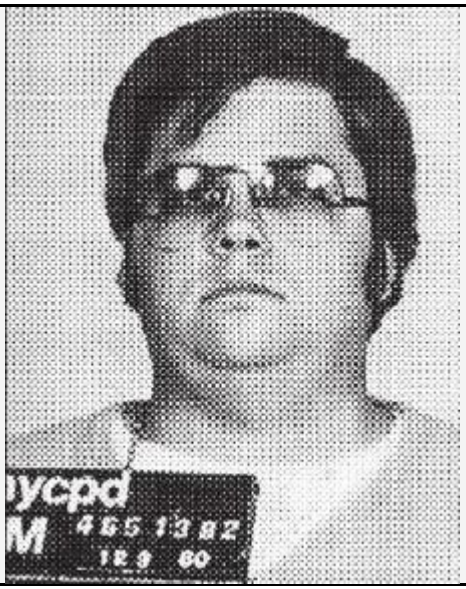
разлучать его с сыновьями, хоть это и было предписано судебным решением. Но Уайльд лишился и этого внезапно обретенного друга: в 1896 году Констанция умерла от чахотки. Детей забрали к себе родственники, и у Оскара не осталось ни одного шанса еще хотя бы раз увидеть своих сыновей.

«В моей жизни было два великих поворотных пункта: когда мой отец послал меня в Оксфорд и когда общество заточило меня в тюрьму», — напишет Уайльд впоследствии. Заключение действительно заставило Оскара пересмотреть многое: «Страдание и все, чему оно может научить, — вот мой новый мир. Я жил раньше только для наслаждений. Я избегал скорби и страданий, каковы бы они ни были. И той другое было мне ненавистно. Теперь я вижу, что Страдание — наивысшее из чувств, доступных человеку, — является одновременно предметом и признаком поистине великого искусства». Выйдя на волю, бывший завсегдатай лондонских салонов покинул столицу Великобритании. Он поселился в Париже. Каждое утро этого человека можно было встретить в кафе «Тортони» на Больших Бульварах. Вряд ли кто-то мог узнать в этом обрюзгшем, совсем опустившемся, дурно одетом человеке законодателя мод, денди Оскара Уайльда. Все деньги, которые писатель получал от друзей, уходили на абсент и «мальчиков». Венерическая болезнь медленно и бесповоротно подтачивала его здоровье. 30 ноября 1900 года Оскара Уайльда не стало. В последний путь на кладбище ПерЛашез его провожал лишь один человек, верный друг Роберт Росс.

Самый гнусный ублюдок в истории рока



Джон Леннон



Марк Чапмен

Это событие уже несколько десятков лет возглавляет список самых ужасных, скандальных и трагических происшествии в истории рок-музыки. 8 декабря 1980 года в Нью-Йорке был убит бывший лидер группы «Битлз», поэт, композитор и музыкант Джон Леннон. Каждый год в этот день сотни поклонников битлов собираются вечером в центральном парке Нью-Йорка на Земляничной поляне (по названию песни «Битлз»), где стоит каменная плита с датой гибели знаменитого певца и музыканта. Море цветов, музыка «Битлз», сотни заженных свечей — все так, как было на следующий день после той роковой ночи.

Последний день жизни Джона Леннона выдался напряженным. Полным ходом шла работа по презентации только что вышедшего альбома «Double Fantasy». Утром 8 декабря 1980 года Джон Леннон вместе со своей женой Йоко Оно записали интервью на ньюйорском радио, провели фотосессию у Анни Лейбовиц, а затем отправились в студию звукозаписи, где работали над песней «Walking on Thin Ice».

В 22 часа 50 мин Джон Леннон и Йоко Оно подъехали на своем лимузине к отелю «Дакота», в котором снимали номер. Знаменитый певец даже не подозревал, что жить ему осталось всего несколько минут. В темноте какой-то мужчина окликнул его: «Мистер Леннон?» Музыкант обернулся. В то же мгновение неизвестный достал пистолет и начал стрелять. Он выпустил одну за другой пять пуль. Ошеломленная происшедшим Йоко Оно пронзительно закричала. А ее муж, истекая кровью, каким-то чудом сумел добраться до подъезда. «В меня стреляли», — прохрипел смертельно раненый Леннон.

Охранник отеля поспешил вызвать полицию, которая прибыла на место преступления меньше чем через две минуты. Поняв, что времени ожидать «скорую помощь» нет, они поместили раненого Леннона на заднее сиденье машины, и на предельной скорости повезли в ближайшую больницу St. Luke's Roosevelt. В 23 часа 07 минут врачи констатировали смерть Джона Леннона. «Его невозможно было спасти никакими средствами, — рассказывал позднее руководитель службы «скорой помощи» доктор Стивен Линн. — Он потерял слишком много крови: около 80 % от общего объема».

Убийца был задержан на месте преступления. Он даже не пытался скрыться. Когда потрясенный увиденным швейцар крикнул преступнику: «Да знаешь ли ты, что ты наделал?!», тот невозмутимо ответил: «Я только что застрелил Джона Леннона» — и, открыв свою любимую книгу, начал ее читать.

Как выяснило следствие, убийцей оказался 25-летний Марк Дэвид Чапмен, горячий поклонник певца.

Марк Чапмен родился в октябре 1955 года в семье Дэвида и Дианы Чапмен в Атланте. Его отец служил сержантом в ВВС, а выйдя в отставку, работал банковским служащим. Мать была домохозяйкой и занималась благотворительностью. В детстве Марк ничем не отличался от своих сверстников. Но в подростковом возрасте он изменился. В 14 лет Марк на неделю сбежал из дома, ав 15 лет, не найдя понимания среди своих сверстников, попал в секту Последователей Христа. Он отрастил длинные волосы, натянул на себя холщовую рубаху, подвязанную веревкой, и повесил на шею огромный крест. Марк повсюду таскал с собой Библию. Испытывая острое желание самоутвердиться и снять состояние острого напряжения, юноша пристрастился к наркотикам.

В 16 лет Марк окончательно перестал употреблять наркотики, заявив: «В моей жизни произошло событие, намного значительнее всего, что я пережил до этого. Господь говорил со мной и дал мне понять, что я должен проявить все лучшее, что заложено во мне». Чапмен был принят на должность директора летнего лагеря Христианского союза молодежи. Его начальник Тони Адамс вспоминал: «Он обладал всеми качествами лидера, был внимательным, чутким. В его лексиконе не было даже слова «ненависть». Я думаю, что годы работы в летнем лагере были лучшими годами в его жизни. Возможно, здесь он в последний раз испытал счастье».

В 1974 году в руки Марка Чапмена попала книга «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера, изменившая всю его дальнейшую жизнь. Она стала гимном разочарованных подростков всего мира, превратилась для юноши в Священное Писание. Всю свою дальнейшую жизнь Чапмен пытался понять идею автора, очень сильно исказив ее смысл. В то же время Марк увлекся рокмузыкой. Он с упоением слушал Джими Хендрикса и Боба Дилана. Но самым главным идолом для него оставался Джон Леннон, но не поэт и музыкант, а философ.

Марк Чапмен в 1975 года окончил колледж и по заданию Христианского союза молодежи побывал с миссией в Бейруте, а затем в Арканзасе, заслужив благодарность тех людей, с которыми работал. Он женился на Джессике Блэнкеншил. Марк обожал ее, но вскоре его отношение к жене резко изменилось. Чапмен все чаще заводил разговоры о смерти и самоубийстве, впал в депрессию. Брак Джессики и Марка распался. К тому же Чапмен так и не смог реализовать свою мечту — возглавить Христианский союз молодежи.

Осенью 1976 года он поступил на работу — стал охранником Окружной технической школы в штате Атланта. К сотрудникам

предъявлялись высокие требования, они должны были иметь не только хорошую физическую подготовку, но и в совершенстве владеть огнестрельным оружием. На стрельбищах Чапмен стабильно показывал высокие результаты — он выбивал 88 очков при необходимых 60.

Все складывалось удачно, но вдруг Марк Чапмен стал набирать лишний вес. Собственный внешний вид все больше раздражал его. Чапмен озлоблялся, замыкался в себе. В 1977 году, узнав о разводе родителей, он улетел в Гонолулу, на Гавайские острова. Остановившись в одном из живописных мест острова, юноша попытался покончить собой, выведя шланг от выхлопной трубы в салон автомобиля. Его спас случайный прохожий, постучав в окно автомобиля. Чапмен не погиб потому, что горячий газ прожег дырку в шланге, и газ в салон автомобиля поступал медленно. После этого инцидента он обратился в психиатрическую клинику, где ему настоятельно порекомендовали пройти продолжительный курс лечения у психиатров. Чтобы быть рядом с сыном и помочь ему обрести душевный покой, на Гавайи прилетела его мать.

Накопив немного денег, в 1978 году Чапмен отправился в кругосветное путешествие. Но и это не вывело его из состояния затянувшейся депрессии. Возвратившись в Гонолулу, Марк работал в местном госпитале. Мечта быть полностью похожим на Джона Леннона подтолкнула его к браку с американкой японского происхождения Глорией Абе. Они сочетались браком в июне 1979 года за 18 месяцев до убийства Джона Леннона. Вскоре их брак распался. Марк тратил сотни долларов на приобретение произведений искусства, в то время как семья еле сводила концы с концами. Он все чаще говорил о том, что Джон Леннон — предатель, изменивший своим взглядам. В своих многочасовых монологах Чапмен обвинял своего идола в том, что тот утопал в богатстве и роскоши, изменив своим взглядам на жизнь, мир и любовь.

23 октября 1980 года над своим рабочим столом он прикрепил лист бумаги с надписью: «Джон Леннон». А четыре дня спустя купил короткоствольный пистолет.

Спустя несколько дней Марк Чапмен приехал в Нью-Йорк. Оттуда он отправился в Атланту. Там в одной из церквей он исповедовался священнику в том, что в его душе происходит постоянная борьба между добром и злом, но объяснить что-либо отказался. В тот же день он навестил свою бывшую жену Джессику. И выглядел, по ее признанию, уставшим и очень удрученным.

Марк вновь вернулся в Нью-Йорк и начал выслеживать Джона

Леннона, стараясь затеряться в толпе фанатов. Уже после его ареста один из свидетелей вспоминал: «Да я же видел его в день убийства! Я живу здесь недалеко и припоминаю, что видел этого парня несколькими днями раньше. Здесь всегда полно людей, поджидающих Джона. Но этот малый выделялся среди них. Он сновал туда и обратно, словно сгорал от нетерпения».

Чапмен остановился в Христианском союзе молодежи Нью-Йорка. 7 декабря он перебрался в гостинницу и весь следующий день бродил под окнами Леннона с кассетой записей песен «Битлз» и новым альбомом Джона и Йоко. При нем также были пистолет и книга «Над пропастью во ржи», с которой он никогда не расставался. В тот день Марк познакомился с очаровательной блондинкой, которая тоже оказалась поклонницей «Битлз». Они вместе пообедали в ресторане, а затем к ним присоединился и фотограф-любитель, горячий поклонник Леннона Пол Гореш. Спустя несколько минут на улицу вышли Леннон и его жена Йоко. В это время от толпы отделился Чапмен, протянул своему кумиру альбом и сказал: «Автограф, пожалуйста». Джон на мгновение остановился — и в это время Пол Гореш сделал свой знаменитый снимок.

Во время ареста Марк Чапмен даже не пытался оказывать сопротивление. Ему было предъявлено обвинение в убийстве и предписано пройти 30-дневное психиатрическое обследование. Чапмена поместили в отдельной палате одной из больниц, где с него не спускали глаз все 24 часа в сутки, чтобы не дать ему покончить с собой. Но вскоре возникло опасение, что Чапмена могут убить многочисленные поклонники Джона Леннона. Поэтому убийцу перевели в городскую тюрьму. Проведенная судебно-медицинская экспертиза признала преступника психически вменяемым.

2 августа 1981 года начались слушания по делу Марка Дэвида Чапмена. В зал суда преступник был доставлен в пуленепробиваемом жилете. Полицейские предприняли эти меры безопасности, чтобы поклонники «Битлз» не растерзали убийцу кумира. (По иронии судьбы за день до своей смерти Джон Леннон пожертвовал 10 000 долларов на приобретение бронежилетов для полиции Нью-Йорка.)

Судьей на процессе был Дэннис Эдвардс. Первый адвокат, который начал работать с подсудимым, вскоре отказался от защиты, заявив, что опасается за свою жизнь. Судом был назначен новый адвокат Джонатан Марк. В ходе судебного заседания Марк Дэвид Чапмен признал свою вину в убийстве и дал показания о том, как было совершено убийство. На вопрос судьи: «Почему вы решили признать себя виновным?». Чапмен ответил: «Это

решение продиктовано Божьей волей». Судья задал следующий вопрос: «Осуществлялось ли на вас чье-либо давление с целью заставить признаться в убийстве?» Подсудимый ответил: «Нет».

Этот вопрос судья задал не случайно.

«Леннон отнесся ко мне очень сердечно, — рассказывал на суде Чапмен. — Я протянул ему альбом, а он вынул черный карандаш и, расписываясь, царапнул им по обложке. Он старался вывести первую букву своего имени, затем царапнул еще пару раз и рассмеялся. Потом написал «Джон Леннон». И ниже «1980 год». Протянув мне альбом, он спросил: «Это все, что ты хочешь?» Теперь я думаю о его словах. Кажется, он предчувствовал смерть».

Во время судебного заседания следствие установило, что в течение трех дней Марк Чапмен, находясь в гостинице, тщательно продумывал план убийства. «Я молился и после длительной борьбы с Божьей помощью одержал победу. Я позвонил своей жене и сказал ей: «Твоя любовь спасла меня. Я одержал большую победу. Скоро буду дома». После того как Марк Чапмен получил от Леннона альбом с автографом, он с трудом сдерживал эмоции: «Я был полон счастья. Я хотел выбраться оттуда, но не сделал этого. Я не мог оставить это место, так как был полностью подчинен силе. «Сделай это, сделай это, сделай это», — твердили демоны. Это было словно крестовый поход, как некое деяние белого рыцаря. Ничто не могло меня остановить».

По словам самого Чапмена, мысль убить Леннона пришла внезапно, как некий импульс: «Я сидел, скрестив ноги на ковре… Я помню, как открыл альбом «Сержант Пеппер». «Над пропастью во ржи» было тогда выдающейся вещью. И я помню, как сказал самому себе: «А что если бы я убил его?» Я помню, что ко мне пришла мысль, что возможно, после того как я убью Леннона, обо мне станет известно всем».

Второй адвокат Джонатан Марк построил свою защиту Чапмена на том, что его подопечный — человек с расстроенной психикой. Все отчеты содержат одно и то же заключение: «Это не было обдуманное преступление, оно было совершено в состоянии безумия». К тому же адвокат выступил против утверждений, что обвиняемый специально выслеживал Джона Леннона, как бы подкрадываясь к нему, а после убийства не испытывал раскаяния.

Прокурор Дэннис Эдвардс сумел доказать, что Чапмен действовал «сознательно, хладнокровно и преднамеренно: купил револьвер, занял 2000 долларов и приехал с Гавайских островов с твердым намерением убить Джона Леннона». Тем не менее, однозначно сказать, что Чапмен — человек со здоровой психикой, нельзя. Когда в суде ему была предоставлена возможность сказать последнее слово, он просто процитировал отрывок из книги «Над

пропастью во ржи».

По приговору суда Марк Дэвид Чапмен был приговорен к пожизненному заключению, с правом подать прошение об освобождении после 20 лет тюремного заключения.

Сейчас он по-прежнему отбывает пожизненное заключение в нью-йорской тюрьме Аттика. За время своего пребывания там Чапмен получил больше смертельных угроз, чем какой-либо другой заключенный в Америке. Даже отец не смог его простить и ни разу не навестил в тюрьме, хотя вторая жена и мать надеются на то, что он все-таки будет освобожден по амнистии и сможет начать новую жизнь.

Для того чтобы объяснить американцам, почему погиб Джон Леннон, на одном из нью-йорских телеканалов было организовано токшоу, участниками которого стали ученые-психиатры с мировым именем. Одну из наиболее убедительных версий выдвинул гавайский ученый Роберт Марвит. Он сказал: «Марк начал подписываться именем Леннона. Можно с уверенностью утверждать, что он был Ленноном или превращался в него. В критический момент Чапмен мог сказать себе: «Господи, Леннон знает, что нас двое. Я должен уменьшить их до одного». Но если рассматривать феномен Марка Дэвида Чапмена в комплексе, я не уверен, что мы когда-либо узнаем — что же в действительно управляло им, что же привело в движение этот дьявольский механизм».

Только в 1991 году, спустя 11 лет, Марк Чапмен согласился дать интервью и рассказать о событиях, связанных со смертью Джона Леннона. «Я верил Леннону. Все стены моей комнаты были увешаны фотографиями битлов. Я верил, что они делают все это не за деньги. С десяти лет я пропитывался правотой Джона Леннона, я принял его всем сердцем. Но вдруг я обнаружил в своей голове маленьких человечков». Американский корреспондент Джек Джонс, который брал интервью у убийцы Леннона, рассказывал о том, что Марк любил заводить для «этих человечков» пластинку, когда его родители не ссорились. Но если Марк впадал в депрессию, он мысленно уничтожал миллионы этих «человечков» с помощью воображаемой атомной бомбы. Марк рассказывал, что когда он стрелял в Джона Леннона — он испытывал ядерный гнев. В ту минуту ему хотелось взорвать атомную бомбу, которая бы уничтожила сотни невинных людей. К тому же он решил повторить путь, который проделал Холден Колфилд, главный герой книги «Над пропастью во ржи». Чапмен был твердо убежден, что убив Джона Леннона, он не только причинит боль и страдания миллионам поклонников «Битлз» по всему миру, но и не даст «обманщику» вводить в заблуждение

новых и новых поклонников.

Марк Чапмен трижды подавал прошение о помиловании. Но все они были отклонены. Против досрочного освобождения убийцы выступила не только вдова музыканта Йоко Оно, но и американская общественность. Письмо Йоко Оно, направленное в судебную комиссию по освобождению, заканчивалось предостережением о том, что если Чапмен выйдет на свободу, в обществе возродятся страх и ненависть и очень многие почувствуют, что их предали.

За день до кремации Леннона его жена и Пол Макартни выступили с совместным заявлением, в котором попросили всех фанов никогда не упоминать имя убийцы музыканта, чтобы он никогда не получил той славы, к которой стремился, совершая свое преступление.

Судебные процессы Майкла Джексона

Если на свете существует божество, отвечающее именно за неприятности и их количество в жизни каждой отдельно взятой личности, то знаменитый американский поп-король Майкл Джексон, безусловно, является его любимчиком, и за то, чтобы на голову «белого негра» проблем валилось как можно больше, этот небожитель следит с особым рвением. Причем, неприятности сыплются как из мешка, и каждая из них подобрана столь тщательно, что даже в гордом одиночестве может напрочь испортить жизнь любому обычному человеку. А может, никакого божества и нет, а дело только в самих людях? Однажды Паганини сказал: «Талант не любят, а гениев ненавидят». И он был абсолютно прав. Ведь Джексон, что бы о нем ни говорили, действительно талантлив. Такие личности безо всяких усилий со стороны могут отравить существование самим себе.

Майкл Джексон

А уж если к проблемам мятущейся души, не способной жить в мире даже с собой, добавляется желание окружающих обязательно покопаться в грязном белье «звезды», чтобы найти и

выставить на всеобщее обозрение хоть сколько-нибудь неприятные моменты… Да, слова «талант» и «проблемы», похоже, давно стали синонимами. Номы сами судоволъствием следим за тем, как «богатые тоже плачут», охотно читаем и выслушиваем сплетни, не особенно разбираясь, что в них правда, а что — плод богатой фантазии «акул пера». Обычных людей мало волнует реакция самого героя скандала на шумиху. Что ж, на то он и «звезда», чтобы находиться в центре внимания. И негативного в том числе…

Итак, нам предстоит поговорить о судебных процессах человека, который уже не один десяток лет служит генератором самых громких скандалов, но при этом умудряется не утрачивать своей популярности. О жизни певца написано много, и заново перебирать его биографию не имеет смысла. Стоит лишь напомнить, что Майкл вырос в многодетной семье, с детства был фактически забит деспотом-отцом, рано (в пятилетием возрасте) попал на сцену, а в 11 стал «звездой». Всю жизнь поп-король пахал, что называется, как вол, сначала содержа немаленькую семейку Джексонов, затем сколачивая собственное состояние.

Если бы в мире имелся титул «ходячее несчастье», то Майкл, несмотря на всю свою «звездность», оставил бы прочих конкурентов на это звание далеко за флагом. С ним постоянно что-то происходит: то несчастный случай на дороге, то нападение змеи, то возгорание собственной шевелюры, приведшее к пластической операции. Его избивали неизвестные белые, он несколько раз попадал в реанимацию, едва не скончавшись от истощения, перенапряжения, обезвоживания, крайне низкого давления, зависимости от обезболивающих препаратов. Певец страдает от затяжных депрессий, вполне «тянет» на пациента психиатра (чрезвычайно мнителен, нервозен, является живым воплощением множества фобий, патологически боится одиночества и одновременно опасается людей). К тому же не так давно стало известно, что Джексон — мизоген; мужчины, страдающие этой напастью, испытывают конвульсии при одном только приближении женщины. Пристрастие певца к пластическим операциям привело, фактически, к потере носа и к тому, что его лицо периодически «плывет» (то одно ухо становится заметно выше другого, то глаз «сползает» под невероятным углом). Да и само превращение Джексона из чернокожего в белого, если верить слухам, произошло не от хорошей жизни и ненависти к собственной расе. Существует мнение, что Майкл страдает витилиго, болезнью, при которой кожа обесцвечивается неровными большими пятнами. У негроидных личностей пораженные участки становятся яркого

светло-розового цвета. Представляете себе пятнистого поп-короля?! Вот и пришлось «ходячей неприятности» срочно ложиться на операцию по осветлению кожи. Кстати, в настоящий момент певца беспокоит прямо противоположная проблема: он начал стремительно (и опять-таки пятнами!) темнеть. Правда, один из институтов вроде бы попытался решить проблему несчастной «звезды» и занялся изготовлением препарата, благодаря которому Джексон избавится от угрозы напоминать далматина.

Вдобавок к прочим неприятностям Джексон стал рекордсменом по числу открытых против него судебных дел. Первое серьезное пятно на биографии певца появилось тогда, когда он находился на пике своей славы, в 1993 году. Обожаемого миллионами попкумира обвинил в сексуальных домогательствах несовершеннолетний подросток. За «раскручивание» дела и передачу его в суд взялся прокурор Томас Снеддон, однако в 1994 году скандал внезапно заглох: семья подростка пришла к соглашению со «звездой». Для этого Майклу пришлось прервать гастрольный тур, потерять рекламный контракт с фирмой «Pepsi» и перечислить на счет истцов 20 миллионов долларов.

В 2001 году поп-король снова оказался в центре скандала. Продюсер Пьер Марсель Авраам добился того, что певец очутился на скамье подсудимых после того, как по неизвестной причине сорвал два своих концерта. За это истец требовал выплатить ему неустойку в размере 21,2 миллиона долларов. Адвокаты тогда утверждали, что отложить концерты решил сам Марсель Авраам, о чем сообщил доверенным лицам «звезды» и лично Майклу по телефону. Продюсер же бил себя в грудь, доказывая: Джексон не имел никаких оснований для отмены выступлений.

В 2002 году певец пережил разбирательство, истцом на котором выступала компания «Union Finance and Investment Corporation», представители которой требовали от него возврата долга в размере 12 миллионов долларов. Судебные издержки «выкачали» из Майкла около 10 миллионов, но он получил отсрочку по выплате.

31 января 2005 года в небольшом городке Санта-Моника начался процесс, к которому было приковано внимание не только американцев. Джексону пришлось изрядно помотать себе нервы: по выдвинутым против него 10 пунктам обвинения ему грозило тюремное заключение сроком от 20 до. 72 лет!

Насколько напряженным был процесс, можно судить уже хотя бы по тому, что судьи начали совещаться насчет вынесения вердикта еще 3 июня, а окончательное решение огласили лишь 15-го. В общей сложности присяжным для принятия решения

потребовалось 32 часа заседаний!

История эта началась в 2000 году, когда на ранчо «звезды» попал тринадцатилетний подросток. Гэвин Арвизо страдал тяжелой формой рака, и в начале года лежал в больнице в тяжелом состоянии. Его семья добилась встречи со знаменитостью, после чего певец взялся оплачивать курс восстановительной реабилитации, показанный мальчику после курса лечения. Последствия химиотерапии тяжело сказались на Гэвине; по словам видевших его в то время, больной «был лысый и белый как бумага». Джексон выделил средства на необходимые препараты, на восстановительные процедуры в хорошей клинике, на поездки на дорогостоящие курорты. Некоторое время Гэвин безвылазно жил и на ранчо «Неверленд», которое покинул только в 2003 году.

Майкл говорил, что для него стало полной неожиданностью известие о судебном иске родителей Арвизо. Мать Гэвина и психоаналитик, под наблюдением которого находился подросток, утверждали: Джексон совращал мальчика, спал с ним в одной кровати, склонял к сексуальной связи.

Певец возмутился. Он назвал себя «лучшим другом маленьких детей» и объяснил, что даже свое ранчо (его название, кстати, переводится как «Земля, которой никогда не было») построил для того, чтобы подарить детворе то самое счастливое детство, которого сам был лишен. Мол, он скорее перережет себе вены, чем обидит ребенка. Майкл отрицал, что спал в одной постели с Арвизо, хотя и не скрывал: несколько раз он укладывался спать прямо на полу возле кровати Гэвина. Обиды на самого подростка Джексон не испытывал, поскольку, по его мнению, эту кашу заварили родители ребенка, решившие урвать у знаменитости изрядную сумму.

Когда полицейские, прибывшие в «Неверленд», предупредили Джексона о том, что в случае отсутствия певца в участке в течение часа будет выписан ордер на его арест, «звезда» «нарисовалась» у стен обитания Фемиды в. пижаме, тапочках, солнцезащитных очках и под зонтиком. Что поделаешь, Джексон не привык так рано вставать. Позже поп-король возмущался, что при задержании полицейские обращались с ним очень грубо, вывихнули ему плечо, а затем на 45 минут закрыли в общественном туалете. Правда, потом Джексона отпустили домой до суда — под залог в три миллиона долларов. Среди обвинений, предъявленных поп-королю, самыми серьезными являлись статьи, в которых речь шла о сексуальных домогательствах по отношению к несовершеннолетним, спаивании детей алкоголем, заговоре с целью похищения, неправомерном лишении свободы и

вымогательстве.

Адвокатская бригада во главе с Томасом Мезеро, занимавшаяся делом певца, со своей работой справилась блестяще. Мезеро (получавший по 600 долларов за каждый час своей работы на знаменитость) построил защиту на том, что с поп-короля алчные родители подростка пытаются просто вытянуть побольше денег, а прокурор одержим жаждой мести. Работа адвокатов облегчалась еще и тем, что обвинение привлекало свидетелей, которые либо начинали неожиданно высказываться в пользу певца, либо откровенно путались в показаниях. Например, брат Гэвина, на предварительной беседе со следователем утверждавший, будто наблюдал за приставаниями Джексона к больному с лестницы через открытую дверь, на суде говорил, что стал свидетелем грязной сцены, находясь в комнате и притворяясь спящим. По ходу разбирательства прокурор заявил: обвинение располагает показаниями пяти подростков, подтверждающими неподобающие отношения Майкла с несовершеннолетними мальчиками. Среди прочих Снеддон назвал имя кинозвезды Макколея Калкина («Один дома»). Однако Калкин, прибыв в зал суда, сразу же свел усилия обвинения на нет. Парень категорически заявил, что действительно неоднократно бывал в «Неверленде», но его и Джексона связывали исключительно дружеские отношения. Затем еще две задекларированные «жертвы» певца выступили на стороне защиты. В итоге присяжные признались: они ожидали от обвинения «чегото более убедительного». Члены суда также не пришли в восторг от вызывающего поведения Джанет Арвизо, матери Гэвина. Ушлая дамочка скорее всего «надавила» на сына и заставила его солгать, чтобы заполучить часть состояния «звезды». К тому же защита раскопала информацию о том, что Джанет Арвизо и ее младший сын подозревались (и не без основания!) в краже из супермаркета. Правда, женщина в итоге оказалась не в накладе: она выдвинула встречный иск, обвинив охранников в сексуальных домогательствах, после чего супермаркет отозвал иск и выплатил вороватой скандалистке 152 000 долларов. На счету истицы обнаружилось еще несколько мошенничеств, за которые ей, в свою очередь, придется отвечать перед судом.

Процесс завершился оправданием знаменитости. У прокурора Тома Снеддона, давнего ненавистника Джексона, после вынесения приговора был траурный вид. Он утверждал, что Майкла защитил его «звездный» статус, который и стал для присяжных решающим при принятии решения. Тем не менее Снеддон не собирался оспаривать приговор; прокурор просто

выразил надежду в будущем все равно увидеть поп-короля за решеткой.

Во время слушания дела городок, где проходило разбирательство, наводнили сторонники Джексона. На слушание дела явились также его многочисленные родственники и представители более 100 средств массовой информации.

Едва оправившись после стресса, «ходячая неприятность» американской эстрады едва не загремел за решетку снова. Теперь из-за невыполненных финансовых обязательств: компания — «Prescient Acquisition Group» требовала от Джексона 48 млн долларов, которые он якобы задолжал ей в виде комиссионных. Компания утверждала, что в ноябре 2004 года помогла певцу рефинансировать гигантский долг, составлявший 537,5 миллиона долларов. Деньги, изысканные с помощью «Prescient Acquisition Group», позволили Джексону не только расплатиться с банковскими долгами, но и купить вторую часть библиотеки песен — «Beatles», правами на которую он обладает. Однако певец не выполнил условие о выплате фирме комиссионных в размере 9 % от объема финансовых сделок, совершенных при ее участии. Скандал кое-как замяли.

После суда певец серьезно задумался над тем, чтобы осесть где-нибудь за пределами США. Агент «звезды» начал вести переговоры о покупке замка в Европе. Тем временем Джексон поправлял пошатнувшееся здоровье в Бахрейне. Там он приобрел две огромные виллы на искусственном острове, три автомобиля для себя и своих троих малолетних детей, открыл счета в местном банке и оформил постоянный вид на жительство. Уладив эти вопросы, Майкл занялся работой над записью благотворительного сингла, средства от продажи которого пошли на нужды американцев, пострадавших от урагана «Катрина». Певец решил избавиться от женоподобного облика, нарастить мышцы, сделать короткую стрижку и поменьше пользоваться косметикой.

Казалось бы, «страсти по Майклу» наконец улеглись. Однако, как выяснилось, это было очередное затишье перед бурей. Уже 30 ноября 2005 года стало известно, что певцу снова грозит суд — прокурор Томас Снеддон, похоже, и впрямь одержим манией загнать-таки Джексона за решетку. На сей раз он собирался предъявить «звезде» обвинение в употреблении, хранении и контрабанде наркотиков. По данным Снеддона, Майкл ежедневно принимает до 40 (!) различных наркотических препаратов. Во время обыска на ранчо «Неверленд» был обнаружен кокаин, и прокурор считает, что певец вывозил наркотики в Бахрейн.

На предыдущем процессе эксперты и в самом деле

обнаружили множество косвенных доказательств сильнейшей наркотической зависимости Майкла. В его спальне полиция нашла уйму болеутоляющих, успокоительных препаратов и антидепрессантов. Официально рецепты на них выписывались на имя служащих «Неверленда» и вымышленных лиц. Кроме того, у Джексона изъяли инструкцию, составленную врачом, о том, каким образом можно избавиться от зависимости от димедрола. Тогда же эксперты обнаружили на нижнем белье поп-короля следы кокаина. Но эта информация не была использована на суде. Ведь употреблять наркотики мог кто угодно из обслуживающего персонала, доступ к вещам и спальне певца имели как минимум 70 человек.

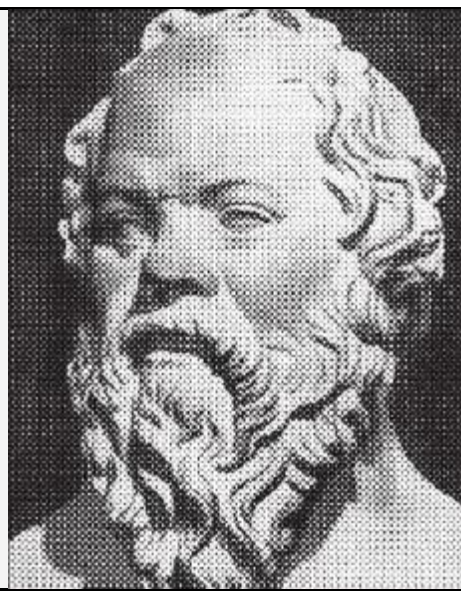
Правоохранительные органы рассмотрели показания бывшего охранника ранчо, Криса Картера, который утверждал, что неоднократно лично доставал для «звезды» антидепрессанты, пользуясь при их покупке в аптеке поддельными рецептами. К тому же Картер сообщил, что видел, как Джексон курил марихуану и делал себе инъекции неизвестного вещества. Так что пришлось полиции связываться с врачами Майкла и аптеками. Одновременно они проверили информацию о беспокойстве родственников и друзей певца по поводу его пристрастия к болеутоляющим средствам и антидепрессантам. Снеддон потирает руки: подобное обвинение грозит Майклу 20 годами лишения свободы… Друзья же музыканта утверждают: «Это не правосудие, это охота на ведьм».

Но гром грянул вовсе не в той стороне, где ожидалось. 10 января 2006 года поп-королю был предъявлен новый судебный иск по обвинению в сексуальных домогательствах к несовершеннолетнему. Истец утверждает, что в период с 1987 по 1999 год, когда ему было от двух (!) до 14 лет, Майкл неоднократно приставал к нему. Кроме того, певец якобы крал тексты и мелодии к песням истца, а также заставил свою «жертву» сделать пластическую операцию. На этот раз на скамье подсудимых Джексон был не один: ответчиками вместе с ним выступили компании «Sony» и «MJJ Productions». Слушания по делу начались 14 февраля. Но «мистеру ходячая неприятность» снова повезло: продолжавшийся четыре месяца суд завершился его полным и безоговорочным оправданием. Услышав приговор, Джексон прослезился, а его адвокат Томас Мезеро назвал оправдательный вердикт «настоящим торжеством правосудия».

Осужденные за веру и… безверие

«Мы должны Асклепию петуха.»

Состоявшийся в 399 году до н. э. суд над Сократом — один из самых, если так можно выразиться, резонансных процессов в истории человечества. Философ был обвинен в «непризнании богов греческого пантеона» и «развращении молодежи». Дело Сократа рассматривал 501 присяжный афинского суда. Голосами двухсот восьмидесяти одного из них мудрец был признан виновным. За смертную казнь Сократа проголосовали уже 360 присяжных. Через месяц философ, выпив кубок с ядом, самостоятельно исполнил приговор суда.



Сократ

Каждая эпоха грешит небрежным отношением к своим мудрецам. Греция на рубеже V–IV веков до н. э. — не исключение.

С одной стороны, интерес к любомудрию, философии, тяга к просвещению настолько велики, что появляется целый социальный слой — философы, люди «профессионально» мудрствующие. С другой — традиция все еще является стержнем, основой общества. Будь ты семи пядей во лбу — традиции, устою перечить не смей.

В тридцатые годы V века до н. э. был обвинен в неверии и изгнан из Афин материалист Анаксагор, учивший, что Солнце —

раскаленная глыба. Та же участь постигла поэта и философа Диагора (415 г. до н. э.). Через четыре года принудительно покинул Афины софист Протагор, а все его книги были публично сожжены.

Неспешно шедший по кривой афинской улочке человек несомненно хорошо знал обо всех этих случаях. Более того, вероятно, он собственными глазами видел судебные процессы и был знаком с обвиняемыми. Суд для жителя греческого полиса — развлечение похлеще театра. Тут тебе и трагедия, и комедия, да к тому же всё настоящее, невыдуманное. Греки устали от многолетних Пелопонесских войн, слившихся в одну растянувшуюся на долгие двадцать семь лет братоубийственную резню (431–404 гг. до н. э.). Какой уж тут героизм, когда грек проливает кровь другого грека, сражаясь за иллюзорные экономические интересы разных партий. То ли дело полувековая освободительная борьба против персов, принесшая когда-то греческим полисам свободу и независимость (449 г. до н. э.)!

Впрочем, мы отвлеклись и совсем потеряли нашего афинянина из виду. Еще бы не потерять! Неожиданно кривая улица закончилась — взорвалась многоголосьем шумной площади — агоры, центра жизни любого греческого полиса. И здесь наш знакомый — босой, бедно одетый, немного обрюзгший бородач — слился с толпой таких же бедняков и оборванцев, составляющих крикливое, рукастое тело любого базара.

Под оливковым деревом о чем-то спорят, смеются. Блеснула на солнце и снова скрылась в тени дерева знакомая лысина. Точно, это он: умный ироничный взгляд исподлобья, немного вздернутый нос, полные губы влюбленного в жизнь человека. Знакомьтесь — Сократ, сын

Софрониска, учитель мудрости и чудак! Его знает любой афинянин. Он тот самый мудрец, который сам признался, что ничего не знает. А вот кто уж точно во всем разбирается получше всех философов вместе взятых, так это женушка Сократа! Сварливая Ксантиппа прогнала из дома всех друзей и учеников своего мужа-бездельника! А какими словами она называла этих умников!

— Эй, Сократ, как ты можешь жить с такой женщиной? Воспитал бы в ней любовь к философии. Сам ведь не раз говорил о равных способностях мужчины и женщины.

— Видишь ли, люди, желающие стать хорошими наездниками, берут себе лошадей не самых смирных, а горячих. Вот и я, желая быть в общении с людьми, взял ее в том убеждении, что если буду переносить ее, то мне будет легко иметь дело со всеми людьми. Да хоть с тобой!

Удивительный все-таки человек, этот Сократ! До шуток ли ему теперь, когда другой согнулся бы под тяжестью выдвинутых ему обвинений. Впрочем, Сократ давно слывет человеком не от мира сего. Многие учителя-мудрецы берут с учеников немалые деньги, поэтому целые состояния сколотили. Любого софиста узнаешь по щегольскому парчовому наряду. А этот ходит босой, хорошо хоть получил небольшое наследство — тем и живет. Говорят, и в молодости во время Пелопонесской войны гоплит (тяжеловооруженный пехотинец) Сократ не уставал удивлять своих сослуживцев. «Как-то утром он о чем-то задумался и, погрузившись в свои мысли, застыл на месте, и так как дело у него не шло на лад, он не прекращал своих поисков и все стоял и стоял. Наступил уже полдень, и люди, которым это бросалось в глаза, удивленно говорили друг другу, что Сократ с самого утра стоит на одном месте и о чем-то раздумывает. Наконец вечером, уже поужинав, некоторые ионийцы — дело было летом — вынесли свои подстилки на воздух, чтобы поспать в прохладе и заодно понаблюдать за Сократом, будет ли он стоять на том же месте и ночью. И оказалось, что он простоял там до рассвета и до восхода солнца, а потом, помолившись солнцу, ушел», — говорит Алкивиад в платоновском «Пире». Во время войны Сократ проявил себя храбрым и выносливым воином. И если смерть — гнев богов — его не страшила, то гнев властей земных и подавно. Сократ старательно избегал участия в каких бы то ни было государственных делах. Когда же остаться в стороне не было возможности, поступал лишь по велению собственного сердца.

В 406 году до н. э. в Афинах состоялся суд над шестью афинскими стратегами, одержавшими блестящую победу близ острова Лесбос, но потерявшими свой флот во время жестокой бури. Дело было передано пританее, суду пятидесяти, в состав которой волею судеб в этот раз вошел и Сократ. Хотя по нормам афинского судопроизводства каждого из шести обвиняемых необходимо было судить по отдельности, поступило предложение определять совместную степень их виновности путем тайного голосования. Сначала большинство пританов было против подобного вмешательства в ход дела. Но, видимо, уничтожение видных военачальников было на руку кому-то из политиков. Угрозы и запугивания сделали свое дело: все пританы проголосовали за несправедливый суд. Все, кроме Сократа. Стратеги были казнены, а Сократ едва не угодил за решетку. Но еще большей опасности подвергся философ, когда в 404 году власть в Афинах перешла в руки Тридцати тиранов во главе с олигархом Критием. У того с Сократом были особые счеты. Както философ уличил его в попытке совращения молодого юноши.

Сначала Сократ поговорил с Критием с глазу на глаз. Это не помогло. Тогда мудрец сказал при всех: «У Крития, кажется, есть свинская наклонность: ему хочется тереться об Евтидема, как поросята трутся о камни». Как вспоминает ученик Сократа Ксенофонт, «с этого времени и стал ненавидеть Сократа Критий: будучи членом коллегии Тридцати и попав в законодательную комиссию с Хариклом, он припомнил это Сократу и внес в законы статью, воспрещавшую преподавать искусство слова». Естественно, Сократ не повиновался этому, как не повиновался он и тогда, когда вместе с другими четырьмя афинянами получил приказ об аресте Леонтия Саламинского, противника олигархов.

— Возможно, меня бы казнили, если бы правительство не пало в скором времени. — Голос Сократа тверд и спокоен. Кажется, ученики переживают за своего учителя гораздо больше, чем он за самого себя. Он совершенно не готовится к суду, не сочиняет обычной в таком случае речи, взывающей к милосердию.

Впрочем, зачем Сократу готовиться заранее? Противостояние прогрессивного философа и консервативной части афинского общества назрело давно. Тучи над головой Сократа сгущались постепенно, и первыми предвестниками грядущей бури стали безобидные на первый взгляд, но чрезвычайно колкие «Облака», комедия Аристофана (423 г. до н. э.), в которой драматург жестоко высмеял подобных Сократу проповедников. Таким образом, у философа было достаточно времени, чтобы тщательно продумать, что сказать своим оппонентам.

Непосредственным поводом для судебного разбирательства послужил начертанный на восковой дощечке донос за авторством поэта Мелета, ритора Ликона, а также влиятельного афинского политика Анита. Говорят, Сократ высмеивал и поэтов, и риторов, ну а уж политикам от него досталось и подавно! Диоген Лаэртский напишет: «Заявление подал и клятву принес Мелет, сын Мелета из Питфа, против Сократа, сына Софрониска из Алопеки: Сократ повинен в том, что не чтит богов, которых чтит город, а вводит новые божества, и повинен в том, что развращает юношество; а наказание за то — смерть».

Философ Лисий хотел было помочь другу и сам написал защитительную речь. Но получил ответ:

— Отличная у тебя речь, Лисий, да мне она не к лицу!

— Если речь отличная, то как же она тебе не к лицу?

— Ну, а богатый плащ или сандалии разве были бы мне к лицу?

Итак, в первый год 95-й олимпиады, в восьмой месяц по афинскому календарю, в предверии праздника цветов состоялся

суд над Сократом. Речь обвинителя ничего хорошего не предвещала.

— Сократ учил своих собеседников презирать установленные законы; он говорил, что глупо должностных лиц в государстве выбирать посредством бобов, тогда как никто не хочет иметь выбранного с помощью бобов рулевого, плотника, флейтиста или исполняющего другую подобную работу, ошибки которой приносят гораздо меньше вреда, чем ошибки в государственной деятельности. Подобные речи возбуждают в молодежи презрение к установленному государственному строю и склонность к насильственным действиям. И это только часть обвинения. Припомнили на суде и сократовского бога — внутренний голос, живущий внутри каждого из нас. Другой в подобной ситуации стал бы молить о пощаде, но что делает Сократ? Как он держится? О чем он говорит? О том, что оба обвинения нелепы и необоснованы. Сам он и не думает оправдываться. Он ведет себя не как обвиняемый, а скорее как судья косного полисного мировоззрения. Вот выдержка из его речи (Ксенофонт Афинский «Сократические сочинения»):

— Я, афиняне, прежде всего, удивляюсь тому, на каком основании Мелет утверждает, будто я не признаю богов, признаваемых государством: что я приношу жертвы в общие праздники и на народных алтарях, это видали все, бывавшие там в то время, да и сам Мелет мог бы видеть, если бы хотел. Что касается новых божеств, то как можно заключать о введении их мною на основании моих слов, что мне является голос бога, указывающий, что следует делать? Ведь и те, которые руководятся криком птиц и случайными словами людей, делают выводы, очевидно, на основании голосов. Они именуют предвестников будущего птицами, случайными словами, приметами, предсказателями, а я называю это божественным голосом и думаю, что, называя так, употребляю выражение более близкое к истине и более благочестивое, чем те, которые приписывают птицам силу богов. Что я не лгу на бога, у меня есть еще такое доказательство: многим друзьям я сообщал советы и ни разу не ошибся. Ты утверждаешь, Мелет, что я развращаю молодежь? Нам известно, в чем состоит развращение молодежи; скажи же нам, знаешь ли ты кого-нибудь, кого я сделал из благочестивого нечестивым, из скромного — нахалом, из экономного — расточительным, из умеренно пившего — пьяницей, из трудолюбивого — неженкой или рабом другой низменной страсти?

— Но, клянусь Зевсом, — отвечал Мелет, — я знаю тех, кого ты уговорил слушаться тебя больше, чем родителей.

— Согласен, — сказал Сократ, — однако относительно здоровья люди больше слушаются врачей, чем родителей; в Народном собрании, как известно, все афиняне слушаются больше разумных ораторов, чем родственников. Да ведь и при выборах в стратеги не отдаете ли вы предпочтение пред отцами и братьями и, клянусь Зевсом, даже пред самими собой тем, кого считаете главными знатоками в военном деле?

В довершении ко всему, когда судьи признали Сократа виновным и стали решать, какое наказание должен понести гордец, философ не преминул подлить масла в огонь: «По заслугам моим я бы себе назначил вместо всякого наказания обед в пританее». Такого унижения судьи не снесли. Смертная казнь!

Так как приближались празднества, приговор отложили на месяц. За три дня до казни Сократа в тюрьме посетил его друг, Критон, и предложил устроить побег. Но мудрец отказался.

В назначенный день в камере собрались его ученики и друзья. Сократ спокоен. Он тщательно моется, «чтобы избавить женщин от лишних хлопот — не надо будет обмывать мертвое тело».

— Как нам тебя похоронить? — спрашивает Критон, едва сдерживая слезы. А Сократ и теперь шутит:

— Как угодно, если, конечно, сумеете меня схватить ия не убегу от вас. Никак мне, друзья, не убедить Критона, что я — это только тот Сократ, который сейчас беседует с вами и пока еще распоряжается каждым своим словом. Он воображает, будто я — это тот, кого он вскорости увидит мертвым, и вот спрашивает, как меня хоронить! В камеру входит человек с чашей. Сократ словно давно ждал этого гостя:

— Вот и прекрасно, любезный. Ты со всем этим знаком — что же мне надо делать?

— Да ничего, просто выпей и ходи до тех пор, пока не появится тяжесть в ногах, а тогда оно подействует само. Сократ пьет цикуту так, словно это вино. Ученики более не могут сдерживать рыданий.

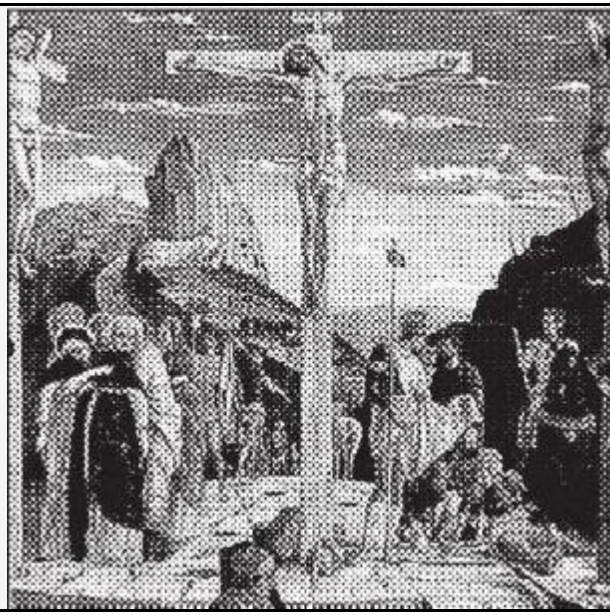
— Ну что вы, что вы, чудаки!.. Меня учили, что умирать должно в благоговейном молчании. Тише, сдержите себя! Старик спокойно ходит по камере, затем ложится на спину и закутывается в одеяло.

— Скоро отойдет. — тихо говорит человек, принесший чашу. Но будто вопреки его словам Сократ отбрасывает одеяло и четко проговаривает:

— Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте. Это его последние слова.

Суд, породивший цивилизацию

В 33 году н. э. в Иерусалиме был осужден за богохульство и распят назаретянин Иисус, сын Иосифа. На третий день его тело исчезло из могилы. Это предсказанное за сотни лет иудейскими пророками событие заложило основу новой религии, а с ней началась и новая эра в истории человечества.



А. Мантенья. Голгофа

Его появления давно ждала Палестина. Обещанный на заре времен Мессия должен был избавить иудейский народ от чужеземного гнета и восстановить наконец-то Божью власть в священном Иерусалиме. Еврейское государство утратило свою независимость в 63 году до н. э., когда римский военачальник Помпей, воспользовавшись царившей в стране междоусобицей, оккупировал Иерусалим. К началу I века нашей эры ситуация усугубилась тем, что со смертью Ирода Старшего (4 год до н. э.) титул царя Иудеи был упразднен и страной стал править римский прокуратор, наместник, не чтивший местных обычаев и нравов. Позор для избранного Богом народа! Все пророки указывали на этот сложный для израильского народа период как на время рождения Мессии, царя Иудейского. Поэтому появление

проповедника из Назореи вызвало такой ажиотаж. Все сходилось: Иисус был, как и обещано, из колена Иудина рода Давидова. Он родился в Вифлееме, как, согласно предсказаниям, и положено иудейскому царю. Что уж говорить о многочисленных чудесах, совершенных этим человеком. Но речь сейчас не о них. Каждый даже не считающий себя христианином европеец хорошо знаком с основными вехами жизни Иисуса Христа. Ведь эта история безразлично, является она всего лишь легендой или же это чистая правда, — один из краеугольных камней в фундаменте нашей культуры. Обратимся к тому моменту земного пути мессии, когда он стал объектом еврейского судопроизводства.

Прежде всего стоит отметить, что одно из древнейших в мире законодательств основывалось исключительно на Священном Писании. За полторы тысячи лет до рождения Христа Моисей предписал собирать для судебных разбирательств Великий Совет из 70 старцев — Синедрион. Главным принципом уголовного права был талион — возмездие за преступление: кто совершит убийство, должен быть предан смерти; кто повредит тело ближнего, тому должно сделать то же самое. И вот приходит Иисус, человек, который, по-мнению многих, должен укрепить израильское государство. Что же он делает в первую очередь? Ломает основы еврейского традиционалистского общества: отменяет талион. «Вы слышали, что сказано: «око за око и зуб за зуб». А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два», — говорит Христос в Нагорной проповеди. Церковники и фарисеи были в замешательстве: совсем не так должен себя вести царь — освободитель Израиля. Не приведет ли такое непротивление злу к полной ассимиляции евреев с другими народами Римской империи? И уж совсем не понравилось книжникам то, как Иисус творил чудеса: не как божий посланник, а как сам Бог. Как-то Мессия проповедовал в одном доме. Слушателей собралось столько, что никто больше не мог войти в помещение. Тогда близкие одного тяжело больного человека разобрали кровлю этого дома и спустили носилки с расслабленным прямо в комнату. Иисус, прежде чем исцелить больного, простил ему все грехи. А это, по мнению книжников, мог сделать только Бог. «Разрушу этот храм и через три дня восстановлю его», — пророчествовал Христос о собственном теле и его чудесном воскрешении, а фарисеи возмущались: на иерусалимскую святыню, символ веры, мол, поднял руку. Еврейские духовные лидеры посчитали Иисуса Христа опасным и

постановили пожертвовать одной жизнью ради спасения всего народа.

Итак, арест. Согласно нормам еврейского права, обвиняемый может быть взят под стражу только после судебного разбирательства. Исключение составляют случаи, когда подозреваемый может бежать либо оказать вооруженное сопротивление. Видимо, члены Синедриона сочли Иисуса Христа настолько опасным, что арестовали его среди ночи, до следствия, к тому же прибегли к помощи вооруженных солдат. Указать на Спасителя должен был предатель Иуда. Зачем он понадобился? Ведь лицо знаменитого проповедника и так было многим знакомо. Этот факт остается загадкой.

Сразу после ареста Христа не отправили в темницу, как обычно поступали с другими преступниками. Здесь мы сталкиваемся с еще одним вопиющим нарушением еврейского законодательства. Не дав обвиняемому хотя бы ознакомиться с сутью дела, стражники повели Иисуса сразу на суд. И это несмотря на то, что закон не позволял рассмотрение уголовных дел ночью. По дороге к дому первосвященника Каиафы, где должен был собраться Синедрион (или, учитывая поздний час, хотя бы его большая часть), Христа завели в дом отставного первосвященника Анны (Ханана). Здесь был учинен первый допрос Иисуса. Хотя как частное лицо Анна не имел юридического права допрашивать подозреваемого. Возможно, этот разговор был не более чем провокацией. У обвинителей не хватало доказательств вины задержанного. Опытный Анна мог легко выудить у Христа «нужные слова», которые бы дали возможность судить его не по еврейским, а уже по римским законам. Так было бы надежнее. Однако надежды книжников не оправдались. На все вопросы Иисус ответил лишь: «Я говорил явно миру; всегда учил в синагоге и в храме, где всегда иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего». После этих слов слуга ударил Христа по щеке.

Теперь Мессию повели во дворец первосвященника Каиафы, возглавлявшего Синедрион. Каиафу нельзя было назвать непредвзятым судьей. Именно ему принадлежит фраза о том, что лучше убить одного человека, чем потерять весь народ. Однако, несмотря на многочисленные лжесвидетельства, доказать вину Иисуса было нелегко. Тогда Каиафа просто спросил обвиняемого: «Ты ли Христос, Сын божий?» И получил ответ, которого так долго добивался Синедрион: «Ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных». Каиафа, не ожидавший такой легкой развязки, разодрал на себе одежды и закричал: «Он

богохульствует! На что еще нам свидетелей? Вот, теперь вы все слышали богохульство Его! Как вам кажется?» Вердикт Синедриона был однозначен: повинен смерти. После этого обвиняемый был избит. Загвоздка кроется в том, что согласно еврейскому закону самообвинение не являлось доказательством вины. Впрочем, даже если бы этой оговорки не существовало, с некоторых пор иудеи все равно не могли осудить кого-либо на смерть. Такое право имел лишь управлявший Палестиной римский прокуратор. Связанного Иисуса повели в преторию (присутственное место), к Пилату. Начиналось утро пятницы.

Иудей-богохульник вряд ли заинтересовал бы римлянина. Поэтому члены Синедриона представили Иисуса опасным для Рима преступником, возомнившим себя царем Иудеи. А это ведь уже сепаратизм! Подобного Пилат никак не мог оставить без внимания.

— Ты царь Иудейский? — спросил Иисуса наместник.

— От себя ты говоришь это, или другие сказали тебе обо мне?

— Разве я иудей?

— Царство мое не от мира сего.

— Итак, ты царь?

— Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего.

— Что есть истина? — скептически вздохнул Пилат и, выйдя к первосвященникам (те не входили в дом язычника, чтобы не осквернить себя), спокойно произнес:

— Яне нахожу никакой вины в этом человеке.

Услышав, что Иисус жил в Галилее, Пилат отправил обвиняемого к властителю этой области Ироду Антипе. Тот как раз приехал в Иерусалим на Пасху и гостил по соседству с Преторией, во дворце Асмонеев. Однако тетрарх Ирод особого интереса к «преступнику» не проявил. На его совести уже была жизнь одного праведника. Это по его приказу был казнен Иоанн Креститель. От нового пророка Ирод добивался хоть какого-нибудь чуда. Но Иисус молчал. Тогда Ирод облачил его в белые «царские» одежды и отправил снова к Пилату. Последний только что получил странное письмо от жены: «Не делай ничего Праведнику Тому. я ныне во сне много пострадала за Него.» Пилат окончательно решил отпустить Иисуса, но члены Синедриона были категорически против. Тогда прокуратор предложил народу в честь праздника отпустить одного из узников: праведника Иисуса или убийцу Варраву. И толпа, недавно встречавшая Христа с поистине царскими почестями, вдруг выбирает. Варраву. «Если отпустишь его (Иисуса), значит,

ты враг кесарю!» — подливали масла в огонь книжники.

Чем закончилась эта история, известно каждому. Мучения, смерть на Голгофе, дарующее надежду чудо. «Христос воскрес!» — говорим мы на Пасху. И получаем ответ: «Воистину воскрес!»

Однако есть историки, считающие, что все было не совсем так, как описано в евангелиях. Они указывают на множество нестыковок в Священном Писании. У одного евангелиста события разворачиваются в Пейсах, у другого — в преддверии праздника. Более того, ученые утверждают, что в пасхальную неделю Синедрион не только не выносил смертных приговоров, но даже не собирался для судебных заседаний. А уж осквернять себя избиением подсудимого. Далее, продолжают скептики от истории, у иудеев никогда не было обычая отпускать преступников в Пейсах. Это была римская традиция, но правом амнистии был наделен только сам император, а уж никак не один из его наместников. И пасхальным этот обычай стал только в 367 году н. э., когда христианство стало официальной религией в Риме. По мнению этой группы ученых, Христос — фигура вполне историческая, но все евангелия были написаны намного позже описываемых событий, когда иудеи были изгнаны римлянами с родной земли и рассеяны по свету. Их авторы просто не знали многих тонкостей иудейской жизни. Это было время острого противостояния новой, зарождавшейся религии и традиционного иудаизма. Эти непростые отношения, по мнению скептиков, отразились и в Новом Завете, расставив в нем явно антисемитские акценты. И именно здесь таятся корни многовековой ненависти христиан к евреям.

Что можно сказать на это? Внимательно читающий Библию вряд ли станет обвинять евреев в смерти Христа, рожденного еврейской женщиной. Для христианина Иисус не был жертвой иудеев, Пилата или сложившихся обстоятельств — Он шел по предначертанному свыше пути. Нехристианин воспримет эту историю как мудрую сказку, положившую начало одной из самых гуманных религий. А исполненный тупой злобы человек найдет призыв к братоубийству хоть в Евангелии, хоть в сонете Шекспира.

Так или иначе, но в расщелине Стены Плача хранится записка: «Боже отцов наших, избравший Авраама и его потомков, чтобы они несли имя Твое всем народам. Мы глубоко опечалены поведением тех, кто в ходе истории причинил страдания этим Твоим чадам. и, испрашивая у Тебя прощения, желаем установить поистине братские отношения с народом Завета. Иоанн Павел II». Не судите да не судимы будете.

Святая или колдунья? (Процесс над Жанной д'Арк)

История Жанны д'Арк и процесс над ней относятся к числу самых таинственных загадок истории. На многочисленные вопросы, связанные с жизнью и деятельностью Орлеанской девы, историки так и не нашли ответов. Многие из них связаны именно с судебным разбирательством, которое провела инквизиция во главе с епископом Бове Пьером Кошоном.

Жанна д'Арк

Жанна попала в плен в 23 мая 1430 года во время военной вылазки из осажденного Компьена против бургундцев, которые в Столетней войне выступали на стороне англичан. В народе ходили слухи, что ее предали придворные короля Карла VII, которые боялись роста популярности героини. Считали, что комендант Компьена Гийом Флави слишком рано опустил городскую решетку крепостных ворот и намеренно закрыл путь к отступлению.

Захватившие Жанну бургундцы передали девушку герцогу Люксембургскому, а тот уступил права на нее англичанам за 10 тысяч золотых монет. Регент Англии при малолетнем короле Генрихе VI герцог Бедфорд решил объявить ее колдуньей и

еретичкой. Тогда можно было оспорить права на французский трон Карла VII, которого при содействии Жанны д'Арк короновали в Руанском соборе.

Компьен находился на территории епископства, которое принадлежало Кошону. Бедфорд пообещал ему в случае осуждения девушки богатую Руанскую епархию, и Кошон потребовал выдать Жанну церковному суду по подозрению в колдовстве и ереси. В декабре 1430 года она была заключена в подземелье одного из руанских замков. Это было нарушением существующего в то время порядка. Поскольку узница должна была предстать перед трибуналом инквизиции, ее следовало содержать в женском отделении церковной тюрьмы.

Перед заключением в присутствии герцогини Бедфорд Жанну подвергли унизительному медицинскому освидетельствованию. Необходимо было установить, сохранила ли она девственность. Если нет, то в судебном решении была бы введена формулировка о «связи с дьяволом» и ведении распутной жизни. Однако тюремщики просчитались. Девушка оказалась невинной.

9 января 1431 года Жанна д'Арк впервые предстала перед инквизиторами. Узники инквизиции должны были обходиться без адвоката. Суд инквизиции исходил из презумпции виновности своих жертв, Жанна должна была защищать себя сама.

Процесс длился несколько месяцев, с февраля по май 1431 года. Только предварительный допрос длился с 21 февраля по 27 марта. Судьи рассчитывали, что необразованная девушка непременно попадется в какую-нибудь из многочисленных ловушек, которые расставил ей трибунал. Обвинительное заключение было составлено по-латыни и являло собой образец казуистики. Подсудимую пытались запутать многочисленными вопросами, на первый взгляд, не связанными друг с другом. Судьи подробно интересовались семьей Девы, ее жизнью в Домреми, «голосами», которые она слышала, одновременно пускаясь в запутанные теологические рассуждения. Инквизиторы пытались выяснить, не участвовала ли она в языческих обрядах, магическими свойствами ее меча, боевого знамени и кольца на руке, чтобы установить ее связь с темными силами.

Многочасовые допросы имели целью сломить ее и заставить либо допустить ошибки, либо признать себя виновной. Однако Жанна на удивление легко избегала ловушек и часто ставила в тупик инквизиторов.

В качества примера многие биографы приводят следующий факт. Однажды Кошон потребовал от Жанны, чтобы она прочла католическую молитву. Если бы Дева отказалась, это означало бы, что она продала душу дьяволу. Но девушка заявила, что готова

сделать это в том случае, если епископ примет у нее исповедь. В этом случае глава судилища не смог бы, не рискуя спасением своей души, признать подсудимую виновной. Ведь лгать и оговаривать себя на исповеди Жанна не стала бы, а значит, Кошон вынужден был бы признать ее невиновность. Епископу пришлось отказаться от своего требования.

2 мая Жанне предъявили формальное обвинение, а также потребовали отказа от «видений», мужской одежды и подчинения церкви. Она отказалась. Тогда ее привели в камеру пыток, чтобы запугать страшным видом орудий судопроизводства того времени. Однако девушка не испугалась. Пытки почему-то применять не стали, но продолжали запугивать Деву грядущим адом и мучительной казнью. Измученная девушка заколебалась. Она признала свою вину и была осуждена на вечное заключение.

Но Бедфорда такой исход не устраивал. Поэтому Жанну заставили вновь облачиться в мужскую одежду. К тому же она вновь начала утверждать, что ее видения были чистейшей правдой. Судьи получили возможность утверждать, что она — нераскаявшаяся еретичка.

29 мая состоялось новое судебное заседание. Его решением Жанну передали в руки светских властей, чтобы те организовали ее сожжение. 30 мая 1431 года Орлеанская дева взошла на костер и была сожжена в присутствии отряда англичан и жителей Руана.

Шли годы. Карл VII, ничего не сделавший, чтобы спасти Жанну, все же чувствовал себя неуютно. Ведь его право на французский трон оставалось под сомнением, так как на трон его возвела колдунья и еретичка. Необходимо было снять это обвинение. Поэтому через 25 лет после смерти Жанны он добился от папы Каликста III пересмотра суда, проведенного Кошоном. В 1455–1456 годах в Руане состоялся новый суд, который снял все выдвинутые против Жанны обвинения. А спустя почти шесть столетий — 16 мая 1920 года католическая церковь причислила ее к лику святых.

Такова общепризнанная версия процесса над Орлеанской девой. Однако, несмотря на хорошо сохранившиеся протоколы, среди биографов Жанны широко распространена и другая версия: вместо спасительницы Франции на костер взошла другая женщина, а сама Жанна осталась жива. Дело в том, что протоколы суда были сфальсифицированы Кошоном, а это открыло простор для разнообразных домыслов и толкований.

По одной из них, Жанну спас король Карл, который на самом деле был ее сводным братом по матери. Онто якобы и помог Деве бежать. По другой версии, побег организовал Бедфорд, который прислушался к просьбам своей жены Анны и герцогини

Люксембургской, сочувствовавшим Деве. Возможно также, что он заключил соглашение о сохранении жизни подсудимой с королем Карлом. Основанием для подобных толкований служат следующие факты.

В ходе судебного разбирательства Жанна не раз угрожала трибуналу, заявляя, что его члены подвергают себя опасности. Некоторые эпизоды процесса позволяют также предполагать, что Дева поддерживала связь с французским королевским двором. Все это стало основой для предположений о том, что Жанна была незаконнорожденной дочерью матери французского короля Изабеллы Баварской и герцога Орлеанского, то есть принцессой королевской крови.

В пользу такого предположения говорят свидетельства современников, которые утверждают, что Жанна обладала не только незаурядным умом, но была также образована, владела воинскими искусствами, которые в то время были уделом людей «голубой крови»

В деле отсутствует официальный акт, который подтверждает факт казни. Нет и упоминания о приведении приговора в исполнение. А в тексте материалов процесса, обнаруженных в Англии, утверждается, что девушка была приговорена к пожизненному заключению и долгое время содержалась в тюрьме на хлебе и воде. В некоторых французских хрониках факт сожжения тоже ставиться под сомнение. Это не удивительно, так как слух о чудесном спасении Девы быстро распространился по всей Франции. Парижские власти даже были вынуждены начать расследование. Они подозревали Кошона в том, что тот способствовал освобождению Жанны. Эти подозрения не были беспочвенными. Вспомним, что по непонятным причинам он так и не применил пыток в отношении подсудимой, хотя без них не обходился ни один процесс против «ведьм». Кроме того, как видно из документов, Кошон всячески затягивал процесс и, будучи опытнейшим юристом, допустил множество процессуальных нарушений. Это позволяет высказать предположение, что он сознательно готовил основания для кассации приговора. Когда же начали разыскивать ближайших помощников епископа, выяснилось, что все они скончались вскоре после руанского процесса. Позже, когда встал вопрос о реабилитации Жанны, начались поиски свидетелей. Однако и это ни к чему не привело. Все они под разными предлогами отказывались свидетельствовать, ссылаясь на плохую память или на отсутствие в Руане во время казни.

Вопреки бытовавшим в те времена правовым нормам, инквизиция вообще не выносила никакого приговора. Жанна

была передана в руки светских властей с ходатайством о наказании «без пролития крови» (так инквизиторы обычно «шифровали» свое требование казни через сожжение). Однако Лоран Жерсон, который в это время возглавлял судебную власть в Руане, свидетельствовал, что никакого приговора ни он, ни его подчиненные не выносили.

Считается, что казнь была осуществлена в присутствии многотысячной толпы. Однако известно, что солдаты не подпустили горожан близко к костру. По мнению части биографов, это было сделано для того, чтобы никто из близко знавших Жанну людей не мог видеть женщину, которую казнили. К тому же палач Жофруа Тераж, не раз видевший Жанну, во время казни ее не узнал. Нет упоминания о расходах, связанных с казнью Орлеанской девы, и в платежных книгах Руана, где они всегда тщательно фиксировались. Однако в этих же книгах присутствуют записи о выдаче денег на дрова для костра и оплату палача для казни двух «ведьм», которые тоже носили имя Жанна. Предполагают, что одна из них вполне могла подменить героиню Франции на костре.

Наконец, еще при жизни матери и братьев Жанны в Руане появилась некая Жанна д'Амбруаз, которая выдала себя за чудом спасшуюся Орлеанскую деву. Есть свидетельства, что мать и братья героини с ней встречались и подтвердили это утверждение. Признали даму д'Амбруаз и жители Орлеана. Несколько лет она ездила по городам Франции, где воскресшую «Деву» встречали с триумфом. Со временем она вышла замуж за Робера д'Армуаз, сеньора Тиммон, и родила ему двух детей. Примечательно, что их потомки до сих пор чтят Жанну как самую знаменитую из своих предков. По их мнению, Робер не мог жениться на женщине, не убедившись в том, что она именно та, за кого себя выдает.

И все же, несмотря на столь обширные свидетельства в пользу спасения Орлеанской девы, серьезные историки считают их несостоятельными, приводя множество контрдоводов в пользу официальной версии.

Жиль де Рэ — чудовище с маршальским жезлом?

Криминалистика знает много кровавых и отвратительных дел. Среди них одно из первых мест занимают преступления маршала Франции, барона Жиля де Рэ. В историю Франции он вошел как ближайший соратник и рыцарь Жанны д'Арк, колдун и чернокнижник, продавший душу дьяволу, а в историю криминалистики — как человек, который в наши дни заслужил бы репутацию маньяка и серийного убийца. Народ посвятил страшному владыке Тиффожа множество легенд. Одна из них послужила основой для сказки Шарля Перро «Синяя борода».

Жиль де Рэ

Жиль де Лаваль, барон де Рэ принадлежал к одному из знатнейших родов Франции. Его кузеном был французский король Карл VII Валуа. Жиль рано лишился родителей, при этом унаследовав огромное состояние. Воспитанием мальчика занимался дед, Жан де Краон, барон Шантосе и Ля Сюз.

Опекун заботился об образовании внука. Он привил ему любовь к чтению, театру и музыке. Однако наряду с этим внушал мальчику: «Род де Рэ выше законов Франции». Этому дедовскому

завету будущий маршал следовал всю жизнь. А первый урок вседозволенности ему преподал все тот же Жан де Краон. После двух неудачных попыток устроить судьбу внука, чтобы избежать третьего отказа, барон выкрал для него невесту. Ею была девушка богатого и знатного рода по имени Катрин де Туар. Она принесла жениху 100 тысяч ливров приданого и новые земельные владения. Благодаря этому браку юный барон стал одним из самых богатых людей Франции.

Обучали Жиля и военным искусствам. В четырнадцать лет он впервые принял участие в сражении с англичанами. Военное поприще привлекало де Рэ. В 1424 году он появился при дворе дофина Карла, который был символом сопротивления англичанам. Однако у принца не было средств на ведение войны. За свой счет Жиль набрал крупный отряд кавалеристов и под знаменами будущего короля начал участвовать в военных действиях против англичан, причем успешно. Он быстро заслужил репутацию блестящего рыцаря, храброго, упорного в бою, но крайне жестокого. Примечательно, что в те жестокие времена, чтобы заслужить такую славу, необходимо было совершить что-нибудь из ряда вон выходящее.

6 марта 1429 года Жиль встретился с Жанной д'Арк и посвятил себя служению Орлеанской деве. Он остался ей верен до конца. Весной 1431 года, в разгар процесса над Жанной, маршал во главе своего отряда сделал марш-бросок на занятую врагом территорию. Он намеревался ворваться в Руан и освободить Деву. Однако попытка сорвалась. Много лет спустя для жителей Орлеана Жиль де Рэ на собственные средства поставил спектакль, в котором прославлялись подвиги Жанны.

История этих взаимоотношений имеет продолжение. По одной из версий, на которой настаивают некоторые историки, Жанне все же удалось спастись. Она якобы вышла замуж за знатного дворянина д'Армуаз и объявилась в Орлеане. Там ее узнали многие, в том числе мать и братья. Жиль де Рэ принял Жанну у себя в замке, а затем в 1439 году отправился с ней вместе в поход против англичан.

Однако вернемся к более ранним событиям. В глазах короля репутация Жиля де Рэ постепенно началась меняться к худшему. До Карла начали доходить слухи, порочащие маршала. Речь шла о гомосексуализме, растлении малолетних и жестоком обращении с любовниками. Возможно, именно это послужило главной причиной того, что после неудачного наступления на Париж Жиль де Рэ был отозван из армии.

Оставшись не у дел, Жиль вернулся к книгам и научным занятиям. А наукой в те времена считали и алхимию.

Большинство же алхимиков сочетали практические эксперименты с магией. Брак де Рэ с Катрин оказался неудачным. С начала 1430-х годов супруги жили раздельно. Поэтому пагубные наклонности Жиля де Рэ некому было сдерживать.

В 1433 году маршал обосновался в замке Тиффож в Бретани. Тому образу жизни, который вел Жиль де Рэ, мог бы позавидовать сам король. Для местного дворянства устраивались роскошные приемы. Штат прислуги барона в поместьях насчитывал более 5 тыс. человек, а личная охрана — 200 всадников. 30 священников составляли штат замковой церкви. Все это требовало огромных расходов, и вскоре средства де Рэ начали таять с катастрофической скоростью. Уже через несколько лет, чтобы получить наличные деньги, де Рэ начал продавать и закладывать свои земли. Это встревожило его жену, и она обратилась за помощью к королю. В 1436 году Карл VII подписал эдикт, который запрещал маршалу продажу ленных владений. Кредиторы немедленно отреагировали на это. Они снизили объемы кредитования и увеличили ссудный процент.

С этого момента «научные занятия» Жиля де Рэ приобрели четко определенную цель. Чтобы добыть необходимые средства, он активизировал поиски философского камня, который, как считали алхимики, мог превращать любой металл в золото. Первый этаж замка Тиффож был переоборудован в лабораторию. Для проведения опытов маршал пригласил алхимика Жиля де Силля. Однако тот не оправдал ожиданий маршала. Ему на смену пришел Жан де ла Ривьера, потом дю Месниль. Но результатов не было. В поисках нужного ему специалиста Жиль де Рэ решил попытать счастья среди итальянцев. Судьба свела его с неким Франческо Прелати, который слыл большим знатоком оккультных наук, колдуном и чернокнижником. Он убедил барона в том, что может вызывать демона по имени Баррой, который поможет им добыть золото.

Прелати, объявивший себя служителем Люцифера, сыграл роковую роль в судьбе барона и направил его дурные наклонности на путь преступления. Баррой, как заверял маршала Прелати, требует человеческих жертв. Для проведения магических ритуалов в замок стали доставлять красивых мальчиков. Де Рэ, будучи не только гомосексуалистом, но и садистом, использовал их для удовлетворения своих патологических наклонностей и приносил в жертву демону. Подробности этих кровавых ритуалов ужасны и отвратительны, поэтому мы их опустим.

Приведем только один пример. Увлеченный рассказами Прелати, Жиль де Рэ приказал алхимику показать ему Баррона.

После длительной подготовки Прелати явился к хозяину и заявил, что демон находится в одной из комнат замка. Взволнованный де Рэ кинулся туда, но хитрый Прелати остановил его. Он заглянул в комнату, потом в ужасе отпрянул и заявил, что в комнате на груде золота сидит чудовище. Если барон заглянет туда, золото исчезнет. Жиль был храбрым человеком. Он распахнул дверь, но не увидел ничего, кроме кучи какого-то красноватого порошка. Прелати же заявил, что демон покинул комнату, а золото превратил в этот самый порошок.

Теперь барон был убежден в искусстве своего наставника и согласился заключить договор с демоном. В присутствии Прелати он подписал кровью составленный им самим документ, в котором уступал свою бессмертную душу Баррону. Через некоторое время Прелати объявил, что демон принял условия, но для его подтверждения необходимо зарезать на алтаре курицу или голубя. Жертва была принесена. Вскоре Прелати сообщил о новом требовании нечистого. Тот якобы настаивал на принесении еще одной жертвы. Теперь на алтаре должен был погибнуть некрещеный младенец. Это условие тоже было выполнено. Судя по всему, Жиль де Рэ не ценил человеческую жизнь: одним ребенком меньше, одним больше. Красивые мальчики продолжали исчезать на землях могущественного барона.

Вскоре по округе поползли зловещие слухи. Тем не менее маршал скорее всего так и продолжал бы свои «научные изыскания» совершенно безнаказанно, если бы делу не помог случай. В августе 1440 года барон на один год заложил свой замок Сент Этьенн де Мальмор казначею герцога Бретонского Жоффруа ле Феррону. Казначей же передал замок в управление своему брату, священнику Жану Феррону.

Через две недели слуги Жиля де Рэ, находясь в окрестностях замка, попросились на ночлег. Феррон отказал им. Взбешенный маршал во главе отряда в 50 человек ворвался в замок, избил управляющего, заковал его в кандалы и бросил в каземат в Тиффоже. Узнав об этом, герцог Иоанн V Бретонский, вассалом которого был Жиль де Рэ, потребовал, чтобы маршал освободил Феррона. Требование не было выполнено. Тогда Иоанн взял с собой 200 вооруженных солдат и отправился в Тиффож. Де Рэ вынужден был отпустить пленника. Ему предстояло ехать в Нант, где находилась резиденция герцога, чтобы дать объяснения. К этому моменту он начал беспокоиться за свою безопасность и решил посоветоваться с Прелати. Алхимик заверил хозяина: Баррон убежден, что маршалу ничего не угрожает. Действительно, герцог принял объяснения своего вассала и отпустил его с миром. Однако это происшествие не было забыто.

Нантский епископ Жан де Мальтруа, возмущенный расправой над священником, в своей проповеди заявил о том, что маршал Жиль де Рэ совершает преступления против малолетних детей. Он призвал прихожан сообщить ему все, что они знают об этом. На тот момент епископу был известен только один факт — в декабре 1439 года в принадлежащем барону замке Машкуль исчез десятилетний сынишка супругов Эйсе. Их заявление уже несколько месяцев лежало у епископа. Теперь же, после случая с Фарроном, он решил дать ему ход.

Сразу же после проповеди к епископу обратились восемь горожан, готовых свидетельствовать об исчезновении детей в замках маршала. На следующий день стало известно еще об одном случае. Эти сведения епископ Нантский передал в трибунал инквизиции Бретани. Его глава Жан Блуэн слышал немало об алхимических опытах де Рэ. Он быстро составил обвинительный акт из 47 пунктов. Маршала обвиняли в колдовстве, человеческих жертвоприношениях, сексуальных извращениях, убийствах детей, расчленении их трупов и других преступлениях. Копия акта была направлена герцогу Бретонскому и Генеральному инквизитору Франции Гийому Меричи.

13 сентября 1440 года Жиля де Рэ поставили в известность о выдвигаемых против него обвинениях. Ему следовало явиться в епископальный суд для дачи объяснений. Параллельно собственное судебное разбирательство решил начать и герцог Бретонский. Положение Жиля де Рэ усугубилось тем, что двое его доверенных слуг, Бриквиль и Силье, тут же сбежали. Это усилило подозрения.

На заседании герцогского суда, которое состоялось 17 сентября, стало известно о бегстве подручных барона. Прокурор Бретани Гильом Копельон отдал приказ схватить их, а также начать допросы всех слуг в Тиффоже. Им был составлен длинный список лиц, которые, по его мнению, могли сообщить ценные сведения. Круг свидетелей позволяет предположить, что в замке у прокурора были осведомители. Уж очень точно были названы все, кто был причастен к деятельности маршала.

Сразу же были схвачены находившиеся в замке колдуны Гриар и Корилло. Наряду с Прелати они проводили магические обряды. Была арестована и «бабка Мартен», которая поставляла маршалу детей. Вскоре были пойманы Бриквиль и Силье. Де Рэ в это время в Тиффоже не было. Он уехал в Нант, чтобы предстать перед епископальным судом, заседание которого должно было состояться 19 сентября. Однако в назначенный день оно не состоялось. Очевидно, суду необходимо было собрать дополнительные сведения.

28 сентября 1440 года Жиль де Рэ предстал перед обвинителями. В зале присутствовали представители и духовного и светского судов. Маршал отверг все выдвинутые против него обвинения. Он потребовал адвоката и нотариуса для ведения протокола, параллельно судебному. Однако его требования были отклонены.

8 октября начались предварительные слушания. Незадолго до того на всех площадях города было объявлено, что на суде имеют право присутствовать представители всех сословий, которые могут сообщить чтонибудь по делу Жиля де Рэ. В результате в зале городской ратуши, где проходило заседание, собралось огромное количество народа. Многие горожане стояли на площади перед ратушей в надежде узнать последние новости как можно скорее.

Герцогский суд возглавлял канцлер Бретонского парламента Пьер де Лопиталь. Епископальный суд представляли 4 епископа во главе с Жаном де Малеструа. Присутствовал на суде и представитель французской инквизиции Жан Блоэн.

Жиль де Рэ вновь потребовал адвоката и нотариуса и вновь получил отказ. Гийом де Копельон начал читать пункты обвинения. После каждого у маршала спрашивали, признает ли он себя в совершении описанных действий. А взбешенный де Рэ кричал, что не признает законности самого суда. Люди в зале были возмущены. Мужчины осыпали барона оскорблениями, а женщины пытались прорваться через конвой, чтобы плюнуть ему в лицо. Когда же было зачитано обвинение в убийстве 16 детей и подробности этих убийств, зал зашелся в крике. Многие женщины падали в обморок. Однако Жиль де Рэ по-прежнему хладнокровно все отрицал и требовал адвоката.

На следующий день, после того как все пункты обвинения были зачитаны, суд признал их серьезными и принял дело к формальному рассмотрению. Маршала попросили высказаться по поводу обвинений. Он закричал, что лучше пойти на виселицу, чем в суд, где все обвинения лживы, а судьи — продажные злодеи. Епископ Нантский тут же отлучил подсудимого от церкви и заявил, что ему дается два дня на подготовку к защите.

На очередном заседании де Рэ отказался присягнуть на Библии, а также участвовать в прениях и задавать вопросы свидетелям. Но это мы узнаем из протоколов, так как на этот раз зрителей в зале не было. Суд по одному приглашал войти только свидетелей и лиц, которые хотели сделать заявления по делу. Таким образом было опрошено 108 человек. Среди них едва ли не самые важные показания, свидетельствующие против обвиняемого, дал Прелати. Алхимик и личный духовник барона,

Жиль де Силль, даже нарушил тайну исповеди. Суд решил, что пересказ общего содержания исповедей может быть принят к рассмотрению.

Наконец суд, убедившись, что Жиль де Рэ не собирается признавать свою вину, принял решение о применении пыток. После нескольких неприятных, но не слишком мучительных «процедур» барон обещал изменить свое поведение в суде.

На следующем заседании Жиль де Рэ преклонил колена перед епископом Нантским и попросил снять с него отлучение от церкви, потом принес присягу на Библии и согласился рассказать о своих преступлениях. Барон подтвердил правильность всех выдвинутых против него обвинений за исключением одного. Дело в том, что от Прелати суду стало известно о подписании договора с демоном. Это грозило обвиняемому сожжением. Видимо поэтому де Рэ заявил, что ничего подобного в действительности не было.

Однако огромное количество кровавых преступлений, ужасных по своей сути, не могло оставаться безнаказанным. В конце концов, под грузом свидетельских показаний, Жиль де Рэ сознался в убийстве 800 детей и подтвердил все, что совершал при этом. Такое количество злодеяний повергло суд в шок. Было решено инкриминировать подсудимому только 150 из них как доказанных свидетельскими показаниями.

24 октября 1440 года суд обратился к жителям герцогства Бретонского с изложением полученных признаний. Всем честным католикам было предложено молиться за обвиняемого. На следующий день епископ Нантский вторично отлучил де Рэ от церкви «за тяжкие преступления против Церкви и Веры, а также против законов человеческих». В тот же день канцлер Бретонского парламента подписал приговор. Маршал был приговорен к сожжению живым. Одновременно с ним на костер должны были взойти и его подручные Анри Гриар и Этьен Корилло, которые принимали непосредственное участие в убийствах.

Однако Жилю де Рэ было предложено примириться с церковью. Таким образом он становился раскаявшимся еретиком, а значит его нельзя было сжигать заживо. В этом случае приговоренного предварительно умерщвляли (душили), и только после этого его тело предавалось сожжению.

Жиль де Рэ примирился с церковью. Утром 26 октября он принес публичное покаяние в совершенных им преступлениях в кафедральном соборе Нанта. Он попросил прощения у церкви, короля и родителей умерщвленных им детей. Преступник говорил, что страшится небесного суда и просит всех, кто слышит его в ту минуту, молиться о спасении его души. В 10 часов утра

маршал расстался с жизнью. Едва костер разгорелся, тело преступника сняли и передали родственникам. Однако те не захотели хоронить его в фамильном склепе. Тело покойного нашло вечное пристанище в монастыре кармелиток на окраине Нанта.

Из всех, кто помогал барону в совершении преступлений, пострадали только его ближайшие слуги, Гриар и Корилло. По постановлению герцога Анжуйского из тюрьмы был освобожден даже Прелати. Герцог сделал его своим придворным алхимиком. Мага заставили отречься от магии, выучить молитву «Символы веры» и исполнить наложенное на него церковное наказание — епитимью.

Существует и другая версия знаменитого «дела» Жюля де Рэ. Суть ее сводится к следующему.

Барона де Рэ, соратника Жанны д'Арк и активного борца с английским нашествием, «убрали» англичане. И епископ Нанта Мальтруа был всего лишь их орудием. Да и герцог Бретонский был заинтересован в том, чтобы суд вынес обвинительный вердикт. Герцог скупал земли разорившегося де Рэ, пренебрегая, таким образом, запрещением короля Франции продавать ленные владения барона. К тому же светский суд герцогства, который, собственно, и приговорил Жиля де Рэ к смертной казни (церковный суд после признания бароне счел его примирившимся с церковью), также обязал Жиля де Рэ выплатить штраф в пользу герцога Бретонского.

Эта версия действительно имеет право на существование, так как в процессе над Жилем де Рэ оказалось слишком много темных пятен. Во-первых, в замках барона не было найдено никаких тел. Во-вторых, свидетели обвинения говорили только об исчезновении детей, но не о том, что видели, как их похищали слуги барона. Ну, а слуги барона, на основании показаний которых (они признались, что совершали убийства вместе с господином, но кто бы не признался после ужасных пыток) было состряпано обвинение, путались и противоречили друг другу. При этом следует заметить, что ни один паж, оруженосец или дворянин из свиты барона не был привлечен в качестве свидетеля. Почему? Вероятно, на людей благородного сословия, не таких зависимых, как слуги, не так легко можно было надавить — их нельзя было пытать, ведь они были лишь свидетелями.

Итак, практически доказано было только занятие алхимией. При этом главное действующее лицо и вдохновитель этих опытов, Прелати, не только не был казнен, но и стал придворным алхимиком герцога Рене Анжуйского.

И возможно, самое главное доказательство невиновности

маршала — нантская толпа, которая горячо приветствовала де Рэ и молилась за него, когда его вели на казнь. Может быть, люди не слишком поверили обвинителям. Что же касается признания самого Жиля де Рэ в преступлениях, то в те времена, когда применение пыток было законным, не многие сумели бы выстоять, даже если были ни в чем не повинны.

Три процесса по делу о мултанском жертвоприношении

Процесс группы крестьян-удмуртов, жителей села Старый Мултан, обвинявшихся в принесении человеческой жертвы языческим богам, — одно из самых громких и памятных дел конца XIX века. Трижды состоялся суд, причем дважды он заканчивался тем, что невинных людей приговаривали к каторге.

В начале 90-х годов XIX века на Вятскую губернию обрушилось сразу два несчастья. Во-первых, крестьянские хозяйства оказались в упадке из-за двух подряд неурожайных годов. Во-вторых, по Волге и Каме летом 1891 года начал гулять тиф. Эпидемия быстро обрела невиданный размах, поставив под угрозу жизнь всего трудоспособного населения невезучего края.

В Старотрыкской волости Малмыжского уезда картина наблюдалась неоднородная. Часть сел действительно едва ли не вымирала от голода и страшной болезни, а рядом преспокойно вели обычную жизнь обитатели «островков благополучия», у которых и хлеба на полях уродилось много, и которые о тифе не слышали. Одним из таких «оазисов» посреди всеобщего бедствия оказались крупные села Старый и Новый Мултан, население которых составляли в основном удмурты (тогда представителей этой народности называли вотяками). По соседству с указанными селами находились русские деревни Аныk и Чулья. Эти населенные пункты соединяли сразу две дороги: узенькая тропинка, бежавшая по заболоченной низине через лес, и широкая проезжая дорога в обход леса.

Весной 1892 года именно в этой местности произошли страшные события, оставившие неизгладимый след в истории российской криминалистики. Речь идет о «деле о мултанском жертвоприношении». 5 мая одна из жительниц деревни Аныk собралась проведать свою старую бабку, обитавшую в Чулье. Поскольку погода стояла довольно жаркая, девушка решила не тащиться в обход, а пройти через лес. Отойдя от родной деревни на 400 метров, шестнадцатилетняя крестьянка увидела, что в топком, болотистом месте тропы, куда местные жители во избежание провала грунта накидали небольших бревен, лежал человек. Ноги и руки его свешивались с гати, почти касались луж, на голову завернулась пола коричневого азяма (двубортного кафтана без пуговиц) с синей заплатой, так что было видно рубашку в синюю полоску. Потертые темно-коричневые штаны и

видавшая виды котомка являлись отличительной приметой путника-бедняка.

Девушка «находке» не удивилась: эка невидаль, уснул мужик в подпитии там, где ноги подвели! Да и что с ним станется-то средь бела дня да по хорошей погоде? Потихоньку обойдя лежащего, крестьянка отправилась дальше. Однако 6 мая, когда загостившаяся внучка возвращалась домой, «пьяница» продолжал перегораживать тропу. Вот только проспаться у него явно не было шансов ввиду отсутствия. головы! Пола азяма сдвинулась, и едва не потерявшая от страха рассудок девушка увидела, что у тела нет даже шеи. Вместо нее чернела страшная рана.

Девушка кинулась домой не разбирая дороги. Спустя несколько минут ее отец вызвал на место происшествия полицию. Правда, урядник Соковников появился на гати только во второй половине дня 8 мая. А двумя днями позднее в Старый Мултан прибыл пристав Тимофеев, который составил акт осмотра местности. Позднее именно этот документ лег в основу возбужденного уголовного дела. Пристав указал, что края раны на месте шеи красные, кровавые. Сгусток крови, как пробка, полностью закупорил трахею. Такое могло произойти только в одном случае: если мужчине еще живому отрезали голову, когда сердце еще билось.

Под правым плечом трупа пристав обнаружил ровно срезанную прядь светлых волос. Тимофеев не обнаружил на окружавших тело предметах следов крови (хотя одежда ею была буквально пропитана). Поэтому полицейский предположил, что убийство произошло в другом месте, после чего преступник (или преступники) отволок тело на тропу.

Личность жертвы преступления установили просто. В котомке обнаружилась справка, выданная в уездной больнице жителю деревни при Ныртовском заводе Казанской губернии Конону Дмитриевичу Матюнину. Вскоре, опросив знавших Матюнина людей, полиция подтвердила: погиб именно указанный человек.

Одним из понятых, подписавшихся под актом Тимофеева, был житель деревни Аник Сосипатр Кобылин. Участие этого человека, который постоянно говорил о том, что вотяки используют в своей практике человеческие жертвоприношения и время от времени «замаливают» людей именно таким вот зверским образом, сильно повлияло на ход следствия. Жители Аника сразу же начали доказывать Тимофееву, что никто, кроме соседей-иноплеменников, совершить убийство не мог.

Страшная находка лежала на земле, приписанной к общине деревни Аник. Именно она должна была принять тело на сохранение до момента его отправки в волость, а также снарядить

транспорт для этой цели. Однако пристав решил отвезти труп в Старый Мултан. Причиной такого вопиющего нарушения правил стало личное раздражение Тимофеева. При осмотре местности к нему несколько раз обращались удмурты, которые указывали на следы крови на бревнах гати. В очередной раз увидев в руках непрошенных помощников окровавленные щепы, пристав озверел, наорал на вотяков, отобрал их находку и зашвырнул ее в болото. Немного остыв, полицейский поинтересовался у настырных «следователей», откуда они родом. Услышав, что крестьяне являются жителями Старого Мултана, Тимофеев насторожился: уж больно крепко въелись в его сознание россказни о «вотяцких жертвованиях». Естественно, в желание удмуртов помочь пристав не поверил, решив, что те просто пытаются отвести от себя подозрения.

Итак, тело доставили на окраину Старого Мултана, завернули в рогожу и опустили в ледник, приставив к временному захоронению караул. Ведь для расследования требовались результаты патологоанатомического вскрытия, а уездный врач, в чьи обязанности входили подобные исследования, мотался по охваченной эпидемией тифа местности.

Тем временем Тимофеев и волостной старшина Попугаев провели допрос девяностолетнего жителя Старого Мултана Андрея Григорьева, которого местные крестьяне считали шаманом и лекарем. Одинокий старик, переживший своих детей, уже несколько лет практически не выходил из дому, поскольку ноги отказались ему служить. Григорьев объяснил гостям, что отправлением каких-либо вотяцких религиозных ритуалов не занимается и за лечение больных в силу возраста уже не берется.

В то время многие местные удмурты сохраняли верность своим древним верованиям. В округе имелось два «родовых шалаша», в которых приносились жертвы покровителям племен. Следует отметить, что практически каждый удмуртский род имел своего «патрона», чужие шалаши никто никогда и ни под каким предлогом не посещал и в праздниках соседей-иноверцев не участвовал. Два «родовых шалаша» в Старом Мултане принадлежали представителям двух племен — учуркам и будлукам. 17 мая помощник окружного прокурора Раевский обнаружил в них следы костра, посуду, связанную с жертвоприношениями (запачканные засохшей кровью, с налипшими перьями и шерстью животных) и. закрепленные под самым коньком крыш иконы Николая Чудотворца! Особое внимание полиции привлек шалаш во дворе дома зажиточного крестьянина Моисея Дмитриева. Располагался он практически в центре деревни, по соседству с управой. Хозяин ритуальной

постройки, правда, утверждал, что не пользовался жертвенной посудой уже более полутора месяцев. При обыске у Дмитриева нашли полотняную котомку-пестерь, всю в потеках липкой красной жидкости. Хозяин дома клялся, что это — только ягодный сок. Но полиция ему не поверила и взяла удмурта под арест, приобщив к делу и злополучный пестерь, и кафтан Моисея, также запачканный подозрительной жидкостью.

Уездный врач Минкевич добрался до Старого Мултана только в начале лета. Вскрытие обезглавленного тела он произвел 4 июня. Оказалось, что Матюнин не только лишился головы. Врач обнаружил ранее полностью скрытый нательной рубахой погибшего обширный и глубокий разрез, начинавшийся в верхней части тела и достигавший на спине пятого ребра. Ключица и пять ребер в самой толстой их части, рядом с позвоночником, оказались разрубленными. В этом же месте были полностью разделены довольно толстые мышцы спины. Такое повреждение могло стать следствием не одного, а нескольких последовательных ударов. В грудной клетке трупа отсутствовали сердце и легкие. Их, видимо, извлекли через вышеупомянутый разрез. На животе обезглавленного повреждения отсутствовали, но ноги носили следы сдавливания. Причем оставлены они были не веревкой. Причиной смерти Матюнина стало именно отсечение головы; затем, пока ткани тела сохраняли эластичность, кто-то рассек торс и изъял органы из грудной клетки. Между самим убийством и извлечением сердца и легких могло пройти не более 12 часов.

Заключение патологоанатома заставило всех участников расследования сосредоточить внимание на необычном характере этого преступления. Ведь для жителей губернии не было секретом то, что вотяки, как и их предки, приносили своим богам кровавые жертвы. При этом баранов или домашнюю птицу не просто убивали. Из них извлекались внутренности, которые затем сжигались. А поскольку рядом с телом Матюнина не обнаружили ни легких, ни сердца, следователи поверили, что они послужили для жертвоприношения неизвестных лиц.

Особенность «мултанского дела» заключается прежде всего в том, что следствие в этом случае строилось не на анализе улик и показаниях свидетелей, а на основе обывательских сплетен. Взять хотя бы деятельность урядника Рогозина, в обязанности которого входило установление иных случаев человеческих жертвоприношений вотяками. В «расследовании» чрезмерно старательного урядника здравый смысл явно не принимал никакого участия. Так, он почему-то решил, будто утонувший двумя десятками лет ранее мальчик, житель одного из окрестных

сел, на самом деле был принесен в жертву. Несмотря на уверения матери погибшего, что в смерти ребенка винить некого, Рогозин состряпал рапорт, который затем не только был подшит к делу, но и фигурировал в обвинительном заключении по делу «о мултанском жертвоприношении» как документ, доказывающий реальность принесения вотяками человеческих жертв.

Тем временем самодеятельные следователи, которые старательно выискивали «соучастников» Дмитриева, арестовали двоих местных дурачков: Михаила Титова (племянника девяностолетнего Григорьева) и Константина Моисеева. Убогих бросили в погреб и начали запугивать, а Титова к тому же избили. Во время допроса Моисеев вспомнил, как глава крестьянской общины, сотский Семен Красный (Иванов), в начале мая привел незнакомого нищего бродягу и сдал его суточному дежурному, Василию Кондратьеву. Полиция тут же посадила обоих упомянутых мужчин под арест.

Титов тем временем признался, что «дедушка Акмар» (шаман Андрей Григорьев) занимается лечением на дому. После этого «коллекция» «убийц» пополнилась девяностолетним дедом, едва передвигавшим ноги. Аргумент полиции звучал железно: во-первых, старик — колдун, а во-вторых, он врал, что больше лечением не занимается.

Наконец, деревенских дурачков выпустили из подвала. К тому моменту Соковников установил, что 5 мая Дмитриев вместе с женой возил зерно на мельницу. А значит, мог свернуть с дороги на тропинку, чтобы выбросить тело убитого Матюнина. 7 мая нелегкая понесла вотяка по ягоды (тогда-то он и выпачкал злополучный пестерь). Но Соковников был убежден: в указанный день Дмитриев избавился от головы жертвы. Тем более что для похода в лес хозяин «родового шалаша» выбрал себе странного напарника. Некий Кузьма Самсонов считался в селе неофициальным забойщиком скота. Он не боялся крови, мог убить крупное животное одним ударом в сердце, имел недюжинную силу и точный глаз. В общем, по мнению урядника, идеально вписывался в образ кровавого злодея, который убил Матюнина в «родовом шалаше» Дмитриева. Естественно, после этого забойщик скота пополнил число арестованных.

Тем временем экспертиза пятен на кафтане Дмитриева и пестере, проведенная медицинской палатой, гласила: на ткани и в самом деле был только ягодный сок. Проверка же принадлежности волос, которые были на жертвенной посуде вперемешку с перьями, подтвердила их животное происхождение. Что же касается крови, то в 1892 году медицина еще не умела отличать кровь животных от человеческой. Тем не менее

жертвенная посуда стала на суде одним из аргументов обвинения.

Наконец арестованных отправили в Вятку, в губернскую тюрьму, а «мултанским делом» занялся урядник Жуков. Он тут же посадил за решетку своего заимодавца, кулака Василия Кузнецова, который в ночь с 4 на 5 мая стоял в деревенском карауле. Комизм ситуации заключался в том, что Кузнецов по национальности был русским, исповедовал православие и к тому же был старостой местной христианской общины.

К уряднику вскоре после этого совершенно бестолкового ареста явился местный батюшка и попробовал указать служаке, что тот явно переборщил. Ведь православный храм в Старом Мултане стоял к тому моменту уже более 40 лет, многие удмурты приняли христианство. Если бы вотяки практиковали человеческие жертвоприношения, скрыть это просто не удалось бы. Но Жуков выгнал священника, нарушавшего всю «стройность» сделанных следователями умозаключений. Батюшку даже не допросили официально, как это принято при расследовании дел с религиозной подоплекой.

С. Кобылин, подписавший в качестве понятого протокол осмотра места обнаружения обезглавленного трупа, и его брат Михаил тем временем рассказали уряднику о ритуальных убийствах вотяков. Якобы последние ежегодно приносят «злому богу Курбону» в жертву жеребенка, а каждые 40 лет отдается на заклание «великая жертва» — живой человек-иноверец, которому отрезают голову и вынимают сердце и печень. Затем тиун (колдун) сжигает внутренности в пламени костра. Урядник поспешил передать сии откровения в губернию. Слова Кобылина были занесены в обвинительный акт, а самого «этнографа» вызывали на процесс в качестве свидетеля. Оказалось, что исключительная осведомленность крестьянина объясняется просто: в 1882 году о человеческих жертвоприношениях ему рассказал неизвестный вотяк, с которым Кобылин сильно напился в придорожном трактире. К тому же, «этнограф» имел зуб на удмуртов, поскольку, будучи распорядителем местного склада резервного зерна, банально проворовался и вдрызг разругался с односельчанами. Только жалоба обманутых в губернию и последовавшая проверка заставили ворюгу расстаться с прикарманенным хлебом.

Позднее было установлено, что Конон Матюнин, страдавший эпилепсией, появился в деревне Кузнерка (по соседству с Мултаном) и две ночи (с 3-го на 4-е и с 4-го на 5 мая) провел в доме Тимофея Санникова. Документы пришлого видел хозяин «становой квартиры». Получалось, Матюнин вообще не был в Старом Мултане и был убит по дороге? Однако следователи

решили, что две ночи в Кузнерке ночевали разные люди. Почему? Да потому, что пустивший путника вечером 3 мая Санников заметил на его азяме синюю заплату, а сын хозяина, предоставивший ночлег бедняку 4 мая, этой заплаты не помнил.

Но если Матюнин все же не ночевал в Старом Мултане, то «ритуальная версия» убийства рассыпалась в прах! А раз так, требовалось допросить второго нищего. Тем более что Вятская губерния находилась на карантине, и все путники имели при себе не только паспорта, но и справки о последнем медосмотре. Однако следствие решило обойтись без лишних хлопот, не дав распоряжения о поиске бродяги, который мог бы пролить свет на это запутанное дело.

Тем временем полиция нашла еще двух свидетелей. Один из них, причетник Богоспасаев, в начале мая 1892 года почти целый день провел с Матюниным. Конон Дмитриевич, крепкий мужчина, пожаловался, что окружающие с трудом верят рассказам о «падучей болезни», милостыни подают мало и вообще считают его лентяем. Второй, старо-мултанский крестьянин Д. Мурин, рассказал о русском мальчике, проведшем пасхальную ночь в одной избе с удмуртами. Мужчины якобы обсуждали какой-то страшный сон и, чтобы он не стал явью, собирались «молить двуногого». Вскоре к обвиняемым присоединились Андриан Андреев, Андриан Александров, Александр Ефимов, Дмитрий Степанов и братья Гавриловы. Число подозреваемых увеличилось до 12 человек. Следователей не смущал тот факт, что задержанные отрицали свою причастность к убийству и утверждали, будто понятия не имеют ни о каком культе Курбона.

Несмотря на то что следствие никак не могло разделить между задержанными их роли в преступлении (это является обязательным условием в случае обвинения в преступном сговоре), прокуратура настаивала на судебном разбирательстве. Несостыковок в деле существовало великое множество, но официальных лиц данный факт как-то не особенно смущал. К примеру, план местности, где обнаружили обезглавленное тело, был составлен и приобщен к делу только. спустя полгода! К тому же, состряпан он оказался топорно и давал весьма приблизительное представление об оригинале. На нем даже положение тела указывалось неправильно!

В 1893 году прокуратура направила в соседние регионы просьбу предоставить информацию о расследовании дел, связанных с жертвоприношениями идолопоклонников. Через некоторое время обвинители заполучили два положительных ответа (из Архангелогородской объединенной судебной палаты и из Казанского окружного суда). В первом сообщении речь шла о

сумасшедшем эвенке, который поклонялся тряпичной кукле и зарезал соседскую девочку. Изверга изловили его собственные соплеменники во главе с шаманом, скрутили и сдали русским властям. В Казани же мужчина-мусульманин прибег к радикальному средству лечения своего тяжелобольного сына, зарезав девочку-мусульманку. Убийца изъял из тела жертвы сердце, над которым проделал ряд магических манипуляций. К слову, подобное «врачевание» осуждается исламом, поэтому татары сами заявили о случившемся властям и оказали помощь в расследовании. Однако ведь ни татары, ни эвенки на родственные отношения с удмуртами не претендовали. К тому же, в обоих случаях речь шла о поступках одиночек, которые осуждались их же соплеменниками. На каком основании прокуратура использовала в обвинительном акте ссылки на упомянутые дела, совершенно непонятно.

Свидетелем обвинения стал также некий Иванцов, которому на тот момент было 103 года. Дед рассказал, что в 1842 году его самого вместе с супругой, золовкой и племянником едва не «замолили» удмурты. Правда, тогда следователи не обнаружили никакого криминального подтекста в указанном инциденте. На самом деле имела место обычная бытовая ссора с оскорблениями, а Иванцов постарался от души насолить «оппонентам», раздув дело едва ли не до покушения на убийство. Власти призвали склочника обуздать свое воображение, а удмурты отделались лишь выплатой небольшого штрафа.

Время шло, но сколько-нибудь серьезных улик против обвиняемых не было. Тогда к следствию подключили пристава Шмелева, считавшегося весьма искушенной в сыске личностью. Он начал с несанкционированного обыска «родового шалаша» Дмитриева, который в поисках улик разве что по бревнышку до того момента раскатать не успели. Шмелев тут же отрапортовал начальству об обнаружении. окровавленного седого волоса, прилипшего к деревянной балке! Этот волос, признанный принадлежавшим Ко но ну Матюнину, попал в разряд важнейших улик. Но при этом никакого документа, который формально объяснял бы появление в деле столь значительной находки, не замеченной специалистами сыска в течение двух с лишним лет, составлено так и не было.

Весной 1894 года полиция получила анонимное письмо. В нем говорилось, что человек, знающий правду об убийстве в Старом Мултане, дожидается отправки в Сибирь в сарапульском исправительном доме. В ходе трех допросов некий солдат Голова показал: в ночь с 4го на 5 мая он лично видел, как группа удмуртов в «родовом шалаше» Дмитриева принесла в жертву богу

Курбону бродягу. Нищего раздели по пояс и подвесили вверх ногами под коньком крыши. После этого несчастному отрезали голову, истыкали ножами его живот, а кровь собрали в таз и мелкие плошки. Конца действа перепуганный солдат не видел, поскольку сбежал из села. Голова участников ритуала не разглядел, указав только на присутствие в шалаше «главного колдуна» Григорьева. Показания этого свидетеля оказались очень умно состряпанными. В них, например, старательно обошли момент извлечения из трупа внутренних органов. Ведь Голова наблюдал только убийство нищего, а не само жертвоприношение! Так что о судьбе отрезанной головы Матюнина, его сердца и легких солдат рассказать не мог.

Но в свидетельствах Головы имелся целый ряд существенных оплошностей. Например, на животе трупа в действительности не было следов ножевых ранений. К тому же несчастного не подвешивали за ноги. Во-первых, протокол вскрытия не зафиксировал наличия следов веревки на лодыжках. А во-вторых, высота шалаша Дмитриева составляла 167 см, а рост обезглавленного тела — 160 см (то есть с головой не менее 175 см). Но прокуратура радостно приняла явно «липового» свидетеля.

Обвинительное заключение было утверждено в сентябре 1894 года. Согласно этому документу, события в Старом Мултане выглядели следующим образом: местные вотяки, сильно волновавшиеся из-за эпидемии тифа и двух неурожайных лет, поддались агитации Андриана Андреева, который увидел в пасхальную ночь вещий сон. В середине апреля 1892 года они приняли решение принести человеческое жертвоприношение. Чтобы отвести от себя подозрение, в качестве жертвы участники ритуала договорились выбрать бродягу. 4 мая вечером в село явился Конон Матюнин; нищего встретил стоявший в ту ночь в сельском карауле Василий Кузнецов, русский по национальности, сохранивший верность верованиям удмуртов под влиянием матери. Матюнина по распоряжению одного из участников жертвоприношения, сотского Семена Красного (Иванова), разместили в доме Василия Кондратьева, напоили водкой и угостили табаком. После полуночи бродягу заманили в шалаш, раздели, связали и подвесили за ноги на перекладине. Забойщик скота Самсонов под руководством шамана Григорьева обезглавил Матюнина и истыкал его живот ножом. После сбора крови, отделения головы и извлечения внутренних органов тело было снято с перекладины и вместе с головой покойного спрятано в неизвестном месте рядом с домом Дмитриева. Затем участники жертвоприношения зажарили и съели сердце и легкие бродяги.

5 мая 1892 года Дмитриев под предлогом поездки на мельницу вывез из своего огорода труп и выбросил его на тропу, ведущую в Чулью. Спустя два дня хозяин «родового шалаша» и непосредственный убийца Матюнина избавились от головы нищего (ее вынесли в лес в пестере).

Обвинительное заключение содержало массу противоречий. Помимо нестыковок (рост погибшего и высота шалаша), а также отсутствия у трупа ножевых ранений в области живота и следов веревки на лодыжках, следует указать еще на ряд странностей. Если жертва была раздета до пояса, то откуда взялся кровавый след на рубахе («будто бы кто-то вытирал руку»)? Когда же Голова попытался несколько выровнять ситуацию, сообщив, будто вотяки подвешивали уже обезглавленное тело, врачи категорически заявили: в данном случае смысл подвешивания утрачивается, поскольку основной поток крови при отсечении головы будет иметь место в первые секунды после декапитации, пока не остановится сердце. Почему-то убийцы не посягнули на печень бродяги.

Но ведь согласно удмуртским представлениям, она является важнейшим жертвенным органом! К тому же семеро обвиняемых были будлуками, а четверо — учурками, поэтому всегда приносили жертвы различным богам в разных «родовых шалашах». Ну а двенадцатый «убийца» вообще являлся русским! Полиция утверждала: забойщика скота удмурты наняли за деньги. Но этнографические данные говорят о невозможности такого акта. Жертвенное убийство дичи всегда осуществлялось особым жрецом, имевшим высшую степень посвящения. Это право нельзя было продать, купить или произвольно передать другому лицу.

Обвинение говорило, будто Матюнин перед смертью употреблял спиртное и курил табак. Однако в действительности Конон Дмитриевич, будучи жертвой эпилепсии, не прикасался к алкоголю и не курил: спирт и табак могут провоцировать у таких больных возникновение сильнейших приступов. По неизвестной причине следствие проигнорировало показания отца и сына Саниных, заставляющих усомниться в присутствии Матюнина в Старом Мултане в ночь с 4 на 5 мая.

Трудно представить, что шестидесятилетний Дмитриев, не отличавшийся крепким здоровьем, в одиночку перенес тело весом не менее четырех пудов на расстояние 400 метров (при плохой, болотистой дороге). Тем более что хозяину «родового шалаша» было достаточно отволочь труп метров на 10–20 и просто прикрыть его ветками либо мхом, чтобы полностью скрыть сам факт преступления.

Первый процесс по делу о «мултанском жертвоприношении» начался 10 декабря 1894 года в Сарапульском окружном суде. Председательствовал на процессе судья Горицкий, обвинение поддерживал помощник окружного прокурора Раевский, защиту подсудимых осуществлял присяжный поверенный Дрягин (один на всех обвиняемых). К тому моменту число привлеченных к ответственности удмуртов уменьшилось: Моисей Дмитриев умер в тюремной камере. Вдобавок ко всем несоответствиям, суд принял решение проводить процесс в условиях неявки многих свидетелей, зачитав их показания по протоколам допросов. Судья явно стал на сторону обвинителя и принимал решения, ущемлявшие возможности адвоката. Тем не менее трое подсудимых (Андриан Александров и братья Гавриловы) были оправданы. Восьмерых же удмуртов (в том числе и 92летнего Григорьева) приговорили к разным срокам каторжных работ.

Присяжный поверенный М. Дрягин передал протест с указанием большого количества грубейших нарушений законодательных норм в кассационный департамент Правительственного Сената. В итоге указом от 5 мая 1895 года было постановлено приговор Сарапульского окружного суда от 11 декабря 1894 года отменить, а само дело рассмотреть вновь в новом составе судебного присутствия и в другом городе (Елабуге).

Предварительные слушания проходили в Сарапульском окружном суде 19 августа 1895 года. Почему-то председательствовал на них все тот же Горицкий, лицо заинтересованное, чье участие в слушаниях было грубейшим нарушением Устава уголовного судопроизводства. Горицкий позаботился о том, чтобы в качестве эксперта-этнографа в суд был вызван не Верещагин (на этом настаивала защита), а профессор истории Казанского университета Смирнов, отклонил требование привлечь в качестве свидетелей троих оправданных удмуртов (еще одно нарушение Устава!). Второе предварительное слушание состоялось по требованию стороны защиты 19 сентября 1895 года; судьи отклонили ходатайство Дрягина о вызове экспертов и врачей за счет обвиняемых.

Новый процесс по делу о жертвоприношении открылся 29 сентября того же года и, в отличие от предыдущего суда, проходил под пристальным вниманием прессы. Обвинение снова представлял помощник прокурора Раевский, который держался на редкость уверенно. Еще бы! Ведь тридцатидевятилетний профессор Смирнов считал, что вотяки могут и поныне сохранять традицию человеческих жертвоприношений, используя в качестве жертв инородцев. Правда, Смирнов рассказал о существующих у

вотяков культах злых богов Акташа и Киреметя, заявив, что никакого Курбона в их пантеоне нет. К тому же жертвы недобрым к людям силам приносились не в «родовых шалашах», а в особых необжитых местах.

Несмотря на старания единственного адвоката подсудимых, 1 октября 1895 года второй процесс по делу мултанских крестьян закончился дублированием обвинительного приговора. Однако адвокат и журналисты, наблюдавшие за ходом процесса, возмутились явной предвзятостью разбирательства, а также огромным числом очевидных нестыковок в обвинении. В итоге в Правительственный Сенат отправилась новая кассационная жалоба Дрягина. 22 декабря 1895 года Уголовный кассационный департамент постановил отменить приговор Сарапульского окружного суда и передать дело для нового рассмотрения в Казанский окружной суд.

Громкую рекламу третьему процессу по «мултанскому делу» сделали не только присутствовавшие в суде журналисты, но и известный писатель Короленко. Стараниями прессы за несколько месяцев заурядное провинциальное дело выросло в явление общероссийского масштаба. К тому же Короленко удалось привлечь в качестве защитника удмуртов самого скандального и высокооплачиваемого столичного адвоката того времени, Н. Карабчевского. Тот согласился участвовать в процессе бесплатно; чтобы выплатить гонорар этому защитнику высочайшего класса, не хватило бы средств всего населения Старого Мултана, но очевидная скандальность предстоящего суда гарантировала Карабчевскому рекламу, которую он ценил больше любых денег.

Карабчевский, наделенный выдающимися аналитическими способностями, бесспорным ораторским даром, демонстрировавший качества опытного криминалиста и крайне внимательный к мелочам, ухватился за все существовавшие в данном деле противоречия мертвой хваткой. Он лично съездил в Вятскую губернию, ознакомился с обстановкой, встречался со свидетелями и родственниками обвиняемых. Адвокат также добился для защиты права представить новую этнографическую экспертизу (подготовленную Верещагиным).

Прокуратура понимала, что дотошный юрист не оставит камня на камне от обвинения, и решила сделать «ход конем». Единственный русский из числа подсудимых, Василий Кузнецов, приговоренный к 10 годам каторжных работ, довольно быстро был выпущен на свободу. Вернувшись домой, он решил отметить неожиданное освобождение в местном трактире, где угостил парой стопок водки неизвестного нищего. А через несколько дней в Вятской прокуратуре появился протокол допроса. причетника

Богоспасаева! В нем говорилось, что этот «неизвестный нищий» заявил ему, будто бы лично слышал от Кузнецова рассказ об убийстве Матюнина.

Третий судебный процесс по этому затянувшемуся делу открылся в маленьком городке Мамадыше 28 мая 1896 года. Карабчевский сразу прошелся по всем нестыковкам следственных материалов, а затем обратил внимание суда на то, что Богоспасаев в данном случае никак не тянет на роль случайного свидетеля. Под нажимом юриста причетник стушевался и заявил, что не помнит, о чем говорил его собеседник в трактире. Мол, был сильно пьян. Этнографическая же экспертиза Верещагина гласила: с практикой человеческих жертвоприношений удмурты покончили еще до включения их народа в состав русского государства, то есть 400 лет назад.

Наконец, Верещагин сделал весьма интересное замечание. Он напомнил о существовании среди русских крестьян очень древнего поверья. Согласно этому поверью, прекратить любую эпидемию можно, отрубив эпилептику во время припадка голову. А ведь в 1892 году по Волге и Каме гулял тиф! Возможно, с Матюниным на заболоченной тропе и в самом деле случился сильный припадок, а случайный путник, вспомнив о «радикальном средстве», решил избавить всю округу от эпидемии. Позднее либо сам убийца, либо кто-то другой решили запутать следствие и направить сыск в сторону вотяков, имитировав (достаточно топорно!) жертвоприношение.

Затем Карабчевский заявил о том, что кровь рядом с обезглавленным телом все же обнаружилась, но пристав Тимофеев прогнал свидетелей, а окровавленные ветки и щепы выбросил в болото. Наконец адвокат докопался до интересного факта. Оказывается, Тимофеев в ночь с 4-го на 5 мая 1892 года находился в Старом Мултане и ночевал в «казенной квартире», которая отстоит от «родового шалаша» Дмитриева всего на. 10 метров! Ночь была теплой, и пристав спал с открытым окном, однако не слышал ни криков убиваемого человека, ни лая собак, привлеченных запахом крови, ни запаха поджариваемых на костре внутренностей. Такое возможно только в одном случае: если в указанную ночь в шалаше никто не совершал жертвоприношения.

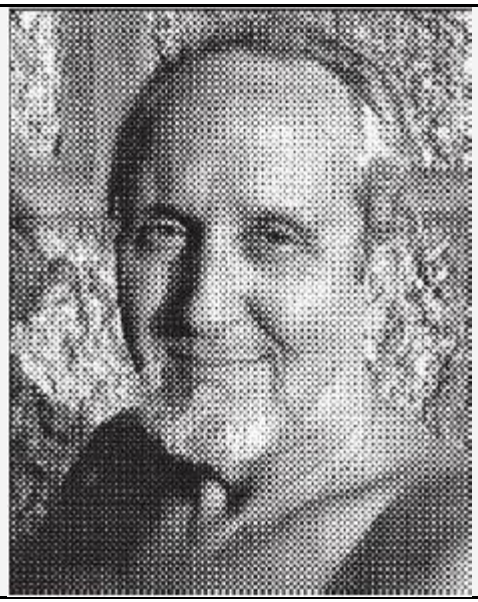
В заключительной речи Карабчевский задал вопрос: каким образом под плечом трупа могла остаться ровно срезанная прядь волос? Ведь такая находка могла иметь место лишь в том случае, если голову Матюнину отрубили именно на тропе. Острый топор, рассекший шею, срезал и прядь волос, которая так и осталась под воротником азяма.

4 июня 1896 года присяжные заседатели удалились на совещание. Но, поскольку спорить им фактически было не о чем, уже спустя 50 минут в зале суда прозвучал окончательный приговор по делу о «мултанском жертвоприношении». Все обвиняемые были оправданы и освобождены из-под стражи в зале суда.

Правда, выяснить, кто же на самом деле являлся виновником страшной смерти несчастного эпилептика, так и не удалось. Скорее всего, Верещагин оказался прав, и Матюнин стал жертвой суеверия. Причем вовсе не удмуртского.

Дело секты «Дети Бога»

История этой секты является классическим примером того, как больное воображение может извратить христианское учение, а затем и нравственные ценности и жизнь адептов вообще. Основатель «Семьи» в течение многих лет находился в международном розыске; против него и его последователей во многих странах мира были возбуждены уголовные дела. В настоящее время несколько трансформировавшаяся секта продолжает активную деятельность, не будучи при этом официально зарегистрированной в ряде государств. Управленческий центр культа находится в Цюрихе.



Дэвид Бранд Берг

Раньше эта секта называлась «Семья любви», а еще раньше — «Дети Бога». Их теперешнее официальное название — «Семья». А еще они называют себя «Христианская миссия “Семья”», или «Союз независимых миссионерских христианских общин “Семья”». Эту организацию специалисты характеризуют как глубоко аморальную псевдоевангельскую оккультную порноцентричную апокалиптическую секту.

Листовки этой группы в изобилии украшали петербургский

метрополитен в 1992 году. На них неизменно изображался сам основатель «Семьи» Дэвид Бранд Берг. Себя главный сектант, похоже, ассоциировал с Богом Отцом. А еще на листовках в изобилии имелись сердечки и полуодетая молодежь, несущаяся навстречу божественной любви. На обороте листков, под текстом, значился адрес: почтовый ящик в Польше. Тем не менее, никакого отношения к католичеству «Семья» не имела. Ее основатель и приближенные к нему лица быстро освоили стандартную для подобных групп тактику воздействия на умы окружающих. Начинали они со ссылок на Писание; затем Писание превращалось в этакий цитатник, откуда при случае «выдергивалась» фраза (часто без начала и конца), которая подтверждала декларируемые взгляды, образ жизни и деятельность сектантов.

Вообще, осваивать просторы бывшего СССР «Дети Бога» начали с Минска. Но уже в 1997 году члены этой организации прочно укоренились в Сибири, Молдавии, Узбекистане, Татарстане, в Эстонии и Литве. В настоящее время всероссийский центр группы находится, похоже, в Новосибирске. Правда, поручиться за это никто не может. Тем не менее, деятельность секта развернула весьма бурную. Сейчас она занялась созданием новой организации «Гуманитарный проект — “Помощь Сибири”», которую возглавила дочь основателя группы «Дети Бога», Фэйт Фишер.

Группа обеспечила несколько городов солидной гуманитарной помощью, занялась поставками больничного оборудования, лекарств, одежды и т. п. во многие российские города, в Латвию, в Украину; планируется также развертывание различных проектов в «исправительных учреждениях» России и Украины. Государственное телевидение обеих стран уже транслировало созданные сектой детские видеофильмы, в свободной продаже появились аудиокассеты «Песни жизни» и «Небесная магия». В Центре св. Иринея Лионского любому желающему могут продемонстрировать внушительную пачку писем из больниц, домов престарелых и других российских учреждений, где выражается благодарность христианской миссии «Семья». Так почему же общество забило тревогу по поводу деятельности этой организации? Дело в том, что с помощью благодарственных писем сектантам удается достаточно легко вербовать новых адептов. И то, что происходит с новообращенными, не может не вызывать вполне обоснованных опасений.

Начнем с того, что ни в России, ни в Украине эта организация официально не зарегистрирована. По всей видимости, она

связана с каким-то подпольным бизнесом (скорее всего, игорным). К тому же значительную прибыль «Детям Бога» дает. проституция. Как вам нравится сочетание столь претенциозного названия организации и древнейшей профессии?! Но, как говорится, в жизни бывает все.

Собственно, начинать пояснение негативного восприятия этой секты нужно с рассказа о личности ее основателя, Дэвида Бранда Берга. Родился он в Калифорнии в 1919 году в семье весьма уважаемых евангелических проповедников, увлеченных своим делом. Мальчик с раннего возраста мечтал пойти по стопам родителей. В 20 лет он обзавелся семьей и вскоре уже являлся отцом четверых детей. Однако с карьерой проповедника у Берга как-то не складывалось. Нет, он пытался осуществить свою мечту в различных церквах протестантско-евангелистского толка. Но вспыльчивый и склочный характер Дэвида не позволял ему ужиться с людьми. Постоянно переезжая с места на место, он понял, что остался не у дел.

В 60-х годах, когда началось движение хиппи, Берг, которому уже было за 40, словно бы родился заново. Этот владелец кафе отрастил себе длинную бороду и волосы, стал проповедовать среди хиппи, раздавал им сэндвичи с ореховым маслом и говорил об Иисусе. Молодежь ничего против странного «старика» не имела, снисходительно называла его «наш дед» и считала Дэвида своим в доску. Постепенно вокруг Берга собрались преданные ему люди, которые и занялись вербовкой новых адептов. Активные и чрезвычайно агрессивные методы контроля сознания делали свое дело: молодые люди стали массово пропадать из дому, отдавая все свое имущество новой секте. Когда их удавалось найти, они были неузнаваемыми. Именно с этого начались родительские проблемы в США, именно тогда впервые заговорили о «промывании мозгов» и «зомбировании» в сектах, именно тогда начались первые попытки депрограммирования жертв «Детей Бога».

Тогда члены «Семьи», которые называли себя «первоначальными христианами», очень любили срывать службы в протестантских церквах. В итоге, Дэвид Берг так восстановил против себя местное население, что вместе со своими поклонниками был изгнан из района СанФранциско. Затем, в конце 60-х годов XX века, сектанты покинули Калифорнию, где им хронически не везло, предсказав населению неуступчивого штата землетрясение и потоп.

Новым местом поселения Берг и его команда избрали Техас. Руководитель «Семьи» и его приспешники поселились на ранчо, которое поспешили объявить «клиникой душ». Именно там

начало постепенно оформляться движение, которое с легкой руки журналистов получило название «Дети Бога». Поначалу группа приверженцев Берга действовала более-менее в евангелических рамках. Правда, своих членов секта контролировала весьма жестко. Сам «отец движения» инструктировал своих учеников: «Вначале заставьте их просить Иисуса войти им в сердце, затем заставьте исполниться Духа Святого, затем спросите, согласны ли они оставить все, что у них есть, и последовать за Иисусом, то есть за нашей группой».

Спустя некоторое время Берг провозгласил себя последним пророком — Моисеем-Давидом. Затем он начал быстро отдаляться от рядовых членов собственной секты, изредка встречаясь лишь с избранными. Постепенно фигура этого человека покрылась таинственным флером. С адептами и миром новоявленный пророк общался исключительно при помощи специальных посланий — «Писем Мо». К тому моменту власть Берга в секте стала абсолютной, а его распоряжения — непререкаемым руководством к действию. Любые извращения больного ума основателя группы немедленно внедрялись в жизнь, а критически осмысливать полученную от «Моисея-Давида» информацию никому из его последователей и в голову не приходило.

Для начала Берг, заявив, что изобрел новую форму проповеди, отправил членов секты на улицы — торговать литературой. Каждый из «Детей Бога» был просто обязан продать за неделю не менее 2000 брошюр! Прибыль это приносило нешуточную, тем более что секта производила литературу весьма разнообразного характера, рассчитанную на разный уровень посвященности. В итоге, в 1974 году годовой доход «Детей Бога» от такой торговли составил совершенно невероятную по тем временам сумму — более 200 000 долларов.

В своих письмах-инструкциях последователям Берг проявил недюжинную изобретательность, описывая различные способы добывания денег. В его арсенале было все: и освобожденные от налогов пожертвования на школы, и средства на программу освобождения молодежи от наркотиков, и сбор наличности на различные социальные мероприятия. Стоит ли упоминать, что требуемые суммы шли совершенно на другое? Кроме того, основатель секты учил адептов, как составить душещипательные письма родителям о невероятно тяжелой, полной лишений, голодной жизни, о стремлении приехать повидать родных. Все сводилось к одному: просьбе о деньгах. Родственники, хватаясь за сердце, спешно пересылали чаду требуемую сумму, но. адепты, которые и правда жили в условиях вопиющей бедности, домой

так и не возвращались, а вся наличность оседала у верхушки.

Опьяненный своей властью, Берг тем временем увлекся оккультизмом, а затем впал в половую распущенность. Все началось с того, что в 1970 году он начал открыто сожительствовать с некой Кэрин Зерби, которую стал называть Марией. При этом глава секты объявил своим опешившим жене и детям: мол, Бог заповедал ему жить с новой женщиной, потому что это аналогия с новой церковью. Была церковь Ветхого Завета, и его первая жена символизировала Ветхий Завет, а брак с Марией означает зарождение Нового Завета. Следует сказать, что подобных «Новых Заветов» у Берга впоследствии было до неприличия много.

Глава секты заявил, что получает откровения от духа цыганского царя Абрахима, своего духовного руководителя, и духа-покровителя всего движения Абнера. Последний при жизни являлся начальником службы безопасности Берга, и тот посчитал, что после смерти Абнер занял не последнее место среди сил небесной безопасности и стал представителем «Детей Бога» во всех потусторонних инстанциях. Кроме того, Берг хвастался своими контактами с разными умершими людьми: с Мартином Лютером, Иоанном Грозным, Петром Пустынником, Анной Болейн, Мэрилин Монро и прочими. Тогда же новоиспеченный пророк поведал, как, находясь при смерти, побывал на небесах и имел там небесное, но в то же время и физическое соитие с богинями любви разных времен и народов. Нда, занесло человека. Но самое страшное, что ему верили!

Постепенно слухи о царившем в секте разврате широко распространились в обществе, а родители адептов стали действовать все более эффективно. Когда у Берга начались проблемы юридического и уголовного характера, он посчитал за лучшее покинуть Америку. Предав анафеме эту страну, «Дети Бога» перебрались в Англию. И, как оказалось, весьма своевременно. Берг успел уехать из США за две недели до того, как прокурором штата Нью-Йорк был выдан ордер на его арест за похищение людей, незаконное удержание их, «промывание мозгов» и мошенничество.

Секта тем временем расползалась по миру, как опухоль. К 1975 году колонии «Детей Бога» были основаны в большинстве европейских государств, а к концу 70-х годов они оказались уже более чем в 70 странах мира, включая Фиджи, Таиланд, Сингапур. Число колоний к этому времени превышало 400, а число постоянных их жителей приближалось к 10000. Всего же вовлеченных в секту было намного больше. Управлял группой непосредственно Берг, ему подчинялись премьер-министр, совет

министров и епископы, каждый из которых руководил одним из 12 регионов (именно на столько частей «Дети Бога» разбили весь мир). Тогда же «Дети Бога» ввели в практику частую смену имен, что абсолютно запутывало непосвященных.

Сектанты, не раздумывая, выполняли любой приказ Берга. Тот как раз начал говорить на смеси псевдобиблейского возвышенного языка с самым непристойным уличным жаргоном. Этот лексический контраст почему-то по-особому гипнотически действовал на его приверженцев. Что же касается «Писем Мо», то начиная с 1973 года их содержание стало откровенно сексуальным. «Дети Бога» медленно, но уверенно двигались ко всеобщему разврату. «Первой ласточкой» стало требование Берга, поставленного избранным, — «делиться» друг с другом и с ним лично своими женами и мужьями. Детей же, которые «мешали» выработке столь ответственной линии движения, просто отдавали в чужие руки. Кстати, тогда Берг состряпал новое послание, в котором указал, что отцы вообще не должны чувствовать за своих детей никакой ответственности.

Особо скандальную известность секта приобрела после того, как «последний пророк» изобрел новый метод вербовки — так называемую «флиртовую рыбалку». Впервые Берг использовал его еще в 1973 году, когда повадился ходить со своей очередной женой Марией на дискотеки. Тогда любвеобильная дамочка знакомилась с мужчинами, соблазняла их и приводила, по возможности, в группу. При этом «образцово-показательная» супруга давала мужу подробные отчеты по поводу всех своих связей. Спустя три года «пророк» решил, что столь действенная разработка не должна пропадать даром, и ввел данную практику в Англии, отправив на «рыбалку» всех адептов. Британская полиция в восторг от этого изобретения Берга не пришла и назвала подобные действия сектантов проституцией. А когда над головой «пророка» стали собираться тучи, он в очередной раз ударился в бега и осел на одном из Канарских островов, Тенерифе. Поскольку же «Дети Бога» совсем оскандалились, отец движения поспешил сообщить о роспуске своей организации, а также о создании новой секты — «Семья любви». Что ж, как говорится, хрен редьки не слаще.

Правда, теперь многим богатым и влиятельным людям, попавшимся на крючок «берговским сиренам», позволялось хранить свое членство в секте в секрете. Но девицы и юноши «пророка», которых он сам называл «проститутками ради Христа», «ведьмами Бога» и «ловцами людей», по-прежнему «рыбачили» на улицах и в общественных местах. Адептам теперь разрешалось все — пить, курить, принимать наркотики. Отдельной инструкцией

сообщалось, как себя вести, как одеваться, как завлечь и соблазнить потенциального обращенного. Кроме того, «пророк» указывал: если «рыбка» никак не хочет идти в секту, то из нее нужно хотя бы выжать побольше денег на пользу движению.

В подобной «рыбалке» участвовали как молодые люди, так и вполне зрелые. При этом Берг говорил, что мужья должны сами выполнять обязанности сутенеров своих жен. Поскольку же контрацептивы в группе запрещались, малышей становилось все больше; они, кстати, считались детьми всей группы. С возрастом Берг окончательно свихнулся и начал поощрять всяческие извращения. В частности, в «Семье любви» началась сексуальная эксплуатация детей. с младенческого возраста! «Пророк» уверял: чем раньше, тем лучше. В архиве Центра св. Иринея Лионского имеется ксерокопия брошюры под названием «Моя маленькая рыбка», составленной из фотографий трехлетнего малыша, с которым совокупляется его собственная няня. Этот ребенок — сын Марии, но не от Берга. В ходу в секте была также инструкция для сексуальной жизни детей и подростков — вещь абсолютно непристойная, составленная с использованием нецензурщины. Приблизительно в то же время «Моисей-Давид» стал требовать от своего «стада». совокупления с собственными детьми. В конце концов, на методы «пророка» обратила внимание полиция и ему прислали повестку в суд острова Тенерифе.

Берг в очередной раз поспешил скрыться. Правда, с этого момента место пребывания отца секты было известно только его особо доверенным лицам. В течение многих лет Берг находился в международном розыске (ему грозил арест). В 1994 году было объявлено, что престарелый «пророк» скончался. «Моисею-Давиду» пришлось дожить до того момента, когда стало ясно: все сделанные им пророчества — просто бред. Например, он утверждал, что в 1993 году состоится конец света, после чего начнется 1000-летнее царство Иисуса, который будет править остатком населения земли в количестве 144 000 душ. Итак, псевдо-пророк умер, но дело его, к сожалению, не пропало. Теперь организацию возглавляет его жена Мария. Во внутренних инструкциях она заявляет, что дух Берга регулярно является ей и через нее руководит движением. Таким образом, уверяет она, все будет оставаться как прежде.

В ноябре 1995 года Верховный суд Великобритании признал, что «Семья» в течение почти двух десятилетий практиковала массовое растление малолетних детей (к этому времени секта уже развила полномасштабную деятельность и на территории России). Среди других нарушений, признанных судом, числились порнография, в том числе детская, проституция как метод

вербовки новых членов, получения пожертвований, практика телесных, а также унижающих ребенка наказаний, принуждение к сексуальным отношениям. В Египте против «Семьи» было выдвинуто обвинение в «осуществлении деятельности, наносящей ущерб мусульманской религии». Судебные процессы против деятельности секты проходили также в Индии, Бразилии, Мексике. В Испании и Португалии органы охраны порядка стали преследовать «пророка» по статье уголовного кодекса о проституции. США раз и навсегда законодательно запретили деятельность «Семьи» на своей территории, в Германии и Великобритании Берг и его компания подвергались и подвергаются до сих пор судебному преследованию. В 1991–1993 годах судебные процессы по факту деятельности «Детей Бога» проходили также в Австралии, Франции, Аргентине. Возникает вопрос: а не пора ли странам бывшего СССР пополнить этот список?

Чарлз Мэнсон — «Иисус-сатана»

Голливуд в августе 1969 года потрясло известие о преступлении, позднее названном одним из самых ужасных убийств нашего столетия. Это была кровавая расправа с находившейся на девятом месяце беременной известной актрисой Шарон Тейт — женой кинорежиссера Романа Полански, и друзьями, находившимися у нее в гостях. К тому же трагедия эта в какой-то мере была даже символичной — она отразила установившееся страшное взаимовлияние: кинематограф, щедро и красочно рисующий преступления, толкает неуравновешенных людей на свершение тех же зверств, которые показывают на экране; а сами работники кино, создающие эти ужасные фильмы, становятся жертвами тех, кого они воспитали.

Когда утром 9 августа полицейские вошли на территорию роскошного особняка на Сьело-Драйв в квартале Бель-Эйр в Лос-Анджелесе, их взглядам предстала застывшая картина, словно взятая из одного из «фильмов ужасов» знаменитого режиссера Романа Полански. В тот же день экраны телевизоров заполнили бесчисленные снимки его жены — Шарон Тейт, которая неизменно играла главные роли в этих лентах. Только теперь это была не имитация смерти, а самая страшная смерть, почему-то всем напомнившая о «свободе поведения». Голливуд вздрогнул — экранные ужасы шагнули в реальную жизнь актрисы и ее друзей.

Накануне вечером на вилле Полански (сам режиссер в это время находился в Европе) шла к концу обычная для их круга вечеринка: беременная хозяйка и ее гости выпили, поболтали, кто желал — покурил наркотиков перед сном. А наутро на лужайке перед домом лежали только трупы. Тревогу подняла уборщица, Уинни Чэпмен. Тела были настолько изувечены, что полиция поначалу не могла установить личности гостей Шарон. У друга хозяина дома Виктора Фриковского — пуля в спине, тринадцать проломов в черепе и пятьдесят одна ножевая рана. У дочери «кофейного короля» Абигайль Фолгер на теле двадцать одна ножевая рана. Восемнадцатилетний Стив Перент — гость домоуправляющего — был убит четырьмя пулями в своем автомобиле, по-видимому, в тот самый момент, когда он готовился уехать. Шарон Тейт, изрезанная ножом до неузнаваемости, лежала с распоротым животом в луже крови на полу своей комнаты. Ее шею обвивала нейлоновая веревка, переброшенная через потолочную балку; другой конец веревки затягивал шею так же зверски искалеченного Джея Себринга —

хозяина многих «салонов красоты», в прошлом знаменитого парикмахера звезд Голливуда. На стене комнаты кровью было написано: «Свиньи!» А 24 часа спустя так же зверски были убиты на своей вилле хозяин большой сети магазинов самообслуживания Ла Бьянки и его жена. На груди мужчины его кровью было написано: «Война», а на дверях виллы — «Смерть свиньям». Стало ясно, что оба преступления — дело рук одной банды.

Драма на Сьело-Драйв с чудовищной точностью воспроизводила один из тех кровавых сатанинских сюжетов, которые сделали Полански всемирно известным режиссером. Еще совсем недавно автора нашумевших фильмов «Бал вампиров» и «Ребенок Розмари», описывающего приход в мир Антихриста, консультировал Энтони Ла Вей, глава церкви Сатаны, почитатель Лавкрафта и Кроули. Сатанинская магия, искусство и жизнь соприкоснулись. Полански в тот же день вернулся в Америку. «Меня отвезли на студию «Парамаунт», где я большей частью спал. Частично из-за того, что мне все время давали успокоительные, частично из-за того, что я находился в состоянии шока, я слабо помню, что происходило в эти три дня, — писал режиссер в автобиографической книге «Роман». — Помню, меня сразу же подробно допросили в полиции. Вот тогдато и поползли слухи».

После трагедии средства массовой информации начали бешеную травлю Полански. Его обвинили, что он заставлял жену позировать для «Плейбоя», посещал злачные места, увлекался наркотиками и извращенным сексом. Саму Шарон без колебаний называли «королевой Голливудских оргий» и «великой жрицей черных месс». Поговаривали, что она испытывала пристрастие к весьма экзотическим формам любви. Журналисты использовали все средства, чтобы породить сенсацию. И это сработало. Роман Полански написал позже об этом: «В «Тайм» писали, что в убийстве было нечто ритуальное: «Себрингу на голову был надет капюшон. На нем были лишь порванные боксерские трусы. Одна грудь у мисс Тейт была отрезана. на животе вырезан крест. Себринг был сексуально изуродован, на теле тоже вырезан крест». Полиции были известны настоящие факты. В момент смерти Себринг был полностью одет. Сексуально его не изуродовали, капюшона на голове тоже не было, просто кто-то из полицейских прикрыл его лицо куском материи, потому что на раны было невыносимо смотреть. Шэрон также не была голой, и грудь ей не отрезали. И, наконец, убийства не имели никакого отношения к наркотикам.

Прошел год, прежде чем на суде выяснилась правда, и еще

пять лет, прежде чем окружной прокурор Лос-Анджелеса Винсент Буглиоси рассказал о случившемся в правдивой книге «Кавардак». Но вред, нанесенный обществу в первые дни после убийства, исправить оказалось невозможно. И по сей день многие люди помнят лишь то, что сообщали им средства массовой информации.

В отличие от прессы и сплетников, полиция никогда не верила ни в черную магию, ни в оргии, ни в наркотики. Случайное убийство семьи Лено Ла Бьянки, не имевшей никакого отношения к шоу-бизнесу, было, по-видимому, совершено, чтобы замести следы.

Черный Христос, помешавшийся от наркотиков и алкоголя, чье единственное предназначение — сеять безумие и зло».

Расследование шло с трудом. Трехмесячные интенсивные поиски не смогли сдвинуть расследование с мертвой точки. И только счастливый случай помог найти преступников. Помогли показания воровки Грэхем, которые она дала на другую заключенную — Сюзанну Аткинс, арестованную по подозрению в соучастии в убийстве голливудского музыканта Хинмэна. По словам Грэхем, соседка по камере вела себя странно, словно находясь под влиянием наркотиков. Аткинс расслабилась настолько, что когда зашел разговор о таинственном убийстве на вилле Полански, гордо заявила: «Да ведь это я взрезала ей пузо! Это мы наказали этих свиней — я и мои друзья.» Затем Аткинс откровенно рассказала о «племени», в котором она и многие ее подруги и друзья живут под властью некоего Чарлза Миллера Мэнсона. По ее словам, этот человек обладал сверхъестественной силой, поскольку «он в одно и то же время и Иисус, вернувшийся на землю, и сатана». Достаточно многочисленное «племя» Мэнсона, согласно рассказам заключенной, обитало неподалеку от Лос-Анджелеса, в долине Смерти, на заброшенном «ранчо Спан», которое когда-то было построено как декорация для съемки ковбойских фильмов. И сейчас «племя» по приказу «Иисуса-сатаны» карает «свиней».

То, что поначалу показалось следователям бредом наркоманки, оказалось ниточкой, которая и позволила размотать весь клубок преступлений. К тому же организатор убийства — пресловутый Мэнсон, присвоивший себе имя «Иисуссатана» и претендовавший на роль основателя новой религии и философии, являл собой весьма колоритную фигуру. Чарлзу Мэнсону было 35 лет (род. в Цинциннати в 1934 году), когда он предстал перед судом за убийство Шарон Тейт, Ла Бьянки и, как оказалось еще десяток других преступлений. Из них 22 года он провел в различных исправительных учреждениях. Незаконнорожденный

ребенок, он был абсолютно не нужен матери, которая за вооруженный грабеж получила пять лет тюрьмы и вышла на свободу, когда сыну было восемь. Эти годы он провел с отчимом, который дал ему свою фамилию, а потом было множество «дядей», одиночество и желание выжить любой ценой. Вскоре неуправляемый подросток попал под опеку окружных властей и, как следствие, побывал в воспитательных домах разного толка. Позже в журнале воспитательного дома Гибо для мальчиков в Тер Оте (штат Индиана) была обнаружена следующая запись: «Плохо привыкает к режиму. Отношение к учебе в лучшем случае весьма посредственное. В те редкие моменты, когда Чарлз ведет себя послушно и чувствует себя хорошо, он производит впечатление приятного мальчика. Подвержен приступам дурного настроения и страдает манией преследования». Он сбегал из исправительных домов к матери, опять грабил, снова попадался и снова убегал. В 16-летнем возрасте в исправительном доме в Плейнфилде Мэнсон стал жертвой гомосексуального изнасилования, после чего он и сам стал совершать подобные акты и наносить увечья заключенным. В его деле появилась следующая запись: «Несмотря на свой возраст, он уже способен на всякие изощренные преступления».

Мэнсон так привык к тюремному быту, что когда его в 1967 году освободили, он не хотел уходить. «Я не знаю, куда идти, — сказал он. — Лучше я останусь в тюрьме». Его вытолкали взашей, он перебрался в Сан-Франциско и поселился у гостеприимных хиппи, которые жалели его, кормили, одевали, угощали наркотиками, научили играть на гитаре и петь. Вскоре Мэнсон стал их вожаком и хозяином. В один из дней он объявил, что его не случайно зовут Мэнсон — это имя означает «сын человека». Но Христос тоже назывался «Сыном человека» и в то же время был сыном Бога. Это — не простое совпадение, и он, Мэнсон, и есть Иисус Христос, но в то же время он сатана. На правой руке он сделал татуировку «сатана», а на левой — «Иисус». Мэнсон считал, что он является дьяволом и одновременно мстящим этому дьяволу ангелом, поэтому у него двойная власть над добром и злом. (Некоторые психиатры считают этот случай классическим примером раздвоения сознания.) Следовательно, все должны ему подчиняться и беспрекословно выполнять его волю. Скоро вокруг Мэйсона объединилось «племя», которое начало кочевать по западному побережью США. «Иисуссатана» вербовал своих сторонников, преимущественно среди девушек, по принципу безграничной и безрассудной личной преданности. Он изобрел даже своеобразный ритуал вступления в «племя»: девушка, решившаяся на это, должна была подвергнуться коллективному

изнасилованию. Только после этого ей выдавался «сертификат сатанизма». Мэнсон стал кроулианцем и лавкрафтианцем, а проще — сатанистом. Уже находясь под следствием, он признался журналистам: «Я вдохновлялся Апокалипсисом и песней битлов «Спасайся, кто может!» Вы хотите знать мою философию? Хотите знать, откуда она? Я сейчас вам скажу. Я провел большую часть моей жизни в тюрьмах. Моя философия родилась там — под ударами дубинок и сапог, которыми меня топтали».

Одновременно Мэнсон продолжал учиться играть и петь. У него даже появились поклонники, и он решил отправиться в Голливуд, чтобы попытать счастья. Там Чарлз оброс множеством новых знакомых, а некоторые кинозвезды напрямую связывались с его «племенем», поставлявшем им из-под полы наркотики. Следующим шагом была попытка войти в «высшее общество» и организовать большой фестиваль, который сразу сделал бы его знаменитостью и помог поправить материальное положение. Деньги Мэнсон решил вытянуть из богатенького сынка популярной актрисы Дорис Дэй — музыканта Гарри Хинмэна, которого он вовлек в свое «племя». Однако недальновидный ученик отказался спонсировать «маэстро» и стал первой жертвой «Иисусасатаны». Прощать непокорность Мэнсон не собирался. Глава «племени» с верными последователями — Робертом Босолеем и Сюзанной Аткинс — три дня пытал Хинмэна. Наконец Мэнсон отрезал ему ухо, а 25 июля 1969 года его и вовсе зарезали. Тогда же впервые на стене появилась надпись кровью: «Свинья». К тому же Босолей нарисовал на стене кровью кошачью лапу, знак террористической группировки «Черные пантеры». Видимо, пытался спровоцировать очередные расовые беспорядки. Через несколько дней полиция арестовала Босолея, поймав его в автомобиле погибшего. Но «Иисуссатана» остался на свободе: разоблачать Мэйсона участники «племени», верившие в его сверхъестественную силу, не захотели, а возможно, просто побоялись. Следующим дезертиром (правда, избежавшим возмездия) стал продюсер Терри Мелчер, который, чтобы вырваться из «племени», даже покинул Лос-Анджелес, а его виллу на горе себе купил Полански с женой.

Мэнсон решил, что замести следы лучше всего, продолжив серию зверских убийств в той же манере. Впоследствии сам он скажет об этом так: «Я надеялся, что эти казни отнесут на счет негров». Очередная «карательная экспедиция» — Чарлз Уотсон по кличке Текс, Сюзанна Аткинс и бесшабашные подруги-рабыни «Иисуса-сатаны» Патриция Кренвинкель, Лесли Ван Гутен и Линда Казабьян — «навестили» Шарон Тейт. Линда Казабьян, которая в момент убийства «стояла на стреме» у входа в виллу и

не видела всех деталей бойни, рассказывала: «Когда все было кончено и мы возвращались на машине в наше ранчо, Текс и Пат жаловались, что эти свиньи, защищаясь, чуть не вырвали у них волосы. Сюзанна сказала, что ее сильно ударили». Патриция Кренвинкель говорила, что у нее болит кисть руки: когда бьешь ножом и попадаешь в кость, то сильно отдает в руку. Угрызений совести никто не испытывал. Убийство супругов Ла Бьянки возглавил сам Мэнсон.

Для Мэйсона и его адептов, арестованных спустя несколько месяцев после трагедии — 1 декабря 1969 года, — настал час славы. В одно мгновение «автомобильный вор и сутенер» стал мировой знаменитостью. Его фото публиковали во всех журналах мира. О нем и его «деле» говорили. А он с одержимостью маньяка утверждал, что его ведет Господь: «Я бойкотирую ваш мир. Вы создали монстра. Я не принадлежу вам и никогда не прощу вам несправедливого отношения к вещам, живым существам и людям, которых вы не хотите понять. Я восстаю против всего, что вы совершаете или совершили в прошлом. Вы превращаете Бога в посмешище и уничтожаете мир с именем Иисуса Христа на устах. Я знаю, что я делаю. Ваш суд — суд людей. Любовь — мой единственный суд.»

Судебный процесс над Мэйсоном и его соучастниками начался в июне 1970 года и длился девять с половиной месяцев. Невиданный ажиотаж и напряжение исключали возможность корректного судебного расследования. Под окнами шли нескончаемые демонстрации молодежи в поддержку Мэйсона. Пресса подняла вокруг дела необычайную шумиху. Тогдашний президент США Ричард Никсон еще до конца слушаний признал Мэйсона виновным: «Перед нами — человек, который виновен, прямо или косвенно, в восьми убийствах. И все же, судя по тому вниманию, которое уделяют ему пресса, радио и телевидение, он представляется чуть ли не героем». За время судебного процесса Сюзанна Аткинс успела стать богатой женщиной: она продала свои «мемуары» об убийстве Шарон Тейт за полмиллиона долларов, а вскоре ее откровения превратились в книгу, ставшую бестселлером. «Пока Линда стерегла у входа, Текс орудовал ножом. Текс кричал: «Я дьявол! Я дьявол! Вы все сейчас подохнете!» — откровенничала Аткинс. — Когда он полосовал ножом Тейт, я и Кренвинкель держали ее за руки. Когда все было кончено, я обмакнула полотенце в кровь Шарон Тейт и написала им на стене: «Свиньи!» У нас были еще большие планы, которые мы не успели осуществить. Мэнсон решил, что мы должны еще казнить Лиз Тейлор, Ричарда Бартона, Фрэнка Синатру.». А Линда Казабьян за это время родила в тюрьме ребенка. Ван Гутен и

Кренвинкель посвятили свои досуги обновлению гардероба, чтобы появиться на суде во всем блеске модных нарядов. Когда обвинение было предъявлено Чарлзу Уотсону, более известному как Текс, то он успел скрыться в родной Техас, и все просьбы выдать его были отклонены. И все же Текс вскоре попал в тюрьму штата Техас.

Все время, пока длилось судебное разбирательство, на улице перед зданием суда «ученики Иисусасатаны» устраивали демонстрации в поддержку «учителя», требуя его освобождения.

21 ноября 1970 года Мэнсон заявил, что желает говорить. На нем была жилетка, которую ему сплели его девушки из своих волос. Почти два часа длилось его выступление. Вот выдержки из него: «Мое племя — это люди из вашего общества, — вы их выбросили, а я подобрал. Это вы породили своих детей. Это вы сделали из них то, чем они стали. Вам давно пора оглянуться на самих себя. Вы живете лишь ради денег. Но ваш конец близок. Вы сами убиваете себя. Если бы я захотел, я смог бы убить любого из вас. Если это вина, то я виновен. Я король в моем королевстве, даже если это — королевство помойных ям. Отпустите меня вместе с моими детьми в пустыню. Тюрьмы и пустыню я предпочитаю вашему обществу.» А незадолго до вынесения приговор Мэнсон заявил: «Я еще не решил, кто я или что я. Мне дали имя и номер и посадили в камеру. Я сделал все, что мог, чтобы приспособиться к вашему миру, а вы теперь хотите убить меня. Хаха! Я и так уже мертв. Я был мертвецом всю свою жизнь. Я жил в гробу, который вы сколотили для меня. Я отсидел семь лет за чек на 37 с половиной долларов. Я отсидел 12 лет за то, что у меня не было родителей. Когда вы в детстве катались на велосипеде, я сидел в построенной вами камере и смотрел в окно. Я разглядывал картинки в журналах и мечтал о том, что и я мог бы ходить в школу и на вечеринки, мечтал делать все то, что делали вы. Но все напрасно. А теперь я так рад, так рад, братья и сестры, что я — это я!» Много позже он напишет:

В тюрьме я вырос. Там мои палаты,
где правят надзиратели и судьи,
но мать родная в том не виновата, —
един закон корежил наши судьбы.

По окончании судебного процесса присяжные совещались несколько дней. 30 апреля 1971 года после вердикта присяжных судья Чарлз Олдер огласил приговор: все четверо убийц были приговорены к смертной казни. Подсудимые один за другим выкрикнули в зал:

Мэнсон: «У вас нет права меня судить!».

Кренвинкель: «Вы сами себя осудили».

Аткинс: «Вам будет плохо. Забаррикадируйте двери своих домов. Вы все равно исчезнете с лица земли!»

Уотсон — пресловутый Текс — был приговорен к смертной казни 13 ноября 1971 года. Другим виновным членам секты были определены различные наказания. Те, кто ни в чем не обвинялся, в большинстве своем юные девушки-сектантки, были направлены в разные места под надзор полиции. Впрочем, никто так и не доказал, что Мэнсон хотя бы раз убивал сам. Его приговорили к смерти «за подстрекательство к убийствам».

Однако 19 февраля 1972 года газете «Франссуар» сообщила, что «Сирхан Сирхан — убийца сенатора Роберта Кеннеди, Чарлз Мэнсон — убийца Шарон Тейт — и его три соучастницы: Патриция Кренвинкель, Сюзанна Аткинс и Лесли Ван Гутен — и многие другие преступники не будут подвергнуты смертной казни, так как Верховный суд Калифорнии отменил смертную казнь как высшую меру наказания».

Но мэнсониана на этом отнюдь не завершилась. 4 сентября 1975 года воспитанница Мэнсона Линна Фромми стреляла в президента Форда. Пистолет дал осечку. Еще через неделю ее подруга Сандра Гуд опубликовала список нескольких сотен бизнесменов и политиков, приговоренных «семьей» к смерти за преступления против окружающей среды. В Америке началась настоящая паника.

А вот старая «семья» отказалась от него. Сьюзен Аткинс в тюрьме обвенчалась и вернулась в лоно христианства. Сорокалетняя Лесли Гутен, находясь в тюрьме, закончила колледж и получила диплом искусствоведа. Патриция Кренвинкель, подавала просьбу о помиловании, но эта просьба была отклонена. Чарлз Уотсон тоже вернулся в лоно христианства и помогает местному священнику. Линда Казабьян, которая на судебном процессе была главным свидетелем обвинения и потому избежала наказания, живет ныне в Нью-Хэмпшире и имеет четверых детей. А Мэнсон издал книгу, в которой написал: «Я хочу, чтобы вы знали — в моем распоряжении весь мир. Силой своей воли я на свободе, я среди вас. Если вдруг я выйду на свободу, я устрою такое, что убийство Тейт покажется детской игрушкой».

В 1984 году Мэнсон заставил вновь говорить о себе, на этот раз как жертва сокамерника Яна Холстрома, члена секты Харе Кришна, который облил его бензином и поджег, как средневековый инквизитор черного мага. Мэнсон выжил, получив ожоги третьей степени. После этого Чарлз Мэнсон начертал на своем лбу знак свастики — символ абсолютной борьбы против современного мира. Он до сих пор не успокоился. В камере

Мэнсон написал традиционную автобиографию, активно занимается живописью, сочиняет музыку, пишет стихи, поет песни, и эти произведения нелегально распространяются по всем кампусам США. Его компакт-диски неплохо раскупаются — их можно без особого труда приобрести через Интернет. В 1997 году, на слушаниях, посвященных перспективам его досрочного освобождения, он очень огорчил судей, заявив, что ему недосуг заниматься собственным делом, так как он сейчас работает над созданием персонального интернетсайта. На всякий случай Чарли обвинили в торговле наркотиками и перевели «на строгий режим». (Ему уже десять раз отказали в помиловании.) Теперь его содержат в одиночной камере и не дают общаться с другими заключенными. Впрочем, есть еще переписка. Говорят, что на американском черном рынке письма Мэйсона котируются значительно выше, нежели черновики Ричарда Никсона и Дуайта Эйзенхауэра. Сериалы о его жизни показывают все чаще.

Многие лидеры молодежной западной контр-культуры видят в нем настоящего пророка, провозвестника восстания против подделок государственной системы, заигрывающей ради денег и славы с теми силами, об опасном могуществе которых она не подозревает. Для многих он — главный злодей и одновременно бунтарь США. Его имя стало нарицательным. Мэйсона почитают сатанисты. А всемирно известная рокзвезда Мерилин Мэнсон выбрал себе псевдоним, «скрестив» имя самой знаменитой американской актрисы и фамилию самого знаменитого американского маньяка. Часто цитируются слова Мэйсона из одной его песенки: «Там, где идут люди, там идет мусор. Пустые банки и масляные пятна на лужах вдоль дорог. Вам нужны уборщики, и я один из этих людей-уборщиков, человек мусора. Я люблю этот горько-сладкий запах догорающего гнилья».

Дело «людей в черном»

Дело группы лиц, которые за свои антивоенные настроения неоднократно привлекались к уголовной ответственности. Процесс над братьями-священниками и их сторонниками завершился оправданием подсудимых только после подключения к их защите ведущих адвокатов Америки и бывшего министра юстиции страны.

Эта история началась в мае 1968 года в провинциальном американском городке Кейтонсвиль (штат Мэриленд). В нерабочее время в помещении призывного пункта № 33 появились девять человек, одетые в черные костюмы характерного для духовного сана кроя. Поскольку ни посетителей, ни офисных работников в здании не было, посетители не спешили: они спокойно прошлись по кабинетам, высыпали из служебных шкафов документацию в мусорные корзины, вынесли их во двор и. развели огромный костер. В нем горели анкеты формы 1-А — первичные документы на лиц, подлежащих призыву на военную службу. Следует сказать, что в то время многие американцы выступали против агрессии во Вьетнаме, развязанной Белым домом, и эту акцию «людей в черном» быстро собравшаяся толпа восприняла по большей части с восторгом. К тому ж поджигатели явно вкладывали в свою акцию гражданского неповиновения высокий моральный смысл, так что не торопились скрыться с места происшествия. Когда к призывному пункту явился отряд полиции, люди в монашеских одеяниях спокойно дали себя арестовать. А на следующий день вся Америка знала, кто же столь оригинальным образом выразил свой протест против милитаристской истерии, от которой общество, честно говоря, давно устало. Руководили группой, получившей название «кейтонсвильской девятки», братья Берригэн — католические священники. Ранее они неоднократно становились героями газетных статей. Старший из братьев, Дэниэль, являлся известным поэтом, лауреатом многочисленных национальных и международных премий, в том числе престижной в США Ламонтовской премии (за книгу стихов «Время без чисел»). Он также стал основателем «Союза священников, обеспокоенных вьетнамской войной», активно участвовавшего в движении за прекращение американской агрессии, поскольку считал, что «человек, ведущий такую войну, стоит вне благословения Господа; в сущности, он находится под его проклятием». Что касается Филиппа Берригэна, то этот священник являлся видным

общественным деятелем. Ранее он «засветился» в качестве участника движения протеста против расовой дискриминации, за защиту прав нацменьшинств. За организацию бойкотов общественного транспорта в Миссисипи и массовых манифестаций Филипп неоднократно попадал за решетку, но каждый раз выходил на свободу настроенным еще более решительно.

Итак, «кейтонсвильская девятка» попала под суд за злоумышленное причинение вреда федеральному имуществу. Согласно законодательству, действия «людей в черном» карались штрафом в размере от 1000 до 10000 долларов либо тюремным заключением сроком от года до 10 лет. В особо серьезных случаях на правонарушителей возлагались оба вида наказания. Стороны обвинения и защиты не имели разногласий в трактовке фактической стороны действий поджигателей. Да и сами подсудимые не отрицали того, что планировали именно уничтожение документации призывного пункта. Зато в юридической квалификации и моральной оценке такого шага духовных лиц прокуратура и адвокаты придерживались совершенно противоположных взглядов. Однако судья Росцел Томсен был настроен явно против подсудимых. В своем слове к присяжным он прямо заявил: закон не признает никаких моральных, религиозных или политических убеждений и не принимает в расчет благородство помыслов преступника. Если «кейтонсвильская девятка» действительно виновна в уничтожении карточек призывного пункта, то никакой протест против войны во Вьетнаме оправдать эти действия не может.

Понятно, что присяжные не рискнули оспорить позицию судьи и вынесли вердикт «виновен». А поскольку по действующему в США законодательству в установлении меры наказания заседатели не участвуют, этот вопрос решал лично Томсен. Он приговорил Филиппа Берригэна к шести годам заключения, Дэниэля — к трем. Различные сроки тюрьмы получили также другие члены группы «людей в черном». Напоследок судья прочел подсудимым моральную сентенцию, смысл которой сводился к одному: в американской тюрьме не хватает талантливых заключенных, которые могли бы влиять на души узников.

Это напутствие имело совершенно неожиданные последствия: спустя несколько месяцев Томсен получил из тюрьмы Дэнбери письмо от Дэниэля Берригэна, заключенного № 23742/145. Тот с иронией сообщал, что принял «искренность слов» судьи и его призывы употребить талант проповедников для работы с узниками к сведению. Оказалось, правда, что исправление

преступников тесно связано с проблемой морального обновления общества. Ведь люди, у которых просыпается совесть, не желают мириться с Америкой, где «царят расизм, эгоистическая экономика и политика войны». А значит, настало время расправиться с «империей тюрем» и сокрушить ставшую правдой жизни ложь о том, что «в США быть бедным — значит быть преступником».

Приговор суда в отношении «людей в черном» неоднократно пересматривался в различных судебных инстанциях страны. Наконец, очередь дошла и до Верховного суда

Америки. Но этот орган отказался принять апелляцию, поскольку в ней не имелось «убедительных данных о допущенных первой инстанцией существенных юридических ошибках». Морально-этические и религиозные соображения суд в который раз признал не имеющими отношения к делу.

Поскольку все юридические возможности добиться оправдания оказались на этом исчерпаны, «кейтонсвильская девятка» решилась на отчаянный шаг. По истечении срока отсрочки наказания, предоставленного для обжалования приговора, они перешли на нелегальное положение, не явившись в установленный день в тюрьму Льюисберг. Дэниэль Берригэн позднее писал, что, поскольку борцам за мир затыкали рот, продолжая войну, которая стала нескончаемым кошмаром, суды превратились в орудие поджигателей войны, а правительство — в великого инквизитора, а значит, люди не должны подчиняться их воле. Поэтому «люди в черном» решили не прекращать сопротивление милитаристскому безумию. В течение нескольких недель священники и их соратники выступали на многочисленных импровизированных митингах, проповедовали в католических костелах, передвигаясь по всей стране и скрываясь на конспиративных квартирах. Участники беспрецедентной акции понимали, что долго такое положение вещей сохраняться не может, и поэтому стремились максимально использовать каждую минуту, пропагандируя пацифистские идеи.

Агенты ФБР довольно быстро вышли на след «кейтонвильской девятки» и в несколько приемов упекло беглецов в федеральную тюрьму Льюисберга. Там уже сидело около сотни молодых американцев, угодивших за решетку за отказ принять участие в войне во Вьетнаме. Пасторы постарались сделать так, чтобы в СМИ попала информация о том, что проблема политзаключенных в США — не вымысел противников «американской демократии», а жестокая реальность. Братьев Берригэн срочно изолировали от других узников и перевели в блок со строгим режимом содержания, а затем и вовсе

препроводили в тюрьму Дэнбери — учреждение «максимальной безопасности». Имена священников начали пропадать со страниц прессы, антивоенное движение обзавелось новыми лидерами. «Люди в черном» оказались практически забытыми.

Внезапно СМИ опубликовали ошеломляющую новость: директор ФБР Эдгар Гувер объявил о существовании организации «Тайное общество восточного побережья во имя спасения жизней», готовившей заговор против правительства. В планах террористов стояли взрыв системы коммуникаций правительственных зданий в Вашингтоне и похищение высокопоставленного сотрудника Белого дома. Такими радикальными мерами заговорщики якобы собирались добиться прекращения войны во Вьетнаме. Вскоре в газетах замелькали сообщения о том, что похитители покушались на главного помощника президента по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджера, а руководили заговорщиками братья Берригэн. Следующим шагом стала публикация имен «соучастников» братьев — троих известных католических священников (Н. Маклоглина, Дж. Вендерота. Э. Скоблика), профессора истории искусств Э. Макалистер и доктора философии профессора Э. Ахмада.

Берригэны сразу же потребовали созыва прессконференции, объявив эти заявления прессы очередной провокацией ФБР. Директор тюрьмы, сославшись на существующие режимные правила, разрешения на это не дал. Тогда заявление братьев огласил собравшимся у ворот тюрьмы Дэнбери журналистам адвокат «людей в черном» Уильям Канстлер. Берригэны уверяли, что никакого заговора не существует, и эта выдумка правительства — не более чем попытка разгромить движение за мир, выставив его активистов в неприглядном виде.

ФБР тут же принялось лихорадочно фабриковать улики против Берригэнов, использовав в качестве провокатора одного из заключенных, агента Бойда Дугласа (в недавнем прошлом рецидивиста с солидным «послужным списком»). Дуглас сумел втереться в доверие к Филиппу Берригэну, состряпав историю о том, как он, участник войны во Вьетнаме, угодил за решетку за выступление против окончания агрессии. Провокатор сообщил, что у него имеется скрытый от тюремной администрации канал связи с волей. Священники начал регулярно передавать через этот мнимый канал записки, которые тут же попадали в фэбээровское досье. Собственно, ни о какой тайной организации в этих письмах речь не шла, но благодаря им полиция выявила и взяла под негласное наблюдение круг сторонников братьев Берригэн. Позднее Дуглас, пользуясь именем Филиппа Берригэна, втерся в

доверие активистов антивоенного движения. Затем он объявил, что служил сапером, хорошо знает подрывное дело и готов предложить свои услуги борцам за мир. Но реакция сторонников священников разочаровала ФБР: они не желали марать руки террористическими акциями, киднеппингом, выкупами и прочей грязью. Тем не менее спецслужбы все же сумели состряпать своеобразный «коллаж» из магнитофонных записей бесед провокатора с руководителями антивоенного движения, создав видимость обсуждения планов терактов и диверсий.

В январе 1971 года в Гаррисберге (Пенсильвания) новое уголовное дело, заведенное на братьев Берригэн, слушалось Большим жюри. ФБР приложило массу усилий, чтобы создать ряд «неопровержимых улик», однако в этом не преуспело. Но несмотря на отсутствие хоть сколько-нибудь убедительных доказательств вины подсудимых, 12 января федеральное

Большое жюри обвинило участников «тайного общества» в заговоре с целью организации взрыва и похищения человека. Каждое из таких преступлений в отдельности предполагает наказание в виде длительных сроков тюремного заключения вплоть до пожизненного. Кроме шестерых обвиняемых, в обвинительном акте фигурировали имена их семерых «соучастников»: священников Дэниэля Берригэна и Поля Мейера, монахинь Джог Игэн (бывшей настоятельницы нью-йоркского отделения ордена «Священное сердце Девы Марии»), Беверли Белл и Марджори Эшюмен, профессора физики Уильяма Дэвидона, участника пацифистского движения Томаса Дэвидсона. Им, в соответствии с действующим законодательством, тоже грозило лишение свободы вплоть до пожизненного. Но для того, чтобы вынести обвинительное заключение, Большому жюри были необходимы веские доказательства. А ихто как раз прокурор и не предоставил. Министерство юстиции настояло на продолжении расследования, подключив к этому ведущих специалистов не только в области следственной работы, но и по фабрикованию улик. И тут. Из Вашингтона пришло ошеломляющее известие: защиту обвиняемых решил возглавить бывший министр юстиции Америки Рамсей Кларк. Делал ли он это в расчете получить голоса на дальних подступах к президентским выборам или просто дал волю давней неприязни к шефу ФБР Гуверу, неясно. Но Кларк был известен также тем, что добивался рассмотрения вопроса о конституционности войны во Вьетнаме Верховным судом США, поддерживал иск эскимосов Аляски, требовавших возвращения незаконно отчужденных у них земель, организовывал бесплатные юридические консультации для арестованных участников антивоенного марш протеста. Вскоре к

группе защитников присоединились и другие видные общественные деятели Америки: профессор права Гарвардского университета Леонард Бодин, 10 знаменитых адвокатов США, бывший кандидат в сенаторы от демократической партии Поль О'Двайер. Министерство юстиции засуетилось, собрав в качестве обвинителей лучших юристов, имевших большой опыт выступлений в судах в качестве обвинителей. Руководить ими должен был заместитель министра юстиции Уильям Линч. Обвиняемые не признали себя виновными по всем предъявленным пунктам обвинения, потребовав приобщить к делу их заявление о том, что они стали жертвами нечистоплотности ФБР и Министерства юстиции. Берригэны и их группа доказывали: единственный заговор, в котором они принимали участие, — это заговор по спасению человеческих жизней.

Команда Рамсея Кларка не оставила камня на камне от соображений, которыми руководствовалось при вынесении решения большое федеральное жюри. Стало понятно, что доказательств недостаточно, что использовались противозаконные методы при их получении, психологическое давление на свидетелей, прослушивание телефонных разговоров и просмотр корреспонденции, провокаторы. Кларк особенно подчеркнул недопустимость досудебной дискредитации обвиняемых (чем Гувер никогда не брезговал). Сторона защиты также указала на ряд процесссуальных нарушений, допущенных Большим жюри. Общественное движение за освобождение участников процесса приняло такой размах, что судья Диксон Герман понял: еще немного, и зал суда превратиться в трибуну для критики милитаристского курса Белого дома. Поэтому юрист поспешил объявить перерыв в разбирательстве, отложив слушание дела на неопределенный срок. Тогда 13 обвиняемых составили заявление для печати, отрицая свою причастность к заговорам и терроризму. Берригэны и их «соучастники» утверждали, что шли по пути ненасильственного сопротивления и попали под суд исключительно за свои оппозиционные выступления.

По всей Америке начали стихийно возникать отделения Комитета защиты сторонников мира. Рядовые граждане открыли так называемый «Семейный кредит», средства которого шли на оплату юридической помощи, найм адвокатов, покрытие судебных издержек и внесение залоговых сумм. В такой ситуации Министерство юстиции предпочло не подливать масла в огонь и освободило от ответственности 11 обвиняемых. Только братья Берригэн остались за решеткой, поскольку их срок заключения,

полученный ранее, еще не истек. Политически активные пасторы вышли на свободу только после окончания войны во Вьетнаме и. тут же подключились к борьбе против ядерного оружия. Их еще неоднократно привлекали к уголовной ответственности, и они отбывали разные сроки заключения. Так, Филиппа Берригэна в 1968–1978 годах арестовывали более 40 раз! Но священники были неумолимы: борьба против ядерной угрозы — это борьба за спасение планеты. И, выйдя на свободу, снова подключались к акциям за прекращение гонки вооружений.

Уэльский вампир-убийца

Принято считать, что вампиры — это персонажи легенд и народных преданий, а увидеть их живьем можно только в кино. Но оказывается, дети графа Дракулы живут не только на страницах книг, иногда они сходят с киноэкранов, превращая жизнь среднестатистических обывателей в кровавый кошмар. Когда «живым мертвецам» становится скучно одеваться в черные одежды, покупать кровь на донорских пунктах, в больницах и на городских скотобойнях, спать в гробу и возносить молитвы дьяволу, они выходят на охоту… Жертвой современного вампира-психопата может стать каждый.

В 2002 году Англия содрогнулась от зверского убийства, совершенного семнадцатилетним подростком, который настолько увлекся идеями сатанизма и вампиризма, что в его сознании грань между вымышленными персонажами и реальностью полностью стерлась. Это безобидное, в сущности, хобби в конце концов привело подростка на скамью подсудимых.

Мэтью Хардмен родился на северном побережье Англии. Его мать Джулия Хардмен работала медсестрой. Об отце Мэтью известно не слишком много. Он был тяжело болен и умер от сильнейшего асматического приступа, когда мальчишке едва исполнилось тринадцать лет. Для Мэтью смерть отца стала трагедией. Подросток был очень привязан к нему и долго не мог прийти в себя. Спустя некоторое время его мать второй раз вышла замуж за Алана Беннивorта, пожарника Министерства обороны Англии в отставке. Сын не смог простить ей «предательства». Он постепенно замыкался в себе, отдаляясь от единственного близкого человека.

Мэтью с матерью и отчимом переехали в бунгало Ланфэрпл. В новой школе Мэтью так и не обзавелся друзьями. Все свободное время он проводил в своей комнате за компьютером. Однако мать такое поведение сына не насторожило. Она считала, что у него обычный кризис подросткового возраста. Мэтью хорошо закончил школу и поступил в колледж искусств Ангси Северного побережья Уэльса. Чтобы добыть денег на карманные расходы, юноша подрабатывал курьером, развозя почту и корреспонденцию.

Проводя в интернете все больше времени, он увлекся сайтами, посвященными вампирам и сатанизму. Мэтью зарегистрировался на сайте, известном в определенных кругах как общество «Движение вампиров». В своем компьютере он собрал всю возможную информацию о последователях графа

Дракулы: «Сайт существует для всех, кто хотел бы стать членом сообщества вампиров: каноническим вампиром, классическим (готическим) вампиром, энергетическим вампиром или вампиром, пьющим кровь». Вскоре Мэтью Хардмен стал собирать книги о вампирах, газеты, журналы, видеопродукцию с этой тематикой. Его настольной книгой стал «Дракула». Юноша настолько увлекся идеей бессмертия, что начал задумываться о необходимости проведения специального обряда, который не только превратит его в настоящего вампира, но и сделает бессмертным. Мэтью сотни раз перечитывал статьи, где описывался ритуал посвящения, и всерьез решил осуществить свой план.

Первая попытка оказалась неудачной. В колледж, где учился Мэтью, по обмену студентами приехала группа подростков из Германии. Внимание юноши привлекла своей необычной внешностью шестнадцатилетняя девушка, которую он посчитал избранной (вампиром). На первом же свидании Мэтью долго и сбивчиво рассказывал ей о временах готики и вампирах, а затем схватил и, прижимая голову девушки к своей шее, начал требовать, чтобы она укусила его, сделав «одним из них». Студентка была настолько перепугана, что начала звать на помощь, а вскоре написала заявление в полицию. Поведение Мэтью тогда было расценено органами правопорядка как глупая шутка или мелкое хулиганство, и его отпустили.

Спустя две недели Мэтью Хардмен после тщательной подготовки еще раз решил реализовать свой замысел. Поскольку юноша жил в небольшом городишке, основное население которого составляли пенсионеры, то он решил, что лучшего места для вампиров просто быть не может. Ведь стариков очень много, они часто болеют и умирают от естественных причин. Поэтому смерть одного из них может долго оставаться незамеченной. И даже если бы труп обнаружили, то смерть от укуса вампира могла походить на смерть от сердечного приступа. План был почти готов. Оставалось лишь выбрать жертву.

Выбор Хардмена пал на девяностолетнюю пенсионерку Мэйбл Лейшон, которая жила неподалеку. Юноша часто завозил ей газеты и поэтому хорошо знал, что престарелая женщина жила одна и не смогла бы оказать существенного сопротивления.

24 ноября 2001 года, вооружившись огромным кухонным ножом, Мэтью Хардмен вышел из дома. Он ворвался в дом к Мэйбл Лейшон, когда та смотрела телевизор. Не давая своей жертве опомниться, юноша набросился на нее с ножом и нанес пожилой женщине 22 ранения. Как установили позднее эксперты, женщина пыталась защищаться, о чем свидетельствуют глубокие

порезы на ее руках. Когда жертва упала, Мэтью поднял ее труп и расположил в кресле, поставив ноги на табуретку. Две кочерги он положил у нее под ногами в виде перевернутого креста. С двух сторон от тела расставил подсвечники с зажженными свечами, а остальные свечи разместил на каминной полке. Мэтью Хардмен распорол ножом грудь убитой, вырвал сердце и, обернув его газетой, поместил в кастрюлю, которую затем поставил на большой серебряный поднос. Затем убийца сделал на ногах жертвы три глубоких раны, кровь из которых собрал на тот же поднос и выпил. Мэтью Хардмен был твердо уверен, что после проведенного обряда наконец-то превратился в настоящего вампира и стал бессмертным.

Труп растерзанной Мэйбл Лейшон обнаружили соседи спустя несколько дней. Полиция приступила к расследованию этого жестокого ритуального преступления. Начальник следственной группы Алан Джонс сказал репортерам в одном из интервью: «Это убийство — самое жуткое из всех, что мне доводилось видеть за всю мою карьеру». Полиция Северного Уэльса проводила консультации со специалистами по оккультным наукам и магии. В процессе следствия были взяты образцы ДНК более чем у ста местных жителей, что и вывело на след убийцы.

После шести недель расследования преступления в список подозреваемых попал Мэтью Хардмен, уже привлекавшийся за хулиганские действия по обвинению в вампиризме. Во время ареста он вырывался и кричал полицейским: «Укуси меня за шею, укуси меня за шею!» При обыске комнаты, в которой жил юноша, полицией было обнаружено огромное количество материалов о вампирах. Это и послужило одним из доказательств его вины.

В процессе следствия открылись новые факты, подтверждающие увлечения Мэтью Хардмена вампиризмом. Так, юноша не раз обвинял своих соседей в том, что они пьют кровь. Однажды он так сильно ударил себя кулаком по носу, что потекла кровь. А затем, слизывая ее, приставал к соседям с предложением укусить его за шею.

Судебное заседание по делу Мэтью Хардмена продлилось 14 дней.

2 августа 2002 года состоялся суд над юношей-вампиром. По словам обвинителя Томаса Роджера, подросток сознательно решился на ритуальное убийство: «Он знал о вампирах достаточно много, чтобы ответить на два главных вопроса: что нужно сделать, чтобы стать вампиром, и как получить бессмертие? И тогда юноша решил, что для полноты ощущений и достижения цели ему не хватает только жертвы, которую он и нашел в соседнем доме». По мнению обвинения, все

свидетельствовало о том, что «убийство было хладнокровным, разумным, тщательно продуманным актом насилия, с целью реализации собственной навязчивой идеи». Обвинитель утверждал, что в ноябре 2001 года Мэтью Хардмен был увлечен идеями вампиризма и безоговорочно верил в свое бессмертие.

На суде выступили два известных специалиста в области криминальной психологии. Так, врач-психиатр Стивен Чапмен дал заключение: «Согласно проведенным исследованиям, Мэтью Хардмен не страдает какой-либо формой душевной болезни». Однако адвокат обвиняемого высказал предположение о том, что «велика вероятность скрытого протекания душевной болезни, которую на данном этапе еще трудно определить».

Предположения адвоката основывались на исследованиях доктора Томаса Сзасза, который, выделяя безумие как медицинский диагноз, подчеркивал: «Болезни мозга очень хорошо поддаются идентификации, тогда как расстройства психики иногда не определяются, а существуют как способ лишения свободы невиновных и реабилитации виновных. Как правило, то, что люди называют серьезной умственной болезнью, начинается с насилия в семье. Так, например, преступник, который толкнул женщину под колеса поезда в подземке Нью-Йорка, в детстве напал на свою мать с кухонным ножом. Но такие вещи обычно скрывают от посторонних. А через некоторое время после совершения преступления задаются вопросом: почему это случилось? Вернувшись к случаю с Мэтью, психиатр утверждает, что молодой человек не проявил каких-либо признаков безумия. А вы бы поставили свои жизни в зависимость от суждения психиатра, который объявил бы его нормальным и безопасным для общества после отбывания наказания?»

Адвокат Мэтью Хардмена Робин Спенсер официально заявил на суде: «Психологическая экспертиза не подтвердила предположения о каком-либо расстройстве психики подсудимого и не раскрыла причин того, что он совершил». Спенсер добавил, что никто не смог бы совершить подобное преступление, не находясь под властью какой-либо идеи. Второй адвокат обвиняемого, Ричардс, доказывал: Мэтью Хардмен был одержим навязчивой идеей и страдал скрытой формой психического заболевания. В подтверждение этого тезиса он высказал убеждение, что его подзащитный не считает совершенное им преступление убийством. Это ли не доказательство его ненормальности?

Психиатр Стивен Чапмен на это возразил: «Я не думаю, что поклонник вампиров был безумен. Люди убивают других не только потому, что одержимы какой-то идеей или верят в какие-

либо вещи, которые другим кажутся абсолютно нелепыми. Все зависит от того, насколько велика вера в эту идею. Действия убийц в этом случае можно рассматривать как инстинкт человека, который боится того, над чем не имеет власти, и пытается по-своему управлять ситуацией. Этот инстинкт раскрывает нам мышление внешне «нормальных людей», таких как Мэтью Хардмен».

На суде сам обвиняемый свою вину в убийстве не признал и заявил, что «не был увлечен вампиризмом, а только интересовался этим вопросом». Судья Джастис Ричардс, обращаясь к подсудимому, сказал: «Это преступление было спланировано и хорошо продумано. Вы надеялись обрести бессмертие, но все, чего вы достигли, — это жестокое убийство другого человека.» После заключительной речи судьи жюри присяжных отправилось на совещание, которое продлилось четыре часа.

Мэтью Хардмену был вынесен приговор: его признали виновным в ритуальном убийстве 90-летней Мэйбл Лейшен. Он был приговорен к пожизненному заключению без права освобождения ранее, чем через 12 лет.

Когда приговор был оглашен, юный вампир-убийца заплакал. Его мать, находившаяся все это время в зале суда, крикнула: «Я люблю тебя, сынок!» И тоже разрыдалась. После окончания процесса Джулия Хардмен незаметно покинула зал суда через черный ход, отказавшись от встречи с журналистами.

Начальник следственной группы Алан Джонс остался доволен вынесенным вердиктом: «Обвинительный приговор вне всякого сомнения подтверждает ответственность Мэтью Хардмена за совершенное им убийство». Немецкая студентка, имя которой не разглашалось в ходе следствия, отказалась прокомментировать приговор Мэтью Хардмену и заплакала, покидая зал суда. Мать и адвокаты юного вампира, надеясь на смягчение приговора, подали документы на апелляцию. Они настаивают на непреднамеренности действий Мэтью Хардмена и его психической неуравновешенности.

Единственный живущий сегодня родственник графа Влада Дракулы — румынский ученый Константин Балацена-Столничи — заявил, что его предок не имеет ничего общего с уэльским убийцей. Он выступил против британской прессы, обвиняющей графа Дракулу в том, что Хардмен увлекся идеями вампиризма. Румынский академик писал: «Мой предок не может нести за это ответственности, потому что он никогда не был сатанистом». Председатель Международного общества Дракулы Никола Падерару неоднократно высказывался о необходимости развития

туризма в Румынии, связанного с именем Дракулы. Он настаивает на том, что экскурсии, поездки, подробный рассказ о жизни знаменитого румынского вампира смогли бы остановить таких, как Хардмен. Никола Падерару заявил: «Я думаю, что если бы Мэтью Хардмен побывал в Румынии на одном из наших туров, то это помогло бы ему понять различие между рассказами о вампирах, описанных в фольклоре, и тем, что бывает в действ ительности».

Основной причиной трагедии, произошедшей с Мэтью Хардменом, можно считать средства массовой информации, которые создают нездоровый интерес к вампиризму и сатанизму у подростков с неустойчивой психикой и легко поддающихся такому влиянию. Их неумение отделить добро от зла, а выдумку от реальности может привести, как в случае с юношей-вампиром, к непоправимой трагедии в будущем.

Супруги-вампиры из Германии

В народе говорят: муж и жена — одна сатана. Эта шутливая поговорка внезапно приобрела зловещий смысл, когда в Германии начались слушания по делу супружеской пары Мануэлы и Даниэля Руд. Они предстали перед земельным судом города Бохума по обвинению в особо жестоком ритуальном убийстве своегознакомого, 33-летнего Френка Хаагена. Мануэла и Даниэль Руд на самом деле оказались последователями культа Дракулы и вплоть до своего ареста состояли в печально известной секте «Дети Сатаны».

Как свидетельствует статистика, в современной Германии насчитывается как минимум 7 тысяч их единоверцев, принимающих участие в черных мессах. Социологи многих стран, изучающие это явление, утверждают: «Смой «адский» грим с иного немецкого сатаниста — и увидишь косую челку». До сих пор остается неясным: что же легло в основу совершенного супругами-вампирами преступления: профашистские идеи или психическое расстройство? Ответ на этот вопрос кроется в их детстве.

Даниэль Руд родился в небогатой рабочей семье. Он хорошо учился и стремился быть лидером среди своих одноклассников. Перейдя в среднюю школу, он все так же с удовольствием посещал занятия. Авторитет Даниэля среди одноклассников продолжал расти, хотя теперь его раздражительность очень часто приводила к ссорам и дракам. Все это постепенно привело к тому, что одноклассники перестали с ним общаться. Находясь почти в полной изоляции, подросток увлекся идеями неофашистов и все чаще стал думать о том, что его привлекает насилие и кровь. Теперь Даниэль часами мечтал о том, как он убивает, насилует и пытает своих учителей. Он бросил школу и зарабатывал на жизнь в небольшой фирме по продаже запчастей к автомобилям. Умение расположить к себе клиента, общительность и приятная внешность способствовали тому, что у Даниэля не было отбоя от покупателей.

В это же самое время Даниэль Руд возглавил отряд бритоголовых. За активную пропаганду экстремистских взглядов в скором времени его судили и оштрафовали. Затем юноше попала в руки «Книга Сатаны», в которой рассказывалось о черных мессах. Как позднее вспоминал сам Даниэль, он понял, что эта книга полностью отвечает его мировоззрению. Родители пытались повлиять на сына, запрещая слушать сатанинскую

музыку и читать оккультные книги. Но это ни к чему не привело. Критика и просьбы родителей только раздражали и озлобляли юношу.

Повзрослев, Даниэль понял, что ему нужны не только единомышленники, но и родная душа. Для того чтобы найти свою вторую половинку, Даниэль в августе 2000 года дал объявление в немецком готическом журнале «Хеви Металл»: «Черный вампир ищет принцессу тьмы, которая ненавидит всех и каждого». На этот призыв откликнулась 23-летняя Мануэла.

Она тоже родилась в небогатой рабочей семье. Закончив школу, Мануэла поступила в гимназию, мечтая продолжить дальнейшее обучение в университете. Но в возрасте 14 лет пристрастилась к наркотикам и однажды чуть не погибла от передозировки. Бросив учебу, девушка устроилась работать официанткой. Теперь она увлекалась музыкой в стиле хеви-металл, перекрасила волосы в черный цвет и придумала себе псевдоним — Принцесса Ночи.

Во время первой же встречи Мануэла и Даниэль поняли, что созданы друг для друга.

Молодые люди даже внешне были очень похожи. Оба были фанатично преданы культу Сатаны и увлекались вампирами. Оба носили черную одежду, к тому же Мануэла выбрила себе половину головы и сделала татуировку в виде перевернутого креста. А еще девушка сделала себе коронки в виде клыков животного, остро заточив их для того, чтобы получить больше удовольствия от перегрызания вен добровольных доноров.

Позднее, когда им понадобится психиатрическая экспертиза, врачи докажут, что ни Даниэль, ни Мануэла не испытывали любви друг к другу. Их объединяли стиль жизни и страсть к извращенному сексу.

Поженившись, молодые люди занялись обустройством «семейного гнездышка» в соответствии с собственными вкусами. Потолок и стены их комнаты были выкрашены в черный цвет. Везде супруги-вампиры развесили перевернутые кресты, а кроватями им служили два дубовых гроба, украшенных резьбой. Повсюду были расставлены пластмассовые черепа, ножи и топоры. Жизнь Даниэля и Мануэлы была построена на четком соблюдении сатанинских ритуалов и нагоняла ужас на их близких и знакомых. Вскоре у них не осталось друзей. Но супруги Руд не оченьто и горевали по этому поводу. Ведь им никто и не был нужен. Они нашли друг друга, рядом они были сильнее.

Их жестокость, фанатизм и жажда насилия тоже удвоилась. Супруги с удовольствием позировали перед фотографами садомазохистских изданий. Часто во время секса они наносили

себе и друг другу раны, слизывая кровь, спали на свежих могилах. Мануэла с удовольствием фотографировалась окровавленная, в цепях и с мачете. Супруги Руд были по-своему абсолютно счастливы.

В марте 2001 года они «получили» приказ № 667 от Сатаны, что на языке оккультизма означало приказ принести жертву Сатане.

Выбор пал на 33-летнего Френка Хаагена, который был коллегой по работе и единственным оставшимся другом Даниэля. Супруги-вампиры пригласили будущую жертву к себе домой. Немного поболтав и выпив пива, они предложили своему другу почитать книгу «Жизнь Сатаны». Когда Френк Хааген углубился в чтение, Даниэль Руд сильно ударил его молотком по голове. Затем супругивампиры продолжили бить свою жертву молотком и наносили удары ножом. Напившись крови друга, Даниэль и Мануэла как ни в чем не бывало занялись сексом в одном из гробов. Оставив изуродованный труп в квартире, супруги Руд уехали.

Спустя несколько дней резкий запах разлагающегося тела привлек внимание соседей, и они вызвали полицию. На месте преступления были обнаружены останки убитого мужчины. Труп лежал у дубового гроба. Из его живота торчал скальпель, а на груди была вырезана пентаграмма. На оконном стекле кровью была сделана запись по-английски: «Если Сатана жив». К тому же во время обыска в квартире был найден список будущих жертв.

Тело было настолько изувечено, что установить личность убитого смогли только благодаря анализу ДНК. Преступники были задержаны спустя неделю. Их случайно опознал служащий одной из автозаправочных станций в Йене.

10 января 2002 года началось слушание по делу о ритуальном убийстве Френка Хаагена. Перед судом присяжных предстали супруги-сатанисты Даниэль и Мануэла Руд. Они не продемонстрировали не малейшего раскаяния, бросая на всех собравшихся в зале суда взгляды, полные ненависти и презрения. Заняв свое место на скамье подсудимых, они приветствовали друг друга особым сатанинским жестом: рука согнута в кулак, а мизинец и указательный палец подняты вверх. Преступники постоянно гримасничали, всячески выказывая свое неуважение к суду.

Подозреваемые сразу же признались в совершенном убийстве. Согласно показаниям, которые дал на суде Даниэль Руд, выбор жертвы был неслучайным: поскольку Френк Хааген отличался хорошим чувством юмора, они решили «сделать его придворным шутом Сатаны». Объясняя причину убийства,

Даниэль заявил на суде: «Сатана отдал нам приказ. Мы только его выполнили». Затем он сравнил себя с автомобилем, на котором был совершен смертельный наезд на пешехода. «Автомобиль сам по себе не поехал бы. Плохим парнем был водитель. Я ни о чем не сожалею, потому что ничего не сделал». Таким образом, ответственность за это ритуальное убийство супруги Руд возложили на Сатану, отказавшись признать свою вину.

Мануэла Руд в свою очередь подтвердила слова Даниэля: «Это не было убийством. Это было предначертано. Мы должны были сделать так, чтобы жертва сильно мучилась». И действительно, эксперты насчитали на теле жертвы 66 глубоких колото-резаных ран.

Описывая убийство, Мануэла подробно рассказала о том, как было совершено преступление: «Мы сидели на кушетке. Неожиданно мой муж встал. У него были страшные глаза. Он ударил Френка молотком по голове и достал нож. Тогда я сказала: «Бей прямо в сердце». После того как Френк упал, свет, который исходил от него, погас. Так я поняла, что он мертв».

Как было сказано выше, преступники долго кололи труп ножом и пили кровь жертвы. Устав терзать тело жертвы, супруги вознесли молитву Сатане. Потом они вырезали на груди убитого лезвием перевернутую пятиконечную звезду, а затем развлекались тем, что тушили о тело сигареты. В этот момент оба были уверены, что обрели бессмертие.

Обвинитель Дитер Джастински заявил на суде: «Я никогда раньше не сталкивался со случаями такой жестокости и развращенности. Они просто жаждали убивать.»

В ходе судебного процесса Мануэла призналась, что увлеклась сатанизом во время путешествий в Англию и Шотландию, где встречалась с настоящими почитателями культа вампиров. Она рассказала о том, что пила кровь людей, которые дали на это свое согласие. Знакомились супруги Руд с добровольными дарителями через Интернет. «Я встречалась с людьми и вампирами в Лондоне, мы ходили ночью на кладбища, развалины и в лес. Я спала на могилах и даже позволила похоронить себя заживо, чтобы узнать, какие чувства при этом возникают. Я отдала свою душу Сатане два с половиной года назад и ни о чем не жалею», — самоуверенно заявила на суде Мануэла Руд.

Как установило следствие, сначала супруги пили кровь кур и коз, которых убивали в лесу возле дома, а затем решились на более серьезное преступление.

На суде присутствовали родители убитого Френка Хаагена. В интервью одной из немецких газет, освещавших ход судебного

процесса, они заявили: «Если бы у нас не было дочери и внуков, то после смерти сына наша жизнь потеряла бы всякий смысл». Во время суда они настаивали на том, что сатанисты должны быть приговорены к пожизненному заключению. Но прокурор Дитер Джастински не стал требовать для супругов Руд длительного заключения. Он заявил в суде: «Даниэль и Мануэла не монстры, которыми их изображают в прессе, а тяжело больные люди».

Многочисленные эксперты, выступавшие на процессе, подтвердили, что супруги Руд страдают расстройством психической деятельности. Известный судебный психиатр Норберт Лейграф тщательно обследовал Даниэля и Мануэлу и убедился в том, что они оба душевнобольные. По его мнению, супруги страдали крайней степенью нарциссизма и были не в состоянии ощущать связь с другими людьми. Чета Руд пыталась внушить себе уверенность в собственном величии и незаурядности. Заключение эксперта было однозначным: обвиняемые не могут в полной мере нести ответственность за свое преступление, но при этом они настолько опасны, что должны быть помещены в закрытую психиатрическую лечебницу.

Именно эта экспертная оценка сыграла решающую роль в деле супругов-сатанистов Руд.

31 января 2002 года Даниэль и Мануэла Руд были осуждены. Суд приговорил 26-летнего Даниэля Руд к 15 годам тюремного заключения, а его жену Мануэлу к 13 годам с принудительным прохождением курса лечения в психиатрической больнице закрытого типа.

Дело супругов-вампиров Руд получило громкий резонанс в Германии. Вольфганг Баух, представитель чиновников уголовной полиции, во время судебного процесса высказал мнение большинства своих коллег: «Трудно свыкнуться с мыслью, что совершаются преступления, просто не укладывающиеся в границы нормального человеческого разума».

Священник евангелической церкви из Дюссельдорфа Андре Шефер заявил журналистам: «Опасность, исходящая от сатанистов, усугубляется тем, что они, как правило, очень хорошо организованы и их бесчеловечные фантазии не знают границ». По его мнению, основной источник зла — сегодняшняя разобщенность людей, а также тоска по порядку и «сильной руке». Но очень часто оккультная составляющая немецкого сатанизма не так велика, как говорят об этом эксперты. Внимательно рассмотрев существующие факты, можно увидеть, что за сатанистскими преступлениями скрываются совсем другие идеи. Магические заклинания — всего лишь замаскированная страсть к извращенному сексу, перевернутый крест с легкостью можно

заменить свастикой, леденящие душу откровения являются красноречивыми свидетельствами психической болезни, а служение культу — ненавистью к людям и маниакальным ощущением своей избранности, которую газетчики умело «подогревают» в погоне за сенсационными новостями.

Птенцы Сёко Асахары, или Конец секты «Аум Синрикё»

Название этой секты уже давно стало символом слепой веры в своего духовного наставника, помноженной на горе и страдание тысяч людей.

Самым кровавым преступлением «АУМ Синрикё» стала ее широко известная «газовая атака» в токийском метро.

Сёко Асахара

Последняя пятница зимы (27 февраля 2004 года) выдалась в Токио на редкость серой и будничной. Многомиллионный мегаполис жил своей жизнью, расписанной по минутам и секундам. А между тем именно в этот день в Токио судили Сёко Асахару. На первый взгляд казалось, что город забыл или сознательно не хотел вспоминать то, что произошло здесь без малого девять лет назад, 20 марта 1995-го, когда после теракта в токийском метро страна пережила «Хиросиму в миниатюре». Причем, как выяснилось позже, настоящей Хиросимой те события не стали по чистой случайности.

У здания Токийского окружного суда собралась толпа из тех, кто ничего не забыл, — около четырех тысяч родственников и

друзей жертв Сёко Асахары и его секты. Они тщетно пытались прорваться в зал заседаний, рассчитанный всего на 36 мест, или хотя бы услышать «приговор века».

«Виновник торжества» — Сёко Асахара, которого ввели в зал суда в наручниках, — слушал приговор стоя и равнодушно смотрел на судью своими подслеповатыми глазами. От его длинной бороды и прежней густой шевелюры ничего не осталось — в тюрьме гуру постригли. Белую робу проповедника сменила черная, арестантская. Казалось, в мыслях Асахара находился где-то очень далеко. Возможно, он уже представлял, как оставляет телесную оболочку и уходит в астрал. Гуру давно был готов к смертному приговору и поэтому решил не суетиться и войти в историю как «самый страшный нарушитель мирских законов». Ведь даже без судебного разбирательства мало кто в Японии сомневался в его виновности.

А ведь жизнь Сёко Асахары (1955 г. р., настоящее имя — Тидзуо Мацумото) обещала быть самой обычной. Сын бедного ремесленника, занимавшегося плетением циновок, по причине своего слабого зрения — из-за глаукомы он ослеп на правый глаз — не мог помогать отцу и был послан учиться в школу для слепых и слабовидящих детей, где стал лидером среди одноклассников, большинство из которых никогда не видели солнечного света. После окончания учебного заведения честолюбивый юноша захотел поступить в Токийский университет, однако не сумел сдать вступительные экзамены и вернулся в родные места. Но благодаря удачной женитьбе на дочери зажиточного земляка Мацумото получил существенную финансовую поддержку со стороны новой родни и решил заняться аптечным бизнесом. При этом многие из его снадобий не имели никакой лечебной силы, хотя сам лекарь со своими помощниками наперебой говорили об их исключительной чудодейственности. В 1982 году новоявленный целитель был уличен в мошенничестве (выяснилось, что вместо разрекламированного «волшебного средства» он продавал обыкновенный настой из мандариновых корочек), потерял лицензию и был оштрафован. Однако сумма штрафа была гораздо меньше тех барышей, которые «лекарь» успел положить в свой карман. Поэтому он решил продолжить медицинскую карьеру, вплотную занявшись йогой, а также изучением мистики и религии, а для этого отправился в Гималаи.

Возвратившись в Японию, Мацумото в 1984 году создал собственную религию — вначале «Общество горной истины», а затем «Учение истины АУМ» («АУМ Синрикё»). Из христианско-иудейской традиции Асахара перенял доведенный до абсурда

культ пророка-мессии и идею Апокалипсиса. Свою истерическую веру в скорый конец света и «Последнюю войну добра и зла» гуру замешал на предсказаниях Нострадамуса, вошедших в моду. Положенное в название его секты слово «АУМ» было позаимствовано у древних индийцев. Это состоящее из трех букв слово кто-то переводит как «прошлое — настоящее — будущее», кто-то — как «рождение — смерть — жизнь».

Вскоре в одном из популярных журналов появляется фотография Тидзуо, парящего в позе лотоса над землей. Позже эксперты придут к выводу, что он был запечатлен в тот момент, когда высоко подпрыгнул, поджав ноги. Подобной техникой прыжков владеют некоторые йоги, которые разработали специальные упражнения для мышц бедра. Но в то время сенсационный снимок, опровергающий законы земного тяготения, привлек в школу «АУМ» сотни новых учеников, финансовые вливания которых позволили предприимчивому учителю открыть несколько новых учебных заведений и сеть небольших магазинчиков, торговавших товарами религиозного толка. И пошло-поехало! Мацумото вмиг приобрел славу мудрого наставника и начал свои гастроли по городкам и пляжным поселкам Японии, вербуя все новых адептов. При этом он объявил, что собирается переделать этот грешный мир, который обречен на катастрофу, и дать шанс на спасение своим последователям. Глава «Ассоциации АУМ» начинает носить исключительно белые одеяния, отращивает длинные волосы и бороду, а затем меняет не только свою внешность, но и имя, поскольку прежнее, по его мнению, уже не соответствует образу спасителя и провидца.

Так Тидзуо Мацумото становится знаменитым Сёко Асахарой. В 1987 году он специально прибывает в небольшой городок в Гималаях, где в это время находился Далайлама, и фотографируется рядом с главой буддизма. За короткое время Сёко Асахара сумел превратить небольшую школу йоги во влиятельный религиозный культ. При этом он провозгласил себя живым воплощением Шивы, а также. Иисусом Христом (на том основании, что у него такая же волнистая борода). Доктрина Асахары представляла собой «адский коктейль» из перевранных, надерганных и нередко противоречащих друг другу положений и принципов разных религий. Так, умиротворяющая буддийская идея бесконечных перерождений приобрела у него не свойственную ей кровожадность. Отрицание окончательности смерти помогло Асахаре убедить его боевиков в том, что убийство противника или грешника — не преступление, а перевод заблудшей души в другое качество. На жаргоне секты «мокрое

дело» так и называлось «поа» (в переводе с санскрита — «путешествие души»).

Секта стала расти в геометрической прогрессии, приобретая черты организации с беспрекословным подчинением лидеру и хорошо организованной верхушкой, сформированной по принципу Кабинета министров. Были в «АУМ Синрикё» свои министры вооружения и науки, руководители служб безопасности и разведки. Основной упор делался на привлечение молодежи, особенно студентов и выпускников вузов (по оценкам экспертов, около 15 % членов секты не достигли 20-летнего возраста). Самое удивительное, что находилось немало людей, готовых выложить большие суммы, вплоть до передачи всего своего имущества новоявленному богу, благодаря чему «АУМ Синрикё» быстро превратилась в мощную финансовую империю. Уже к 1995 году секта имела во всем мире около 50 тысяч последователей, а ее имущество оценивалось в сумму более чем миллиард долларов.

Отступников же в секте жестоко карали. Есть сведения о том, что людей, решивших порвать с сектой, подвергали пыткам, убивали, а тела сжигали. Все это в конце концов породило широкий общественный резонанс и повлекло создание в Японии Ассоциации жертв «АУМ Синрикё», а также серию громких судебных процессов и правительственных проверок. Это вызвало гнев Сёко Асахары, который начал готовиться к крупномасштабным военным действиям, для чего были созданы специальные тренировочные лагеря, где сподвижники мастера проходили армейскую подготовку. Кроме того, в спешном порядке были созданы лаборатории и небольшие предприятия для разработки и изготовления различного оружия, в том числе химического и биологического. По замыслам новоявленного мессии применение оружия массового поражения должно было вызвать всеобщую панику и создать удобный момент для взятия власти в свои руки. Для этих милитаристских целей было налажено производство нервно-паралитических (!) газов.

Через подставные фирмы секта закупила тонны ядохимикатов для изготовления отравляющих веществ. Изготовление зарина и нервно-паралитического газа VX шло полным ходом на главной базе «АУМ Синрикё», у подножия священной для японцев горы Фудзияма. В соответствии со стратегическим планом отравляющие вещества предполагалось распылить над Токио, убив сразу несколько десятков тысяч человек. После этого отряды сектантов-смертников должны были захватить правительственные здания и парламент. Асахара особо не задумывался над тем, что делать дальше, — к тому времени он сам убедил себя в том, что конец света близок.

В 1997 году во время следствия по делу «АУМ Синрикё» впервые официально прозвучало имя Олега Лобова, бывшего вице-премьера правительства России. Бывший «шеф разведки» сектантов Есихиро Иноуэ дал показания, что осенью 1993 года Лобов якобы передал «АУМ» технологию производства зарина, получив за это в Париже 10 миллионов йен (около 100 тысяч долларов). На допросе в Генпрокуратуре Лобов категорически отрицал этот факт. Но эти показания подтвердил и представший перед судом еще один член высшего руководства «АУМ», главный врач секты Икуо Хаяси. Стало известно и то, что в самом центре Москвы, на Звездном бульваре, в отделении «АУМ» испытывали на российских гражданах отравляющие газы, впоследствии использованные в токийской подземке. В руках японских следственных органов оказался так называемый «дневник наблюдений за ядовитыми газами», который с января по март 1995 года аккуратно велся в российском отделении «АУМ».

Полигоном для пробы зариновой атаки в 1994 году стал город Мацумото в префектуре Нагано. Погибло семь человек, и хотя тогда расследование зашло в тупик, впоследствии было доказана вина «АУМ». Позже Токийский окружной суд приговорил одного из бывших высокопоставленных членов секты к штрафу в 100 миллионов йен в качестве компенсации родственникам погибших. Местом для главного террористического удара было выбрано токийское метро, время атаки — 8 часов утра 20 марта 1995 года. В указанный час пятеро исполнителей сели на разных станциях в поезда метро, а затем оставили в вагонах специально приготовленные токсико-непроницаемые пакеты с газом зарином, которые они перед выходом проткнули. Спустя несколько минут в подземке начался кошмар. Ничего не подозревавшие люди стали задыхаться, а полиция ничего не могла понять. Только после того как людей спешно эвакуировали, военные эксперты определили тип поражающего вещества. Стало ясно, что это теракт, в результате которого погибли 12 человек, а около пяти с половиной тысяч получили отравления различной степени тяжести и хронические болезни. Власти быстро определили, что организатором газовой атаки стало руководство «АУМ Синрикё», и провели серию арестов. Однако деятельность самой секты не запретили. Это породило у японцев ощущение наступающего конца света, «маленькой Хиросимы», настоящего шока. В свободное время люди старались по большей части сидеть дома, а если и выходили на улицу, то пугливо оглядывались по сторонам и подозрительно всматривались в лица прохожих. Билеты на концерты и обожаемые местной публикой бейсбольные матчи

продавались с невероятным трудом — даже когда выступали звезды, залы и стадионы были пустыми или полупустыми.

16 мая 1995 года под стражу был взят сам Сёко Асахара, а перед этим, 22 марта 1995 года, в одном из зданий «АУМ» были обнаружены 50 человек, находящихся в состоянии комы. К марту 1996 года за решеткой оказались уже около 400 активных членов секты. В ходе разбирательства против Асахары были выдвинуты уголовные обвинения по 17 пунктам, в том числе в связи с зариновой газовой атакой в токийском метро, а также газовой атакой в городе Мацумото. К тому же выяснилось, что в самой Японии от деятельности секты пострадало большое количество людей. Асахару обвинялся в убийстве 27 человек (13 отдельных эпизодов). Так, по приказу главы секты в 1989 году был похищен вместе с тремя членами своей семьи основатель «Ассоциации жертв “АУМ Синрикё”» юрист Цуцуми Сакамото. Вердикт по этому делу суд вынес только 26 февраля 2002 года. Один из бывших лидеров «АУМ» 38летний Томомитсу Ниими, занимавший в секте пост министра внутренних дел, был приговорен к смертной казни за участие в этом и других убийствах (всего 26 человек), а также за распыление смертельного газа в токийском метро. Позже Ниими заявил, что исполнял приказы Асахары и поэтому его нельзя приговаривать к смерти. В своей заключительной речи он сказал: «Система, в которой присутствует смертная казнь, лишь умножает страдания. Пожалуйста, создайте новую систему, где смертная казнь не нужна».

Двумя годами ранее окружной суд Токио приговорил к смертной казни через повешенье бывшего члена секты Ясуро Хаяси, который в марте 1995 года сыграл ключевую роль в газовой атаке в метро, а до этого участвовал в другом подобном инциденте в Нанано. Именно Хаяси оставил в одном из поездов токийской подземки три пластиковые емкости, наполненные нервно-паралитическим газом зарин, а затем проткнул их наконечником своего зонтика и выскочил из вагона.

Высшую меру получил и Масами Цутия. «Чтобы удовлетворить желание Мацумото, Цутия, сговорившись с другими руководителями секты, разработал теорию оправдания убийств и начал претворять эту теорию в жизнь», — подчеркнули обвинители в заключительном слове. Цутия разработал технологию массового производства не только зарина, но и других отравляющих химических веществ, а также оружие для применения ядовитых газов. При этом Цутия полностью отдавал себе отчет в том, что все его разработки будут применяться в качестве орудия массового убийства. 38летний Цутия признал

свою причастность к производству зарина, газа VX и других смертоносных нервно-паралитических газов, однако категорически отрицал то, что он производил отравляющие вещества с одобрения Асахары и других руководителей секты. Он постоянно подчеркивал свою лояльность к Асахаре.

Все дела, связанные с газовой атакой, рассматривались очень долго. Только рядовые члены секты узнали свои приговоры в 1997–1998 годах. Так, 31-летний Акира Ямагата, был осужден и приговорен к 17 годам тюремного заключения за убийство бизнесмена в Осаке и за нанесение серьезных телесных повреждений двум другим людям при помощи отравляющего газа. Даденито Хамегучи был убит по приказу лидера секты Сёко Асахары, заподозрившего, что тот является агентом полиции. Окружной суд Токио приговорил 33-летнего Хироюки Окада к четырем годам заключения за участие в строительстве крупной фабрики, предназначенной для производства нервно-паралитического газа зарина, и за укрывание винтовки, изготовленной сектой.

В первые годы следствия Сёко Асахара еще огрызался, особенно в тех случаях, когда члены секты говорили, что пошли на преступление по приказу учителя. Его даже несколько раз выдворяли из зала суда за попытку срыва судебного заседания. Когда его вытаскивали из помещения за руки, он сопротивлялся и выкрикивал: «Меня насилуют и терзают!» А на слушании в апреле 1997 года Асахара заявил о своей непричастности к 16 из 17 преступлений, совершенных сектой. (Обвинения по четырем из этих 17 преступлений впоследствии были сняты.)

Несмотря на отчаянные попытки адвокатов, им так и не удалось наладить с ним контакт, он упорно отказывался отвечать на вопросы суда. Все, кто когда-либо присутствовал на процессах по делу Асахары, не перестают поражаться, с каким безразличием он относится ко всему происходящему. «Он либо смотрит с отсутствующим взглядом в одну точку, либо тихо бормочет себе под нос какие-то бессвязные фразы, либо засыпает прямо на скамье подсудимых», — рассказывали участники процесса. Он даже отказался встретиться с младшими из своих шести детей. Следует заметить, что семья давно отошла у него на задний план, а к жене он относился так же, как к любому другому члену секты. Томоко Мацумото поначалу относилась к деятельности мужа неодобрительно. Ей не нравилось, что он целыми днями не бывает дома, занимаясь делами «АУМ Синрикё». В 1988 году между супругами произошла шумная ссора, после которой Асахара приговорил Томоко к 50 дням лишения света. Все это время женщина провела в полной темноте в запертой комнате.

Чтобы сломить волю жены, Асахара распорядился давать ей наркотики, и после окончания 50-дневной пытки жена стала его самой верной последовательницей, занимавшейся производством видеоматериалов и анимационных фильмов для сектантского агитпропа.

Чтение обвинительного заключения Асахары растянулось на четыре часа. Голос судьи Седзи Огавы звучал бесстрастно и тихо, и со стороны могло показаться, что судят какого-то мелкого воришку или неплательщика налогов, а не человека, пытавшегося облачить в белые робы и поставить перед собой на колени 120-миллионную Японию, а затем, чем черт не шутит, возможно, и покорить весь мир. «Он обвиняется в попытке стать правителем Японии путем создания секты «АУМ Синрикё», вставшей на путь вооруженной борьбы. Он обвиняется в убийствах людей, пытавшихся противостоять его заговору. Он заслуживает высшей меры», — медленно выговаривая каждое слово, читал приговор судья. «Хорошо, что его приговорили к виселице. Это то, чего я так ждала. Сегодня утром я побывала на могиле своего мужа и пришла сюда узнать вердикт вместе с его духом. Сейчас я испытала облегчение», — делилась своими мыслями стоящая в толпе Сидзю Такахаси, чей муж был станционным рабочим токийской подземки и задохнулся во время устроенной «синрикёвцами» газовой атаки.

В собравшейся у Токийского окружного суда толпе было немало и тех, на кого даже находящийся под стражей гуру наводил мистический ужас. И слушая этих людей, можно было сделать вывод, что Асахара по-прежнему умудряется контролировать их сознание. А они, сами того не желая, остаются его адептами. «Я уверен, что эта проклятая история никогда не закончится. Я не думаю, что в ней уже можно ставить точку», — заявил Хироюки Нагаока, один из активистов, боровшихся с сектой в середине 1990-х и переживший не одно покушение на свою жизнь со стороны сектантов.

Процесс над Асахарой длился так долго из-за больших перерывов в работе японского суда. К тому же дело осложнялось большим числом рассматриваемых преступлений, а также сложностью предъявленных в ходе процесса улик. Адвокаты пытались сделать все, чтобы помочь Асахаре уйти от ответственности. На последнем судебном заседании они заявили, что все преступления совершались только рядовыми членами секты, которые неверно истолковывали учение гуру. К доктрине секты о «судном дне для нечестивых» Асахара, по утверждениям адвокатов, тоже не имел никакого отношения. Эта доктрина, оказывается, была создана без его ведома. Более того, адвокаты

обратились к суду с ходатайством, в котором рекомендовали обвинителям вообще не считать Асахару главой секты и снять все выдвинутые против него обвинения. Они пытались убедить суд в том, что Асахара сначала действительно был лидером «АУМ Синрикё», но постепенно утратил контроль над ее членами и даже не знал, чем они занимаются.

«За все время, пока длится этот процесс, обвинители ни разу не представили доказательств истинности своих утверждений, — заявил один из адвокатов. — Неужели они действительно полагают, что такая страшная секта, какой они изображают «АУМ Синрикё», смогла бы привлечь к себе такое количество последователей? О каком правосудии может идти речь, если суд допускает подобные манипуляции общественным мнением!» В частности, Ватанабе обвинял суд в сознательном игнорировании важных показаний одного из членов секты Сеитиро Сано. Тот заявил, что совершать все газовые атаки приказывал Хидэо Мураи, один из лидеров секты, позже убитый правыми экстремистами. В ряде случаев, подчеркивают адвокаты, последователи секты извращали смысл термина «поа», который Асахара трактовал как «подведение человека к более высокому уровню сознания», и понимали его как приказ кого-либо убить. В итоге, группа защиты представила суду официальное заключение адвокатов, в котором на 814 страницах были изложены все аргументы в защиту Асахары.

И все же сам Асахара и десять его ближайших помощников были приговорены к смертной казни, остальные 137 сектантов — к лишению свободы на весьма длительные сроки, в том числе и пожизненные. Однако ни один из смертных приговоров так и не был приведен в исполнение. Все приговоренные подали апелляции. По японским законам разрешение на казнь должен подписать министр юстиции, а тот обычно не торопится это сделать. Бывали случаи, когда узники томились в ожидании смерти десятилетиями. Японцы не очень-то любят афишировать такие вещи и стараются приурочить исполнение приговора к государственным праздникам и парламентским каникулам, чтобы не привлекать внимание общественности.

Однако свидетельств того, что «АУМ Синрикё» никуда не исчезнет, вполне достаточно. Полицейские обыски, проводимые сегодня в молельных домах, показывают, что там по-прежнему висят гигантские портреты Асахары. И хотя в 2000 году было зарегистрировано новое название организации — «Алеф», а ее лидером стал Фумихиро Дзиою, все члены секты почитают Асахару в качестве верховного жреца и величают «Его Святейшеством, Духом Истины, Преподобным Учителем», а его

дочь считают наследницей духовной власти гуру. Кстати, частный токийский университет «Вако» исключил ее из списков принятых, потому что администрация посчитала, что присутствие дочери Асахары в стенах учебного заведения может лишить других студентов возможности заниматься в спокойной обстановке.

Таким образом Асахара и его подручные до сих пор не понесли заслуженного наказания. «Суд не вник в наши доводы и механически воспроизвел мнение прокуратуры. Это бессмысленный приговор, и мы его немедленно обжалуем», — заявил главный адвокат Асахары Осаму Ватанабе. В условиях Японии процесс апелляций может растянуться на многие годы, которые для японцев станут косвенным подтверждением того, что с «великим и ужасным» Асахарой ничего поделать нельзя. Тем более что хотя психиатры и признали его «пригодным для смертной казни», то есть психически вменяемым, адвокаты утверждают, что он полностью ослеп, никого не узнает, бормочет что-то нечленораздельное и делает неопределенные жесты, то есть не способен ознакомиться с материалами дела, а значит, и понести наказание… Но 27 марта 2006 года Токийский верховный суд отказал в помиловании Сёко Асахаре. Формальным поводом для отказа в прошении о помиловании стало то, что адвокаты подали его чуть позже установленной даты. Теперь суд имеет право окончательно утвердить смертный приговор без каких-либо слушаний. В том случае, если это произойдет, Сёко Асахара будет повешен.

notes

1

Сенешаль, или сенешал, — в южной части средневековой Франции королевский чиновник, глава судебно-административного округа (сенешальства); на севере Франции ему соответствовал бальи. Превос XI века называли королевского чиновника, обладавшего судебной, фискальной и военной властью в пределах административно-судебного округа. В XIII веке прево были поставлены под контроль бальи на севере Франции и сенешаля — на юге.